

XX

век

ИСТОРИЯ ТУРЦИИ

Н.Г. Курсов

ИСТОРИЯ
ТУРЦИИ

XX век

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

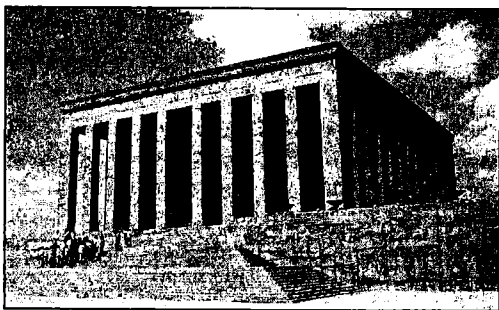
Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

Р. Б. Рыбаков (главный редактор),
В. М. Алпатов, А. З. Егорин (отв. редактор тома), И. В. Зайцев,
В. А. Исаев, В.Я. Белокреницкий, Н. Г. Ульченко,
Ю. В. Чудодеев (ученый секретарь серии)

Н.Г. КИРЕЕВ

ИСТОРИЯ ТУРЦИИ XX ВЕК

**Москва
Крафт+ ИВ РАН
2007**

УДК 94(560)''19''

ББК 63.3(5Туц)6

К 43

Ответственный редактор тома *А.З. Егорин*

Редактор издания *Г.В. Миронова*

Киреев, Н.Г.

К 43 История Турции XX век / Н.Г. Киреев. – Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с. – ISBN 978-5-89282-292-3

В монографии кратко изложена история возникновения и развития турецкого государства до начала XX в., подробно проанализированы основные этапы развития Турции в XX в. – от молодотурецкого движения до прихода к власти правительства «умеренного» ислама в начале XXI в. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Может быть использована для преподавания в вузах курсов всеобщей истории и новейшей истории Востока.

Автор монографии – известный специалист по новейшей политической и социально-экономической истории Турции. По указанной тематике его перу принадлежит ряд книг и статей.

ISBN 978-5-89282-292-3

9 785892 822923

© Н.Г. Киреев, 2007

© Институт востоковедения РАН, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Турецкая Республика – государство, расположенное на двух континентах – в Европе и в Азии¹. Её площадь – 814 578 кв. км. Население – 71,3 млн. человек (2003 г.). Немалое число граждан Турции (3 млн.) проживает в других странах (главным образом западноевропейских). Среднегодовой доход на душу населения – 2530 долл. (2001 г.). Доля городского населения – 64,9 %. Уровень грамотности – 82,3% (мужчины – 91,7%, женщины – 72,4%).

Европейская Турция составляет по площади незначительную часть от всей территории, но здесь находится самый крупный город страны – Стамбул с населением в 10 млн. человек. Азиатская Турция, или Анатолия, занимает полуостров Малую Азию, где расположены столица – Анкара (4 млн. человек) и другие крупные города – Измир (3,4 млн.), Адана (1,8 млн.) и др.

Европейскую и азиатскую части страны разделяют проливы Босфор и Дарданеллы, Мраморное море. Черноморские проливы имеют важное экономическое и военно-стратегическое значение для Турции и других черноморских государств.

В подавляющем большинстве население Турции – это турки, в стране проживают также несколько десятков тысяч греков и евреев (в основном в Стамбуле и Измире), армян и лазов; выходцев с Северного Кавказа, которые в обиходе объединены общим именем – черкесы. Самое многочисленное национальное меньшинство – курды, они проживают преимущественно на востоке и юго-востоке страны. Последние данные по их численности были представлены в официальной переписи 1965 г. Тогда на курдском языке разговаривало 2,3 млн. человек.

По вероисповеданию подавляющее большинство населения – мусульмане (99%), в основном сунниты. Ислам в недавнем прошлом был государственной религией, ныне демократический принцип свободы религии увязывается с другим – секуляризмом. Это не означает, что страна по своим традициям, культуре перестала быть частью всего мусульманского мира, она – член международных и региональных исламских организаций. Два религиозных

праздника – Рамазан и Курбан-байрам включены в перечень национальных праздников.

Остальные верующие – христиане (православные, григориане, католики и т. д.), иудаисты. В прошлом Малая Азия была одним из основных центров распространения раннего христианства. Здесь проповедовал апостол Павел, родился Николай Угодник, и сейчас паломники и туристы посещают часовню, где, по преданию, скрывалась Дева Мария. Во времена существования здесь крупнейшего христианского государства средневековья (IV–XV вв. н. э.) – Византийской империи её население было в основном греческим и славянским (на западе), армянским и грузинским (на востоке).

Согласно конституции Турция – унитарное светское государство в форме республики (Türkiye Cumhuriyeti) с президентом, парламентом (Великое Национальное Собрание Турции – меджлис) и правительством, формируемым по итогам очередных парламентских выборов.

* * *

В течение многих веков территория страны была не только кратчайшим караванным путем, соединявшим Азию, Африку и Европу, но и ареной жестоких сражений, завоевательных походов и нескончаемых миграций племён и народов, в результате которых исчезали одни государства и возникали другие. По дорогам Малой Азии проходила армия Александра Македонского, войска крестоносцев, воины Тимура...

В XI в. в Малой Азии стали особенно активно расселяться и создавать свои уделы (бейлики) тюрки-сельджуки – пришельцы-кочевники из туркменских (огузских) племён Центральной Азии. Эта племенная ветвь названа по имени их предводителя Сельджука (X – начало XI вв.), создавшего династию Сельджукидов.

Победа сельджуков над византийцами под Малазгиртом (Манцикертом) в 1071 г. многими историками считается свидетельством окончания в Малой Азии эпохи христианского, греческого (румского) владычества и начала новых форм государственности – тюркско-мусульманской. Эта победа, нашедшая на Востоке шумный отзвук, передала Малую Азию Сельджукидам. Огузы легко и быстро проложили дорогу в глубь страны, отряды акынды («налётчиков») временами лавинами подступали к Черноморскому

Проливу, к воротам столицы Византии – Константинополю. Недавние пришельцы прочно осели в Малой Азии, они уже «не кочевники, бродящие с места на место, занятые исключительно поисками пастбищ. Они думают о создании государства» – Конийского (Румского) султаната, и его столицей становится Иконииум (совр. Конья) ².

Объединение сельджуками к XIII в. почти всей Анатолии в единый Румский султанат способствовало оживлению торговли, его столица Конья насчитывала до 100 тыс. жителей, стала благоустроенным городом с развитым ремеслом, торговым обменом, множеством мечетей, медресе, бань. Владениями султаната стали побережья омывающих Малую Азию теплых морей – в 1207 г. они завоевали Анталью, в 1214 г. – Синоп.

Российские историки отмечают интенсивный в этот период процесс разложения родоплеменного строя среди тюркских племён, обосновавшихся в Малой Азии ³. Этносоциальные конфликты между оседлой и кочевой частью населения подрывали стабильность этого государственного образования. После 1243 г. Конийский султанат стал вассалом монгольских ильханов Ирана. К 1307 г. султанат окончательно распался на мелкие княжества.

Одно из них было представлено перекочевавшим под натиском монголов в Анатолию огузским племенем кайя. Жизнь этого племени продолжилась сначала в районе Эрзурума, пока туда не пришли монголы, затем в Караджадаге (окрестности Анкары), затем поредевшее племя (оно насчитывало всего 400 шатров) во главе с Эртугрулом Гази перебралось далее на запад в район Сёгюта. В 1231 г. Эртугрул, будучи командиром отрядов акынды, отличился в походе сельджуков против изникских византийцев. В 1279 г. он был назначен беём уджа (военного поселения) Сёгют. После его смерти (1281 г.) вождем племени и беём уджа старейшины избрали его сына Османа, а после нескольких военных успехов соответствующий фирман ему был послан сельджукским султаном. В 1289 г. власть Османа была закреплена «сверху» присланными дарами – бунчуком, саблей, конем с серебряной упряжью ⁴. Так небольшой приграничный удел стал ядром будущей мировой империи средневековья.

Османскому бейлику удалось возвыситься над остальными племенами также и за счёт второй волны притока тюрок-переселенцев из Средней Азии. Среди беженцев было много горожан,

улемов, торговцев и ремесленников. Как считает Х. Иналджык, уже «в XIII веке Анатолия во всех отношениях стала выглядеть родиной турок, проезжая Восточную Анатолию в 1279 г., Марко Поло упомянул эту территорию как *Туркмению*»⁵. С 1289 г. Осман начал расширять за счёт византийских земель границы своего небольшого владения. Столицей этого государства в 1326 г. (при сыне Османа – Орхане) стал город Бруса (Бурса). Постепенно бейлик распространил свою власть по всей Анатолии, а затем и на Балканах.

Турецкие историки, повествуя об исходных причинах возникновения мировой империи, убеждены, что сильнейшим фактором при этом стала идеология газавата. «Обратившийся к газавату на землях Византии и Балкан бейлик Османа в короткое время овладел обширными территориями... Завоевания и переход к оседлости на Балканах способствовали превращению бейлика в империю уже при Баязите Молниеносном...»⁶

Миграционные потоки, происходившие и мирным расселением, и захватом территорий, уже тогда сопровождались идеологией ислама и восхвалением борьбы с врагами, неверными и еретиками, причём отступники из среды мусульман также составляли серьёзную угрозу для суннитов-огузов. Последние стали активно привлекать и на новой родине проповедников-дервишей, наследников влиятельных кругов туркестанской суннитской общины. Централизующая суннитская идеология вносила организационное начало в охваченные шиизмом ближневосточные общества. Позже, после наведения «внутреннего порядка», идеология газавата окончательно превратила боевые дружины мусульман в передовой отряд ислама в борьбе с христианством, хотя постоянное преследование шиитов в Турции, пусть завуалированное, не прекратилось до наших дней. Благодаря дервишам Ахмеда Есеви Анатолия полностью поменяла свой облик. Хорасанские дервиши выполняли на этой земле волю основателя ордена: «Садись на лошадь и отправляйся на запад; там, где лошадь стала, спешивайся и начинай служить». Эти дервиши-акынды появились после того, как сила тюрок была объединена в исламе, их молитвы, произнесённые с мимберов в одну из пятниц 1071 г., призвали к единению всех тюрок. «С этими молитвами и восторгами люди вошли в Малазгирт; проявляя героизм и веру в Аллаха, помяная Кылычарслана и Мевляну... они вскоре овладеют Анатолией»⁷.

Другие авторы называют основные составляющие газавата – «связь *текке-казарма* в широком смысле – это связь *религия-джихад*, а в османской цивилизации такая связь представлена единением янычар с бекташи»⁸. О значимости газавата у сельджукидов писал и В.А. Гордлевский, подчёркивая, что в Малой Азии Сельджукиды жили, окруженные «областью войны» и, устремляясь на христиан, совершали формально газават – священный набег, рекомендуемый, поощряемый воинствующим исламом»⁹. Территорией, где происходило противостояние воинов креста и воинов газавата, была и Анатолия. Несомненно, при близком и постоянном общении с византийцами, их пышным и расточительным двором у суровых сельджукских воинов и их *гази* зрела и укреплялась мечта о том, что их меч, освящённый верой в Аллаха, подобно золотому ключику, откроет врата в некий счастливый и благополучный мир – примерно такой, в каком жили «заевшиеся» византийцы. Непрерывавшееся продвижение на запад тюркского кочевого населения под знаменем газавата сопровождалось, безусловно, прежде всего исламизацией, а потом и тюркизацией Анатолии. Складывавшаяся в Османском государстве из различных тюркских племён и оставшегося местного населения мусульманскую народность стали называть турками-османами, после появления янычар орден Бекташи стал их духовным покровителем. Это элитное пешее войско султана – янычарский корпус было учреждено при Мураде I в 1363 г. (1365 г.?), что также способствовало победам османов – ведь средневековые европейские государства в это время ещё не создали регулярной пехоты, её роль выполняли иностранные наёмники¹⁰.

На начальном этапе своей государственности турки-османы понесли крупное военное поражение – в 1402 г. близ Анкары от грозного Тимура. Их султан Баязид оказался в плену и вскоре там умер, турецкие историки пишут, что он покончил с собой. Спустя десяток лет османы сумели восстановить свои силы и продолжить завоевания. Даже этот случай в истории Дома Османов не мог прервать династию, ибо выбрать наследника не составляло труда – жены и наложницы падишаха рожали и девочек и мальчиков достаточно регулярно и в немалом количестве¹¹.

С захватом в 1453 г. турками-османами Константинополя, после многих недель осады и кровопролитного штурма, прекратила

существование Византийская империя. Её поверженная столица на три дня была отдана на разграбление войскам султана. Правда, в руки турок не попало и половины того, что захватили и уничтожили крестоносцы ранее в одном из своих походов при взятии Константинополя в 1204 г., но богатства и на этот раз были захвачены огромные, а ущерб, нанесенный культурному наследию, был невосполнимым¹².

С этого момента началась полоса расцвета Османской империи, превратившейся в могущественное государство средневековья. В его руках оказались важнейшие мировые стратегические и торговые пути того времени. После захвата Константинополя Мехмед II ликвидировал независимость Сербии, завоевал Боснию, Герцеговину, Грецию, установил свою власть над дунайскими княжествами – Молдавией и Валахией, над Крымским ханством, подчинил себе почти всю Анатолию. Сельджукский газават трансформировался в османский, имперский, теперь священный меч пробивал падишаху и его войскам дорогу уже в другое царство благополучия – богатую Европу, к воротам Вены, и призом здесь для них представлялось «кызылэльма» – некое золотое («красное») яблоко («держава») – символ власти, который держит в своих руках император Священной Римской империи. Турецкое нашествие стало постоянной угрозой для многих государств Европы¹³.

Для турок это было поистине новым временем – по невиданным темпам и продолжительности захвата под знаменем газавата все новых и новых территорий, преобразований во многих сферах амбициозной молодой империи – в военной организации, хозяйственной жизни, идеологии.

Уместно отметить, что уже в ранний период империи, при султани Баязиде II (1481–1512 гг.) через посредничество крымского хана были установлены дипломатические контакты с Московским государством. Это государство тогда не представляло угрозы империи – такой угрозой были Польша, Литва и Золотая Орда. В 1492 г. Баязид II отправил в Москву посольство, которое, правда, не было пропущено через литовские владения. Он же в 1496 г. предоставил Ивану III право для его подданных свободно торговать на всех территориях империи. Это было связано с намерением Баязида II примирить интересы крымского хана с Москвой, однако этого не случилось, впереди предстояла борьба между

Москвой и Крымом за Казанское и Астраханское княжества. В 1497–1499 гг. в Стамбул впервые приезжали русские послы¹⁴.

В экономике первые века имперского владычества были отмечены в первую очередь строительством мечетей и дворцов, но не только этим – можно говорить об обустройстве городов, сооружении обширных крытых рынков, караван-сараев, источников воды. Османские купцы (мусульмане, греки, армяне, евреи) вытесняли торговцев-«франков», в их торговых списках были бурский шёлк, стамбульское и салоницкое сукно, адрианопольские кожи. Большое распространение получили вакуфы с их социальной деятельностью благодаря обширной недвижимости, связям с орденами. Например, в Анатолии в 1528 г. в качестве вакуфного имущества было зарегистрировано 45 благотворительных помещений, 342 мечети, 1095 медреситов, 110 медресе, 625 больших и малых обителей, 75 крупных постоянных дворов и караван-сараев, 238 бань и т. д. После перестройки Стамбула также с участием вакуфов Бурса, Изник, Эдирне, София, Ускюп, Енишехир, Монастир и др. подверглись стремительному архитектурному преобразованию в мусульманский город. В качестве учреждений науки было создано рядом с мечетью Фатих 8 специальных медресе, куда «была открыта дорога для всякого способного юного мусульманина», они содержались на вакуфные средства. Помимо религиозных дисциплин, там преподавались медицина, астрономия, математика. В упомянутой работе Иналджык приводит итоги переписи населения Стамбула через 25 лет после его захвата: из 14 803 семей города 8951 были мусульманскими, 3151 – православными, 1647 – иудейскими и др. В подсчёт не вошло османское воинство.

После захвата Константинополя в империи была установлена система религиозных общин (миллетов): греко-православной (с 1454 г.), армяно-григорианской (с 1461 г.) и иудейской (с 1393 г.). Правовое положение подданных империи определялось принадлежностью к таким общинам¹⁵.

С самого начала Османское государство сложилось как военно-феодальное. Экономика империи базировалась на сельском хозяйстве, а оно, в свою очередь, на мелком землепользовании, основой хозяйствования была семейная ячейка – *чифтхане*. Сама земля считалась по большей части собственностью государства, земельный режим *мири* предоставлял государству контрольные и

регулирующие полномочия над всем крестьянством. Прежде всего земли мири – это те, которые были под зерновыми, а питание больших масс людей, города, армии зависело от зерновых прежде всего ¹⁶.

Своего высшего политического могущества и максимума захваченных территорий империя достигла при Сулеймане Кануни (1520–1566 гг.). Что касается связей турок со своей прародиной, с туркестанскими тюрками, они сохранялись на протяжении веков, причём более поздние пришельцы составляли в империи уже отдельную социально-этническую категорию, наиболее активную в завоевательных походах султана. Они вели, как правило, кочевой образ и даже назывались – *туркмены*. Вместе с тем шиитский Иран стал со временем серьёзным препятствием в сохранении и тем более упрочении этих связей. Таким препятствием стала и Россия, когда присоединила в 1556 г. Астраханское ханство и вышла со стороны Поволжья к Северному Кавказу, в то время как на западе северокавказского региона распоряжались крымские ханы, с 1475 г. – вассалы Османской империи. Характер отношений Крыма с народами Северного Кавказа описан В.Д. Смирновым, который, в частности, отмечал, что одновременно с «родственно-дружелюбными отношениями Крымских ханов к одним черкесским племенам у них вечно продолжались нелады с другими» ¹⁷.

Другой историк, также Смирнов (Николай Александрович), уже в середине XX в. более подробно раскрыл характер отношений Турции и Крыма с народами Северного Кавказа. «Только с конца первой четверти XVI в. можно датировать начало турецкого военного проникновения на Кавказ. Хотя в руках турок к этому времени были Крым и устье Дона и даже отдельные пункты побережья, но всё же турецкое продвижение на Кавказ началось не с севера, а с юга, со стороны Трапезунда (морским путем) и Курдистана и Армении – сухопутным. Постепенно и не без труда турки создают на Черноморском побережье свои опорные пункты, которые затем уже во второй половине XVI в. превращаются в небольшие крепости: Сухуми, Гагры, Суджук, Темрюк и др. Турки попытались установить нечто вроде военного протектората над узкой прибрежной полосой... Восстановить во всех подробностях путь турецкой экспансии на Кавказ через Крым и Азов труднее и сложнее, чем проследить их движение по

южному пути. Ведь здесь одновременно действовали турецкие и крымские захватчики! Что касается Турции, то она доказывала, что все крепости на Черноморском побережье построены руками турок и никогда не были в татарских руках, почему Крым и претендовать на них и на побережье не имеет права. Исключение турками сделано только для Тамани»¹⁸.

Присоединение земель Казанского и Астраханского ханств к Московскому государству оценивается турецкими историками как чрезвычайно важное историческое событие. «Исламские государства, – пишет А. Сайдам, – которые могли бы оказать Казани помощь, были слишком далеко. Могучее государство того времени, османское, не слишком интересовалось тамошними делами. Казань оказалась одинокой перед постепенно усиливавшимися русскими. Падение Казанского ханства стало поворотным моментом и для русских, и для тюркских стран... В руки русских перешла Астрахань, открылся путь в Каспийское море... Завоевание Казани и Астрахани стало не только началом Российской империи, это было, по словам Пола Хенце, началом “русского вопроса”, означающего угрозу Османскому государству. С тех пор на протяжении веков самые важные внешние проблемы Османского государства возникали либо напрямую из-за России, либо при её поддержке». На этих же страницах своей книги А. Сайдам с сожалением пишет, что «в те времена Османское государство определять в этом регионе политику полностью предоставило ханам и само этим не занималось, более того, оно русских не замечало. Когда русская опасность открыто себя проявила, было уже поздно. Ибо предоставленная сама себе и сумевшая спокойно усиливаться Россия при Иване III и особенно при Иване IV (Грозном) приобрела в Европе огнестрельное оружие и создала сильную армию. Кроме того, она создала прочные оборонительные линии против крымских набегов». Он пишет: «Некоторые черкесские, ногайские, чеченские беи признали верховную власть Ивана IV, некоторые из них, даже отказавшись от веры отцов, предпочли христианство. Не удовлетворившись достигнутым, русский царь, чтобы ещё больше использовать черкесов, вмешался в их внутренние распри. Так, кабардинский принц Темрюк в борьбе с соперниками использовал дружбу с Иваном. Он отослал в Москву своего сына как заложника, а дочь выдал замуж за царя. 20 августа 1561 г. принц Кабарды предоставил га-

рантии безопасности русским купцам, согласился на сооружение вдоль Терека оборонительных укреплений»¹⁹.

После присоединения территории Астраханского ханства московские цари, включая Ивана Грозного, не стремились усложнять и без того непростые отношения с Крымом и все ещё могущественной Турцией. Правда, по просьбе грузинских и кабардинских князей, искавших у России защиты от Турции, во второй половине XVI в. в районе нынешнего Кизляра была поставлена русская пограничная крепость, именовавшаяся терским городком (Терки), и за время существования, из-за разливов и наводнений, неоднократно переносившаяся с места на место. Городок «был поставлен на скрещении путей, ведущих на юг – в Дагестан, Персию и страны Закавказья, на запад – к Черноморскому побережью, на северо-запад – к Азову и на Дон, на северо-восток – к Астрахани. Подобное местоположение делало его военно-стратегическим и торговым пунктом южной окраины Русского государства»²⁰. В 1569 г. Турцией совместно с крымским ханом была предпринята попытка захватить Астрахань – не столько в плане борьбы с Россией за Поволжье, сколько для использования его в нуждах шедшей тогда войны с Ираном. Попытка обернулась крупной неудачей – Астрахань взять не удалось, а отступление по безводной, так называемой «кабардинской дороге» оказалось для армии ещё более губительным, чем сами военные действия²¹.

Цитируемый выше А. Сайдам считает, что цели астраханского похода были намного шире, среди них было желание «ликвидировать русскую угрозу, не дать русским препятствовать совершению хаджа паломникам из Туркестана и Северного Кавказа, обеспечить совместные с туркестанскими ханствами действия против Ирана; согласно же черкесским источникам, османский падишах стремился справиться с черкесами и распространить на них мусульманскую веру». Он пишет, что в отличие от дагестанцев и ногайцев принятие черкесами ислама оказалось возможным в конце XVIII – начале XIX вв.²²

Набеги из Крыма совершались не только на Кавказ, они опустошали Украину, достигали порой и Москвы. В Крыму процветала торговля и пленными кавказцами, и захваченными во время набегов на север славянами. Турецкие крепости запирали выход с Дона и Днепра в море, препятствуя казакам ловить рыбу, добывать соль, торговать. В 1637 г. донские казаки совместно с отря-

дом запорожцев овладели турецкой крепостью Азов, закрывавшей выход в Азовское море, и продержались в ней пять лет. Долго своими силами казаки обороняться не могли и обратились за помощью к Москве. Собранный в 1642 г. по этому поводу Земский собор высказался против принятия Азова «под руку» царя, так как это означало бы войну с Турцией, и казаки вынуждены были оставить Азов²³.

Османская империя теряла свое экономическое и военное превосходство над Европой с XVI в., а к концу следующего стали очевидными её внутривосточные разногласия, определяемые обострением экономических проблем, неизбежно сопровождавших начавшийся *период остановки*. Победоносные завоевания завершились, главного средства обогащения в период остановки – грабежа завоеванных территорий, получение военной добычи, рабов и дани – уже не было. До тех пор, пока основным занятием османской элиты, военной и гражданской, являлась война, пока этот источник кормил и обогащал её, такая система существования империи считалась единственно оптимальной и не подлежала замене. Вместе с тем уже с конца XVI в., вследствие роста доходности земли, она постепенно «пошла по рукам» – началась концентрация земель в руках уже не только военачальников, но и гражданской бюрократии – столичной и провинциальной знати (аяны, эшраф), торговцев, ростовщиков и т. п.²⁴

Так в это время складывались предпосылки упадка империи, причём ряд причин такого упадка свидетельствовал, что убежденность в бесконфликтном сосуществовании народов империи не соответствовала истине, позже станет очевидным, что одной из важнейших причин её упадка и затем распада стали этноконфессиональные противоречия.

Наиболее ярким свидетельством ослабления военной мощи империи стало её поражение в 1683 г. под Веной. С этого времени началось последовательное отделение от Османской империи завоеванных ею территорий в Европе, причём впервые со всей очевидностью опасным противником проявила себя Россия. Пережив трудные, «смутные» времена, она нашла силы на рубеже XVII–XVIII вв. начать борьбу за выход к Черному морю, чтобы укрепиться на его берегах и обезопасить себя от набегов крымских татар, во имя стабильного развития российской торговли на Чёрном море²⁵. Эти действия сказались на наступательных

возможностях турок в Центральной Европе, что облегчило разгром Австрией и Польшей турецкого войска под Веной. Поражение под Веной стало в истории вехой, обозначившей начало периода отступления Османской империи из Европы, возникновения так называемого Восточного вопроса.

Крымские походы 1687 и 1689 гг., особенно неудача первого Азовского похода Петра I в 1695 г., показали, что Турция осталась для России опасным противником. Лишь построив в Воронеже флот, русской армии удалось на следующий год, в 1696 г., захватить турецкую крепость Азов. На Карловицком мирном конгрессе (1699 г.), подведшем итог войны «Священной лиги», Россия заключила с Османской империей перемирие, закрепленное затем в 1700 г. мирным договором. По нему Россия сохранила за собой Азов с прилегающими землями и добилась отмены ещё существовавших ежегодных выплат крымскому хану²⁶.

В начале XVIII в. Турции сопутствовали некоторые временные успехи – окружение армии Петра I на Пруте в 1711 г., повлекшее за собой отказ России от Азова, отвоевание Мореи у венецианцев в 1715 г. и пр. Но эти успехи были непрочными, надвигалась новая война с Россией, стремившейся вернуть Запорожье, Азов, Таганрог. Турция же, со своей стороны, явно рассчитывала умножить достигнутые недавно успехи. В начавшейся в 1735 г. войне русские войска заняли Азов и вышли к Чёрному морю в устье Днепра и на берега Крыма, где командовал фельдмаршал Миних²⁷. В войну включилась Австрия, русские войска овладели Очаковым, Бахчисараем, турки поспешили заключить мир. Подписанный в 1739 г. Белградский мирный договор, ввиду дипломатической поддержки, оказанной туркам Францией, признал границу с Австрией по Дунаю и Саве. Этот договор далеко не соответствовал успеху русского оружия, но Турция окончательно потеряла Азов (и Таганрог), правда, Россия не получила право иметь здесь укрепления. Договор запрещал России иметь не только военный, но даже торговый флот на Азовском и Чёрном морях²⁸.

Все эти события свидетельствовали, что о торговом использовании Чёрного моря российскими купцами ещё в начале XVIII в. говорить было преждевременно, торговля России через Чёрное море как с Османской империей, так и со средиземноморскими странами продолжала оставаться в зачаточном состоянии. Лишь Белградский мирный договор открывал России возможности на-

чать торговые перевозки по Чёрному морю. Статья 9-я этого документа предусматривала свободу торговли между подданными двух стран, однако оговаривала, что «русским подданным торговля на Черном море дозволяется лишь на кораблях подданных Османского государства»²⁹. Вслед за этим по требованию коммерц-коллегии и сената резидент в Стамбуле Вешняков и сменивший его затем Неплюев начали отправлять в Санкт-Петербург реляции о торговых возможностях Турции, её торговых партнёрах, условиях торговли, пошлинах и т. д. Представлены были копии трактатов о торговле с Англией, Францией, Голландией.

Адриан Неплюев (резидент в Стамбуле в 1746–1751 гг.) указывал в своих посланиях на необходимость учреждения в Стамбуле одного-двух русских торговых домов, писал, что рекомендованы должны быть люди достойные, «не подлые и не пьяные».

Одновременно русский дипломатический представитель вёл переговоры и с иностранными купцами, действовавшими в Стамбуле – венецианцами, голландцами и др., проявившими интерес к возможности открытия торгового пути между Стамбулом и Черкасском (в устье Дона). Особый интерес был при этом проявлен к таким товарам из России, как горностаи, соболь, норка, белка, белая и красная лисица, корсак, хорь, куница, белая и черная кошка, каракуль. Помимо мехов компания намеревалась закупать икру, масло, юфть, воск, мёд, сало. В Россию компания готова была поставлять сушёный виноград, орехи, вино, лимонный сок, хлопчатую бумагу, деревянное масло, финики, головной сахар, ладан и прочие овощи, и ароматы³⁰.

Мирные торговые отношения отнюдь не стали определяющими во взаимоотношениях Османской империи с Россией. Османская правящая элита ещё не осознавала своего нового места в мировой политике того времени и не теряла надежды вернуть захваченные территории, это особенно касалось России, которая, казалось, совсем недавно терпела поражения, возвращала Азов и т.п. С другой стороны, Россия, почувствовав свою силу, стремилась окончательно обезопасить свои южные границы от набегов крымских татар, закрепить и расширить завоёванные ею позиции на Чёрном море.

В этих условиях стала неизбежной русско-турецкая война 1768–1774 гг., начатая Турцией. Русскую армию возглавил П.А. Румянцев, под командованием которого в 1770 г. были

одержаны победы в Бессарабии – у Ларги, где турки потеряли около 3000 человек против 100 убитых русских, и у реки Кагул. Армия Румянцева захватила несколько турецких крепостей, а русский флот под командованием адмиралов Г.А. Спиридова и С.К. Грейга, пройдя из Балтийского моря в Эгейское, блокировал турецкий флот в Чесменской бухте и затем уничтожил его, что обеспечило русскому флоту господство на Эгейском море и блокаду Дарданелл. В июле 1774 г. Румянцев заключил выгодный для России Кючук-Кайнарджийский мир, который стал «поворотным пунктом в развитии международных отношений Оттоманской империи», продемонстрировал «резкое изменение соотношения сил в черноморском бассейне»³¹. Османская империя признала независимость Крымского ханства; право российских торговых судов плавать беспрепятственно по Черному морю, проходить через Черноморские проливы; присоединение к России Азова, Керчи и других территорий; покровительство России над Молдавией и Валахией и над православной церковью в Турции³².

В 1783 г. Екатерина II присоединила Крым к России, последний крымский хан Шагин-Гирей признал власть императрицы. Россия получила земли и по Кубани.

После присоединения к России Крыма и Грузии, пишет А. Сайдам, Османское государство признало свою прежнюю политику в отношении Кавказа ошибочной и недостаточной, сосредоточила свое внимание на Кавказе, который имел важную значимость для восточных границ империи. Чтобы сохранить против России свои земли в Азии, Османское государство намеревалось превратить Черкессию в приграничную территорию. Посетившие после Кючук-Кайнарджийского договора берега Черкессии Каптан-ы Дерья Гази Хасан паша и Джаникли Али паша в представленном докладе утверждали, что, приобщив черкесов к цивилизации, их можно сделать зависимыми от империи, превратить в заслон перед наступлением с севера. Помимо этого, берега можно было, по их словам, обустроить так, чтобы они смогли заменить потерянные крымские порты. Правительство (Бабиали), найдя эти соображения верными, предположило, что из черкесов можно создать военную силу в восемьдесят тысяч человек, после чего начало действовать, чтобы распространить здесь ислам «во имя того, чтобы отдалить народ от традиций идолопоклонства». Эта обязанность была возложена на Ферах Али пашу, который был

известен своим обслуживанием сражений, своей набожностью и моральной чистотой. Назначенный в 1781 г. в сторожевые войска Согуджака, он оказал благотворное воздействие на черкесов. Он добился успехов в привитии им османской культуры, занимаясь также и строительством. Заново были построены порт Геленджик (прежде всего Согуджак), а также Анапа. «Благодаря активности османских государственных деятелей среди черкесов, чеченцев, лезгин и грузин распространился ислам. С учреждением губернаторства Согуджак (позднее Анапа) было обеспечено привязывание местных племён к центру. Крымские порты были в некотором роде заменены портами в Черкессии. Таким образом, беспокойство, вызванное продвижением русских, распространилось также и на черкесов и дагестанцев, что упрочило влияние среди них Османского государства». Автор пишет, что Порты, для поддержания в орбите своего влияния ханов Дагестана и Азербайджана, черкесских племён, оказывало им всяческие знаки внимания, посылала подарки. Однако происходившие между ханствами военные конфликты, а также нарушение даваемых Порте обещаний препятствовали успехам здесь османской политики.

В то же время народы Кавказа не намерены были легко покориться России. Они постоянно использовали любую возможность, чтобы оказать ей сопротивление. Самый первый тому пример – выступление в 1783 г. тариката накшбеди под руководством имама Мансура.

Военные действия на Кавказе против России приняли острый характер, превратились в религиозную войну – *кавказский газават*. Рядом с Мансуром в качестве добровольцев находились анатолийские турки. Мансур был первым имамом, сражавшимся за политически независимое государство в регионе. Когда началась русско-турецкая война 1787 г., Порты призвала имама Мансура и других ханов начать войну против русских. Тем более что в небольших масштабах кавказцы вооруженную борьбу против русских уже вели ³³.

С другой стороны, развивая идею создания своего «пояса безопасности» против Османской империи, Екатерина II обдумывала осуществить так называемый «греческий проект», согласно которому турок следовало изгнать из Европы и воссоздать греческую империю. Речь шла уже не о прямом захвате Дарданелл и Босфора, а об установлении политического контроля над Проли-

вами, о режиме Проливов, обеспечивающем безопасность черноморских берегов России. Проливы, как и полуостров Пелопоннес, и Крым, и Балканы, должны были войти в «буферную зону», прикрывающую границы Российской империи.

Начав в 1787 г. очередную войну с Россией с целью возвращения Крыма и других территорий, Османская империя стремилась вовлечь в эту войну и народы Северного Кавказа, призывала к этому имама Мансура и других ханов, тем более что, как пишет уже цитированный нами турецкий автор, они долго оказывали сопротивление русским, пусть и незначительное. Однако, по признанию автора, «отсутствие должной помощи от Османского государства в виде оружия, провианта, планов и программ», а также обещание русских установить с черкесами, кабардинцами, дагестанцами вечный мир «помешали одержать победу». Турция потерпела в этой войне поражение в результате успехов русских войск под командованием А.В. Суворова, Г.А. Потёмкина, Н.В. Репнина, русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова³⁴. Завершилась война Ясским мирным договором 1792 г., по которому Турция окончательно признала присоединение Крыма и Кубани к России. Новая граница была установлена и по Днестру, Турция отказалась также от претензий на Грузию.

Турецкие историки отмечают по этому поводу, что войну начало Османское государство с тем, чтобы вернуть Крым, но потерпело поражение. Территориальные потери Османского государства оказались весьма значительными, «но что самое главное – русская опасность стала более серьёзной, русские стали господствовать на Черном море... Эта война показала, насколько ослабело османское могущество; именно поэтому впервые была осознана необходимость обращаться за помощью к европейским державам, используя политические перемены и прогресс в Европе»³⁵.

В этот же период туркестанские государства Бухара, Коканд, Хива, Кашгар, Афганистан и Туркменистан все чаще и настойчивее просили поддержки у империи, прежде всего военной, но было уже поздно – самыми активными игроками в этом регионе стали покончившая со своим «смутным временем» Россия, Англия и Китай.

Кавказ оказался под властью России, тем более что шиитский Иран по-прежнему оставался препятствием на пути осман к Кавказу и Центральной Азии – так, по крайней мере, считают турец-

кие историки. Вместе с тем культурные связи, просвещение, организация хаджа и всё, что относилось к религиозным функциям султана как халифа, были заметными в отношениях с Туркестаном. Военно-политическое сотрудничество при всем желании обеих сторон было затруднительным: в годы продвижения на Запад туркам было не до туркестанцев, а позже этому помешала прогрессирующая слабость империи при одновременном укреплении российской государственности³⁶.

Неудачно, с потерями территорий, воевала Турция в XVIII в. и с Венецией. Она также была вынуждена признать за Россией и Австрией право покровительствовать христианскому населению империи. В 1798 г. в Египте появился Наполеон, начались первые сражения с французской армией. Ушло в прошлое османо-турецкое сотрудничество в европейских делах, началось сближение с Англией.

Военные поражения сопровождались дальнейшим ослаблением центральной власти и ростом сепаратизма местных феодалов. Иналджык считает, что именно в это время аяны, провинциальная знать, превратились в полновластных хозяев провинций. Нараставшее недовольство в османском обществе время от времени находило свое выражение в массовых социальных потрясениях.

Отмечался и упадок культуры, население оставалось почти сплошь неграмотным. Светского обучения практически ещё не было, в исламских же школах (медресе) обучалось лишь небольшое число учащихся. Весьма примечательное сравнение: только в 1729 г., т. е. намного позже появления в Европе первой печатной книги на изобретённом Иоганном Гутенбергом печатном станке (Библия в 2-х томах, 1452–1456 гг.), также позже «Апостола» Ивана Фёдорова (1564 г.) появилась первая печатная книга на османском – в типографии, которую организовал выходец из Венгрии Ибрагим Мютеферрика.

Преобладало средневековое невежество и религиозный фанатизм. Носители «народного ислама» – дервишские ордена усиливали суеверие и предрассудки в народе. Ордена и их обители получили распространение по всей территории империи, в XVIII в. в одном Стамбуле действовало три тысячи обителей, получая полную поддержку от государства. Литература и искусство, являвшиеся и прежде монополией небольшой прослойки господствующего класса, потеряли оригинальность и сводились зачас-

тую к слепому подражанию заимствованным у Ирана или у Европы формам. Произведения «диван эдебияты» были понятны только верхушке османской элиты, выполнялись языком, лишь отдаленно напомиавшим турецкий. Считалось, что писать на турецком – «значило показать свою необразованность, унизить собственное достоинство»³⁷.

Но именно в XVIII в., его второй половине, начался мучительный и робкий, половинчатый процесс пересмотра идеологии в пользу вестернизации, отказ от воинственных лозунгов газавата, признание превосходства западной цивилизации ввиду «убедительных» аргументов – участвовавших военных поражений империи. Уже не стало «государственных» планов продолжения газавата, все меньше снисходительности и высокомерия проявлялось в оценках силы и возможностей главных европейских держав того времени. Более того, при султани Селиме III (1789–1807 гг.), как будет показано далее, была предпринята первая, отмеченная историками, как серьезная, попытка преобразований.

ВРЕМЯ ОСМАНСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Первые шаги на пути европеизации

Пока Турция осмысливала произошедшие в Европе перемены и их первые неприятные для неё итоги, прежде всего военные, Европа уже начинала жить в новом времени и распространяла влияние далеко за свои пределы не только с помощью военной силы. Западный мир приступил к формированию индустриальной рыночной экономики, гражданского общества, института частной капиталистической собственности. На смену феодальным монархиям шел конституционный парламентский строй. Разумеется, утверждение демократических принципов в жизни западного общества в XIX в. не стало окончательным. Во многих странах сохранялись пережитки традиционных отношений, остро стояли социальные и национальные проблемы.

Что касается Османской империи, то к началу XIX в. передовая часть её элиты осознала научно-техническое и, соответственно, военное превосходство Запада и необходимость выбираться из средневековья. Это понимание распространилось прежде всего на военную область, и в меньшей мере – на экономику, науку и образование, на управление громадной империей.

Очевидно, что властителями и идеологами угасавшей Османской империи владели два взаимоисключающих стремления – стать такой же сильной, как Европа, чтобы успешно противостоять ей в современном мире, и сохранить в основе «свои» прежние ценности – средневековое толкование религии, газават, понятие собственности, роли государства и т. п.

На рубеже XVIII–XIX вв. при Селиме III (1789–1807 гг.) речь, прежде всего, шла о намерении создать вместо янычарского корпуса, ставшего неуправляемой вольницей, регулярную армию – «низами джедид» («новая система») ¹.

24 февраля 1793 г. учреждённый султаном Совецательный меджлис представил Селиму соответствующий проект реформы. Для подготовки и обучения кадров новой системы были учреждены артиллерийское, военно-инженерное и морское училища. Преподавали в них французы или турки, прошедшие соответствующую подготовку у французов. При военно-инженерном и морском училище была создана типография. Эти меры высоко оцениваются турецкими историками-правоведами – впервые за столетия была создана дисциплинированная и современная армия². Также впервые были учреждены постоянные дипломатические представительства Империи – в Вене, Берлине, Лондоне и Париже. Двор Селима III стал центром внедрения европейской культуры в турецкое общество, в особенности французской, поскольку Франция являлась старейшим союзником Османской империи³.

Что касается намерения ликвидировать янычарский корпус, эта попытка первоначально только усилила анархию во власти, вызвала противодействие большинства крупных феодалов, духовенства и в особенности самих янычар, умножила их мятежи. В мае 1807 г. очередной мятеж янычар в Стамбуле положил конец и внедрению «новой системы», царствованию и самой жизни Селима III.

Лишь спустя 18 лет уже другому султану – Махмуду II (1808–1839 гг.) удалось расправиться с янычарами – с помощью единственной уцелевшей части реформируемой армии. Им был артиллерийский корпус, который со временем превратился в мощную и хорошо вооруженную силу, верную султану.

15 июня 1826 г., когда началось очередное крупное восстание янычар, султан приказал верным ему войскам окружить площадь Атмеданы, где расположились мятежники. Янычары попытались вырваться из окружения, ринулись по одной из улиц навстречу наступавшим артиллеристам. Началось поголовное уничтожение всех, кто там находился. Истребление было полным⁴.

В пятницу 16 июня 1826 г. было официально объявлено о роспуске янычарского корпуса, даже запрещалось произносить это название. Ограничена была и почти не контролируемая ранее деятельность дервишей ордена Бекташи.

Проблемы империи в эти годы отнюдь не сводились к поведению янычар. Турецкий историк признаёт, что в эти годы Османское государство было в состоянии анархии⁵.

Назрела необходимость реформирования не только военного дела, но и системы управления империей. В указанные годы было создано министерство вакуффов, которое начало осуществлять государственный контроль за деятельностью улемов. В 1834 г. вводилась европейская система чиновничьих рангов Порты. В 1826 г. в Стамбуле открылось первое светское Военно-медицинское училище, через год – хирургическая и терапевтическая школы. Обучение велось на французском языке преподавателями из Франции. Стала выходить правительственная газета на французском – «Le Moniteur Ottoman» и на турецком «Takvimi Vekai». Развивалось книгопечатание, в быт турок входили элементы европейского быта.

При всё том же Махмуде II последовала ещё одна реорганизация армии, на этот раз проводившаяся при участии прусской военной миссии (1835–1837 гг.), во главе с Хельмутом Карлом Мольтке, будущим германским генерал-фельдмаршалом, начальником генштаба и крупным военным теоретиком. Проведены были и некоторые гражданские реформы: отмена военно-ленной системы, замена тюрбана феской, создание почты по европейскому образцу, введение паспортной системы, подготовка гражданского кодекса и некоторые другие мероприятия по централизации государственного управления. Характеризуя эту деятельность Махмуда II, М. Тодорова пишет, что его деятельность «вдохновляла централизаторская политика Петра I»⁶.

Восточный вопрос

В начале XIX в. империя и по территории, и по населению ещё сохраняла статус великой мировой державы, однако свои проблемы она была уже не в состоянии решать самостоятельно. Это происходило в контексте решения так называемого Восточного вопроса – при самом активном участии европейских держав – Англии, Франции, Австро-Венгрии, России, Пруссии (позже Германии). Дело сводилось в конечном счёте не только к поощрению мер по реформированию османского государства, но и одновременно к санкционированию ими окончательной утраты его территорий в Северной Африке, Аравии, Месопотамии, на Балканах, в Причерноморье, на Кавказе, ослаблению политической и экономической независимости. В этих регионах росли национальные

движения, причём они сопровождались соперничеством там европейских держав в борьбе за влияние.

В решении Восточного вопроса с конца XVIII в. активно участвовала и Россия. Она заметно укрепила свои позиции за счёт Османской империи на Балканах, Чёрном море после присоединения Новороссии, Крыма, Бессарабии и ряда северокавказских и закавказских областей. Уже в XIX в. Россия объективно нуждалась в нормализации отношений с Турцией, в стабилизации политической обстановки в черноморском регионе, укреплении границ империи. Одной из важнейших задач российской дипломатии в этом регионе было обеспечение наиболее выгодного международно-правового режима черноморских проливов (Босфора и Дарданелл): свободное плавание по ним русских торговых кораблей, возможность прохода через них русских военных судов, гарантии со стороны Турции недопущения в Чёрное море военно-морских сил западных стран. Неудивительно, что русское правительство стремилось превратить Чёрное море в закрытый для других держав российско-турецкий бассейн.

Схожие цели определяли и заинтересованность России на Кавказе. Вхождение ряда его регионов в состав России способствовало развитию торговли через черноморские порты, а также через Астрахань, Дербент и Кизляр на Каспии. Расширение территории Российской империи на Кавказе в геополитическом плане укрепляло южные границы по естественным (горным) преградам, давало возможность усиления политического и военного давления на Турцию и Персию. Здесь беспокойство России вызывало английское вмешательство в дела Закавказья. Ещё в середине XVIII в. Великобритания использовала своё влияние в Персии для проникновения в Закавказье и обеспечения выхода к Каспийскому морю. Этот регион рассматривался ею, с одной стороны, как средство политического давления на Россию, с другой – как фактор защиты своих интересов на Среднем и Ближнем Востоке, безопасности владений в Индии. Возрастал интерес к этому региону и у британской буржуазии⁷. В этом же контексте можно оценивать «вечное» стремление Англии, «владычицы морей», защищать принцип фактически неограниченной свободы прохода через черноморские проливы военных кораблей нечерноморских держав.

Важной стала для России в этот период другая составляющая Восточного вопроса – поддержка балканских народов, усиливавших борьбу за свою независимость, за освобождение от османского владычества. Цели национальных движений на Балканах, особенно активно развернувшихся с начала XIX в., и политики России в этом регионе во многом смыкались⁸.

Уместно признать, что социально-экономический уровень развития России не обеспечивал её теми финансовыми и промышленными возможностями решения Восточного вопроса, которыми обладали и всё более пользовались развитые европейские державы (а впоследствии и США)⁹. Россия не раз пыталась решать спорные проблемы дипломатическими средствами, согласовывать в Восточном вопросе свои действия с европейскими странами, сознавая при этом, что Великобритания, Австрия, Франция имели собственные интересы на Востоке, не совпадавшие с российскими.

В 1805 г. Россия и Турция подписали в Стамбуле союзный договор, подтверждавший право прохода русских кораблей через черноморские проливы. Однако уже на следующий год отношения между двумя империями резко ухудшились, что было связано прежде всего с ростом национально-освободительного движения в турецких владениях на Балканах. Сербское восстание во главе с Карагеоргием, начавшееся в феврале 1804 г., явилось прологом воссоздания сербского государства. Руководители восстания обратились за помощью к России. На первых порах Россия ограничилась, учитывая существование русско-турецкого договора, поддержкой сербов дипломатическими и политическими мерами. Кроме того, русское правительство скрытно оказывало им помощь деньгами, оружием и боеприпасами. Однако после того как в 1806 г. Порта закрыла Проливы для русских кораблей и начала постоянно нарушать свои обязательства в Дунайских княжествах, началась (в декабре 1806 г.) русско-турецкая война. Если Турция рассчитывала вернуть Крым и Причерноморье, восстановить господство над Молдовой, Валахией и Сербией, то для России эта война носила вынужденный характер и не имела цели приобретения ею новых территорий за счёт Турции. В задачу входило закрепление политических позиций на Востоке, достигнутых в конце XVIII столетия, в частности в черноморском бассейне и на Балканском полуострове. В ходе войны заметно

окрепли и расширились связи между Россией и Сербией, в 1807 г. между ними было заключено соглашение, на основе которого Россия начала оказывать существенную материальную и военную помощь сербскому освободительному движению.

На первом этапе войны российская Дунайская армия действовала нерешительно, хотя в 1810 г. русские войска и переходили Дунай. В марте 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен М.И. Кутузов. Он нанёс туркам сокрушительное поражение под Рушуком (июнь 1811 г.), в ноябре разгромил турецкие силы на Дунае. На Кавказе на первом этапе войны (1806–1807 гг.) турецкое командование, надеясь на поддержку Англии и Франции, намеревалось войти в Грузию через крепость Карс. В июне 1807 г. русские войска разбили турок на реке Арпачай и остановили их наступательные действия. Поход русской армии на Эривань в октябре 1808 г. окончился неудачей. Успешнее русские войска действовали на Черноморском побережье Кавказа, они взяли Поти, Анапу, Сухумскую крепость. В результате Абхазия вошла в состав России (1810 г.). На втором этапе войны (август 1810 г. – июнь 1812 г.) при активном посредничестве английских дипломатов шах и султан договорились о совместных действиях, используя при этом солидную финансовую и военную помощь Англии. Однако в сентябре 1810 г. турецко-персидская группировка была разгромлена при Ахалкалаки, в 1811 г. русские войска взяли эту крепость. К началу 1812 г. международная обстановка изменилась. Наполеон, готовясь к войне с Россией, большое место отводил в ней Турции, которая должна была, по его замыслу, связать часть русских сил на Дунае и в Закавказье. Поэтому Россия поспешила начать мирные переговоры с Портой в Бухаресте. Главные разногласия касались границ России на Кавказе. Турецкие дипломаты под нажимом Англии и Франции настаивали на том, чтобы вопрос о Кавказе был снят с обсуждения на мирной конференции. Однако военные поражения на Дунае и Кавказе заставили Турцию быть более уступчивой. В мае 1812 г. был подписан Бухарестский мирный договор, который подтвердил необратимость прежних приобретений России. К России отошла Бессарабия; Молдова и Валахия остались в составе Османской империи на правах автономии. Была предоставлена широкая автономия Сербии. Россия в качестве гаранта получила право контроля за выполнением этого условия договора турецким

правительством. Порта была вынуждена признать вхождение Восточной и Западной Грузии, Абхазии в состав России. К ней также отходили крепости Сухум и Редут-Кале. Россия возвращала Турции завоёванные в ходе войны Анапу, Потю и Ахалкалаки.

Бухарестский мирный договор имел особое значение для России, если учитывать, что его заключение состоялось за месяц, а ратификация – за день до вторжения Наполеона в Россию. Договор позволил русскому командованию высвободить Дунайскую армию и сосредоточить все силы на отражении наполеоновской агрессии. (В 1826 г. договор был дополнен Аккерманской конвенцией, обязавшей Турцию соблюдать привилегии Молдавии, Валахии и Сербии и гарантирующей России право свободы торговли на территории Турции и судоходства в её водах.)

В последующие годы стало очевидным, что Турция не примирилась со многими условиями Бухарестского договора. Прежде всего она нарушила положения, которые оговаривали самоуправление Сербии. Стремясь к восстановлению своих позиций на Балканах, собрав крупные силы, турки в 1813 г. начали военные действия против продолжавшегося восстания сербов и разгромили их. Однако в 1815 г. в Сербии вновь вспыхнуло восстание, на этот раз Россия, одержавшая к этому времени победу над Наполеоном, смогла более решительно выступить в защиту сербов. В результате в 1816 г. между Турцией и Сербией был подписан новый мир, по которому султан окончательно признал сербскую автономию. В том же году во время специальной миссии графа Г.А. Строганова турки подтвердили права Дунайских княжеств на автономию, а также готовность соблюдать свободу навигации в Проливах и торговли российских подданных в Османской империи.

Что касается статей Бухарестского договора по Кавказу (так же как и Гюлистанского – с Персией), Турция и Персия, пользуясь поддержкой Великобритании, фактически немедленно стали проводить политику их ревизии. В 1816 г. Персия поставила вопрос о заключении нового соглашения с тем, чтобы вернуть шаху азербайджанские ханства. Турецкое же правительство не только отказывалось признать русские приобретения в Закавказье, полученные ею по Гюлистанскому миру 1813 г., но и не выполняло условия Бухарестского мира. Оно доказывало в Константинополе Г.А. Строганову принадлежность Турции кавказ-

ского побережья Чёрного моря, а также свои права сюзерена над Грузией, Имеретией, Гурией и др. Обострение этой ситуации произошло в 1820-е годы под воздействием военно-политической обстановки на Северном Кавказе, произошедших там сепаратистских и антирусских выступлений.

В тот же период XIX в. Восточный вопрос получил своё продолжение и в тесной связи с национально-освободительным движением в Греции. Его подготовила и затем возглавила тайная организация «Филики Этерия» («Общество друзей»), планы которой увязывались с антитурецкими выступлениями в других районах Балкан. В те времена многие греческие патриоты не только находили убежище в России, но и занимали видное положение в русской армии и на дипломатической службе.

В марте 1821 г. вспыхнуло греческое восстание под руководством А. Ипсиланти, участника Отечественной войны 1812 г. и бывшего генерала русской службы. В активизации политики России по отношению к греческому восстанию большая роль принадлежала русской общественности¹⁰. В 1824 г. российская дипломатия сформулировала программу решения этого вопроса, предусматривавшую предоставление Греции на части её территории автономии в составе Турции. Однако греки стремились к полной независимости, в результате русские предложения были отвергнуты не только турецкой, но и греческой стороной. После того как на помощь туркам в Грецию прибыли две хорошо вооружённые и обученные по европейскому образцу дивизии вассала султана – египетского паши Мухаммеда Али, греческая революция оказалась на грани поражения.

Последней попыткой российского правительства согласовать действия держав в этом вопросе стала в начале 1825 г. Петербургская конференция, в которой участвовали Россия, Австрия, Пруссия, Англия и Франция. Турция отвергла предложения участников конференции о посредничестве, Александр принял решение действовать в греческом вопросе самостоятельно.

В силу затянувшихся наполеоновских войн европейское направление в первой четверти XIX в. было основным для России, затем, в период царствования Николая I, центральное место занял всё тот же Восточный вопрос, причём благоприятное его решение для России зависело от режима Черноморских проливов – Босфора и Дарданелл. Свободный проход через них русских тор-

говых судов способствовал экономическому развитию и процветанию огромных южных районов государства. Недопущение в Чёрное море иностранных военных судов также было одной из задач российской дипломатии.

Что касается судьбы балканских народов, на позиции России сказывалось кредо Николая I в его европейской политике – необходимость борьбы с революционной заразой. Он колебался между политикой «status quo» – сохранения территориальной целостности Османской империи и политикой раздела наследства «больного человека» совместно с другими европейскими государствами. Так, с воцарением Николая I начались активные переговоры между Россией и Великобританией, причём последняя стремилась прибрать к рукам лидерство при всех решениях Восточного вопроса, что ей вполне удавалось на протяжении XIX в. и позже в XX в., с учётом известной паузы 1920-х годов, возникшей в результате интервенции англичан в Турцию. Эти переговоры завершились подписанием в апреле 1826 г. Петербургского протокола, по которому Греция должна была получить автономию, а её население – свободу торговли, защиту собственности и право выкупать землю у турецких владельцев. Протокол предусматривал возможность вооружённого выступления двух держав в пользу Греции, а также, что было особенно важно для России, возможность её «единоличного вмешательства во внутренние дела Османской империи с целью защиты греков». Английское правительство, поняв достигнутые Россией преимущества, на практике всячески тормозило реализацию этого соглашения.

Подписание русско-английского Петербургского протокола внесло изменение в расстановку сил на международной арене и дало России возможность самостоятельно выступить против Турции. В результате в октябре 1826 г. была подписана Аккерманская русско-турецкая конвенция, обязавшая Турцию соблюдать политические условия Бухарестского мирного договора 1812 г., особые привилегии Дунайских княжеств и внутреннее самоуправление Сербии. Было оговорено право нечерноморских государств, торговавших с Россией, свободно проводить свои корабли через Босфор и Дарданеллы.

Эта конвенция заставила западные державы активизировать свои действия для решения греческого вопроса. В июле 1827 г. Россия, Англия и Франция заключили Лондонскую конвенцию.

В ней вновь провозглашался принцип автономии Греции и предусматривалась возможность применения насильственных мер против Порты. Турция отвергла ультиматум союзников в пользу греков, а её войска продолжали боевые действия против них и овладели большей частью Мореи (часть Пелопоннеса).

После этого к юго-западному берегу Пелопоннеса была послана русско-англо-французская эскадра, которая разгромила турецко-египетский флот в Наваринской бухте 8 (20) октября 1827 г. Морское поражение Турции напугало Англию и Францию. Они выступили с заявлением о прекращении военных акций против Турции. Ободренная этим решением Порта закрыла Проливы для прохода русских торговых судов. В декабре 1827 г. она обратилась к своим подданным с воззванием начать *джихад* – священную войну с неверными. В результате русско-турецкие дипломатические отношения были разорваны, русский посол покинул Константинополь.

26 апреля 1828 г. Россия объявила войну Османской империи в связи с систематическим невыполнением ею условий Бухарестского мирного договора 1812 г. и Аккерманской конвенции 1826 г. Причиной войны также стал отказ Порты выполнить требования европейских держав предоставить Греции автономию. Турция также стремилась к войне, рассчитывая восстановить свое влияние на Балканах и Кавказе. Основные события этой войны развернулись на Балканах, 100-тысячная русская армия под командованием П. Х. Витгенштейна перешла пограничную р. Прут и вторглась на территорию княжества Молдова. Далее русские войска заняли Яссы и Бухарест. Однако турки упорно сопротивлялись.

Русский военно-морской флот успешными действиями обеспечивал господство на Чёрном море, а со стороны Средиземного моря блокировал Дарданеллы. После затяжных и упорных боёв, продолжавшихся с апреля 1828 г. до весны 1829 г., России наконец удалось овладеть стратегической инициативой. Были захвачены крепости Шумла и Силистрия. Летом 1829 г. русские войска перешли через Балканы. 8 (20) августа турки без боя сдали Адрианополь (Эдирне), что означало приближение конца войны.

На Кавказском театре военных действий также были достигнуты значительные успехи: летом 1828 г. русские войска взяли Карс, Анапу, Поти, Ахалцих, Ардаган и Баязет. Важнейшие укрепленные пункты Турции на черноморском побережье и в

Западной Армении перешли в руки России. В кампании 1829 г. русские войска захватили стратегическую крепость в Северной Анатолии – Эрзерум. Таким образом, летом 1829 г. Турция потерпела поражение и на Балканах, и на Кавказе. Пытаясь предотвратить взятие русскими войсками столицы Османской империи, султан Махмуд II санкционировал начало двусторонних переговоров о мире.

Мирный договор по итогам этой войны был подписан 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе (Эдирне), он закрепил успехи русского оружия на Балканах и Кавказе. Россия приобрела дельту Дуная, черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти, крепости Ахалцих и Ахалкалаки, Восточную Армению. Порта отказалась от претензий на ранее отошедшие к России земли в Закавказье, она окончательно признавала присоединение Грузии и Восточной Армении к России¹¹.

Таким образом, к России перешли и важнейшие укрепленные пункты в Закавказье, и весь берег Чёрного моря от устья р. Кубань до крепости Поти включительно. Оговаривался в расплывчатых формулировках переход к России горных районов Северо-Западного Кавказа. Позже это давало возможность Великобритании не признавать факта присоединения и считать «Черкессию» независимой от России территорией. Турции возвращались занятые в ходе войны Карс, Баязет, Эрзурум, а также часть Ахалцихского пашалыка¹².

Договор гарантировал широкую автономию для Греции (вскоре в 1830 г. она провозгласила свою независимость); подтверждались автономные права Сербии и Дунайских княжеств; провозглашалась свобода торговой навигации в Проливах. Турция обязывалась выплатить контрибуцию за нанесённые русским подданным убытки.

Итак, Османская империя потеряла Сербию, Египет, Грецию, ставших независимыми, были расширены права Молдовы и Валахии. В 30-х годах XIX в., когда египетский паша вступил в вооружённый конфликт с султаном, вмешательство европейских держав привело в конечном счете к учреждению фактически коллективной опеки над Османским государством.

Во внешней политике России и после заключения Адрианопольского мирного договора Восточный вопрос продолжал занимать важное, если не центральное, место. При этом всё большую

значимость приобретала проблема международно-правового режима Черноморских проливов. Развитие южных районов России и расширение черноморской торговли напрямую зависели от возможности беспрепятственного прохода русских торговых судов через Босфор и Дарданеллы. Проливы имели также важное стратегическое значение. Свободный проход иностранных военных кораблей в Чёрное море представлял существенную опасность для южных рубежей России, что позже подтвердила Крымская война, а потом Первая и Вторая мировые войны. Та же возможная опасность распространялась и на Кавказ, где многие годы длилась Кавказская война. Не менее важной оставалась и балканская проблема, включавшая необходимость укрепления возросшего авторитета Российской империи.

После подписания Адрианопольского мирного договора Турция воспринималась Россией в качестве удобного соседа, поддержка которого признавалась в те годы наиболее выгодной политикой. Стремясь укрепить русско-турецкие межгосударственные отношения, Россия досрочно вывела свои войска из Дунайских княжеств, сократила размеры контрибуции, которую Порты выплачивала России по указанному договору. Сторонниками сохранения в отношении Османской империи политики «status quo» и поддержки её целостности выступали и другие, помимо России, великие державы, что не исключало конкуренции между ними за политическое и экономическое влияние на это всё ещё крупное государство. Такая ситуация не помешала Франции захватить в 1830 г. Алжир.

В 1832 г. возник первый турецко-египетский конфликт. Паша Египта, номинально находившегося в составе Османской империи, Мухаммед Али начал против своего сюзерена – султана военные действия, слабая турецкая армия подверглась разгрому. Порты обратилась за помощью к европейским правительствам. У западных держав просьба султана о помощи не нашла немедленного отклика. Франция, тесно связанная с Мухаммедом Али, не спешила с ответом Порте. Английский кабинет из-за сложной обстановки внутри страны также не торопился вмешиваться в турецко-египетский конфликт. В этих условиях лишь Россия выступила в защиту целостности Османской империи. Это решение диктовалось, с одной стороны, общей политической линией русского правительства на сохранение устойчивости Турции, с дру-

гой – стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе. На Ближний Восток Николай I спешно послал своего генерал-адъютанта Н.Н. Муравьёва для вручения ультиматума египетскому паше с требованием прекратить поход на Константинополь. Вслед за этим в Босфор прибыл 30-тысячный русский десантный отряд для защиты турецкой столицы. Только после этого европейские государства потребовали от Египта договориться с Турцией (что и произошло в 1833 г.), одновременно они стали настаивать на выводе русских войск с берегов Босфора.

Несмотря на это, турецкое правительство, напуганное египетской агрессией, предложило России заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи. Договор был подписан 26 июня (8 июля) 1833 г. в местечке Ункяр Искелеси под Константинополем на 8 лет. Он подтверждал Адрианопольский мирный договор 1829 г. и другие русско-турецкие договоры и соглашения. Была гарантирована помощь Турции со стороны России в случае нового турецко-египетского конфликта. Взамен Россия получила наиболее выгодный для неё режим Черноморских проливов. По отдельной секретной статье султан брал на себя обязательство закрывать по требованию России Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей западноевропейских держав в Чёрное море. Ункяр-Искелесийский договор был крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Он на некоторое время ослабил влияние западноевропейских держав в Турции и усилил русские позиции в Константинополе.

Совместные попытки Англии, Франции и Австрии дезавуировать Ункяр-Искелесийский договор окончились неудачей. Именно в этот момент Николай I проявил политическую твёрдость и в угрожающей ноте отверг претензии западных держав. Мало того, используя противоречия между ними, русское правительство пошло на решительное сближение с Австрией, стремясь отколоть её от враждебного блока и опереться на неё в решении Восточного вопроса. В сентябре 1833 г. между Россией и Австрией была подписана конвенция в Мюнхенграце (современная территория Чешской Республики). Эта конвенция содержала гарантии целостности Османской империи и договорённость о совместных действиях сторон в случае ниспровержения существовавшего в Турции порядка. Австрия, таким образом, де-юре признала Ункяр-Иске-

лесийский договор. Итак, на первом этапе решения Восточного вопроса Россия обеспечила торговому флоту выход в Средиземное море, первой из великих держав добилась права прохода своих военных кораблей через Проливы. Турция дала согласие на покровительство России Сербии и Дунайским княжествам и православному населению Османской империи, а также была вынуждена де-факто признать интересы России на Кавказе и Закавказье.

Однако эти успехи были недолгими, России не удалось их закрепить, а в конечном счёте они были утрачены во время Крымской войны.

Первый танзимат

Первые реформы на рубеже веков не предотвратили дальнейшего ослабления Османской империи хотя бы уже потому, что эти нововведения в принципе не затрагивали средневековые основы османского государства, не смогли изменить в лучшую сторону его экономическую структуру.

Ослабление османского государства, принявшее системный и необратимый характер, крупные территориальные потери, в том числе в результате войн с Россией, побуждали Порту решительным образом расширить масштабы начатого при Селиме III и продолженного Махмудом II реформирования государства. В конце 1839 г. виднейший политик, дипломат и реформатор того времени, безусловно, западник, Мустафа Решит-паша (1880–1858 гг.) представил султану записку с предложениями по более решительному реформированию государственного и общественного устройства империи, после чего с одобрения султана был подготовлен соответствующий документ в духе манифеста. Неким его прологом, пробой новых отношений империи с Европой стал англо-турецкий торговый договор, подписанный в августе 1838 г. тем же Мустафой Решит-пашой (тогда министром иностранных дел империи) и английским послом в Стамбуле лордом Ф. Понсоби.

Договор, ставший образцом для других такого рода международных соглашений, вводил либеральную систему торговли для иностранцев и подданных империи, устанавливал размер пошлины для импорта – 5%, для экспорта – 12%. Одно из положений договора гласило, что «Османская империя официально заявляет

о полной ликвидации системы монополий, касавшейся как товаров сельского хозяйства и ремесла, так и всех других товаров; полностью отменяется система получения у Порты разрешений, требуемых ранее муниципалитетами и чиновниками на торговлю или перевозку товаров из одной местности в другую». О неоднозначном, скорее негативном воздействии такой меры на отсталую экономику империи (исключая балканский регион) пишет Х. Иналджык: «Излишне либеральный торговый режим, принятый под нажимом западных держав, оказал немедленное и разрушительное воздействие на всю экономику империи, в то же время, несомненно, он стал весьма благоприятным для упрочения среднего класса балканских стран, представители которого, торговцы-христиане, монополизировали торговые связи с Европой и всемерно поддерживали свои национально-освободительные движения»¹³.

Западничество Решит-паши объяснимо – он близко ознакомился с европейскими режимами, будучи в 1830-е годы послом в Париже, в Лондоне, позже занимая посты министра иностранных дел, садразама Высокой Порты. Появление в Париже первого постоянного посла империи знаменовало начало нового этапа турецкой дипломатии, связанного с утерей империей былой воинственности на территориях европейских государств и осознания необходимости решать там вопросы уже дипломатическим путём, в постоянных контактах с западноевропейской дипломатией. Турецкие историки считают, что именно Париж и Лондон были теми центрами тогдашней Европы, где с помощью дипломатии Турция могла добиваться обеспечения своей территориальной целостности и своего будущего, защищая себя «от России и сепаратистских движений». Помимо этого, дипломатическая деятельность Турции во французской и английской столицах обеспечивала советы и помощь Европы в модернизации и усилении Османской империи путём реформ. Осознавая это, Решит-паша утверждал: «Мы ничего не сможем сделать, если не обратимся к цивилизации, а она может прийти лишь из Европы»¹⁴. Европеизации предстояло стать главным фактором развития, причём вводить в действие предложение Решит-паши, оформленное двором как *Гюльханейский хатт-и хюмаюн* пришлось новому султану – Абдул Меджиду (1839–1861 гг.) вместо скончавшегося Махмуда II.

Торжественная церемония по этому поводу началась с публичного оглашения 3 ноября 1839 г. Решитом-пашой от имени пади-

шаха текста фирмана, именуемого «Гюльханейским хатт-и-хюмаюном» (во дворцовом комплексе Гюльхане). Этот акт стал важной вехой в турецкой истории¹⁵. Провозглашение реформ танзимата явилось «событием, которое должно было стать поворотным моментом не только в турецко-османско-исламской истории, но и в истории человечества. Этой декларацией был задокументирован отказ от системы, в своей основе утверждавшей в течение 12 веков свою неизменность и своё превосходство, и установление вместо неё принципа равенства и безопасности всех людей – подданных империи. Принципы Французской революции... менее через полвека и раньше даже, чем в некоторых странах Запада, утверждались на территории Османской империи. Задачей было достигнуть таким способом уровня западной цивилизации»¹⁶.

Действительно, в этом султанском рескрипте были провозглашены такие новшества, как принцип гарантии индивидуальной безопасности и равенства перед законом всех подданных, безопасность жизни и имущества, справедливое распределение и взимание налогов, реорганизация армии, преобразования в административном управлении, судебном деле, в сфере культуры и образования.

Фирман начинался со следующих слов: «С момента возникновения Османского государства благодаря его безусловной приверженности шариату Султанат оставался сильным, а его народ – счастливым. Однако ввиду того, что за последние 150 лет не соблюдались шариат и законы, прежние сила и богатство обернулись бессилием и нищетой. Истина состоит в том, что страны, которые не придерживаются законов шариата, не могут оставаться на ногах и все наши помыслы с момента восшествия на престол сосредоточились на том, чтобы поднять страну и обеспечить благополучие народу. Если принять во внимание географическое положение нашей страны, плодородие её земли и способности народа, то при принятии необходимых мер мы с помощью Всевышнего исполним наши пожелания в течение 15 лет... В основе новых вводимых нами законов – безопасность жизни, защита чести, достоинства и имущества, упорядочение налогов, призыва в армию и срока военной службы».

Особо был упомянут принцип равенства мусульман и немусульман: «согласно шариатскому праву, нами гарантируется всему народу страны, что этими мерами по защите жизни, чести и

достоинства будут пользоваться все без исключения подданные, как мусульмане, так и другие миллеты (религиозные общины)»¹⁷.

Это был действительно важнейший документ того времени, первый, свидетельствующий о готовности верховной власти страны приступить к европеизации. Вместе с тем бросается в глаза желание авторов совместить принципы традиционализма, приверженности абсолютизму и шариату с идеями модернизации государства и общества в соответствии с опытом европейских государств. Речь идёт, таким образом, о европеизации, модернизации на принципах шариата. Объявлена бесспорным принципом защита жизни, имущества и чести подданных империи. Подчёркнута необходимость подготовки законов, на основе указанных принципов, представительным для того времени меджлисом, после чего они подлежали утверждению высшей гарантией – клятвой падишаха¹⁸.

Принцип равенства всех османских подданных перед законом, и мусульман, и немусульман, всеми комментаторами выделяется в фирмане как особо важный, новый принцип существования османского общества. По их мнению, М. Решит-паша был убеждён, что если это требование будет выполняться, зулум, произвол власти, прекратится, к каждому в стране придёт спокойствие и безопасность.

В последнем разделе фирмана эта реформация «открыто предстаёт как революционная мера» в словах: «прежнее управление в полном смысле слова обновляется». Авторы намекают на схожесть некоторых положений фирмана с французской Декларацией прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием Франции по тем временам совсем недавно – 26 августа 1789 г.¹⁹

Этот первый акт танзимата был призван послужить прологом к серии намеченных Решитом-пашой реформ в области юстиции, административного устройства, просвещения, финансов, военного дела и т. д. Некоторые мероприятия действительно последовали за Гюльханейским рескриптом: для выработки новых законов и контроля над их выполнением был создан Высший совет юстиции, подверглось пересмотру устаревшее уголовное законодательство, были образованы коммерческие суды для разбора торговых тяжб. Была принята целая серия законов «прямого действия». Уже через 7 месяцев в мае 1840 г. появился Уголовный кодекс, который вводил правовой контроль над теми судебными

делами, которые не подлежали рассмотрению шариатским судом и решались согласно обычному праву от имени султанской власти. Всеобщая правовая предназначенность этого закона, его равное применение ко всем – и к отдельному лицу, и к сословию, и даже к падишаху – предстаёт перед нами как новый, заимствованный у Европы принцип.

Таким же образом были подготовлены законы об открытости судов, что имело место тогда в западных конституциях, о справедливости налогов и призыве на военную службу – все они базировались на положениях фирмана, вдохновлённого Западом. Позже, уже в 1850 г., был принят Торговый кодекс, заимствовавший немало положений из соответствующего французского кодекса 1807 г. Восприняв положение о проценте, этот новый кодекс вступил в противоречие с исламским правом²⁰.

В осуществление хатт-и-хюмаюна было реорганизовано дело народного образования, впоследствии создан университет в Стамбуле, издан административный кодекс, разделены функции пашей между представителями военного, гражданского и финансового ведомств, созданы смешанные коммерческие суды. Взимание хараджа (поголовное обложение христиан) было возложено вместо чиновников на представителей христианских общин. Военная реформа – отмена принудительной вербовки и введение в 1843 г. воинской повинности, реорганизация армии по европейскому образцу – дала известные результаты.

Но фирман не преодолел, да и не мог преодолеть внешних и внутренних затруднений империи. Конечно, в сфере реформаторских планов султанская власть тех лет оказалась к Европе ближе, нежели крепостническая Россия. Другое дело – реализация этих планов осталась, как мы увидим далее, на бумаге, империя продолжала слабеть и уменьшаться, словно шагреньевая кожа.

Внешние условия танзимата

Сопоставляя с начала XIX в. внутренние и внешнеполитические события, касавшиеся империи, череду военных конфликтов, восстаний – и национальных, и реакционных типа янычарских и других, можно легко представить трудности, стоявшие на пути османской элиты при выходе из той исторической западни, в которой оказалось по своей вине османское государство. Так про-

должалось и до, и во время принятия фирмана и его реализации и последующих мер по реформации государственного устройства империи Османов.

Достаточно напомнить, что фирман был оглашён почти сразу после драматического возобновления летом 1839 г. египетского кризиса, инициированного мятежным Мухаммедом Али. В этом втором турецко-египетском конфликте военные действия вновь завершились полным разгромом турецкой армии и переходом её флота на сторону противника. На этот раз европейские державы без промедления вмешались в турецко-египетскую распрю, причём Англия и Австрия выступили на стороне султана, Франция поддержала Мухаммеда Али, стремясь обеспечить независимость Египта от Турции.

Что касается России, к началу этого второго кризиса её позиции на Ближнем Востоке ослабли. Русское правительство вплоть до Крымской войны продолжало ошибочно рассматривать Англию как благожелательную сторону в международных делах России на Ближнем Востоке. Между тем всё очевиднее становилось противодействие Англии российским действиям прежде всего по двум темам Восточного вопроса – по Проливам и по Кавказу.

В 1840–1841 гг. с участием России были заключены с Турцией две лондонские конвенции по восточным делам. Первую (1840 г.), об оказании султану помощи против египетского паши, подписали, кроме Англии и России, Австрия и Пруссия, выступив в ней гарантами целостности Турции и противниками египетской независимости. Что особенно касалось России, конвенция впервые провозгласила международный принцип регулирования закрытия и открытия проливов Босфор и Дарданеллы. В июле 1841 г. была подписана вторая лондонская конвенция – на сей раз с участием Франции. Провозглашался принцип закрытия названных проливов для военных кораблей всех европейских держав (в том числе русских) в мирное время. Эта конвенция 1841 г. заменила соответствующие положения Ункяр-Искелесийского договора, лишив Россию права решать свои отношения с Турцией в вопросе о проливах путём двусторонних актов и изолировав её флот в черноморском бассейне. Соглашение не обеспечивало безопасность южных рубежей России – в случае начала военных действий Порты могла открыть Проливы для кораблей иностранных держав. Позже, во время Крымской кампании 1853–1856 гг. и Пер-

вой мировой войны 1914–1918 гг., иностранные военные суда беспрепятственно проходили через Проливы.

С этого времени перед русским правительством встала нелёгкая задача изменения нового режима Проливов, ущемлявшего права России на её южных рубежах. Возможность реализовать эту задачу Николай I видел теперь в естественном распаде Османской империи под влиянием общеизвестных «внутренних» факторов. Во время своего визита в Лондон в 1844 г. в переговорах с новым министром иностранных дел Дж. Эбердином он поставил вопрос о разделе Османской империи при возможной смерти «больного человека», однако поддержки у собеседника не получил.

Представляется, что в Петербурге начало европеизации Османской империи при очевидном патронаже Англии и Франции не было оценено должным образом – как некая основа и гарантия её долгосрочного сохранения и одновременно стратегического сближения с Европой. Между тем к этому времени уже немало шагов было предпринято внутри османского государства и во внешнеполитической ориентации в сторону Запада. Таковым шагом стала и реализация фирмана – в определённом смысле детища и Англии, и Франции, в нём просматривались перспективы мирной экономической колонизации империи в рамках торгового договора 1838 г. о «свободе торговли». На территориальные приграничные приобретения Англия рассчитывать не могла, влияние в Греции она имела, Кипр она вскоре, в 1878 г., получила.

Охлаждение русско-английских отношений, особенно проявлявшееся в решении Восточного вопроса, сопровождалось укреплением англо-французского единения. Их тесный союз впервые в истории был назван «Сердечным согласием» («entente cordiale»). Он основывался на общей враждебности к России.

В последние годы царствования (после подавления революций 1848–1849 гг.) Николай I всё больше утрачивал понимание диалектики Восточного вопроса, складывавшейся международной ситуации, неадекватно оценивал внутри- и внешнеполитические возможности России, её военный потенциал. Главной целью внешней политики России оставалось противодействие европейскому революционному движению, реанимирование Священного союза (в 1849 г., например, Россия поддержала интервенцию против венгерской революции).

В итоге накануне Крымской войны Россия оказалась в международной изоляции. Однако Николай I и его окружение сочло, что как раз в это время Россия в состоянии открыто поставить вопрос о территориальном разделе Турции, при этом приводились, казалось бы, весомые аргументы, корнями уходившие в далёкое крестоносное прошлое, указывалось, в частности, на необходимость максимального расширения прав православного населения империи. В ходу был и панславизм.

Эти бесконечные планы территориального характера выглядели анахронизмом, не учитывали положений, пусть даже декларативных, Гюльханейского хатта, вновь принятых законов. Продолжение Россией активной политики в отношении Османской империи в столь крайней форме в условиях, когда перед Турцией возникли новые горизонты всестороннего сотрудничества с Западом, лишь способствовали упрочению этого сотрудничества и привели в конечном счёте к военному союзу Турции с Англией и Францией.

Непосредственным поводом для военного конфликта, вылившегося затем в кровопролитную и крайне неудачную для России Крымскую войну, стал её спор с католической Францией относительно прав католического и православного духовенства на Святые места в Палестине, являвшейся в то время провинцией Османской империи. Французское правительство долго и настойчиво требовало от турецкого султана Абдулмеджида передать «ключи от Гроба Господня» в Палестине, т. е. контроль над Святыми местами, католическому духовенству, русское же правительство по инициативе православных священников Иерусалима настаивало на том, чтобы этот контроль был в руках православной церкви. Конфликт обернулся войной. Султан отверг российские требования, после чего Николай I приказал своим войскам занять Дунайские княжества, формально находившиеся под властью султана.

Начиная войну и надеясь на победу, Россия рассчитывала пересмотреть в свою пользу режим черноморских проливов и одновременно укрепить ослабевшие политические позиции на Балканах. Турция же не рассталась со своими надеждами вернуться на Балканы, в Крым, на Кавказ – уже обновлённой, с европеизированной армией, с Гюльханейским фирманом в руках, а главное, заручившись поддержкой своих европейских союзников.

Западным державам казалось, что пора изолировать Россию от балканских народов, остановить её продвижение на Кавказе и на Каспии, низведя, по возможности, до уровня второстепенной державы. Имея собственные немалые аппетиты на Востоке, особенно стремилась к этому Великобритания, которая выдвинула широкую программу отторжения от России части её владений.

Недооценка российского руководства сложившейся ситуации вокруг упомянутого конфликта усугублялась и серьёзнейшими внутренними факторами – состояние и уровень её экономики если и отличалось от турецкой в лучшую сторону, то ненамного и не соответствовали потребностям великой державы и, в частности, военным потребностям, возникшим затем в ходе войны, единым противником в которой оказались наиболее развитые страны Европы. Почти полное отсутствие железных и надёжных грунтовых дорог не позволяло быстро оперировать войсками и военной техникой, кстати, также весьма отсталой. Артиллерия по техническим возможностям уступала английской и французской, в русском флоте преобладали парусные суда, в то время как англо-французский флот почти целиком состоял из паровых судов.

После того как несколько ультиматумов российского правительства по поводу Святых мест и положения немусульман были отвергнуты Турцией (явно при поддержке Франции и Англии), в июне 1853 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, а затем заняли Бухарест. 4 октября 1853 г. Турция объявила войну России, 20 октября Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманской Портою».

Последовавшие за этим контратаки турок оказались безрезультатными, начались вялотекущие позиционные бои.

На Кавказе положение русских войск осложнялось сопротивлением горцев, борьбой с Шамилем и адыгами. Гарнизоны, размещенные на турецкой границе в крепостях Ахалцих, Ахалкалаки, Александрополь и Эривань, были небольшими (всего около 5 тыс. человек). В конце октября 1853 г. пятитысячный турецкий отряд напал на пост св. Николая между Поти и Батумом, что положило начало боевым действиям на Кавказе. Главные силы турок двинулись на Александрополь, а их 18-тысячный Ардаганский отряд пытался прорваться через Боржомское ущелье в долину Куры. Но к этому времени русские успели перебросить морем из Крыма пехотную дивизию и сформировать армяно-грузинское

ополчение. Несмотря на численное преимущество, турки потерпели поражение в ноябре под Ахалцихом и затем у селения Башкадыклар. Прорваться далее, соединиться с Шамилем туркам не удалось, в Крымской войне «ослабленный имамат не сумел оказать действенной помощи турецкой армии на Кавказе»²¹.

А. Сайдам пишет, что после начала Крымской войны положение русских войск на Кавказе осложнилось, однако нельзя сказать, что Турция и Шамиль должным образом воспользовались этим – для этого должна была быть чёткая согласованность действий. Бабиали (стамбульское правительство) направило осенью 1853 г. Шамилю и другим лидерам движения послания с призывом к джихаду, сотрудничеству, активизации действий против русской армии. Шамиль и некоторые его близкие родственники и сподвижники были награждены османскими орденами, им присвоены высокие звания: Шамилю – везира и главнокомандующего, другим – бригадного генерала, и т. д.²²

На море вице-адмирал П.С. Нахимов, командир отряда кораблей Черноморского флота, узнав, что турецкая эскадра в Синопе, стал готовить десантную операцию в тылу русских войск на Кавказе и опередил противника – русский флот под командованием В.А. Корнилова и П.С. Нахимова в Синопском сражении 18 (30) ноября 1853 г. отправил на дно турецкую эскадру. Исход этого сражения заставил западные державы активизировать поддержку Турции.

В начале января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Чёрное море «для защиты османской территории». 9 февраля 1854 г. последовал Манифест императора Николая I «О прекращении политических сношений с Англией и Францией», а в марте между Великобританией, Францией и Турцией был заключён Константинопольский союзный договор против России, по условиям которого обе западные державы согласились послать в помощь Турции сухопутные и морские войска и вывести их из страны немедленно после заключения мирного договора. Со своей стороны султан дал обязательство не заключать сепаратного мира. Вслед за этим Англия и Франция объявили (в конце марта) России войну, а 10 апреля 1854 г., согласно заключённому в Лондоне союзному договору, учредили оборонительный и наступательный союз против России – во имя сохранения Турции в её настоящих границах и европейского равновесия²³. Получилось

так, что первые шаги Турции по проведению широкомасштабной реформации и европеизации (согласно первому документу танзимата) были предприняты в годы Крымской войны, когда она стала военным союзником Англии и Франции.

В марте 1854 г. русские войска форсировали в ряде мест Дунай и сосредоточились в Северной Добрудже, а в мае, преодолев упорное сопротивление турок, осадили крепость Силистрию – ворота в Болгарию. Австрия крайне враждебно отреагировала на занятие Дунайских княжеств и стала стягивать войска в пограничную Трансильванию. Из-за опасности удара австрийцев в спину к сентябрю русская армия была отведена за Прут, а княжества были оккупированы австрийцами.

Война разгоралась, союзникам удалось легко перенести основные бои на территорию России – Проливы были предоставлены в их распоряжение. В течение 1854 г. флот Великобритании и Франции предпринял ряд ударов по русским портам не только в Чёрном море, но и на самых дальних направлениях²⁴. Париж и Лондон оказали содействие в получении Турцией в 1854 г. от банкирских контор Палмер (Лондон) и Голдшмит (Париж) 6% займа в размере 3 млн. ф. ст. «для покрытия военных расходов османского правительства в Крымской войне». Это был первый заём Турции из целой серии последующих займов, составивших впоследствии в итоге громадный так называемый Оттоманский долг. Второй заём последовал на следующий год – в размере 5 млн. ф. ст. под 4%. Третий заём на 5 млн. ф. ст. под 6% был предоставлен уже в 1958 г. – для ликвидации ущерба, нанесенного Турции закончившейся к тому времени войной²⁵.

На Кавказе было отмечено наиболее масштабное участие турецкой армии в Крымской войне, там Турция действовала без участия союзных войск. Летом 1854 г. турецкая армия вторглась в Грузию, пытаясь прорваться к Тифлису, но в итоге боевые действия были перенесены на территорию Турции. На границе с Персией в июле 1854 г. русский отряд разбил во встречном бою 20-тысячный корпус турок и через два дня овладел крепостью Баязет. Главные русские силы 24 июля 1854 г. при Кюрюк-Даре нанесли поражение 60-тысячной группировке под командованием Зариф-паши, после чего турки потеряли возможность вести наступательные действия на Кавказе. Весной 1855 г. 40-тысячный корпус генерала Н.Н. Муравьёва оттеснил турок к

Эрзеруму. Гарнизон пограничной турецкой крепости Карс (33 тыс. человек) оказался в блокаде, а в ноябре того же года капитулировал. Пользуясь господством на море, турки высадили в русском тылу, в Сухуми, 45-тысячный корпус Омер-паши, который начал продвижение в Грузию. Осенью 1855 г. русский отряд оказал Омер-паше упорное сопротивление на реке Ингури, а затем остановил турок, которые отошли к Сухуми и в феврале 1856 г. эвакуировались в Турцию.

По-иному, не в пользу России развивались военные действия вне Кавказа. На Чёрном море англо-франко-турецкий флот насчитывал 34 линейных корабля и 55 фрегатов, большинство из которых были паровыми. Русский черноморский флот состоял из 14 парусных линейных кораблей, 6 фрегатов и 6 пароходов-фрегатов. Осенью 1854 г. союзники осуществили высадку своих главных сил в Крыму с целью захвата Севастополя – главной базы русского черноморского флота. Его осада длилась 349 дней, пока превосходящие вооружённые силы Франции, Великобритании, Турции и (с 1855 г.) Сардинии не заняли город. К декабрю 1855 г. на всех фронтах боевые действия были прекращены. Потери России в Крымской войне составили 500 тыс. человек, Турции – 400 тыс., Франции – 95 тыс., Англии – 22 тыс. человек.

Еще осенью 1855 г. новый император Александр II (Николай I скончался 18 февраля 1855 г.) посетил Крым и убедился в бесперспективности продолжения войны. В конце февраля 1856 г. начал работу Парижский мирный конгресс, завершившийся 18 (30) марта 1856 г. подписанием Парижского мира между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией.

Мирный Трактат с приложением конвенции о Проливах от 18 (30) марта 1856 г. «во имя Бога всемогущего» постановлял «быть на вечные времена миру и дружеству между» участниками Крымской войны, обязывал императора всероссийского «возвратить е. в. султану город Карс с цитаделью оною, а равно и прочие части оттоманских владений, занимаемые российскими войсками». Аналогичным образом император французов, королева Великобритании и Ирландии, король сардинский и султан обязывались «возвратить императору всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками»²⁶.

Несомненно, ряд положений этого договора, касавшихся Чёрного моря, наносил существенный удар по престижу России и безопасности её южных границ. Так, военное поражение в Крыму надолго подорвало позиции России на Балканах и на Ближнем Востоке. Россия лишалась единоличного права покровительства Дунайским княжествам и Сербии. В то же время все территориальные и политические претензии Турции «об исправлении русско-турецкой границы» и судьбах Закавказья были отвергнуты²⁷.

Достаточно неожиданной статьёй мирного договора можно считать девятую, которая касалась внутренних дел Османской империи, имея лишь косвенное отношение к проблемам, которыми занималась мирная конференция в Париже. В статье было записано, что реформы танзимата продолжают, а договаривающиеся державы «признают высокую важность сего сообщения, разумея при том, что оно ни в каком случае не даст сим державам права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения е. в. султана к его подданным и во внутреннее управление империи его».

После завершения конгресса там же, в Париже, 15 апреля 1856 г. было подписано соглашение о союзе между Англией, Австрией и Францией, по которому Османской империи этими державами гарантировались территориальная целостность и суверенитет – в соответствии с выполнением Россией всех пунктов Парижского мирного договора. Сложилась так называемая «Крымская система», имевшая антирусскую направленность²⁸.

Второй танзимат

Итак, с официального благословения подписантов Парижского мирного договора, в правление султана Абдулмеджида (1839–1861 гг.) Турция начала второй этап реформ танзимата. Речь идёт о документе, именуемом турецкими историками *Хатт-и шерифе* (или Ислахат ферманы – фирман о реформах) и принятом 28 февраля 1856 г., всего за месяц до подписания Парижского договора. Он был принят в условиях неприкрытого давления военных союзников Турции, на исходе победоносной для них и Турции Крымской войны, поэтому по своему общему содержанию был призван довести до конца и конкретизировать реформы, намеченные и начатые 3 ноября 1839 г. Поскольку реформация и реформаторы активно поддерживались Англией и затем Францией, вся

эта активность должна была предупредить военное решение проблемы, острота которой на рубеже XIX и XX вв. явно приближалась к максимуму.

Географический (приграничный) фактор облегчал для России и Австрии военное решение Восточного вопроса, но Англия и Франция лишь на дальних окраинах империи либо на море могли прибегнуть к такому способу, а на Балканах и на Кавказе для них он был недоступен. Все надежды урегулировать здесь Восточный вопрос в свою пользу эти две ведущие державы связывали с переговорами о реформах в империи, которые таким образом решали бы, наконец, обострившиеся до крайности этнорелигиозные конфликты.

Но не станут ли эти реформы «новым платьем короля» – ведь всё более очевидным для многих европейских политиков становилось несоответствие путей и направлений развития европейских держав и Османской империи, несмотря на достижения последней, представлявших две разные цивилизации. Равенство прав мусульман и христиан империи уже было декларировано в первом манифесте танзимата, в нём ясно сказано о гарантиях равных прав всех подданных империи.

И на этот раз в фирмане султан заявлял, что «с момента воцарения на престол нашим главным желанием была забота о счастье всех наших подданных». Причём утверждалось, что предпринятые ранее реформы «во имя счастья всех подданных» принесли «очень полезные результаты, государство с каждым днём богатее и благоустраивается», ныне пришло время «ещё более укрепить и расширить новый порядок» благодаря «как усилиям всех моих подданных, так и дружеской поддержке великих держав». «Гарантии, дарованные мною согласно оглашённому в Гюльхане Хатт-и Хумаюну и благам Танзимата для защиты жизни, имущества и чести всех моих подданных любой религии и верования, ещё раз мною подтверждаются и для практического выполнения этих гарантий будут предприняты необходимые эффективные меры. И сейчас остаются в силе все привилегии и религиозные льготы, дарованные в прошлом моими предками христианам и другим немусульманам»²⁹.

Новый документ уточнял целый ряд привилегий для немусульман, при этом чаще всего под этим словом подразумевались христиане. Так, меджлисы, образуемые в патриархатах, должны

требования подданных-христиан доводить до сведения правительства; избрание патриарха должно регулироваться определёнными правилами. Руководители христианских общин не могли собирать у своей паствы средства на общину – деньги обеспечивались властями. Для исполнения своих обрядов каждая христианская община создавала свой совет; предпринимались меры к быстрому исполнению просьб, направляемых правительству христианами, причём не могло быть никакого вмешательства в религиозные дела христиан. Христиане могли поступать на государственную службу, получать образование в военных и гражданских учебных заведениях. В случае возникновения торговых и уголовных тяжб судебные заседания должны были происходить публично и при участии смешанной комиссии – в том случае, если в тяжбе с одной стороны оказывается мусульманин, с другой – христианин, либо если с одной стороны участвует христианин, а с другой – иностранец. В некоторых правовых ситуациях христиане по желанию могли обратиться к своим патриархам. Иностранцам разрешалось владеть в Османском государстве недвижимым имуществом.

Фирман не только подтверждал, но особо, даже нарочито подчёркивал принцип полного равенства между всеми подданными империи, независимо от их вероисповедания, позже, как мы увидим, идея равенства воплотится в доктрину османизма. Внешне этот манифест являлся актом «суверенной воли» султана, но упоминание его в парижском трактате означало, что исполнение фирмана ставится под контроль иностранных держав.

Оценивая Ислахат ферманы, турецкие учёные-юристы пишут, что документ, обеспечивая равенство между христианами и мусульманами, даже «нарушал в известной мере исламское право». Так, по их мнению, «признание за христианами и иностранцами преимуществ при судебных разбирательствах создавало опасность подрыва и разрушения правового единства». Столь же негативным действием для них было включение фирмана в текст Парижского договора, «ведь в этом же договоре запрещается вмешательство во внутренние дела Османского государства, коим и является упомянутое включение», и таким образом косвенно допускается, что великие державы могут распоряжаться Османской империей»³⁰. Поэтому исполнение второго фирмана оказалось делом сложным, оно осуществлялось главным образом в

Стамбуле и ближайших регионах. В дальних эялетах соответствующие инстанции принимали и рассылали множество инструкций и распоряжений, разъяснений, шла длительная переписка о том, например, как учреждать местные медресы с привлечением немусульман, как заменять систему откупов, как собирать налоги созданному ещё в 1838 г. министерству финансов и т. п. На местах игнорировались положения о равенстве, об ограничении действия шариатского права, в том числе в системе образования³¹.

Именно на местах в возникавших конфликтах между проводниками танзимата и улемами последние обвиняли сторонников танзимата в безбожии, а некоторые крайние националисты упрекали в низкоклонстве перед Западом, в готовности ликвидировать господство тюрко-исламских принципов в угоду немусульман, в стремлении привести страну под господство европейских держав. Эти круги наиболее активно представлял садразам Хюсрев-паша (Коджа) и др. Однако, находясь под постоянным давлением своих союзников, апеллировавших к статье 9-й нового султанского манифеста, султанская власть, как могла, продолжала выполнять то, что было в нём обещано, многие государственные службы, учебные заведения, находившиеся ранее под контролем и руководством положений шариата, постепенно менялись в соответствии с европейским законодательством. Влияние улемов заметно уменьшилось, были приняты важные меры по регулированию в сфере личного права немусульман – таких как религия, наследование, брак и т. д.

В осуществление хатти-шерифа продолжилась реорганизация народного образования, был создан университет в Стамбуле (Дарульфюнюн, 1863 г.), издан административный кодекс, разделены функции пашей между представителями военного, гражданского и финансового ведомств, созданы смешанные коммерческие суды. Был введён уголовный кодекс. Взимание хараджа (поголовное обложение христиан) было возложено вместо чиновников на представителей христианских общин. Все эти реформы – половинчатые, недостаточные, проводимые в обстановке противодействия феодально-клерикальных сил, – мало удовлетворяли буржуазию. Только военная реформа-реорганизация армии по европейскому образцу дала известные результаты.

Следует упомянуть принятие закона о муниципалитетах (1854 г.), о создании Архивного управления и т. д. Особо важным называется турецкими авторами Земельный кодекс 1858 г.³²

Согласно современным оценкам турецких специалистов, значимость закона 1858 г. состоит в следующем: с его принятием частнособственнические земли были отделены от земель в деревнях и касаба от государственных земель, они представляли собою частную земельную собственность. Частные земли, ранее очень ограниченные по площади, со временем получили большое распространение³³.

Примером регулирующей деятельности властей в сельском хозяйстве в соответствии с требованиями времени можно считать попытки Мидхат-паши в его бытность правителем Дунайского вилайета организовать там кредитные сельскохозяйственные кассы, что должно было «ослабить гнёт ростовщиков в сельском хозяйстве вилайета» и таким образом способствовать экономическому развитию края и развитию в нем капиталистических отношений³⁴.

Судьба Земельного кодекса и некоторых других важных законов отражала острую борьбу в турецкой элите, окружении султана по поводу конкретного содержания реформ, декларируемых Танзиматом. Европейское и шариатское право сталкивались в реформаторских законах постоянно. Так произошло и с другим важнейшим законом – Гражданским кодексом. Подготовка его была поручена комиссии, возглавляемой известным историком с весьма консервативным мировоззрением Ахмедом Джевдет-пашой (1822–1895 гг.), который отверг предложения о принятии за основу французского гражданского кодекса. Он был убеждён, что мусульманскому обществу будет невозможно воспринять гражданское право христианского государства, что необходимо систематизировать и упорядочить гражданское право на основе исламского права, т. е. шариата. В результате на свет после долгой работы комиссии (в 1868–1876 гг.) появился 16-томный труд Меджелле-и Ахкам-и Адлийе – первый в исламском мире Гражданский кодекс³⁵.

Меджелле не был единственным документом этого периода, регулирующим право в стране. Во второй половине XIX в. был принят ряд законов, касающихся суда, прокуратуры, нотариата и адвокатуры. Как пишет И. Ортайлы, «стало очевидным, что мо-

нистической форме судебного разбирательства, предусмотренной мусульманским правом, нанесён серьёзный удар, поскольку в исламе отсутствует право личности защищаться перед судебной инстанцией самому или через адвоката, отсутствуют принципы множественности суда. Основа судебного разбирательства в исламе монистическая. В итоге... суды были реорганизованы в иерархическую систему; практика свидетельствовала, что кади перестал считаться единственным независимым юридическим авторитетом»³⁶.

В целом период реформ подходил к своему завершению, энтузиазм в правящей элите по поводу европеизации угасал. Абдулазиз, вступивший на престол в 1861 г. после смерти Абдулмеджида, продолжил некоторые реформы, но, укрепившись на троне, утратил к ним интерес, что, естественно, сопровождалось усилением гнёта в отношении как турецкого, так и инонационального населения.

Османская европеизация не мыслилась без сохранения основ шариата. Олицетворением такой «модели» реформации были деятели типа Ахмеда Джевдета-паши, активно влиявшего на политику дворца, воспитанного в системе медресе, в традициях мусульманской культуры³⁷. Несдержанный на язык Мидхат-паша, отец турецкой конституции, в одной из дискуссий с Джевдетом-пашой, которого он явно недолюбливал, обвинил его в незнании Европы, незнании французского языка, в то время языка европейской культуры и дипломатии, и заявил, что «любой чистильщик обуви знает французский лучше тебя!»³⁸.

Идеологическим обоснованием необходимости сохранения такой социальной модели продолжали быть идеи, оставшиеся от средневековья, от эпохи побед, завоевательных войн, обеспечивших империи статус могущественнейшей мировой державы. Это были прежде всего идеи о величии и могуществе государства. Как справедливо пишет Фероз Ахмат, «идея о том, что величие государства – прежде всего», прочно укоренилась в османском обществе, его культуре. Эта идея обеспечивала вмешательство государства во все сферы деятельности общества. И в годы расширения империи, и в годы её отставания любая инициатива исходила от государства»³⁹.

О неэффективности многих положений танзимата можно судить по состоянию в указанные годы основы финансового бла-

гополучия государства и его возможностей на пути самостоятельной модернизации – налоговой системы. Оценивая её, В.И. Шпилькова подчёркивает, что налоги использовались непроизводительно, не направлялись в сферы материального производства, большая часть их шла на содержание султанского двора, государственной администрации и армии, а также на удовлетворение нужд османской феодальной верхушки. Со второй половины XIX в. значительная часть налогов поступала в руки западноевропейских государств ⁴⁰.

По данным В. Эльдема, до конца века и даже позже старые налоги в большинстве своём оставались основными, в том числе такие, как десятина (ашар), на скот (агнам), таможенный налог ⁴¹. Остались и внутренние таможенные сборы, препятствовавшие развитию рынка, продолжала действовать откупная система. В те годы национальная предпринимательская прослойка была немногочисленной и неспособной решать задачи «догоняющего развития».

Львиная доля расходов государства приходилась на содержание власти. Многие исследователи обращают внимание на чрезвычайно высокое жалование верхушки турецкой бюрократии в период танзимата. В. Эльдем пишет, что в Турции денежной аристократией империи были не крупные торговцы и промышленники, а верхушка бюрократии. Для верхушки бюрократии это не было единственным источником их существования, поскольку многие из них владели и землей ⁴². Писатель Яхья Кемаль, вынужденный в процессе развала империи оставить Македонию, поселился в Стамбуле у своего родственника в особняке на берегу Босфора. Когда однажды автор спросил одного из гостей особняка, почему тот, имея хорошие музыкальные данные, занимается чиновничьей работой в министерстве финансов, в ответ услышал: «Ах, вы не знаете всех сладостей государственного жалования, это знает лишь тот, кто его получает». Другой постоянный гость, судейский чиновник, «раз в два-три месяца снимал свой халат, чтобы отправиться в присутствие за жалованием» ⁴³.

Консерватизм и живучесть «капы кулу» – султанского чиновничества, особенности его верхушки – также рассматривается в контексте причин, приведших к упадку и развалу Османской империи. Побывавший в Турции в годы Танзимата русский географ П.А. Чихачев писал, что высокие оклады чиновников – тяжёлое бремя для финансов страны. «В Турции не менее 30 министров и

120 мяширов, или маршалов. Содержание одного министра составляет в среднем 250 тыс. фр. в год, а каждого мяшира – 200 тыс. фр., т. е. в целом 81 млн. фр. Иными словами, министры и высшие военные чины обходятся государству в сумму, превышающую одну шестую часть всего годового дохода., с другой стороны, громадные оклады высших военных чинов являются резким контрастом с ничтожной оплатой служащих более низкого ранга»⁴⁴.

Богатствам и расходам султанов в XIX в. в самый разгар реформ и после них, европеизации, их невероятным размерам поражались многие авторы. П.А. Чихачев записывал, находясь в Стамбуле в 1858 г.: «Личный долг султана (возрастающий ежегодно)... принимает ужасающие размеры. В настоящее время он, по-видимому, не ниже суммы государственного долга. В Европе почти невозможно представить себе более сумасбродное расточительство»⁴⁵.

Джон Фрили пишет о расточительстве султана Абдулазиза. После своего путешествия по Европе в июне–августе 1867 г., во время которого он был принят главами государств в Париже, Лондоне, Брюсселе, Кобленце и Вене, он на своей яхте «Султание» вернулся по Дунаю и Чёрному морю в Стамбул – «под восторженные крики своих подданных». После этой поездки султан «пустился в расточительство, подорвавшее его репутацию. Помимо огромных каменных зданий на территории Чирагана и Бейлербея, он также построил летние дворцы в Кагитхане, Чекмедже и Измите, а затем ощутил нужду в изящной мебели и красивых женщинах, чтобы украсить и оживить эти дворцы»⁴⁶. Дворец Йылдыз, когда становился резиденцией султана, превращался в целый город. Сырьё для действовавшего здесь дворцового фарфорового завода доставлялось из Франции. Здесь же был дворцовый театр, в котором выступали оркестры, ставили оперы, оперетты, показывали комедии. Дворцовый сад управлялся особой администрацией во главе с генеральным директором, в его распоряжении – контролёр, четыре управляющих и 300 садовников. В различных службах дворца насчитывалось несколько сотен людей, начиная от маршалов, имамов, руководителей служб и кончая десятками поваров, врачей, аптекарей, брадобреев, библиотекарей, гаремных евнухов и т. п.⁴⁷

Всё это – свидетельства о том, что до последних дней в империи сохранялся феодальный абсолютистский режим с его понятиями величия и мощи государства, причём главные составляющие этого режима – не только сам султан, но и его ближайшее окружение, «жадную толпой стоящее у трона», верхушка военной и гражданской бюрократии, центральные правительственные органы, правители в провинциальных центрах. При таком режиме разговоры о реформах, о подлинной европеизации во имя модернизации и укрепления государства были насмешкой.

Разумеется, в тот период всемирной истории, когда капитализм как мировая система уже завершал своё утверждение, он неизбежно воздействовал и на османское общество, на его феодальный аппарат, верхушку, побуждал её к действиям, к тому же Танзимату. В экономическую «европеизацию» был в состоянии включаться не столько «предпринимательский элемент», сколько традиционные обладатели крупной недвижимости, прежде всего земли – землевладельцы и кадры бюрократии, что означало часто одно и то же⁴⁸.

Итак, во второй половине XIX в. империя являла собою всё более противоречивую картину – некую амальгаму традиционного исламского государства и общества с явными признаками поверхностной вестернизации. Побывавший в эти годы в Стамбуле итальянский художник Эдмондо Д'Амичи воочию убедился в этом. Он пишет, что район Пера в Стамбуле – европейский город, «улица, по которой мы идём, окаймлена английскими и французскими отелями, богатыми кафе, яркими магазинами, театрами, консульствами, клубами, посольскими особняками, среди которых каменный дворец русского посольства возвышается, словно крепость...». Слышится греческая, итальянская, французская речь, «турки в восхищении останавливаются перед витринами магазинов и парикмахеров, турчанки стоят с открытым ртом перед витринами модисток; европеец говорит громко, смеётся и шутит посреди улицы, мусульманин чувствует, что он здесь чужой». Любопытны высказывания и о мусульманских кварталах, в которых невооружённым взглядом можно было видеть происходившие перемены, прогресс реформаторов и сопротивление старых турок. «Старый негнибемый турок носит ещё тюрбан, кафтан и традиционную обувь из желтого сафьяна, причём у самых негнибемых – самый большой тюрбан. Реформиру-

ванный турок одет в длиннополое черное пальто и брюки со штрипками, как турка его выдает лишь феска»⁴⁹.

Начатые ранее реформы и, прежде всего, реформы танзимата постепенно приближали общество и государство к переменам, неизбежность которых ощущали все слои общества, хотя и далеко не все в элите были готовы пойти на эти перемены. И сейчас историки спорят о том, насколько органичны были реформы в рамках модернизации и какие из них носили поверхностный, подражательский характер и оказывались имитацией.

После Крымской войны пришло время борьбы нарождавшейся турецкой буржуазии и «новых» старых собственников за учреждение конституционного режима, который должен был сменить режим нерегулярных султанских фирманов с их пышными декларативными положениями о благе народа и равенстве подданных.

Идеологами конституционного движения стали интеллигентско-чиновничьи круги, представители военной верхушки. Несомненно, зарождение в 1860-х годах такого движения могло произойти под воздействием реформ танзимата, а также по причине возраставшего неверия в готовность абсолютистской власти продолжать и углублять реформы.

Движение за европеизацию и возрождение с началом периода Танзимата вошло в новую фазу, проявив себя в идеологии, культуре и образовании. Впервые в истории Турции создавались средние школы светского типа – рюштие. Открывались морские и инженерные училища, библиотеки и музеи; лицеи начали готовить новую, светскую интеллигенцию. Наиболее одарённую молодёжь посылали за границу для получения или продолжения образования. Министрами назначали людей, получивших образование на Западе или прошедших там стажировку. Бюро переводчиков, созданное в Стамбуле в 1832 г. при министерстве иностранных дел, уже не группа толмачей, после 1839 г. оно выглядело маленьким институтом, где изучались западные языки, устраивались литературные диспуты. В открывшемся Галатасарайском лицее («Mekteb-i Sultani») преподавание велось на турецком и французском языках. Многие из окончивших его впоследствии заняли видные посты в армии и государственных учреждениях. Элементы западного быта входили в жизнь населения Турции, в первую очередь это касалось аристократических кругов. На улицах городов появлялись люди, одетые в

западное европейское платье, во дворце и в частных особняках ставились отрывки из западноевропейских пьес и т. п.

Начали издаваться общественно-политические газеты на турецком языке, увеличилось число переводных произведений, в частности учебников и практических руководств, составлялись грамматики турецкого языка, выходили словари. В турецкий язык вошло много новых иностранных слов, выразивших новые понятия, новые идеи, связанные с новыми явлениями в области культуры, литературы, искусства.

Оживление общественной жизни ознаменовалось появлением целой плеяды общественных деятелей, публицистов, поэтов и писателей, многие из которых выступали как выразители просветительской идеологии⁵⁰.

Историк Т. Туная пишет, что именно в этой среде в 1865 г. возникло общество новых (или молодых) османов – любителей истории. В этой группе играли ведущую роль видные представители турецкой интеллигенции – первые турецкие просветители, такие как поэт, автор пьес Намык Кемаль, литератор Шинаси-бей, крупный чиновник и поэт Зия-паша, учитель Али Суави-бей и др. К группе примкнул крупный государственный деятель, в дальнейшем ставший одним из руководителей тайного общества, Мидхат-паша. Они объединились вокруг центральной идеи – создания в стране конституционного режима⁵¹. Члены группы требовали, чтобы в империи, как и в Европе, было эффективное централизованное правительство, был избранный парламент, была конституция. 24 марта 1867 г. ими был согласован проект конституции, но в мае Намык Кемаль и Зия-паша вынуждены были бежать за границу вследствие раскрытия планов общества и опасаясь репрессий режима Абдулазиза. Мидхат-паша остался в Турции.

Одно из центральных мест в программе «новых османов» занимала концепция османизма. В работах Намыка Кемалья, Мидхат-паши и ряда других идеологов «новых османов» подробно обосновывалась идея о возможности полной ликвидации национальных и религиозных противоречий в результате осуществления конституционных преобразований в Османской империи. Идеиные вожди «новых османов» доказывали, что возможно братское единение всех народов империи⁵².

Уместно напомнить, что 30 мая 1876 г. ярый противник движения «новых османов» Абдулазиз был свергнут (не без их участия) с престола. Ему припомнили также январский демарш европейских держав по поводу расправ в Боснии и Герцеговине, салоникских погромов, а также кровавое подавление восстания в Болгарии весной 1876 г. и т. д. Его сменил на короткое время Мурад V, который противником конституционных идей вовсе себя не считал⁵³.

Однако, как пишет Д. Фрили, «к тому времени, когда Мурад сел на трон, он стал уже безнадёжным алкоголиком, а его психика настолько деградировала, что он был не в состоянии править». Мидхат-паше и его сподвижникам ничего не оставалось, как организовать в августе 1876 г. низложение Мурада V и затем посадить на престол Абдулгамид II. «Шейх-уль-ислам, державший нос по ветру, тут же выпустил фетву, в которой говорилось о неспособности Мурада V править страной в результате затмения ума. Мурад воспринял эту новость совершенно безропотно». 31 августа утром Абдулгамид прибыл в Топкапы и сразу же прошёл в тронный зал, где все министры и прочие государственные деятели империи провозгласили его султаном Абдулгамидом II. В десять часов залпы из ста пушек возвестили населению о низложении старого султана и воцарении нового, после чего Абдулгамид II сел на пристани в султанский катер и в сопровождении других весельных судов, на которых находились все придворные, проследовал во дворец Долмабахче⁵⁴. Итак, после трёхмесячного правления Мурада V на османском престоле воцарился Абдулгамид II. «Новые османы» надеялись на то, что проведение намеченных ими реформ и введение конституции погасит разгоревшееся в это время пламя восстаний в христианских провинциях.

Восстание в Болгарии, вспыхнувшее в апреле 1876 г., было подавлено, однако военные действия против Турции начали Сербия и Черногория, опиравшиеся на моральную поддержку Российской империи. Указом Абдулгамид была учреждена комиссия по разработке проекта конституции, главой которой был назначен Мидхат-паша. 6 декабря проект был готов и утверждён кабинетом министров. Абдулгамид назначил Мидхат-пашу великим везирем, а 19 декабря 1876 г. был создан первый парламент Османской империи.

Торжественное объявление конституции состоялось 23 декабря 1876 г. Конституция определяла общую структуру государства, его органы и взаимодействие между ними, основные права и свободы граждан; таким образом, впервые было документально установлено правовое положение Османской империи⁵⁵. Она провозглашала в Турции конституционную монархию.

Султан имел право назначать и смещать министров, объявлять войну, заключать мир, вводить военное положение и прекращать действие гражданских законов, за ним признавалось право отправлять в ссылку любого, кого он мог посчитать угрозой государству. Провозглашалась личная свобода и равенство перед законом всех подданных империи без различия вероисповедания, гарантировалась безопасность движимой и недвижимой собственности, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей на основе закона, запрещение барщины, конфискаций и штрафов. Она также декларировала свободу печати, объявила об обязательном начальном образовании. Предусматривалось создание двухпалатного парламента, в котором члены сената назначались султаном пожизненно, а палата депутатов избиралась на основе высокого имущественного ценза. Члены сената назначались султаном пожизненно из лиц не моложе 40 лет, занимавших ранее высокие государственные посты. Сенат имел право отвергать законопроекты, принятые палатой депутатов. Палата депутатов избиралась мужским населением империи тайным голосованием из расчета 1 депутат на 40 тыс. жителей. Ими могли быть подданные империи, владеющие турецким языком и достигшие 30-летнего возраста. В права этой палаты входило обсуждение и утверждение государственного бюджета, а также рассмотрение и утверждение законопроектов, касающихся финансов и положений конституции. В конституции были, наконец, определены права и обязанности министров и чиновников империи, а также принцип гласности и независимости судов, подчёркивалось, что Османская империя – единое целое, которое не подлежит расчленению. Этот пункт был направлен против освободительной борьбы нетурецких народов. Все подданные империи объявлялись «османами» и считались равными перед законом. Государственным языком признавался турецкий, а государственной религией – ислам.

Несмотря на всю ограниченность, конституция носила прогрессивный характер. И всё же влияние «новых османов» в турецком обществе не было достаточно сильным, чтобы обеспечить беспрепятственное развитие Османской империи по новому пути.

Введением конституции Абдулгамид II стремился, с одной стороны, успокоить нараставшее в стране брожение, с другой – внести разлад в действия великих держав. Ведь 11 декабря 1876 г. в Стамбуле началась работа международной конференции, созданной по последствиям кровавых событий, развязанных властями империи в турецких владениях на Балканах. После некоторых споров уполномоченные европейских держав выработали единый проект автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии. Заключительное заседание конференции состоялось 23 декабря, на него были также приглашены представители турецкого правительства. В разгар заседания раздались мощные залпы из сотни орудий. Это был салют в честь провозглашения конституции. Министр иностранных дел Османской империи Сафсет-паша торжественно объявил изумлённым делегатам об этом событии и заявил, что конференция теряет всякий смысл, поскольку конституция уже обеспечивает проведение всех необходимых реформ. Тем самым рекомендации конференции полностью отклонялись. 20 января 1871 г. её работа была прекращена, и европейские державы отозвали своих послов из Стамбула.

Вскоре после провозглашения конституции султан начал готовить её ликвидацию⁵⁶.

Сменила ли оформившаяся в XIX в. доктрина османизма доктрину газавата? Султанские фирманы 1839 и 1856 гг., а теперь конституция 1876 г. и все сопутствовавшие им законодательные акты не содержали и намёка на газават – наоборот, за сохранявшейся пышной риторикой о могуществе империи звучала тревога и растерянность, страх перед новой обновленной Европой, готовность следовать за этой новой Европой и даже надежды интегрироваться в этот новый мир. Отказ в условиях начавшейся османской европеизации от газавата подразумевал одновременно и отказ, по крайней мере на бумаге, от его внутренней составляющей – бесправия немусульманского населения империи.

Отсутствие у конституционалистов прочной социальной базы позволило султану Абдулгамиду вскоре расправиться с их лидером Мидхат-пашой и декларированным конституционным режимом.

5 февраля 1877 г. Мидхат-паша был арестован и доставлен на борт султанской яхты «Иззеддин». Её капитан получил приказ отвезти бывшего великого везира в любой иностранный порт по его выбору. Таким способом отец первой турецкой конституции был выдворен из Турции за границу. За несколько дней до этого были высланы другие лидеры младоосманов.

Парламент собрался в марте 1877 г.; кандидаты младоосманов не были допущены к баллотированию. Он состоял преимущественно из крупных землевладельцев, представителей высшей бюрократии и духовенства, делегированных от миллетов. Сколь ни был послушен султану этот парламент, в течение двух первых (и последних!) сессий 1877–1878 гг. он всё же осмеливался критиковать деятельность правительства и поднимал свой голос в защиту прав миллетов, о близких ко двору казнокрадах, об управлении вилайетами, об организации муниципалитетов, о бюджете, о печати. В мае 1877 г. палата потребовала у правительства объяснений причин тяжелых поражений, которые понесла турецкая армия в войне с Россией (о войне см. ниже). На сессии палаты второго созыва дело дошло до того, что депутаты стали ставить вопрос о доверии великому везиру и ряду министров – палата смогла даже добиться от султана смены кабинета министров.

Когда катастрофическое поражение турецких войск в войне с Россией стало очевидным и перед русской армией была практически открыта дорога на Стамбул, султан Абдулгамид в середине февраля 1878 г. распустил парламент на неопределённый срок. Хотя конституция формально отменена не была, парламент не собирался в течение 30 лет, до революции 1908 года.

Итоги османской реформации и Восточный вопрос к началу XX века

Неисполнение Портой в провинциях империи объявленных ею же реформ по уравниванию прав христиан с мусульманами, продолжение произвола местных феодалов вызывали всё большее недовольство населения. По-видимому, выполнение этих обещаний в рамках танзимата превратилось в безнадёжное дело.

Подтверждалась истина о том, что на Востоке, по крайней мере в мусульманском мире, в Османской империи-халифате переход к гражданскому, светскому мышлению носит затяжной ха-

ракти. Карл Маркс, внимательный комментатор бурных событий в Османской империи в середине XIX в., писал в газете «Нью-Йорк Дейли Трибьюн» в 1854 г. по поводу надежд европейских политиков на «уравнение в правах христианской и магометанской религий» в империи: «Это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и её правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнять в правах перед Кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами... разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»⁵⁷. Турецкий автор М. Кара высказывал аналогичную мысль по-своему: «вестернизация, начавшаяся с приходом XIX в., предусматривавшая соединить воедино два совершенно различных мира в один, напоминала попытки приладить две разные головы одному человеку»⁵⁸.

В 1874–1875 гг. турецкое правительство усилило налоговое давление в своих балканских владениях, даже не посчитавшись с неурожаями. Особенно резко увеличились налоги в середине 1870-х годов, когда финансовое положение Османской империи (но не правящей элиты!) стало катастрофическим, а в октябре 1875 г. она объявила о частичном финансовом банкротстве. Сборщики податей прибегали к репрессиям, другая сторона всё чаще бралась за оружие. Как мы отмечали в предыдущем параграфе, в 1875 г. вспыхнуло восстание сербов в Боснии и Герцеговине, повстанцы требовали замены ашара поземельным налогом, национального равноправия, религиозной свободы и т. д.

В апреле 1876 г. началось национальное восстание в Болгарии, христианское население которой выставило те же требования. По своему размаху и глубине оно стало крупнейшим восстанием против османов на Балканах. Эту борьбу поддержали жители Сербии и Черногории, добивавшиеся полного отделения от Турции⁵⁹.

Покровительствуя национально-освободительному движению в Османской империи, Россия стремилась в контакте с другими державами, в первую очередь с Австро-Венгрией, добиться про-

ведения необходимых реформ. События в балканском регионе вновь стали важной международной проблемой.

Австро-Венгрия противилась решительным требованиям России, тем более что распространившиеся в эти годы идеи панславизма касались не только Османской, но и Австро-Венгерской империи; её поддержала и стоявшая за ней уже объединённая Германия. Англия же обещала Турции свою поддержку, ведя двойную игру. Действия Англии вселяли в османское руководство уверенность в том, что снова повторятся дни англо-французского союза 1854 г. Европейские державы попытались ограничиться новыми призывами к Турции о проведении реформ в восставших провинциях. Русское правительство, подталкиваемое общественным мнением, видело путь к стабилизации обстановки во введении в Боснии и Герцеговине автономии по примеру Сербии и Румынии, но официально выступать с ним не стало, опасаясь оказаться в одиночестве.

Правда, Россия сделала один весьма серьёзный шаг в Восточном вопросе – покончила с «крымской системой», связывавшей ей руки в Чёрном море после Крымской войны. Главные инициаторы этой антироссийской системы в конце 1870 г. были ознакомлены с так называемым циркуляром А.М. Горчакова, в котором перечислялись аргументы, правомерно освобождавшие Россию от дальнейшего соблюдения ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Собравшиеся по этому поводу в Лондоне дипломаты 13 марта 1871 г. подписали конвенцию о пересмотре Парижского мирного трактата. В этом документе объявлялось об отмене нейтрализации Чёрного моря, то есть статей XI, XIII и XIV Парижского трактата и русско-турецкой конвенции 1856 г. Россия восстановила право строить военные крепости на Чёрном море и держать там военный флот, что позволяло укрепить оборону южной границы государства, расширить черноморскую торговлю и освоение Причерноморья. Договору 1871 г. была суждена довольно долгая жизнь. Он действовал фактически до Первой мировой войны, формально же просуществовал до 1920 г., то есть почти 50 лет. Итоги этой конференции стали дипломатической победой России⁶⁰.

Очередная умеренная программа реформ для балканских народов была передана султану 18 декабря 1875 г. от имени трёх держав – России, Германии и Австро-Венгрии. Англия уклонилась

от активного участия в переговорах. В ноте трёх государств предлагалось ввести свободу вероисповедания для христиан Боснии и Герцеговины, ликвидировать откупную систему взимания налогов, улучшить аграрное положение сельского населения, и др. Но поскольку в ноте не было сказано о гарантиях выполнения этих условий, инициатива не была поддержана повстанцами. Порта, разумеется, по другим причинам, также отказалась принять эту программу.

Многие слои русского общества продолжали настаивать на том, чтобы оказать действенную помощь «единоверцам», порицали жестокие методы турецкого управления. Было поддержано и болгарское восстание против национального и социального гнета османских властей. На новой встрече трёх держав (России, Германии и Австро-Венгрии) в Берлине в мае 1876 г. был подписан меморандум, в котором уже содержались намёки на действенные меры. Документ был поддержан Францией и Италией, но отвергнут Англией.

Османь жестоко расправились с участниками восстания в Болгарии, уничтожая тысячами мирное население. «Их зверства были беспримерными: убивали детей, стариков, женщин; в результате погромов погибли более 30 тыс. человек, сожжено и разгромлено около 300 селений». Это вызвало возмущение всей европейской общественности. Против действий турок выступили В. Гюго, И. Тургенев, Ч. Дарвин, У. Гладстон. Поддержку восставшим оказывало все население России, особенно активны были славянофильские круги, возглавившие сбор пожертвований в пользу восставших. На Балканы направлялись добровольцы из России – солдаты, офицеры, писатели, сестры милосердия, врачи, в их числе Н.В. Склифосовский, С. П. Боткин, писатель Г.И. Успенский, художники В.Д. Polenov, К. Е. Маковский. В сборе средств участвовали видные общественные деятели – критик В.В. Стасов, скульптор М.М. Антокольский; с публичными лекциями, деньги от которых шли на нужды восставших, выступали ученые И.И. Мечников, Д.И. Менделеев и др. В июне 1876 г. военные действия против Турции начали Сербия и Черногория. 11 декабря 1876 г. в Стамбуле в российском посольстве открылась очередная встреча держав по вопросу о выработке программы реформ в Турции. На конференции руководящую роль играл русский посол Игнатьев. Представители турецкого правительства не

были допущены на первые заседания. Конференция выработала проект реформ на Балканском полуострове; предусматривалась автономия для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Но турки опередили дипломатов – 23 декабря, в день, когда на заседание впервые были приглашены турецкие представители для заслушивания решений конференции, их глава, министр иностранных дел, объявил о введении в стране конституции, которая, как он заверил, предусматривает все упомянутые реформы.

Переговоры в Стамбуле были продолжены, но Абдулгамид II, уверенный в своей армии, в поддержке Англии, отказывался принимать рекомендации европейских гостей. 12 (24) апреля 1877 г. в ставке русского командования в Кишинёве Александр II подписал манифест о войне с Османской империей. «Никаких присоединений земель Турции не входит в политику России», – заявил Александр II. Военные действия развернулись одновременно на двух театрах – Балканском и Кавказском. Из войск турецкой армии численностью 450 тыс. человек 338 тыс. находились на Балканах и около 70 тыс. человек – в Малой Азии. Свыше 250 тыс. воинов русское командование направило на Балканы и 55 тыс. – на Кавказ⁶¹.

Перейдя р. Прут, русские войска вступили на территорию Румынии, в мае-июне совместно с болгарскими ополченцами форсировали Дунай. 19 июля отряд генерала Гурко овладел Шипкинским перевалом, но дальнейшее продвижение русских задержалось на четыре месяца вследствие стойкого сопротивления турецких войск, осаждённых в крепости Плевна – она была взята русскими войсками 10 декабря 1877 г. Русское командование приняло решение перейти Балканы зимой. Переход через покрытые снегом Балканские перевалы, обороняемые турками, стал сложной операцией. Помогала поддержка местного населения: болгары служили проводниками, разведчиками, расчищали дороги, снабжали продовольствием. 4 (16) января 1878 г. русская армия и болгарские ополченцы вступили в Софию. Другая группа войск под командованием генерала П.Н. Карпова переходила Балканы через Троянский перевал; третья группа под руководством Ф.Ф. Радецкого – в районе Шипки, где у деревни Шейново находилась 30-тысячная турецкая армия Вессель-паши. В ожесточённых боях за Шипку и Шейново русские взяли в плен почти всю армию (21 тыс.) Вессель-паши. Территория Болгарии была

освобождена от неприятеля. В сражениях под Шипкой и Шейново погибли 5 тыс. русских и болгарских солдат. Памятник на Шипке, сооруженный Россией и Болгарией, – свидетельство их боевого сотрудничества.

Успешные действия русских и болгарских войск у Софии, Шипки, Шейново позволили начать широкое наступление по всему фронту. В начале января 1878 г. Гурко разбил турок под Филиппополем (г. Пловдив); 8 (20) января армия Скобелева заняла Адрианополь.

На Кавказском фронте после первых побед – взятии в мае 1877 г. крепости Ардаган – ситуация для России осложнилась. Порта, рассчитывая на поддержку её действий кавказскими народами, направила в Чечню и Дагестан своих агентов, после чего часть населения этих регионов подняла восстание. В таких условиях в начале октября 1877 г. русские овладели позициями у Базарджика и уничтожили турецкую армию в Авлияр-Аладжийском сражении, что позволило перейти к широкомасштабному наступлению, начать осаду Карса. 18 (30) ноября 1877 г. после ночного штурма крепость пала, в этом сражении отличились русские и кавказские офицеры и солдаты. Дагестанский полк, участвовавший в боях, получил за взятие Карса Георгиевское знамя⁶².

31 января 1878 г. в Адрианополе было подписано перемирие, по условиям которого русские заняли местечко Сан-Стефано на берегу Мраморного моря и русская армия оказалась у самых стен Стамбула. Но появление 15 февраля английского флота в Мраморном море, угроза со стороны Англии и Австро-Венгрии разрывом дипломатических отношений в случае вступления русских войск в Стамбул исключали такое развитие событий, русские войска остановились в 12 верстах от столицы. Здесь 3 марта 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, выгодный для Российской империи, но вызвавший бурные протесты европейской дипломатии.

Вся Болгария от Дуная до Эгейского моря и от Чёрного моря до Охридского озера становилась отдельным княжеством, лишь номинально зависимым от Турции, её крепости в Болгарии подлежали скрытию. Русские войска получали право остаться в Болгарии в течение двух лет. Турция признавала независимость Черногории, территория которой расширялась со стороны Албании, Герцеговины и по Адриатическому побережью; независи-

мость Сербии и Румынии, их территории также расширились. В Боснии, Герцеговине и других областях, населённых христианами, вводились реформы, намеченные Константинопольской конференцией в 1876 г.

На Кавказе к России отходили Ардаган, Карс, Батум и Баязет с Алашкертской долиной и окружающая их территория вплоть до Саганлугского хребта. Статья 16-я Сан-Стефанского договора 1878 г. гласила: «Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновениям и осложнениям... Блистательная Порта обязуется осуществить без замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населённых армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов...»

Турция обязывалась возместить России издержки в 1410 млн. рублей. Из этой суммы 1100 млн. руб. погашались стоимостью уступаемых России территорий в Азиатской Турции, а 310 млн. рублей Турция должна была выплатить деньгами.

Условия договора по многим пунктам противоречили интересам прежде всего Австро-Венгерской империи и Англии, не желавших усиления России на Балканах и образования там крупного Болгарского государства. Они не признали договора, потребовали созыва европейского конгресса для обсуждения заново всех условий перемирия. В Дарданеллы направились новые английские корабли, настроения Лондона, естественно, разделяла и Турция.

Перед Россией встала тень новой Крымской войны и она была вынуждена согласиться на созыв общеевропейского конгресса в Берлине, участниками которого, помимо Турции, стали Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия. Берлинский трактат от 1(13) июля 1878 г. подтвердил положения Сан-Стефанского договора о независимости Румынии, Сербии, Черногории. Болгария по Балканскому хребту делилась на две части – Северную и Южную. Северная была признана вассальным княжеством, со своим правительством и национальной армией, но её территория уменьшалась на 2/3. Срок пребывания русской армии на территории Болгарии устанавливался в 9 месяцев. Южная Болгария («Восточная Румелия») объявлялась авто-

номной турецкой провинцией с губернатором из христиан, Македония оставалась под властью Порты.

Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину, вопрос о судоходстве по Дунаю был решен в её пользу. Румыния попадала в зависимость от Австро-Венгрии как одно из Дунайских государств.

На Кавказе Османской империи возвращался Баязет. Батум оставался за Россией, но объявлялся свободным портом, Россия также получала крепости Карс и Ардаган. Проходы через Саганлукский хребет, ведущие к Эрзеруму, возвращались Турции. Англия укрепляла свои пути на Средний Восток – за «содействие» Порте султан согласился на оккупацию Великобританией Кипра, 4 июня 1878 г. была подписана соответствующая англо-турецкая конвенция («Кипрская»).

Берлинский конгресс не удовлетворил ни победителей, ни побеждённых. Большая часть русского общества была недовольна решениями конгресса, прежде всего в отношении Болгарии; договор не устраивал Порту, её позиции на Балканах были утрачены. Англия и Австро-Венгрия, хотя и выиграли дипломатическое «сражение» с Россией, не почувствовали себя хозяевами Востока. Оккупация Англией Кипра, Австро-Венгрией – Боснии и Герцеговины свидетельствовала об отходе этих государств от принципа «статус-кво» в Восточном вопросе. Эти захваты лишали Лондон и Вену того доверия, которое они раньше имели у султана, способствовали его переориентации на Германию.

Именно она, Германия, оказалась вне «критики» со стороны турецкого правительства. Словесными заявлениями о незаинтересованности в делах Востока и посреднической ролью, которую играл Бисмарк на конгрессе, германское правительство приобрело большое влияние на политику Порты⁶³. Осенью 1889 г., через год после восшествия на престол, в Стамбул прибыл с государственным визитом кайзер Вильгельм II. Абдулгамид оказал ему тёплый прием. Визит кайзера стал первым шагом в экономическом проникновении Германии в Турцию, важной вехой в котором явилось получение немецким капиталом крупной концессии на строительство Багдадской железной дороги.

Германия, в составе владений которой не было земель, населённых мусульманами, поддерживала провозглашенную Абдулгамидом II политику панисламизма, преследовавшую цель объ-

единения под властью турецкого султана мусульман всего мира, живших в России, в английских и французских колониях. В самой Германии получили распространение идеи пангерманизма.

Планы Германии по отношению к Турции обострили англо-германские противоречия. Строительство Багдадской дороги к Персидскому заливу угрожало английским позициям в Египте, на Ближнем Востоке, на путях к Индии. Обостряло оно и германорусские отношения. Россия не могла допустить, чтобы контроль над Проливами перешёл в руки Германии. Перед лицом растущей германской угрозы противоречия между Англией и Россией утратили свою остроту, вопрос о Константинополе и Проливах, являвшийся на протяжении почти всего XIX в. одним из основных англо-русских противоречий на Ближнем Востоке, стал играть меньшую роль. Решающими противоречиями стали здесь англо-германские, приведшие впоследствии к мировой войне.

Последний в XIX в. ближневосточный кризис начался в 1894 г. с очередного подъема национальных движений в Османской империи. Он окончательно подтверждал, что «реформами века» танзимат менее всего облегчал положение национальных меньшинств, оставшихся в империи. В Македонии и в других славянских областях Турции продолжались волнения, в условиях абдулгамидовского режима зулюма они влекли за собой уничтожение христианского населения. Волнения происходили также в Албании, в Аравии среди арабов, на острове Крит.

Они охватили также Западную Армению, поскольку с самого начала царствования Абдулгамид II положение армян в Османской империи стало предметом беспокойства великих держав. В ответ на преследование властями армян на территории империи участились акты ответного террора, осуществлявшиеся боевиками из двух организаций армянских революционеров, «гнчакистами» и «дашнаками». На подавление армянского национально-освободительного движения были брошены специальные части турецкой армии – «гамидская кавалерия», состоявшие в основном из курдов.

В августе 1896 г. армянские боевики захватили Османский банк в Галате, при этом погибли два служащих банка, а 150 пятьдесят человек стали заложниками террористов. Тогда же было совершено покушение на жизнь самого Абдулгамид. Взрывом бомбы, брошенной армянским боевиком, было убито 20 охранников сул-

тана. Сам он не пострадал, однако санкционировал погромы армянского населения в Стамбуле, в результате чего погибло свыше десяти тысяч мирных армян. Боевикам удалось добиться возможности выезда из города. Это событие взбудоражило весь мир.

Резня армянского населения усилила антитурецкие настроения в Западной Европе. Гладстон назвал Абдулгамида «великим убийцей», а Клемансо приклеил ему ярлык «йылдызского чудовища, кровавого султана». Массовые погромы армян, инспирированные сверху, имели место в 1894 г. в районе Сасуна, в 1895 г. в Эрзуруме, Трабзоне и других городах Малой Азии. Стамбульский погром оказался третьим в этом ряду⁶⁴.

Режим Абдулгамида приобрёл на рубеже веков абсолютистский характер – он давно уже расправился с парламентом, который не собирался затем в течение тридцати с лишним лет, перестала действовать и конституция 1876 г. Трагически закончилась жизнь Мидхат-паши – человека, который в надежде на учреждение в империи конституционной монархии привёл Абдулгамида к трону. В 1878 г. Мидхат был возвращен из ссылки и назначен губернатором Сирии. Через два года он был переведен в Измир, но 17 мая 1881 г. был арестован. Его и ещё девять человек предали суду по обвинению в убийстве султана Абдулазиза. 27 июня суд вынес смертные приговоры всем десяти обвиняемым, что вызвало бурю возмущения в Западной Европе, и Абдулгамиду II пришлось заменить смертные приговоры пожизненным заключением. 18 июля 1881 г. Мидхат-пашу отправили в тюрьму на Аравийском полуострове. Свою смерть он встретил 8 мая 1884 г. – тюремные стражники задушили бывшего великого везира, как считают, по приказу султана⁶⁵.

Очевидно, что в целом положение Турции – «больного человека» Европы становилось всё более критическим. Реформы не укрепили империю, она распадалась на глазах, и на Балканах появлялись новые государства; недавние владения империи становились колониями Англии и Франции; к России отходили последние нетурецкие территории в Причерноморье. Как пишет исследователь правления Абдулгамида Орхан Кологлу, мусульманское население империи было духовно растеряно оттого, что «религия уходит из рук». Граждане империи спрашивали друг друга: «Как могло случиться, что мы стали рабами у рабов наших отцов и дедов и как избавиться от этого рабства?»⁶⁶

В течение своего долголетнего (1876–1909 гг.) и жесткого правления Абдулгамид II преследовал в области внутренней политики одну основную задачу – сохранение султанского самодержавия и собственной жизни как отца османской нации, халифа всех мусульман. В этой роли он мог рассчитывать на серьезную поддержку консервативных кругов империи, панисламистов и немалого числа простых мусульман, несмотря на установившуюся в стране атмосферу жестокости. Проводилась шовинистическая политика, преследование немусульманского населения.

Можно проследить определенную связь – рост сопротивления немусульманского населения, проживавшего в османских анклавах на Балканах, часто адекватно совпадал с развитием рыночных отношений в указанном регионе, приграничном к развитым европейским государствам. Протесты недовольного крестьянства, например, были направлены против сохранявшейся там османской феодальной налоговой системы. То же самое можно сказать и о торговле, и в целом о хозяйственном прогрессе в этих анклавах.

Но и турецкое крестьянство также изнывало под бременем непомерных налогов и поборов, находилось в тисках ростовщиков и сборщиков налогов – откупщиков. Земля в основном концентрировалась в руках крупных помещиков и вакуфов⁶⁷.

Здесь уместно поставить вопрос: «А каковы были последствия реформ танзимата в экономике?» К каким социально-экономическим итогам пришло огромное государство к началу XX века?

Исследователи экономической истории Турции подчёркивают, что как и в политике, так и в сфере экономики, в торговле, в финансах реформы в известной мере «направлялись» Западом, примером чему служит принятие и действие торгового соглашения 1838 г. империи с Англией. Турецкий автор Р. Онсой напоминает, что снятие в соответствии с этим соглашением торговых ограничений облегчило проникновение на османские рынки иностранной фабричной продукции, поскольку соглашение не учитывало условий, в которых находилась экономика империи. В первой половине столетия реформисты попытались противостоять европейским странам, боровшимся за османские рынки, и создали в стране предприятия, обеспечивавшие нужды государства, однако эти меры большого успеха не получили, и с 1860-х годов власти отказались от этой борьбы⁶⁸.

Речь идёт о государственных, прежде всего текстильных, мануфактурах в связи с нуждами армии и дворца. Д. Эргиль пишет, что они были «самыми крупными промышленными предприятиями в 40-е годы XIX в.». Для их обеспечения квалифицированными кадрами было открыто техническое училище. «Из Европы было завезено необходимое для этих предприятий оборудование и приглашены технические специалисты. Общее число занятых на фабриках – османских подданных – армян, греков, евреев, болгар и турок составляло примерно 5 тыс. человек»⁶⁹. Самое большое отличие от европейских предприятий состояло в том, что продукция османских предназначалась для поставок не на рынок, которого не было, а в распоряжение государства – армии, бюрократических структур, дворца. Описанные выше примеры расточительного спроса правящей элиты, всего государственного механизма в целом вполне «компенсировали» потребности рынка, хотя о возможностях капиталистического накопления речь не шла⁷⁰.

Османская бюрократия, безусловно, испытывая в XIX в. колоссальное давление догоняющего развития, одновременно пыталась наладить в империи и местную предпринимательскую деятельность, но в это время уже в условиях полузависимости ей было не справиться с западными конкурентами⁷¹.

В целом, как признаёт весьма скрупулезный турецкий исследователь З. Топрак, на протяжении всего XIX в., османские акционерные компании так и не возникли, помимо действовавших «Ширкет-и хайрие» и Сельскохозяйственного банка. Он, в частности, указывает на неразработанность правовых условий предпринимательской деятельности, вплоть до Первой мировой войны «в османском обществе не существовало понятия юридического лица для ширкетов, поэтому они не могли накапливать недвижимое имущество; это задерживало экономическое развитие страны»⁷².

Правда, вдали от западных регионов империи – в районах Аданы, Мерсина, Тарсуса и др. возникали свои анклавные промышленной деятельности, первичной обработки сырья, стимулируемые возрастающим спросом иностранцев – англичан, французов, австрийцев на хлопок, шерсть, табак, лакричный корень, ковры и т. п. Но они и возникнуть могли лишь при содействии западных предпринимателей с их капиталами и навыками. Особенно интерес к хлопку подхлестнул работы по осушению заболоченных земель и

орошению засушливых, по строительству дорог, развитию мелких мануфактур по очистке хлопка, изготовлению пряжи ⁷³.

В эпоху танзимата была сделана попытка наладить систему государственного пенсионного обеспечения чиновников и военных. Она стала основываться на принципе регулярных двухпроцентных отчислений из жалования в так называемые пенсионные кассы, учреждаемые по европейскому образцу ⁷⁴.

В своих социально-экономических мероприятиях конца XIX в. государство всё чаще и в широких масштабах прибегало к такому посреднику, каким был иностранный капитал, что особенно ярко проявилось в учреждении банков, строительстве железных дорог и муниципальных предприятий в крупных городах страны. В результате иностранный капитал превратился в фактического хозяина этой экономики, если не всей, то, по крайней мере, тех её сфер, где формировался капиталистический сектор ⁷⁵.

XIX век показал, что промышленная революция в странах Европы негативно сказалась на состоянии турецкой традиционной экономики и что государство, проводя реформы, не смогло обеспечить начавшуюся интеграцию в приемлемой форме. Можно согласиться с турецким автором А. Юджекоком, который писал: «Кризис, порожденный в Османской империи европейским промышленным капитализмом, постепенно расширяясь, проник во все отрасли промышленности, стал причиной полного угасания нашей промышленности во второй половине XIX в. Почти все потребительские товары, за исключением тех, которые изготавливали сапожники, портные и пекари, поступали из Европы» ⁷⁶.

В результате османская экономика превратилась в периферийную часть мирового капиталистического хозяйства, функционируя в нём в качестве потребителя промышленной и производителем сельскохозяйственной продукции ⁷⁷.

По поводу этого уместно отметить, что в Турции всё большее число исследователей пытается осознать истинные, внутренние причины замедленного прогресса османского общества, видеть в закабалении страны не причину, а последствия особенностей её развития, внутренние тормозы, которые замедляли и искажали переход к капитализму турецкого общества. Соответственно, всё меньше исследователей во всём винит западный мир, реформы, европеизацию. Многими признаётся, что развитию национальной экономики Турции препятствовало не столько возникшее засилье

иностранный капитал, а тот институт, который способствовал утверждению этого засилья – деспотический феодально-монархический режим.

К концу XIX в. очевидной стала беспомощность власти и поверхностность характера её реформ; та форма европеизации, которую они принесли, обернулась ростом национально-освободительного движения в нетурецких регионах государства. Османизм, как его представляли фирманы и другие обещания, не проходил – он оказался нежизнеспособным. На этой почве не сужалось, а расширялось вмешательство великих держав, заканчивавшееся крупными военными неудачами – территориальными потерями (Румынии, Болгарии, части Сербии, Боснии-Герцеговины, Крита, Кипра, Туниса) и финансово-экономической зависимостью – и всё это окончилось зулюмом и блокированием конституции, физическим устранением её главного творца. Благостная вера в каждое слово фирманов уже мало у кого осталась, хотя они принесли немало нового в социально-экономическую и политическую жизнь османского общества ⁷⁸.

Разумеется, остановить прогресс общества было невозможно, ростки прогресса, которые олицетворяла деятельность конституционалистов – новых османов, их сподвижников, продолжателей дали всходы, несмотря на карательные меры власти. В специфических условиях зулюма они носили конспиративный характер, могли достаточно открыто заявлять о себе лишь в эмиграции, главным образом в странах Европы, частично – в Египте.

Так и произошло, продолжателем новых османов, конституционалистов стала новая организация Единение и Прогресс. Она стала действовать и внутри страны, и за рубежом ⁷⁹. Первоначально это была небольшая тайная группа учащихся Военно-медицинского училища в Стамбуле, затем её тайные ячейки появились в других высших школах Стамбула и Румелии (Европейской Турции), были установлены контакты с близкими по целям организациями, возникшими к тому времени в Европе. Одна из ветвей возникшего движения появилась и в Харбие – Военной академии. В ней, кстати, проучился в 1899–1902 гг. будущий лидер республиканской Турции Мустафа Кемаль. Молодой лейтенант получил военное образование и усвоил одновременно чувства патриотизма и свободы, дух протеста против деспотического режима ⁸⁰.

НАЧАЛО XX ВЕКА – КОНЕЦ ИМПЕРИИ, СМЕНА ИДЕОЛОГИИ

Абдулгамид II и младотурки

Начало нового XX века ничего хорошего не принесло угасавшему султанскому, абсолютистскому режиму империи – ни во внешних делах, ни во внутривнутриполитической ситуации. Несмотря на видимые изменения, происходившие под воздействием Запада в хозяйственной структуре империи, она и в начале XX века продолжала оставаться одним из наиболее отсталых среди крупнейших государств Евразии. Юсуф Хикмет Баюр в многотомной «Истории турецкой революции» писал: «Период правления Абдулгамидом II был для османского государства временем огромного отставания от остального мира. На первый взгляд такое утверждение может показаться преувеличением – ведь за 30 лет, с 1878 г. по 1908 г., был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства возросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения и т. д. Однако в те же годы другие государства, в том числе соседние с империей, настолько стремительно продвинулись в своём развитии, что если его сравнить с нашим развитием, то станет очевидным, что это – вовсе не развитие, а значительное отставание»¹.

Как выразился о тех днях уже в наше время 23 декабря 2002 г. перед студентами Сакарыйского университета председатель Совета по высшему образованию Турции (ЙОК) проф. Кемаль Гюрюз в заочной полемике с пришедшей в 2002 г. к власти Партии справедливости и развития: «больной человек стал смертельно больным» – не без постоянного вмешательства в реформы консервативных кругов ислама, поэтому так и не стали реальностью принципы танзимата и конституции².

Территориальный распад империи продолжился и в XX веке. Окончательно были потеряны африканские владения, успешно завершилось национально-освободительное движение балканских народов. Империя нуждалась во всё новых займах, увеличивая и без того громадный Оттоманский долг. Сколько-нибудь самостоятельную экономику империя создавать не могла, современные по тем временам предприятия и сооружения возникали на средства и в интересах иностранцев.

Более изолированный от Европы, чем это было в течение половины прошедшего столетия, османский режим смог рассчитывать только на поддержку Германии, дружба с которой предложила Абдулгамиду II благоприятную альтернативу британскому и французскому вмешательству. Германии была предоставлена на 99 лет концессия на постройку и использование железной дороги Берлин–Багдад, она продолжала вкладывать капитал в другие сферы экономики империи, а немецкие чиновники и офицеры обучали руководящие кадры в армии ³.

Что касается внутривосточной ситуации в первые годы начавшегося столетия, следует отметить главное – движение младотурок, оформившееся в организацию Единение и Прогресс (ЕиП), Абдулгамиду подавить не удалось – в наступившем XX веке оно превратилось в самое крупное общественно-политическое движение, противостоявшее султанскому режиму. Несмотря на противоречия между его руководителями и на преследования, чинимые властью, оно окрепло и расширилось – и в самой стране, и за границей; будучи достаточно разношёрстным, оно объединялось под такими бесспорными для всех противников режима лозунгами, как восстановление конституционного строя, созыв парламента.

На состоявшемся в Париже в феврале 1902 г. конгрессе сторонников младотурок участвовало от 60 до 70 человек – турок, армян, греков, арабов, албанцев, черкесов, курдов, евреев. Беспорным толчком к дальнейшему развитию движения стали революционные события 1905 г. в России ⁴. Дальнейшая консолидация антиправительственного движения, установление связей с другими близкими ему организациями позволила учредить в 1906 г. руководящий комитет в Салониках (тогда этот крупный город был в составе империи).

Турецкие историки обращают внимание на то, что в это время, находясь ещё в стенах Военной академии, политическими проб-

лемами страны всё более внимательно стал заниматься Мустафа Кемаль, будущий руководитель национально-освободительного движения страны. В 1904 г. в возрасте 23 лет он завершил военное образование и, став штабным офицером в чине капитана, продолжил искать единомышленников в вопросах решения этих политических проблем. Об одном из таких собраний было донесено властям, и он был выслан из Стамбула, получив назначение в одну из провинций империи, в Сирию, где квартировали части турецкой армии.

С одним из своих близких друзей, студентом-медиком, он основал в Дамаске в 1906 г. общество «За отчизну и свободу» с единственной целью поднять восстание в Османской империи. Хотя основные контуры восстания не были ясно определены, у молодого Мустафы Кемалю уже было чёткое представление о том, что такое нация, в противовес понятиям «империя» и «умма» (мусульманская община). Он обращался к идеям Французской революции и их толкованию в творчестве Намыка Кемалю и в теории турецкого национализма Зии Гёкальпа. Нелегально побывав в Салониках, после тайных встреч со старыми друзьями он открыл отделение общества. В 1907 г. Мустафа Кемаль был откомандирован в армию, направленную штабом в Салоники⁵.

В декабре 1907 г. по инициативе младотурок в Париже состоялся второй «общий конгресс» всех буржуазно-революционных организаций Османской империи, оппозиционных султанскому режиму. На нём был создан единый фронт борьбы с целью свержения Абдулгамиды и установления конституционного строя⁶. Непосредственным поводом к выступлению младотурок послужило свидание в Ревеле Николая II с английским королем Эдуардом VII в 1908 г., которое было посвящено реформам в Македонии. Свидание это было расценено младотурками как сговор об отторжении Македонии от Турции. Поэтому они решили немедленно выступить против Абдулгамиды. В первых числах июля 1908 г. начальник гарнизона в Ресне (Македония) лейтенант Ниязи-бей поднял восстание, уйдя в горы вместе с организованным им повстанческим отрядом. За Ниязи-беем последовал майор Энвер-бей (впоследствии Энвер-паша) со своим отрядом. К немногочисленным военным отрядам восставших вскоре присоединилась вся македонская армия и многочисленные партизанские

отряды (четники). Вскоре вся Македония была охвачена революционным движением.

Младотурецкое восстание встретило сочувственный отклик в македонском крестьянстве, надевшемся, что младотурки, придя к власти, уничтожат произвол помещиков и султанских чиновников. Крестьяне снабжали повстанцев продовольствием, отряды Ниязи и Энвера встречали дружелюбную помощь в деревнях. Лозунг свержения султанского самодержавия объединил людей самых различных национальностей, населявших Македонию.

Опираясь на македонскую армию, комитет «Единение и прогресс» смог действовать уже более решительно. 23 июля 1908 г. отряды Ниязи и Энвера вступили в г. Монастырь. Младотурки угрожали походом на Стамбул и на следующий день султан Абдулгамид II счёл за лучшее объявить о восстановлении конституции и парламента, тем более что лидеры восставших подтвердили своё намерение сохранить власть султана как конституционного монарха и оставляли ему целую гвардейскую пехотную дивизию, насчитывавшую 20 тыс. человек⁷. В августе были опубликованы ираде о парламентских выборах, о свободе выезда за границу, о неприкосновенности жилища, об отмене цензуры (что вызвало выход немалого числа газет и журналов) и т. п.

6 августа 1908 г. под контролем младотурок было создано первое конституционное правительство. Одной из его самых трудных забот было справедливое распределение постов (включая военных) на различных уровнях новой власти с учётом интересов мусульман, армян, греков, евреев и др. Вскоре были проведены парламентские выборы и 17 декабря открылся восстановленный парламент, выборы в палату депутатов которого (Меджлис-и мевбусан) принесли полную победу кандидатам младотурок, представлявших, по их мнению, «османизм в действии»⁸.

В первое время после революции иттихадисты не занимали министерских постов в правительстве Кямиля-паши, но всё же реальная власть в стране была у комитета «Единение и прогресс», имевшего в своём распоряжении единственную реальную силу — армию. В этот период иттихадисты получали большую поддержку от населения, происходили демонстрации единения турок и нетурок. Но младотурки были намерены обеспечить руководящую роль турецкой буржуазии, прежде всего в компрадорской торговле, оттеснив буржуазию инациональную.

Против иттихадистов выступили при негласной поддержке султана влиятельные мусульманские фундаменталисты, требовавшие возврата к законам шариата, сторонники партии Ахрар. Их поддержали солдаты столичного гарнизона. 13 апреля 1909 г. вместе с фанатично настроенными учащимися медресе они ворвались в здание парламента и разогнали депутатов. Общее число мятежников достигло 100 тыс. Началась расправа с приверженцами младотурок. Русский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев в одной из своих депеш сообщал, что «движение вызвано было пропагандой низшего мусульманского духовенства»⁹.

Отпор мятежному султану возглавил из Салоник Махмуд Шевкет-паша, командующий третьим армейским корпусом. 24 апреля его войска вошли в Стамбул, а 27 апреля 1909 г. шейх-уль-ислам выпустил фетву о низложении султана Абдулгамида, в которой он объявлялся недостойным власти. Для извещения султана о выходе фетвы к нему направилась делегация депутатов во главе с Эссадом-пашой. Другая делегация должна была сообщить принцу Мехмеду Решаду о его предстоявшем вступлении на трон¹⁰.

Посадив на трон Мехмеда V Решада, младотурки взяли в свои руки управление страной¹¹. Центральный комитет партии «Единение и прогресс» определял и направлял всю деятельность правительства.

Летом 1909 г. иттихадисты провели через парламент ряд важных изменений конституции 1876 г., направленных на превращение империи в парламентское государство и, прежде всего, реформирование османского законодательства по примеру европейского. Некоторые её статьи были и вовсе изъяты. Подобные изменения привели к появлению почти что новой конституции¹². Полномочия султана ограничивались, полномочия парламента расширялись. Министры отбирались уже не султаном, а садразамом. Были конкретизированы права парламентариев на законодательную инициативу; право падишаха созывать парламент отменялось, а право роспуска ограничивалось. Появилось положение о необходимости утверждения парламентом соглашений, подписанных с иностранными государствами, а также положение о том, что парламент может отправить правительство в отставку, высказав ему недоверие. Получило подтверждение право на свободу организации собраний и обществ, что позволяло создавать политические партии. Изъята была статья 113, касавшаяся права

султана вводить чрезвычайное положение. На падишаха возлагалась обязательность соблюдать священные нормы шариата и др.¹³

Как бы там ни было, и первая конституция, и вторая не принесли Османскому государству демократию. Однако же они сыграли каждая свою положительную роль в истории государства, способствовали зарождению и расширению идейной борьбы в турецком обществе за дальнейший прогресс, ликвидацию авторитарной и деспотической султанской власти¹⁴. Изменения, произведённые в конституции, значительно расширили права парламента. Вместе с тем парламент принял закон о печати, практически поставивший всю прессу под полный контроль правительства, а также закон об ассоциациях, по которому вся деятельность общественно-политических организаций оказалась под гласным надзором полиции. Так младотурецкие лидеры, оказавшись у власти, тут же принялись ограничивать политические права населения Османской империи.

В области внутренней политики иттихадисты после событий весны 1909 г. осуществили ряд реформ, прежде всего реорганизацию армии. Военная реформа была проведена по рекомендациям и под наблюдением германского генерала фон дер Гольца и офицеров его военной миссии в Стамбуле. Германские фирмы начали поставлять турецкой армии новейшее оружие. Затем младотурки провели реорганизацию жандармерии и полиции. В скором времени армия, полиция и жандармерия стали основой младотурецкой диктатуры.

По мнению Т.З. Туная, за время действия режима второй конституции этот режим пережил два периода, причём первый отличался от второго, однопартийного, существованием многопартийной системы¹⁵. Именно в такой обстановке в стране зародилось также и социалистическое движение, правда, ненадолго. В сентябре 1910 г. в Стамбуле была основана Османская социалистическая партия, которая пыталась выступать с экономическими и политическими требованиями, издавала свою газету и журнал. Это продолжалось недолго, в декабре 1910 г. партия подверглась репрессиям, ряд её руководителей был сослан, остальные эмигрировали. За весь десятилетний период правления младотурок в стране сменилось 14 правительств, политическая ситуация осложнялась постоянной внутрипартийной борьбой в стане иттихадистов.

стов. В результате страна оказалась совершенно неподготовленной к итальянской агрессии, начавшейся осенью 1911 г.

Итальянская армия нанесла турецким гарнизонам ряд поражений, итальянский флот господствовал в Средиземном море, подвергся бомбардировке ряд портов Османской империи. Итальянские войска оккупировали острова Додеканес (Южные Спорады) в Эгейском море, бомбардировали турецкие укрепления в районе Дарданелл¹⁶.

Итало-турецкая война завершилась без успеха для турецкого оружия. 18 октября 1912 г. в Уши под Лозанной был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика стали колонией Италии (под названием «Ливия»). Италия обязалась возвратить Турции Додеканес.

В такой обстановке политические противники младотурок сумели создать в ноябре 1911 г. партию «Хюрриет ве Итиляф» («Свобода и согласие»), в которую вошли многие оппозиционные партии (в том числе давний противник «Ахрар») и политические группы. Новую партию поддерживали представители большинства национальных меньшинств, которым она обещала провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны. Воспользовавшись военными неудачами, её сторонники в июле 1912 г. добились отставки правительства, учреждённый новый кабинет министров оказался под их контролем. Была объявлена амнистия, в том числе совершившим преступления при режиме «зулюма». Младотурки, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. В августе 1912 г. они провели очередной съезд партии в Стамбуле, а затем их Центральный комитет вновь перебрался в Салоники.

В то же примерно время, начиная с 9 октября, Турция стала участницей новой войны – против неё выступила коалиция в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории. Поводом для войны стал отказ султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. Таким образом, независимо от целей государств балканской коалиции эта война (первая Балканская война) была борьбой за освобождение балканских народов, оставшихся под турецким владычеством.

18 октября произошли большие перемены и в Стамбуле. Кабинет министров ушёл в отставку, а новое правительство возглавил

ставленник итиляфистов Кямиль-паша. Итиляфисты воспользовались военной ситуацией, чтобы обрушить репрессии на своих политических противников. Были арестованы многие активные деятели иттихадистов¹⁷. Между тем турецкие войска потерпели ряд серьёзных поражений, балканские союзники двигались на Стамбул, причём болгарские части были остановлены только у Чаталджи. 3 ноября 1912 г. Порты попросила державы о посредничестве для заключения мира. Великие державы и страны-победители потребовали, в частности, предоставления автономии Албании и ликвидации турецкого владычества на островах в Эгейском море. Эти предложения турецкая делегация на мирной конференции в Лондоне отклонила, вместе с тем 22 января 1913 г. правительство Кямиль-паши передало Болгарии Эдирне (Адрианополь). Это вызвало бурные протесты в столице и провинциях.

Сложившаяся ситуация немедленно была использована Центральным комитетом партии «Иттихад ве теракки» для осуществления нового государственного переворота. Находившееся у власти с июля 1912 г. либеральное правительство 23 января 1913 г. было свергнуто. Это произошло после того, как около двухсот офицеров-иттихадистов во главе с Энвер-беем и Талаат-беем окружили здание Высокой Порты, ворвались в зал, где шло заседание кабинета, убили военного министра Назым-пашу и его адъютантов, арестовали великого везира, шейх-уль-ислама, министра внутренних дел и министра финансов. Кямиль-паша подал в отставку, было сформировано новое правительство, состоявшее из младотурок. Великим везиром стал Махмуд Шевкет-паша, занимавший в последнем правительстве младотурок пост военного министра.

Убийство военного министра привело к серьёзным разногласиям в среде армейского офицерства, недовольство младотурками проявляла и часть духовенства, в особенности его низшие слои. Младотурецким лидерам пришлось столкнуться и с новым подъемом арабского движения за автономию, которое в своих целях использовали Франция и Англия. В июле 1913 г. иттихадисты во время тайных переговоров с лидерами арабского движения пообещали им проведение реформ в арабских провинциях империи и высокие посты в аппарате Порты, но потом эти обещания выполнены не были.

Вернув себе власть, младотурки сделали безуспешную попытку добиться перевеса в военных действиях на Балканах. В конце концов Порта вынуждена была пойти на подписание 30 мая 1913 г. Лондонского мирного договора, по которому почти все европейские территории Османской империи оказались разделёнными между странами-победительницами. Албания ещё 28 ноября 1912 г. провозгласила себя независимым государством, но её границы и внутреннее устройство должны были определить великие державы. Вопрос о турецких островах в Эгейском море был передан на решение великих держав. После подписания Лондонского договора на Балканах не воцарился мир, ибо бывшие союзники вскоре (23 июня 1913 г.) начали новую (вторую Балканскую) войну уже между собой – из-за дележа освобожденных от османского ига территорий. Эта ситуация позволила Турции, вторгшись в Болгарию, восстановить власть империи над Эдирне и добиться установления западной границы империи по реке Марица¹⁸.

Между тем оппозиция младотуркам внутри страны оставалась весьма серьёзной. 11 июня 1913 г. в своём автомобиле на пути в резиденцию правительства сторонником итиляфистов был убит великий везир Махмуд Шевкет-паша, герой революции 1908 г. Это убийство позволило младотуркам начать кампанию террора против своих противников, запретить все политические партии, арестовать некоторых их активистов. В итоге после краткого периода конституционного правления власть ЕиП проявилась как военная диктатура во главе с триумvirатом, в котором были представлены Мехмет Талат-паша, Ахмет Джемаль-паша и Энвер-паша. Последний, военный министр, безусловно, являлся признанным лидером этого триумvirата.

Что касается Мустафы Кемалю, он был удален триумvirатом от событий в столице, получив назначение 14 октября 1913 г. военным атташе в Софии. Согласно И. Ортайлы, в период пребывания Кемалю в Софии в качестве военного атташе (с 20 ноября 1913 г.) сформировались, на конкретных примерах только что добившейся независимости страны, его «прогрессивные ориентиры, направленные на усилия по общественной, политической и культурной модернизации» империи¹⁹.

Формирование младотурецкой идеологии

Развитие событий в империи, связанное как с внешними факторами, так и с внутривластической деятельностью младотурок, сопровождалось в первое десятилетие XX в. глубокими изменениями в идейно-политических воззрениях влиятельных элит османского общества. При всем своём несовершенстве реформация и европеизация XIX в. приносила свои плоды и в сфере идей. Уже на рубеже веков начался лихорадочный поиск прежде всего таких концепций, которые смогли бы предложить османскому обществу продолжение вестернизации и одновременно сохранение имперских принципов, уходящих в далекое прошлое. Мало кто готов был тогда признать этот путь утопией.

В качестве государственной идеологии более всего приемлемым долго оставался османизм. Он был продекларирован в первом фирмане танзимата в 1839 г. и уточнён во втором в 1856 г. В этих документах-манифестах приветствовались одновременно и шариат, и европеизация, и равенство наций, и процветание империи. Сохраняя приверженность исламизму, османизм часто соседствовал и с панисламизмом, и мы могли видеть, как в различных вариантах он некоторое время обслуживал и зулюм, и конституционалистов, и даже часть нетурецкой элиты.

Термин «соотечественники-османы» вошёл и в арсенал средств политической пропаганды младотурок. За этим подразумевалось требование «единой и неделимой» Османской империи, поскольку в этом государстве нет якобы никаких отдельных народов – все являются османами. После восстановления в 1908 г. турецкой конституции и её последующего обновления пропаганда идей османизма особенно усилилась и в балканских провинциях²⁰.

Можно допустить, что в период «весны» младотурецкой революции некоторым деятелям нетурецких буржуазно-национальных организаций казалось возможным «равноправное единение» всех народов Османской империи. Вспомним пёстрый многонациональный состав восстановленного парламента. Но эти надежды были разбиты вскоре практикой великодержавной деятельности младотурок²¹.

После балканских войн (1912–1913 гг.) младотурки, ввиду неудач с проповедью и насаждением османизма, всё более предпочитали идеи тюркизма²². Политические лозунги младотурок

трансформировались в национализм, продолжавшиеся негативные перемены в мировом статусе империи, превращение «больного человека» Европы в «смертельно больного» – всё это побуждало османских идеологов не ограничиваться сохранением лишь традиционных концепций, сопровождалось обращением к новым. Как правило, этот процесс идейного обновления характеризовался стремлением сочетать европеизацию и исламизм. Османисты-западники, признавая, что запад – это не друг Турции, тем не менее призывали брать у него в качестве примера экономическую и социальную жизнь, снабжать османское общество его наукой и технологией. Другой же вопрос – надо ли усваивать духовные, моральные ценности Запада, иными словами, его цивилизационные ценности – решался отрицательно. В ином случае следовало отказаться от принципов исламской морали и имперских амбиций²³.

Поэтому наиболее влиятельной, считает Туная, оставалась идеология исламизма, сохранявшая свои мощные корни в исторических успехах ислама. «Идентичность функций государства и исламской религии – главнейшая причина того, что это течение полностью господствовало над жизнью каждого османа и османского общества». Исламисты, как и ранее, оставались убеждёнными в том, что мусульманство превосходит западную цивилизацию и в XX веке обладает всеми политическими и социальными достижениями, какие есть у Запада, поэтому не нуждается в западной цивилизации²⁴.

Доктрина исламизма, переходящая периодически в панисламизм, пригодилась младотуркам не только для сохранения власти Османского государства в регионах с немусульманским населением. Она использовалась ими и как идеологическое оружие в борьбе с арабским, а также курдским национально-освободительным движением. Правительственные войска в 1910–1914 гг. жестоко расправлялись с курдскими повстанцами в районах Дерси-ма, Битлиса, в Иракском Курдистане. Вместе с тем младотурки старались использовать курдские племена в качестве своего орудия в борьбе с национально-освободительными движениями других народов империи, в частности против армян, арабов и лазов. Как каратели, они вели себя и в Албании.

Что касается армянского вопроса, то младотурки не допустили проведения давно ожидавшихся реформ, направленных на урегу-

лирование административных, экономических и культурных проблем в районах с армянским населением. Продолжая политику Абдулгамида II, они обостряли в этих районах межнациональные отношения, разжигая вражду между курдами и армянами. Именно в эти годы многое было подготовлено младотурками к тому трагическому избиению армян, которое произошло в годы Первой мировой войны.

В противоречивом процессе смены идеологий в умах началась постепенная замена османизма на тюркизм и его пантюркистские крайности, приспособления его к исламу и т. п. Как утверждалась в это время концепция тюркизма в целом? Прежде всего признаётся, что турецкий тюркизм запоздал со своей идентификацией – его значительно опередили в России татары, узбеки (Туркестан) ²⁵.

В 1904 г. в газете «Тюрк», издававшейся в Египте (подалеже от Стамбула!), появилась статья «Три вида политики» («Üç Tarz-ı Siyaset»). В ней были названы три варианта выбора государственной идеологии, стоявшие перед османским государством – османизм, исламизм и тюркизм. Османизм означает равенство родового происхождения, религий, учений и т. п. во имя создания совместной родины. Исламизм – это собирание всех мусульман мира в едином исламском союзе. Что касается тюркизма, именно с него автор начал свою статью, «мысль о необходимости осуществлять национальную политику на расовой основе – эта мысль абсолютно нова, не думаю, что она существовала ранее как в Османском государстве, так и в других тюркских государствах, ставших достоянием истории... Тюркский союз начинается с тюрок Османской империи и достаточно отуреченных нетюрок, осознающих свою тюркизацию... Затем переход к объединению тюрок, населяющих Азию и Восточную Европу, и в итоге – возникновение великой политической нации». Эта последняя форма объединения тюрок оценивалась в статье как наиболее важная: «самой большой пользой является объединение расселившихся в большей части Азии и Восточной Европе тюрок, которые едины по языку, расам, обычаям и даже в большинстве случаев по религии. Таким образом, они послужат делу организации великой политической нации, которая сможет сохранить себя среди других великих наций и в этом большом сообществе самую главную

роль будет играть Османское государство – наиболее сильное, наиболее передовое и цивилизованное из тюркских обществ»²⁶.

Автором присланной в Каир статьи был Юсуф Акчура, ставший вскоре одним из лидеров течения тюркизма, которое первоначально оказалось заметным лишь в некоторых журналистских статьях, но не сразу получило признание в османском обществе – даже многие иттихадисты так и не смогли преодолеть османизм. Примечательно, что Акчура (1876–1935 гг.) был выходцем из России. Он родился в Симбирске, принадлежал к влиятельному татарскому роду Акчуриных, после смерти отца в 1883 г. переехал с матерью в Стамбул. Здесь он получил начальное и среднее образование, окончил в 1897 г. военное училище в звании штаб-офицера²⁷.

Взгляды Ю. Акчуры западными исследователями однозначно оцениваются как пантюркистские. Так, Поултон пишет: «Идею туранизма – унификация всех тюркских народов (Turkic peoples) от Балкан до Китая в единую страну, именуемую Туран – изначально можно заметить в идеях Акчуры. Туранистское движение, которое можно рассматривать как крайнее проявление этнического национализма, заявило о себе серьёзно вслед за младотурецкой революцией и было привнесено эмигрантами из России». Поултон убежден, что именно в это время при младотурках «идея Турана как прародины всех тюрков получила распространение». Причём он не был единственным российским тюрком, перебравшимся в Османскую империю и посвятившим себя распространению идей туранизма²⁸.

Можно считать, что эти российские тюрки надеялись, реанимировав Османскую империю также и с помощью новой идеологии, сделать её локомотивом тюркизма во имя свободы тюркских народов России. Они прибывали в империю, получая там, кстати, намного больше возможностей – без ограничений – удовлетворить свои потребности в продолжении духовного, интеллектуального роста в лоне своей исламской культуры. В основе это было явление духовного порядка²⁹. Однако оно превратилось в запрограммированную на многие десятилетия политику – враждебность к России. Это явление в самой империи дополнялось горьким сознанием, что поражения исходят от России, причём они сопровождались потерей также и приграничных тюркских, мусульманских братьев на Кавказе.

Однако большинство турецких историков, оценивая важную роль российских тюрок в национальном пробуждении турок Османской империи, всё же не считают возможным признавать их истинными пионерами в этом движении. Главенствующую роль в детальной разработке «своей» многовариантной и более гибкой, сообразно меняющемуся времени, концепции тюркизма они признают за «своими» же тюрками и прежде всего за Зиёй Гёкальпом³⁰.

В опубликованном им в начале войны альманахе «Кызыл-эльма» он приводит своё ранее написанное стихотворение «Туран», содержание и направленность которого характеризуют следующие, например, строки, и поныне часто повторяемые пантюркистами: «родина для турок – это не Турция и не Туркестан, родина – это великая и вечная страна – Туран». Как он считал, именно такие стихи должны были вдохновить турок на победу в войне. Кстати говоря, непосредственной причиной его ссыльного пребывания на Мальте (1919–1921 гг.) в числе других депутатов султанского парламента указывалась в документах следующая – нарушение общественного порядка, насильственные действия (zorbalık) в отношении армян. Его биографы особо подчёркивают, что «идейные взгляды З. Гёкальпа следует оценивать отдельно в различные периоды его деятельности». До 1908 г. – он защитник свободы и перемен в обществе, находился под влиянием конституционализма младотурок и османизма, после 1908 г. начал выступать от имени группы идеалистов и националистов³¹.

Свою пространную оценку эволюции взглядов Гёкальпа Тарык Туная начинает со времен второй конституции, тогда доктрина тюркизма утверждалась в следующей формулировке: «под знамёнами османизма турки живут, не осознавая, кто они», им необходимо стать нацией. В таком виде «они смогут войти в исламский интернационал в качестве сильного элемента, поколебленные основы Османского султаната вновь упрочатся». Одновременно «будет найден путь к объединению с миллионами турок, живущих вне границ страны, они обретут уверенность в себе. Более того, возникнет Тюркский Союз, столь же сильный, как Союз ислама. У этой большой нации есть большая страна, имя этой родины – Туран». Как считает Туная, это прежде всего доктрина национализма – ведь именно она «стала идеологическим фундаментом для Турецкой республики», она «как идеология сконцентрирована была в доктрине и в движении Защиты Прав»

и «это новое движение не было Туранизмом (пантюркизмом), оно лишь стремилось к созданию национального и независимого государства»³².

Такое восприятие тюркизма Гёкальпа свойственно и другим турецким авторам. Так Эмре Конгар пишет: «Турецкий национализм – последнее национальное течение, возникшее с запозданием в период распада империи. Хозяева империи, то есть турки, увидев её распад и осознав, что государство, которым они управляют – это империя, возникающая на чужих территориях и с чужим населением, возможно, осознали себя именно как турки. Понятия турецкая нация, турецкая родина, турецкий язык и турецкая культура – всё это возникло в те времена и получило своё развитие». Когар особо подчёркивает, что не только «кемализм усвоил формулировку национализма Гёкальпа», но в последние годы своей жизни и Зия Гёкальп «воспринял кемалистское положение о том, что ничего не следует ждать от всего того, что находится за пределами границ Турецкой республики. Идеи туранизма он пересмотрел в рамках кемалистской революции и упорядочил их»³³.

Экономика в начале века

Идеологические поиски не могли не отразиться на экономике. В этой сфере они тоже продолжались, причём достаточно непоследовательные, поиски, начатые в ушедшем веке. Ведат Эльдем отмечает, что «в последний период империи ни одно из сменявшихся друг друга правительств не имели осознанную всеобъемлющую экономическую программу, их меры в экономике сводились к изысканию срочных мер для разрешения возникавших ситуаций». Но что важно, «после второй конституции национальный капитал, ранее ничем себя не проявлявший в экономике, начал действовать на местном рынке». Лишённый ранее возможностей конкурировать с иностранным капиталом с его преференциями, он «начал доверять власти»³⁴.

Обеспечить успехи в социально-экономической сфере призвана была политика «национальной экономики», начатая иттихадистами в 1908 г. и продолженная в 1914–1918 гг., когда она неизбежно приняла форму военной экономики, опиравшейся в условиях всемерного распространения концепций тюркизма на турецкую элиту. То есть в отличие от прежних периодов учредителями

создаваемых акционерных компаний оказывались представители турецкой знати, бюрократы, политики. Турецкий исследователь Зафер Топрак отмечает: «Самые выдающиеся примеры национальных ширкетов дала стамбульская организация партии Единение и прогресс». Например, созданное ею Хейети махсуса-и тиджарийе взяло на себя обязательство снабжать Стамбул продуктами питания, а вырученные средства использовать для учреждения новых национальных ширкетов. В Стамбуле было создано три таких ширкета, в других городах – Конье, Измире, Айдыне, Бурсе, Кютахье ещё несколько, некоторые из них занимались банковской деятельностью³⁵.

И всё-таки самым активным участником и регулятором в реорганизации экономики страны всё более становился внешний рынок и его главные участники – развитые страны. Олицетворением этих явно неравноправных связей продолжало оставаться Управление Оттоманского долга и сохранявшийся с давних времен капитуляционный режим. В конце XIX века управление государственными финансами перешло под контроль иностранных держав – главных кредиторов империи; такой порядок сохранялся и при младотурках (отменён был лишь при кемалистах).

Накануне Первой мировой войны степень включенности хозяйственных структур Османской империи в жизнедеятельность мирового капиталистического рынка (при минимальном наличии внутреннего) достигла наибольшего уровня – в 1913 г. уже около 26,5% общего объема сельскохозяйственного производства империи шло на экспорт. Общая стоимость османского экспорта по отношению к ВВП составляла тогда же свыше 14%, а стоимость импорта оценивалась в 19,4% ВВП империи³⁶.

Что касается русско-турецких экономических связей, то в принципе мало что изменилось после заключения первых торговых договоров между странами. Проблемы торговли почти никогда не занимали сколько-нибудь важного места в отношениях двух стран-соседей хотя бы из-за частых войн. Лишь в начале XX века бурный подъем экономики России заставил русское правительство и предпринимателей искать пути к расширению объемов и совершенствованию форм русского экспорта в Османскую империю. Но турецкие рынки давно контролировались Европой, объём русско-турецкой торговли значительно отставал. Впереди были Австро-Венгрия и Германия, за ними следовали Италия,

Англия, Франция, Бельгия, США и др. Они контролировали 90% ввоза в империю. Даже возросшие на рубеже веков возможности России в результате промышленного подъёма удовлетворялись в значительной мере внутренним спросом. Это обстоятельство определяло нестабильный, спорадический характер российского экспорта в Турцию в не слишком продолжительные периоды мирных отношений. Так и не сформировалась стабильная правовая база, в то время как большинство западноевропейских стран имели с Турцией торговые соглашения, которые позволяли успешно решать все вопросы, связанные с обменом товарами, так как они всегда дополнялись тарифными соглашениями ³⁷.

Попытки иттихадистов уже после начала войны хотя бы частично избавиться от бремени зависимости – отменить капитуляции, увеличить импортные пошлины, ввести более жёсткий закон о деятельности иностранных компаний и др. мало что дали в условиях военного времени, тем более что военные противники Турции не признали эти «новшества». Наибольшее недовольство и внешней, и внутренней политикой триумvirата проявляла азиатская буржуазия, связанная напрямую с сельским хозяйством и в то же время с трудом допускаемая к внешнеторговым операциям, кредитам и льготам, контролируемым компрадорами. Вместе с тем военная обстановка, рост экспорта всё же позволял ей приблизиться к определённой доле доходов от внешней торговли.

Процесс создания капиталистических имений начался с проникновения западноевропейского капитала в страну ещё в конце XIX века с тем, чтобы обеспечить этому капиталу наиболее выгодные условия обработки либо производства сырья (табака, хлопка, зерна, инжира и др.) для последующего вывоза его в развитые капиталистические государства. Наибольшую активность проявили англичане, организовав сами либо с помощью местных землевладельцев, торговцев в окрестностях Измира, Аданы, во Фракии несколько хозяйств с привлечением наемного труда. В некоторых случаях англичане использовали издольщиков или арендаторов ³⁸. В своём детальном исследовании о буржуазии Османской империи О.Г. Инджикян также обращает внимание на появление сельских хозяйств капиталистического типа в Анатолии, хотя это и произошло позднее, чем в некоторых других, например, балканских провинциях империи ³⁹.

Следует отметить и гипертрофированную роль крупнейших морских портов Турции – Стамбула (импорт) и Измира, что обеспечивало торговому капиталу этих городов исключительно благоприятное положение во внешнеторговых операциях – оптовых поставках готовых импортных товаров фабричного производства, керосина и оптовых закупках экспортируемого сельскохозяйственного сырья. Обогащение портовой буржуазии, в большинстве инациональной, накопление миллионных богатств на вывозе табака, тифтика, хлопка, сухофруктов и других товаров, на ввозе текстиля, сахара, керосина, машин и одновременно относительное «прозябание» торговой буржуазии турецкого происхождения, ростовщиков глубинных районов Анатолии определили одну важнейшую особенность противоречий между крупным и мелким торговым капиталом – она состояла в их географическом и этнорелигиозном разделении. Крупный капитал концентрировался преимущественно в Стамбуле, Измире, меньше в Адане, и некоторых других городах ⁴⁰.

В ряду частичных реформ, призванных обеспечить некоторое развитие капитализма в сельском хозяйстве, можно назвать принятие в 1913–1914 гг. законов о переписи земельных участков, о владении недвижимым имуществом, об упорядочении владения государственными и вакуфными землями. Впрочем, их реализация была остановлена с началом мировой войны и они почти не затрагивали основы фактически феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве – как далее мы увидим, даже кемалисты долго не решались на аграрную реформу.

В 1913 г. на промышленных предприятиях госсектора, включая военные, было занято до 5 тыс. рабочих, стоимость продукции исчислялась в 120 млн. курушей (в то время примерно 1,1 млн. ф. ст.). Все источники говорят о том, что государственные предприятия были самыми крупными в обрабатывающей промышленности, но даже в начале нового века они работали в основном не на рынок, а на армию, флот и дворец. Рынок промышленной фабричной продукции расширялся за счёт импорта готовых изделий европейского производства, легко подавлявшего кустарные изделия местного производства ⁴¹.

Рост экономической эксплуатации страны западным капиталом способствовал расширению производства в отраслях, где уже участвовал иностранный капитал. Так, заметно возросла добыча

полезных ископаемых в стране, спрос на них в значительной мере определялся экспортом. Добыча эреглийского угля началась союзниками турок впервые во время Крымской войны. К концу XIX века ручное изготовление ковров в Эгейском регионе частично контролировалось уже представителями английского торгового капитала. Высокие прибыли, которые английское купечество получало от продажи на мировых рынках знаменитых малоазиатских ковров, заставляли стимулировать их выделку в Западной Анатолии.

Помимо коврового производства иностранный капитал подчинил себе в Турции и некоторые другие отрасли её традиционной промышленности, продукция которых могла представлять интерес на мировом рынке. Потребностями французского капитала определялись и значительная часть производства шёлка-сырца в империи. Германский и английский капиталы конкурировали между собой за господство на хлопковых плантациях Аданы, стремясь прибрать к своим рукам производство, очистку и экспорт турецкого хлопка.

В результате деятельности иностранных компаний в Турции в 1899–1913 гг. сбор хлопка в стране увеличился в 4 раза, производство табака выросло более чем в 3 раза. Примерно за это же время в стране удвоилось производство изюма, инжира, сбор орехов. Экономический рост отраслей османской экономики, наиболее ориентированных на мировой рынок, стал очевиден⁴².

Планы железнодорожного строительства, с трудом согласовавшиеся основными иностранными инвесторами – германскими, французскими, английскими, реализовывались медленно и к началу мировой войны были далеки от завершения, железнодорожная сеть страны была явно маломощна. Не была достроена германским капиталом «магистраль века» – Багдадская железная дорога. От азиатской части Стамбула (Хайдар-паша) через Конью она уже во время войны достигла Нусайбина, а на южном, иракском участке действовал отрезок Багдад – Самарра. С ответвлениями на Анкару и Мардин протяженность этой линии составляла 2068 км. Действовали также линии Измир – Касаба (703 км) и Измир – Айдын (610 км), Муданья – Бурса (42 км), Мерсин – Адана (55 км)⁴³.

Сооружая железные дороги, иностранные инвесторы одновременно стремились к хозяйственному освоению зон прокладки

этих дорог. Так поступали немцы в связи со строительством Багдадского пути, они стремились к комплексному освоению концессионных территорий. Согласно данным А.Д. Новичева, в тех районах Центральной Анатолии, где были проложены железнодорожные линии, товарность зерновых поднялась до 25–26%, тогда как в других областях Малой Азии эти показатели не превышали 8–10% ⁴⁴.

Решили проверить себя в железнодорожном строительстве в Турции и некоторые американские фирмы. Американский адмирал Колби М. Честер, побывавший в 1901 г. на военном корабле в турецких водах, вновь прибыл через некоторое время в Турцию в качестве посредника нескольких американских фирм и от их имени в 1908 г. добился согласия властей на концессию по строительству железных дорог в Анатолии. В августе 1909 г. Османская палата депутатов одобрила основные положения проекта и поручила министру общественных работ заключить договор с Честером ⁴⁵.

Однако американская инициатива встретила отпор со стороны государств Европы, как Германии, так и стран Антанты. Она ставила под сомнение будущее Багдадской железной дороги, угрожала попыткам «Дойче банка» получить право на разработку нефтяных месторождений в той же Месопотамии. В то время повышенный интерес к месопотамской нефти уже стали проявлять и Англо-иранская нефтяная компания (АИНК), созданная в 1909 г., а также группа «Роял Датч Шелл», представлявшая интересы главным образом английского капитала. Последней группе оказывал поддержку Гульбенкян, османский подданный, называемый «Талейраном нефтяной дипломатии», который пользовался большим влиянием среди нефтяных дельцов ⁴⁶.

К моменту намечавшегося подписания соглашения с концессией Честера имелись, помимо американской группы, сильные претенденты на месопотамскую нефть ⁴⁷.

Франция также выступила против концессии Честера. Она сама рассчитывала получить крупные концессии в тех же районах, а будущие линии по проекту Честера угрожали проектировавшимся Французским железнодорожным концессиям. Русская дипломатия поддерживала Францию хотя бы уже потому, что направление железнодорожной ветки в сторону Вана, предусматривавшееся честеровской концессией, не могло не тревожить Россию ⁴⁸.

Кстати говоря, позиция США в вопросе об отмене капитуляций, которая по решению турецкого правительства была объявлена 1 октября 1914 г., не отличалась от позиций европейских держав, в том числе Германии и Австро-Венгрии – турецкому правительству были посланы ноты протеста⁴⁹.

Беспокойство американской дипломатии по поводу капитуляционного режима объяснялось стремлением сохранить в неизменном виде разветвленную систему американских религиозных миссий и учебных заведений в империи. Архимандрит Иона в своей работе, посвящённой протестантской пропаганде среди православных христиан Востока, отмечает особую активность американцев в такой пропаганде: «почти всегда протестантские миссионеры (в особенности американцы-пресвитериане) являются деятельными торговыми агентами крупных европейских и американских торговых фирм» и что «коммерческий характер проповеди Евангелия очень часто принимает слишком яркую окраску»⁵⁰.

Завершая краткий рассказ о положении османской экономики в последние два неполных десятилетия существования империи, уместно сказать, что трудности её развития вскоре, в годы войны, стократно усложнились. В турецкую армию было призвано 3 млн., то есть почти всё мужское население призывного возраста. В деревнях Малой Азии фактически не оставалось трудоспособных мужчин и сельское хозяйство таким образом лишилось рабочих рук. Для нужд армии у крестьян были реквизированы лошади и почти весь крупный рогатый скот. Это привело к тому, что большая часть крестьянских полей оставалась незасеянной. Если в Турции до войны обрабатывалось 60 млн. дёнюмов* земли, то к концу – лишь 25 млн. В результате четырёхлетней войны экономическая основа Османской империи – сельское хозяйство – была разорена.

Правительство реквизировало у сельского населения последние запасы пшеницы, ячменя, риса, было отобрано даже зерно, заготовленное для посевов. Значительная часть этих продуктов отправлялась в Германию и Австро-Венгрию.

Зерно у крестьян покупали по ничтожной цене якобы для нужд армии; более того, крестьянин сам должен был доставить это зерно в военные склады, а взамен денег он получал справку.

---

* Дёнюм – единица измерения площади, равная 919,3 кв. м (40×40 аршин).

В годы войны от голода и эпидемий в Малой Азии погибло свыше 2,5 млн. человек.

Существенные изменения произошли в промышленности: одни отрасли понесли большой убыток, а другие – получили стимул для роста⁵¹.

Турция в Первой мировой войне

Военно-политический союз с Германией не только сохраняемый, но и всемерно укрепляемый младотурками, определял неизбежность вовлечения государства в Первую мировую войну, начавшуюся между Центральными державами и Антантой после известного сараевского убийства летом 1914 г.

После этого события кайзер Германии Вильгельм, принимая 5 июля австрийского посла, заявил: «С выступлением против Сербии не мешкать!» В Турции великий везир сказал, что в случае выступления России Турция будет в европейской войне на стороне Тройственного союза, и советовал австрийцам не удовлетворяться их первоначальным требованиям к Сербии, а отобрать Новобазарский санджак, чтобы таким образом «нанести великосербской идее смертельный удар». Для Османской империи он просил только «прикрытия от России». Младотурки охотно также соглашались «спровоцировать восстание мусульман в Сербии и даже распространить его в Албанию... Турки повели себя так, как будто всё уже решено и Турция является союзницей германо-австрийского блока»⁵².

15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну, Россия не могла оставить в беде своего союзника и тем самым полностью утратить свои и без того не очень прочные позиции на Балканском полуострове. Начавшаяся мобилизация русской армии привела к тому, что союзница Австро-Венгрии – Германия 19 июля (1 августа) объявила войну России, а через два дня – Франции, 22 июля (4 августа) Великобритания объявила войну Германии и вскоре большинство стран Европы стали участниками Первой мировой войны. Германский блок сумел привлечь на свою сторону также и Болгарию, давнюю соперницу Сербии. Немцы обещали вознаградить её за счёт территорий Сербии, Греции и Румынии⁵³.

Первоначально младотурецкие власти Турции говорили о нейтралитете страны, однако общеизвестно, сколь активно и после-

довательно в течение последних предвоенных лет немцы, заявляя о себе как о единственном и надёжном союзнике разваливавшейся империи, поддерживали в качестве государственной идеологии панисламистские и пантюркистские устремления лидеров младотурок, непосредственно распространявшиеся прежде всего на российские территории и на Балканы. Это был великий шанс при поддержке Германии в новейшее время возродить и успешно переориентировать, казалось бы, забытый газават – с Запада на Восток, на Россию, «виновницу» всех бед империи, и восстановить в новом виде и империю и одновременно халифат за счёт захваченных у России территорий, населённых миллионами тюрок-мусульман⁵⁴.

Уже 2 августа, по окончании долгих переговоров с немцами, три члена турецкого кабинета – Саид Халим, Энвер и Талаат – подписали соглашение о военном союзе с Германией. Заключив его и распустив в тот же день парламент, младотурецкий триумvirат в лице недавнего военного атташе в Берлине, а ныне – военного министра и одновременно начальника генштаба Энвер-паши; министра внутренних дел и председателя ЦК партии Единение и Прогресс Талаата и морского министра Джемаля приступили к всеобщей мобилизации, причём вооружённые силы империи предоставлялись в распоряжение германского командования. Эти лица «собирались тайком для обсуждения важнейших вопросов, не ставя о принятых решениях в известность остальных членов правительства»⁵⁵. После достижения таких договорённостей германское командование направило два своих новейших крейсера – «Гебен» и «Бреслау» в Дарданеллы, причём на всем пути их преследовали английские военные корабли. Энвер-паша приказал пропустить их в Мраморное море, что нарушало объявленный самими же турками нейтралитет. Несмотря на предупреждение стран Антанты 8 августа, османское правительство нарушило нейтралитет и пренебрегло Гаагской конвенцией (1907 г.), по которой военным судам запрещалось заходить в Босфор и Дарданеллы в мирное время без специального разрешения султана⁵⁶.

Такое согласие турецкой стороны обеспечило ей приобретение от Германии дополнительных обязательств. В представленной туркам по этому поводу германской ноте было заявлено, что в случае вступления Турции в войну с Антантой Германия обес-

печит ей содействие в отмене капитуляций и окажет «свои добрые услуги» для достижения между Турцией и Болгарией соглашения о разделе завоёванных последней областей (подразумевались территориальные компенсации во Фракии, которых Турция давно добивалась в переговорах с Болгарией о военно-политическом соглашении). Если же Греция вмешается в войну на стороне Антанты и будет побеждена, то Германия добьётся передачи Турции островов в Архипелаге, потерянных ею в результате первой Балканской войны. Наконец, германское правительство обязывалось «исправить восточные границы Оттоманской империи таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение Турции с мусульманским населением России». Единственная оговорка заключалась в том, что дополнительные обязательства Германии имели значение лишь тогда, когда «Германия и её союзники выйдут из войны победителями и будут в состоянии диктовать её участникам свою волю»⁵⁷.

Между тем подготовка к военным действиям шла своим ходом, немецкие солдаты продолжали минирование проливов, строились новые оборонительные сооружения, а немецкие войска непрерывным потоком поездами прибывали в Стамбул. С 25 августа 1914 г. бедуины, поддержанные Германией и Энвер-пашой, предприняли наступательные действия на Синае⁵⁸.

Несмотря на лихорадочные попытки Антанты в последний момент «купить» нейтралитет Турции, цена, затребованная ею, оказалась «неподъёмной» – турки требовали вернуть им острова Эгейского моря. Кроме того, пребывание крейсеров «Гебен» и «Бреслау» буквально на виду султанского дворца Долмабахче производило должное впечатление на его обитателей⁵⁹.

12 октября 1914 г. на заседании центрального комитета партии Единение и Прогресс было решено вступить в войну. Как писал в своих мемуарах видный деятель младотурецкой партии Мевлянзаде Рифат, Энвер-паша, доказывая необходимость участия Турции в войне на стороне Германии, отмечал: «Германия согласна, чтобы мы отвоевали Египет, Кавказ и даже Иран... Таким образом, нет сомнения, что мы можем открыть путь к Турану и осуществить единение турок»⁶⁰.

27 октября 1914 г. германо-турецкий флот в полном составе вышел из проливов в Чёрное море, а уже в ночь на 16 (29) октября 1914 г. произошло нападение на Одессу. Два турецких эсмин-

ца, купленные ещё в 1910 г. в Германии, под русским флагом⁶¹ и с немецкой командой вошли в Одесскую гавань, один из них, «Тайрет», торпедировал канонерскую лодку «Донец», затем были обстреляны военные и торговые суда, нефтяная гавань и портосвооружения. В 6 часов утра вблизи Севастополя был замечен «Гебен» и два сопровождавших его эсминца, вскоре крейсер начал беспрепятственный обстрел Севастополя и кораблей эскадры. Уже на выходе он отразил атаку русских миноносцев и нанёс тяжёлые повреждения их флагману. Только в 10 часов «Гебен» удалился из севастопольских вод. Другие суда противника под командованием немецкого офицера 29 октября бомбардировали Новороссийский порт, атаке подверглась Феодосия, на оперативно расставленных противником минах подорвалось несколько торговых и пассажирских судов и военных кораблей. В Стамбуле немедленно было объявлено, что обстрел черноморского побережья был совершён в ответ на попытку русского военного корабля расставить мины у Босфора⁶².

Таким образом Турция фактически начала войну против России, после чего 20 октября (2 ноября) Россия объявила войну Османской империи. 11 ноября в стамбульской мечети Фатих была оглашена фетва шейх-уль-ислама о джихаде против держав Антанты и издано соответствующее ираде султана Мехмеда V. Обращаясь к «моей армии», «моему флоту», «моим героическим солдатам», султан повторил легенду о русских минёрах у Босфора, о нарушении международного права, напоминал о том, что «за последние триста лет империя понесла большие территориальные потери из-за российского правительства», что русские, французы и англичане «приносят страдания миллионам мусульман, проживающих в халифате, являются причиной многих наших бедствий». Султан не сомневался в победе, имея в качестве «братьев по оружию» две «самые храбрые и сильные армии в мире». Одновременно с султанским ираде Энвер-паша как вице-генералиссимус опубликовал и своё обращение к армии, выразив уверенность, что «враги будут разгромлены» истинными сынами героев османского прошлого, «вперёд и только вперёд, ибо победа, слава, героическая смерть и райское блаженство – всё это для тех, кто идет вперёд»⁶³. В воззвании, выпущенном младотурецким правительством, было сказано: «Наше участие в мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом. Идеал на-

шей нации... ведёт нас к уничтожению нашего московского врага, для того чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, которые включают и объединят все ветви нашей расы»⁶⁴. Последующие несколько фетв разъясняли, что все мусульмане должны бороться с неверными стран Антанты, в то время как Германия и Австрия являются опорой и защитой ислама. Однако вскоре стало очевидно, что в такой «джихад» не поверили мусульмане и России, и арабских территорий и государств. В Мекке местный лидер арабов объявил свой джихад – против младотурок и немцев, призвав поддержать «подлинных защитников ислама» – англичан.

Итак, на вызовы начавшегося XX века младотурки ответили вынужденным разочарованием в османизме, обращением к тюркизму и пантюркизму (часто в сочетании с исламизмом и панисламизмом), внешнеполитической переориентацией в Европе на Германию, максимумом враждебности к России.

М. Шахинлер пишет в своей работе, что такая экспансионистская политика не имела «какой-либо ясной концепции», а была, «главным образом, делом рук Энвер-паши и министра внутренних дел Талаат-паши. Анализ условий вступления в войну четко показывает, что слабое правительство переполняли воинственные идеи», хотя «роль посла Германии Вангенхейма и офицеров Лимана фон Сандерса и Брайссарта была в этом вопросе, несомненно, первостепенной»⁶⁵.

В годы войны Турция участвовала на нескольких фронтах сражений с войсками стран Антанты – Кавказском, Месопотамском, Сирийском и Дарданелльском. Военно-стратегический план Энвера, одобренный немецкими генералами, предусматривал на первом этапе наступление в двух стратегических направлениях – на Кавказ против России и к Суэцу против Англии и Египта, что должно было обеспечить вовлечение в войну всего исламского мира Африки, а также России, включая Волго-Уральский район и Среднюю Азию; после этого открывалась для Турции возможность, с участием на её стороне Ирана и Афганистана, утверждения в мусульманских провинциях Индии.

Уже осенью, 2 ноября 1914 г., открылись военные действия на Закавказском фронте. Они начались, когда части русской армии перешли в нескольких местах границу, а турки одновременно вторглись в пределы Российской империи в районах Батума и

Карса. Кавказский фронт оказался растянутым на 720 км, во главе его стоял граф И.И. Воронцов-Дашков, но, принимая во внимание его более чем почтенный возраст, всеми делами фактически руководил начальник штаба Н.Н. Юденич. Всего в распоряжении российского командования находилось 170 тыс. штыков, турки располагали большими силами.

Наиболее значительным событием в кавказской кампании 1914 г. стала Сарыкамышская операция, длившаяся с 9 по 25 декабря и завершившаяся разгромом 3-й турецкой армии, потерявшей 90 тыс. человек и свыше 60 орудий. Однако и потери российской армии в ходе операции были велики – более 20 тыс. человек⁶⁶.

Турецкий автор Ш.С. Айдемир пишет об этом сражении как о «сарыкамышской драме». Турецкая армия, получив от командующего операцией Энвера-паши приказ овладеть Сарыкамышем и крепостью Карс, а затем и всем Южным Кавказом, оказалась не готовой ко всему этому – к холодам, отсутствию своевременного снабжения и координации действий, – она стремительно теряла в атаках солдат. Но вновь и вновь следовал приказ прибывшего к месту сражения Энвера: «Атаковать!» Командующий армией Хафыз Хаккы-паша, увидев через снежную бурю, что у него осталось от недавних 40 тыс. солдат всего 80 человек, заплакал навзрыд: «Всё кончено!» Вернувшийся после этого разгрома в Стамбул Энвер-паша ограничил рассказ об операции одной фразой: «Мы нанесли врагу тяжелый удар!» И вот после всего этого Энвер приказал генералу Казыму Карабекиру двигаться из Тебриза через Решт к Тегерану и, заняв его, двигаться дальше в направлении Индии. «Это был первый подарок турецкому народу от командующего Энвера-паши и его немецких сподвижников»⁶⁷. Нет сомнения, что эта кажущаяся безумием затея основывалась на идее-фикс Энвера, с которой он не расстался до последнего дня своей жизни – поднять на ноги всех мусульман, всех тюрок против Запада, против Англии и, безусловно, против России.

Перейдя в контрнаступление, русская армия отбросила турецкую к озеру Ван, в феврале–мае 1915 г. Малазгирт, Башкале, Шахах, Котур, Арчеш и Ван были очищены от турецких войск.

Известно, что на стороне русской армии храбро сражались армянские добровольческие отряды (дружины). По этому поводу современный армянский автор А. Сваранц пишет в своей книге: «По совету Воронцова-Дашкова представители армянского духо-

венства и светских кругов призвали армян Закавказья и диаспоры пополнить русскую армию и армии стран Антанты добровольцами и содействовать освобождению Западной Армении⁶⁸.

Такая позиция всех армян – и в Европе, и в России стала поводом для младотурок учинить кровавую расправу и организовать массовое преследование армянского населения империи. 16 сентября 1915 г. член властной «тройки» империи – Талаат-паша заявил, что «необходимо положить конец их (армян) существованию, если даже потребуются для этого трагические меры, и не следует обращать внимание ни на возраст или пол, ни на угрызения совести». Приводя это высказывание, современник событий того времени американец Элиот Гр. Мирс добавляет от себя: «вслед за этим началась эта страшная депортация»⁶⁹. Другой член «тройки» утверждал по этому поводу, что существует армянский заговор и что неизбежно всеобщее армянское восстание. Пока разгромленная османская армия отступала в зимние месяцы 1915 г. к озеру Ван в военной зоне, и была предпринята эта массовая депортация не менее 2 миллионов армян. Вскоре эта операция превратилась в бойню, когда этнические турки и курды напали на армянские деревни или устраивали массовую резню беженцев по дороге. По самым осторожным оценкам, число погибших составило 600 000 человек, другие источники приводят число более 1 миллиона. Положение переживших депортацию было едва ли лучше в условиях военного режима в Сирии. Кому-то удалось бежать на российскую сторону, кому-то в страны Западной Европы. Это событие вызвало отвращение в Западной Европе, что проявилось в жестких условиях, выставленных союзниками в послевоенном урегулировании⁷⁰.

На ближневосточном театре военных действий события в конце 1914 г. развивались неторопливо: англичанам удалось захватить в Месопотамии Басру и ряд небольших городов, а турки стали угрожать вторжением Египту, после того как продвинулись на несколько километров в глубь Синайского полуострова.

По мнению Шахинлера, уже события зимы 1914 г. на Кавказе подтвердили худшие опасения Мустафы Кемалю по поводу итогов войны для турок. В это время он был вызван в Стамбул и стал в Турции первым подполковником, которого назначили командовать дивизией, речь шла о турецких войсках в районе

Анафарталар и Арыбурну на полуострове Гелиболу (Галлипольский полуостров)⁷¹.

В начавшихся с приходом 1915 г. многомесячных ожесточённых боях за Галлипольский полуостров, в Дарданеллах полковник Мустафа Кемаль, проявив высокое военное мастерство, сумел остановить силы Антанты. Это была крупнейшая десантная операция с непосредственным участием Турции. Её инициаторами, странами Антанты, предполагалось, что она отвлечет часть турецких войск, воевавших на русском фронте. Такое предложение, исходившее от русских, устраивало союзников: англичане могли первыми войти в Константинополь, что стало бы козырной картой в последующих переговорах о послевоенном устройстве мира, а французы надеялись своими действиями в Средиземноморье ускорить вступление Италии в ряды Антанты. Англия и Франция активно взялись за подготовку операции и эта активность, стремление превратить десантную операцию из отвлекающего маневра в полномасштабное действие не на шутку испугали русское руководство – оно само рассчитывало заполучить Константинополь после войны. Таким образом, подготовка Дарданелльской операции стимулировала завершение переговоров между союзниками по Антанте о судьбе Константинополя.

Соглашение по этому поводу было окончательно оформлено в марте-апреле 1915 г. в ряде договоров. Действительно, вступление Турции в войну в качестве военного противника держав Антанты как бы устраняло последние сомнения главных союзников России – Англии и Франции в отношении целесообразности владения проливами России. «Впервые в истории Турция оказалась перед лицом самой для неё неблагоприятной и зловещей коалиции – англо-русско-французской... Вступая в войну против такой коалиции, Турция действительно ставила на карту самое свое существование»⁷².

За этим последовало неизбежное, коль скоро Турция сделалась военным противником Англии и Франции, эти державы сняли свои возражения в отношении проливов; нуждаясь в помощи со стороны России в войне против Германии, они стремились обеспечить заинтересованность русского правительства в доведении войны до победного конца. Сигналы об этом со стороны союзников Россия стала получать с начала войны, причём в переговорах с русским правительством англо-французская дипломатия акцен-

тировала своё внимание на получении компенсации от России и на закреплении условия о том, что Россия сможет получить Константинополь и проливы не иначе, как ценой участия в войне против Германии до победного конца. Соответствующее соглашение было оформлено путём взаимного обмена в марте-апреле 1915 г. несколькими памятными записками министра иностранных дел С.Д. Сазонова и английского и французского послов в Петрограде Дж. Бьюкенена и М. Палеолога⁷³.

Дарданелльская операция состояла из двух этапов. На первом (с 19 февраля по 18 марта 1915 г.) предполагалось задействовать только флот, а на втором (25 апреля 1915 г. – 9 января 1916 г.) – высадить десант на Галлипольский полуостров с последующим захватом укреплений противника в районе Дарданелл. Это обеспечивало проход флота в Мраморное море. Но в начавшейся 19 февраля операции англо-французский флот так и не сумел подавить противника, форсировать Дарданеллы и нанести удар по Константинополю. Несмотря на эти неудачи, союзники утром 25 апреля, имея 18 тыс. штыков, высадились на полуостров в районе Дарданелл. Начались затяжные кровопролитные бои, в июле 1915 г. на полуостров было десантировано ещё несколько дивизий, однако перелома в свою пользу Антанте добиться так и не удалось. Против десанта союзников успешно действовал Мустафа Кемаль, сумевший добиться в январе 1916 г. изгнания отсюда войск Антанты. 9 января с эвакуацией последнего британского солдата Галлипольская операция бесславно закончилась⁷⁴.

Что касается военных действий на Кавказе в 1915 г., то к сентябрю этого года русско-турецкий фронт растянулся от Чёрного моря через Ван до озера Урмия близ турецко-персидской границы. Затем в результате наступательной операции русских войск в 1916 г. были заняты: в феврале – Эрзурум, Битлис, в апреле – Трапезунд, в конце июля – Эрзинджан. Бои здесь шли с переменным успехом⁷⁵.

20 декабря 1917 г. Мустафа Кемаль отправился в Германию вместе с наследником престола принцем Вахидеддином. Он согласился сопровождать в этой долгой поездке Вахидеддина, тщетно пытаясь внушить ему свои политические идеи. Как пишет Миллер, Кемаль, как опытный генерал, сумел при посещении германского фронта изучить не только те объекты, которые выбрало для показа Вахидеддину германское командование, но и

ряд других, по своему усмотрению. Кемаль пришел к убеждению, что для Германии война проиграна и что Турция, во всяком случае, должна выйти из подчинения немцам⁷⁶.

31 октября 1918 г., на следующий день после подписания союзниками Мудросского перемирия с Оттоманской империей, М. Кемаль принял командование группой Йылдырым в Адане, но 7 ноября она уже была расформирована и 13 ноября он возвратился в Стамбул.

Следует отметить, что, после того как в феврале 1916 г. русская армия овладела Эрзерумом и Битлисом, она оказалась непосредственно на подступах к Ираку и Сирии. Опасаясь перехода арабских стран под русскую оккупацию, английская и французская дипломатия, представленная Майклом Сайксом и Жоржем Пико поспешила согласовать свои взаимные территориальные требования в отношении будущего раздела азиатской Турции и затем представить их России – так, как это было с проливами весной 1915 г.⁷⁷ Прибыв в Петроград, Сайкс и Пико вручили 9 марта 1916 г. Сазонову меморандум с изложением их проекта. Сазонов выдвинул ряд контрусловий, потребовав, в частности, передачи России Турецкой Армении, области Хаккяри и части южного побережья Чёрного моря. Как можно понять из уже окончательно согласованных между Англией, Францией и Россией документов, за последней признавались права, сформулированные в телеграмме Сазонову российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа от 17(30) мая 1916 г.⁷⁸

Как развивались военные действия в 1916 г. на других фронтах? На Салоникском фронте крупные операции не проводились, а обстановка в Месопотамии складывалась не в пользу англичан – туркам в том же году удалось принудить в Кут-эль Амаре к капитуляции английский отряд под командованием генерала Таунсхенда, однако затем ход военных действий повернулся в пользу англичан, они овладели Багдадом и начали наступление на Палестину.

Необходимо отметить, что борьба арабских народов Османской империи – Хиджаза, Ирака, Сирии, Палестины и Ливана, использовавшаяся Англией и Францией для изгнания турок и установления своего господства, никак не соответствовала призывам младотурок к джихаду под знаменем панисламизма. Сопротивление арабов ожесточало против них турецкие власти и ни

о каком джихаде не могло быть и речи, в указанных странах тысячи арабов были казнены и высланы в концентрационные лагеря. Борьба арабов в годы войны сыграла существенную роль в окончательном разгроме турецко-германских войск на Месопотамском и Сирийско-Палестинском фронтах и освобождении арабских стран от турецкого владычества, продолжавшегося четыре столетия.

В результате военных действий в 1914–1917 гг. Турция потеряла почти всю Восточную Анатолию, Месопотамию, Сирию и Палестину. Турецким войскам удалось отстоять лишь Галлипольский полуостров⁷⁹. Военные итоги доказывали, что рискованная и авантюристическая политика Энвер-паши, его мечты о восстановлении империи были обречены на неудачу. Турецкая историография давно разобралась с бесперспективностью для Турции военного союза с кайзеровской Германией, в который вовлёл страну авантюризм Энвера и его окружения. Это понял Мустафа Кемаль и ещё раз убедился в скрытых пороках такого союза, когда побывал в Германии. Ю.Х. Баюр пишет, что уже провал немецкого молниеносного наступления на Марне в сентябре 1914 г. «убедил М. Кемалья, что немцы не смогут выиграть войну», что противник значительно превосходил их по людскому и промышленному потенциалу, господствовал на море, препятствуя немцам использовать мировые торговые пути для снабжения страны. Кемаль считал, по словам Баюра, что «немцы в крайней степени заражены империалистическим духом», что «необходимо противиться их стремлению распоряжаться всем и вся в османском государстве»⁸⁰. Стратегические планы Энвера, рассчитанные на глобальную панисламистскую и пантюркистскую пропаганду в пользу турецких завоевательных походов, казалось бы, окончательно провалились, причём очевидно было для многих, что эти планы никак не совпадали с собственными аппетитами Германии и на Балканах, и на Ближнем Востоке, и в английской колонии Индии.

Но конец 1917 г. принёс участникам Первой мировой войны неожиданности глобального значения. Российская империя опередила «больного человека» Европы – в результате октябрьской революции она раньше Османской империи ушла в историю⁸¹. Последовавшие за этим события, выход Советской России из войны, гражданская война, появление на кавказских границах

Турции новых государств, провозгласивших независимость от Советской России – все это возродило вновь пантюркистские планы младотурок.

В октябре 1917 г. на основании Декрета о мире советское правительство предложило воюющим странам заключить перемирие и начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций.

Опубликованная в ноябре 1917 г. Декларация прав народов России провозглашала равноправие и суверенитет народов, обеспечение их права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Тезис о самоопределении должен был привлечь на сторону советской власти нерусскую часть населения страны. При этом было бы упрощением считать, что большевики делали ставку на распад страны. Они в то время мечтали о мировой революции, в ходе которой временное отделение станет прологом к созданию «Всемирной республики Советов» (ведь произошла же вскоре, в 1918 г., ноябрьская революция в Германии, просуществовала несколько месяцев венгерская советская республика в 1919 г.).

В такой обстановке официальное провозглашение национальных свобод в Советской России породило немало разнообразных государственных форм, появившихся в различных частях бывшей империи, в частности по соседству с Турцией. Так, в Закавказье с ноября 1917 г. по март 1918 г. действовал Закавказский комиссариат – правительство Закавказья со столицей в Тифлисе, затем был учрежден Закавказский сейм как орган государственной власти в Закавказье. Созванный 9 апреля 1918 г., он провозгласил независимость от Советской России Закавказской демократической федеративной республики, затем на её месте образовалось три республики – Грузия, Армения и Азербайджан. Что касается Северного Кавказа, там был учреждён Центральный Комитет Северного Кавказа, 20 ноября 1917 г. он поменял своё название на временное правительство и объявил об отделении от России в качестве независимого государства.

Между тем призыв большевистского правительства к прекращению мировой войны не нашел поддержки у воевавших сторон, в то же время Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция согласились заключить с ним перемирие. Большевики в начале декабря договорились с младотурецким командованием на Кавказском фронте о прекращении огня, общее же перемирие со все-

ми военными противниками было подписано советской делегацией в Брест-Литовске ⁸².

3 марта 1918 г. был, наконец, заключен сепаратный Брестский мир – кабальный для Советской России. Она обязалась «незамедлительно» произвести «полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством».

Непосредственно российско-турецкие отношения регулировала статья IV: «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией» ⁸³.

Воспользовавшись ситуацией, нарушив букву и дух Брестского мира, турецкая армия в середине февраля 1918 г. перешла в наступление по всему Кавказскому фронту. Ей противостояли армянские и грузинские национальные части, заменившие русские войска, оставившие фронт по условиям Брестского договора. В конце апреля султанские войска заняли Карс, затем Батум ⁸⁴.

В мае 1918 г. в Стамбул прибыла «специальная полномочная делегация» Северного Кавказа под председательством Абдулмеджита Чермоя и Хайдара Баммата. Главные цели, которые она преследовала, были – добиться признания Турцией и её союзниками независимости Северного Кавказа и подписать соглашение о помощи. По окончании переговоров с турецким правительством Исполнительный Комитет Союза Северного Кавказа «в соответствии с предоставленными ему полномочиями» 11 мая 1918 г. провозгласил независимость Северного Кавказа, причём границами нового государства объявлялись: «на севере – прежние границы территорий, относящиеся к областям и центрам Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Причерноморья; на западе – Чёрное море, на востоке – Каспийское море; на юге – границы будут установлены с правительствами Южного Кавказа в соответствии с достигнутыми позже с ними договорённостями» ⁸⁵.

12 мая 1918 г. в Стамбуле было опубликовано обращение правительства Северного Кавказа к Османской империи, в котором

сообщалось, что «мусульманский народ Северного Кавказа охвачен желанием подписать мирный договор с Великим исламским халифатом – Высоким Османским Султанатом», содержалась просьба «немедленно оказать военную и политическую помощь... молодой северокавказской власти», направить ей «достаточно подготовленную и оснащенную военную силу»⁸⁶.

Разногласия с Германией помешали туркам проникнуть в Грузию, но к июню 1918 г. они захватили Ганджу, сформировали здесь «правительство Азербайджана» и «Кавказскую армию ислама» под командованием брата Энвера – Нури-паши. Турецкий автор Джемаль Анадол пишет, что в условиях гражданской войны, попыток Белой армии возродить царизм «в Дагестан через горы прибыл турецкий военный отряд под командованием Исмаила Хаккы Беркока в составе 74 офицеров и 577 младших офицеров». Он стал начальником штаба созданного им здесь Северокавказского корпуса. 15 сентября 1918 г. «турецкие войска спасли Баку, битва за него продолжалась 36 часов». 20 сентября 1918 г. Москва аннулировала Брестский договор в части, касавшейся Турции⁸⁷.

Именно в это время в Стамбуле появилось Общество Северного Кавказа, которое получало материальную помощь от правительства иттихада, прежде всего от Энвера. После перемирия оно именовалось Обществом мухаджиров Северного Кавказа. Это общество было ответственно за политику Турции на Кавказе, его члены были мало кому известны и подчинялись Энверу и Талаату, причём первый был приверженцем идей исламизма, второй – национализма. Очевидно, поэтому Общество Кавказа объединяло обе цели⁸⁸.

После взятия Баку турецкие войска под командованием Иззета двинулись на север, их численность превышала 4 тыс. человек. 10 октября при участии созданной там Северокавказской армии, вместе с А. Чермоем и командующим кавказским исламским войском Нури-пашой турки вошли в Дербент. С 13 октября 1918 г. семизвёздный национальный флаг стал развеваться над городом. Последовал жёсткий ультиматум А. Чермоя белым русским в Петровске (Махачкала) – очистить город. 7 ноября после жестокого сражения Петровск «был спасён» – взят. «Двести лет ожидавшие от Османского государства помощи и внимания кавказцы впервые своими глазами увидели, как сражаются с русскими

храбрые, пришедшие сюда с добрыми намерениями, турецкие солдаты. От всего этого кавказцы испытали чувство огромной гордости и ликования». Командующему турецкими вооружёнными силами Иззет-паше и его штабу «были предоставлены широкие полномочия для установления прочного сотрудничества с национальным правительством во имя быстрейшего утверждения Северного Кавказа в его естественных границах»⁸⁹.

Действительно, последние усилия младотурецкого милитаризма обосноваться на кавказской земле оказались напрасными. Интервенция в Закавказье истощила последние силы Османской империи, несомненно, ускорила разгром Турции в Первой мировой войне. С середины сентября и в октябре 1918 г. войска Антанты вместе с арабскими повстанцами нанесли ряд крупных поражений турецким войскам и изгнали их из Месопотамии, Палестины и Сирии. Ещё до этого, 15 сентября, войска союзников прорвали фронт в Македонии и вынудили Болгарию капитулировать. Путь к турецкой столице для войск Антанты был открыт.

Ушедшие из Баку после подписания 30 октября 1918 г. перемирия турецкие войска сменились английскими – под командованием генерала Томсона. Посланный на Северный Кавказ полковник Раулинсон практически признал правительство Северного Кавказа, его примеру последовали Грузия, Армения, Азербайджан. В декабре 1918 г. на Северном Кавказе было создано правительство Пшимахо Кошока. Делегация в составе А. Чермоя, Ибрагима Хайдароглу и д-ра Хазара Кофтана вместе с другими делегациями Кавказа отправились в Париж. В Европе уже находился Хайдар Баммат. Пока делегация пребывала в Париже, на Северном Кавказе сменялась местная власть и вожди, создавались военные кабинеты, «кавказцы оборонялись и от большевиков, и от деникинцев». После подавления крупного выступления Узун-Хаджи «большевики стали быстро наступать, вошли в Азербайджан, затем захватили весь Кавказ, учредили свою власть»⁹⁰.

Поражение Османской империи в войне решило судьбу младотурецкого триумvirата – 7 октября 1918 г. за месяц до революции в Германии и Компьенского перемирия османское правительство во главе с Энвером вынуждено было отказаться от власти. К этому времени произошла смена и султанской власти – 4 июля 1918 г. умершего Мехмеда V Решада сменил на троне

Мехмед VI Вахидеддин, что впрочем, на политике страны сказаться уже не могло, султанская власть при младотурках носила представительский характер. Младотурецкие руководители бежали в Германию, во главе нового правительства стал англофил Иззет-паша. 30 октября на британском корабле «Агамемнон» в порту Мудрос (о-в Лемнос) было подписано перемирие между странами Антанты и Турцией, по которому последняя полностью признала себя побеждённой.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РЕСПУБЛИКЕ

Последние дни империи

Мудросское перемирие 30 октября 1918 г. завершило военные действия между Антантой и Турцией в Первой мировой войне. Оно позволило союзникам, прежде всего англичанам, не только довершить оккупацию территории империи и таким образом установить контроль над Ближним Востоком, его коммуникациями и природными (в том числе нефтяными) ресурсами, но и организовать широкую интервенцию в Советскую Россию, активно вмешаться в начавшуюся там гражданскую войну¹.

Фактически речь шла об исполнении давней мечты британских властей – установлении на Ближнем Востоке гегемонии Англии, располагавшей здесь наибольшими военными силами и стремившейся отдалить других союзников от участия в контроле над регионом. При подписании перемирия адмирал Кальторп даже не допустил французского представителя на борт корабля.

Итак, согласно перемирию, проливы Босфор и Дарданеллы, столица империи Стамбул оккупировались войсками Антанты, любая часть территории империи, в случае необходимости, также подлежала оккупации. 2 ноября 1918 г. недавний правивший триумвират султанского правительства, младотурецкие лидеры Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша бежали из Стамбула со своими ближайшими соратниками на немецком корабле в Германию. Возвратившийся с церемонии подписания перемирия глава турецкой миссии на переговорах морской министр Рауф-бей (Орбай) заявил: «Достигнутое перемирие превзошло наши ожидания. Спасены независимость государства, султанат и честь нации».

Мудросское перемирие застало М. Кемаля в Алеппо. Чтобы принять от Лимана фон Сандерса командование над остатками турецких армий в северной Сирии, он прибыл в Адану. Великий визирь Ахмет Иззет-паша предписал ему не препятствовать

английским войскам, предложил вернуться в Стамбул, после чего Кемаль подал в отставку и возвратился в столицу в распоряжение генштаба, встретился с руководящими лицами империи, депутатами парламента и был принят султаном ².

Почти немедленно, уже 3 ноября, английские войска оккупировали район Мосула. 10 ноября французские и английские военные корабли вошли в Новороссийск, англичане после девяти месяцев турецкой оккупации, в середине ноября 1918 г., заняли Батум, потребовав от турецкого командования очищения к середине января русского Закавказья до границ 1914 года ³.

Позже, в марте 1919 г., англичане высадились в Самсуне, прибыли в Урфу. 27 ноября в Стамбул приехал и разместился здесь со своим штабом Джордж Мильн, командующий английской Черноморской армией, вскоре назначенный по решению союзников командующим союзными армиями в Турции. В том же ноябре первые оккупационные отряды и военные корабли Антанты и США прибыли в Стамбул, в проливы Босфор и Дарданеллы, появились в портах Средиземного и Чёрного морей. Десятки тысяч интервентов с многочисленной военной техникой расположились на территории Турции. Возникли зоны оккупации – французы установили контроль над Киликией, Мерсином, Аданой и Искендеруном, итальянцы обосновались в Антакье, в апреле итальянский отряд оказался в Конье, в мае греки заняли Измир.

Верховным комиссаром был назначен британский адмирал Кальторп. Султан Вахидеддин считал, что у Турции нет иного выхода, кроме сотрудничества с победителями, он и сменявшие друг друга великие визири поддерживали тесные отношения с верховным комиссаром по всем вопросам, касавшимся управления остатками развалившейся империи. То же самое происходило на местах – местные власти предпочитали сохранять мирные отношения с появившимися в их местности иностранными отрядами. 21 декабря 1918 г. Вахидеддин под давлением оккупантов распустил парламент и в начале марта 1919 г. назначил своего шурина Дамада Фериди-пашу великим везирем – главой правительства.

Уже эти события стали побудительным мотивом к возникновению первых организаций сопротивления турецкого населения, чаще всего выступавших под названиями региональных обществ защиты прав и антиоккупационных комитетов. Руководителями

таких организаций были представители торговцев, помещиков, гражданской и военной бюрократии, крестьянства, ремесленников.

С оккупацией Турции и её проливов Антанта получила дополнительную возможность активно вмешиваться в события не только в Анатолии, Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Балканах, но также и на юге России, включая Крым, Кавказ и Прикаспийский регион. Эту возможность в максимальной степени стремилась реализовать прежде всего английская армия. В своих мемуарах генерал Деникин пишет, что, перейдя в этом обширном регионе к активным действиям, можно сказать, боевым, англичане и французы между собой разделили его некой линией, «она проходила от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по Дону на Царицын». Из его же слов ясно, какие огромные возможности получили, овладев Стамбулом и проливами, Анатолией, оккупанты в вопросах контроля и координации военных действий в огромном регионе Евразии, охватывающем юг России, черноморский и каспийский бассейны, Кавказ, Балканы и т.д.⁴

Как отмечает Деникин, все пребывшие или проезжавшие через Стамбул высокопоставленные лица говорили только о восстановлении порядка в России, хотя и избегали подчёркивать принадлежность к ней некоторых районов Кавказа⁵.

Любопытны оценки Деникиным настроения и поведения различных политических групп, выступавших от имени населения Северного Кавказа и Закавказья – у одних он видел готовность поддержать большевиков, других «тянуло к объединению с Турцией». Наиболее стойкою в борьбе с большевиками была, на его взгляд, «Дагестанская область», именно здесь турецкая пропаганда давно «раздувала всемерно религиозный фанатизм и возбуждала туркофильские настроения; в край ввозилось в довольно большом количестве оружие и боевые припасы, и с середины мая в него проникали турецкие инструкторы и аскеры. Со 2 сентября 1918 г., когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, в Дагестане появились турецкие отряды и в результате соглашения турки обещали двинуть туда дивизию. «Все дороги, ведущие из России в Азербайджан и Анатолию, проходят через Северный Кавказ, который должен поэтому находиться в надежных руках», – таков был лозунг «пантурского движения», воспринятый по преимуществу местной политиканствующей интел-

лигенцией. Но в народе это движение, по-видимому, не имело глубоких корней: потому ли, что турецкая оккупация Азербайджана наглядно показала свою тёмную изнанку, потому ли, что связь с Россией была ещё достаточно сильна. Дагестанцы расценивали приходившие извне разноплеменные войска прежде всего как помощь против большевиков, как средство водворения порядка. После капитуляции в ноябре 1918 г. «турецкие эшелоны спешно ушли на Баку и Тифлис. Их сменил полковник Роуленсон и небольшой английский отряд. Туркофильское настроение быстро ослабло, а имам Дагестана Нажмудин Гойтинский вместо газавата стал проповедовать связь с единой Россией...»⁶

Не считая возможным углубляться во все перипетии деятельности сначала германских войск, затем сменивших их войск Антанты на Кавказе (это отдельная тема), ограничимся общим и главным наблюдением – прибытие упомянутого воинства на юг «союзной» России представляло из себя, по сути, единое целое с интервенцией в побеждённую Турцию, и наиболее удобным центром руководства этой двойной операцией, неофициальной штаб-квартирой, стал Стамбул. Это обстоятельство во многом определило дальнейшие события в Турции.

Вместе с тем Стамбул, несмотря на оккупацию, сохранял, как бы нелегально, роль и другого, давнего центра – координации пантюркистской деятельности на Кавказе. При этом сторонниками такой деятельности делаются ссылки на особые причины – «между Османским государством и народами Северного Кавказа отношения носили родственный характер. Османская власть совершила незабываемую ошибку, когда во время Крымской войны 1853 г. имам Шамиль, сражаясь на Северном Кавказе с русскими войсками, установил связь с османской армией, но никаких результатов достигнуто не было и даже по мирному договору не было получено ни одной крепости»⁷.

С весны 1918 г., по воспоминаниям Деникина, кавказские народы «в большей или меньшей степени» подпадали под влияние советской власти. «Оно оспаривается, впрочем, Турцией, с конца 1917 г. усиленно привлекавшей горцев, при посредстве своих и туземных эмиссаров, пантюркистской и панисламистской пропагандой»⁸.

После прибытия англичан на Кавказ они потребовали от деникинских войск воевать с большевиками, а не вмешиваться в

дела Кавказа, за этим стояло твёрдое намерение поддержать независимость Горской республики и других провозглашённых республик. Англичанами пресекались все попытки деникинской армии действовать самостоятельно. Так, 1 февраля 1919 г. генералу Деникину напоминалось: «последний не должен вмешиваться в район к югу от линии Кизил-Бурун – Закаталы – Кавказский горный хребет – Туапсе». «Таким образом, – пишет Деникин, – устанавливалась английская оккупация всего Закавказья. Ввиду того что Англия, вопреки первоначальным заявлениям, отказалась двинуть свои войска против большевиков, а территория Закавказья была уже свободна от турок и германцев, такое решение лишено было всяких стратегических обоснований. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинский марганец, бакинская нефть и нефтепровод Баку – Тифлис – Батум сами по себе определяли веки английской политики и английского распространения. Но этим обстоятельством далеко еще не исчерпывалось значение и ценность Закавказья. На очереди стояло объявление английского протектората над Персией, и Закавказье являлось естественной преградой против России и территорией, по которой пролегают пути, идущие из северной Персии к открытому морю, через главный выход Батум... Генерал Томсон, заняв одним батальоном Петровск (Махачкала), продолжал оказывать моральную поддержку горскому правительству и принимал реальные меры к вытеснению русского влияния и русских формирований с Прикаспия... все русские заводы, железные дороги и учреждения перешли к Азербайджану и что смотреть на Баку и Дагестан как на нашу (русскую) базу мы не можем»⁹.

Оценивая сложные перипетии борьбы различных политических сил за Кавказ после драматических событий октября 1917 г., мы убеждаемся, сколь настойчиво и целеустремленно, до самых последних дней пребывания у власти, стремилась вмешаться в эти события младотурецкая верхушка, сначала легально, а при англичанах – нелегально. Возникает даже предположение, что она рассматривала Кавказ как некую запасную территорию для реализации своих пантюркистских и панисламистских идеалов и после краха империи. Ведь очевидно, что и после подписания перемирия 30 октября 1918 г. некоторые высшие военные чины младотурок нашли там не просто убежище, а немалое число сторонников и сподвижников. Об этом пишет и Деникин: «Гор-

ские организации получали средства с трех сторон – от Турции, Азербайджана и Грузии, являясь одновременно орудием политики трех различных направлений». Почва для народного недовольства действительно была: «тяжелое экономическое положение, темнота масс, бытовые навыки, острая вражда между горцами и терцами, несправедливость и поборы местной туземной администрации, в Дагестане – насилия, чинимые войсками и чинами флота, и т. д. Но никогда это движение на почве внутренних неурядиц не могло бы разрастись в настоящую войну без внешних побудительных факторов, при отсутствии которых мы, в худшем случае, имели бы с Чечней и Дагестаном “худой мир”, хотя бы такой, как с Ингушетией»¹⁰.

Грузия «питала большой страх перед планами Нури-паши, грозившим в ближайшем будущем окружить и залить ее волною мусульманского фанатизма», поэтому она активно поддерживала идею образования «независимой горской республики», стремясь создать из неё буфер против России. Содействие восстанию горцев было широко, почти открыто и заключалось в пропаганде, деньгах, оружии и в подкупе влиятельных людей. Азербайджан посылал своих и турецких офицеров в качестве инструкторов и командного состава преимущественно в Дагестан. Грузия отправляла партизанские отряды из пленных красноармейцев, грузинский «легион», десятки офицеров-инструкторов под общим начальством генерала Кереселидзе, главным образом, в Чечню. Было установлено в отрядах повстанцев наличие и германских офицеров и унтер-офицеров. Было ли это результатом германотурецкого альянса и берлинской политики или мы имели дело просто с ландскнехтами? Меджлис назначил Кереселидзе «верховным главнокомандующим войсками горской республики». Али-Хаджи и Узун-Хаджи были признаны закавказскими правительствами в качестве полномочных начальников Чечни и Дагестана. И Грузия и Азербайджан обратились к иностранным миссиям, прося их поддержать «национальное движение народов горской республики». Гегечкори на съезде народной гвардии заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России»¹¹.

Начало сопротивления оккупантам – начало кемализма

Возвращаясь к будущему лидеру национально-освободительного движения Турции Мустафе Кемалю, напомним, что он был отозван с сирийской границы в столицу после подписания Мудросского перемирия, где он воевал с англичанами. Символично, что в столицу Кемаль вернулся 13 ноября, в тот день, когда вражеский флот бросил якорь на виду города. Наблюдая за этой операцией, он сказал адъютанту: «Как пришли, так и уйдут». Эти слова свидетельствовали о решимости «начать великую борьбу» с интервентами¹².

Особенно крупные выступления турецких патриотов-националистов стали происходить после высадки, по решению союзников, греческих войск в Измире 15 мая 1919 г. при активной поддержке их военными кораблями Англии, Франции и США. Турки начали должным образом координировать возникшее в различных районах страны движение сопротивления оккупантам. Так возникла организация, именуемая Кува-и Миллие («Национальные силы»). Это были ещё слабо организованные отряды партизанского типа, большого ущерба нанести грекам они не были в состоянии, но главное – они первыми стали бороться и действовали против врага. Что касается руководства начавшимся движением, то ни в коем случае нельзя сбрасывать со счёта и кадров иттихадистов. Бегство её лидеров за границу, самороспуск – все это не означало исчезновение партии как политической силы, весомо представленной в политической элите империи. В конце концов и М. Кемаль, не приемля курса лидеров формально распущенной партии, сохранял связи со многими её активистами, прежде всего её военным крылом. Именно военный корпус империи обеспечивал готовыми, хорошо обученными кадрами формировавшееся сопротивление интервентам.

Некоторые офицеры тайно отправлялись в Эгейский район, собирали там патриотов – интеллигентов, эфе (партизан), молодёжь, оставшихся в армии солдат, чтобы организовать выступления против греческих войск. Голландский турколог Эрик Цюрхер в своей работе, изобилующей множеством ссылок на новые источники, пишет, что первыми участниками и организаторами патриотических выступлений, в том числе вооружённых, против антантовских войск сплошь и рядом были бывшие члены партии

Единение и Прогресс, которая, объявив о своём самороспуске, вскоре учредила наследницу – партию Теджеддют («Возрождение»). Ими же были и многие либо последовательные соратники Кемалья, либо попутчики в борьбе против интервентов¹³.

Итак, первый фронт борьбы с интервентами возник на западе Анатолии, всё более заметным он становился по мере занятия греками после Измира городов Менемена, Маниссы, Тургутлу, затем их продвижения на Айдын, затем – на Назилли. Кемаль в это же время всё активнее действовал в оккупированном Стамбуле, он участвовал в беседах, спорах, тема которых – способы сопротивления оккупантам. Его квартиру посещали многие султанские военачальники, некоторые – самого высокого ранга¹⁴.

Оценив должным образом обстановку, получив информацию о первых очагах сопротивления, Кемаль и его близкое окружение приняло решение – перебраться в Анатолию. Переезд был облегчён тем, что мог осуществиться легально и с высокого «благословения» – 30 апреля 1919 г. М. Кемаль получил официальное назначение инспектора девятой армии, что означало командование этой армией. Штаб её размещался в Эрзуруме, свободном от оккупантов. Кроме того, в эту армию входила 15-я дивизия во главе с Казымом Карабекир-пашой, который вопреки перемирию свою дивизию не торопился распустить. Создав из доверенных ему людей свой штаб, Кемаль выехал в Самсун. Перед отъездом он выслушал личное напутствие султана Мехмеда VI Вахидедина – пресекать любые акты саботажа и враждебных действий против оккупантов. Ведь высадившиеся в том же Самсуне в марте 1919 г., ещё до Кемалья, 200 английских солдат явно не справлялись с наведением порядка в близлежащих регионах Анатолии. И, что не менее серьёзно, наведение англичанами «порядка» одновременно ждал оккупируемый ими Кавказ.

О серьёзных конфликтах, происходивших примерно в это же время на Кавказе, подробно пишет Деникин, поскольку его армия была в эти конфликты вовлечена непосредственно. Их источником оказалась, по мнению Деникина, независимая Грузия – «грузинские правители тянулись к сухумскому табаку, к батумским субтропическим культурам и к богатым Закаатам» – округу Азербайджана, населенному лезгинами; «они подавляли вооруженной силой сопротивление Южной Осетии, стремившейся к

национальному объединению с Северной, устремлялись к Сочи, Батуму, Ардагану, к северным уездам Армении»¹⁵.

Деникин упрекает также независимую Грузию за её действия, начиная с осени 1918 г., и в оккупированном ею Сочинском районе. Там шло «спешное расхищение грузинами русского казённого и частного имущества, всевозможные притеснения, аресты и высылки элементов, тяготевших к России, и вместе с тем оказывалось покровительство большевикам и проводилось вооружение их. Шли повальные грабежи и разбои»... Как выяснилось, «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным». Запросы деникинцев по этому поводу, обращенные к Лондону и Константинополю, оставались без ответа¹⁶.

Сочинский эпизод, пишет Деникин, «принял совершенно неожиданный для нас оборот, грузинская сторона утверждала, что Сочинский округ занят «по соглашению и настоянию(!) английского командования»... Посланный Уоккером полковник Уайт прибыл в Сочи и предъявил требование о немедленном выводе войск Добровольческой армии из Сочинского округа, в котором «будет установлен английский контроль». Но получил ответ, что Сочинский округ очищен не будет. В январе 1919 г. в Гаграх появилась рота англичан во главе с полковником Файнсом, ставшая по реке Бзыби, между расположением обеих сторон... Но на этом военный конфликт деникинской армии с Грузией не закончился, некоторое время спустя грузины возобновили свои попытки перейти Бзыбь. А 4 апреля 1919 г. грузинские войска, перейдя беспрепятственно линию английских постов и реку Бзыбь, ударили по деникинцам, в то время как в тылу их восстали зелёные¹⁷.

Эти и другие подробности, приведенные в мемуарах генерала Деникина, свидетельствуют, что английские оккупанты, задействованные на Кавказе в связи с интервенцией и в Россию, и в Турцию, уже с начала 1919 г. испытывали немалые трудности по поддержанию там порядка. Впереди же их ждали в этом регионе новые напасти, которые с помощью только своих войск они не были в состоянии решить. Во всяком случае, английское командование в Стамбуле вместе с султаном рассчитывали и на инспекционную поездку в восточную часть Анатолии боевого генерала османской армии М. Кемалья¹⁸.

19 мая 1919 г., через считанные дни после высадки греческих войск в Измире, Мустафа Кемаль в должности султанского

военного инспектора прибыл в Самсун, где и проживал со своим штабом в городке Хавза к югу от Самсуна, там он посетил Амасью. Убедившись лично в большом размахе освободительного движения в Анатолии, М. Кемаль еще более утвердился в намерении его поддержать, по мнению Шамсутдинова, он считал в ту пору, что «освободительная борьба в стране должна развиваться под “священным” знаменем падишаха во главе с самим султаном»¹⁹.

Призыв к султану не нашел отклика, М. Кемаль, стараясь избежать огласки, вместе с ближайшими соратниками приступил к организации, или, точнее, координации национального сопротивления интервентам²⁰. Первое, что сделал М. Кемаль – установил связи с остатками воинских частей и потребовал от них не выполнять условия перемирия, разослал уведомления о необходимости организации митингов протеста. Так, массовым стал митинг в Стамбуле²¹.

Между прочим, среди первых соратников Мустафы Кемала были недавние крупные сановники султанского режима, имевшие черкесское происхождение. Таким был, например, упомянутый Рауф Орбай, принявший участие в организации сопротивления в Анатолии с М. Кемалем. На пути из Стамбула в Анатолию в мае 1919 г. он вступил в контакт с товарищами – черкесами, которые были расселены в больших количествах в северо-западной Анатолии, призвав их к содействию. Сюда же можно причислить и такую известную в те годы фигуру, как Бекир Сами-бей, профессионального военного, дипломата²².

Национальное пробуждение в Турции выходцев с Кавказа было лишь слабым отражением того, что происходило на самом Кавказе, где одновременно или попеременно пытались решать свои проблемы и сами народы Северного Кавказа и Закавказья, и их добровольные покровители – германские и турецкие, затем английские войска, не говоря уже о двух враждовавших сторонах в гражданской войне – Белой и Красной армиях. События, связанные с Брестским миром, провозглашение независимых республик на Кавказе, гражданская война – весь этот клубок проблем пытались развязывать и штабы союзных армиях, включая Белую армию, находившиеся в оккупированном Стамбуле.

О сложившейся весной 1919 г. системе сложных подчинений, замыкавшихся в конечном счёте на едином оккупационном

английском режиме, много пишет А.И. Деникин. Он неоднократно свидетельствует, как непосредственный участник событий, о намерении англичан решать кавказскую проблему, территориальные вопросы Восточной Анатолии и юга России прежде всего в интересах Англии и путем балканизации всего этого обширного региона²³.

Если присовокупить к этому планы освоения Ирана, Ирака с Мосулом, аппетиты англичан в те годы представляются почти безграничными – на тот момент никто, казалось, не мог им уже мешать...

Что касается характера начавшегося кемалистского движения, по справедливости следует обратиться к такому авторитету среди турецких исследователей собственной истории, как Эмре Конгару. Он видит две части революции – *войну за независимость и реформы Ататюрка*. На этапе войны за независимость «кемалистская революция в своей основе – не социальная и экономическая революция, а революция политическая и идеологическая, хотя по своим итогам она была направлена на социальную и экономическую революцию»²⁴.

Летом и осенью 1919 г. в Балыкесире, Эрзуруме и Сивасе состоялись конгрессы национальных организаций, называвших себя «обществами защиты прав». В их работе приняли участие представители самых различных кругов: мелкий и крупный торговый капитал, чиновники, офицеры, адвокаты, журналисты, помещики и священнослужители. 14 июля 1919 г. в эрзурумской газете Альбайрак было опубликовано сообщение о том, что «его превосходительство Мустафа Кемаль-паша подал в отставку» с османской военной службы и что «сколь счастливо видеть во главе национального сопротивления такого уважаемого командира». Состоявшийся вскоре в Эрзуруме (в конце июля – августе) Конгресс Общества защиты прав восточных вилайетов, прошедший под его руководством, был, безусловно, его детищем²⁵.

Первый орган зарождавшейся анатолийской власти был учреждён уже на следующем конгрессе – Сивасском (4–11 сентября 1919 г.) – им стал исполнительный орган всех патриотических обществ и организаций, всех патриотических сил – *Представительный комитет* во главе с генералом Мустафой Кемалем. Сивасский конгресс определил основные принципы борьбы за независимость и принял развёрнутую программу действий.

В это же время горячо обсуждалась и решалась другая не менее важная проблема – пути выхода из враждебной изоляции, политические способы прорыва вооружённой блокады Антанты. На Сивасском конгрессе возникли споры вокруг принципа мандата, известны предложения некоторых делегатов, например Халиде Эдип, об американском мандате над Турцией. Решение об обращении с мандатом «к одной великой державе» не было включено в заключительную декларацию²⁶.

В отношении внешней помощи было принято решение исходить из принципа, принятого на Эрзурумском и подтвержденного на Сивасском конгрессах. 7-й параграф принятой в Эрзуруме декларации подчёркивал: «Мы с удовлетворением примем техническую, промышленную, экономическую помощь от любого государства, которое не питает враждебных намерений в отношении нашей страны». Турецкий автор А. Мюдеррисоглу считает, что тогда такая формулировка означала – речь идёт либо о США, либо о Советской России. Кемаль, по его мнению, склонялся к американской помощи, однако его вскоре переубедили по целому ряду причин: США были сторонниками стран Антанты, воевали с ними вместе в Первой мировой войне, и трудно было представить, что они будут поставлять в Турцию оружие, предназначенное для использования против её союзников²⁷.

Конгресс отказался принять условия мудросского перемирия и высказался против султанского правительства, возглавляемого Дамадом Ферид-пашой. Однако пока эти действия не означали противопоставления анатолийской власти султанской, стамбульскому парламенту. Возникавшее уже, по сути, двоевластие сохраняло в целом характер критического, но мирного взаимодействия, исключавшего жёсткие претензии сторон. Против начавшегося кемалистского движения выступали не только интервенты, активно вели себя в различных районах Анатолии и вооружённые отряды сторонников падишаха. Против этих действий использовались не только военные методы, но и пропагандистские – разъяснения о том, что освободительная война не направлена против падишаха²⁸.

Представительный комитет по согласованию с султанским кабинетом должен был действовать до созыва палаты депутатов (меджлиса), причем его местопребыванием была избрана Анкара.

Как только стали известны имена депутатов от Анатолии, комитет во главе с Мустафой Кемалем выехал 18 декабря 1919 г. в Анкару, чтобы уже оттуда руководить их отправкой в Стамбул²⁹.

Дорога в Анкару была в ужасном состоянии. Шёл снег, автомобили застревали, выходили из строя. Приходилось идти пешком до ближайшего селения, звать на помощь. О прибытии комитета жители Анкары знали заранее. В городе номинально сохранялась власть султана, однако временный губернатор больше действовал по своему усмотрению. Оккупационные войска были представлены небольшими группами англичан и французов. Местные власти и находившийся в Анкаре генерал Али Фуад-паша торжественно встречали прибывших. Из жителей Анкары, в те времена «запущенного полуразрушенного анатолийского городка», мало кто знал о программе кемалистов, о решениях Сивасского конгресса. Но одно анкарцам было ясно: Мустафа Кемаль и его спутники – это люди, не примирившиеся с оккупацией и собиравшие силы для изгнания чужеземцев. Поэтому на улицы Анкары вышло 27 декабря много людей – и ремесленники, и крестьяне из окрестных деревень, и не признававшие никакой власти участники повстанческих отрядов, и дервиши, и учащиеся. Отдельную группу встречавших составляли религиозные деятели во главе с муфтием города.

У деревни Гельбаши группу Кемалья встретили Али Фуад-паша и временный губернатор Анкары Яхья Галиб-бей, затем процессия направилась к железнодорожной станции. Здесь (в присутствии англичан и французов) состоялась торжественная встреча прибывших. Руководил церемонией муфтий Анкары Мехмет Рифат-эфенди (впоследствии министр по делам религии), затем Кемаль и его спутники направились к центру города, к мечети Хаджи Байрам. В тот же день было оглашено заявление о том, что местом пребывания Представительного Комитета становится Анкара.

Первые дни работы комитета были заняты главным образом совещаниями с депутатами, направлявшимися в Стамбул³⁰.

Впоследствии Мустафа Кемаль вспоминал, что не было возможности собрать депутатов всех сразу: одни только приезжали, другие были уже на пути в Стамбул. Приходилось «целыми днями повторять одно и то же» группам или даже отдельным лицам. На этих совещаниях был выработан проект Национального Обета –

программы, с которой должна была выступить в парламенте в Стамбуле фракция депутатов-кемалистов.

В Анкаре в описываемые месяцы сложилось своеобразное троевластие: власть оккупационных войск, власть губернатора, формально подчиненного султану, и власть Представительного комитета. Но господство оккупантов доживало в Анкаре последние дни, власти султана здесь фактически никто не признавал, к тому же ни у губернатора, ни у султанского военачальника Али Фуад-паши не было войск: старая армия развалилась, солдаты разбрелись по домам. Что же касается Представительного комитета, то продолжительное время он опирался скорее на идеи борьбы против оккупантов, чем на реальные возможности. У кемалистов почти не было ни средств, ни готовой военной силы. Подчинение партизанских сил кемалистам произошло позже.

В январе 1920 г. Кемаль посетил полковник генерального штаба султанской армии Исмет-бей (Инёню). Он провел в Анкаре несколько дней, обсуждая перспективы развития борьбы против оккупантов и взаимоотношений с султанским правительством. Перед возвращением в столицу Исмет-бей обещал Мустафе Кемалю отправлять в Анкару необходимую информацию о положении дел в Стамбуле.

12 января 1920 г. в Стамбуле открылась палата депутатов султанского парламента с участием представителей от Анатолии. Кемаль отправил по этому случаю его главе поздравительную телеграмму. Султан и британский верховный комиссар надеялись, что с открытием парламента национально-освободительное движение пойдёт на убыль. Первые дни его работы показали, что часть депутатов-националистов не торопилась выполнять взятые ими в Анкаре обязательства, не видя более необходимости в существовании «национальных сил» и Общества защиты прав. Не было выполнено и решение Представительного комитета о создании ими своей фракции в парламенте и о предъявлении союзникам требования вывести оккупационные войска из Киликии, Юго-Западной Анатолии, Измира, Айдына и Фракии. Впоследствии Кемаль в своей известной «Речи» («Nutuk») должным образом оценил этих людей, назвав трусами, пресмыкавшимися перед султаном и иностранцами.

А пока, 26 января 1920 г., Представительный комитет направил своим депутатам требование немедленно выполнить взятые

ими в Анкаре обязательства. Подчиняясь ему, депутаты-националисты 28 января сформировали свою фракцию и приняли проект «Национального Обета», в основе которого лежали решения Сивасского конгресса. Это была программа борьбы за независимость, определявшая территориальные границы и особенности устройства будущего турецкого государства, населенного «османским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идеей»³¹.

Успехи сторонников Кемаля в Стамбуле встревожили интервентов настолько, что от «мирной» оккупации столицы они решили перейти к вооружённому захвату Стамбула с введением военного положения, а султанскую власть окончательно превратить в безвластный марионеточный режим, верхушка которого, за исключением самого падишаха, менялась ими без всяких колебаний и консультаций. В феврале возобновили свои нападения на националистов и сторонники султана. Так, в соответствии с призывами из Стамбула произошли антианкарские восстания черкесов и абхазов в северо-западной Анатолии под руководством одного из их лидеров – Анзавура³².

18–20 февраля в Анатолии высадились хорошо оснащённые греческие войска, 23 февраля к Стамбулу подошла английская средиземноморская эскадра. 10 марта английские власти начали аресты в Стамбуле депутатов-националистов. Из Анкары срочно были эвакуированы английский и французский гарнизоны. Железнодорожная связь с Анкарой была прервана. 16 марта 1920 г. стамбульский телеграфист Хамди передал в Анкару на имя Мустафы Кемаля срочную телеграмму: ночью началась оккупация Стамбула. И действительно, в ночь с 15 на 16 марта 1920 г. в Стамбуле высадилась английская морская пехота, которая заняла правительственные здания, казармы, почту, телеграф, военные склады³³.

С первого дня оккупации в Стамбуле и его окрестностях было введено военное положение, 18 марта приостановилась деятельность палаты депутатов, были арестованы и сосланы на о. Мальту многие депутаты и видные политические деятели, поддерживавшие освободительное движение. 10 апреля шейхульислам Дюрризаде Абдуллах огласил фетву, в которой националистические силы были объявлены неверующими, и что это обязывает верующих убивать их. В ответ на это муфтий Анкары Рифат эфенди

огласил свою фетву, в которой объявлялось, что халиф оказался заключённым у неверных, что обязанность подданных – спасти его и его паству, что фетва, выпущенная по воле вражеских государств, лишена законности. Его поддержали сотни муфтиев и других религиозных деятелей³⁴.

Военный суд в Стамбуле заочно приговорил Мустафу Кемалю к смертной казни. Началась, таким образом, открытая война между Анатолией и Стамбулом, власть которого националисты не признавали теперь и формально. 11 апреля османская палата представителей была официально распущена султаном. Для турецких граждан был учреждён специальный военный трибунал. Правительственные учреждения, типографии, редакции газет и журналов были поставлены под строгий надзор оккупационных властей, а «порядок и спокойствие» поддерживались союзной полицией и жандармерией.

25 марта 1920 г. правительство Салих-паши подало в отставку, новое султанское правительство 5 апреля 1920 г. сформировал враг освободительного движения Дамад Ферид-паша, который, опираясь на реакционные организации «Свобода и согласие», «Общество друзей Англии», общество офицеров «Нигяхбан», «Лигу возрождения ислама», «Комитет спасения халифата», ужесточил борьбу с национально-освободительным движением³⁵.

В ответ на насильственный роспуск парламента в Стамбуле Представительный комитет во главе с М. Кемалем принял историческое и поистине судьбоносное для Турции решение – созвать в Анкаре, штаб-квартире национального сопротивления, новый парламент, включив в него представителей последнего стамбульского парламента.

Воззвания и решения, принятые Представительным комитетом в создавшейся ситуации, фактически означали, что в Анкаре приступило к работе первое Временное правительство революционной Турции. Из оккупированного Стамбула началось бегство патриотически настроенных людей. Военные, журналисты, чиновники группами и в одиночку, минуя вражеские заставы, потянулись в Анкару. Среди покинувших Стамбул сразу после его оккупации был и Исмет-бей³⁶.

Подготовка к выборам в новый парламент в Анкаре проходила в сложнейших условиях. Многие районы страны были оккупированы; во многих избирательных округах выборы не могли быть

проведены из-за военной обстановки, так что делегаты от них либо просто назначались местными властями, либо избирались на расширенных заседаниях муниципалитетов; некоторые вилайеты отказались признать законность выборов и совсем не прислали своих делегатов в Анкару.

Автор исследования о формировании Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ), о первых в него выборах писал: «Особенностью этих выборов в Анатолии было отсутствие положения о выдвижении кандидатов в депутаты, некоторые кандидаты сами объявляли себя таковыми; другие оказались избранными, не будучи кандидатами, и отправляться в Анкару не собирались»³⁷.

Новый меджлис собрался в Анкаре 23 апреля 1920 г. в пятницу. На площади Улус, перед новым зданием, в котором перед этим размещался штаб французского гарнизона, собрались вновь избранные депутаты меджлиса и отправились во главе с Кемалем в историческую мечеть Хаджи Байрам-вели, где совершили намаз. Ходжа произнес приветственное обращение, прославляя освободителей родины и защитников ислама. Затем, после принесения жертвы, депутаты направились на своё первое заседание Великого Национального Собрания Турции. В его составе наряду с вновь избранными депутатами (312 человек) были и депутаты, бежавшие в Анкару из Стамбула (78 человек). Помещение ВНСТ представляло собой небольшое двухэтажное здание, зал заседаний освещался по вечерам двумя керосиновыми лампами, отапливался железными печками типа «буржуйки». Среди депутатов были офицеры, торговцы, помещики, кулаки, представители духовенства, чиновники, юристы, журналисты. Социальный состав первого революционного меджлиса ярко иллюстрировал, таким образом, характер элиты, представлявшей национально-освободительное движение.

Первое заседание открыл старейший депутат Шереф-бей, Мустафа Кемаль выступил вторым. Рабочие заседания ВНСТ начались 24 апреля. В этот день была оглашена декларация ВНСТ и депутаты принесли присягу на верность «Национальному Обету». Был избран президиум ВНСТ и его председатель – Мустафа Кемаль. Он оставался на этом посту до 29 октября 1923 г., когда Турция была провозглашена республикой, а Кемаль-паша избран её президентом³⁸.

25 апреля было сформировано временное правительство, объявившее себя единственной законной властью в стране и постановившее, что все приказы султана и его правительства не подлежат исполнению. Султанский режим ответил семью заочными смертными приговорами, вынесенными Кемалю и другим деятелям национально-освободительного движения.

Первым внешнеполитическим актом ВНСТ было обращение 26 апреля 1920 г. к Советской России. В Москву к В.И. Ленину было отправлено письмо за подписью Кемалья с официальным предложением установить дипломатические отношения и с просьбой помочь Турции в её борьбе за независимость. На себя Турция брала обязательство «бороться совместно с Советской Россией против империалистических правительств». Советское правительство первым в мире признало правительство ВНСТ и установило с Турцией дружественные отношения. В мае 1920 г. из Анкары в Москву выехала первая дипломатическая миссия ВНСТ, а в октябре 1920 г., несмотря на трудности с сообщением, в Анкару прибыла первая советская дипломатическая миссия.

Через некоторое время в ВНСТ дали о себе знать политические оппоненты сторонников Мустафы Кемалья, в связи с чем он создал парламентскую группу обществ защиты прав Анатолии и Румелии. Эти депутаты, не принимавшие идею республики и обвинявшие его в стремлении к личной диктатуре, создали свою, «Вторую группу» – как приверженцев иттихадистов и в целом прежнего султанско-халифатского режима. Её численность составляла примерно 120 депутатов, в то время как группа защиты прав насчитывала до 200 депутатов³⁹.

7 июня ВНСТ приняло закон, который объявлял недействительными все обязательства и соглашения, подписанные султанским правительством начиная со дня официальной оккупации Стамбула, то есть с 16 апреля 1920 г.

В это время участились реакционные мятежи против анкарского правительства⁴⁰. Для ликвидации контрреволюционных выступлений правительство ВНСТ мобилизовало часть сил, участвовавших в боях с греческими войсками. Из партизанских отрядов были созданы летучие отряды и кавалерийская дивизия. К началу июня партизаны сумели разгромить «халифатскую армию» и ликвидировать реакционные мятежи. В то же время они атаковали оборонительные укрепления англичан на Измитском полу-

острове. Против партизан выступили корабли английского флота. Силы были неравны, и партизаны были вынуждены отойти от Измитского залива.

В борьбе против французских оккупантов крупных успехов добились партизаны Южной Анатолии. В конце января 1920 г. они, разгромив французскую дивизию, освободили Мараш и Урфу. Девять месяцев продолжалась героическая оборона Антепа. Только за май его защитники отбили восемнадцать атак французских войск. В городах Тарсус, Адана, Позанты, Сис, Османие, Мерсин также шла ожесточенная борьба против оккупантов.

22 июня 1920 г. интервенты организовали против турецких патриотов всеобщее наступление греческой армии, снабдив её новейшей военной техникой. Одна группировка греческих войск, полностью экипированная Британией, повела наступление из Измира в глубь Анатолии. Другая группировка вступила в Восточную Фракию и захватила Эдирне. В результате наступательных операций греков значительная часть Западной Анатолии и Восточная Фракия оказались в руках оккупантов.

Воспользовавшись этими успехами, державы Антанты навязали султану Севрский мирный договор с целью официально закрепить по итогам мировой войны раздел союзницы побежденной Германии – Турции. Ко времени его подписания большая часть бывшей Османской империи была оккупирована странами-победительницами. Договор был подписан 10 августа 1920 г. в пригороде Парижа Севре⁴¹. По условиям договора, вся Восточная Фракия (за исключением Стамбула и прилегающих к нему районов) отторгалась от Турции в пользу Греции. Под власть Греции передавался также Измир с прилегающими районами, хотя номинально вся эта область оставалась под суверенитетом Турции. Зона Проливов передавалась в управление особой международной комиссии по Проливам, сами Проливы демилитаризовались, и устанавливалась неограниченная свобода прохода для всех военных и торговых судов без различия флага, как в мирное, так и в военное время. За Турцией Севрский договор оставлял Центральное Анатолийское нагорье. Столицей ее оставался Стамбул, но союзники имели право отнять его в случае нелояльного выполнения турками мирного договора⁴².

Отдельные части договора касались сфер влияния, капитуляций, защиты национальных меньшинств, гражданства, санкций.

Турция подлежала разоружению, восстанавливала отменённый младотурками капитуляционный режим и финансовый контроль со стороны держав Антанты. Грабительский характер носили те части договора, в которых трактовались экономические, финансовые и военные вопросы. Для финансового контроля создавалась особая союзная комиссия, которая распоряжалась как доходами, так и расходами Турции. Численность армии и жандармерии ограничивалась 50 700 человек. Войска находились под контролем союзной военной комиссии. Как отмечал А.Ф. Миллер, «если бы договор был реализован, Турция как государство должна была бы перестать существовать»⁴³.

Этот договор сформировал впоследствии в умонастроении турецких националистов так называемый «севрский синдром», ставший, можно сказать, частью национальной идеологии, в итоге он придал на долгие годы этой идеологии ожесточённость в отношении к меньшинствам в стране, к проблемам сепаратизма, целостности Турции.

Анкара – главный штаб новой власти

Великое национальное собрание Турции не только отказалось ратифицировать Севрский договор, но и аннулировало его. Турки, подписавшие его, были объявлены предателями нации. Борьба за отмену договора значительно расширила размах национально-освободительной войны.

После подписания Севрского мирного договора греческая армия, активно поддерживаемая Англией, продолжила своё продвижение к центру Анатолии, 29 августа ею был захвачен Ушак. Вместе с тем даже в западном мире по разным причинам поддержка англичан в Турции ослабла. Что касается мусульманского мира, то «Анкара сделалась в глазах мусульман второй Меккой». Дальние и близкие мусульманские соседи Турции увидели в ней центр борьбы против общего врага, направляли в адрес анкарских властей денежные пожертвования⁴⁴.

Сложная обстановка сохранялась на восточных границах Турции, они стали нестабильными. Возникший военный конфликт с Арменией перерос в войну, так и не расформированная на востоке турецкая армия под командованием К. Карабекира воспользовалась ею, чтобы в сентябре-ноябре 1920 г. реализовать пре-

тензии Турции на Сарыкамыш, Карс и Александрополь (Гюмрю). Позже по Карсскому договору 1921 г. район Гюмрю был возвращён Армении.

В это критическое для Анкары время важным делом было налаживание дружественных контактов с Советской Россией. Ни один историк в мире, даже самый недоброжелательный по отношению к советской власти, не оспаривает две истины, касающихся отношений в те годы России и Турции. Во-первых, революция в России уберегла Турцию от исполнения договорённости стран Антанты 1915 г. о разделе Турции, передаче Проливов России. Во-вторых, эта революция превращала Россию в военного союзника перед смертельной угрозой исполнения Севрского «приговора» – территориальных обязательств Турции, содержащихся в этом мирном договоре. И действительно, оккупация турецких территорий и их делёж происходили одновременно с продолжением Антантой широкой интервенции в Южную Россию, Крым и на Кавказ. Штаб оккупантов в Стамбуле координировал свою охоту сразу «за двумя зайцами», если можно назвать зайцами российских коммунистов и турецких националистов. Расположившееся в Стамбуле командование британских сил в Турции и на Чёрном море координировало действия Белого движения в регионе; Врангель, который сменил Деникина на посту главнокомандующего Вооружённых сил Юга России, чтобы занять этот пост, был доставлен из Стамбула в Севастополь всё теми же англичанами на борту их эсминца «Emperor of India».

Торговый комиссар США в Стамбуле Э.Г. Мирс писал тогда в своей книге: «После того, как русская революция свергла прежний режим, ни на одну страну не повлияло это в такой степени, как на Турцию... Мы являемся свидетелями сенсационного возрождения Турции... Не будь коллапса царской России и взаимной вражды между союзниками и Советской Россией, кемалистское движение в любом виде оказалось бы не более чем пустяшной игрой»⁴⁵.

До сих пор нет ясности относительно того, как зародились турецко-советские отношения. Сейчас в турецкой литературе появляются утверждения, что они зародились сразу же по прибытии М. Кемаля в Анатолию в мае 1919 г., а не позже, когда анкарское Руководство послало известную телеграмму В.И. Ленину в апреле 1920 г.⁴⁶

Как бы то ни было, можно считать, что тема необходимости контактов с большевиками была тогда обсуждена самым серьезным образом, и в итоге, как пишет Гюрюн, было решено, что «во имя спасения родины необходимо установить сотрудничество с большевиками». Таким образом, во-первых, можно было бы «обеспечить получение от Советской России военной и финансовой помощи», во-вторых, союзники с большим пониманием отнеслись бы к Турции – с тем «чтобы не подтолкнуть её к слишком тесным отношениям с Россией»⁴⁷.

Как можно понять из скудных данных, приводимых К. Гюрюном, реализация взаимной готовности установить прямые контакты из-за текущих сложностей тогда не произошла, если и были такие контакты, они осуществлялись не далее пределов Кавказа, да и уровень их был невысоким. Однако в руководстве обеих сторон идея о готовности к сотрудничеству была воспринята и поиски способов её реализации в запутанной обстановке того времени продолжались.

В то же время появлялись и своего рода «самозванцы», связанные всё с тем же Караколом, «самовольно» заключавшие на Кавказе «соглашения» с местными и приезжими большевиками, предусматривавшими финансовую помощь России в обмен на обещание «проводить антибританскую агитацию по всей западной Азии, от Черного моря до Индии»⁴⁸.

В конечном счёте общим для всех национальных сил представителем оказался дядя Энвера, Халиль-паша, участник османских военных операций на Кавказе в годы Первой мировой войны. Он хорошо знал кавказские дела и своего прежнего сослуживца Карабекира, который и рекомендовал Кемалю использовать этого генерала в качестве неофициального представителя анкарской власти⁴⁹.

Советские руководители заявили о принципиальной готовности предоставить помощь. В России Халиль-паша также занялся организацией репатриации турецких военнопленных, из которых сформировал боевую часть, готовую к службе в рядах турецких националистов, а также добился отправки первой партии оружия морским путем к Трабзону и российского золота сухопутно через Азербайджан⁵⁰.

Привлечение Халиля-паши – лишнее свидетельство того, что на этом этапе все организаторы и участники национального

сопротивления нуждались в сотрудничестве всех антиантантовских сил. Кроме того, задействованные в этом процессе иттихадисты получали возможность быть ближе к мусульманскому Кавказу – он, как магнит, притягивал их (и не только их) особенно сильно.

Не ослабло внимание турок и к Северному Кавказу. Об этом свидетельствовало намерение некоторых иттихадистских военных, задействованных в кавказских делах ещё в 1918 г., вновь, уже в 1920 г., когда действовало анкарское правительство, отправиться на Кавказ, в Дагестан и Чеченистан. Речь идет об экспедиции Исмаила Хаккы Беркока. Под его началом в Стамбуле в начале 1920 г. упомянутое ранее Общество Северного Кавказа, действовавшее под разными названиями со времен правления иттихадистов и активно ими поддерживаемое, организовало с февраля по август 1920 г. военную экспедицию (под видом этнографической) в Дагестан и Чечню. В её составе были недавние султанские офицеры кавказского происхождения. Как считалось, они должны были помочь своим соплеменникам на Северном Кавказе создать под руководством обосновавшегося в Тифлисе правительства Северного Кавказа независимую республику – ту, которая была провозглашена в Стамбуле в 1918 г. в обращении к султану⁵¹.

Теперь же, как пишет об этом автор дневников, отправка миссии была одобрена также и Мустафой Кемалем. Эта «этнографическая» миссия отправилась 2 февраля 1920 г. из Стамбула на пароходе и ночью тайно высадилась под носом у англичан в Батуме, откуда она добралась до Тифлиса, где находилось временное правительство Северного Кавказа. Далее, получив у этого «правительства» азербайджанские паспорта, она «следовала его директивам» – выехала поездом в Баку, где провела несколько дней, оттуда направилась к дагестанской границе и, перейдя её, отправилась где верхом, а где и пешком в многомесячное путешествие по сёлам и городам Дагестана и Чеченистана⁵².

Автор пишет, что в ходе поездки постепенно «выяснялась правда – уверения прибывающих в Стамбул посланцев в том, что уже почти создана власть независимого Северного Кавказа, не соответствуют действительности»⁵³.

Главной задачей миссии стала организация «народного собрания», поскольку попытки способствовать созданию местной

власти самими жителями успеха не имели. Самой активной фигурой миссии предстаёт в публикации полковник генштаба Исмаил Беркок – он давно «прославился среди горцев и известен повсюду», он советует местным жителям и их вождям, как вести себя с большевиками, как организовать митинги в защиту независимости Северного Кавказа. Он и его спутники – активные участники подготовки выборов в организуемый ими национальный меджлис⁵⁴.

С ходу был подготовлен и черновик клятвы для членов национального курултая, его перевёл на чеченский язык переводчик Исмаила-паши, сами члены миссии говорили по-турецки⁵⁵.

К концу мая экспедиция решила возвращаться в Грузию, пришлось для этого пройти по горным тропам через перевалы. Вдоль р. Аргун они вышли к Итум Кале, затем прошли к «горным чеченцам» и вернулись в Грузию. В Тифлисе они узнали, что Азербайджан захвачен большевиками, наступала очередь Грузии⁵⁶.

Автор приводит полный текст отчаянного обращения к Энверу из Тифлиса в июле 1920 г. за подписью председателя бывшего меджлиса Азербайджана доктора Хасана с просьбой спасти Азербайджан и весь Кавказ от большевиков. В обращении говорится, что при вступлении русских 27 апреля в Баку Халиль-паша и д-р Фуад встретили русских как союзников, помешали жителям оказать им сопротивление. Далее он высказывал предположение, что по всей видимости, турецкие офицеры, Халиль-паша и его окружение арестованы и отправлены в Россию⁵⁷.

В Тифлисе членов экспедиции посетил вечером «министр иностранных дел республики Северного Кавказа» Хайдар Бамат, рассказал о состоянии дел в регионе. В записках высказано беспокойство по поводу отношения кемалистской власти к некоторым выходцам с Северного Кавказа⁵⁸. Также в Тифлисе автор «случайно» встретил прибывшего с двумя сирийскими чеченцами Саит-бея, внука Шамиля. Он отправлялся в Дагестан с теми же целями, что и миссия Бутбая-Беркока. «Пребывание там Саит-бея объединило бы воедино горцев, раздробленных на племена и поделенных между шейхами», они выступили бы «против русских как единая сплоченная сила»⁵⁹.

Возвратившись в Трабзон, Исмаил Хаккы Беркок посчитал необходимым направить Карабекиру подробную информацию о результатах поездки на Северный Кавказ. Очевидно, разобрав-

шись с кемалистскими планами военного сотрудничества с большевиками и создания для этого на Кавказе соответствующего коридора, в сообщении Беркока участники поездки представлены как нейтральные наблюдатели, подробностей же о настойчивых попытках организовать местные силы с целью сопротивления большевикам, провозглашения независимости, о том, как «турецкие кавказцы» буквально за руку пытались организовать в этом направлении местных жителей, в дневнике М. Бутбая вовсе нет⁶⁰. Действительно, и Халиль-паша, и Нури-паша уговаривали Кемалья и Карабекира поддержать независимость кавказских республик, связывая с этим давние пантюркистские и панисламистские планы младотурок (они хорошо просматриваются по дневнику Бутбая). Англичане же видели в такой независимости возможность реализации плана создания санитарного кордона между двумя революциями – большевистской и кемалистской. Карабекир пишет в своей книге: «Англичане в случае прихода на Кавказ большевиков хотели создать объединённый фронт из меньшевистской Грузии, дашнакской Армении и мусаватистского Азербайджана».

Об этом же ещё в феврале 1920 г. говорил в одном из своих отчётов Кемаль: «Государства согласия имеют план прервать непосредственную связь между большевиками и турками, используя кавказские народы. Они признали независимость Азербайджана, Армении, Грузии, возможно Северного Кавказа, а теперь, чтобы победить в войне с большевиками, они таким образом их поощряют и поддерживают... Если они этого добьются и превратят народы Кавказа в барьер против нас, если Турция окажется окруженной, все возможности нашей страны сопротивляться будут подорваны в корне. Проект превращения Кавказа в китайскую стену – это безусловно проект уничтожения Турции... Необходимо принять все меры к тому, чтобы разрушить барьер, установить контакты с кавказскими государствами, понять их намерения»⁶¹.

Эти опасения не подтвердились, 11 апреля 1920 г. Красная Армия сконцентрировалась севернее азербайджанской границы и 26 апреля её пересекла. Совпадение это или нет, но именно 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль от имени ВНСТ обратился к председателю Совета народных комиссаров В.И. Ленину с письмом, в котором предлагалось установить дипломатические отношения с

Советской Россией, высказывались как решимость «совместно с революционной Россией бороться против империализма», так и надежда новой Турции «на содействие Советской России в борьбе против напавших на Турцию империалистических врагов».

Через день 27 апреля бакинские большевики потребовали, чтобы националистическое правительство передало им власть. Президент М.Е. Ресульзаде умолял не делать этого. Даже если Красная Армия прибыла, чтобы помочь Турции, «спасительнице Азербайджана», это окажется военным вмешательством, которое реставрирует власть России. Парламент пренебрёг этой мольбой, и 28 апреля власть перешла в руки Азербайджанского Временного революционного комитета. Была провозглашена Азербайджанская ССР.

Однако Армения, управляемая националистской дашнакской партией, также еще являлась барьером, препятствующим соединению Турции с большевиками. Она просуществовала до ноября 1920 г.⁶² В ноябре 1920 г. была установлена советская власть и образована Армянская ССР.

Письмо М. Кемаля к В.И. Ленину от 26 апреля 1920 г. принято считать началом официальных отношений новой Турции с Советской Россией. 11 мая Великое Национальное собрание Турции послало своего министра иностранных дел Бекира Сами во главе первой официальной делегации ВНСТ в Москву для подготовки общего договора. Делегация добиралась долго, преодолевая упомянутый «барьер», и прибыла в Москву лишь 19 июля 1920 г. 24 июля состоялась встреча Бекира Сами и его заместителя Юсуфа Кемаля с народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом, а 14 августа турки имели беседу с В.И. Лениным. 24 августа соглашение относительно сотрудничества было парафировано. В разделах, предусматривавших помощь, речь шла о двух её видах: а) вооружением, боеприпасами, материалами и деньгами, б) в случае необходимости – путём совместных военных действий. Как пишут турецкие историки, этот второй вид помощи не потребовался. Денежная помощь согласована была в сумме 10 млн. золотых рублей (то есть 1 250 000 османских золотых).

В июле 1920 г. Халиль-паша (Кут) возвращался из Москвы уже с первым вкладом северного соседа в военную помощь дружественной Турции – с золотом на сто тысяч лир. Именитый

«курьер» доставил её с огромными трудностями до Нахичевани и только 8 сентября 1920 г. эти золотые слитки прибыли в Эрзурум, взвешены и переданы по назначению – 200 кг в распоряжение Восточной армии (то есть Карабекиру), остальное золото было отправлено в Анкару.

Настойчивую попытку связаться с Москвой предприняли через германских социалистов и бежавшие в Берлин лидеры иттихадистов. Как считает Эрик Ян Цюрхер, иттихадисты первыми установили контакты с большевиками. Энвер-паша посетил в берлинской тюрьме Карла Радека и по его ходатайству Радек был освобождён⁶³. В Москве предложение хорошо известного в среде мусульман Энвер-паши, высказанное в Берлине через Карла Радека, вызвало немалый интерес и вскоре с ним было заключено соглашение о сотрудничестве⁶⁴.

Тогда же Энвер-паша предпринял несколько попыток выехать в Советскую Россию. Наконец 7 августа 1920 г. через Белосток Энвер добрался до Москвы⁶⁵.

Напомним, что именно в августе 1920 г. состоялось подписание Севрского договора. О том, что в это время Энвер-паша представлял для большевистского руководства огромный интерес, свидетельствуют телеграммы Ф. Держинского Ленину и члену РВС Западного фронта И. Смильге от 11 августа 1920 г.⁶⁶

С прибытием Энвер-паши в Москву усложнилась проблема представительства Турции. Манго пишет, что Энвер начал было переписываться с Мустафой Кемалем и представлялся как лидер Исламской революционной организации, но в вежливом ответе Кемалья прозвучало предупреждение, что «панисламская агитация может встревожить русских». Мустафа Кемаль также ответил на письма, полученные от Талаата и Джемалья, поблагодарив их за предложение содействия, но настаивал, что поскольку теперь действует должным образом созданное в Анкаре правительство, им следует за рубежом поддержать его политику. Тем временем Энвер отправился в Баку на открывшийся 1 сентября 1920 г. Съезд Народов Востока, но принят там был неоднозначно. Члены турецкой Коммунистической партии, возглавляемые Мустафой Субхи, не позволили ему выступать, говоря, что его надлежащее место – Народный трибунал. Энвер возвратился в Берлин⁶⁷. Позже, 7 ноября 1920 г., демонстрируя своё предпочтение анкар-

ским лидерам, советское руководство открыло в Анкаре посольство РСФСР.

Касаясь контактов Энвера с Карлом Радеком, русскими большевиками (и наоборот), нельзя не коснуться проблемы влияния коммунистического движения в целом на турецкую общественность. Турецкие исследователи по-разному оценивают это влияние. Некоторые пишут, что большого влияния на турецкое общество оно не оказало, несмотря на существование компартии. Однако английский турколог Манго не упрощает проблему. Он считает, что большевики оказались «опасными друзьями для М. Кемаля, попытка получить московское золото и оружие поощрила появление сочувствующих коммунизму в дезорганизованных рядах турецких националистов»⁶⁸.

Переговоры в Москве Бекир Сами с большевиками оказались трудными. 24 августа 1920 г. соглашение относительно сотрудничества было парафировано, но три дня спустя советский комиссар иностранных дел Г. Чичерин заявил, что Турция должна уступить армянам часть областей Вана и Битлиса, в дополнение к территориям, которые ранее на 1914 г. находились в пределах Российской империи (с исключением, возможно, Сарыкамыш). Бекир Сами сразу не мог связаться непосредственно с Анкарой и отправил в Турцию с соответствующим запросом Юсуфа Кемаля.

Ответ Кемаля был отрицательный – Турция не будет уступать ни дюйма территории. С этим 14 декабря Юсуф Кемаль с делегацией выехал в Россию через Баку и только 18 февраля 1921 г. они прибыли в Москву. 19 февраля новый посол Турции в Москве Али Фуад вручил Чичерину верительную грамоту, советский посол Буди Мдивани прибыл в Анкару. В закавказских республиках в это время завершалась смена режимов, 14 февраля 1921 г. Красная Армия начала наступление на Грузию, 25 февраля она вошла в Тифлис.

26 февраля обновлённая турецкая делегация уже во главе с Юсуфом Кемалем возобновила переговоры с московскими властями, а вскоре анкарские власти стали вести разговоры о вторжении в Батумский район. 11 марта «под аплодисменты населения» турецкие отряды вошли в Батум. Грузинские партизаны стали нападать на турок, Красная Армия приближалась к Батуму и 20 марта вошла в город, нейтрализовав турецкий батальон⁶⁹.

Эти события совпали с дипломатической активностью в Москве, завершившейся 16 марта 1921 г. заключением Договора о дружбе и братстве. В преамбуле договора подчёркивалось, что оба правительства разделяют «принципы братства наций и право народов на самоопределение», отмечают существующую между ними «солидарность в борьбе против империализма»; воодушевлены желанием «установить постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу». Объявлялись отменёнными и не имеющими силы все старые договоры, стороны обязались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны или части ее территории. Важной составляющей этих переговоров была всё та же тема помощи, практически уже начатой.

Договор закрепил территориальные приобретения Турции по Гюмрскому (Александропольскому) договору, за исключением самого Гюмрю (впоследствии Ленинакана, а ныне вновь Гюмрю), который должен был быть возвращён Армении. Турция также сохранила за собой Артвин и Ардаган. В отношении Батумского района Турция «повела себя реалистично», отказавшись от него в пользу Грузии – это мнение и турецких авторов. Исполнявший обязанности народного комиссара иностранных дел Турции А. Мухтар заявил, например, депутатам ВНСТ 3 января 1921 г.: «Порт Батум имеет особое положение. Батум является единственным окном, через которое могут дышать кавказские республики, все живущие там около 12 млн. человек различных национальностей». В силу сказанного он считал возможным «проявить самоотверженность» и «поступиться национальными интересами»⁷⁰.

Здесь уместно вспомнить Бекира Сами, начавшего, но так и не сумевшего завершить переговоры в Москве по поводу договора. После возвращения из Москвы он тут же был отправлен во главе анкарской делегации на конференцию в Лондоне и участвовал в ней наряду с представителями другой, султанской делегации. Турецкая хроника свидетельствует о пребывании и интенсивных встречах его в Лондоне с 21 февраля по 12 марта 1921 г. После возвращения с Лондонской конференции Бекир Сами-бей встретился с Халиде Эдип и рассказал об обстоятельствах своей беседы в Лондоне с Ллойд Джорджем, ставшей причиной политического скандала. Она напоминает, что Бекир Сами-бей принад-

лежит к знатному семейству родом с Северного Кавказа. Затем она излагает содержание скандальной беседы: «Прежде всего, он (Бекир) заговорил о Турции. Но затем о том, что он хочет свободы для Кавказа в целом и для северного Кавказа – особенно. Всё, что он увидел в новой России, убедило его, что в опасности не только приграничные народы, но и внутреннее состояние, если новые русские идеалы будут приняты на Западе и в Турции. То, что он предлагает – это объединение этих пограничных народов с турками в форме федеративного буферного государства между Россией и Западом, а при необходимости, мобилизация всех этих народов под главенством Турции, чтобы сражаться с большевистским режимом, при этом и он хотел бы поддержки Англии»⁷¹.

Что касается договора, то вне его официального текста Советская Россия согласилась предоставить Турции 10 млн. золотых рублей. Речь шла не только о помощи в золоте, турецкие авторы помимо оружия и боеприпасов называют в списках помощи и оборудование мастерских по производству оружия, шорную и ткацкую. Но что особенно важно, Москва помогала оружием и боеприпасами. Их складирование осуществлялось в портах Новороссийска и Туапсе, а центром отправки этих грузов в Анатолию был выбран порт Туапсе, куда был направлен турецкий представитель с консульскими полномочиями. Затем представители Анкары появились в Батуми и Новороссийске⁷². Не прекращалась отправка в Турцию с различными оказиями и денежной части помощи – прибывший 6 октября 1920 г. в Анкару с очередной информацией о ходе переговоров в Москве министр экономики Юсуф Кемаль-бей имел при себе также 1 млн. золотых рублей. Такие возможности доставки крупных партий золота использовались и позже, уже после того, как 7 ноября 1920 г. в Анкаре открылось первое иностранное посольство в кемалистской Турции – посольство РСФСР⁷³.

Спустя полгода после подписания Московского договора республики Закавказья, установив советскую власть, 13 октября 1921 г. в Карсе подписали единый договор о дружбе с представителями кемалистского правительства. Сам договор вызвал негативную реакцию ряда влиятельных кемалистов, бывших уроженцами Кавказа. Однако его утверждение в ВНСТ прошло без особого напряжения, благодаря поддержке сторонников М. Кемалья⁷⁴.

Посетивший Турцию со 2 декабря 1921 г. по 14 января 1922 г. командарм М.В. Фрунзе 2 января подписал с Турцией от имени Украины договор о дружбе. Он провел неоднократные встречи с Кемалем, участвовал в подготовке плана контрнаступления турецких войск на Западном фронте, при отъезде принял от Кемала письмо для передачи В.И. Ленину⁷⁵. Подписание М.В. Фрунзе договора в Анкаре развеяло подозрения, возникшие у него и у других членов советского руководства относительно целей франко-турецкого договора от 20 октября 1921 г., по которому Франция признавала правительство ВНСТ и обязалась эвакуировать свои войска из Киликии. Договор свидетельствовал о понятном намерении кемалистов нормализовать отношения с Западом, но в нём не было положений, противоречивших принципам советско-турецкого сотрудничества, хотя некоторые анкарские политики и надеялись первоначально использовать франко-турецкий договор как способ односторонней переориентации на Запад внешней политики Анкары.

Кстати, поводы для подрыва такого сотрудничества возникали тогда и на советской стороне. Как пишет проф. М.С. Мейер, ещё в октябре 1921 г. Чичерин в письме Ленину обращал его внимание на произвол чекистов в отношении турецких дипломатов и коммерсантов, на действия особых органов и вообще чекистов на Черноморско-Кубанском побережье. Позже, в апреле 1922 г., чекисты, в нарушение норм дипломатического протокола, провели обыск в доме военного атташе, арестовали его помощника и конфисковали его документы⁷⁶.

Советская Россия, первой признавшая правительство Кемала, первой же направила своих дипломатических представителей в Анкару⁷⁷. Открытие советского посольства в Анкаре состоялось 7 ноября 1920 г.⁷⁸ Важно отметить, что описанные выше контакты кемалистов с Москвой осуществлялись параллельно их усилиям остановить начавшееся греческое наступление, целью которого была новая власть в Анкаре. В это время греческая армия продолжала двигаться с запада к Анкаре. 26 марта 1921 г. она вошла в Адапазары, а 12–20 июля греки смогли занять Афьон-Карахисар, затем Кютахью и Эскишехир. В конце августа – начале сентября 1921 г. уже шли ожесточённые бои под Анкарой на реке Сакарья. На поступавшие из России золотые рубли кемалисты торопились закупить прежде всего оружие и боеприпасы.

Позже, 8 октября 1921 г., министр финансов Хасан (Сака) на заседании меджлиса отчитывался перед депутатами об использовании русской помощи, поступившей в 1921 г.: «В распоряжение правительства поступило некоторое количество русского золота. Эти средства дружественное нам российское правительство предоставило безвозмездно в качестве экономической помощи... Они поступали тремя партиями: 10 августа, 25 августа, 4 октября. Всё это пошло на нужды армии»⁷⁹. Надо отдать должное властям – они не уповали на помощь Москвы как на единственное средство спасения от врага. Об этом ярко свидетельствовала оборона Анкары.

Победа завоёвана

Успехи кемалистов в контролируемых ими районах страны долго не могли компенсировать неудачи на западе – там интервенты решали турецкие проблемы по принципам Версаля.

Анкара нуждалась прежде всего в своей армии, способной решать не только кавказские проблемы, но и остановить и разгромить оккупантов в Западной Анатолии, во Фракии, освободить столицу – Стамбул. Отношения между кемалистами и основной тогда боевой силой – партизанами – носили характер эпизодических контактов, отдельных переговоров по поводу проведения военных операций против сторонников султана и Антанты. Между тем антикемалистские восстания вспыхивали то в одном, то в другом районе Анатолии. В апреле 1920 г., в дни создания нового меджлиса, пламя восстаний приблизилось к Анкаре: в Болу и Дюздже восстали черкесские и абазинские поселенцы – сторонники султанской власти, соединившиеся вскоре с армией халифата, действовавшей в Адапазаре и Гейве. Единственной активной силой в борьбе против этих сил оказались в то время партизанские части под командованием черкеса Эдхема⁸⁰.

В описываемое время значительную помощь кемалистам оказывало также ещё одно партизанское соединение – Зелёная армия, полувоенная, полуполитическая организация, испытывавшая сильное влияние социалистических и коммунистических групп, возникших в эти годы в Турции⁸¹. Рост влияния Зелёной армии тревожил кемалистов, но к концу 1920 г. они смогли добиться её самороспуска. Это в значительной степени облегчило анкарскому

правительству задачу подчинения боевых партизанских групп и реорганизации их в регулярные части. К началу 1921 г. в регулярной армии насчитывалось уже 90 тыс. человек.

В ходе укрепления своей власти, подчинения одних партизанских объединений и ликвидации других, кемалистам удалось подавить и деятельность Коммунистической партии Турции (КПТ), созданной в сентябре 1920 г. на съезде в Баку. КПТ выступала не только за независимость страны, за создание общенационального антиимпериалистического фронта, но и за удовлетворение экономических и политических интересов рабочего класса, крестьянства. Кемалисты, боясь усиления деятельности коммунистов, сначала попытались подорвать влияние партии и для этого создали в октябре 1920 г. свою «коммунистическую» партию, которая под вывеской «турецкого коммунизма» выступала с лозунгами классового сотрудничества, соединяя их со «священными основами ислама». Позже, в январе 1921 г., было спровоцировано убийство председателя КПТ Мустафы Субхи и его 14 соратников в Трабзоне⁸².

Несмотря на успехи партизан и создаваемой регулярной армии (среди них – успех в январе под деревней Иненю турецких войск под командованием Исмета), в 1920 г. – первой половине 1921 г. кемалистам не удалось остановить греческое наступление вглубь Анатолии. Напомним, что в то время, когда решались кавказские проблемы, когда готовился советско-турецкий Договор о дружбе и братстве, греческая армия продолжала наступать с запада к Анкаре⁸³.

12 августа Мустафа Кемаль вместе с начальником генштаба Февзи-пашой побывал во фронтовой ставке в Полатлы, на обратном пути его лошадь внезапно шарахнулась и сбросила всадника, из-за сломанного ребра Кемаль пять дней оставался в Анкаре, затем вернулся на фронт. 15 августа греческий король Константин отдал приказ о наступлении на Анкару, в конце августа – начале сентября 1921 г. уже шли ожесточённые бои под Анкарой на реке Сакарья. На поступавшие из России золотые рубли кемалисты торопились закупить прежде всего оружие и боеприпасы⁸⁴.

ВНСТ назначило Кемалю главнокомандующим с наделением на три месяца чрезвычайными полномочиями. Исмет-паша стал командующим Западным фронтом. Правительство приняло ряд жёстких мер по укреплению дисциплины и мобилизации всех

имевшихся у населения средств для обеспечения армии продовольствием, транспортом, обмундированием. Реквизиции проводились под лозунгом: «Отдадим фронту 40% всего, что имеем!»⁸⁵

Перед последним решающим сражением за Анкару греческая армия превосходила турецкую и по количеству солдат, и по вооружению. Турецкая армия насчитывала 40 тыс. винтовок, греческая – 88 тыс., в турецкой армии было 700 пулеметов, у греков – 7 тыс., пушек у первых – 177, у вторых – 800, у греков было до 20 самолетов, у турок – только два⁸⁶.

19 августа 1922 г. в резиденции Чанкая состоялся прием, на который Кемаль пригласил многих видных людей Турции, не занятых в боевых операциях. Однако самого хозяина на приеме не оказалось. Как потом выяснилось, Кемаль в это время был уже далеко от Анкары. Он выехал на фронт, где готовилось общее турецкое наступление. Прием же был объявлен, чтобы усыпить бдительность вражеской агентуры в Анкаре. С согласия Кемалья в состав кемалистской армии была принята известная писательница Халиде Эдип, 20 августа она прибыла на фронт.

С 23 августа по 13 сентября в нескольких десятках километров западнее Анкары происходило крупнейшее за всю историю города сражение. Греческим войскам удалось овладеть восточным берегом реки Сакарья и, продвинувшись вдоль железной дороги, захватить Полатлы. Правый фланг греческой армии, действовавший юго-западнее Анкары, занял город Хаймана и к 1 сентября продвинулся к Анкаре на расстояние до 50 км. Однако наступательный порыв греческих войск был сломлен упорным сопротивлением турок. Обессиленные греческие части не могли продвигаться дальше. Огромным напряжением сил турецкая армия 13 сентября отбросила греческие войска за Сакарью. Анкара была спасена, вскоре штаб Западного фронта был переведен в Сиврихисар⁸⁷.

27 сентября 1921 г. Кемаль-паша получил письмо от своей матери Зюбейде ханым, проживавшей в Стамбуле. Она поздравила сына с присвоением ему от имени ВНСТ маршальского звания и титула Гази. Также за храбрость в сакарийской битве 129 её участникам от имени ВНСТ были вручены грамоты с благодарностью, 234 участникам – медаль Независимости. 26 августа 1922 г. началось Великое Турецкое Наступление, как называют его турецкие историки, в этот день был освобождён Эскишехир.

Наступление развивалось стремительно, турки выиграли сражение у Думлупынара, заняли Кютахью. 9 сентября был освобождён Измир, а 16 сентября – Бандырма, последний пункт на территории Турции, находившийся в руках греков.

Освобождение Измира стало важным событием и в личной жизни Кемаля. В те дни он познакомился со своей будущей женой. Грандиозный пожар, начавшийся в Измире, поиски ночлега и места для штаба привели его в дом влиятельного турецкого купца Муаммера Ушакизаде, где находилась его дочь Латифе. Свидетельницей первых встреч Кемаля с Латифе была Халиде Эдип, сопровождавшая в сентябрьские дни 1922 г. его штаб при освобождении Измира. Когда вечером, на следующий день после вступления в Измир, 10 сентября, она встретила Кемаль-пашу, ей бросился в глаза его необычно радостный вид. Оказывается, он познакомился с молодой женщиной по имени Латифе, которая только что вернулась с учёбы из Франции, где слушала право. «Он по секрету рассказал мне, что на шарфике Латифе заметил свой портрет и что, подойдя к нему, она показала шарфик и спросила – вы не против? Почему я должен быть против? Он удовлетворённо рассмеялся. Она также гостеприимно предложила ему и его штабу разместиться в её доме»⁸⁸.

Свадебная церемония 29 января 1923 г. состоялась в доме отца невесты Муаммер-бея Ушакизаде. Свидетелями от Кемаля были маршал Февзи Чакмак и Казым Карабекир, от Латифе ханым – Мустафа Абдульхак Ренда и Салих Бозок. Присутствовал также кадий Измира.

Однако этот брак оказался недолгим. Первое время их часто видели вместе и в Анкаре, и во время поездок по стране. Но затем публичные визиты и поездки вместе стали редкостью и 5 августа 1925 г. произошел их развод, о чём 11 августа 1925 г. официально сообщил Мустафа Кемаль в своём письме правительству. Детей у Ататюрка и Латифе ханым не было. По свидетельству многих авторов, Латифе была достойна внимания и уважения не только за свою красоту, но, прежде всего, за свой ум и отношение к окружающим⁸⁹.

Впоследствии кому-то из близких она призналась, что, когда они разводились, Мустафа Кемаль сказал ей: «Латиф, дай мне слово солдата, что ни с одним газетчиком ты не станешь говорить о нашей совместной жизни. И я дала ему это слово солдата»⁹⁰.

Итак, кемалисты сумели одержать победу над греческой армией, освободив к 18 сентября 1922 г. от интервентов всю территорию Анатолии, пленив даже её главнокомандующего – генерала Трикуписа. Можно представить, как «решался» в такой войне национальный вопрос. Сотни тысяч беженцев – греков, армян покинули страну, побросав все своё имущество, лавки, дома, землю, мастерские, фабрики.

Освободив Анатолию, турецкая армия попыталась переправиться на европейский берег, с тем чтобы закончить освобождение всей страны, включая Проливы, Стамбул и Восточную Фракию, но английское командование воспротивилось этому, пригрозив продолжением военных действий. Уладить конфликт взялся известный туркам по переговорам 1921 г. французский дипломат Франклен-Буйон. Ссылаясь на полномочия от всех держав Антанты, он заверил Кемалья, что Турция получит Восточную Фракию без боя, после чего Кемаль согласился на перемирие и приостановил движение войск.

3 октября 1922 г. в городе Муданья, на берегу Мраморного моря, начались переговоры по заключению перемирия. Турцию представлял командующий западным фронтом Исмет-паша, Антанту – верховные комиссары Англии, Франции и Италии в Стамбуле. Греческие делегаты фактически не принимали участия в переговорах, таким образом ещё раз подтверждалось, что державы Антанты, а не Греция – подлинные организаторы интервенции и ответственные за её последствия. Союзники противились немедленной передаче Восточной Фракии туркам, в ответ Исмет-паша прервал переговоры, а его армия направилась к проливам. В результате договорились о том, что в Восточную Фракию прибудет кемалистская администрация и жандармерия, а эвакуация союзниками войск из Стамбула произойдет после заключения окончательного мира. 11 октября 1922 г. акт Муданийского перемирия был подписан⁹¹.

По окончании военных действий ВНСТ принялось наводить «порядок в доме», хотя сам этот коллективный хозяин не отличался согласием внутри себя и что – самое опасное – в отношении судьбы стамбульского режима. Двоевластие было опасно хотя бы потому, что вскоре предстояло начать переговоры по мирному договору – 20 ноября 1922 г. открывалась Лозаннская конференция.

Принятый ВНСТ по инициативе Кемалья и его группы 20 января 1921 г. закон «Об основных организациях» считается первой конституцией, принятой новой, зарождавшейся властью. Закон насчитывал 23 статьи, уже первая статья гласила, что «верховная власть безусловно принадлежит нации». 2-я – что исполнительная власть и законодательная инициатива исходят от ВНСТ и что Турецкое государство управляется Великим Национальным Собранием, которому принадлежат, в частности, такие права, как формирование правительства, а также «проведение в жизнь постановлений, касающихся религии, опубликование всех законов и их изменение и отмена, заключение мира и договоров, объявление родины в состоянии обороны» и т. д. Закон определял функции председателя Великого национального собрания, депутатов, правительства и местной администрации, вплоть до уездных начальников и волостных старшин. Только о султানে-халифе не говорилось ни слова. Опасаясь развала национального фронта в самый разгар войны с интервентами, кемалисты не стали тогда спешить ликвидировать султанат и объявить страну республикой⁹².

Формально закон «Об основных организациях» не отменял, а лишь «дополнял» старую конституцию (то есть «конституцию Мидхата» 1876 г. с поправками 1909 г.), но на деле он не оставлял монарху никакого места в управлении страной. Это было существенным достижением кемалистов, закон оставался пока единственным основным законом новой Турции, альтернативой османской конституции и играл важную роль в становлении новой Турции. И всё же конституционный закон 1921 г. не определил чётко форму правления страны⁹³.

После изгнания из страны греческих оккупантов в сентябре 1922 г. единый национальный фронт начал распадаться. В начале 1922 г. депутаты правой оппозиции, среди которых было немало бывших иттихадистов, в противовес первой группе Общества защиты прав, организованной Мустафой Кемалем в 1921 г. из поддерживавших его депутатов, создали вторую группу этого общества. Её требованиями стали соглашение с союзниками и передача власти султану, сохранение халифата. Правая оппозиция, добившись избрания в июле 1922 г. своего сторонника Рауф-бея главой правительства, рассчитывала по-своему ликвидировать двоевластие – распустить ВНСТ и передать власть в Стамбул её «законному» обладателю – падишаху. Рауф-бей заявлял, что

«предан султану и халифу душой и сердцем и что его долг остаться верным своему падишаху».

В свою очередь султанское правительство во главе с Тевфик-пашой считало этот вопрос уже решённым. «Достигнутая победа, – телеграфировал он Мустафе Кемалю, – уничтожила всякий конфликт и раздвоенность между Стамбулом и Анкарой и обеспечила национальное единство». Султанское правительство наравне с правительством ВНСТ было приглашено союзниками принять участие в мирной конференции в Лозанне, более того, Тевфик-паша предложил создать одну делегацию из двух правительств. По мнению оппозиционных депутатов анкарского парламента, объединенную делегацию должен был возглавить бывший морской министр младотурецкого правительства Рауф-бей. Однако депутаты – сторонники М. Кемалья сорвали эти планы, председателем турецкой делегации стал его боевой соратник, командующий Западным фронтом Исмет-паша, который был назначен также министром иностранных дел Турции.

О соотношении сил сторонников и противников планов кемалистов в отношении будущей власти свидетельствует такой факт. Чтобы положить конец антинациональной деятельности оппозиции, 30 октября 1922 г. на заседании ВНСТ было внесено предложение о привлечении к судебной ответственности членов султанского правительства за государственную измену и о ликвидации султаната. Это предложение обсуждалось одновременно на заседаниях трёх комиссий – конституционной, юридической и шариатской. Реакционные депутаты, особенно представители духовенства, выступили против ликвидации султаната, утверждая, что отделение светской власти от духовной является покушением на основы религии. Мустафа Кемаль опроверг эти утверждения клерикалов, однако на объединённом заседании трёх комиссий под председательством ходжи Мюффрид-эфенди реакционеры одержали победу: большинством голосов законопроект об отделении султаната от халифата был отвергнут. После этого Мустафа Кемаль обратился к более убедительным аргументам и объяснил депутатам, что «суверенитет и власть никому не могут быть переданы в результате академической дискуссии. Суверенитет приобретается путём силы, мощи, даже насилия. Путём насилия сыновья Османа добились власти над всей турецкой нацией, над которой они господствовали в течение шести столетий. Теперь

эта нация поднимается против узурпаторов и, отбрасывая их, принимает на себя осуществление принадлежащего ей по праву суверенитета. Это является совершившимся фактом... Действительность всё равно проявит себя. Но возможно, что тогда полетит несколько голов»⁹⁴.

Судьба законопроекта была решена, 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло закон об отделении султаната от халифата, о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти в стране, а также об избрании нового халифа из представителей Османской династии⁹⁵. Вместе с ликвидацией султаната прекратилось существование султанского правительства, кончилось двоевластие. 4 ноября 1922 г. в отставку вместе со всем своим кабинетом ушёл великий везир Ахмед Тевфик-паша, который доставил атрибуты своей власти Вахидеддину в Йылдыз⁹⁶.

Через день после отъезда Вахидеддина ВНСТ формально лишило его сана халифа, указав в соответствующей фетве, что «он перешёл на сторону противника, сражавшегося с защитниками веры, посеял семена братоубийственной резни, отдался под защиту иностранной державы и дезертировал из столицы халифата, укрывшись на борту английского корабля».

Пост халифа через третье лицо предложили кузену Вахидеддина, наследному принцу Абдулмеджиду, сыну султана Абдулазиза от его первой жены и одновременно старшему из всех оставшихся в живых представителей Османов по мужской линии. Он принял этот титул, и 19 ноября 1922 г. Мустафа Кемаль-паша телеграммой известил его об избрании халифом⁹⁷.

Сохранение халифата было кратковременной уступкой феодально-клерикальным кругам, принадлежавшим в медресе ко «второй группе защиты прав» и сохранявшим немалое влияние в стране. Её поддерживала и так называемая «генеральская оппозиция» во главе с Рауф-беем. Надо учитывать также, что в Стамбуле возобновила свою деятельность организация «Единение и прогресс». Реакционные стамбульские газеты, которыми руководили младотурки, вели активную пропаганду в пользу халифа. Нет сомнения, что пока кемалистам не удавалось справиться с греческой интервенцией, пока был жив и активно действовал Энвер, иттихадисты готовы были заменить М. Кемалья на Энвера. Они были еще сильны и хорошо организованы, связаны с члена-

ми организованной летом 1921 г. Второй группы; не прекращал свою тайную деятельность и уже упомянутый Каракол.

Победа над греками в сентябре 1922 г. несомненно укрепила позиции Мустафы Кемалю. Но одновременно стал открытым конфликт между иттихадистами и Кемалем по таким вопросам, как: а) отказ М. Кемалю и других военачальников оставить свои политические посты после ликвидации военной угрозы; б) поспешность с подписанием Муданийского перемирия, несмотря на то, что не освобождены Фракия и Стамбул; в) намерение Кемалю объявить республику; г) опасения по поводу того, что Анкара станет столицей Турции.

Ликвидация султаната 1 ноября 1922 г. обеспокоила не только консерваторов в меджлисе, но и многих других. Это беспокойство особенно сильно было в Стамбуле, где значительную часть населения составляли государственные служащие султанского режима. Они опасались, что такое решение нанесет ущерб их материальному положению.

Чтобы нейтрализовать эту оппозицию, Мустафа Кемаль добился роспуска ВНСТ и проведения новых выборов. 8 апреля 1923 г. была опубликована декларация об организации Народной партии (что официально было сделано позже, 9 сентября 1923 г.) на базе кемалистской «группы защиты прав» в меджлисе. Ещё весной Мустафа Кемаль провозгласил девять принципов, направленных на защиту и укрепление государства, завоевание экономической самостоятельности, а также на борьбу против опасности реставрации султаната. Эти принципы предусматривали: 1) сосредоточение всей полноты власти в руках нации; 2) безраздельное осуществление верховной власти в стране Великим национальным собранием Турции; 3) охрану безопасности страны как самую важную задачу нации; 4) реорганизацию судопроизводства; 5) всяческое содействие развитию национальной экономики; 6) сокращение срока действительной военной службы; 7) материальное обеспечение инвалидов войны и их семей; 8) реорганизацию и упорядочение работы правительственных учреждений; 9) поощрение вложений в экономику средств общественных организаций и частных лиц. Эти принципы одновременно служили программной установкой на выборах в меджлис второго созыва, проведенных в июне-июле 1923 г.

На этапе подготовки выборов Мустафа Кемаль в январе-феврале 1923 г. совершил поездку по стране, охватившую значительную часть Западной Анатолии – с намерением ознакомить общественность со своими взглядами. Он направился сначала в Эскишехир, затем 16 января прибыл в Измит, где провёл продолжительную встречу с прибывшими из Стамбула журналистами. 22 января он был в Бурсе, а оттуда вернулся в Эскишехир. Затем посетил Измир, побывав прежде всего на могиле матери (она умерла 14 января).

Между тем надолго затянулись переговоры в Лозанне по заключению мирного договора Турции с державами Антанты, начатые 20 ноября 1922 г. Турецкую делегацию возглавил Исмет-паша. Представители западных держав (Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Югославии и наблюдателя от США), потерпев военное поражение, пытались теперь «мирно» добиться многого из того, ради чего они начали интервенцию в Турцию. Кроме того, в обсуждении вопроса о режиме Черноморских проливов участвовали РСФСР, Украинская ССР, Грузинская ССР (представленные единой делегацией) и Болгария, а при рассмотрении некоторых второстепенных (главным образом экономических) вопросов – также Албания, Бельгия, Голландия, Испания, Португалия, Норвегия и Швеция.

Уже в начале переговоров стало очевидно, что союзники не отказались от стремления экономически и политически закабалить Турцию. Турки настаивали на отмене режима капитуляций, финансового контроля и политических привилегий иностранных концессионеров. Французы же, на долю которых приходилось около двух третей Османского долга и значительная часть всех остальных иностранных капиталовложений в Турцию, видели в требованиях кемалистов угрозу своим экономическим интересам. Англичане более всего были озабочены территориальными уступками Турции, прежде всего Мосула, а также статусом Проливов. Советская позиция по Проливам была изложена В.И. Лениным в интервью 27 октября 1922 г. английскому корреспонденту. Он заявил, что программа Советского правительства относительно проливов содержит в себе удовлетворение национальных стремлений Турции, закрытие Проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время и полную свободу торгового мореплавания⁹⁸.

Турецкая делегация не поддержала советских предложений, Исмет-паша, по сути, согласился с проектом Керзона, возразив лишь против включения Мраморного моря в проектируемую демилитаризованную зону. От выработки окончательного проекта конвенции советская делегация была отстранена, по этому поводу ею были высказаны энергичные протесты. Таким образом, выработанная представителями Антанты и Турции конвенция о режиме Проливов нарушала жизненные интересы черноморских стран, в том числе интересы самой Турции. Пытаясь добиться от Турции уступок по финансовым вопросам, капитуляциям и т. п., союзники попытались на два с половиной месяца прервать работу конференции, однако затем её работа возобновилась. ВНСТ, отвергнув союзнический проект мирного договора, утвердило контрпроект, предусматривавший полную отмену капитуляций и предлагавший выделить из договора экономические вопросы и отложить их решение. Представители четырёх союзных держав в марте 1923 г. заявили, что турецкий проект пригоден как база для переговоров; союзникам пришлось признать капитуляции полностью отменёнными и отказаться от прочих форм неравноправного режима; они согласились оставить открытым вопрос о валюте платежей по Османскому долгу. Турки же фактически отказались от Мосула, согласившись признать будущее решение по этому вопросу Лиги Наций и т. д. 24 июля 1923 г. в актовом зале Лозаннского университета Лозаннский мирный договор был подписан. Кабальные условия Севра были отвергнуты, режим капитуляций, иностранный финансовый контроль, политические привилегии иностранцам отменены.

По ряду позиций Турция пошла на уступки, некоторые из них вызвали протест советской делегации. Так, согласно Лозаннской конвенции 1923 г. о Проливах, Турции следовало демилитаризовать Босфор и Дарданеллы, допустить в Стамбул международную комиссию по наблюдению за выполнением конвенции. Военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Чёрное море фактически без серьёзных ограничений. Это положение вызвало наибольшее беспокойство советской дипломатии. На будущее было отложено решение таких вопросов, как порядок обмена населением между Турцией и Грецией, условия выплаты Османского долга, восстановление дипломатических отношений с США и др.⁹⁹

Немало статей Лозаннского договора со временем устарело, вместе с тем есть и такие, которые сохраняют свою актуальность и поныне, учитывая, что Турция предпринимает усилия по вступлению в ЕС. Речь идёт прежде всего о положениях, защищающих права национальных меньшинств и немусульман. Они были провозглашены в Национальном Обете и подробно оговорены в Лозаннском договоре. Им посвящен целый раздел этого документа. Так, статья 38-я исключала возможность какой-либо дискриминации и преследования населения по национальному и религиозному признаку. Специально подчёркивалось, что все перечисленные в разделе обязательства властей представляют собою «обязательства международного значения» и «поставлены под гарантию Лиги Наций. Они не могут быть изменены без согласия большинства Совета Лиги Наций».

Перевыборы в ВНСТ 13 августа 1923 г., несомненно, прошли под воздействием успеха в Лозанне и принесли успех кемалистам. Мустафа Кемаль-паша был единогласно вновь избран председателем меджлиса и смог продолжить реализацию программы Народной партии. В сформированном ВНСТ новом правительстве главою был избран Фетхи Окъяр, министром иностранных дел Исмет-паша. Продолжилась эвакуация союзниками последних занятых ими населённых пунктов и объектов в стране¹⁰⁰.

Как только 2 октября 1923 г. союзники завершили эвакуацию Стамбула, новые власти смогли решить вопрос о переносе столицы из этого крупнейшего и вместе с тем уязвимо в военно-стратегическом смысле города. 13 октября 1923 г. ВНСТ приняло закон, объявлявший столицей турецкого государства Анкару. В соответствии с этим законом и с нормами дипломатической практики все иностранные дипломатические представительства должны были переехать в Анкару. Об этом было сообщено всем иностранным государствам. Что касается советских дипломатов, то, как уже сказано, они уже более двух лет представляли своё государство в Анкаре¹⁰¹.

Западные дипломаты единым фронтом выступили против перевода столицы в Анкару. В дипломатических кругах поговаривали о том, что если закон о столице не будет отменён, то дипломатические представители Англии, Франции и Италии будут назначены в Анкару не в ранге послов, но только посланников. Агентство Рейтер опубликовало даже по этому поводу в январе

1924 г. официальное сообщение. По справедливому замечанию турецкого историка Баюра, союзники всё ещё надеялись, что правительство согласится с тем, чтобы столица «находилась под дулами иностранных броненосцев». Анкарское правительство в ответ заявило, что будет назначать своих дипломатических представителей в любую страну в том ранге, в каком прибывают в Анкару представители этой страны ¹⁰².

Через несколько дней после того как Анкара стала новой столицей страны, 29 октября 1923 г. меджлисом был принят закон № 364 «Об изменении некоторых статей конституции». В статье 1-й подтверждалось, что «власть в стране принадлежит нации» и что «формой управления Турецким государством является Республика». Вторая статья гласила, что «религия турецкого государства – ислам, а официальный язык – турецкий». Статья 4-я подтверждала, что государство Турция управляется ВНСТ через посредство исполнительной власти, представленной правительством, глава которого назначается президентом. Статья 10-я вводила должность президента, устанавливала порядок его избрания; статья 11-я определяла, что «президент является главой государства и при необходимости руководит меджлисом и правительством» ¹⁰³.

В тот же вечер 29 октября, в результате тайного голосования в ВНСТ президентом Турецкой Республики стал Мустафа Кемаль. На следующий день после его избрания было сформировано первое республиканское правительство во главе с Исмет-пашой.

СТАНОВЛЕНИЕ КЕМАЛИСТСКОГО РЕЖИМА

Светское государство, светская власть

Только военная победа над интервентами позволила национальным, патриотическим силам страны обеспечить стране право выбора качественно нового продолжения реформации, модернизации турецкого общества и государства. Как писал в 1930-е годы один автор-кемалист, «за успех турецкой революции мы более всего признательны военному происхождению этой революции... безусловно, самой большой нашей опорой стала военная победа и стали возможными последующие реформы»¹.

Принимая во внимание исторический опыт страны, кемалисты не сомневались, что первым политическим условием модернизации будет создание светского государства. Но, как часто бывает, в лагере победителей начались конфликты вокруг выбора пути развития страны, заканчивавшиеся иногда трагическими последствиями, даже виселицами.

Чем больше кемалисты упрочивали свои позиции, тем чаще они заявляли о необходимости европеизации и секуляризации. Уже 29 октября 1923 г., в день провозглашения Турции республикой и избрания М. Кемалья президентом нового государства, он в интервью французскому журналисту Морису Перно заявил: «Наша политика, наши традиции, наши устремления будут направлены на то, чтобы Турция стала европейской страной, или точнее, страной, ориентирующейся на Запад»². Вместе с тем сам Кемаль подчёркивал, что «турецкая демократия, хотя и следовала по пути, начатом французской революцией, развивалась в соответствии со своими, присущими ей особенностями. Каждый народ осуществляет свою реформацию согласно закономерностям развития собственного общества, в соответствии с внутренней обстановкой и требованиями времени»³.

Идеи европеизации примерялись уже к националистической, антиклерикальной идеологии, причём основами последней стали, во-первых, идея экономической независимости, предусматривающая необходимость индустриализации и установление равноправных связей с западным миром и, во-вторых, идея светской, независимой от института религии (в данном случае ислама), власти – так как это было в развитых странах. Ведь движущий принцип европейского возрождения, залог последующего поступательного развития в османской Турции так и не пришёл в должное действие даже после младотурецкой революции 1908 г. И после неё властная элита свои деяния совершала, ссылаясь на Аллаха и Коран. Несмотря на модификации, исламский свод законов – Меджелле – ещё продолжал во многом определять жизнь общества и государства в сфере гражданского права⁴.

Из каких социальных групп формировалась власть новой Турции? В целом кемалистская элита по своим социальным корням представляла недавнее османское прошлое, в то же время духовно её отличала приверженность идеям обновления, идеям Великой французской революции. Самой прочной опорой были молодые офицеры, они на деле демонстрировали свою верность взглядам Ататюрка на модернизацию страны. Влиятельных представителей турецкой национальной буржуазии, тогда торговой, можно было пересчитать по пальцам, это были единицы среди стамбульских, измирских и аданских торговцев с греческими, армянскими, еврейскими, левантийскими именами.

Ещё в младотурецкий период «национальной экономики» национальный предпринимательский вакуум в Турции стал заполняться верхушкой бюрократии, действовавшей в трёх лицах – бюрократической, землевладельческой, предпринимательской.

Получается, что значительное число земельных участков было собственностью, кроме государства, также и абсентеистов – крупных и средних, как правило, проживавших в городах. В системе абсентеизма оказалась значительная часть бюрократического аппарата республиканской Турции, многие деятели, составлявшие идейно-политическую элиту кемалистского режима. Сюда входили и бывшие османские чиновники и военные, высший слой интеллигенции, а в провинции – местная знать, прибравшая к рукам и землю, и внутреннюю торговлю. Читатель, знакомясь с биографией крупного чиновника, политического деятеля, литера-

тора, журналиста, неожиданно мог узнать, что указанное лицо является «наследником семейного имени»⁵.

Кемалистская революция не ликвидировала, а узаконила различные формы владения движимым и недвижимым имуществом. Конечно, и в собственность республиканского государства перешло по наследству от империи в немалом объёме государственные и вакуфные земли, и именно они становились базой земельных реформ и других форм распределения земли, например, переселенцам⁶.

К знати, продолжавшей захваты земель во время Первой мировой войны и освободительной борьбы, присоединялись и новые лица, оказавшиеся у власти в годы, когда создавалась республика. Турецкие авторы отмечают активное участие в захвате земель лиц, примкнувших к кемалистскому движению, членов Народно-республиканской партии. В их руки перешли имения и поместья иностранцев, бежавших из страны, греков и армян, земли погибших солдат и офицеров турецкой армии⁷.

Формулируя стратегию развития новой Турции, кемалисты подчёркивали, что речь идёт не об особом пути, а о движении к современной цивилизации⁸. По этой же причине весьма далёкая от консолидации новая власть по горячим следам после победы над интервентами оказалась готовой поддержать Кемаля и его ближайших сподвижников в проведении, казалось бы, невысказанных в отсталой мусульманской стране подлинно революционных мер, направленных на решительную модернизацию всех сфер жизни турецкого общества.

Первым условием модернизации было создание светского государства. В период национальной борьбы ставить вопрос об этом было преждевременно. Ведь в качестве одной из активных антиимпериалистических сил в борьбе за независимость в Анатолии выступали и исламисты. В период деятельности первого состава меджлиса в нём было весомо представлено и духовенство, по меньшей мере 20% состава меджлиса являлись улемами, 8 депутатов были шейхами⁹. О гибкой политике кемалистов в этой деликатной сфере духовной жизни многих турок пишет подробно и аргументированно азербайджанский историк Э. Гасанова. Она подчёркивает, что тогда «и речи не было о каком то негативном отношении к исламу, наоборот, он порой даже идентифицировался с национализмом. Более того, национальные

лозунги зачастую облекались и в религиозные... Традиции, унаследованные из классической исламской культуры, продолжали жить во многих сферах духовной и культурной жизни турок – литературе, искусстве, философии и т. д.»¹⁰

Но после Лозанны стало очевидным, что вера всё более активно используется политиками от религии – противниками кемалистов, что исламисты не в состоянии приспособиться к идеологической основе нового государства, а шариат – к принципам светского правового регулирования всех сторон жизни государства, общества и личности. Из многочисленных выступлений М. Кемалья и его соратников очевидно, что ислам в то время ассоциировался не просто с халифатским, султанским режимом, но и со всем косным, отсталым, консервативным, что превратило Турцию в полуколонию Европы, а затем привело к военному поражению. После провозглашения республики стало ясно, что дни халифата в Турции сочтены¹¹.

Речь, безусловно, идёт здесь об учёте европейского исторического опыта избавления от средневекового засилья церковников и реализации принципа «богу – богово, кесарю – кесарево». Как считают современные турецкие историки, появление уже в 1921 г. в первой конституции нового государства положения о том, что «власть безо всяких условий принадлежит нации», означало, что «новое турецкое государство провозгласило свой идеологический выбор – место уммета было передано нации»¹².

29 февраля 1924 г. состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения последним халифом Турции мечети в Стамбуле. А на следующий день, открывая очередное заседание ВНСТ, Мустафа Кемаль произнёс обвинительную речь по поводу векового использования исламской религии в качестве политического инструмента, потребовал вернуть её «к истинному предназначению», срочно и самым решительным образом спасти «священные религиозные ценности» от разного рода «темных целей и вожделений». 3 марта на заседании ВНСТ под председательством М. Кемалья были приняты, среди других, законы об отмене в Турции шариатского судопроизводства, передаче вакуфного имущества, весьма обширного, в распоряжение создаваемого генерального управления вакуфами¹³.

Предусматривалась также передача всех научных и учебных заведений в распоряжение министерства просвещения, создание

единой светской системы национального образования. В Османской империи в рамках реформ танзимата были учреждены первые светские школы, но при сохранении шариатской системы обучения. Капитуляционным режимом пользовались иностранные, как правило, миссионерские, учебные заведения различных ступеней, автономией – школы для национальных меньшинств – армян, греков, евреев¹⁴.

Первым законодательным актом, определившим систему образования в новой Турции, был закон № 430 «О едином образовании», принятый 3 марта 1924 г. одновременно с законом о ликвидации халифата. Этот весьма лаконичный закон (семь статей) и поныне считается действующим, он входит в список первых революционных законов, не подлежащих отмене любой властью. Его первая статья устанавливала, что все научные и учебные учреждения Турции переходят в подчинение министерства просвещения. Вторая статья особо оговаривала необходимость такого перехода для министерства по делам шариата и вакуфов – все руководимые ранее им медресе и школы (имамов и хатибов) передавались министерству просвещения. Закон предписывал этому же министерству учредить при Стамбульском университете факультет по подготовке специалистов-богословов, а также создать «особые школы по подготовке служащих, которым надлежит обеспечивать отправление религиозных услуг». Принятая вскоре в апреле 1924 г. первая республиканская конституция своей статьёй 87-й обязывала всех турок, независимо от пола, овладевать в государственных школах начальным образованием¹⁵.

Закон об упразднении халифата декларировал: «Халиф низложен. Ввиду того, что предназначённость халифата отражена в основных концепциях правительственной власти и республики, халифат как властная инстанция ликвидируется». Всем членам султанско-халифатской семьи, а их насчитывалось 144 человека, включая 36 мужчин, 48 женщин и 60 детей, запрещалось пребывание на территории Турецкой республики, предписывалось в течение 10 дней с момента принятия закона покинуть её пределы. Запрещалось указанным лицам получать гражданство республики, владеть недвижимостью на её территории¹⁶. Рано утром с 3-го на 4-е марта 1924 г. Абдулмеджид, последний халиф Османской империи, был доставлен на станцию Чаталджа и поездом отправлен в Швейцарию. В тот же день, 4 марта, было учреждено

Управление по делам религии, и поныне регулирующее от имени государства всю религиозную деятельность в стране. Муфтии становились служащими этого управления. Под его контроль перешли не только мечети, но и различные религиозные обители, прибежища дервишей и их орденов¹⁷.

Важной мерой в деисламизации, европеизации общества стал принудительный «перевод» населения страны на ношение европейской одежды. Отправившись в конце августа 1925 г. в поездку в Кастамону и затем в Инеболу, Кемаль оделся в дорогу в европейскую одежду, а вместо традиционных папахи или фески держал в руке панаму. Визиты он наносил в маршалской форме. На встрече в муниципалитете Кастамону он поднял вопрос об одежде: нигде не сказано, что мусульманин должен носить особую, отличающую его от других людей одежду. В Инеболу он продолжил разговор об одежде: почему турки одеваются не как все во всем мире, почему женщина не может наравне с мужчиной открывать своё лицо?¹⁸

30 августа, возвращаясь в Анкару через Кастамону, М. Кемаль сделал примечательное заявление: «Турецкая республика не может быть страной шейхов, дервишей, мюридов и их приверженцев. Самый верный, самый истинный путь (тарикат) – путь к цивилизации. У цивилизации одно требование, одно веление – быть человеком и этого вполне достаточно»¹⁹.

Итоги этой поездки были подведены в ВНСТ в конце ноября того же 1925 г., когда были приняты законы: о запрете носить фески и папахи, переходе к европейской одежде, а также о закрытии мест религиозной деятельности и поклонения – *текке* и *завии* (обители дервишей) и *турбе* (усыпальницы дервишских святых), об упразднении общественного статуса их служителей. Таких «святых мест» регионального паломничества и общения приверженцев народного ислама было тогда по всей стране немало.

Турецкий секуляризм был начат с решительной авторитарной акции кемалистов в отношении тех, кто выступал против светской модернизации, отстаивал шариатский режим в вооружённой кровавой борьбе. Некоторое время спустя, в 1926 г., были приняты действовавшие затем десятилетия два важнейших закона, утверждавших и защищавших светский путь Турции на уровне как гражданского, так и уголовного права.

Принятый в 1926 г. Гражданский кодекс устанавливал буржуазные светские принципы гражданского права (положения о физических и юридических лицах, обществах, браке, семье, имуществе, его наследовании, разделе и т. д.). В разделе о вещном праве определялись понятия собственности, владения недвижимого имущества – частного, совместного и др. Особенно детально были перечислены условия владения земельной собственностью. Кодекс был переписан с текста швейцарского гражданского кодекса, тогда – самого передового в Европе. Таким образом, ушёл, наконец, в прошлое Меджелле – многотомный свод османских законов, сохранявший еще во многом положения шариата, а также Земельный Кодекс 1858 г.

Защите светских правовых принципов были посвящены и некоторые статьи Уголовного кодекса, принятого в том же 1926 г. Его статья 163-я запрещала использование религии в политических и личных целях. В ней, в частности, говорилось: «Всякий, кто учреждает, организует общество, либо руководит обществом, целью которого является даже частичное внедрение в социальную, экономическую, политическую, правовую основы государства религиозных принципов и убеждений, противоречащих принципу светскости, подлежит уголовному наказанию сроком от восьми до пятнадцати лет». Те же, кто входит в такого рода общества или способствует вступлению в них, подлежит осуждению на срок от 5 до 12 лет. Определялось уголовное наказание на срок от 5 до 10 лет за пропаганду в любой форме, осуществляемую с вышеуказанной целью, а также «ради достижения политической цели, либо обеспечения политических выгод путем использования религии или религиозных чувств либо предметов культа»²⁰. По сути, на меньшие, если не большие, преследования и беды были обречены граждане и организации страны, занимавшиеся политической деятельностью, квалифицируемой 141-й и 142-й статьями этого закона как «коммунистическая».

Особую значимость в мерах секуляризации стало стремление кемалистов уравнивать в обществе права женщин наравне с правами мужчин. В турецких исследованиях по этой проблеме отмечается, что «исламские принципы, не ограничиваясь сферой теологии, распространяются и на правовую систему, ислам вдвойне ограничивает женщину – и в общественной деятельности, и в области права». Первыми важными шагами в светской реформации

прав турецкой женщины стали запрет многожёнства, признание равных прав в семье, в получении образования, во время выборов в органы власти²¹.

Нет сомнения, что секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью турецкого общества, в то время в основном сельского, почти полностью безграмотного, и потребовался период формирования влиятельной светской элиты и долгой трансформации общественной идеологии в условиях диктатуры кемалистов, когда вековые шариатские каноны в умах населения смогли уступить место идеям национализма и европеизации.

Несколько лет серьёзную проблему для самого Кемалья и его сторонников составляли отношения с иттихадистами, казалось бы, нормализовавшиеся во время боевых действий против внешнего противника. Еще весной 1923 г. во время одной из своих поездок по стране он провел в Измите закрытые переговоры с Кара Кемалем, считавшимся влиятельным политиком в стамбульских кругах. Мустафа Кемаль задал вопрос: «Что планируют делать дальше иттихадисты?» Любопытно, пишет Цюрхер, что разговор об этой партии шёл так, как будто она не была распущена 4 года назад. Чтобы выяснить мнение своих политических сторонников-иттихадистов, Кара Кемаль организовал 12–13 апреля нечто вроде собрания на дому у бывшего султанского министра финансов Джавида. Собралось примерно 15–20 видных деятелей партии Единение и Прогресс (ЕиП), которые совещались два дня. Речь шла о платформе «несуществующей» партии к приближавшимся выборам в меджлис.

Выяснилось, что её программа предусматривала принятие новой конституции, сохранение Стамбула в качестве столицы. В целом эта платформа остатков младотурок предвосхищала программу вскоре созданной Прогрессивно-республиканской партии. Они были убеждены, что в состоянии продемонстрировать свою политическую силу. В обмен на признание ЕиП они готовы были поддержать Кемалья на выборах. Но Кемаль чувствовал себя настолько уверенным, что отверг их предложение. Решения этого конгресса были ему отправлены и через неделю последовал вежливый отказ. Вскоре 8 апреля 1923 г. была опубликована декларация об организации Народной партии, провозглашены известные девять принципов. Ничего нет странного, что в последний день работы меджлиса первого созыва 15 апреля 1923 г. были приняты

изменения в законе об измене родине. Предусматривался, в частности, запрет заниматься политикой, не соответствующей 9 принципам. Когда распространились слухи о совещании иттихадистов, Кемаль заявил Анатолийскому агентству, что партия ЕиП распущена в 1918 г. и никто не может выступать от её имени. На выборах в июле 1923 г. были выбраны только кандидаты Кемалья. Однако и из этого состава во второй половине года возникла другая оппозиция – из участников национального движения в Анатолии – Рефет (Беле), Рауф (Орбай), Али Фуад (Джебесой), Казым Карабекир²². Они чувствовали себя отодвинутыми «позднепришельцами».

В 1924 г. процесс выработки новой республиканской конституции завершился, был принят её окончательный текст, представленный в 105 статьях. В правовой литературе Турции именно этот документ, принятый 23 апреля 1924 г., считается первой подлинной, «полнокровной» конституцией нового государства. Самые первые его статьи подтверждали, что Турция – республика, её религия – ислам, государственный язык – турецкий и столица – Анкара. Устанавливались такие публичные права и свободы, характерные для буржуазного права, как право и свобода договора, передвижения, трудовой деятельности, приобретения и владения имуществом, создания торговых товариществ²³.

Без сомнения, принятая таким образом структура новой власти основывалась на вере значительной части национальной элиты в Кемалья как лидера рождавшейся новой Турции, вождя, который успешно спасает турецкий народ от грозящей ему катастрофы. Это обеспечивало Кемалю, вплоть до ухода его из жизни в 1938 г., возможность авторитарного руководства страной в первые, самые трудные десятилетия становления нового государства, что не исключало дискуссий, конфликтов и даже предательства в среде, которая его окружала. Важно отметить – эта среда была представлена в немалом числе грамотными, опытными чиновниками – гражданской и особенно военной верхушкой, в которой весомо были представлены (как и сам Кемаль) бывшие иттихадисты, пережившие успехи и неудачи партии. К этому времени самый опасный конкурент Кемалья Энвер расстался с жизнью, участвуя в одной из своих авантур на поприще пантюркизма-панисламизма, что тоже было воспринято соратниками Кемалья как исторический урок²⁴.

Кемалистская власть, набирая силу в борьбе с оппозицией, корнями уходящей в младотурецкое прошлое, приобретала черты однопартийного авторитарного режима во главе с президентом Ататюрком. Эта власть представляла собою интересы двух самых влиятельных элит – военной и гражданской, высшие руководители страны – президент, премьер-министр – были недавние военные, герои боёв с интервентами. В турецком парламенте – ВНСТ – также было представлено много военных, в министерствах, госучреждениях, на госпредприятиях прослойка отставных военных оставалась значительной еще многие годы. Перед такой «военизированной» властью во главе с недавним генералом, освободителем страны, в то время даже в условиях внутренней политической нестабильности не возникала нужда в замене её прямым военным режимом – в этом не было необходимости.

Даже периодически возникавшая легальная оппозиция, представленная порою соратниками Кемалья по общей борьбе против интервентов, так и не смогла, вплоть до второй половины 1940-х годов, предложить кемалистской авторитарности свою альтернативу – постоянный институт демократической оппозиции, противопоставить его режиму однопартийной власти. Так, уже через год после Лозанны, 17 ноября 1924 г., была официально учреждена Прогрессивно-республиканская партия (ПРП). Её учредителями были выходцы из Народной партии – Али Фуад (Джебесой), Казым Карабекир, Рауф (Орбай), Аднан (Адывар), Рефет (Беле) и др. Это была легальная оппозиционная партия с программой, близкой иттихадистской программе 1923 г., однако свидетельств прямого влияния иттихадистов нет²⁵. Программа ПРП не учитывала недавний печальный опыт османской европеизации, в ней утверждалось, что либерализация экономики в новых условиях не возродит систему зависимости, что «покровительственная политика является не целью, а средством», не следует «защищать всякую отрасль, неспособную к развитию, поднимать дороговизну жизни в стране и оказаться в затруднительном положении при переговорах о торговом договоре» и т. д. Мустафа Кемаль назвал эту партию «прибежищем и опорой реакционных мятежных элементов». Программа настаивала на необходимости снижения таможенных тарифов, привлечения иностранного капитала²⁶.

Так случилось, что вскоре после учреждения ПРП в феврале началось восстание шейха накшбенди Саида. Это означало конец

ПРП. 3 марта 1925 г. Фетхи ушел в отставку с поста премьера, его заменил Исмет. На следующий день был принят закон о введении чрезвычайного положения, восстановлены суды независимости. Подавив курдское восстание в 1925 г., власти вскоре запретили Прогрессивно-республиканскую партию. Несмотря на солидарных с властью заявлений ПРП о необходимости подавления этого восстания, 3 июня 1925 г. она была запрещена властями²⁷. Запрещены были оппозиционные стамбульские газеты, некоторые журналисты задержаны. 28 июня 1925 г. суд независимости присудил шейха Саида и его сподвижников к смертной казни, которая была исполнена той же ночью.

Как показывали события, политическое умиротворение в стране в 1920-е годы (да и позже) так и не наступило. «Несмотря на то, что заставили замолчать политическую оппозицию, подавили печать, запретили организацию, Мустафа Кемаль все ещё не чувствовал себя уверенно. Призрак ожившей ЕиП наводил страх... вокруг ещё бродили люди этой партии, помогавшие ему и его движению, хотя Мустафа Кемаль во время освободительной войны и после неё воспрепятствовал им действовать независимо. Тайные организации, такие как Тешкилаты Махсуса и Каракол, ещё были управляемы и вполне могли заняться прежними делами. Их члены были еще активны, со своим опытом и профессионализмом они занимали важные посты, даже в окружении Кемалья. Он хорошо осознавал потенциальную угрозу для себя, знал методы иттихадистских заговорщиков²⁸. Самым серьёзным выступлением оппозиции против кемалистской власти считаются события лета 1926 г., вошедшие в историю молодой республики как «заговор против Кемалья». Их непосредственными исполнителями считаются иттихадисты. В очередной поездке по стране, в самый разгар реформ, жёстко вводимых судами независимости, на пути в Измир Кемаль почувствовал недомогание и задержался в Балыкесире. 15 июня властями Измира была получена и немедленно отослана президенту информация о готовившемся заговоре. В нескольких отелях Измира удалось арестовать нескольких наёмных убийц. Из полученных потом показаний следовало, что покушение готовилось давно, более года²⁹. 18 марта в Измир прибыл Анкарский суд независимости³⁰.

Арестованных группами направляли в Измир, к началу процесса арестовано было до 100 человек. В их числе были бывшие

высокопоставленные деятели – почти все активисты ПРП, члены Второй группы, иттихадисты. Было много депутатов. Процесс начался 26 июня 1926 г. в зале кинотеатра «Милли синема», а 11 июля был объявлен приговор. 15 человек были обвинены в попытке покушения на главу государства и приговорены к смерти; в ту же ночь они были повешены в центре Измира. На следующий день все герои войны за независимость – Казым Карабекир, Али Фуад и ещё несколько человек были освобождены.

Второй процесс по Измирскому заговору начался в Анкаре 1 августа, а завершился 23 августа. По тому же обвинению четверо видных иттихадистов, включая бывшего министра финансов Джавида, доктора Назыма, были приговорены к смерти и вскоре повешены. Кара Кемаль позже покончил с собой. 1 сентября 1926 г. Гиритли Шевки, сообщивший о заговоре, был премирован 6500 лирами³¹.

К концу 1926 г. кемалистам удалось упрочить свою власть в стране. Непосредственный участник тех событий И. Инёню в своих воспоминаниях не считает заговорщиками осужденных недавних соратников Ататюрка. По его мнению, корни конфликта – в отсутствии согласованности решений, принимавшихся Ататюрком в связи с реформами, с другими руководящими деятелями государства. «Они считали, – пишет И. Инёню, – что с самого начала были вместе, вместе одержали победу и также все вместе занимаются созданием государства, поэтому все должны иметь равное право принимать решение»³².

Симпатизировавшая ПРП Халиде Эдип писала, что после событий 1925 г., подавления восстания в Курдистане, разгрома Прогрессивно-республиканской партии и принятия закона об охране порядка в Турции установилась диктатура³³.

Немалые заботы приносила кемалистам и левая оппозиция, прежде всего почти не выходившая из тюрем и подполья Коммунистическая партия Турции. В рядах КПТ с 1921 г. состоял талантливый турецкий поэт Назым Хикмет, он провел 17 лет в тюрьмах Анатолии и вынужден был в 1951 г. бежать из страны и жить в СССР.

Кстати говоря, новая власть продемонстрировала намерение контролировать и решать в патерналистском, этатистском духе и рабочий вопрос, сохраняя за государством полную монополию на руководство рабочим классом и всеми трудящимися. Запреща-

лось создание политических и профсоюзных организаций трудящихся. Уже в 1920-е годы большинство существовавших в Турции профессиональных союзов власти стремились свести к «организации типа касс взаимопомощи», поставив их под контроль правящей Народно-республиканской партии³⁴. Авторитарный подход к рабочему регулированию, рабочему движению стал характерным на многие десятилетия периода республики. Все эти примеры – свидетельство того, что действие конституции 1924 г. было ограничено. Специалист по государственному праву А. Унсаль пишет: «Несмотря на декоративные формулировки, такие как власть нации, союз сил, верховенство парламента и т. п., на практике использовались традиционные преимущества исполнительной власти; представленная в конституции идея власти нации оставалась в некотором смысле абстракцией»³⁵.

Тюркизм – государственная идеология

Формирование государственной идеологии с приходом к власти кемалистов началось с крутого поворота к светскости, к отрицанию исламизма как идеологической составляющей для новой власти. Ликвидация халифата лишила исламистов надежды на предпочтение их идеологии как государственной. Жёсткая политика властей в отношении исламистов привела к формированию системы разрешённого, официального, «государственного» ислама, действия которого «вне мечети» строго лимитировались. Народный же ислам со своими шейхами, орденами и пр., сохраняясь на бытовом уровне, ушёл в подполье, а если и заявлял о себе открыто через вооружённые выступления под религиозными лозунгами, то беспощадно подавлялся властями.

Последним крупным вооружённым выступлением исламистов стал мятеж в Менемене (близ Измира) в декабре 1930 г. Его возглавил прибывший сюда проповедник дервиш Мехмед, призвавший верующих «спасти священную веру ислама и восстановить шариат». При его личном участии была организована кровавая расправа над учителем начальной школы Кубилаем, призванным на военные сборы в Менемен в качестве офицера запаса. Пришельцы развернули зелёное исламское знамя, взятое из соседней мечети, и водрузили на городской площади. Дервиш провозгласил себя мехди (мессией) и призвал свергнуть безбожную власть.

Толпа из нескольких сотен местных жителей поддержала бунтовщиков. Два офицера напрасно упрашивали людей разойтись, затем туда был направлен взвод под командованием Кубилая. Кубилай выстрелил, используя холостой патрон. Оставшись невредимым, дервиш заявил, что он неуязвим для пуль, и выстрелил сам, смертельно ранив Кубилая. Затем тело Кубилая было перенесено во двор мечети, где дервиш отрезал ему голову и насадил на шест под возгласы одобрения своих сторонников. Два сторожа, стрелявшие по толпе, были убиты. Прибывший вскоре полк разогнал бунтовщиков, дервиша и пять его спутников застрелили.

Хотя бунт был быстро подавлен, Мустафа Кемаль был возмущён этим событием. Особенно он был шокирован сообщениями, что население Менемена приветствовало убийц молодого лейтенанта. Правительство ввело смертную казнь на обширной территории западной Анатолии и направило на место события военный трибунал. Возвратившись из Эдирне, Кемаль собрал во дворце Долмабахче совещание, затем отправился в Анкару и там собрал правительство. Он был в бешенстве, будучи убеждён, что корни восстания были частью широкого заговора, возможно связанного с роспуском ЛРП (Либерально-демократическая партия). Он потребовал, чтобы Менемен был провозглашён «проклятым городом» и сровнен с землей, а его жители переселены, чтобы никакой пощады не было в отношении религиозных фанатиков, даже женщин. Кемаль потребовал «раздавить» орден накшбенди, к которому Мехмет принадлежал. По приговору суда было казнено 28 зачинщиков бунта³⁶. Долгие годы армия, полиция, органы безопасности Турции внимательно, тайно и явно, следили за исламистами, пытаясь выяснить – есть ли в их программах, учениях, тайных уставах положения о ликвидации светской власти, установлении шариятского режима в Турции.

Социальные (и финансовые) возможности государства в те десятилетия, при всей их ограниченности, превышали возможности исламистов, преследуемых властями, лишившихся доступа к вакуфной собственности. Напомним, что и мировое исламское общество в условиях колониальной системы было разобщено и лишено тех многих источников обогащения, к которым оно получило доступ после краха колониальной системы, обретения независимости нефтедобывающими мусульманскими странами.

Турецкий национализм, тюркизм заявивший о себе ещё при младотурках, после начала кемалистской секуляризации постепенно стал второй религией Турции. Восприятие этой религии не препятствовало европеизации – наоборот, цивилизованная Европа 1920–1940-х годов, во всяком случае её значительная часть, сама являла такие образцы крайнего национализма, о которых ныне цивилизованные европейцы вспоминают неохотно, а если и вспоминают, как о чём-то давнем, из другой эпохи³⁷. Турецкий национализм уже как господствующая идеология окончательно утвердился именно в форме кемалистского национализма, ставшего идеологической детерминантой выживания турок как народа и как государства. Борьба за отмену Севрского договора, вооружённая борьба с «подписантами» – и своими, и интервентами – позволила кемалистам окончательно вывести Турцию из кокона османизма, отказаться от халифа и начать жизнь национального государства. Турки окончательно осознали себя нацией. Конкретные условия определили феномен тюркизма, его жёсткость и непримиримость прежде всего в отношении греческого и армянского населения бывшей империи, которое считало себя коренным, а турок – давними пришельцами-завоевателями. Турецкий социолог Джажит Танйол пишет следующее об истоках национализма Кемалю: «Как и других представителей османской интеллигенции, Ататюрка беспокоила необходимость исторически обосновывать анатолийский тюркизм, его принадлежность Анатолии. Он боялся, что после того, как мы потеряли европейские территории, будет разделена и Анатолия», боялся «враждебности западного империализма по отношению к туркам»³⁸.

Обращение к тексту Национального Обета до 1990-х годов оставалось традицией турецкой историографии периода республики. Этим как бы подчёркивался полный отказ от претензий на любые территории, не упомянутые в тексте документа как турецкие. Турецкие историки обращают внимание именно на эти особенности национализма Ататюрка, отличавшие его от идеологии З. Гёкальпа. По Танйолу, «краеугольные понятия кемалистских реформ, такие как светскость, республиканизм, этатизм, в идейном багаже Гёкальпа отсутствуют», революция Ататюрка не имела своим источником З. Гёкальпа. Если говорить о схожести взглядов, они – «в идее турецкой государственности, турецкой нации»³⁹.

В марте 1923 г. Гёкальп был приглашён в Анкару по инициативе Кемалья в министерство просвещения. Во время подготовки выборов в ВНСТ иттихадисты пытались привлечь Гёкальпа на свою сторону, однако получили отказ, им было заявлено о вредности такой затеи. Так, провозгласив себя после революции 1908 г. активным сторонником партии Единение и Прогресс, учредив в Диярбакыре отделение этой партии, через полтора десятка лет Гёкальп разошелся с иттихадистами, но, судя по его опубликованной в 1923 г. книге «Основы тюркизма», от идей туранизма он не отказался, утверждая, что «далёкий идеал тюркизма – это Туран... понятие которого объединяет по языку, литературе, культуре огузов, татар, киргизов, узбеков, якутов». Это обстоятельство отмечают его биографы, туманно признавая (фактически солидаризируясь с Дж. Танйолом), что подобная формулировка реально учитывала и политическую обстановку того времени, и то, у кого была сосредоточена политическая сила, и ориентировалась на перемены⁴⁰.

Проф. Исмет Гиритли считает, что Мустафа Кемаль «уберёт доставшийся от младотурок тюркизм-национализм от крайности панисламизма и пантуранизма, поэтому он сегодня именуется национализмом Ататюрка»⁴¹.

Конец 1920-х – 1930-е годы стали годами расцвета турецкого национализма, причем кемалистское руководство следило, чтобы даже крайние националисты понятие национализма согласовывали с Национальным Обетом. «Все считали главным, – пишет Поултон, – выживание новой республики, причём кемалисты видели в ней конечную цель, в то время как туранисты считали её лишь началом, ядром будущей Великой Турции. Однако политика нового режима в области образования привела к парадоксальным результатам: «было выращено новое поколение пантюркистов, отличающееся более откровенными расистскими позициями, нежели первое, представленное Гёкальпом, Акчурой и Агаоглу»⁴².

Поултон считает, что новые руководители во главе с Мустафой Кемалем решительно отвернулись от всяких вариантов Турана и стали разбираться, кто же представляет турецкую нацию; после некоторого размышления Кемаль окончательно определил турецкую нацию как мусульманское население Анатолии, причём акцент был сделан «на этнических турках и на их языке – за счёт других групп, таких как курды»⁴³.

Объявив себя светским государством, ориентируясь на европейский уровень духовного развития тех времен, разумеется, и внеся отмеченные Поултоном коррективы, республиканская Турция создала собственную систему национального просвещения, культуры, языка, идеологии через культурные очаги, через правящую партию, народные дома и т. д.

Одним из наиболее решительных шагов кемалистов на пути реформации, европеизации культуры была реформа турецкого языка. Дело не ограничивалось постепенной заменой арабской и персидской лексики, грамматических оборотов на турецкую. В течение 1928 г. при личном участии Кемала Ататюрка была проведена кампания, направленная на замену арабского алфавита латинским. В ноябре ВНСТ был принят соответствующий закон, а с декабря 1928 г. стали появляться вывески с новым, уже на латинице, написанием турецких слов, выходить газеты на новом алфавите.

Власть ревностно следила за приверженностью общества к государственной идеологии – кемализму. Не преувеличивая, можно сказать, что национальное самосознание подняло на ноги «большого человека Европы». Вместе с тем мы видим, что и при Ататюрке тюркизм столкнулся с проблемой национальных меньшинств. Небольшая по территории и населению страна (тогда – всего 14 млн. жителей) даже после всех разделов и войн, сопровождавшихся бегством многих её коренных жителей – греков и армян, продолжала оставаться многонациональным и многоконфессиональным государством с государственным турецким языком и с государственной (до 1928 г.) религией – исламом. Права национальных меньшинств и немусульман были провозглашены в Национальном Обете (1920 г.) и подробно оговорены в Лозанском мирном договоре (1923 г.).

В статье 38-й этого документа речь шла о запрещении дискриминации и преследования населения по национальному и религиозному признаку: «Турецкое правительство обязуется предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и их свободы, без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии. Все жители Турции будут иметь право на свободное исповедание, как публичное, так и частное, всякой веры, религии или всякого верования, отправление которых не будет несовместимо с публичным порядком и добрыми

нравами». Следующая статья конкретизировала некоторые из упомянутых прав: «Различие в религии, веровании или исповедании не должно будет вредить никому из турецких граждан, поскольку то касается пользования гражданскими и политическими правами, в особенности при допущении к государственным должностям, службам и почестям или к занятию различными профессиями и промыслами. Не будет издаваться никаких ограничений в отношении свободного пользования всяким турецким гражданином каким бы то ни было языком, будь то в частных или торговых отношениях, будь то в области религии, прессы или печатных произведений всякого рода, будь то в публичных собраниях. Независимо от существования официального языка, подобающие льготы будут даны турецким гражданам, говорящим не на турецком языке, для устного пользования своим языком в судах».

Какие же права получали немусульмане, то есть в основном христиане и иудеи, согласно другим статьям раздела о меньшинствах? За ними признавалось право «создавать, вести и контролировать за свой счёт всякие благотворительные, религиозные или общественные учреждения, школы и иные учебные и воспитательные заведения, с правом свободно пользоваться в них своим родным языком и свободно исповедовать в них свою религию». Далее устанавливалось, что «турецкое правительство даст в городах и округах, в которых живёт значительное число немусульманских граждан, подобающие льготы в обеспечение того, чтобы в начальных школах обучение детей этих турецких граждан велось на их родном языке. Это постановление не воспрепятствует турецкому правительству сделать обязательным в названных школах обучение турецкому языку».

Согласно договору власти Турции обязались также «предоставить всяческую защиту церквям, синагогам, кладбищам и иным религиозным установлениям указанных выше меньшинств. Всякие льготы и разрешения будут даны богоугодным заведениям и религиозным и благотворительным учреждениям тех же меньшинств, существующим в настоящее время в Турции». Специально подчёркивалось, что все перечисленные в разделе обязательства властей представляют собою «обязательства международного значения» и «поставлены под гарантию Лиги Наций. Они не могут быть изменены без согласия большинства Совета Лиги Наций»⁴⁴.

Перечисленные выше статьи Лозаннского договора самым непосредственным образом влияли на сложившуюся в те годы чрезвычайную ситуацию с национальными меньшинствами в Турции, прежде всего греками и армянами, оказавшимися из-за давних политических игр великих держав в положении «пятой колонны». Во время поспешного бегства греческой армии из Анатолии под ударами кемалистов с ней ушло в качестве беженцев свыше миллиона греков – коренных жителей Турции⁴⁵.

В роли беженцев, уже который раз, оказались и десятки тысяч армян, также коренных жителей страны. Однако даже после этого поистине вселенского бегства под угрозой расправы в Турции оставалось большое число греков, армян, евреев и других меньшинств; приведённые выше статьи договора сохраняли за этим постепенно таявшим меньшинством формальное право защиты от ассимиляции и от преследований со стороны турецких шовинистов. Кстати сказать, и прибывших в Турцию переселенцев-мусульман из Греции, Болгарии, Югославии, в подавляющем большинстве турок, также было много.

По турецкой статистике, в Турцию в 1921–1928 гг. прибыли и получили жилище 463,5 тыс. человек, причем основными регионами их размещения были те, в которых раньше проживало много греческих семей – Эдирне, Балыкесир, Стамбул, Бурса, Измир, Текирдаг и др. Согласно той же статистике, в Турции в 1927 г. проживало 13 269,6 тыс. мусульман, 109,9 тыс. православных, 81,9 тыс. иудеев, 77,4 тыс. армян (так в табл. – *Н.К.*), 39,5 тыс. католиков, 24,3 тыс. христиан и др. По языковому признаку в том же году в Турции 11 777,8 тыс. жителей пользовались турецким языком, 1184,5 тыс. – курдским языком, 134,3 тыс. – арабским, 119,8 тыс. – греческим, 95,9 тыс. – черкесским (так в тексте. – *Н.Г.*), 68,9 тыс. – еврейским, 64,7 тыс. – армянским, 11,5 тыс. – татарским, и т. д. В регионе Стамбула статистика насчитывала 547 тыс. мусульман, 100 тыс. православных, 53 тыс. армян (?), 47 тыс. иудеев и т. д. То есть треть населения крупнейшего тогда города Турции, недавней её столицы, не была ни турецкой, ни мусульманской⁴⁶.

Приведённые выше постановления договора могут и сегодня составить неплохую базу для справедливого учёта интересов меньшинств в любой стране. Однако мало из написанного в Лозаннском договоре относительно меньшинств выполнялось Тур-

цией. Неудивительно, что несмотря на все «защитительные» статьи Лозаннского договора, доля прежде всего греческого и армянского населения республики таяла на глазах в результате массовой иммиграции и ассимиляции⁴⁷.

Что касается вооружённых выступлений курдов – уже мусульман, например восстание шейха Саида (февраль 1925 г.), проходившее под лозунгом создания независимого Курдистана, то они ставили страну на грань гражданской войны. После подавления упомянутого восстания власти приняли в 1927 и 1929 гг. специальные законы, по которым наиболее непокорные курдские племена были принудительно переселены в различные районы Центральной и Западной Анатолии. Другие законы предусматривали наделение землей кочевых курдских племен в районах их традиционных кочёвок, с тем чтобы перевести их на осёдлый образ жизни и держать в повиновении. В некоторых турецких публикациях одно время курды стали даже именоваться «горными турками» и были таким образом выведены из категории «нетурецкое меньшинство», защищаемое Лозаннским договором. И сегодня курды-мусульмане Турции продолжают требовать полного признания своих национальных прав, которых они были долгое время лишены только потому, что считались не национальным меньшинством, а мусульманским большинством, то есть турками⁴⁸.

Наличие шовинистических чувств у части турецкого населения объяснялась не только «плохим» поведением греков и армян во время англо-греческой интервенции. Эти меньшинства со времён империи контролировали в значительной мере экономическую жизнь Турции, особенно в городах – торговлю, ремесло. Известный армянский турколог О.Г. Инджикян пишет, что греческий капитал занимал господствующее положение в хозяйственной жизни империи. Ему принадлежало первенство (почти 50%) как в производстве и ремеслах, так и во внутренней торговле. Он контролировал более 40% всех внутренних финансовых операций. Второе место принадлежало армянским предпринимателям, торговцам и финансистам, в руках которых находилась примерно четвёртая часть производства и торговли. Вслед за ними шли евреи и левантийцы. Что касается турецкой буржуазии, то она по своему экономическому положению находилась на четвертом месте и контролировала почти 15% торговых операций и 12% производства. Ей потребовалось несколько десятилетий,

чтобы завоевать ведущие позиции в частном секторе турецкой экономики ⁴⁹.

Отказавшись от исламских знамён, объединив турок под новыми знамёнами – патриотизма и национализма, кемалисты приняли меры к тому, чтобы сохранять и укреплять это единство и далее и под теми же знамёнами. Популярными стали лозунги создания национальной промышленности, национальной банковской системы, национальной авиации, национального производства сахара, тканей, цемента и т. п. После завершения строительства первых текстильных комбинатов тогдашний министр экономики Джеляль Баяр призвал соотечественников покупать прежде всего турецкие ткани. Начало действовать законодательство по защите национальной валюты – лиры. Создавалась национальная оборонная промышленность. При всемерной поддержке властей, главным образом законодательной, турецкий предприниматель все активнее внедрялся в сферы строительства, промышленного производства, торговли, включая внешнюю, других услуг, ранее контролируемые иностранным либо инонациональным (греческим, армянским, еврейским) капиталом.

Активно используя механизм однопартийной авторитарной политической власти, кемалистская элита в 1930-е годы создала эффективную систему идеологического воздействия на население, признающего европейский путь развития как наиболее приемлемый для построения развитого турецкого общества. Была создана теория происхождения турецкого народа, его культуры чуть ли не от хеттов, тюркизм пропагандировался как концепция, спасающая страну от уничтожения, ведущая турецкое общество к прогрессу, способная обеспечить этому обществу достойное место в семье европейских народов.

Исследователь деятельности «турецких очагов» в Турции в 1920-е годы и позже – «народных домов» А.А. Колесников пишет, что начиная с апреля 1924 г. в стране в различных городах стали восстанавливаться прежние (то есть ещё с младотурецких времён) и создаваться новые «турецкие очаги», их вероятное число в конце 1920-х годов достигало 160–200 домов. Председателем этих очагов был Субхи Танрыювер, «ярый панисламист и пантюркист».

«Широкой популярностью, – отмечает Колесников, – пользовались многочисленные конференции, проводимые “очагами” на

самые разные темы... Обсуждались вопросы турецкого национализма, проблемы развития экономики, здравоохранения, сельского хозяйства, кооперирования, изучение латинского алфавита, воспитание детей и пр.». Печатным органом очагов был журнал «Тюрк юрду», на его страницах «печатались статьи идеологов пантюркизма, исторические, фольклорные и другие материалы, прославлявшие «величие турецкой нации». Как следует из исследования Колесникова, в те годы дискуссии об историческом евразийском синтезе, результатом которого стало возникновение турецкой нации, турецкой культуры, в упоминаемых идеологических организациях не велись. В 1931 г. турецкие очаги были заменены «народными домами», ставшими новым, более активным и более современным «приводным ремнем» в области идеологии и культуры в отношениях между правящей НРП и обществом⁵⁰.

Первые меры по поддержке частного сектора

На начальном этапе становления нового государства экономическая политика кемалистов определялась неразвитостью его социально-экономической структуры. Из 14 млн. населения около 77% проживало в деревнях, 81,6% было занято в сельском хозяйстве, 5,6% – в промышленности, 4,8% – в торговле и 7% – в сфере услуг. Доля сельского хозяйства в национальном доходе составляла 67%, промышленности – 10%. Большая часть железных дорог ещё оставалась в руках иностранцев. В банковском деле, страховых компаниях, муниципальных предприятиях, в горнодобывающей промышленности также господствовал иностранный капитал. Функции государственного банка с правом эмиссии продолжал выполнять Оттоманский банк, контролируемый англо-французским капиталом. Местная промышленность за отдельными исключениями была представлена ремеслом и кустарными промыслами, она удовлетворяла, и то не полностью, лишь самые необходимые потребности в еде и одежде. Спрос на фабричную продукцию обеспечивался за счет импорта. Несколько государственных фабрик работали не на рынок, а лишь на армию, поставляя ей сукно, ткань, сапоги, порох, пушки, ружья и т. п. В среде турок имелась и относительно небольшая группа влиятельных торговцев. На экономическом конгрессе 1923 г. в Измире представители семейств Авундукзаде, Немлизаде (Стамбул),

Ушакизаде (Измир), Кыннаджызаде (Анкара) и др. выступили с требованиями и рекомендациями властям всемерно поддержать национальный частный сектор в противовес компрадорскому – наследию империи. От имени созданного, например, в Стамбуле Национального турецкого союза они настаивали на роспуске Стамбульской торговой палаты, поскольку её руководство в значительной степени состояло из немусульман и деятельность палаты не отвечала интересам торговцев-турок⁵¹. Основное же требование торговцев-турок на тот момент заключалось в организации крупного торгового национального банка для предоставления кредитов национальному частному капиталу.

Уже через год такой банк – Деловой – был учреждён при личном участии М. Кемалья и ряда депутатов меджлиса, прежде всего тех же купцов в качестве учредителей-акционеров, среди них был и Ушакизаде (в то время – тесть Мустафы Кемалья). На создание этого банка Мустафа Кемаль приказал выделить 250 тыс. лир из средств, собранных от пожертвований различных мусульманских организаций, главным образом Индии, в фонд борьбы против империалистов. Было выпущено 100 тыс. акций достоинством 10 лир каждая, за первые четыре месяца деятельности банка его оплаченный капитал возрос до 409 тыс. лир. Уже в первые годы деятельности он стал владельцем 40% акций компании «Тюрк тельсиз телефон ТАШ», построил крупнейший тогда в Анкаре отель «Анкара-палас», купил и реорганизовал фабрику шерстяных тканей, предоставил кредиты нескольким анкарским торговцам, поставлявшим на экспорт тифтик и шерсть.

По подсчетам А.Г. Окчуна, за десятилетие (1920–1930 гг.) в стране было создано 135 акционерных компаний с местным (турецким и инонациональным) капиталом, который составлял в суммарном подсчете около 70 млн. лир. В этой сумме доля капитала банков, ссудных касс, страховых обществ (их насчитывалось 30, что составляло 22% числа всех компаний) была равна 57,8%; доля капитала промышленных компаний несколько превышала 17%, торговых и транспортно-складских компаний – 12% и т. д. Фирмы Ушакизаде и Авундукзаде, измирский торговец Джемальбей, стамбульский торговец табаком Ибрагим-паша-заде Хюсейн (Кавалалы) и другие приняли участие в создании в 1924 г. Турецкого торгово-промышленного банка в сотрудничестве со швейцарским капиталом⁵².

Попытался воспользоваться турецкий торговый капитал и возможностью участвовать в подрядах на железнодорожное строительство. Так, фирма Немлизаде вложила в один из таких подрядов большую часть своих средств, однако не рассчитала силы и вынуждена была потом продать государству свои акции указанной дороги. Их оказалось у фирмы на крупную по тому времени сумму – 300 тыс. лир⁵³.

Эти примеры свидетельствуют, что частный торговый национальный капитал, получив после провозглашения республики благоприятные условия для активизации своей деятельности, устремился в наиболее выгодные тогда сферы предпринимательства – банковское дело, подряды, торговлю.

Свои первые успехи в торговле в 1920–1930-е годы ярко описывает первый турецкий миллионер Вехби Коч, в то время ещё не обладавший крупными средствами. Он вспоминает в своих мемуарах, что тогда вся торговля Анкары была в руках армян, греков и евреев. Турки-мусульмане, будучи хозяевами страны, жили скромно и в своем большинстве трудились под началом упомянутых групп⁵⁴.

Благоприятные возможности обогащения, обеспечиваемые во внутренней торговле, привлекали в эту сферу также политических и партийных деятелей. Писатель П. Павленко, побывавший в Турции в 1927 г., отмечал: «Секретари кемалистских райкомов торгуют шерстью, агитаторы приписались к биржам»⁵⁵.

Подобно тому как это происходило с торговым капиталом, промышленное национальное предпринимательство в Турции в 1920-х годах первоначально базировалось на уже существовавшей собственности, главным образом иностранной и инациональной. По данным, приводимым Ю.Н. Розалиевым, фабрично-заводские предприятия Турции в 1927 г. располагали 4850 двигателями общей мощностью 163,5 тыс. л. с., из них 4412 были электрическими, паровыми и двигателями внутреннего сгорания. Это свидетельствует о довольно высоком уровне развития отдельных предприятий. Наибольшее число двигателей было сосредоточено на предприятиях по переработке продуктов сельского хозяйства, текстильных, деревоотделочных, металлургических и машиностроительных⁵⁶. В подавляющем большинстве эти предприятия были созданы ранее, в конце XIX – начале XX в. Речь идёт о мукомольных фабриках и текстильных предприятиях в Измире,

Адане, Тарсусе, Стамбуле. Новая власть приняла меры к тому, чтобы постепенно овладеть этой собственностью, как мелкой, так и средней и относительно крупной. «Правительство, – отмечалось в журнале “Коммунистический Интернационал”, – продало оставшиеся после национально-освободительного движения полуразрушенные предприятия за ничтожную сумму любимцам Народной партии, открыло им кредит и выдало субсидии, так что 3 года спустя предприятия вернулись к довоенному уровню»⁵⁷.

Важнейшее значение в этой связи имел Закон о поощрении промышленности, вступивший в силу с 1 июня 1927 г. Насколько серьёзны были льготы, предусмотренные законом, свидетельствуют многие его статьи. Промышленник, намеревавшийся строить предприятие, мог рассчитывать на получение безвозмездно земельного участка до 10 га. Он освобождался от налогов на крытые помещения, на земельный участок, на прибыль и т. п. На материалы, импортируемые для строительства и производственной деятельности предприятия, не налагались таможенные сборы и налоги. Перевозка такого рода материалов по железной дороге и на судах обходилась со скидкой в 30%. В первый год производственной деятельности каждого предприятия на стоимость выпускаемой им продукции устанавливалась премия в 10% стоимости⁵⁸.

Государство стремилось также смягчить неблагоприятное воздействие таможенного тарифа. Приложенная к Лозаннскому договору торговая конвенция устанавливала, что на пятилетний срок её действия, то есть с 1924 по 1929 гг., ввозными тарифами в Турции «будут оттоманские тарифы, вступившие в силу 1 сентября 1916 г.». Это означало, что в течение пяти лет турецкое правительство не могло по своему усмотрению повышать низкие таможенные тарифы на импорт. Такая свобода позволяла выгодно завозить потребительские товары: в 1924 г., например, текстиль и продукты питания составляли около 70% турецкого импорта, в 1928 г. – около 52%⁵⁹.

Средством смягчения неблагоприятного воздействия тарифа кемалисты избрали государственную монополию на продажу или производство табака, соли, спичек, сахара, нефтепродуктов, алкоголя, взрывчатых веществ. Государство, предоставляя на эти товары концессии или действуя в этой сфере само, обеспечивало от монополий пятую часть бюджетных поступлений⁶⁰. В 1929 г. был установлен полный контроль над внешнеторговым регулиро-

ванием, принят таможенный тариф, предусматривавший увеличение пошлин примерно на 50%.

О действиях частного капитала (местного и иностранного) в сложившейся в конце 1920-х – начале 1930-х годов ситуации свидетельствуют данные, опубликованные в книге А.Г. Окчуна. Они говорят о том, что к концу 1920-х годов в стране возникла обстановка чуть ли не бума. За 1920–1930-е годы была создана (или реорганизована) 201 акционерная компания с суммарным капиталом 112,8 млн. лир, в том числе 66 компаний с иностранным капиталом (42,9 млн. лир)⁶¹. Деятельность акционерного капитала происходила на фоне значительного роста мелкой кустарной промышленности⁶².

Другая отрасль обрабатывающей промышленности, где национальный частный капитал получил возможность развиваться в 1920–1930-е годы, – текстильная, прежде всего хлопчатобумажная. Эта промышленность не тяготела к Стамбулу, была привязана к районам производства хлопка и его вывоза, размещалась в достаточно развитых районах (Аданском и Эгейском), вдали от влиятельных стамбульских импортёров, от их магазинов и складов, заполненных привозной дешёвой мануфактурой⁶³.

Развитие хлопчатобумажного производства требовало расширения хлопкоочистительной базы, а это, в свою очередь, создавало условия для налаживания промышленности переработки хлопкового семени в хлопковое масло, жмыхи, мыло и т. д.⁶⁴ Факты создания частных фабрично-заводских предприятий в текстильной промышленности на средства торговцев имели место и в других районах страны⁶⁵. Опережающий рост хлопчатобумажных фабрик по сравнению с шерстоткацкими объясним: сырьё для первых обеспечивалось в стране, причем сорта хлопка совершенствовались постоянно; сырьём для вторых является лишь частично местная шерсть (грубые, коротковолокнистые сорта), мериносовую шерсть Турция была вынуждена импортировать. Попытки выведения местных мериносовых пород долго не давали благоприятных результатов⁶⁶.

В итоге параллельно форсированному строительству крупных государственных текстильных предприятий частный сектор даже в годы наиболее эффективных государственных мероприятий сохранял важные позиции в фабрично-заводском текстильном производстве. Так, его доля в производстве хлопчатобумажной пря-

жи составляла в 1942 г. 64%, в 1947 г. — 53,8, шерстяной пряжи — соответственно 54 и 41,5%⁶⁷. Можно добавить, что в 1930-х годах турецкие промышленники получили новый стимул для расширения промышленной деятельности в стране — был введён строжайший валютный контроль.

Первые успехи частного предпринимательства в развитии текстильной и пищевой промышленности можно объяснить тем, что обстановкой защитных и поощрительных мер в наибольшей мере могли воспользоваться владельцы накоплений именно в этих отраслях. Специфика их состояла в том, что они были тесно связаны с производством соответствующих видов сырья (хлопок, шерсть, зерно), с торговлей ими (включая экспорт) и имели постоянный и достаточно стабильный источник самофинансирования. Другие отрасли промышленности больше нуждались в кредитах. Итоги их развития показывают, что эта потребность в кредитах не была удовлетворена. Как свидетельствует Дж. Ферман, несмотря на оформившуюся в 1920–1930-е годы в стране банковскую систему, она не обеспечивала потребности частной промышленности в средне- и долгосрочных, то есть подлинно промышленных, кредитах⁶⁸. Не был исключением и Деловой банк. Его кредитная политика была направлена на всемерное развитие торгового кредита, включая внешнеторговые операции. Прибыли от сберегательных вкладов и торговых ссуд составляли главный источник обогащения акционеров банка⁶⁹. Финансированием промышленной деятельности банк занимался неохотно, принадлежавшие ему акции промышленных компаний, в основном смешанных и частных (сахарные и текстильные фабрики, стекольный завод, горнорудные предприятия и т. д.), приносили незначительные дивиденды⁷⁰.

Для аграрной Турции утверждение заимствованного у Европы буржуазного права собственности, в том числе на землю, стало подлинной революцией в праве, если вспомнить, как на протяжении всего XIX в. и в начале XX шла борьба по этому направлению. Как отмечал А.Д. Новичев, Гражданский кодекс 1926 г. представлял собой крупную буржуазную реформу в земельном праве. Выиграли от реформы прежде всего помещики: они стали собственниками своих формально арендуемых земель. Положение крестьян изменилось мало. Выиграли лишь те крестьяне, которые арендовали землю непосредственно у государства⁷¹.

После курдского восстания шейха Саида были приняты законы об отмене натурального налога ашар и ликвидации иностранной табачной компании «Режи» (1925 г.). Феодалный ашар, весьма значимый для бюджета налог (в 1924 г. по Данцигу – 12,5%, по Кейдеру – около 22% бюджета), был, по выражению Б.М. Данцига, «язвой на теле Турции»⁷².

В данном ряду заслуживают упоминания и законодательные акты, создавшие правовую основу для появления в деревне таких важных атрибутов современного хозяйствования, как организованный кредит, кредитная и снабженческо-сбытовая кооперация, первые шаги по применению современных машин, удобрений и т.д.

Однако правительство до 1945 г. так и не приступило к аграрной реформе, к переделу земли в пользу крестьян. Был принят лишь ряд законодательных актов о продаже в рассрочку и распределении казённых и покинутых земель, но все эти угодья передавались, как правило, лишь туркам-мухаджирам (иммигрантам, прибывшим в 1920-х годах из балканских стран) и лицам, переселённым по политическим мотивам из одних районов страны в другие. Безземельные и малоземельные крестьяне в рассматриваемый период мало выиграли от осуществленной в 1925–1935 гг. властями передачи казённых и вакуфных земель в руки частных владельцев, эти земли смогла прибрать к рукам зажиточная верхушка крестьянства. Правда, законодательные акты предусматривали продажу казённых угодий в первую очередь безземельным крестьянам и лишь потом крестьянам, располагавшим участками менее 4,5 га. Однако наиболее ценные земли – виноградники, оливковые плантации и орешники – подлежали продаже с торгов и доставались лицам, предложившим наибольшую сумму⁷³.

Аграрные мероприятия кемалистов наряду с ростом частной земельной собственности предусматривали и формирование хозяйств крестьянской предпринимательской прослойки и тем самым расширение социальной базы режима в деревне. Указанные хозяйства были призваны не только заниматься самообеспечением, но и производить продукцию на рынок. С июня 1934 г. мероприятия в области землевладения стали базироваться на законе о поселении от 14 июня 1934 г., который, по существу, унифицировал все ранее принятые по данному вопросу решения. Закон предписал министерству внутренних дел выработать единую программу освоения и заселения районов страны. При этом вся тер-

ритория Турции делилась на три зоны: а) области с населением, «принадлежащим к турецкой культуре»; б) области, куда следует перемещать население, «приобщающееся к турецкой культуре», то есть ассимилируемые нетурецкие группы населения; в) области, в которых по социально-экономическим, военно-стратегическим и иным причинам поселение временно запрещено.

По имеющимся обобщённым подсчётам, с 1923 по 1945 гг. власти передали за выкуп или безвозмездно в собственность земледельцев около 1,1–1,2 млн. га пригодных для обработки земель, что эквивалентно 10% обрабатывавшихся в то время сельскохозяйственных площадей. Всего земельными собственниками стали около 270 тыс. семей. Перечисленные мероприятия правительства не могли существенно улучшить положение крестьянства, но в результате их реализации увеличилась прослойка мелких земельных собственников, существенно укрепился сектор мелко-товарного производства. В феврале 1937 г. меджлис принял к ст. 74 конституции страны о праве частной собственности следующее дополнение: «Отчуждение земель и лесов, осуществляемое с целью наделения крестьян землей, и огосударствление лесов, а также определение стоимости отчуждаемых угодий и условия оплаты этой стоимости регулируются особыми законами». Подобная поправка создавала правовую основу для возможности прямого вторжения государства в отношения земельной собственности, но вспыхнувшая вскоре Вторая мировая война послужила поводом для снятия земельного вопроса с повестки дня вообще, выработка закона об аграрной реформе растянулась на целых два десятилетия. Хотя меджлис и начал выработку законопроектов о земельной реформе, вопрос о земле оставался в 1930-е годы нерешённым⁷⁴.

К этому можно добавить, что уже в 1925 г. была предпринята первая попытка создать под Анкарой сельскохозяйственное производство на государственных началах – Ататюрк Орман Чифтлиги. Это хозяйство, специализировавшееся на производстве продукции животноводства, пива, вина для снабжения населения Анкары, заняло площадь в 90 тыс. декаров (1 декар = 0,1 га). Имение было основано самим Кемалем на пустом болотистом участке, приобретённом у частного владельца. Позже в нескольких регионах страны было создано более 20 государственных имений.

Можно добавить, что поддержка предпринимательского начала в 1920-е годы и позже, развития рыночных отношений сопро-вождалась и усилиями государства по развитию транспорта и связи. Основное внимание обращалось тогда на железнодорож-ное строительство. Что касается автомобильных дорог, то даже в 1939 г. в Турции имелось всего около 4 тыс. км дорог с твёрдым покрытием, из них асфальтированных – всего 279 км. Такое поло-жение не способствовало развитию автомобильных перевозок – грузовых и пассажирских, особенно в отдаленных районах. Дорого стоил и бензин, который к тому же было трудно найти.

В 1924 г. в Турции стали осуществляться воздушные пасса-жирские перевозки. Осуществляла их итальянская компания «Аэ-ро эспрессо итальяно». Начав с почтовых рейсов между Анкарой, Стамбулом и Измиром, компания переключилась затем на экс-плуатацию линии Стамбул–Афины–Бриндизи (Италия). В том же году начались пассажирские перевозки по линии Анкара–Стам-бул на самолётах компании «Юнкерс» (Германия) и франко-ру-мынской компании. В 1933 г. эксплуатация линии Анкара–Стам-бул была передана американской компании «Кертис-Райт», в рас-поряжении которой имелось два пятиместных самолета. Деятель-ность авиационных иностранных компаний продолжалась до 1936 г., когда эксплуатация воздушных линий перешла в руки государства.

В сентябре 1926 г. впервые в Турции, в Анкаре, вступила в строй автоматическая телефонная станция, она в 1933 г. насчиты-вала 1697 абонентов. Радиовещание было представлено в столице сначала маломощным передатчиком (5 квт), установленным в 1928 г. Он эксплуатировался фирмой «Тюрк тельсиз телефон ТАШ», причём часть акций фирмы принадлежала Деловому бан-ку. В 1936 г. радиовещание перешло в руки государства.

Перенос столицы страны в Анкару повлёк за собою развитие строительной отрасли – город создавался заново. В центре старо-го города, на площади Улус и прилегающих к ней улицах, вырос-ли здания Сельскохозяйственного банка, Делового банка, Совета министров, новое здание ВНСТ, а напротив был построен самый фешенебельный по тем временам отель «Анкара-палас». Ниже площади Улус, на склоне, где начинается бульвар Ататюрка, так-же шло большое строительство: воздвигались здания Вакуфного банка, министерства таможен и монополий, а несколько дальше,

на холме – Народного дома и Этнографического музея. Город застраивался сначала стихийно, а затем в соответствии с планом, разработанным берлинским архитектором Германом Янсенем.

Началось и строительство по многим городам страны промышленных зданий, особенно широкий размах оно приняло в 1930-е годы, когда начали возводиться промышленные предприятия государственной принадлежности. Немало турецких предпринимателей, те же Коч, Сабанджы и многие другие, накопили свои первоначальные капиталы также и за счёт подрядной отстройки Анкары, железных дорог и других объектов. Турецкий экономист Ф. Акдаг писал, что рождение частного сектора в Турции в 1920–1930-е годы происходило не благодаря поощрению промышленности и созданию Делового банка, а в связи с проводимым в те годы государством железнодорожным строительством. Вначале турецкие специалисты-строители работали в качестве служащих иностранных строительных фирм, а затем сами становились подрядчиками ⁷⁵.

Турция и внешний мир после Лозанны

Стремление новой Турции жить со всеми в мире и дружбе высказывалось неоднократно её руководителями, об этом говорил тогда и сам Мустафа Кемаль (Ататюрк). После нескольких лет разрухи, вызванной войной и иностранной интервенцией, турецкие правящие круги нуждались в такой внешней политике, которая могла бы обеспечить стране мирное, независимое существование.

Первой, задолго до Лозанны, в 1920 г., признала и всемерно поддержала новую Турцию Советская Россия. Дружеские отношения между двумя государствами были продолжены и в мирное время, закреплены рядом торгово-экономических и дипломатических документов. В развитие этих отношений 17 декабря 1925 г. в Париже был заключен советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете. Для Турции этот документ получил особую значимость в период обострения её внутривосточной обстановки и одновременно конфликта с Англией по Мосулу.

Договор 1925 г. предусматривал, что «в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к пер-

вой» (ст. 1). Каждая из сторон также обязалась воздерживаться от всякого нападения на другую сторону и не принимать участия ни в каком союзе, политическом соглашении или ином акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой стороны (ст. 2), причём разъяснялось, что под соглашениями «политического характера» понимаются также все финансовые или экономические соглашения между державами, направленные против другой договаривающейся стороны (протокол II). Здесь уместно добавить, что попытка советской стороны при подготовке договора включить в него положение, фактически облегчающее прохождение через Проливы советских военных судов, окончилась неудачей: «турецкое правительство хотело не обострять, а укреплять отношения с другими государствами... после заключения договора с СССР турецкие дипломаты начали активно проводить в жизнь тезис «Турция желает быть мостом между Западом и Востоком»⁷⁶.

Спустя почти год в середине ноября 1926 г. подписавшие вышеуказанный договор Г. Чичерин и Тевфик Рюшту сочли необходимым вновь встретиться, на этот раз в Одессе. Объясняя причины новой встречи с турками советским журналистам, Г.В. Чичерин отметил, что потребовалась более «исчерпывающая» беседа, чтобы еще больше подвинуть вперед «дело нашего сближения»⁷⁷. Позднее Парижский договор неоднократно дополнялся анкарскими протоколами 1929, 1931 и 1935 гг., и соответственно, пролонгировался в общей сложности до 1945 г.⁷⁸

Наряду с дипломатическим в 1930-е годы серьёзной составляющей советско-турецких отношений стало активное экономическое сотрудничество.

В последующие годы Турция установила дипломатические отношения со многими странами – Германией, Австрией, Болгарией, Венгрией, Польшей, Югославией и др. Договоры были построены на принципах взаимного уважения суверенитета, предусматривали развитие торговых связей.

22 апреля 1926 г. Турция подписала в Тегеране Договор о нейтралитете со своим давним соперником на Среднем Востоке мусульманским Ираном, что способствовало нормализации ирано-турецких отношений, носивших до этого напряжённый характер вследствие частых пограничных конфликтов, связанных прежде

всего с волнениями и восстаниями курдов, как иранских, так и турецких.

Согласно договору стороны отказались от всяких актов агрессии друг против друга, обязались не вступать ни в какие политические, экономические или финансовые соглашения, направленные против другой договаривающейся стороны, а в случае военного нападения на другую сторону сохранять нейтралитет, включая вооружённый, если будет иметь место попытка использовать территорию одной договаривающейся стороны для враждебных действий против другой договаривающейся стороны. Договор предусматривал также обязательство обоих государств не допускать на своей территории организации или групп, преследующих цели, враждебные другой стороне, и принимать меры против преступной деятельности пограничных племён.

Несмотря на этот договор, ирано-турецкие отношения и в дальнейшем неоднократно обострялись из-за пограничных конфликтов. В 1927 г. в связи с новой вспышкой волнений среди курдов турецкое правительство даже послало иранскому правительству ноту ультимативного характера, которую последнее отказалось принять. Окончательное урегулирование спорных пограничных вопросов между Ираном и Турцией произошло в 1932 г. Тогда же указанный договор был возобновлён на новый срок. Большое значение придало турецкое руководство официальному визиту в Турцию иранского шаха Реза Пехлеви в июне 1934 г. Маршрут визита пролегал от турецко-иранской границы через Карс, Эрзурум до Трабзона, откуда шах на броненосце Явуз прибыл в Самсун и затем поездом – в Анкару. Здесь на вокзале он в торжественной обстановке был встречен Ататюрком и членами правительства. Все эти встречи и соглашения облегчили впоследствии заключение Саадабадского пакта.

Что же касается отношений Турции с державами-победительницами, они носили иной характер. Даже подписав в конце концов мирный договор в Лозанне, эти державы, представленные прежде всего Англией и Францией и поддержанные США, не намерены были сразу отказаться от многих своих привилегий в Турции, полученных ими ранее от султанской власти. Как писал турецкий историк А.Ш. Эсмер, учредить новую основу после лозаннских межгосударственных отношений на принципах равенства для Турции «было нелёгким делом», руководители этих госу-

дарств «привыкли к периоду капитуляций, и требовалось определённое время, чтобы они приспособились к новому положению»⁷⁹.

Английская, а вместе с ней и французская дипломатия пытались использовать в своих интересах внутренние трудности Турции, не решённые Лозанной вопросы, в частности экономические, чтобы помешать кемалистам стабилизировать положение в стране, ослабить их позиции в регионе и таким образом укрепить ещё более своё влияние на Ближнем и Среднем Востоке, заметно усилившееся после Первой мировой войны. Урегулирование вопросов «лозаннского наследства» затянулось на многие годы, проходило в острой форме, при сильнейшем политическом и финансовом давлении западных держав, и, надо признать, сопровождалось подчас значительными уступками со стороны Турции.

Со своей стороны, новая власть Турции не теряла надежд решить в свою пользу в будущем некоторые отложенные темы. Как утверждал в 2003 г. в газете «Сабах» Эрдал Шафак в связи с 80-летием Лозаннского договора, Мустафа Кемаль после победы 30 августа (1922 г., Думлупынар) заявил газете «Фигаро»: «Мы требуем себе все территории, которые остались вне и которые чисто турецкие». На просьбу уточнить – о каких турецких землях идёт речь, он ответил: «Фракия до Стамбула и Марицы, Анатолия, район Мосула и половина Ирака». В сентябре 1932 г. в беседе с американским генералом МакАртуром в Анкаре он подтвердил свою решительность: «Даст Бог, буду живым, Мосул, Киркук и Острова возьму обратно»⁸⁰.

Среди основных проблем, которые ждали своего решения и после Лозанны, были: урегулирование внешней задолженности Турции перед упомянутыми державами; мосульский вопрос, возникший в результате захвата Англией нефтеносных районов Мосула и Киркука на территории прежней Месопотамии, бывшей частью побежденной Османской империи; восстановление дипломатических отношений с США, разорванных после начала Первой мировой войны; возвращение Турции санджака Хатай (Александретта), удерживаемого Францией как её подмандатной территории в составе Сирии, а также такие, как обмен населением с Грецией, принятие нового таможенного тарифа вместо прежнего, весьма невыгодного для турок, по сути, полукOLONиального; условия деятельности в стране иностранных концессий, школ, торговых палат и другие.

Спор о территориальной принадлежности Мосула был одним из главных после лозаннских переговоров. Англичане захватили район Мосула в ходе Первой мировой войны в 1918 г. и, учитывая его стратегическую важность и нефтяные богатства, включили при содействии только что созданной Лиги Наций в состав Ирака, ставшим в августе 1920 г. по решению этой международной организации подмандатной территорией, опекаемой Англией. Турецкие власти не признали этот захват, утверждая, что вилайет населён в значительной степени турками и входит в национальные пределы новой Турции.

В Лозанне спор не был решен, 2-й пункт ст. 3 Лозаннского договора устанавливал девятимесячный срок достижения по проблеме Мосула взаимной договоренности между Англией и Турцией, а если это не произойдёт – передать решение вопроса в Лигу Наций. Уже в мае 1924 г. прошли переговоры по этому вопросу в Стамбуле между турками и англичанами, стороны остались на своих позициях и вопрос перешел в ведение Лиги Наций ⁸¹.

Ввиду отказа Турции признать обязательным арбитраж Лиги Наций, оказавшийся неблагоприятным для Турции, эта организация запросила Гаагский трибунал, устанавливает ли Лозаннский договор обязательную силу для обеих сторон за решением Совета Лиги Наций по мосульскому вопросу. Постановление Гаагского трибунала признало это решение обязательным и в конце концов 16 декабря 1925 г. Совет Лиги Наций вынес окончательное решение о границе – в основном она пролегла по так называемой *Брюссельской линии*. Англии предлагалось согласиться с продлением мандата на Ирак на 25 лет и заключить с Турцией соглашение по Мосулу. Кстати, перспектива закрепить Мосул за Ираком склонила «даже наиболее крайних оппозиционеров из иракских националистов поддержать продление английского мандата», о чём и был подписан (13 января 1926 г.) соответствующий англо-иракский договор. Не рискуя ввязываться в новый вооружённый конфликт, кемалисты признали свой отказ от Мосула. 5 июня 1926 г. все споры завершились подписанием англо-ирако-турецкого договора о Мосуле. Договор признавал Брюссельскую линию с небольшими исправлениями, оставляя Мосул в пределах Ирака. Турции предоставлялось право либо получать в течение 20 лет 10% с доходов иракского правительства от мосульской нефти, либо капитализировать эту свою долю доходов в сумме

500 тыс. ф. ст. Подписание договора способствовало дальнейшей нормализации отношений Турции прежде всего с Англией, а также и с Францией ⁸².

В период Лозанны и после него кемалисты немало надежд при урегулировании «лозаннского наследства» возлагали на поддержку США. С ними турки порвали отношения в ходе Первой мировой войны, став, как известно, союзниками Германии. Несмотря на постоянную солидарность американской дипломатии с западными державами в турецких делах, в частности на лозаннских переговорах, многие политики и интеллектуалы в окружении Кемалю, например Халиде Эдип, питали определенные политические и экономические надежды в отношении США ⁸³.

Как признают и турецкие авторы, правительство Турции питало большие надежды на США из-за потребности в иностранном капитале, необходимом для экономического развития, по их мнению, американский капитал был «наиболее безопасным и заслуживающим доверия» ⁸⁴. Особенно очевидно это проявилось в попытках кемалистов реанимировать проект Честера, предусматривавший строительство новых железнодорожных линий на территории Анатолии и эксплуатацию природных ресурсов в полосе вдоль этих линий. Однако к концу 1923 г. окончательно выяснилось, что дело с нашумевшей концессией Честера провалилось, что американские дельцы не торопились тогда вкладывать большие капиталы в Турцию. Их главные интересы сосредоточились на участии в добыче совместно с англичанами мосульской нефти, которая, судя по всему, к Турции отношения уже не имела ⁸⁵.

6 августа 1923 г. в Уши под Лозанной был подписан турецко-американский договор, предусматривавший восстановление дипломатических отношений и повторивший в основных положениях Лозаннский мирный договор. Однако положения турецко-американского договора в сенате США, в обществе были восприняты с неудовольствием. Особое раздражение вызывало в договоре признание отмены капитуляционного режима. В печати, в письмах в сенат приводились небылицы и измышления о новой Турции, о том, что турецкое правительство «превратило 3000 церквей в конюшни, казармы и публичные дома», что оно «держит в отвратительном рабстве в турецких гаремах свыше 100 000 христианских женщин и детей» ⁸⁶.

Договор поступил в сенат в мае 1924 г. и надолго там застрял, а в 1927 г. под давлением демократов был окончательно отвергнут. Дипломатические отношения были восстановлены в 1927 г. путем простого обмена письмами между верховным комиссаром США в Турции адмиралом Бристолем и министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюшту⁸⁷.

Большое значение для нормализации отношений Турции с соседней Грецией, для хозяйственного положения Турции в целом, особенно для Стамбульского и Измирского вилайетов, имело урегулирование вопроса об обмене населением с ней. Такой двухсторонний обмен был завершён (в основном) к концу 1924 г. К этому времени из Турции было выселено около 200 тыс. греков, а из Греции – свыше 300 тыс. турок. Кроме того, свыше 1 млн. греков покинули Турцию как беженцы в дни контрнаступления турецкой армии в 1922 г.⁸⁸

Государства, спровоцировавшие Грецию на интервенцию против Турции, не оказывали сколько-нибудь действенной помощи беженцам ни в Греции, ни в Турции. Бегство и переселение сотен тысяч людей усиливало дезорганизацию хозяйственной жизни, отвлекало большие средства на размещение и материальное обеспечение беженцев⁸⁹.

Ещё несколько лет продолжались споры между Турцией и Грецией по поводу компенсации за имущество, оставленное беженцами. Лишь Договор о дружбе и торговле между Грецией и Турцией, подписанный в октябре 1930 г., снял в значительной мере взаимные претензии по вопросам компенсации за имущество. Однако взаимная неприязнь, недоверие иногда до сих пор омрачают отношения между двумя странами.

На нормализацию после Лозанны был ориентирован и подписанный в 1928 г. договор Турции с Италией о нейтралитете. Итальянские войска также участвовали в оккупации Турции в период национально-освободительного движения. Договор был подписан в Риме 30 мая. Турция охотно пошла на нормализацию отношений с Италией, надеясь этим устранить угрозу итальянской агрессии в отношении Малой Азии, но разногласия между Турцией и Грецией помешали заключению намеченного Муссолини тройственного итало-греко-турецкого пакта. Визит турецкого премьера Исмета Инёню в Рим (май 1932 г.) не дал результатов. Не оправдались и расчёты Италии на экономические преимуще-

щества в Турции на основе договора 1928 г. С марта 1934 г. после воинственной речи Муссолини об «исторических задачах Италии в Азии и в Африке» турецко-итальянские отношения снова вступили в фазу обострения⁹⁰.

По Лозаннскому договору Турция признавала права союзников на «имущество, права и интересы, которые существуют и могут быть опознаны на территориях, оставшихся турецкими ко дню вступления в силу настоящего договора» (ст. 65)⁹¹. В одном из обменных писем, приложенных к договору, глава турецкой делегации Исмет-паша подтверждал, что «концессионные контракты и последующие соглашения, заключённые до 29.X.1914 г. с Оттоманским правительством относительно железных дорог Анатолийская, Багдадская, Мерсин-Аданская, Восточные и порта Хайдар-паша, сохраняются в силе», они будут «приведены в соответствие с новыми экономическими условиями»⁹². В планы кемалистских властей не входили ни ликвидация иностранного капитала, ни отказ от иностранной помощи, вместе с тем ими подчёркивалось, что иностранные компании должны подчиняться «её законам и языку». Мустафа Кемаль подтверждал: «Мы всегда готовы дать необходимые гарантии иностранному капиталу при условии признания наших законов»⁹³.

Этот иностранный капитал можно считать наследием прошлого, и в целом политика правительства Турции была направлена на то, чтобы в сроки, определяемые положениями договора и финансовыми возможностями, этот капитал по возможности национализировать. Так, в 1924 г. была ликвидирована крупнейшая табачная монополия «Режи», принадлежавшая французскому капиталу, в том же году было отклонено соглашение о передаче англичанам концессии на Анатолийскую железную дорогу, власти начали планомерный выкуп железных дорог и муниципальных предприятий. Плата за них осуществлялась в различной форме — в иностранной валюте и путём поставок турецких товаров⁹⁴.

Не все иностранные компании (промышленные, торговые, страховые и др.) национализировались таким образом, часть их реорганизовывалась в турецкие акционерные общества со смешанным капиталом и существовала ещё долгое время. Некоторые из них, например банки, страховые компании, существуют и поныне. Ограничения коснулись также Оттоманского банка, кото-

рый, как известно, принадлежал французскому и английскому капиталу, но выполнял в Турции функции государственного банка⁹⁵.

Данные свидетельствуют, что с 1924 г., то есть после подписания Лозаннского мирного договора, наблюдалась значительная активизация в реорганизации и создании частных фирм с иностранным капиталом. Наибольшая активность приходилась на 1928–1929 гг., до начала мирового экономического кризиса и спустя несколько лет после того, как стали ясными принципы политики кемалистов в отношении иностранного капитала. Оценивая эти явления, бюллетень Торгового представительства СССР в Турции в 1926 г. писал, что иностранный капитал стал проявлять стремление приспособиться к новым политическим и экономическим условиям страны⁹⁶.

Последовательно власти ужесточали меры по контролю над иностранными торговыми палатами, действовавшими в основном в Стамбуле и Измире. Членами этих палат были не только ответственные лица иностранных компаний, но и их посредники и агенты, главным образом представители национальных меньшинств – греки, евреи, армяне, зачастую имевшие подданство тех стран, с фирмами которых они сотрудничали. Осенью 1926 г. турецкое правительство предприняло шаги для ограничения деятельности иностранных торговых палат, а затем и вовсе их закрыло.

Заинтересованные не только в финансовых средствах и иностранных капиталах для развития экономики, но и в подготовке национальных кадров, турецкие власти осторожно подошли к решению вопроса о судьбе иностранных учебных заведений в Турции. Разумеется, в этих школах (французских, американских, итальянских и др.) учащимся приходилось знакомиться с идеями не только о прогрессивности западной культуры, но и о её превосходстве над другими культурами; в ряде школ религия – католическая, протестантская – была обязательным предметом. Министерство просвещения уже в начале 1924 г. издало несколько распоряжений об изъятии в иностранных школах преподавания религии и принятии официальной программы обучения. Уклонение от этих требований привело к тому, что десятки иностранных школ были закрыты. В итоге длительных и сложных переговоров иностранные школы приняли условия властей и возобновили работу⁹⁷.

Одним из немаловажных пунктов «лозаннского наследства» являлось таможенное регулирование⁹⁸. Стремясь смягчить неблагоприятное воздействие таможенного тарифа, кемалисты ввели государственную монополию на некоторые товары – табак, спички, сахар, нефтепродукты и др. В 1929 г. был установлен полный контроль над внешнеторговым регулированием и власти приняли новый таможенный тариф, предусматривавший увеличение пошлин примерно на 50%.

Внешняя задолженность Османской империи зародилась в 1854 г., в связи с участием империи в Крымской войне против России. С тех пор до 1914 г. Османской империи свыше 40 раз предоставлялись займы и ссуды от банков различных европейских государств. Лозаннский договор устанавливал, что долг необходимо распределить между всеми государствами, территории которых входили в состав бывшей империи, и что таким образом на Турцию приходится лишь часть долга. Однако в договоре не была установлена эта часть, так же как не была названа валюта платежей. Всё это и решалось на переговорах, последовавших за ратификацией и вступлением в силу мирного договора.

Ввиду возникших сразу же разногласий фактически по всем кардинальным вопросам выплат решение вопроса было передано Лигой Наций арбитражному суду, который решил, что на долю Турции пришлось 62,23% выплат по займам, предоставленным до 17 октября 1912 г., и 76,53% по займам, предоставленным после этой даты. В денежном исчислении это равнялось 84,6 млн. лир⁹⁹.

После 1925 г. проблема Оттоманского долга свелась к согласованию, во-первых, определения размеров самого оставшегося долга; во-вторых, вида валюты, в которой подлежали последующие выплаты ежегодных взносов; в-третьих, к установлению размеров этих ежегодных платежей. При этом турецкие власти всегда пользовались случаем, чтобы подтвердить свою неизменную готовность выплатить внешний долг. Вместе с тем Турция настаивала, чтобы названные 84,6 млн. исчислялись в бумажных, а не в золотых лирах. Западные же кредиторы, и главный из них — Франция, считали, что все оплаты подлежат в валюте с золотой основой¹⁰⁰.

В ходе последующих переговоров кредиторы пошли на уступки и в 1928 г. было, наконец, подписано соглашение об урегулирова-

нии условий оплаты. Общая сумма долга с учетом сумм, не выплаченных в 1924—1928 гг., составляла 104,7 млн. золотых лир¹⁰¹.

Однако этому соглашению не суждено было стать окончательным, оно действовало немногим более года. Выполнив два ежегодных платежа в различной валюте и вновь подтвердив готовность расплатиться, Турция заявила о приостановке платежей ввиду валютных и финансовых трудностей, вызванных мировым кризисом, и предложила Совету Оттоманского долга начать новые переговоры о сокращении как долга в целом, так и ежегодных платежей.

Лишь в апреле 1933 г. оказалось возможным решить этот один из важных вопросов Лозаннской мирной конференции. Время и настойчивость турок сделали своё дело, постоянно заявляя о готовности к уплате, идя на переговоры, они за 10 лет фактически так и не приступили к выплате долга, за исключением частичных платежей 1929/30 и 1930/31 гг. Соглашение 1933 г. можно считать успехом турецкой финансовой дипломатии¹⁰².

КЕМАЛИСТСКАЯ ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ

Мировой экономический кризис и Турция

Этот кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов нарушил складывавшуюся в первые годы мирного времени тенденцию в формировании социально-экономической структуры республики. Она предусматривала постепенную эволюцию отсталой экономики на принципах экономической независимости, государственной поддержки национального частного капитала.

В годы кризиса подтвердилась слабость турецкой экономики, её зависимость от мирового хозяйства. Опасность социальной и политической дестабилизации вновь возросла, напоминала обстановку начала 1920-х годов. Ахмет Хамди (Башар), влиятельный в те годы защитник концепций национальной экономики, писал в июле 1931 г. в своей книге «Экономический этатизм»: «На значительной части территории нашей страны нельзя не увидеть картины страданий и мучений, повсюду невзгоды, кризис, безработица, недовольство... В деревнях, особенно тех, которые занимаются выращиванием пшеницы, царит предчувствие опасности и беды». В этих условиях, по словам автора, власти необходимо было обратиться к «новой системе», взять на себя «новые обязанности»¹.

Работа была написана по итогам поездки по стране в ноябре 1930 – марте 1931 гг., в которой автор сопровождал Мустафу Кемаля.

Действительно, в аграрной Турции кризис оказал негативное воздействие главным образом на сельское хозяйство. Так, посевные площади под важнейшей зерновой культурой – пшеницей сократились с 2,9 млн. га в 1928 г. до 2,4 млн. в 1929 г.; ячменя – соответственно с 1,5 млн. га до 1,3 млн. Посевная площадь под табаком, важнейшей тогда статьёй турецкого экспорта, с 1928 по 1929 гг. сократилась на 32,5%, а сбор его упал почти наполовину – с 69,6 тыс. т до 36,5 тыс. т. В 1932 г. было собрано табачного листа еще меньше – 18 тыс. т. Кризис сказался также и на хлоп-

ководстве: сбор хлопка в 1927 г. составил 69,3 тыс. т, а в 1929 г. — 45 тыс. т. Это было вызвано главным образом уменьшением спроса на внутреннем рынке, турецкая текстильная (напомним, в основном кустарная) промышленность испытывала трудности в сбыте своей продукции из-за увеличившегося импорта хлопчатобумажных тканей. В тяжёлом положении оказалось и животноводство — поголовье рогатого скота уменьшилось в 1927–1933 гг. с 26 млн. голов до 21,3 млн. Наблюдалось резкое падение цен на пшеницу, ячмень, хлопок, табак, фрукты, шерсть и др.

Неблагоприятная картина стала характерной и для промышленности, ремесленные и кустарные мастерские и немногие малоэффективные текстильные фабрики оказались не в состоянии конкурировать в условиях кризиса с фабричной продукцией (пищевой, текстильной и др.), ввозимой из Европы, часто по демпинговым ценам.

Необходимость чрезвычайных мер государственного вмешательства, первоначально не предусмотренных политикой умеренного этатизма, стала очевидной — власти решили «закрыть» турецкую экономику. В принятом в 1929 г. Законе о валютных биржах устанавливалось, что все валютные операции могли совершаться только через названные биржи и что «отдельные лица и учреждения не могут прямо или косвенно закупать и продавать валюту и движимость, если в этом нет необходимости — такую необходимость определяет министерство финансов». В том же 1929 г. был принят закон №1499 о таможенном тарифе, который давал правительству увеличить таможенные пошлины, вводить импортные ограничения. В феврале 1930 г. меджлис принял закон о защите турецкой валюты, уполномочивавший Совет министров регулировать и ограничивать покупки, продажи и экспорт деиз, монет, акций и облигаций.

Для поддержки курса турецкой лиры и торговли валютой в марте 1930 г. был учреждён временный консорциум, в который вошли все крупнейшие национальные и иностранные банки, действовавшие в Стамбуле, а также министерство финансов Турции. Спустя шесть месяцев после создания консорциуму было предоставлено право эмиссии. Дальнейшим шагом в упорядочении денежной системы и регулировании курса турецкой лиры стало учреждение в июне 1930 г. Центрального банка, начавшего свою деятельность в октябре следующего года. С началом дея-

тельности нового банка консорциум был ликвидирован, а право эмиссии перешло к Центральному банку ².

Все эти меры означали не просто резкое ограничение возможности вывоза прибыли в валюте из страны. Учреждался механизм строгого и детального государственного контроля над внешне-экономическими связями, ставший одним из краеугольных камней республиканского этатизма, создавались реальные возможности накопления валюты внутри страны и монополизации её государством.

Впервые применил термин «этатизм» премьер И. Инёню ³. Во время обсуждения в октябре 1930 г. представленной И. Инёню правительственной программы заместитель министра экономики М. Шериф говорил о том, что понятие национальной экономики означает не замену частного предпринимательства государственным, а их сотрудничество, о том, что вмешательство имеет задачей поощрять, укреплять частную инициативу. В то же время он подчёркивал, что «в экономике существуют определенные доминирующие позиции... Никогда правительство не позволит частной инициативе свободно и бесконтрольно занимать эти позиции... Государство всегда и полностью будет владеть ими, благодаря этому сможет обеспечиваться поддержка и частной деятельности... Если важнейшие позиции в экономике отдать в анархическое распоряжение либерализма, то за один год будут растратчены результаты десятилетних усилий».

О начале этатистских мероприятий в экономике заявлял и Ататюрк. В январе 1931 г. он говорил: «Программа нашей партии по своему направлению – полностью демократическая народная программа; вместе с тем с экономической точки зрения она – этатистская». Он также подчёркивал, что этатизм не противостоит частной инициативе: «В развитии страны большое значение имеет деятельность крупных торговцев, владельцев фабрик, крупных землевладельцев, владельцев чифтликеров. Нормально работающие и использующие технику владельцы капитала пользуются льготами и поддержкой» ⁴.

На конгрессе правящей Народно-республиканской партии в мае 1931 г. была принята обновленная программа этой партии, причём в её основе лежала концепция этатизма. Локомотивом экономики был назван промышленный сектор, а его основным инвестором – государство ⁵.

С 1933 г. преобладающее, подчас даже монопольное участие государства в создании новой экономики, в промышленном и инфраструктурном строительстве за счёт бюджетных ассигнований приобрело плановый, комплексный характер, оно сопровождалось активной идеологической, пропагандистской поддержкой партийных структур НРП, народных домов и т. п.⁶

Переход к этатистским мерам в экономике сопровождался с самого начала полемикой в печати, в публицистической и научной литературе. Справа этатизм оспаривался идеологами Либерально-демократической партии (ЛДП), созданной в августе 1930 г. с согласия Мустафы Кемалю его сподвижником в недавней борьбе Фетхи (Окъяром). Однако защита этой партией идей либерализма выглядела несвоевременной в условиях мирового кризиса⁷ и краха либеральных мировых концепций, партия в ноябре того же года объявила о самороспуске.

Примером вынужденного признания срочных государственных мер в ущерб частной инициативе была статья тогда молодого, впоследствии влиятельного политика и экономиста Мухлиса Эте, выпускника Лейпцигского университета. Он писал в одном из сборников Стамбульского университета, что, переходя к этатизму, государству следует заранее определить публично сферы, в которые оно намерено войти, что «конкуренция государства и частной инициативы в одной и той же сфере вредна для обеих сторон», необходимо также «добиваться максимальных результатов, придерживаясь принципов экономии», «столь же рационально следует работать и управленцам». Приступать к строительству новых предприятий следует, лишь добившись рациональной работы уже существующих. Система банкротства, применяемая к частым предприятиям, «оздоравливает кровь и поэтому полезна стране», убытки же государственного сектора «ложатся на плечи каждого гражданина»⁸.

Об основных направлениях пятилетнего плана 9 января 1934 г. сделал заявление для журналистов министр экономики Джеляльбей (Дж. Баяр, будущий президент Турции): «Создать возможности производства товаров, необходимых и в мирное и в военное время – наша экономическая необходимость... Прежде всего речь идёт о производстве текстильных товаров, для чего в стране имеется сырьё в достаточном количестве. Имеется в виду план строительства фабрики в Кайсери, он готов и в ближайшее время

строительство начнётся и закончится в 1935 г. Вторая фабрика будет построена в Назилли, завершение строительства – 1936 г.».

Комментируя тогда эту информацию, газета «Акшам» подчёркивала, что выполнение пятилетки возложено на государство. Причины – частный сектор реализует план медленно, кроме того, он преследует свои собственные интересы прибыльности, а не «высшие экономические интересы нации», наконец, частное предпринимательство обладает ограниченными возможностями, гоняется за лёгкими и авантюрными делами. Другая газета «Ени Асыр» писала 12 января 1934 г., что «западные капиталисты лишены теперь возможности эксплуатировать народы так, как это было раньше. Огромная Россия закрыла свои двери перед промышленностью Запада, в Индии объявлен бойкот иностранным товарам, в умах всех народов утвердилось сознание национальной независимости и национальной экономики»⁹.

В 1935 г. принцип этатизма был вновь повторен в новой редакции программы НРП, а позже, в 1937 г., включен уже и в конституцию. Уместно отметить, что некоторые кемалисты идею этатизма стали провозглашать и как третий мировой путь для Турции – не капиталистический и не социалистический. Журнал «Кадро», в котором активную роль играл Ш.С. Айдемир, бывший коммунист, посвящал многие номера этой концепции¹⁰.

Различия в оценках целей этатизма были и в руководстве государства. Как можно судить по турецким исследованиям, такие руководители, как И. Инёню, Р. Пекер, больше абсолютизировали предназначение этатистских мер, нежели Ататюрк, что грозило превращению этатизма в неизменную бюрократическую догму. Глава же государства часто склонялся в спорах об этатизме на сторону министра экономики Дж. Баяра, считавшего этатизм вынужденной, временной мерой, выступавшего за поощрение частного предпринимательства, за развитие свободного рынка там, где это возможно¹¹.

В эти годы наиболее интенсивных этатистских мер были приняты законы о создании государственных экономических организаций (ГЭО) – Сумербанка (1933 г.), Мореходного банка (1933 г.), Этибанка (1935 г.), Народного банка (1938 г.), Управления сахарных заводов (1935 г.). 27 мая 1938 г. состоялось подписание в Лондоне соглашения о предоставлении Англией кредита Турции в размере 16 млн. фунтов стерлингов на строительство металлур-

гического комбината, а на следующий год было учреждено Управление металлургических предприятий Турции (1939 г.). Ещё раньше, в 1934 г., был принят закон о государственных торгах, последовали другие акты, регулирующие деятельность государственного сектора. Учреждение государственных предприятий, банков, обществ с их движимым и недвижимым имуществом непосредственным образом было связано не только с национализацией собственности иностранных компаний и банкротством некоторых частных национальных компаний, попытавшихся было обосноваться в железнодорожном строительстве, горнодобывающей, цементной, сахарной промышленности, но, что самое важное, в связи со строительством на бюджетные средства новых предприятий, с началом индустриализации.

Большое значение в развитии законодательства, касавшегося государственной собственности, имел закон № 3460 о ГЭО, принятый в 1938 г. Он регламентировал деятельность как уже созданных пяти крупнейших в то время ГЭО – Сумербанка, Этибанка, Сельскохозяйственного банка, Морского банка, Общества государственных предприятий сельского хозяйства, так и будущих ГЭО¹².

Государство активно вмешалось и в банковскую деятельность, установило над ней контроль через такие законодательные меры, как законы о защите вкладов (1933 г.), о ссудных операциях (1933 г.), о турецких банках (1936 г.). Важной мерой в 1930-е годы было учреждение национального Центрального банка Турции – до этого функции государственного банка выполнял иностранный Оттоманский банк. В 1930-е годы заметно расширились функции Сельскохозяйственного банка (СБ). Например, закон № 1470 (1929 г.) устанавливал, что создание сельскохозяйственных кредитных кооперативов будет осуществляться под эгидой и контролем СБ¹³.

В условиях мирового экономического кризиса кредитная деятельность Сельскохозяйственного банка приобрела особую значимость. Власти стремились стабилизировать прежде всего цены на пшеницу. Закон № 2056 (июль 1932 г.) предписывал властям через СБ в случае необходимости, для поддержания цен на пшеницу, закупать её по определяемым властями ценам, хранить её и затем поставлять потребителям. Инструкция министерства сельского хозяйства регламентировала цены, порядок закупок, места

закупок, условия перевозки, хранения, контроля за качеством, необходимые штаты работников и т. п.¹⁴

Система госзакупок постепенно распространилась на значительную долю собранного урожая зерна, сахарной свёклы, табака, чая, фундука, изюма, хлопка, шерсти, тифтика и другой продукции, она позволяла в определённой мере регулировать закупочные цены в деревне, подрывая монополию торговца и ростовщика, монополизировав экспортные поставки, значительно возросшие позже, в годы Второй мировой войны.

В июле 1931 г. турецкое правительство приняло новый закон о земельном налоге, который распространял налогообложение на все частновладельческие земли, включая пустоши, и освобождал от налогов образцовые и опытные поля, сады, орешники, фермы, принадлежавшие государству, муниципалитетам или организациям, ставившим целью улучшение методов земледелия. Налоговые льготы получали «владельцы образцовых хозяйств», то есть предпринимательские элементы.

Некоторую роль в развитии сельского хозяйства играли и государственные имения, начало которым положило создание по инициативе Кемаля лесного хозяйства в окрестностях Анкары. Они были расположены в различных климатических регионах страны, имели право льготного импорта элитных семян, садовых саженцев, породистого скота, сельхозоборудования, удобрений и т. п. с последующим снабжением всем этим частных хозяйств.

Подобные мероприятия правительства не могли существенно улучшить положение крестьянства, но в результате их реализации увеличилась прослойка мелких земельных собственников, существенно укрепился сектор мелкотоварного производства. Однако и в конце 1930-х годов основной для крестьянства вопрос о земле оставался нерешённым. Стремясь не допустить обострения политической ситуации в деревне, меджлис еще в 1935 г. начал разработку законопроектов о земельной реформе. В феврале 1937 г. меджлис принял к ст. 74 конституции страны о праве частной собственности поправку, учреждавшую правовую основу для возможности прямого вторжения государства в отношения земельной собственности, но начавшаяся вскоре Вторая мировая война послужила поводом для снятия земельного вопроса с повестки дня, выработка закона об аграрной реформе растянулась на многие годы.

Когда изменения в законодательстве вступали в противоречие с конституцией 1924 г., в неё вносились поправки. Например, прежняя редакция ст. 2 («Религия Турецкого государства – ислам, официальный язык – турецкий, столица – Анкара») в 1937 г. была расширена, в неё были включены «шесть стрел» программы НРП, в том числе принцип этатизма (девлетчилик).

В 1930-е годы получила также развитие муниципальная собственность. Закон 1930 г. о муниципалитетах предоставил им широкие полномочия по установлению прав владения над бесхозными, ничейными земельными участками (речь шла о брошенной греческими и армянскими беженцами недвижимости), бросовыми землями, вакуфными участками и т. п. Некоторые положения закона о муниципалитетах стали началом системного государственного регулирования цен. Устанавливалось, что среди других обязанностей муниципалитета является контроль над ценами. На практике речь шла о таких товарах местного производства, как мясо, хлеб, дрова, каменный уголь для отопления, овощи и фрукты.

Появление на рынке фабричной продукции национального производства (сахар, цемент, ткани и т. п.) сопровождалось установлением на них государством фиксированной цены. В 1936 г. был принят закон № 3003 о контроле и установлении властями производственных и продажных цен на промышленные изделия. Одной из причин принятия закона было намерение властей пресечь попытки некоторых промышленников завышать цены, например, на хлопчатобумажные ткани, используя новые защитительные тарифы. Об этом прямо говорил Дж. Баяр, представляя проект закона¹⁵.

Государственное регулирование розничных цен обеспечивалось через создание магазинов по торговле фабричной продукцией, прежде всего тканями и обувью. В 1928 г. имелось уже три государственных магазина, сбывавших указанные изделия – недорогие ситцы, бязь и т. п.¹⁶ Помимо своей продукции в этих магазинах Сумербанка на условиях консигнации принимались товары от частных торговцев; практиковалось и выделение в них отдельных прилавков для ведения торговли самими торговцами или промышленниками. В начале 1930-х годов Сумербанк имел уже семь магазинов, открыты были магазины в Самсуне, Мерсине, Измире, увеличено их число в Стамбуле¹⁷.

Как видим, взяв на себя роль совокупного капиталиста-предпринимателя в области промышленности, государство не просто создало условия для ускоренной индустриализации, а предприняло реальные шаги в направлении экономической независимости. Этими мерами государство одновременно закрепило за частным капиталом обширную сферу наиболее выгодных форм предпринимательской деятельности, накопления капитала, просто непроеводительного обогащения. Причём речь шла не о разделении сфер деятельности и о взаимном невмешательстве – государство взяло на себя роль «няньки» частного предпринимательства, в достаточной степени строгой, но обеспечивающей благополучный рост своего подопечного: создавались смешанные акционерные общества, в которых основная финансовая нагрузка лежала на государственном бюджете, появились первые техники, инженеры, экономисты, подготовленные на государственные средства, формировался национальный управленческий аппарат. Эти новые источники знаний и опыта затем щедро питали частный сектор, оживляя накопленные в нем миллионы и формируя новый тип турка-предпринимателя, уже не торговца, а промышленника.

Можно считать, что в результате национализации иностранных предприятий (прежде всего железных дорог, портового хозяйства и муниципальных объектов), перехода в руки государства некоторых частных заводов и фабрик, оказавшихся нерентабельными для частного капитала (например, сахарных), и, наконец, благодаря реализации планов государственного промышленного строительства в социально-экономической структуре Турции, к концу 1930-х годов возник государственно-капиталистический уклад, ставший основой экономического развития страны, её индустриализации.

Закрывать зародившиеся ещё в османское время профсоюзы, а также другие общественные организации новым властям позволил Закон об охране порядка, принятый в 1925 г. и предоставивший правительству широкие чрезвычайные полномочия. Известный социолог Дж. Талас писал, что «в течение двадцати лет республиканского периода было невозможно создавать организации рабочих как практически, так и юридически... Этот застой продолжался до 1946 г.»¹⁸.

На многие годы затянулась властями подготовка законодательства о труде. Принятый в июне 1936 г., он вступил в силу

через год, с 15 июня 1937 г., и распространялся на предприятия с числом занятых 10 человек и более. Некоторые важные положения закона долго оставались на бумаге, например, о создании организации по найму рабочей силы. В итоге указанное законодательство многие функции регулирования отношений между трудом и капиталом оставляло за властями, авторитарный характер этого регулирования не вызывает сомнений у турецких авторов¹⁹.

Следует признать, что регулирование властями в столь авторитарной форме трудовых отношений было связано и с тем, что сами эти отношения не получили ещё должного развития. Рынка наёмного труда не существовало, его формирование в годы кризиса в начале 1930-х годов замедлилось и к концу десятилетия носило скрытый характер, ограничивалось в основном деревней, всё более заметно участвовавшей в экспорте (табака, хлопка, сухофруктов).

В 1930–1940-е и даже позже, в 1950-е годы, бюрократия, управляя растущим госсектором, сумела расширить и обновить значительным образом экономический фундамент своего господства во внутренней жизни страны, в частности благодаря начавшейся индустриализации, вмешательству в агросферу, сообразуясь с неизбежными и объективными требованиями социально-экономической эволюции страны, реорганизации турецкого общества «по-европейски» – из традиционного аграрного в современное аграрно-индустриальное. Орудиями вмешательства государства в экономику стали Этибанк, Сумербанк, Центральный банк, железные дороги и пр. Этатизм приобщал бюрократию к капиталистическому хозяйствованию, к экономической инициативе. Всё это означало одновременно и приобщение бюрократии к предпринимательству, появление слоя предпринимателей-капиталистов – недавних государственных служащих. Поэтому, несмотря на все сетования, часто справедливые, представителей «исконного» частного предпринимательства в адрес этатизма и порожденных им нуворишей, в целом частный сектор не только не зачах, но и стал вровень с госсектором. Более того, два сектора отнюдь не стали антиподами, а успешно дополняли друг друга на пути вестернизации социально-экономической системы Турции.

В течение 1930-х годов претерпела изменения и влиятельная в недавнем прошлом прослойка местной инонациональной буржуазии. Турки-предприниматели все активнее овладевали недоступ-

ными им ранее сферами коммерческой деятельности, это сложное явление характеризуется то ужесточением, то смягчением ограничительных мер властей в отношении представителей немусульманского капитала. В конечном счёте они были заметно оттеснены от импортно-экспортных операций, были вынуждены сотрудничать с турецкими дельцами, делиться с ними своими успехами²⁰.

Возвращаясь к периоду этатизма в экономике, напомним, что для Ататюрка и большинства его сподвижников этатизм был не более чем средством ускоренной модернизации экономики, отнюдь не орудием идеологических экспериментов. Очевидно, тогда это был единственный способ вновь не оказаться в положении полуколонии европейских держав (сейчас это назвали бы африканизацией), обеспечив таким «способом» свою экономическую и политическую независимость.

Сотрудничество Турции с СССР

Реализация этатистской концепции в турецкой экономике в 1930-е годы осуществлялась с советской помощью, в условиях сохранения сильной инерции недавнего боевого содружества. Добрососедские отношения послелозаннской Турции с СССР приняли комплексный характер, они распространились на дипломатию, культурную, научную сферы и, особенно, на экономику. Прежде чем перейти к последней сфере сотрудничества – экономике, уместно кратко обрисовать его общую картину.

Помимо военных и дипломатов одним из первых посланцев из Советской России оказался русский художник Е.Е. Лансере – он стал живым свидетелем обороны Анкары от наступающих греческих войск, написал портреты Мустафы Кемала, писательницы Халиде Эдип и других участников освободительного движения, сделал зарисовки быта и нравов жителей будущей столицы, часть их представлена в его книге «Лето в Ангоре». Позже, в 1933 г., С. Юткевич и Л. Арнштам сняли в Турции фильм «Анкара – сердце Турции», посвятив его жизни новой столицы страны.

В 1925 г. в Советском Союзе побывал выдающийся турецкий артист и режиссер Эртогрул Мухсин²¹. Содействие своим турецким коллегам в развитии музыкальной культуры и музыкального образования в Турции оказывали в 1930-е годы советские музыканты²².

Развивались научные связи. В 1933 г. по приглашению турецкого правительства в Турцию приезжала делегация советских лингвистов, академики Марр и Самойлович. Н.Я. Марр выступил с циклом лекций по проблемам общей лингвистики. Он был приглашён на беседу к президенту республики²³. В 1934 г. на Менделеевский конгресс приехала представительница турецких химиков госпожа Рамзие²⁴. В 1920-е годы были сделаны первые шаги в установлении советско-турецкого сотрудничества в области сельского хозяйства. В ноябре-декабре 1925 г. Советский Союз посетила турецкая сельскохозяйственная делегация во главе с министром сельского хозяйства Сабри-беём²⁵.

Советская Россия в те годы не числилась в ряду главнейших торговых партнёров Турции, её доля в турецкой внешней торговле составляла 3–4 %. Восстанавливая и развивая экономику, Турция испытывала нужду прежде всего в промышленной продукции таких стран, как Германия, Франция, Англия, Италия, США и др., поставляя в эти страны товары традиционного экспорта – табак, сухофрукты, хлопок. Вместе с тем в снабжении турецкого рынка нефтепродуктами, включая широко используемый тогда керосин, Советская Россия опережала даже американскую «Стандард ойл». Вплоть до 1939 г. поставки Нефтесиндиката обеспечивали значительную часть всех потребностей страны в нефтепродуктах²⁶. Советская сторона имела непосредственное отношение и к учреждению в Турции в 1932 г. национального Центрального банка, что дало стране возможность отказаться от давних услуг в этой сфере франко-английского Оттоманского банка²⁷.

Переходя к экономическому сотрудничеству двух стран в связи с началом индустриализации в Турции, необходимо отметить, что турки в поисках концепции развития своей страны в условиях мирового кризиса интересовались тогда не только успехами советской пятилетки, но и в целом появлением и развитием новых режимов в СССР, Италии. В конце 1930 г. в Москву отправился министр иностранных дел Тевфик Рюштю Арас, причем в составе его делегации не случайно оказался влиятельный и близкий к руководству страны публицист и издатель Фалих Рыфкы (Атай). По итогам этой поездки в СССР он издал в 1931 г. книгу «Новая Россия» («Yeni Rusya»), в которой просматривалось намерение осмыслить советский опыт индустриализации на предмет его применения в Турции. По высказанному в книге мнению автора,

«советский опыт – это синтез революционных методов приведения в короткие сроки отсталого народа и страны на уровень Запада»²⁸.

Вопрос о советском опыте вновь зазвучал, когда премьер-министр Турции Исмет-паша (Инёню) посетил СССР с официальным визитом в период с 25 апреля по 10 мая 1932 г. В составе делегации, кроме министров, политиков и журналистов, были предприниматели, директора нескольких заводов. Не следует думать, что в то время руководители новой Турции вдруг безоглядно поверили в советскую систему и бросились в крепкие объятия северного соседа. Спустя десять дней после поездки в СССР, 22 мая премьер-министр Исмет Инёню и министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас также с большой группой специалистов отправились пароходом в фашистскую Италию, посетив по дороге Афины. Во время пребывания в Италии с 25 мая по 2 июня они были приняты королём Италии и диктатором Б. Муссолини. В итоге Турции было обещано 300 млн. итал. лир (32 млн. лир), из них треть – деньгами, правда, потом выяснилось, что всё это осталось обещаниями²⁹.

«В Москве нас встретили с большими почестями, – писал Ф.Р. Атай, – среди встречавших были Молотов, Литвинов. Официальный протокол был полностью соблюден, нам было оказано большое уважение». В Кремле переговоры начались встречей со Сталиным, Молотовым, Литвиновым. Присутствовала вся делегация турок. Основными вопросами стали экономическая помощь Турции, торговые отношения и вопрос о кредите. Вопрос о советском содействии был обсуждён в беседе 6 мая 1932 г. со Сталиным и другими советскими руководителями в Кремле. Судя по опубликованному намного позже, уже совсем в другое время, в 1987 г., мемуарам Инёню, его поразили масштабы советских промышленных новостроек, например, только что построенного в Москве автомобильного завода.

В этой новой книге Фалих Рыфкы Атай сравнивал правительственные турецкие визиты в СССР и в Италию, написал о необходимости «извлечь опыт из ленинизма в России, муссолинизма в Италии». Он отметил, что мировой кризис породил понятие плановой экономики: «ныне повсюду на первом месте, в прессе, исследованиях, оказываются плановики. Одновременно с разговорами о кризисе используются термины дирижируемая экономика,

плановая экономика. Как вы назовёте таких плановиков – коммунистами, социалистами, фашистами, государственниками? Среди плановиков есть все, они противостоят друг другу, но несомненно, что они едины в одном – индивидуалистическая и либеральная экономическая система умерла, идут поиски нового режима»³⁰.

Под впечатлением визита в Италию в главе о фашизме Ф.Р. Атай писал, что если наступивший кризис продолжится, установление нового порядка не ограничится мелкими коррективами к экономике. «Либерализм нашёл для себя самую приемлемую модель в демократии. Новый порядок, несомненно, будет искать свою собственную модель... Критика в адрес демократии началась после того, как демократии не смогли найти способы предупреждения анархии и кризиса... Народ устал от болтовни»³¹.

Турецкие исследователи Ильхан Текели и Селим Илькин в своей книге, посвящённой этатизму в Турции, привели большой документальный материал, относящийся к реализации советской помощи Турции на начальном этапе её индустриализации.

Они писали, что после возвращения турецкой делегации во главе с И. Инёню на родину в СССР задержались специалисты по текстилю – Шериф Онай и Камиль Ибрагим. Они провели исследования в 70 учреждениях и предприятиях – строительных, промышленных институтах, станкостроительных заводах, текстильных фабриках, использующих эти станки. В итоге этих исследований названные специалисты определили, что тяжёлая индустрия Советов демонстрирует небывалое развитие. Аналогичным образом было определено, что за некоторыми исключениями текстильная промышленность Советов развивается по последнему слову науки и техники. Они пришли к убеждению, что необходимое для текстильной индустрии Турции оборудование на 90% может быть обеспечено у Советов³².

В ходе подготовки соглашения о строительстве текстильных фабрик и о кредите советские специалисты, главным образом текстильщики, прибыли в Турцию 12 августа 1932 г. Делегацию возглавлял директор «Госпроектстроя» экономист проф. Орлов³³. Объединённый отчёт (в виде докладов), представленный Орловым турецкой стороне, имеет дату 22 сентября 1932 г. Часть его, как можно понять, была подготовлена во время встречи турецких и русских специалистов в Кайсери. Тогда же были определены места для текстильных комбинатов – Кайсери и Назилли. Орлов

перед возвращением в Москву посетил Стамбульский университет, выступил с лекцией. Он, в частности, отметил: «Я с удовлетворением убедился, что по своему мышлению, квалификации и энергии турецкие инженеры ничем не отличаются ни от нас, ни от других инженеров. Они оказали нам ценнейшую помощь, я так и не понял, зачем вы приглашаете инженеров из Европы».

В марте 1933 г. в СССР отправилась турецкая делегация в составе директора фабрики Хереке Решата, директора Фесхане Шекета Тургута, Промышленное управление было представлено Камилем Ибрагимом. Они посещали советские фабрики, проработав в СССР до 9 июля. По итогам обмена мнений с ними в Москве был создан трест Тюркстрой во главе с директором Золотарёвым³⁴.

Подписание окончательного протокола о кредите состоялось 21 января 1934 г., в соответствии с этим документом кредит предоставлялся в виде машин и оборудования для строительства двух текстильных комбинатов. Советская сторона обеспечивала также помощь в проектировании, строительстве комбинатов и монтаже оборудования. Кредит был беспроцентный, сроком на 20 лет. Предусматривалось, что оборудование будет поставлено в течение 4 лет с момента вступления протокола в силу. Турецкая сторона обязывалась дважды в год осуществлять платежи по кредиту в турецких лирах в пересчете на доллары по курсу, существующему на день платежа на биржах Лондона, Нью-Йорка и Стамбула. На суммы, подлежащие выплате, советская сторона закупала в Турции необходимые ей товары³⁵.

Для Турции получение советского кредита было первым опытом равноправного экономического сотрудничества в годы, когда над ней еще тяготело бремя прежних османских долгов и обязанностей перед иностранными вкладчиками. Советский кредит давал возможность Турции начать новый, более ответственный этап этатистских преобразований – сделать первые практические шаги в индустриализации страны на государственные средства. «Можно считать, – писал в 1964 г. в своей книге Мехмет Тургут, впоследствии министр промышленности, – что с принятием этого плана в стране было положено начало этатизму».

Реализация кредита происходила в рамках выполнения первого пятилетнего плана экономического развития Турции. Советский кредит составил треть всех финансовых средств, предназначенных для исполнения этого плана³⁶. В 1935 г. министр эко-

номики совершил длительную поездку в СССР, с 13 июля по 18 августа он побывал в Одессе, Москве (встреча с наркомом Тяжпрома), Киеве, Ленинграде, посетив ряд предприятий-новостроек (автозавод, электрозавод) и радиоцентр. Затем состоялись торжественные проводы в Москве и возвращение (через Одессу) в Стамбул на пароходе «Чичерин»³⁷.

Строительство первого в стране современного хлопчатобумажного комбината (в Кайсери) Туркстрой осуществил в 1934–1936 гг., а второго (в Назилли) – в 1935–1937 гг. 16 сентября 1935 г. состоялось торжественное открытие комбината в Кайсери в присутствии Ататюрка, членов правительства, советских специалистов, десятков тысяч людей. Джеляль Баяр в своём выступлении отметил, что недавний мировой кризис показал: будущее стран, сосредоточивших свои усилия только на сельском хозяйстве, трагично. «Статистика свидетельствует, что первое место в списке импортируемых в страну товаров занимают ткани. Получается, что страна за бесценок продаёт своё сырьё, а за изготовленные из него изделия в той же мере дорого платит... Комбинат в Кайсери станет не только памятником турецко-советской дружбы, но и блестящим примером заново созданной и удивившей весь мир крупной советской индустрии... Советские специалисты и рабочие показали блестящие образцы трудовых усилий, спасибо им»³⁸.

В такой же торжественной обстановке, в присутствии Ататюрка, Баяра 9 октября 1937 г. был открыт комбинат в Назилли, включая первую в стране фабрику набивного ситца. Численность рабочих составила 2400 человек.

В период строительства было подготовлено в СССР для работы на комбинатах свыше 140 квалифицированных турецких рабочих, мастеров и техников, прошли стажировку более 15 инженеров. При комбинате в Кайсери было создано профессионально-техническое училище, которое готовило квалифицированных рабочих не только для названных комбинатов, но и для других текстильных фабрик страны. После завершения строительства оба комбината поступили в ведение Сумербанка³⁹.

К слову сказать, пытались кемалисты навести мосты и с США, несмотря на прежние неудачи (концессия Честера) и в целом на жёсткую позицию США в отношении Турции. В начале 1933 г. при участии посла Турции в Вашингтоне Ахмеда Мухтар-бея

турецкое правительство установило контакты с фирмой в Нью-Йорке «Хайнс, Ририк, Дорр и Хаммонд» на предмет исследования экономики Турции. Была организована группа специалистов в составе 10 человек, ответственным за эту работу был назначен Уолкер Д. Хайнс. Первая группа в составе двух человек прибыла в Турцию 18 июня 1933 г., глава же прибыл 25 июня. Основной отчёт был закончен в мае 1934 г., уже после подготовки первого пятилетнего плана, и представлен турецкому правительству⁴⁰.

В указанные годы упорядочились торговые отношения Турции с СССР. В 1927, 1931 и 1937 гг. были заключены на клиринговой основе торговые договора, причём последний действовал долгое время и после войны. В рамках дружественного и всестороннего сотрудничества Советский Союз добивался участия Турции во многих международных конференциях по разоружению, созданию системы коллективной безопасности и т. п. Активно развивалась и практика личных контактов между руководящими деятелями двух стран. Так, в 1930–1931 гг. обменялись визитами министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту (Арас) и народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов. В мае 1932 г. СССР посетила турецкая правительственная делегация во главе с премьер-министром Турции Исмет-пашой (Инёню), на встречах с советским руководством подчёркивалось, что «политика тесного сотрудничества обеих стран в прошлом себя оправдала и что складывающаяся международная обстановка, как и интересы всеобщего мира, диктуют необходимость не только сохранения, но и расширения этого сотрудничества». С ответным визитом Турцию посетила в 1933 г. советская правительственная делегация во главе с К.Е. Ворошиловым, она приняла участие в праздновании 10-летия Турецкой республики.

Летом 1932 г. Турция была принята в Лигу Наций. По этому поводу в ноте турецкого правительства советской стороне отмечалось, что «обязательства, взятые Турцией по советско-турецкому договору от 1925 г., остаются неизменными», что вступление Турции в Лигу Наций «не может принести какое бы то ни было вредное изменение в политику, проводимую Турцией по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик»⁴¹.

Были случаи сотрудничества и в деликатной сфере. В 1924 г. правящая советская верхушка объявила взгляды Л. Троцкого (так называемый «троцкизм») «мелкобуржуазным уклоном» в РКП(б).

В 1927 г. он был выведен из состава политбюро ЦК РКП(б), исключен из партии и в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату. По решению того же политбюро Троцкий в 1929 г. был выдворен из СССР в Турцию. Вместе с женой и старшим сыном Львом Седовым Троцкий разместился на острове Бююкада в Мраморном море⁴².

Судя по всему, гостем Троцкого на Бююкада бывал небезызвестный Я.Г. Блюмкин, сотрудник ОГПУ, ранее – левый эсер, участник покушения на германского посла в Москве в 1918 г., в 1920-е годы резидент советской разведки по Ближнему Востоку в Турции⁴³.

Национализм и авторитарная власть

Тотальное вмешательство государства не ограничивалось сферой экономики. Всеобъемлющее его участие в 1930–40-е годы во всех сферах жизни общества – экономической, социальной, идеологической, политической было очевидным. Сращивание государственных и партийных структур на уровне верховной власти неизбежно сопровождалась усилением бюрократических начал во властных структурах, корыстным произволом сверху донизу – от правительственных чиновников и генеральных директоров ГЭО до деревенских старост.

1 марта 1935 г. открылось ВНСТ пятого созыва, в четвёртый раз президентом республики был избран Ататюрк. 25 октября 1937 г. произошла отставка правительства Исмета Инёню и был сформирован кабинет во главе с Джелялем Баяром – относительно новым лицом в близком окружении Кемалю, не являвшимся военным. Став первым руководителем Делового банка, он близко ознакомился с экономическими проблемами страны, занимал пост министра экономики. Кемалистская власть приобрела черты однопартийного авторитарного режима во главе с президентом – Ататюрком. Эта власть представляла собою интересы двух самых влиятельных элит – военной и гражданской бюрократии. Вооружённая борьба с интервенцией и султанским режимом связала их воедино, высшие руководители страны – президент, премьер-министр были недавние военные, герои боев с интервентами. В турецком парламенте – ВНСТ также было представлено много военных, в министерствах, госучреждениях, на госпредприятиях;

прослойка отставных военных оставалась значительной ещё многие годы. Перед такой «военизированной» властью не возникала угроза замены её военным режимом – в этом не было необходимости.

О том, что диктатура НРП сделала почти бесполезным существование меджлиса, пишет в своих воспоминаниях активный участник левого движения в Турции Зекерия Сертель: «Великое национальное собрание стало образцово-показательным учреждением, представлявшим не народ, а Народную партию. На выборах голоса отдавались лишь кандидатам, представляемым Народной партией. В действительности это даже нельзя было считать выборами. В конце концов народу так надоели эти показательные выборы, что он начал уклоняться от голосования. Число голосовавших не достигало 25%»⁴⁴.

Современные турецкие исследователи, стремящиеся объективно оценить авторитарный режим 1930–40-х годов, не ставят под сомнение историческую необходимость для Турции такой формы существования власти, как вынужденной, временной, переходной, отмечают краткость её существования. Так, М. Тунчай пишет, что в те годы «однопартийные демократии существовали не только в Турции, они были и в Советской России, и в фашистской Италии, однако мир, который привлекал Гази и его соратников, был мир Запада»⁴⁵.

Дважды возникавшая легальная оппозиция, представленная порою соратниками Кемаля по общей борьбе против интервентов, так и не смогла, вплоть до второй половины 1940-х годов, учредить постоянный институт легальной оппозиции, противопоставить его режиму однопартийной власти. Уже через год после Лозанны, в конце 1924 г., была создана и затем закрыта оппозиционная Прогрессивно-республиканская партия. Спустя несколько лет, в августе 1930 г., кемалисты вновь пытались инициировать деятельность оппозиционной партии, на этот раз именуемой Либерально-демократической. Однако, как и в 1925 г., легально созданная оппозиционная партия в короткое время стала средоточием не только легальной фронды, но и угрожающей всему кемалистскому режиму правой оппозиции, включая клерикалов. В ноябре того же 1930 г. она повторила судьбу своей предшественницы – была распущена⁴⁶.

Основой государственной идеологии и идейного воспитания общества был тюркизм. Правящая Народно-республиканская партия через постепенно расширявшуюся систему «приводных ремней» – местные парторганизации, культурные очаги, народные дома, сельские комнаты и другие идеологические институты, через учебные заведения, через создаваемые в условиях всеобщей этатизации госпредприятия и госучреждения, социальные службы, наконец через армию – школу обучения крестьянской молодёжи – внедряла новую «религию» – тюркизм с немалым успехом, причём приводила к туркизации и нетурецкое население.

Закон о поселении от 14 июня 1934 г. вводил в действие специальную программу переселения и размещения национальных меньшинств, которая, безусловно, способствовала процессу «ускорения» их туркизации. Турция делилась на три зоны: первая включала области, где необходимо было сконцентрировать тюрков; вторая определялась для размещения переселенцев, подлежавших приобщению к турецкой культуре; третья включала районы, которые «по санитарным, экономическим, культурным, политическим и военным причинам, а также в целях поддержания порядка требуют полной эвакуации и запрещаются для поселения и передвижения». В этой зоне проживали преимущественно курды, и они, следовательно, подлежали полной эвакуации в другие места.

Последующие дополнения к этому закону коснулись прежде всего еврейского населения, в июне 1934 г. местные власти начали массовое выселение евреев из районов Восточной Фракии и Дарданелл. Причем они делали это, как правило, без предварительного предупреждения, в результате переселяемые были вынуждены оставлять всё своё имущество⁴⁷.

Принятый 21 июня 1934 г. почти одновременно с упомянутым Законом о необходимости иметь «каждому турку кроме имени также и фамилию» вынуждал турецких граждан – евреев, греков и армян отказываться от своих традиционных фамилий и принимать новые в ходе кампании «гражданин, разговаривай по-турецки»⁴⁸. Здесь уместно привести напоминание в изданной новой официальной истории Турции о том, что тюрки всегда в своей долгой истории стремились создавать самостоятельные государства – будь это «Шумер (4000 лет до н. э.) или бейлики, ханства, империи – они были созданы тюрками»⁴⁹.

Туркизация распространялась и на выходцев с Кавказа – «черкесов». Выше мы отмечали, что жители Турции – выходцы с Кавказа в годы становления республики, как и в османский период, играли неоднозначную роль. «Вошёл» в историю черкес Эдхем, выступивший против Кемалья, в то же время Кемалю оставались верны многие видные представители кавказцев – генералы и высшие чиновники, дипломаты высокого ранга наподобие Бекир Сами-бея. Считалось, что коль скоро они были издавна мусульманами (или стали ими), они тоже турки – черкесского происхождения. Их верхушка этому особенно и не противилась, занимая издавна высокое положение в правящей элите сначала империи, а затем республики. Однако, по убеждению многих черкесов не столь высокого ранга, в условиях однопартийного режима республиканской Турции этнические группы подверглись туркизации и навязыванию однотипной культуры, поэтому черкесы Турции совершенно были не в состоянии развивать культуру. Лишь под давлением Запада, считают турецкие черкесы, стало возможным создавать свои партии и общества, были учреждены общества кавказской культуры. Однако эти возможности не включали свободу пользования родным языком, разрешался лишь турецкий⁵⁰.

Такую же картину рисуют авторы-кавказцы на примере одного из «черкесских» народов – лезгин. Отмечается, что их положение стало тяжёлым после прихода к власти в 1909 г. младотурков, их основным лозунгом был османизм, на деле означавший туркизацию «всех подданных империи». Но особенно невыносимым стало положение национальных меньшинств при режиме Кемалья Ататюрка, что подтверждается высказываниями некоторых турецких деятелей⁵¹.

В конце 1920-х – 1930-х годах стало очевидным, что преодоление кавказской проблемы во имя недавнего советско-турецкого военного сотрудничества не стало окончательным, необратимым, тем более что после подписания Лозаннского мира исчезла смертельная угроза исчезновения турецкого государства и в таком сотрудничестве Турция уже не нуждалась, ведь не зря же столько уступок было сделано недавним противникам. Кавказский конфликтный пояс-кордон, препятствовавший получению столь необходимой тогда военной помощи, вновь стал нужен некоторым турецким националистам, вознамерившимся возродить иттихади-

стские планы в отношении Кавказа, и не только им, он постепенно стал возрождаться усилиями многих стран, а с ним и возродилась деятельность на территории Турции кавказских переселенцев⁵². В конце концов и турецкие спецслужбы, и посольства некоторых стран, не говоря уже о военных атташе, аккредитованных в Анкаре, проявили интерес к услугам тех кавказцев в Турции, которые оказались готовы вводить их «в курс дела» о положении в СССР⁵³.

Так уже в новых условиях началось восстановление сотрудничества на территории Турции нескольких разведок с выходцами с Кавказа – уже с ориентацией на дестабилизацию обстановки на Кавказе. Возрождение этих тенденций произошло с оглядкой на дружбу двух стран и осуществлялось тайно, в разведке генштаба, да и в самих кавказских обществах. Турецкая сторона со своим национализмом не очень склонна была давать волю черкесам на своей территории, предоставлять какую-либо, даже мизерную, автономию, памятуя Черкеса Эдхема. По разумению националистов-турок, черкесы за своей кавказской идентичностью, если она была им так нужна, должны были отправляться на прежнюю родину – пусть тайно и при поддержке турок. Уже в 1925 г. начались мятежи на Северном Кавказе⁵⁴.

И вновь оказались востребованными для борьбы, на этот раз уже с Красной Армией, прежние борцы за независимость Кавказа, проживавшие в Турции. Среди них – внук Шамиля – Саитбей, он был весьма активен, заявляли о себе и другие. Летом 1932 г. Шамиль имел несколько встреч с начальником турецкой военной разведки Надми-беем, на которых обсуждались вопросы организации так называемых военно-разведывательных пунктов вдоль советских границ, приспособленных для работы с агентурой, засылаемой на советскую территорию, и приёма связников от людей, действовавших на той стороне⁵⁵.

Французский посол Дешнер, как следовало из оказавшегося в распоряжении советской разведки документа, доносил в свой МИД, что именно Турция является той страной, которая может способствовать новой организации Кавказа благодаря своему географическому положению, родству с мусульманской средой и своему присутствию в прошлом на этой земле. По его мнению, переход под власть Турции областей, находящихся под властью Советов, стал бы очевидным прогрессом и отвечал интересам

западных стран. Британское правительство, полагал он, не возражало бы, если бы территории Аджарии, Нахичевани, Карабаха, части Армении и Азербайджана до Куры были отданы туркам. Более того, турецкое правительство было бы в таком случае вправе претендовать на получение кредитов для освоения и поддержки новых территорий ⁵⁶.

Что касается кавказской эмиграции в Турции, она надеялась на осложнение обстановки на Кавказе и в связи с этим допускала возможность турецкого военного вмешательства в дела региона ⁵⁷. Все большее внимание при этом эмигрантами (Шамилем и другими) уделялось Германии как возможной участнице войны с Советским Союзом. В одной из своих записок (и приписок) он буквально уговаривает немцев вооружать должным образом Турцию ⁵⁸. Указанные документы показывают, что, беспокоясь о сохранении добрососедских отношений с СССР, турецкие власти не разрешали кавказским деятелям легально действовать на своей территории. По их настоянию те перебрались в Париж, появились в Польше, Чехословакии, Бельгии ⁵⁹.

Возвращаясь к внутренним турецким делам 1930-х годов, можно констатировать, что секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью турецкого общества, в то время в основном сельского. Поэтому некоторые авторы-кемалисты выдавали желаемое за действительное, когда говорили, что исламизм ушел в невозвратное прошлое. В разделе «Светская сущность кемализма» Сафвет Энгин в вышедшей в 1938 г. книге писал, что после ликвидации халифата «религия уже не сохраняла никакого политического смысла» ⁶⁰.

Такая убежденность покоилась и на том, что после расправы религиозных фанатиков над Кубилаем в Менемене в 1930 г. орден накшбенди был в целом сочтён виновным, его руководство было арестовано, некоторые казнены в феврале 1931 г. ⁶¹

Справедливости ради необходимо сказать, что действительно, в русле европеизации и секуляризации немало было сделано и для ознакомления населения с западной культурой. Например, именно тогда по линии министерства просвещения, то есть на государственные средства, начался массовый перевод западных, русских и советских классиков. Тогда же по инициативе Кемаля Ататюрка были созданы первые очаги национального республиканского искусства: драматические театры европейского направ-

ления, консерватория, оперный театр в Анкаре (1949 г.), кинематограф, музеи. В ноябре 1934 г. по решению правительства мечеть Аяя Софья стала музеем. Большое развитие получили живопись и скульптура, в 1920-х годах в стране появились первые молодые художники-модернисты, они учредили Общество независимых живописцев и скульпторов, стали проводить выставки своих работ. Первую такую выставку в Анкаре в 1929 г. посетил Мустафа Кемаль⁶².

Немало произведений того времени отражали идеи кемалистской революции, энтузиазм побед над прошлым, над обскурантизмом, отсталостью. Когда читаешь о юных годах Н. Эрбакана (р. 1926 г.), нынешнего яркого приверженца исламизма, идей шариата, не сразу осознаёшь, что это одно и то же лицо. Согласно опубликованным о нём биографическим данным, Эрбакан не был выходцем из глубоко религиозной семьи – его отец, глава многодетного семейства, занимал судебские посты в различных городах Анатолии и не мог не участвовать в реорганизации судебской системы после учреждения республики. Он как судья по уголовным делам был в числе тех, кто в первые годы республики вводил в действие многие радикальные реформы, такие как отмена арабского алфавита, чтение эзана на турецком языке, закрытие тюрбе, текке и завийе. Тогда ради того, чтобы утвердить республиканский режим, религия была отстранена от политической жизни, от системы образования. Неджметтин Эрбакан обучался в начальной и средней школе, лицее и университете на основе светских, современных принципов⁶³.

А вот что говорит о тех же временах другой известный политик современной Турции – бывший президент Тургут Озал. Его семья была религиозной, но, как сообщает Озал, «я не мог научиться даже в доме совершать намаз, ибо такое было время... В итоге моя мать – учительница, отец – чиновник, они – функционеры режима... По моим воспоминаниям, в касаба и городах устраивались республиканские балы, новогодние балы. Людей туда привозили, заставляли танцевать... Сегодня это невозможно. Даже говорили: меняй супругу, так делают на Западе. Мать и отец ходили на эти балы, не знаю по своей воле или нет. Могли это делать в новинку. Религию я начал познавать с первого курса Технического университета»⁶⁴.

Власти продолжали совершенствовать статус своего нового правительственного органа – Управления по делам религии (УДР) при совете министров. Оно занималось в основном организацией религиозной службы и строго соблюдало требования власти «сохранять вне политики и над политикой» религиозные дела. Первым председателем УДР стал анкарский муфтий Мехмет Рифат (Бёрекчизаде), «сослуживший добрую службу в годы национальной борьбы». Руководитель управления получал зарплату на уровне министерской, пользовался автомобилем с красным, то есть министерским номером, и занимал подобающее место на протокольных церемониях. В июне 1935 г. был принят закон, непосредственно касавшийся управления, определявший его структуру и функции – кадровый состав, деятельность в центре и на местах и т. п. В 1937 г. вышла правительственная инструкция о правилах исполнения названного закона. Именно в феврале этого года в конституцию была принята поправка о том, что Турция – светское государство⁶⁵.

Турецкие авторы справедливо относят к «светскому» решению религиозной темы такие законы, как Гражданский и Уголовный кодексы (1926 г.), а также законы о европейском календаре (1926 г.), о латинском алфавите (1928 г.), о запрете священнослужителям любой религии носить религиозную одежду вне своей службы (1934 г.), об определении воскресного дня днём отдыха (1935 г.). В той же связи следует оценивать первое прочтение Хафизом Яшаром (Окурор) Корана по-турецки в 1932 г. в стамбульской мечети Еребатан, а также письмо в том же году Управления по делам религии стамбульскому муфтиату о необходимости в ближайшее время читать эзан и камет (призыв к молитве) на турецком языке. В 1933 г. было ликвидирован Дарульфюнюн в Стамбуле и его богословский факультет, на его месте был учреждён Стамбульский университет, при его литературном факультете создан институт изучения ислама, задача которого ограничивалась исследовательской деятельностью. По мнению Тарханлы, при создании в 1930 г. Либеральной партии Кемаль обещал не вмешиваться в любые споры её с НРП, кроме одного – по поводу положения о том, что Турция – «светская республика». «Религия должна оставаться сферой личной жизни человека; когда она затрагивает социальный режим, она провоцирует вмешательство государства»⁶⁶.

Ислам вынужден был самоопределяться заново. В 1937 г. в тексте конституции среди важнейших и не подлежащих отмене принципов был назван принцип светского государства. Религии окончательно запрещено было вмешиваться в политику, правовую систему, образование, институты религии были взяты под жесткий контроль государства. Влиятельные тарикаты с их мистицизмом были объявлены вне закона, в итоге сила ислама была ограничена⁶⁷.

Особое внимание было уделено женщинам. Кемаль побуждал власти почти насильно приобщить женщин к общественной жизни страны и тем самым ослабить влияние на них исламистов. Несколько женщин благодаря таким действиям стали депутатами меджлиса, после признания в 1934 г. за ними конституционного права выбирать и быть избранными в меджлис. Доля неграмотных среди женщин составляла тогда 91,8%, причем почти все женщины были лишены возможности учиться. Даже среди мужчин доля неграмотных достигала 76%⁶⁸.

В результате всех названных мер в предвоенные годы «штаб-квартиры» некоторых религиозных орденов и общин вынуждены были покинуть Турцию. Так, руководство ордена бекташей переместилось в Албанию, последователи учения мевлеви обосновались в Сирии, сторонники орденов накшбенди, кадири и кубреви оказались в Средней Азии, часть идеологов «народного ислама» пыталась найти убежище в Боснии и Герцеговине⁶⁹.

И все же исламисты даже в 1930-е и 1940-е, самые трудные для них годы, подспудно оставались серьезным политическим оппонентом кемалистов, несмотря на все законодательные запреты по их вмешательству в политическую жизнь страны, несмотря на весьма жесткую статью 162 уголовного кодекса.

Народный же ислам со своими шейхами, орденами и пр., сохраняясь на бытовом уровне, частично ушёл в подполье, был лишён возможности расширять свою деятельность из-за угрозы уголовного преследования, а если и заявлял о себе открыто через вооружённые выступления под религиозными лозунгами, беспощадно подавлялся властями. Выше говорилось о попытке поднять восстание в Менеменском районе, крупное восстание курдов произошло в восточных вилайетах Турции, на границах с Ираном, в 1936–1937 гг. имело место восстание курдов в районе Дерсима и др.

Именно в это жёсткое для противников кемализма время начал формироваться, уже как религиозная реакция на секуляризацию, на европеизацию, на упрочение республиканского режима, новый религиозный орден и, очевидно, не случайно в Восточной Анатолии.

Речь идёт об исламистском течении нурджизма, основателем которого стал проповедник-курд Саид-и Нурси (1873–1960 гг.)⁷⁰. После восстания Саида он почти до своей смерти преследовался властями «за создание тайного общества» (то есть общение с последователями и учениками) и «организацию заговора против власти», жил в ссылках, начал писать рисале, содержание которых было поводом для тюремного заключения.

Его биографы пишут, что в то время некоторые тюрьмы Турции были, как и для левых, школами обучения для исламистов, «преподаватели», правда, были разные. Тюрьмы были «рассадниками» и коммунизма, и исламизма. Немало людей в тюрьмах обратились к исламу, некоторые присоединились к обществу Нур. Нурси и его ученики, продолжая свою работу, «затылком ощущали тайное и явное» давление государства, в таких условиях возникли нур-почталёны, распространявшие рисале по вилайетам. Ученик-нурджист, получив рисале, тотчас его размножал. Они могли годами быть дома и изготавливать сотни копий. В этой вертикальной организации были свои ключевые личности. В 1950-е годы власти смягчили судебное преследование, в 1958–1959 гг. Саидом Нурси были написаны (продиктованы) его основные рисале. Основные положения этих рисале – необходимость замены светского режима на шариат: «не может быть сильной страна, у которой власть не основана на законах шариата»⁷¹.

Вопросы внешней политики

В 1930-е годы Турция предприняла в целом успешные шаги по определению своего места в международной политике, основываясь на принципах Лозанны, на провозглашенном Ататюрком лозунге «мир в стране, мир в мире». Летом 1932 г. для Турции произошло важное внешнеполитическое событие – она была принята в Лигу Наций.

Укрепление международных позиций Турции в последние годы жизни Ататюрка позволили ей предпринять ряд успешных

миротворческих шагов на региональном уровне – участвовать в создании в 1934 г. Балканского пакта; её многолетние инициативы в отношениях с Афганистаном, Ираном, Ираком увенчались в 1937 г. заключением Саадабадского пакта. В преамбуле договора отмечалась общая цель пакта: «обеспечение мира и безопасности на Ближнем Востоке путём предоставления гарантий в дополнение к тем, которые предусмотрены Соглашением Лиги Наций»⁷².

Что касается лозаннского «наследства», к началу 1930-х годов Турции удалось урегулировать с Западом лишь часть важнейших экономических и политических вопросов «наследства». Начиная с 1933 г., когда захват Гитлером власти в Германии создал непосредственную военную угрозу в Европе, а усилившиеся военные приготовления Италии (укрепление Додеканезских островов, расположенных в нескольких километрах от турецких берегов) возбудили беспокойство в бассейне Средиземного моря, турецкая дипломатия стала зондировать возможность пересмотра Лозаннской конвенции 1923 г. с целью ремилитаризации проливов. Этот документ, «английский продукт» Лозанны, ограничивал суверенитет страны: Турция была обязана демилитаризовать Босфор и Дарданеллы, допустить в Стамбул международную комиссию по наблюдению за выполнением конвенции. Военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Чёрное море фактически без серьёзных ограничений. В результате инициативы Турции, поддержанной СССР, в июне-июле 1936 г. на международной конференции в Монтрё была выработана новая международная конвенция о Проливах, действующая и поныне.

Согласование положений новой конвенции далось нелегко. Советское правительство не менее турецкого было заинтересовано в пересмотре режима Проливов, соединяющих открытое Средиземное море с закрытым Чёрным. Через Проливы проходила значительная доля экспорта СССР. И что самое важное и давно известное всем, Проливы имели, как раньше для России, так и теперь для Советского Союза, огромное военно-стратегическое и торговое значение. Турецкие авторы пишут, что советская сторона поддержала требование Турции о вооружении Проливов, более того, она изъявила готовность сама их вооружить. Но турками такое предложение не было принято⁷³.

Настоящая дипломатическая баталия за статус Проливов развернулась между советской и английской делегациями. Англию

не удовлетворяли предполагаемые ограничения прохода через Проливы для военных кораблей нечерноморских держав, короткие сроки пребывания в Чёрном море и обязательно фиксируемая цель посещения Чёрного моря – визит вежливости. Советская же сторона была против пункта об ограничении прохода через Проливы военных судов черноморских держав⁷⁴. Как справедливо пишет А.Ф. Миллер (участвовавший в работе конференции), позиция британского правительства была шаткой, «международный» статус Чёрного моря никогда никем не признавался, а тезис об одинаковых условиях прохода через Проливы военных кораблей всех стран тоже был необоснован. Оказалась неприемлемой для советской стороны и турецкая позиция, предусматривавшая ограничение тоннажа военных кораблей черноморских стран при проходе через Проливы. Турцию интересовала прежде всего ремилитаризация Проливов, режим самого Чёрного моря и безопасность черноморских стран её интересовали намного меньше. Стало очевидным в этом вопросе совпадение интересов Турции и Англии, как и в былые далёкие времена, в ущерб интересам – тогда России, теперь СССР⁷⁵.

Глава турецкой делегации Арас ясно заявил: «Турция является столь же черноморской, как и средиземноморской страной. Поэтому я больше интересуюсь вопросом о Проливах. Что касается остального, я желаю, чтобы было достигнуто соглашение между черноморскими и средиземноморскими державами»⁷⁶.

В конечном счёте и англичане, и турки пошли на уступки советской стороне, срывать переговоры в условиях начала фашизации Европы они сочли неблагоприятным. Советская делегация при согласии Турции добилась для черноморских государств права проводить через Проливы свои военные суда без ограничения тоннажа. 18 июля 1936 г. участники конференции подписали новую конвенцию о режиме Проливов.

Турция восстанавливала свой полный суверенитет над зоной Проливов⁷⁷; ликвидировалась международная комиссия по контролю над Проливами, её функции перешли к турецким властям. Подтверждалась полная свобода прохода через них торговых судов всех стран в мирное время с соблюдением общепринятых правил санитарного досмотра. Некоторые ограничения предусматривались для торговых судов невоюющих стран, если сама Турция участвовала в военных действиях, а также если считала

себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

Положения конвенции, касавшиеся военных судов, определяли, что нечерноморские государства могли проводить через Проливы в мирное время лёгкие надводные корабли, малые боевые суда, вспомогательные суда, в количестве не более 9 единиц и максимумом общего тоннажа в момент прохода 15 тыс. т. Всего же в Чёрном море нечерноморские державы могли держать каждая корабли общим тоннажем не более 20 тыс. т, а все вместе – не более 30 тыс. т. Срок их пребывания ограничивался 21 днём. В случае увеличения в последующем тоннажа флота самой крупной черноморской державы лимит общего тоннажа в Чёрном море флота нечерноморских держав также мог превысить цифру в 30 тыс. т, но не более чем до 45 тыс. т. Что касается черноморских государств, то они могли проводить через проливы линейные корабли тоннажем свыше 15 тыс. т и подводные лодки.

Конвенция не полностью отвечала интересам черноморских держав, она фактически предоставляла Турции исключительное право толковать конвенцию и проводить её в жизнь по своему усмотрению. Это вытекало из принятого на конференции принципа суверенитета Турции над Проливами. Поэтому применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Анкары ⁷⁸.

Следует отметить, что дипломатические успехи Турции в указанные годы свелись не только к пересмотру режима Проливов. Необходимо указать некоторые двусторонние и многосторонние дипломатические документы с участием Турции, такие, например, как румыно-турецкий договор 1933 г. о дружбе, арбитраже и ненападении, предшествовавший, вместе с другими договорами, созданию Балканской Антанты. Этот союз Греции, Румынии, Турции и Югославии был заключен в Афинах в 1934 г. с целью сохранения сложившегося после Первой мировой войны соотношения сил на Балканах (Вторая мировая война положила конец этому союзу).

В этом же перечне важное место занял Саадабадский пакт 1937 г., оформивший политический блок Турции, Ирана, Ирака, Афганистана. Он был подписан в Саадабадском дворце Тегерана. Пакт предусматривал неприкосновенность общих границ, отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела и т. д.

Успешным стало решение Турцией территориального спора с другим недавним военным противником – Францией, обладавшей мандатом Лиги Наций на управление Сирией и присоединившей к ней Александреттский санджак (Хатай), который Турция также считала своей территорией⁷⁹.

Долгое время, вплоть до 1936 г., Турция официально не возвращалась к этому вопросу, хотя в санджаке не раз по разным поводам случались столкновения турецкого населения с французскими колониальными властями. Но 9 сентября 1936 г. был парафирован франко-сирийский договор, радикально менявший судьбу санджака, – он предусматривал прекращение через три года французского мандата и вступление Сирии в Лигу Наций, причём по этому договору Александреттский санджак вошёл в состав Сирии. Это событие спровоцировало в Турции шумную кампанию против Франции, высказывались требования о том, чтобы санджак получил такую же самостоятельность, как Сирия и Ливан.

В октябре 1936 г. начались официальные переговоры и дипломатическая переписка между турецким и французским правительствами. Турция утверждала, что прежние договорённости о санджаке достигнуты были ею не с Сирией, которой в то время не существовало, а с Францией, причем санджак был передан Франции не безусловно, а условно; если теперь Франция отказывалась от власти в этом районе, суверенитет должен перейти к населению санджака; Франция не вправе передавать без согласия Турции свои договорные права третьему государству.

Франция же в своих ответных нотах заявляла, что не может согласиться на независимость санджака, в частности, потому, что создание третьего самостоятельного государства – Александреттского – явилось бы расчленением подмандатной территории (то есть Сирии) и нарушением условий мандата; что ранее достигнутые договорённости обеспечивали санджаку автономный административный режим, а не особый политический статус; прежний же режим сохранялся бы и после отмены французского мандата на Сирию. Турция добивалась независимости Александреттского санджака, имея в виду в более или менее близком будущем присоединение этой территории к Турции. Возник таким образом новый и достаточно продолжительный конфликт, сопровождавшийся волнениями в санджаке⁸⁰.

Не желая окончательно испортить дружественные отношения с Турцией, Франция пошла на уступки, уже в конце января 1937 г. на сессии Совета Лиги Наций был принят компромисс, предусматривавший, что Александреттский санджак, сохраняя связи с Сирией в вопросах внешней политики, денежной системы и таможен, получит полную самостоятельность в своих внутренних делах; он будет оставаться под контролем Лиги Наций, Франция и Турция совместно гарантируют его территориальную целостность; конституция и статут санджака будут утверждены Советом Лиги Наций; Турция получит специальные привилегии по использованию Александреттского порта для своих транзитных операций. В мае 1937 г. Совет Лиги Наций утвердил конституцию и статут Александреттского санджака, одновременно в Женеве были подписаны соответствующие франко-турецкие соглашения. Однако зимой 1937–1938 гг. конфликт разгорелся снова⁸¹. К весне 1938 г. уличные столкновения в санджаке превратились в настоящую войну между турками и нетурками.

Франции вновь пришлось уступить, опасаясь потерять поддержку Турции в той непростой ситуации, которая сложилась в канун Второй мировой войны, в частности в восточном Средиземноморье. В этом её всемерно убеждала также британская дипломатия, рассчитывая на окончательное вытеснение французского влияния из стран Леванта. 3 июля 1938 г. в г. Антакья (Антиохия) между французским и турецким генеральными штабами было подписано соглашение, которое предусматривало введение в санджак турецких войск в количестве, равном французскому (по 2500 человек). 4 июля 1938 г. в Анкаре был парафирован франко-турецкий договор о дружбе, турецкие войска немедленно вступили на территорию санджака⁸². 23 июня 1939 г. одновременно в Анкаре и Париже были подписаны два документа. Анкарское соглашение объявляло, что Хатай (Александреттский санджак) окончательно присоединялся к Турции, парижское представляло собою декларацию о взаимной помощи; её текст совпадал с ранее заключённой англо-турецкой⁸³.

Следует отметить, что сирийское правительство решительно отказалось признать переход санджака к Турции, и поныне этот вопрос остаётся предметом постоянных трений в отношениях между Сирией и Турцией.

Угроза агрессии на Балканах и в Средиземном море, прежде всего Италии, побуждала Турцию и Грецию вновь и вновь искать пути мирного сотрудничества, несмотря на недавние (и давние) трагические события в их исторических связях. Вслед за созданием Балканской Антанты в 1934 г. и с учётом нападения Италии на Эфиопию в 1935 г. Греция и Турция заключили «джентльменское» средиземноморское соглашение с Англией. Наметившееся с этого времени усиление английского влияния в Турции, которое давно уже играло решающую роль в Греции, способствовало ещё большему укреплению греко-турецкого союза. Демонстрацией этих союзных отношений был визит в Афины в 1937 г. турецкого премьер-министра Исмета Инёню. В 1938 г. Греция и Турция, обеспокоенные продвижением Германии к Балканам (захват Австрии), подписали 27 апреля в Афинах новый договор, по которому взяли на себя обязательство вооружённого нейтралитета в случае нападения одной или нескольких держав на другую сторону и обещали друг другу консультацию, если такое нападение совершится. Греко-турецкий союз получил косвенное подтверждение также и в англо-франко-турецком договоре 1939 г., согласно которому Турция обязывалась выступить на стороне Англии и Франции в случае возникновения военных действий в бассейне Средиземного моря и, в частности, если Англия и Франция начнут военные действия в связи с гарантиями, данными ими Греции (и Румынии)⁸⁴.

Турция без Ататюрка

Наступил конец 1930-х годов, завершались последние реформы Ататюрка. К концу 1937 г. заметно ухудшалось и здоровье первого президента страны, старая болезнь печени и почек обострилась, всё чаще лишая его работоспособности. К этому времени многое поменялось в политической жизни страны, в руководстве. В сентябре 1937 г. у него возник крупный конфликт с премьер-министром И. Инёню, завершившийся вскоре отставкой последнего, его сменил Дж. Баяр⁸⁵.

Вспоминая в своих мемуарах отставку, Инёню намекает на интриги против его персоны, организованные в окружении Ататюрка. Он взял полуторамесячный отпуск, и его обязанности премьер-министра 21 сентября было поручено выполнять министру экономики Дж. Баяру⁸⁶.

26 мая 1938 г. Ататюрк, тяжелобольной, на специальном поезде вновь выехал из Анкары в Стамбул. И за несколько дней до смерти он верил, что вернётся в Анкару и сможет присутствовать на стадионе на праздновании 15-летия республики. На этот случай для него был приготовлен специальный подъёмник в президентской ложе. Однако планам этим не суждено было осуществиться. 29 октября 1938 г. День Республики Анкара отмечала без своего президента, умиравшего в Стамбуле в отведённых для него покоях во дворце Долмабахче. Ататюрк скончался 10 ноября в 9 часов 5 минут. Этот день до сих пор отмечается в Турции как день национального траура. На следующий день 11 ноября ВНСТ избрало новым президентом страны Исмета Инёню. Был сформирован новый кабинет министров во главе с Дж. Баяром. Вместо Араса министром иностранных дел стал Шюкрю Сараджоглу (в 1942–1946 гг. – премьер-министр).

До 19 ноября 1938 г. гроб с телом Ататюрка находился во дворце Долмабахче, а затем морем до Измитского порта и далее специальным поездом был доставлен в Анкару. Жители города в течение двух дней прощались с Ататюрком у тогдашнего здания ВНСТ на площади Улус, после чего гроб был водружен в Этнографическом музее и находился там 15 лет, пока в 1953 г. не был с почестями перевезён (10 ноября) в специально построенный мавзолей и там, под траурным залом, погребен.

Среди многих иностранных правительственных делегаций в траурной церемонии прощания с первым президентом Турецкой Республики приняла участие с 16 по 26 ноября и советская делегация во главе с В.П. Потёмкиным, первым заместителем наркома иностранных дел. От Севастополя до Стамбула делегация проследовала на борту эсминца «Москва» под флагом командующего Черноморским флотом флагманом 2-го ранга Юмашева. В Стамбуле советский корабль, произведя салют наций в 21 выстрел, присоединился к другим прибывшим на церемонию кораблям – английскому линкору «Малайя», французскому крейсеру «Эмиль-Бертин», немецкому крейсеру «Эмден», румынскому эсминцу «Реджина-Мария» и греческому эсминцу «Гидра». 19 ноября 1938 г. в течение двух часов все корабли приняли участие в эскорте линейного крейсера «Явуз» с телом Ататюрка до Принцевых островов. Затем до Анкары похоронную процессию сопро-

вождал взвод краснофлотцев в составе 40 человек под руководством двух лейтенантов и политрука⁸⁷.

Ататюрк не оставил какого-либо политического завещания, ограничившись частным, хотя по своему содержанию оно касалось не только родных и близких президента, но и созданной им Народно-Республиканской партии. Единственной наследницей Ататюрка по закону оставалась его младшая сестра Макбулеханым, жившая с ним вместе в Чанкая. У него была другая сестра, Наджие, но она умерла ещё в 1901 г. Мустафа Кемаль был женат, однако брак этот оказался недолгим и детей у него не было.

Вскрытие пакета с завещанием Ататюрка состоялось 28 ноября 1938 г. в помещении третьего мирового суда Анкары в присутствии министров юстиции, внутренних дел, иностранных дел, генерального секретаря НРП, а также сестры Ататюрка, представителей прокуратуры Анкары, нескольких депутатов ВНСТ, судей, адвокатов⁸⁸.

Как видно из текста завещания, который мы приводим по книге М. Левентоглу «Завещание Ататюрка»⁸⁹, все имевшиеся на его счетах средства Ататюрк передавал Народно-республиканской партии при условии, что, во-первых, они будут в обороте Делового банка и, во-вторых, доходы от них будут использованы на пособия перечисленным в завещании лицам и организациям. Что касается отдельных лиц, указанных в завещании, первой стоит родная сестра Мустафы Кемалья – Макбуле. Ей по завещанию было предназначено самое высокое пособие⁹⁰. В указанное время ей было 53 года, в 1956 г. она умерла в возрасте 71 года. Она была последней из близкой родни Кемалья Ататюрка. После Макбуле в завещании названа Афет (Инан), приёмная дочь Ататюрка, спутница жизни и помощница в работе в последние годы его жизни⁹¹.

Что же касается ежегодных ассигнований двум обществам, созданным Ататюрком, историческому и лингвистическому, то размеры их составили солидные суммы. Первая выплата была сделана в 1940 г., и тогда общества получили по 49 тыс. лир каждое. В последующие годы ассигнования каждому из обществ составляли сотни тысяч лир, а начиная с 1964 г. – ежегодно около 2 млн. лир. До настоящего времени благодаря завещанию Ататюрка оба общества имеют большие возможности для проведения ширококомасштабных исследовательских работ по турецкой

истории и лингвистике, организации крупных международных конгрессов.

Болезнь, а затем смерть Ататюрка пришлось на тревожное время – не только для Турции, но и многих других стран, прежде всего европейских. В Италии, Венгрии, Испании, Германии у власти оказались фашистские режимы, осуществлявшие экспансионистскую, захватническую политику и в самой Европе и на её окраинах.

В этих условиях кемалистские преобразования на принципах нейтралитета и равноудаления от великих держав постепенно стали уходить в прошлое. Кемалистскому режиму недолго пришлось выбирать, на кого ориентироваться. Конечно, учитывался исторический опыт, кстати, полученный в той же Крымской войне; учитывалась идеология европеизации с её принципами собственности – для турецкой бюрократической верхушки, правящей элиты с её явными признаками «большого и малого» абсентеизма это было очень важно. Конечно, на выбор влияли и коминтерновские дела, лозунги мировой революции. Но кемалисты уже свою революцию осуществили, их ждал следующий этап – не участие в мировой революции в качестве её резерва, а эволюция, то есть европеизация, вариант которой в немалой степени олицетворяла Англия. О том, как выбор союзников на этом пути определялся при Ататюрке, свидетельствуют шаги турецкой дипломатии при подготовке и проведении конференции в Монтрё. Л. Живкова приводит в своей книге свидетельства эволюции этого выбора. Она начала описание с 1934 г. В этот год, 17 июня, после банкета в Анкаре в честь шаха Ирана Ататюрк предложил английскому послу поиграть в покер. Как потом сообщал в Форин офис Перси Лорэн, игра продолжалась до утра. Затем состоялась беседа, которая завершилась к 10.30 утра... «Гази сказал, что он питает величайшее уважение к Англии и стремится к дружбе с ней. Почему мы не можем быть ближе друг к другу?» Когда в ответ посол иносказательно намекнул на наличие «препятствия», близости между Турцией и Россией, Гази напрягся и прервал бы беседу, если бы не дипломатическая ловкость посла, уверившего президента, что для англо-турецкой дружбы указанное обстоятельство препятствием быть не может. Тот же Перси Лорэн сообщал в другой, уже намного более поздней телеграмме в Форин офис от 8 мая 1936 г.: «Согласно версии,

имеющей здесь хождение, один турецкий друг сказал как-то Ататюрку: “Я вижу, Вы значительно сблизились с Англией”, на что Ататюрк ответил: “Значительно сблизился? Да я бросился в объятия Англии!”»⁹².

Столь успешное развитие турецко-английских отношений достигло своего апогея в сентябрьские дни 1936 г. 4 сентября английского короля Эдуарда VIII торжественно встречал на стамбульской набережной президент Турции Ататюрк. 20 ноября состоялась другая торжественная встреча – боевые корабли турецкого флота прибыли с дружеским визитом на о. Мальту. После всех этих торжеств в Турции «об Англии впервые начали писать как о дружественной державе».

Так формировались и внешнеполитические, и иные важные предпочтения Турции в преддверии мировой войны. Изменение отношения турецкого генерального штаба к Англии в 1936 г. сразу же отразилось на перспективах вооружения Турции. Она начала предоставлять военные заказы преимущественно английским фирмам. Дело не ограничилось военными заказами, после конференции в Монтрё Англии было разрешено создавать в районе Проливов военно-морские укрепления, пользоваться турецкими военными базами, начать реконструкцию портов в Измире, Стамбуле, Трабзоне и строить военные корабли и аэродромы на турецкой территории. На строительство металлургического комбината (в Карабюке) английской фирмой «Брассерт» в 1936 г. был предоставлен кредит на 3 млн. английских фунтов стерлингов⁹³.

Однако самым крупным торговым партнером стала Германия. В 1938 г. общая сумма кредитов Германии Турции достигала 87 млн. лир, тогда доллар был равен лире. В октябре 1938 г. было подписано соглашение с Германией о кредите в 150 млн. марок.

ТУРЦИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Внешняя политика нового руководства страны

Смерть Ататюрка 10 ноября 1938 г. стала причиной существенных перемен во властных структурах страны, в них оказались некоторые видные деятели, находившиеся ранее в оппозиции к первому президенту. Среди них были лица, близкие к пантюристским кругам, что отразилось и на внутренней, и на внешней политике. Президентом страны был избран человек номер два в Турции – Исмет Инёню, правда, в эти дни он уже не был, как ранее в течение многих лет, премьером (этот пост с 25 октября 1937 г. занимал Джелаль Баяр, а с 25 января 1939 г. – Рефик Сайдам). Турецкие историки отмечают наличие конфликтных ситуаций между Ататюрком и Инёню, пишут и о некоторых причинах: «В ближайшем окружении Ататюрка были и идеалисты, и интриганы, и карьеристы. Исмет-паша относился к этому окружению сдержанно и даже жёстко и держался от него подальше»¹.

К новому президенту, как к национальному шефу, перешли все полномочия сохранявшейся авторитарной власти. 26 декабря 1938 г. собрался чрезвычайный съезд НРП, на котором президент Инёню был провозглашён Национальным шефом (лидером) и бессменным Генеральным председателем партии. Основной задачей внешней политики, поставленной им, – было удержать Турцию вне войны. Он решительно проводил её, несмотря на давление как союзников, так и Гитлера².

Наметившиеся ранее, с середины 1930-х годов, признаки переориентации Турции на Францию, а ещё более на Англию недавних противников в борьбе за национальную независимость, превратились в устойчивую тенденцию, новое руководство активизировало сближение с Англией и Францией. В результате перед началом Второй мировой войны для всех, включая СССР, было очевидно, что внешняя политика страны ориентировалась на

политический и дипломатический союз с этими странами, прежде всего с Англией.

Ушло в прошлое боевое содружество Советской России и новой Турции, Турция в нём уже не нуждалась, сумев договориться с западными державами, прежде всего Англией и Францией. Правящие круги этих стран, в то время мировых колониальных держав, в отношении Советского Союза, своего идеологического противника, проводили открыто враждебную политику, что неизбежно исключало сохранение прежней доверительности в советско-турецких отношениях. Активным сторонником такой линии, очевидным «прозападником» был новый министр иностранных дел Сараджоглу, сменивший на этом посту в 1938 г. Тевфика Араса. Названные страны в предвоенные годы проводили политику соглашательства с фашистскими режимами Европы, не спешили вовремя противопоставить реваншистской политике Германии что-либо, кроме дипломатических протестов. Более того, Англия и Франция надеялись (и стремились к этому) на то, чтобы германскую агрессию направить в сторону СССР. Турция, её политики всё с большим интересом и даже пониманием относились к такой позиции³.

События 1930-х годов свидетельствуют, что большевистскому руководству СССР не удалось убедить Францию и Великобританию отказаться от политики невмешательства в фашизацию и территориальный передел Европы, осуществлявшихся Гитлером и Муссолини. Не встречая достойного противодействия, Гитлер добился аншлюса (присоединения к Германии) Австрии. Следующей его жертвой стала Чехословакия. По инициативе Муссолини 30 сентября 1938 г. в Мюнхене была проведена конференция представителей Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини). На ней западные страны фактически предали своего союзника – Чехословакию, согласившись на отторжение от неё промышленно развитой Судетской области. В марте 1939 г. немецкие войска оккупировали Чехию, а в Словакии было создано марионеточное государство. Союзниками Германии стали и многие другие страны Центральной Восточной Европы – Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, руководители которых примкнули, как им казалось, к стану будущих победителей.

Об отношении Турции к этим событиям можно судить по циркулярному письму её МИД от 4 мая 1939 г., в котором, частности, отмечалось: «Правительство Республики с самого возникновения гитлеровского режима с полным беспристрастием отнеслось к наблюдаемой в Германии динамике, а позже таким же образом оценило наблюдающееся сближение между Римом и Берлином; оно не отказалось от продолжения своих дружеских отношений с обоими государствами, особенно с Германией, основанных на экономических связях, предоставив таким образом великим державам право самим решать свои разногласия». В таком же духе, отмечено в этом документе, турки восприняли и мюнхенское решение о передаче Германии чехословацких Судет, «это было согласованное между участниками встречи решение». Первым (!) актом германской политики, привлёкшим внимание Турции, стала ликвидация Чешского государства⁴.

Что касается международного авторитета СССР в эти годы, серьёзный ущерб ему нанесли внутренние события – массовые репрессии, показательные процессы над «врагами народа», уничтожение военных кадров. Такого рода действия заставляли задуматься о целесообразности сотрудничества со сталинским режимом соседей Советского государства. Турция не стала исключением. В глазах ведущих турецких политиков (многие из них посетили СССР) этот режим становился опасным, тем более что были налицо и успехи индустриализации, и воздействие этих факторов на левые круги Турции.

Реальность германской угрозы заставила всё же Англию, Францию и СССР искать пути для военного сотрудничества. Весной 1939 г. между ними начались переговоры. Однако ни одна из сторон не спешила брать на себя определенные обязательства в случае нападения на партнёров по переговорам⁵. В конце концов переговоры зашли в тупик. Убедившись в их бесплодности, Сталин принял предложение Гитлера заключить пакт о ненападении. Документ был подписан наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 23 августа 1939 г.⁶

Турецкий автор Кямуран Гюрюн по дням описал драматические события, сопровождавшие переговоры в Москве советских руководителей с немцами, и почти синхронно – с военной англо-французской делегацией, в составе которой, как он признаёт, не

было никого, кто имел бы право подписать готовившийся документ. Он приводит слова Ворошилова 25 августа на последней встрече с англо-французской делегацией: «В связи с изменившейся политической ситуацией продолжение переговоров потеряло смысл»⁷.

На другой день после ратификации договора 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу – так началась Вторая мировая война. 19 октября 1939 г. в развитие всех ранее достигнутых договорённостей и деклараций в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи. Этот документ, в частности, предусматривал, что Турции будет оказана помощь со стороны Франции и Англии, «если Турция будет вовлечена в военные действия с европейской державой в результате агрессии, совершённой этой державой против Турции»; также предполагалась помощь со стороны Турции «в случае акта агрессии, совершённого европейской державой и приведшего к войне в зоне Средиземного моря, в которую будут вовлечены Франция и Соединенное королевство», наконец договор обусловил помощь в ряде случаев Греции и Румынии со стороны Турции и т. д. Он оформил союз между тремя странами, однако развернувшаяся вскоре война в Европе продемонстрировала его несостоятельность.

Турция предприняла шаги по заключению с СССР своего варианта пакта о взаимопомощи, его задачей было добиться военного союза с Советами в рамках такого союза с Западом. Но Советы были убеждены, что западные державы не принимают серьёзно их союз с ними. Особенно укрепили их в этом убеждении Мюнхенское соглашение 1938 г. и последовавшие за ним действия. Сталин и Молотов были готовы на такой союз при условии, что он: 1) не приведёт к конфликту с Германией, 2) внесёт поправку в конвенцию по Проливам о том, что нечерноморским государствам будет запрещено проходить Проливы. Так ещё оставалась надежда договориться. Но советско-германские переговоры отодвинули советско-турецкие на второй план и они были прерваны⁸. Получалось, что Советский Союз через систему параллельных пактов (советско-турецкого и англо-франко-турецкого) оказался бы нарушителем только что подписанного с Германией пакта о ненападении. Поэтому предпринятый в этих целях визит в Москву министра иностранных дел Турции Сараджоглу оказался неудачным⁹.

Как отмечают турецкие историки, после подписания Германией пакта с СССР наблюдался рост советско-германского сотрудничества, включая экономическое, например увеличилось поставки советской нефти в Германию. Воспользовавшись осуждением СССР в Лиге Наций (и исключением затем из этой организации) в связи с началом им войны против Финляндии, союзники вознамерились ослабить это сотрудничество, разбомбив бакинские и батумские нефтепромыслы и нефтепереработку. Но была, отмечает Дж. Кочак, и другая цель: спровоцировать таким образом беспорядки в регионе под исламистскими лозунгами и поддержать их. Французский посол в Анкаре Масигли в январе-феврале 1940 г. стал автором плана Великого Турана, объединяющего «миллионы тюрок», проживавших в СССР. Он был убеждён, что при реализации этого плана власти Турции его поддержат. Речь шла о авианалётах на Кавказ с аэродромов Сирии и Ирака через территорию Турции с промежуточной посадкой в Турции и Иране. Англичане поддержали план; любопытной, пишет Кочак, была реакция Сараджоглу: он лишь спросил, не возникнут ли со стороны Ирана трудности ¹⁰.

Но, надо думать, мир ожидал от союзников действий в самой Европе, турки, во всяком случае, надеялись на действенность недавно заключенного пакта с Англией и Францией. Не без иронии Надир Нади пишет: «Мы с нетерпением ждали того дня, когда мы начнём на деле наше сотрудничество с нашими друзьями при разгроме Гитлера. Турецкий народ был готов пролить кровь во имя спасения западной цивилизации. Именно таким сочинительством от имени нации занимались мы, редакторы». В другом месте мемуаров он подробно описывает драматическую оккупацию Франции и сообщает, что собравшиеся по этому поводу 26 июня 1940 г. члены парламента от НРП спрашивали себя, что делать с обязательствами перед Францией по военному союзу, причём некоторые горячие головы потребовали спасти честь страны и вступить в войну с Германией. Но была найдена оговорка (не совсем убедительная), которая позволила руководству страны уклониться от выполнения пакта ¹¹.

В это же время Германия пыталась вести двойную игру и с Турцией, и с СССР. По мнению армянской исследовательницы Р. Корхмазян, после нападения в конце октября 1940 г. Италии на Грецию только Германия могла удержать Италию от дальней-

шего продвижения к турецкой границе, вместе с тем для самой Германии вопрос о войне с Турцией всю ту осень оставался открытым. Только в ноябре было решено отказаться от южного варианта (через Анатолию на Кавказ) войны против СССР¹². Германия также активно заманивала Советский Союз в пакт Оси и предметом торга называла Турцию, одновременно ставя Турцию в известность об этом. Опасаясь сближения двух стран и готовясь к нападению на СССР, немцы с весны 1941 г. начали с помощью посулов и угроз «готовить» Турцию к заключению турецко-германского договора о ненападении. Договор долго согласовывался, немцы пытались включить не отвечающие нейтралитету Турции положения, наконец, 18 июня 1941 г. германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении был подписан.

Стороны обязались «уважать нынешние обязательства обеих стран»; целостность и неприкосновенность национальной территории обеих сторон; не принимать никаких мер, которые были бы направлены прямо или косвенно против другой стороны; впредь поддерживать дружественный контакт по поводу всех вопросов, касающихся их взаимных интересов, чтобы достигать согласия по этим вопросам и т. д. Далее мы увидим, что, выполняя такого рода обязательства, например в части использования Проливов немцами, Турция нарушала тем самым другие обязательства — перед советской стороной¹³.

Так Германия получила гарантию для своего южного фланга, начав через 4 дня войну против СССР. Турция же, считая турецкие историки, после всего этого, наконец, ощутила спокойствие и удовлетворение, поскольку осталась вне войны. Но главное, она была спасена от самой большой опасности: разделить судьбу Польши, подвергнувшейся совместному нападению Германии и Советов¹⁴.

Турция лавировала между двумя блоками, стремясь сохранить свой нейтралитет, хотя поражение Франции в войне, слабость Англии превращали Германию в партнёра, казалось бы, более предпочтительного. При этом учитывались, очевидно, и такие события в непосредственной близости к Турции, как вторжение Италии, а затем Германии в Грецию, участие Болгарии в «тройственном пакте», что сопровождалось появлением германских войск в этой приграничной Турции стране. О выполнении Турцией

обязательств перед Францией и Англией речь уже не шла, Турция стремилась быть невоюющей стороной «в пользу Германии».

Соответственно, в самой стране возросло число сторонников дружбы с фашистской Германией. Цитируемый нами Надир Нади, например, в издаваемой им газете «Джумхуриет», считавшейся в те времена правой, опубликовал передовую, в которой написал, что немецкое господство – это реальность для мира. Это вызвало шумную полемику в печати, но Надир Нади продолжал утверждать, что германский союз – это историческая необходимость¹⁵.

Турция и Великая Отечественная война СССР с фашистской Германией

22 июня 1941 г. фашистская Германия и её союзники обрушили на Советский Союз удар огромной силы: 190 дивизий (5,5 млн. человек), свыше 3 тыс. танков, около 5 тыс. самолётов. На советско-германском фронте находилось от 62 до 70% действовавших дивизий фашистской Германии. Кроме того, в боевых действиях на советско-германском фронте принимали участие итальянские войска, испанская дивизия, хорватские, словацкие, французские части, подразделения добровольцев из других оккупированных Германией стран. Для военно-экономического обеспечения похода против СССР использовались ресурсы почти всех европейских государств.

Выступление Черчилля по лондонскому радио вечером 22 июня 1941 г. в поддержку Советского Союза, заключение союзного договора с СССР в мае 1942 г. и другие шаги отразили трезвое понимание им государственных интересов Британии (в том числе и колониальных, тогда весьма весомых) в процессе борьбы с общим противником. Вскоре он вспомнил и Турцию, сообщив И. Сталину 30 августа 1941 г. о намерении снабдить её всем необходимым, «с тем чтобы привлечь её на нашу сторону». Сталин ответил 3 октября согласием как в отношении Турции, так и Китая¹⁶.

Лето и осень 1941 г. стали критическими для Советского Союза. Немецко-фашистские войска вторглись в пределы страны на глубину от 850 до 1200 км. Миллионы людей погибли на фронтах, оказались в оккупации или в гитлеровских лагерях. Однако Германии не удалось достичь своих стратегических целей,

захватить Ленинград и Москву¹⁷. Летом 1941 г. было положено начало созданию антигитлеровской коалиции. 14 августа 1941 г. правительства США и Великобритании подписали Атлантическую хартию, в которой было сказано о целях войны против фашистской Германии и её союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов и праве народов избирать себе форму правления. 24 сентября 1941 г. на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям Атлантической хартии, что создало предпосылки для образования антигитлеровской коалиции. США и Великобритания начали осуществлять в СССР значительные военные поставки¹⁸. В 1941 г. война окончательно приняла характер мировой – Япония развязала войну против США. США, Великобритания и другие страны объявили войну Японии, Германия и Италия объявили войну США¹⁹.

Положение Советского Союза в 1941–42 гг. было чрезвычайно трудным. Украина, Белоруссия, Прибалтика, западные, северо-западные и некоторые южные области РСФСР были оккупированы противником. В летне-осенней кампании 1942 г. основные военные события развернулись на юго-западном направлении.

Сталин сообщал Черчиллю 8 ноября 1942 г. об ухудшении положения на Кавказском фронте: «Немцам удалось захватить Нальчик». А ранее Черчилль обрисовал тяжёлую ситуацию в Средиземном море, в сражении за Мальту был потоплен английский авианосец «Игл». «Если мы сможем открыть путь для военного транспорта через Средиземное море, проблема нашего судоходства будет значительно облегчена – и мы войдём с Турцией в контакт более тесный»²⁰.

Как в Турции было воспринято сообщение о германском нападении на Советский Союз? Кочак пишет: «Германо-русская война породила в стране атмосферу праздника. Все сердца, памятуя о пяти веках истории, начали биться в унисон с немецкими победами. Все поздравляют друг друга, говорят: “С праздником вас, война отодвинулась”». Автор приводит и такие отрывки из мемуаров Барутчу, своего современника: «В коридорах меджлиса я увидел министра Сараджогу и сказал: “Поздравляю с политическим газаватом”, а в ответ услышал: “Поздравим всех нас”. Родовался и Инёню, а некий маршал, улыбаясь, сказал: “Будет просто стыдно, если война не кончится через неделю”». В докладе

Папена в Берлин от 22 июня сообщалось, что ему позвонил Сараджоглу и пожелал хороших шансов. А в день нападения в газете «Джумхуриет» 22 июня 1941 г. утверждалось, что Гитлер — это единственный лидер, понимавший Ататюрка²¹.

Однако вступать в войну на чьей-либо стороне Турция не собиралась. После нападения Германии на Советский Союз она в тот же день объявила о своём нейтралитете, а 25 июня эту позицию подтвердила вербальной нотой, переданной Советскому правительству. За четыре дня до начала гитлеровской агрессии против СССР, 18 июня между Турцией и Германией был заключен пакт о дружбе и ненападении. При этом сохранялся и союз с Англией (Франция была оккупирована), оформившийся ещё в мае 1939 г. Уместно вспомнить сохранявший свою силу, неоднократно продлеваемый и модифицируемый, Парижский договор 1925 г. о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией. К этим дипломатическим документам турецкое правительство периодически и всегда в подходящее для него время обращалось, чтобы свидетельствовать о том, что страна вынуждена оставаться в стороне от мировой войны.

Стало очевидно, что доверия у двух стран друг к другу не осталось. Уже со времен Монтрё СССР не слишком доверял Турции, а теперь восторги в Турции по поводу того, что началось на полях сражений в СССР, кажется, привели в шок советское руководство. Турция же после подписания пакта Молотова—Риббентропа не только не доверяла своему северному соседу, но и боялась его, хотя и сочла обречённым на поражение в начавшейся войне с фашистской Германией.

Вместе с тем уже с первых дней войны СССР с Германией Турцию начинали беспокоить английские заявления относительно совместных действий с СССР. Турция потребовала от Москвы информации согласно договору 1925 г. о содержании англо-советских переговоров. Москва, со своей стороны, обвинила Турцию в нарушении конвенции Монтрё. Случилось то, чего опасались советские дипломаты в Монтрё по поводу обязательств турецкой стороны относительно запрета нечерноморским державам проводить свои военные суда через Проливы. Уже в июле 1941 г. имела место дипломатическая переписка между советской и турецкой сторонами относительно несоблюдения Турцией конвенции Монтрё. В первой советской ноте от 12 июля 1941 г. обраща-

лось внимание на пропуск турецкими властями 9 июля в Чёрное море через Проливы немецкого военного катера «Зеефальке» в нарушение действовавшей конвенции по Проливам²².

В переписке по этому поводу турецкие ответы сначала сводились к тому, что властям неизвестно об этом случае, затем, что судно «Зеефальке» имело немецкий торговый флаг и другие свидетельства торгового судна. В этом и в более поздних случаях, когда советская сторона высказывала соответствующие упреки, она в ответ неизменно получала пространные и поучительные «разъяснения», что речь идёт о торговых судах и Турция скрупулезно выполняет условия конвенции и не может их нарушать. Неслучайно в это же время шведская газета «Стокхолмс Тиднинген» опубликовала сообщение из Анкары о том, что будто бы Советский Союз и Великобритания заключили тайный договор, предусматривавший, в частности, признание «русских претензий на установление контроля над Босфором и Дарданеллами»²³.

Случаи такого нарушения Германией конвенции Монтрё продолжались и позже, пока её войска не были изгнаны Советской армией из черноморских портов. В 1944 г. эти попытки Германии были особенно заметны, немцы пытались выводить свои небольшие военные вспомогательные корабли, закамуфлированные под торговые. Часто они проходили как торговые под честное слово Папена. По требованию английских и советских дипломатов турки нехотя стали проверять некоторые суда и оказывалось, что они провозят вооружение, электронное оборудование, боеприпасы и даже переодетых в гражданское военных. Произошел случай, когда шедшее из Чёрного моря в Эгейское судно «Кассель» турки попытались досмотреть, но получили от экипажа отказ. Досмотр всё же состоялся и стало очевидно, что это – вспомогательное военное судно с 9-миллиметровой броневой обшивкой, перевозившее 30-тонный кран и тяжёлую пулемётную установку²⁴.

Очевидно, что, несмотря на объявленный нейтралитет и стремление правящих кругов Турции избежать её вовлечения в войну на стороне одной из воюющих сторон, в этих кругах были влиятельные группировки, симпатизировавшие либо Англии, либо фашистской Германии. Но какими бы симпатиями или антипатиями в отношении названных держав ни различались эти группировки (а многие из них не доверяли Германии, опасаясь её вторжения в Турцию), они были едины в одном, когда демон-

стрировали открытую враждебность к СССР в самые трудные для него дни и месяцы. Одни их представители могли заявлять об этом публично, другие, ввиду занимаемых ими официальных постов, делали это в конфиденциальных беседах. Дело не ограничилось Проливами, обнаружилась в это грозное для советского государства время другая опасность – попытки упомянутых турецких группировок спровоцировать раскол страны. Суть этой опасности проявилась менее, чем через два месяца после нападения фашистов на СССР во время беседы в Берлине статс-секретаря германского МИД Вейцзеккера с турецким послом в Берлине Хюсревом Гереле. Как докладывал Вейцзеккер Риббентропу в начале августа 1941 г., турецкий посол навёл разговор на тему о пограничных советских племенах тюркского происхождения на советской территории. Он обратил внимание на возможность антисоветской пропаганды через эти тюркские племена. Потом он довольно откровенно заявил о том, что впоследствии можно объединить кавказские народы в одно буферное государство, и намекнул, что на восток от Каспийского моря также могло бы возникнуть самостоятельное тюркское государство. Гереле не замедлил затронуть основной вопрос, охарактеризовав Баку как город, где всё население говорит по-тюрски²⁵.

Так уже с первых месяцев советско-германской войны и дружеского нейтралитета с Германией заметно активизировались крайние формы турецкого национализма – шовинизм, расизм, пантуранизм (пантюркизм), фашизм. Не воевавшая Турция внимательно и подчас благосклонно выслушивала идеологов и дипломатов рейха о скором крушении СССР и готовности фашистов «поделиться» с Турцией некоторыми советскими территориями на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии, населёнными тюрками. На наш взгляд, такого не случилось бы при Ататюрке, будь он жив. Как прагматик он прекрасно осознавал наличие подводных камней в отношениях его республики с коммунистическим режимом на севере и, учитывая эти «камни», находил всё же способы сохранять с СССР добрососедские отношения. Во всяком случае, памятуя о «руке дружбы», протянутой с севера кемалистам в дни битвы на Сакарье, аналогичным образом в дни битв под Москвой, под Сталинградом, он именно в такое смертельно опасное для Москвы время не позволил бы «разгуляться» пантюркистам, которых и в его время было достаточно.

На «тюркскую» тему Папен 28 августа 1941 г. беседовал и с президентом Турции И. Инёню. В ответ он не услышал резкой отповеди, ему было лишь сказано, что «по этим темам можно будет поговорить только после поражения Советов и только тогда у Турции появится желание говорить об этом». В такого рода полуофициальных беседах члены турецкого правительства не заходили слишком далеко – не далее создания в данном регионе буферного государства, тесно сотрудничающего с Турцией. Пантуранистские же круги Турции стремились к непосредственному присоединению этих территорий и для осуществления этого хотели немедленно вступить в войну на стороне Германии. С другой стороны, переселенцы и беженцы, националистические лидеры тюркского происхождения в Турции и Германии были намерены договориться с Германией о том, чтобы в районах германской оккупации создать независимые тюркские государства. Подход же Германии был совершенно иной: чтобы облегчить победу над Советами и развалить их изнутри, среди тюркских народов на оккупированных землях действительно следовало проводить пропаганду националистических взглядов и устанавливать контакты с лидерами сторонников независимости. Однако основной целью этих мер должна быть германская колонизация указанных земель по причине их богатых природных ресурсов.

Осенью 1941 г. Инёню направил на Восточный фронт начальника военной академии Йылдыз Али Фуад Эрдена и специалиста по советско-германской войне отставного генерала Эркилета. Они объездили с 15 октября по 5 ноября некоторые города военных союзников немцев – Болгарии, Румынии, а также посетили оккупированные Одессу и Николаев, побывали в лагерях советских военнопленных, беседовали с «военнопленными тюркского происхождения», были приняты Гитлером. Папен затем доносил в Берлин, что оба генерала на встречах с ним высказали удовлетворение предоставленной немцами возможностью, что итоги поездки генералы немедленно доложили Инёню, причём Эрден сообщил Инёню, что «война с Советами вот-вот должна закончиться». На этой шестичасовой встрече присутствовали также Сараджоглу и Чакмак²⁶. Несколько ранее, в сентябре, в Берлине побывал «пантюркист со стажем» Нури-паша, брат Энвера, для установления пантуранистами «полуофициальных» отношений с Германией. Он встречался и с послом Геререде. Целью поездки

было ознакомить Берлин с программой пантуранистов Турции по кавказской проблеме. Она, в частности, предусматривала создание в этом регионе независимых государств, политика которых определялась бы Турцией. Речь шла о Крыме, Азербайджане, Дагестане, Волго-Уральском районе, Туркестане, Северном Азербайджане. Нури-паша утверждал, что «окончательный разгром СССР зависит от прочности связей между Турцией и Германией». Он уверял Вейцеккера, что хорошо знает Кавказ, где может возникнуть восстание с участием ста тысяч людей. Он называл политику Ататюрка по вопросу национальной границы оппортунистической, в ситуации, когда Германия разгромила Советы, такая политика исчерпала себя. «Неизвестно, в какой мере Нури-паша представлял турецкое правительство, однако, действительно, это правительство обдумывало создание в этом регионе буферных тюркских государств – независимых, но управляемых Турцией и полуофициально об этом заявляло». Автор (Кочак) пишет, что по рекомендациям Нури-паши в Германии началось формирование воинских частей из пленных мусульман тюркского происхождения. По официальным данным на 22 декабря 1941 г., число названных пленных достигало 200 тысяч. В 1942 г. было сформировано несколько боевых подразделений по территориально-национальному происхождению, все они относились к 162-й тюркской дивизии. Помимо тюркских частей, сюда входили грузинские и армянские части²⁷. Поддержка грузинских и армянских националистов была важной составляющей германских планов в отношении народов Кавказа. Согласно архивным исследованиям и докладам разведывательных комиссий немцы заявляли представителям Армении и Грузии, что после провозглашений их республик армяне и грузины должны «приготовиться к победоносной и священной войне против давнего угнетателя – Турции»²⁸.

Путь турецких визитеров на оккупированные фашистами южные территории Советского Союза, как правило, пролегал через Берлин, где не обходилось без визитов к Геббельсу или Гитлеру и почти обязательного обсуждения планов создания кавказской федерации и Великого Туркестана. Владелец газеты «Джумхуриет» Надир Нади описывает, например, в своих мемуарах, как обхаживали тогда фашисты турецкие власти, журналистов. Он сам, будучи мобилизованным в армию, получил в 1942 г. возможность

отправиться в составе делегации журналистов в Германию, а затем в оккупированные районы СССР. Делегацию принимал Гебельс, потом она направилась в оккупированный фашистами Крым, где были организованы встречи с татарами ²⁹.

В начале 1942 г. в Анкаре произошло неудавшееся покушение на Папена. 24 февраля от взрыва свёртка в руках погиб шедший по бульвару Ататюрка в сторону района Чанкая мужчина, было ранено несколько прохожих. Позже было установлено, что погибшим был переселенец из Югославии, студент Стамбульского университета Омер Токат. Вскоре были задержаны два его товарища, Абдурахман и Сулейман. Арестованные заявили, что покушение было якобы организовано находившимися в Турции советскими дипломатами с целью убийства фон Папена. Он действительно прогуливался недалеко как раз в момент взрыва, целью заговора было втянуть Турцию в войну на стороне СССР ³⁰.

После этого турецкие спецслужбы немедленно организовали охоту на двух советских граждан – сотрудника советского генерального консульства Георгия Павлова и эксперта по транспортным операциям торгпредства Леонида Корнилова. Драматические события этого громкого дела детально описаны в книге Ю. Батурина «Досье разведчика». Сразу следует сказать, что даже хорошо ознакомившись с архивом своего отца Батурина М.М. (1904–1978 гг.), советского разведчика, в разных рангах работавшего в Турции в 1941–1947 гг. под именем М.М. Бакланова, Ю.М. Батурин не утверждает, что покушение было организовано советской разведкой. Как он пишет, официальная позиция Службы внешней разведки РФ следующая: «В архиве СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет». Однако из книги П.А. Судоплатова ему известно о том, что «Сталин приказал ликвидировать фон Папена» и что «попытка покушения оказалась неудачной», но он приводит в своей книге и другие версии, например, утверждение одного из сотрудников немецкой разведки В. Хёттля, постоянно следившего за Папеном (в связи с событиями в «ночь длинных ножей» в 1934 г.) по приказу руководителя спецслужб Германии Р. Гейдриха: «Предположение, что попытка покушения на его жизнь в Анкаре, которую приписывают русским, была в действительности делом Гейдриха» ³¹. В конце концов, если не в ликвидации, то, по крайней мере, нейтрализации Папена, удалении его из Турции не меньше советских властей

были заинтересованы англичане и те близкие к Инёню турки, которые любой ценой готовы были сохранить нейтралитет страны, тем более что они и сами опасались в одинаковой мере и тех, и других. Ведь Папен стал послом в Турции отнюдь не по инициативе последней, скорее наоборот. Организовать такой заговор и затем изобразить дело как столкновение двух противников на арене тайной войны турецким спецслужбам ничего не стоило³².

Итак, Турция, продемонстрировав уже в который раз «дружественный нейтралитет» в отношении Германии и в такой же мере недружественный в отношении СССР, предъявила советскому посольству ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова. То, что они являлись сотрудниками советских спецслужб, власти Турции, без всякого сомнения, догадывались и теперь были намерены доказать, что именно Павлов и Корнилов организовали покушение на Папена. Турецкий ультиматум Генконсульству СССР был отклонён, после чего это обладающее правом экстерриториальности советское учреждение в Стамбуле, где находился Павлов, было подвергнуто блокаде³³.

В тот же день, 5 марта 1942 г., в три часа пополудни от перрона столичного вокзала отошёл поезд Анкара–Эрзерум. В одном из купе вагона первого класса расположились второй секретарь посольства СССР в Турции Михаил Кузнецов и сотрудник торгпредства Леонид Корнилов. В последнюю минуту в купе появился ещё один пассажир-турок, в котором они без труда распознали полицейского агента. В соседнем вагоне отдельное четырёхместное купе заняли дипкурьеры НКВД Никитин и Хохлов, сопровождавшие дипломатическую почту в Советский Союз. Когда поезд остановился на станции Кайсери, в купе дипкурьеров вломилась группа полицейских и людей в штатском³⁴.

Другая группа полицейских ворвалась в купе Кузнецова и Корнилова, им вывернули руки и, нанося удары, потащили в тот же полицейский участок. Корнилов успел заметить, что поезд был оцеплен солдатами, державшими винтовки наизготовку. Чувствовалось, что операцию подготовили основательно. Правда, было непонятно, при чём здесь, в любом случае, дипкурьеры³⁵.

Осуществив в Кайсери в результате грубой силовой акции захват Корнилова, невзирая на протесты советской стороны, полиция стала готовиться к штурму территории советского Генерального консульства и его помещений. Стало очевидно, что

штурм неизбежен. Кроме того, из-за глухой осады в консульстве кончились продукты. Мордвинов (он же Павлов), чтобы сохранить ценнейшую секретную документацию, принял решение выйти добровольно.

1 апреля 1942 г. начался суд. Георгий Павлов и Леонид Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как Абдурахман Сайман и Сулейман Сагол её признавали. Они утверждали, что покушение совершено по заданию советского правительства, чтобы подорвать хорошие отношения между Турцией и Германией и вовлечь Турцию в войну на стороне СССР. В этом случае русские могли бы использовать территорию Турции для защиты своих южных флангов ³⁶.

В целом процесс сложился не в пользу подсудимых. Журналист Эмин Каракуш следил за процессом, за его нарушениями. Он писал потом в своих воспоминаниях: «Суд решил, что подсудимым адвокат не нужен, это решение бросилось в глаза». Суд отверг просьбу прибывшего из России юриста оказать правовое содействие подсудимым. Автор отмечал также, что некоторые странности так и остались без ответа, высказывались сомнения в определении личности убитого. Судьи торопились вынести приговор, что и произошло 17 апреля 1942 г. Корнилов и Павлов были приговорены каждый к 20 годам тюрьмы, Абдурахман и Сулейман – к десяти каждый. Прокурор опротестовал приговор и расследование было продолжено в декабре, при этом Сулейман отказался от прежних показаний против обвиняемых русских. На этот раз приговор был смягчен с 20 до 16 лет ³⁷.

Как справедливо отмечала Р.С. Корхмазян, «приветствуя факт нападения Германии на Советский Союз, откровенно проявляя свою заинтересованность в германской победе над СССР», значительная часть правящих кругов Турции в то же время не была заинтересована в конечной победе ни Англии, ни Германии. Поддерживая Германию в войне против Советского Союза, турецкие правящие круги предполагали, что Германия победит в войне, но закончит её ослабленной, пойдя затем на компромиссное урегулирование англо-германского конфликта ³⁸.

Лето и затем осень 1942 г. были отмечены успехами немцев на Северном Кавказе, их армии продвигались к Грузии и Азербайджану, всё ближе к турецкой границе, за этим внимательно следили и в Советском Союзе, и в Турции. Советское командование

вынуждено было укреплять фронт против немцев и одновременно проводить оборонительные меры на случай вторжения турецких войск. В августе работавший в Генштабе генерал С.М. Штеменко докладывал в Кремле о ситуации на Кавказе. Он пишет в своих мемуарах: «Когда стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет, перед нами очень остро встал новый неотвратимый вопрос: не поддержат ли их турецкие сторонники. Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. В середине 1942 г. никто не мог поручиться за то, что она не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с Советским Закавказьем сосредоточились тогда двадцать шесть турецких дивизий. На случай, если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе». Перечисляя силы Закавказского фронта, автор писал, что всех этих сил было явно недостаточно. По предложению Генерального штаба началась спешная переброска войск из Средней Азии и иных мест³⁹.

Ситуация сложилась действительно опасная, она определялась в немалой степени и организацией здесь тайных операций против вооружённых сил и местной власти. Вот что вспоминал об этом Вальтер Шелленберг: «В 1942–1943 годах нам, благодаря плодотворному сотрудничеству с турками, удалось забросить из Турции в южные районы России и за Урал агентов восточных национальностей, представителей кавказских и тюркских народностей, прошедших особенно основательную подготовку. Они ... передавали нам неплохую информацию. В Турции, в городе Игдыре, немцы создали “Кавказскую организацию”, состоявшую и действовавшую под видом фирмы, торговавшей овчиной. Организация располагала значительными средствами, оружием и кадрами. Члены организации проникли в Баку, Тбилиси, Кировабад, Нахичевань и другие города Кавказа».

Германское военное руководство, готовя летнее наступление 1942 г. на Северном Кавказе, нацеливало свои и турецкие спецслужбы на формирование так называемых «чёрных партизанских отрядов» в пограничной полосе Турции для совершения диверсионно-террористических актов и организации повстанческого движения на территории СССР. Такие отряды появились уже в

июле-августе 1941 г. Руководители немецкой и турецкой разведок хотели приурочить их действия к моменту наступления немецких войск на Кавказе. Во время встречи с Бенито Муссолини в Зальцбурге 29–30 апреля Гитлер заявил, что Турция медленно, но верно идёт по направлению к «оси».

22 апреля 1942 г. НКВД СССР за подписью Берии сообщал в Государственный комитет обороны: «Командование турецкой армии приступило к переброске войск из всех районов Анатолии на восточную границу. Военские части, расположенные в районе г. Битлис, спешно перебрасываются в район г. Карс. Высший командный состав турецкой армии настроен пронемецки и склонен вступить в войну на стороне Германии. Эти сведения, по сообщению источника, передавшего их нам, исходят из осведомлённых военных кругов Турции»⁴⁰.

По словам генерала Штеменко, 24 августа 1942 г. в Закавказье было введено военное положение. «Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления. На главном, бакинском, направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус. Было решено создать оборонительные районы оперативно важных центров. Всего таких районов насчитывалось три: Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский»⁴¹.

Ожесточённые бои шли на Тереке. Там наступали 1-я танковая армия и несколько армейских корпусов противника. Удар наносился с расчётом вырваться одновременно на Каспийское побережье и к Военно-Грузинской дороге. Однако ни там ни тут немецкие войска не получили успеха. Борьба на подступах к Орджоникидзе и Грозному окончилась для них полной неудачей и большими потерями, до грозненской и бакинской нефти враг добраться не сумел. А заодно провалился и его замысел открыть себе путь на Ближний Восток⁴². В январе 1943 г. Кавказ был очищен от гитлеровских войск.

Чтобы картина явной и тайной борьбы в 1942–43 гг. за Кавказ была полнее, следует вспомнить, что тогда же активизировалась деятельность давней горской и закавказской эмиграции, базировавшейся и в Турции, и за её пределами. Летом 1942 г., когда вермахт выдвигался на Северный Кавказ, в Анкару со своего рода

демонстрационной миссией были командированы потенциальные гаулейтеры Азербайджана и Грузии, назначенные Гитлером в преддверии оккупации этих советских республик немецкими войсками⁴³.

О тревожной ситуации в те времена на Северном Кавказе упоминает в своей книге Г. Трошев: «Стоило только проявиться признакам ослабления центральной власти с началом Великой Отечественной войны, как пламя сопротивления вспыхнуло вновь... В Шатое и Итум-Кале выступил со своими сторонниками М. Шарипов... Вскоре отряды Шарипова и Исраилова объединились. Повстанцы выпустили воззвание к народу, в котором говорилось, что кавказцы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство только при признании их независимости»⁴⁴.

Как пишет Кочак, от маршала Чакмака в 1942 г. через посредников поступило обращение в Анкаре к фон Папену: «В турецкой армии находится много офицеров – выходцев с Кавказа и Азербайджана, близко знающих данный регион. В случае успеха германского наступления будет обеспечена отправка их туда». В планах Чакмака такие действия увязывались с намерением направить турецкие войска, если Турция начнёт войну с СССР, прежде всего на Баку – по проторенной «младотурецкой» дороге⁴⁵.

В июне-июле 1942 г. Турция провела военные манёвры на своей кавказской границе и увеличила там численность войск. 10 октября глава правительства Сараджоглу заявил: «В высшей степени естественно, что Турция не остаётся равнодушной к 40 миллионам советских граждан тюркских корней». Понимая, что почти невозможно в тех условиях реализовать пантуранистские планы объединения региона с Турцией, Сараджоглу говорил о поиске способов создания «сильного культурного воздействия Турции» на эти районы. «Сначала следует прислать на учёбу в Турцию из этих регионов тысячи учащихся, а во время этой учёбы пробудить тюркский национальный дух, доселе остающийся у этих масс под гнётом». В одном из сообщений Папена говорится: «Сараджоглу как турок страстно хочет разгрома Советского Союза, это событие турецкий народ ждал столетия. Гитлер откроет новую эру, если сумеет это осуществить. Ни один турок, даже безусловный сторонник англичан Хюсейн Джрахит Ялчин, в этом вопросе не думает иначе. Лишь убив половину русских, Германия сможет решить эту проблему и полностью спасти от русского

влияния русифицированные регионы национальных меньшинств, поднять их с колен, воспитать как союзников Оси и врагов славыянства. Сараджоглу отметил, что он не знает, как Гитлер намерен решать будущее этих регионов. Но поскольку большинство населения их составляет тюркская раса, то естественно и справедливо, что Турция чувствует близкую заинтересованность в том, каким будет решение проблемы». В одном из приложений книги Кочака (№ XIII) показано, сколь обильно и яростно сопровождала в 1941–1943 гг. приведённые выше высказывания пантюркистская и независимая пресса («Бозкурт», «Тюрк юрду», «Джумхуриет» и др.) с их постоянными авторами ⁴⁶.

Национализм и мировая война

Рост влияния пантюркистской идеологии в годы войны отразился не только на внешнеполитических планах турецкой элиты, касавшихся многонационального СССР. В полной мере это проявилось и во внутренних акциях властей, обратившихся к младотурецкой идеологии пантюркизма и обновлённой концепции расизма, предложенной в турецком варианте Нихалем Атсызом (1905–1975 гг.) и именуемой часто пантуруанизмом. Его работы весьма широко распространялись наряду с работами других пантуруанистов во второй половине 1930 – 1940-х годах в соответствующих журналах и книгах.

Некоторые западные авторы, например Поултон, уверены, что при Инёню ситуация в сфере государственной идеологии ухудшилась. Они без всякого сомнения называют Инёню (как и близкого ему по духу маршала Февзи Чакмака) «крайним националистом, ненавидевшим иностранцев». Кемалистским афоризмом «какое счастье называться турком» были украшены школы и армейские казармы по всей стране, он бросался в глаза во всех общественных местах. В таких условиях не оставалось места для отдельной курдской идентичности. Им надлежало быть «горными турками» в кемалистском государстве ⁴⁷.

В годы Второй мировой войны панисламизм ещё не мог претендовать на столь широкую негласную поддержку, какой имел тогда пантуруанизм и пантюркизм. Об этом можно судить по молодым годам такого влиятельного религиозного лидера, каким стал в последние десятилетия XX века Н. Эрбакан. Один из его

биографов пишет, что когда Эрбакан был студентом третьего курса Технического университета (в 1944 г.), «в университетах началось расистско-туранистское движение» под руководством таких активистов, как Реха Огуз, Нихаль Атсыз, Фетхи Тевелоглу. Молодой Эрбакан и учившийся с ним Сулейман Демирель испытали влияние расистско-туранистских писателей, правда, не в такой степени, как братья Озалы – Тургут и Коркут, которые участвовали в разгроме 4 декабря 1945 г. редакции социалистической газеты Тан. Можно с большой вероятностью допустить, что в этом участвовал и Неджметтин Эрбакан, поскольку был известен как активный участник политических споров. Братья Озалы были столь активны, что носили на лацканах значки с изображением волка. Однако Неджметтин и Сулейман дальше чувства симпатий к расистам-туранистам не шли ⁴⁸.

С участием властей эта идеология смогла «эффективно» проявить себя в экономике. В попытках захватить господствующее положение в хозяйственной жизни страны турецкая национальная буржуазия действовала не только методами, характерными для В. Коча, постепенно вытеснявшего из выгодных сфер торговли конкурентов-немусульман. В годы Второй мировой войны был введён так называемый налог на имущество («варлык вергиси»), разоривший многих владельцев торгового капитала – греков, армян, евреев. Взыскание налога сопровождалось конфискацией и распродажей имущества недоимщиков, а затем и судебным преследованием тех, кто так и не смог расплатиться. По суду было арестовано более 2 тыс. человек, причём среди арестованных не оказалось ни одного мусульманина. Большинство осуждённых (1400 человек) подверглись ссылке на принудительные работы, включая горные рудники ⁴⁹.

Вехби Коч в своих мемуарах пишет, что этот налог распространялся и на турок, в каждой провинции были созданы комиссии, определявшие условия налога. Так, В. Коч после всех льготных скидок уплатил 600 тыс. лир – огромную по тому времени сумму. Он смог это сделать хотя бы уже по той причине, что в годы войны власти платили ему огромные комиссионные за импорт в страну грузовиков ⁵⁰.

Налог на имущество власти представляли как борьбу за социальную справедливость. В предложениях правительства (по министерствам), представленных в 1943 г. 6-му съезду НРП в

связи с готовившимися изменениями программы партии, о налоге на имущество было сказано: «Этот недавно принятый налог имеет целью, с одной стороны, ликвидировать социальную несправедливость, возникшую из-за обогащения некоторых деловых и состоятельных слоёв в ущерб другим в обстановке вызванной войной трёхлетней экономической дестабилизации; с другой стороны, он предполагает обеспечить более весомое участие в покрытии государственных расходов на четвёртом году войны тех слоёв общества, которые более всего выиграли оттого, что Турция остаётся невоюющей страной»⁵¹.

В нынешней Турции уже трудно найти человека, который оправдывает этот налог. Этьен Махчупьян писал в 2001 г. о нём, что действительно, «военное время вынуждало власти искать дополнительные источники для пополнения бюджета, и в частности повышать налоги и вводить новые. Чрезвычайные налоги были введены и в других странах. Правильно и то, что *варлык вергиси* не был единственным введённым тогда налогом». Однако всё, что было проделано сверх сказанного, стало направленной против немусульман политикой, осознанного лишения их имущества. Согласно намерениям властей мусульманам не следует беспокоиться, так как его цель – немусульманская часть общества. На бумаге вышедший закон выглядел уравновешенным, но в действительности главной его сутью было разделение налогоплательщиков по трём спискам – мусульмане, дёнме (обращенцы в ислам) и немусульмане, причём на немусульман были установлены размеры налога, не сравнимые с двумя другими категориями. В комиссиях по исполнению закона не было ни одного немусульманина. От этих комиссий требовалось определить размеры налога по всем плательщикам в течение 15 дней. Однако на практике, если бы заниматься этим комиссией все 24 часа, за 15 дней можно было учесть лишь треть налогоплательщиков. Очевидно, что размеры налога определялись произвольно. При всех равных условиях получалось, что на акционера-немусульманина размер налога был в среднем в десять раз выше, чем налог на мусульманина. Среди внесённых в списки плательщиков примерно 26 тыс. человек не обладали никаким состоянием, они с трудом сводили концы с концами. Ни одного мусульманина с такими условиями существования в списках не было.

Поскольку срок уплаты денег устанавливался в 15 дней, немусульмане вынуждены были распродавать своё имущество по стоимости, намного ниже аукционной. Хотя оспаривать размер налога было нельзя, некоторые предприниматели-мусульмане негласными способами это делали и добивались его снижения. Не уплатившие налог немусульмане, согласно принятым затем постановлениям осуждались на физический труд, их насчитывалось примерно 1380 человек. Они были затем разделены на три группы и отправлены в три лагеря. «Разгром немцев под Сталинградом, — пишет автор статьи, — положил конец этим действиям, те, кто так и не уплатил, были прощены, сосланные же вернулись домой»⁵².

Как свидетельствует пример с налогом на имущество, все авторитарные, в том числе идеологические, меры распространялись в годы войны и на экономику, которая в условиях нейтралитета могла рассчитывать на выгоды, особенно от экспорта. Ведь даже сельскохозяйственная продукция страны, включая продовольствие и сырьё, после трудностей сбыта в период мирового кризиса, стала стратегическим товаром. Сразу отметим без излишней детализации, что предприниматели, действовавшие в этой сфере (табак, хлопок, зерно, скот, сухофрукты и т. д.), обогатились благодаря войне более и быстрее всех других. Именно они стали лидерами частного предпринимательства в последующие годы.

Но особенно стремительно в среде экспортёров обогащались поставщики хлопка, ставшего стратегическим сырьём. Они поставляли хлопок с выгодой и внутри страны по закупкам Сумербанка, фабрики которого не испытывали трудности со сбытом, особенно военного обмундирования. В эти годы нажили миллионные состояния нынешние короли хлопка в Адане, Измире, контролирующие сейчас значительную часть производства в стране хлопчатобумажной пряжи и тканей. Другое дело, что организация импорта, прежде всего инвестиционных товаров (машины и оборудование), стройматериалов (цемент, прокат), потребовала больших затрат и усилий, учитывая географическое положение страны, оказавшейся в окружении воевавших между собою государств. Но и в этой сфере обладатели достаточного первоначального капитала, тот же Коч, сумели обогатиться по нормам максимальной прибыли. Ведь крупным потребителем промышленной продукции, готовых изделий и сырья, а также строитель-

ным заказчиком, стал государственный сектор, представленный ГЭО. Его верхушка, тесно сотрудничая с посредником-частником, также накопила в немалых объёмах первоначальный капитал. Классическим для Турции примером метаморфозы госкапитала в частный может быть Кязим Ташкент, в годы войны генеральный директор ГЭО «Управление сахарных заводов Турции», затем, после войны, учредитель первого общенационального частного банка страны и системы его дочерних компаний по различным отраслям экономики.

Упомянутый налог на имущество не был каким-то крайним исключением в вопросах вмешательства власти в экономику и в целом в жизнь общества. Хотя Турция не участвовала в войне, вся её внутренняя политика приобрела чрезвычайный характер, диктовалась законами военного времени с явным преобладанием, абсолютизацией этатистской составляющей. В 1938/39 финансовом году прямые военные ассигнования составляли 30% расходной части бюджета, в 1944/45 г. – более половины ассигнований, то есть увеличились более чем в 5 раз⁵³. Был увеличен призыв в армию, в итоге вплоть до 1950-х годов рост городского населения (как показатель формирования наёмной рабочей силы) был незначительным. Эта «чрезвычайщина» была юридически узаконена принятым в 1940 г. Законом о национальной защите, регламентировавшим многие сферы внутренней жизни страны, включая экономику. Так, статья 19 закона разрешала увеличивать на 3 часа рабочий день, использовать детский труд в промышленности, подростков – на шахте. В комментарии к этой статье отмечалось: «Те, кто не призван на защиту родины, должны работать больше, работать даже в дни отдыха». Правительственное решение, принятое в декабре 1941 г., устанавливало, со ссылкой на статью 19, новые условия труда женщин и подростков, отменявшие ограничения на использование их на тяжелых работах.

Даже после войны, в 1947 г., разрешалось увеличить на 3 часа ежедневно оплачиваемый рабочий день в каменоломнях, в цементной промышленности. Аналогичные решения принимались и позднее, в начале 1950-х годов, то есть при многопартийном «либеральном» режиме, когда европеизация Турции трансформировалась в военно-политическое сотрудничество. Например, на сооружения гидроузла Эльмалы под Стамбулом рабочий день, в нарушение закона о труде, был в 1952 г. увеличен на два часа,

вплоть до окончания строительства. Такие же решения были приняты во время строительных работ в Измирском порту в 1953 г., на строительстве аэродромов в Адане, Батмане, Мерзифоне.

Жёстко регламентировался и сбыт промышленной продукции. Например, одна из статей закона гласила: «Правительство может закупать продукцию промышленных и горнорудных предприятий с доплатой к себестоимости товара определённого процента прибыли. Правительство может продавать эту продукцию, распределять её, накапливать и транспортировать». Очевидно, что статья признавала за государством право по своему усмотрению распоряжаться указанной продукцией, перепродавать её по нормативным ценам. Целый ряд других статей закона давал властям право декретировать себестоимость товара, размер прибыли, комиссионные, транспортные наценки. Контролировались цены на невытую шерсть, хлопок и пряжу, ткани, цемент, стекло, гвозди, железо, медь. Однако закон не предотвратил инфляцию и спекулятивное обогащение некоторых групп частного капитала ⁵⁴.

Как важный статистический шаг в годы военной экономики следует отметить принятие в 1944 г. закона о создании Общества снабжения сельского хозяйства («Зираи донатым куруму»). Задачи были поставлены обширные: обеспечить технические нужды сельского хозяйства, снабжать его сельхозмашинами и орудиями, удобрениями, средствами защиты агросферы – как за счёт внутренних возможностей, так и импорта. Последующая деятельность этого ГЭО действительно ускорила модернизацию этой сферы производства. Для организации снабжения различных потребителей нефтепродуктами, прежде всего армии, было создано другое крупное государственное объединение Офис нефти («Петроль офиси»).

Продолжалось государственное промышленное строительство, росло число инфраструктурных объектов, в том числе в социальной сфере – больниц, школ, вузов, техникумов ⁵⁵. В течение всего периода войны уделено было внимание созданию сети так называемых сельских институтов. Соответствующий закон о сельских институтах был принят 17 апреля 1940 г. Статья 1-я определяла его цели: «В местностях, располагающих пригодными для ведения сельского хозяйства землями, с целью подготовки сельских учителей и других сельских специалистов, министерство просвещения открывает сельские институты». Ст. 3-я гласила: «В инсти-

туты принимаются, путем отбора, здоровые и способные деревенские дети, получившие полное начальное образование. Полный срок обучения в институтах – минимум пять лет»⁵⁶.

За первые пять лет действия закона, главным образом в 1940–1943 гг., было открыто 18 таких училищ в деревнях различных вилайетов – Кайсери, Малатья, Карс, Кастамону и др. В этот период в них обучалось 12 198 учащихся и работал 401 преподаватель. Менее всего учащихся (150) было в дер. Пулур (Эрзурум), более всего (1310) – в дер. Чифтелер (Эскишехир)⁵⁷. Создание этих сельских училищ приветствовали демократические силы страны. Журналист, издатель газеты «Ватан» Ахмет Эмин Ялман (1888–1972 гг.) написал в 1944 г. об этом событии книгу, назвав её «Путешествие в завтрашнюю Турцию». Считая, что это – доброе и подающее надежду дело, он утверждал, что такие училища в турецкой деревне могут стать «прототипом будущей Турции»⁵⁸. Однако эта попытка в духе кемалистского просветительства так и не получила развития, вскоре последовали меры реформирования школы, «из-за происков консерваторов их жизнь оказалась короткой, предусмотренные при их создании функции были в 1946 г. утрачены»⁵⁹.

Военная обстановка не позволила властям приступить к проведению намеченной перед войной земельной реформы. Однако полностью процесс постепенного перехода части государственных земель в руки крестьян не прекращался на всём протяжении периода с 1923 по 1945 гг. В указанные сроки власти передали за выкуп или безвозмездно в собственность земледельцев около 1,1–1,2 млн. га пригодных для обработки земель, что эквивалентно 10% обрабатывавшихся в то время сельскохозяйственных площадей. Всего земельными собственниками стали около 270 тыс. семей⁶⁰.

Завершающий этап мировой войны

Возвращаясь к главным внешнеполитическим заботам Турции этого периода Второй мировой войны, следует отметить, что они претерпели значительные перемены в процессе постепенного наращивания успехов антигитлеровской коалиции. На советско-германском фронте, к которому, безусловно, было приковано пристальное внимание также и турецких властей, в зимней кампании

1942–43 гг. основными военными событиями были Сталинградская и Северо-Кавказская наступательные операции, прорыв блокады Ленинграда. Красная Армия продвинулась на запад на 600–700 км. Затем в летне-осенней кампании 1943 г. решающим событием стала Курская битва. К маю 1943 г. англо-американскими войсками была освобождена Северная Африка⁶¹.

В такой обстановке Англия продолжала свои усилия по привлечению Турции в союзнический блок, имея в виду добиться реализации своей стратегической задачи: в сотрудничестве с Турцией восстановить свое влияние в Восточном Средиземноморье и на Балканах и уже в этих условиях добиваться полного разгрома держав Оси вместе со своими союзниками. 30–31 января 1943 г. в окрестностях турецкого средиземноморского города Адана близ станции Енидже, в салон-вагоне, состоялась встреча У. Черчилля с президентом И. Инёню. Как вспоминает турецкий дипломат Эркин, «в ней участвовали президент, премьер Сараджоглу, глава МИД Н. Менеменджиоглу, министр внутренних дел Хильми Уран, начальник генштаба маршал Февзи Чакмак, командующий ВВС Шефик Чакмак и я. Другую сторону представляли Черчилль, от МИД Александр Кадоган, начальник генштаба сэр Алан Брук и командующие фронтами»⁶².

Наиболее важным было решение Англии и США снабдить Турцию современными видами вооружения, чтобы, как сказал Черчилль, «её территория, её интересы и права были эффективно защищены». Темпы англо-американских поставок должны были быть весьма быстрыми. «Мы можем, – говорил Черчилль, – дать ей (Турции) столько, сколько она в состоянии взять, и мы поставляем это оружие так же быстро и даже быстрее, чем турецкие войска способны его освоить». В намерения Черчилля входило обеспечить поддержку Турцией его планов вторжения на Балканы, чтобы заменить этим проект открытия второго фронта в Западной Европе и вместе с тем создать для Англии выгодные политические позиции на Балканах до появления здесь Советской Армии. В свою очередь премьер-министр Турции Сараджоглу и другие руководящие турецкие деятели, а также турецкая печать выражали удовлетворение результатами Аданской встречи и подчёркивали незыблемость англо-турецкого союза, основанного на договоре 1939 г.⁶³

Черчилль сообщил Сталину свою версию встречи, информировал его о «длительных и самых дружеских беседах» в Адане, которые касались снабжения Турции «современным оружием», предоставлением пароходов для перевозки его из Египта. «Мы создаём в Анкаре смешанную англо-турецкую военную комиссию, чтобы улучшить коммуникации для перевозки военных материалов. Мы составляем совместные планы оказания им помощи, если они подвергнутся нападению со стороны Германии или Болгарии». Коснулся Черчилль и советско-турецких отношений: «Они, конечно, озабочены тем положением, в котором окажутся после войны, ввиду большой силы Советского Союза. Я сообщил им, что на основании моего опыта СССР никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров, что сейчас для них настало время заключить выгодное соглашение и что самое надежное место для Турции – это место возле победителей как воюющей стороны. За столом мирной конференции... Я уверен, что они откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Союза Советских Социалистических Республик»⁶⁴.

Нет сомнения, что Черчилль смягчал реакцию Инёню на упоминание им своего советского союзника, в действительности она была жёстче и ни для кого не составляла секрета, выше были приведены высказывания представителей властной элиты Турции в дни ожидания разгрома СССР и победы немецкого оружия и в целом победы фашизма в Европе. О том, что она хорошо была известна и Сталину, ясно из его ответа Черчиллю 6 февраля 1943 г. «По поводу Вашего заявления о том, что турки откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Советского Союза, я считаю уместным напомнить, что с нашей стороны по отношению к Турции как за несколько месяцев до начала советско-германской войны, так и после начала этой войны был сделан ряд заявлений, дружественный характер которых известен Британскому Правительству. Турки не реагировали на шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев. Можно предположить, что предлагаемый Вами жест встретит со стороны турок тот же прием»⁶⁵.

Как явствует далее из переписки этих лидеров двух государств, между советскими и турецкими дипломатами была принята договорённость о начале переговоров. Однако из той же переписки следует, что и намного позже, в июле 1944 г., Сталин

констатировал в письме Черчиллю: «Вы, конечно, помните о том, как настойчиво Правительства трёх наших стран предлагали Турции вступить в войну против гитлеровской Германии на стороне союзников еще в ноябре и декабре 1943 г. Из этого ничего не вышло. Как Вам известно, по инициативе Турецкого Правительства в мае-июне этого года мы снова вступили в переговоры с Турецким Правительством и дважды предлагали ему то же самое, что предлагали в конце прошлого года три союзных Правительства. Из этого также ничего не вышло. Что же касается тех или иных полумер со стороны Турции, то в настоящее время я не вижу пользы в этом для союзников. Ввиду занятой Турецким Правительством уклончивой и неясной позиции в отношении Германии лучше оставить Турцию в покое и предоставить её своей воле, не делая новых нажимов на Турцию. Это, конечно, означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут».

Что же касается англичан, они начали интенсивно готовиться к новой фазе сотрудничества с Турцией, которая, как им казалось, благополучно завершится присоединением Турции к союзникам и совместным действиям согласно английским планам. Вскоре после Аданской встречи в Турцию прибыла английская военная миссия для наблюдения за ходом поставок и для оказания содействия турецкой армии по внедрению нового вооружения. Дальнейшим развитием англо-турецких отношений в духе Аданы явилась встреча Черчилля, Рузвельта и Инёню в Каире в декабре 1943 г., породившая в мировой печати упорные слухи о близком вступлении Турции в войну против гитлеровской Германии. Однако Турция, получая оружие от Англии и США, не прекращала своё многостороннее сотрудничество с Германией и воевать с ней не собиралась.

Упорно продолжал Черчилль развивать свой проект сотрудничества с Турцией и на Тегеранской конференции руководителей трех держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), хотя в целом эта конференция занималась другими вопросами: о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трёх держав, об открытии второго фронта в Европе, о послевоенных границах Польши и т. д. Как отмечает историк А.И. Ганусец, на первом же пленарном заседании Черчилль завёл разговор о Турции, о том, чтобы убедить её вступить в войну.

«Это дало бы возможность открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор, и мы могли бы направить снабжение через Чёрное море. Кроме того, мы могли бы использовать турецкие аэродромы для борьбы против врага». Реплика И.В. Сталина о том, что четыре конвоя, отправленные Англией в северные порты Советского Союза, «пришли без потерь, не встретив на своём пути врага», была как бы не услышана Черчиллем. В ходе дальнейших переговоров в Тегеране выяснилось, что Черчилль пытался подменить вопрос о втором фронте на севере Франции более выгодным для Великобритании, но менее эффективным балканским вариантом – с привлечением Турции.

Глава советской делегации И.В. Сталин на заседании заявил: «Что же касается Турции, то я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали». Отвечая далее на неоднократные напоминания Черчилля о Турции, И.В. Сталин сказал: «Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США. Надо, чтобы Турция больше не играла между нами и Германией». Именно это последнее обстоятельство, пишет Ганусец, «являлось главным в определении советской позиции по турецкому вопросу. Советский Союз, неся основное и наиболее тяжёлое бремя войны против гитлеровской Германии и её сателлитов, был заинтересован прежде всего в строгом соблюдении Турцией официально провозглашенного ею нейтралитета, который она неоднократно нарушала»⁶⁶.

В марте 1944 г. из полемики между английской и турецкой прессой стало известно, что турецкое правительство намерено по-прежнему воздерживаться от участия в военных действиях и что Англия поэтому прекращает поставки вооружения и отзывает свою военную миссию из Турции. Надир Нади вспоминает, что «начиная с первых недель 1944 г. английские газеты начали яростно критиковать наш нейтралитет. Даже “Таймс” не осталась в стороне: “Какие мы союзники? Получая от Запада необъятную помощь, Турция в ответ даже пальцем не шевелит”. В кампанию, начатую английской прессой в пользу отказа Турции от нейтралитета, постепенно включились политические круги Англии, в начале марта стали появляться сведения о прекращении поставок в Турцию оборудования и материалов. После этого, 20 апреля правительство приняло решение о приостановке продажи хрома в

Германию. Но этого оказалось недостаточным для нашего английского союзника. Они потребовали полного прекращения нашего экспорта в Германию, разрыва с ней всех отношений, предоставления союзникам баз на турецкой территории, вступления в войну на их стороне». 24 мая Черчилль в палате общин заявил следующее: «Наши надежды на то, что Турция в феврале или марте вступит в войну или, по крайней мере, предоставит необходимые для воздушных операций базы, оказались пустыми. Мы прекратили поставки Турции материалов из США и Англии, которые в 1943 г. обошлись нам в 20 млн. фунтов стерлингов». Вместе с тем Черчилль заверил, что симпатии в отношении Турции сохраняются и ей оказывается поддержка для принятия в создаваемую ООН.

Как пишет Надир Нади, «эти полузапугивание и полуодобрение, полуторговля показывают, со сколь острыми внешнеполитическими проблемами мы сталкивались тогда носом к носу. Не будем забывать, — пишет Н. Нади, — что немецкие войска не были изгнаны тогда ни из Болгарии, ни из Греции»⁶⁷.

15 июня 1944 г. И. Инёню отправил в отставку министра иностранных дел Нумана Менемеджиоглу, его политика «нейтралитета в пользу Германии» уже не соответствовала изменившейся международной обстановке — 6 июня произошла высадка союзников в Нормандии, завершалось изгнание с территории СССР фашистских войск, менялась власть у балканских соседей Турции. 2 августа власти Турции прервали все политические и экономические отношения с Германией. После всего этого вдруг выяснилось, что именно уволенный министр закрывал глаза на проход через Проливы немецких военных кораблей. «В результате экспертного (!) расследования выяснилось, — пишет Надир Нади, — что под видом немецких торговых судов действовали вспомогательные военные корабли, перевозившие зенитные орудия и другое военное снаряжение, что противоречило конвенции Монтрё». Ему вторит Эркин, он подробно описывает, как долго турецкие власти прикрывались конвенцией Монтрё, пропуская через Проливы немецкие военные корабли. Ни словом не упомянув давние протесты по этому поводу советской стороны, он пишет о протесте англичан⁶⁸.

В 1944 г. в стране происходили и большие внутренние перемены. По словам Надир Нади, ещё больше усилилась автори-

тарная власть и личный культ Исмета Инёню. Как и ранее, кандидатов утверждали Генеральный председатель НРП, премьер-министр и генеральный секретарь НРП. Всем кандидатам надлежало быть членом партии. Печатались почтовые марки с его портретом, учреждались премии имени Инёню, издавалась Энциклопедия Инёню, строился стадион Инёню ⁶⁹.

В мае 1944 г., когда исход войны уже стал очевиден, власти решили ограничить публичную активность расистов. В газетах было объявлено о существовании тайной туранистской организации и о начавшихся арестах её членов. Последовало заявление И. Инёню 19 мая 1944 г.: «Мы – тюркские националисты, но мы враги расизма в нашей стране... Туранисты находят тысячу и одно заклинание, чтобы немедленно превратить турецкую нацию во врага всех её соседей. Нашей национальной политике чужды намерения искать приключения за пределами своей страны, следует и внутри страны избегать этих авантюристических настроений».

7 сентября 1944 г. в Суде чрезвычайного положения Стамбула началось судебное расследование по делу о 23 человек, обвиняемых в расизме-туранизме, в том числе таких известных в пантюркистских кругах, как Нихаль Атсыз, Зеки Велиди Тоган, Хамза Сади Узбек и др. В итоге 29 марта 1945 г. 13 подсудимых были оправданы, 10 человек осуждены к тюремному заключению на 10 лет каждый. Через два года все эти осуждённые были амнистированы (освобождены они были ещё раньше, в октябре 1945 г.). Среди них был и молодой офицер Альпаслан Тюркеш, впоследствии, вплоть до своей смерти в 1997 г., лидер националистического движения в Турции ⁷⁰. В своей книге «Основные взгляды», вышедшей в марте 1975 г., Тюркеш приводит обширные выдержки из протокола упомянутого судебного процесса, свидетельствующие о претензиях пантюркистов тех времен на их лидерство в среде тюркских народов, прежде всего Советского Союза: «Поскольку самая большая масса тюркского населения проживает в России, самый наш большой враг – Россия. Россия нас привела к нынешнему состоянию, Россия точила на нас зубы, Россия разрушила нашу империю» ⁷¹.

Как пишет Дж. Кочак, продвижение советских войск на Балканы в осенние месяцы 1944 г. обеспокоило турецкие власти, они вынуждены были предпринять некоторые шаги по смягчению напряжённости в советско-турецких отношениях, возникшей с

начала войны. В перечне этих мер он называет и принятие 8 августа 1944 г. меджлисом Турции Закона об амнистии осуждённых ранее советских граждан Павлова и Корнилова. К этому времени в турецкой тюрьме Павлов и Корнилов провели 2 года 5 месяцев и 6 дней. Кроме того, советской стороне были переданы те её переселившиеся в Турцию граждане-турки, которые обвинялись в сотрудничестве с нацистами. Наконец, в январе 1945 г. турецкое правительство разрешило советской стороне провести через Проливы суда с военными материалами.

В некоторых турецких газетах даже обсуждалась возможность возрождения идеи советско-турецкого пакта⁷².

Не сумев уговорить Турцию вступить в войну против Германии, всю осень 1944 г. и зиму 1945 г. западные союзники добивались её присоединения к антигитлеровской коалиции. На Крымской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г., её участники кратко обсудили два вопроса, касавшиеся Турции, будет ли она приглашена на конференцию в Сан-Франциско и статус Проливов. Как пишет К. Гюрюн, Сталин заявил: «Невозможно согласиться с тем, что рука Турции лежит на горле России», вместе с тем пересмотр конвенции не должен нанести ущерб законным интересам Турции. Министрам иностранных дел следует должным образом рассмотреть этот вопрос. Черчилль якобы согласился с тем, что «Россия, обладающая крупными интересами в Чёрном море, не должна зависеть от узкого прохода, если вопрос будет поставлен на совещании министров иностранных дел, надеюсь, русские объявят свои предложения. Турок следует уведомить, что возможен пересмотр конвенции Монтрё, это особенно необходимо, если они хотят вступить в войну на стороне союзников. Туркам надо в то же время дать гарантии независимости и территориальной целостности».

По словам Гюрюна, Сталин тут же спросил о критериях приёма в ООН, в связи с этим упомянул Турцию. Он сказал, что наряду с участниками войны, перенесшими страдания, есть государства, не участвовавшие, но спекулятивно желавшие оказаться рядом с теми, кто станет победителем. Председатель (Черчилль) ответил, что предполагается пригласить государства, объявившие войну, и последней датой такого объявления войны предусматривается 1 марта. Сталин это предложение принял.

Гюрюн пишет, что Черчилль, в качестве председательствующего, высказался о Турции благожелательно: «Турция в трудное время заключила с Англией союз. Однако пока шла война, стало ясно, что она не на том уровне, чтобы участвовать в современной войне. Хотя год назад она и не использовала предложенный ей шанс вступить в войну, её поведение было дружеским и благожелательным». Сталин: «Если до конца февраля она объявит войну, согласен, чтобы она была приглашена на Конференцию». Председатель благодарит маршала за его позицию. Так, по инициативе англичан, констатирует Гюрюн, согласились, что «Турцию следует пригласить принять участие в провозглашении ООН, если она объявит войну Германии до конца февраля».

После завершения Ялтинской конференции 20 февраля 1945 г. английский посол в Анкаре сообщил туркам, чтобы Турция стала членом ООН, она до 1 марта должна объявить войну Германии и Японии. На чрезвычайном заседании ВНСТ 23 февраля было оглашено сообщение турецкого МИД о том, что по итогам Ялты союзники «желают объявления Турцией войны Германии, чтобы присоединиться ей к Декларации ООН». Резолюция об объявлении войны Германии и Японии была парламентом принята единогласно, после чего Турция получила официальное приглашение на конференцию в Сан-Франциско⁷³. 7 марта посол США в Турции Стейнхардт посетил МИД Турции и от имени держав-победительниц официально пригласил власти Турции на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско.

Прошло всего несколько дней после этих церемоний и 19 марта 1945 г. В.М. Молотов, пригласив в МИД турецкого посла Селима Сарпера, официально заявил ему, что Советское правительство денонсирует договор 1925 г. со всеми относящимися к нему протоколами и актами как утративший своё значение и нуждающийся в серьёзных изменениях. Кстати, срок его действия, согласно последнему продлению, истекал 7 ноября 1945 г.⁷³

По поводу советской ноты в Анкаре состоялось заседание правительства Турции, на нём был обсуждён и затем утверждён проект ответной турецкой ноты. В нём сообщалось о готовности заключить новый документ, более соответствующий времени, и предлагалось советской стороне как инициатору предложения об отмене договора 1925 г. представить советский вариант основных положений будущего договора. Как пишет Эркин, на после-

дующих встречах советских и турецких дипломатов турки запрашивали советские предложения по проекту предполагаемого нового соглашения и получали ответ, в том числе от Молотова, что работа идёт, в то же время высказывалось мнение советской стороны о готовности рассмотреть турецкий вариант. Наконец, Сарпера принял Молотов «с присущим ему холодным и угрюмым выражением лица» и сообщил, что заслужить советскую дружбу можно, но для этого, прежде всего, необходимо вернуть СССР восточные вилайеты, взятые у него после 1918 г., когда страна была очень слаба. Следует также обеспечить советской стороне возможность базироваться в Проливах. Сарпер заявил, что такие условия не могут быть приняты»⁷⁴.

2 мая 1945 г. Красной Армией был взят Берлин. В полночь 8 мая в предместье Берлина Карлсхорсте представители германского верховного командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась, а два её участника – истинный и мнимый – продолжили свой спор по поводу Проливов.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» НАЧАЛАСЬ

Поиск модели сотрудничества с западным миром

В результате победы антигитлеровской коалиции была ликвидирована фашистская угроза, нависшая над всем человечеством. Советский Союз понёс в завершившейся войне самые тяжёлые утраты, он потерял 27 млн. человек. Участие СССР во Второй мировой войне вывело страну из того состояния международной изоляции, в котором он оказался в результате сотрудничества Сталина с Гитлером в предвоенные годы. Значительно возрос международный авторитет СССР.

Безусловно, укрепили свои позиции и экономические, и военно-политические в мире, прежде всего в разоренной Европе, Соединенные Штаты Америки. Американское военное присутствие в Европе и Азии стало постоянным фактором послевоенной мировой политики, США превратились в реального лидера Запада. 24 июля 1945 г. на конференции союзников в Потсдаме под Берлином сменивший Рузвельта новый президент США Гарри Трумэн сообщил Сталину о том, что у Америки имеется новое оружие «огромной разрушительной силы». Можно считать эту дату неформальным началом «холодной войны» – именно в Потсдаме произошла первая попытка использовать обладание атомной бомбой как инструмент политического шантажа в межгосударственных отношениях¹.

С этими глобальными событиями совпали и другие, относящиеся уже непосредственно к советско-турецким отношениям. Почти в те же дни, а именно 22 июля 1945 г., на Потсдамской конференции советская делегация представила двум другим её участникам – Трумэну и Черчиллю предложения по Черноморским проливам. В них предусматривалось:

1. Международная Конвенция о режиме Проливов, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена в соответствующем нормальном порядке.

2. Установление режима Проливов, единственного морского пути из Чёрного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза, как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасности в Черноморских проливах.

3. Новый режим Проливов должен предусматривать в числе других мероприятий также следующее:

Турция и Советский Союз, в интересах своей безопасности и поддержания мира в районе Чёрного моря, обеспечивают совместными средствами в Проливах недопущение использования этих Проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях (наряду с турецкими военными базами — советские военные базы в Проливах).

Обсуждение этого документа, по существу, на конференции не предполагалось, её участники в то же время в заключительном протоколе Берлинской конференции сочли возможным записать следующее: «Три правительства признали, что конвенция о Проливах, заключенная в Монтрё, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и Турецким правительством».

Как потом стало очевидным, с момента этой договорённости в Берлине проблема Проливов в первые послевоенные годы оставалась предметом обсуждения не только на двухсторонних встречах и при обмене нот, происходивших в Москве и Анкаре по поводу нового договора между двумя странами (после денонсации 19 марта 1945 г. Советским Союзом договора 1925 г.). В дискуссию по Проливам и другим близким проблемам были привлечены, прежде всего, Турция, Англия, США, а позже и Франция. Все это намного осложнило и затянуло принятие каких-либо новых решений относительно безопасности черноморских государств и в конечном счёте сделало принятие этих новых решений невозможным. Конвенция Монтрё так и не была пересмотрена, она действует и поныне.

Такое развитие событий определилось не в последнюю очередь тем, что после Второй мировой войны единство стран-победительниц не могло сохраняться долго. СССР, с одной стороны, и США, Великобритания и Франция – с другой, представляли различные социальные системы. Обе стороны стремились к расширению территорий, на которых было бы распространено именно их влияние, как идеологическое, так и общественно-политическое.

В начавшейся «холодной войне» большинство государств, та же Турция, были вынуждены действовать в фарватере политики сверхдержав, а цели внешней политики США и СССР явно противоречили друг другу, и это не могло не привести к расколу Европы и всего мира на две противостоящие друг другу военно-политические группировки. Узловыми моментами борьбы сверхдержав стали гонка вооружений, создание военных баз (американские базы появились впоследствии и в Турции), соперничество в Европе, участие в региональных конфликтах и идеологическая борьба.

В создавшихся условиях одной из важнейших внешнеполитических задач советского руководства в послевоенные годы являлось обеспечение безопасности границ от внезапного нападения потенциального агрессора, подобного тому, которое в июне 1941 г. осуществила Германия. Эта цель казалась достижимой за счёт создания блока дружественных государств. Кроме того, Сталин рассчитывал использовать присутствие вооружённых сил СССР в сопредельных странах для того, чтобы осуществить «экспорт коммунизма». Эти задачи реализовывались и в черноморских странах – Болгарии, Румынии, близких соседей Турции.

С другой стороны, в знаменитой доктрине, фактически военной помощи, президента Трумэна, провозглашённой в марте 1947 г., было заявлено «о необходимости поддержки Соединёнными Штатами свободных наций, оказывающих сопротивление внешнему давлению и вооружённой борьбе меньшинств».

22 мая в рамках этого документа Трумэн подписал закон о программе помощи Греции и Турции, обратившись к конгрессу с просьбой выделить на эти цели 400 млн. долл. Формальное начало американской военной помощи Турции, согласно доктрине Трумэна, датируется 1 сентября 1947 г., когда был принят соответствующий закон. По согласованию с властями Турции предусматривались поставки ей вооружения, посылка американских

инструкторов, разработка программ широкого военно-стратегического сотрудничества, предоставления военных кредитов и т. д. Как писал Кочак, «одиночество Турции периода 1944–1947 гг. кончилось позитивными импульсами не из Европы, а из-за океана – с доктриной Трумэна». Турецкие источники подчёркивают, что «предоставляемая помощь почти полностью была направлена на военные цели, если не считать программы развития автодорог». Уже в июле эта помощь стала поступать в Турцию (1947/1948 финансовый год США), она составила примерно 100 млн. долл. и целиком предназначалась для военных нужд. В октябре 1947 г. в страну стали прибывать американские военные и гражданские лица для координации работ по исполнению договорённостей.

Турецкая дипломатия и позже, к моменту учреждения в апреле 1949 г. НАТО, предпринимала активные шаги, чтобы убедить Запад в том, что причиной избранной Турцией прозападной военной ориентации стала советская угроза. По мнению турецкой стороны, она содержалась в предложениях СССР о пересмотре режима судоходства в Проливах, учитывая горький опыт его применения в годы войны. Общеизвестно, что в западной и, особенно, турецкой историографии принято воспринимать эти советские предложения как покушение на территориальную целостность страны, что явилось аргументом в пользу включения её в систему американской помощи Европе, защиты от военных угроз со стороны СССР, принятия Турции в НАТО.

Так начался период широкомасштабного военно-политического приобщения Турции к западному миру, и этот новый этап её европеизации характеризовался уже не ориентацией на Англию, а жёсткой привязанностью к всестороннему сотрудничеству с США. В формировавшейся модели взаимодействия военно-политический фактор был главным, поэтому и экономическое сотрудничество Турции с Западом начиналось после Второй мировой войны заново и сразу приобрело характер неотъемлемой части военно-политического стратегического союза.

В сложившихся условиях глобального противостояния в любых переговорах с Турцией о Проливах, базах и т. п. советской стороне не следовало рассчитывать на поддержку стран Запада, и Турция это осознавала. Возможно, не все советские политики также это осознавали после триумфальных побед советского оружия и освобождения пол-Европы от фашизма. В то же время в

самой Турции некоторые авторы, например профессор-политолог Тюрккая Атаёв, даже спустя годы вновь и вновь убеждались, что вызвавшие тревогу Турции предложения в советских нотах были не более чем результатом упомянутого решения, принятого совместно США, Англией и Советским Союзом в июле 1945 г. на Потсдамской конференции. В сущности, в своих нотах советское правительство в течение всего 1946 г. заявляло о необходимости обновления конвенции по Проливам и приводило при этом конкретные случаи нарушения этой конвенции, причём это не оспаривала ни одна из участвовавших в дискуссии стран и соглашалась с необходимостью выработки новой конвенции, готова была принять в этом участие.

Другое дело, что пункт третий советских предложений, представленных в Потсдаме, а именно о необходимости учреждения в Проливах совместной советско-турецкой оборонительной системы для их защиты, повторяемый в советских нотах как условие и обновления конвенции и подписания нового двухстороннего договора вместо денонсированного как безнадёжно устаревшего, отвергался Турцией, а за нею и её западными союзниками в соответствующих нотах, направленных и Турции, и СССР². Последняя советская нота по данному вопросу повторила этот ключевой пункт советско-турецких разногласий:

«Турецкое Правительство возражает также против пункта 5 Советской ноты от 7 августа, в котором предусматривается, что Турция и Советский Союз, как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Проливах, организуют совместными средствами оборону Проливов для предотвращения использования Проливов другими государствами во враждебных Черноморским державам целях.

Турецкое Правительство заявляет, что данное советское предложение несовместимо с суверенными правами Турции и что оно якобы ликвидирует её безопасность. Турецкое Правительство пришло к такому заключению еще до того, как оно выслушало какие-либо конкретные соображения Советского Правительства по этому вопросу, не сделав даже попытки совместного рассмотрения соответствующих предложений СССР. Огульно отклоняя всякую возможность совместного с Советским Правительством изучения этой важной проблемы, неразрывно связанной с

интересами обеспечения безопасности СССР и других Черноморских держав, Турецкое Правительство вступает в явное противоречие со своим собственным заявлением о желании восстановления дружественных, основанных на доверии отношений с СССР, находя при этом возможным высказывать такие подозрения, которые не имеют под собой никакого основания и к тому же несовместимы с достоинством Советского Союза.

Несмотря на высказанную в турецкой ноте точку зрения, Советское Правительство держится того мнения, что только совместными средствами Турция и Советский Союз могут обеспечить как свободу торгового мореплавания, так и безопасность в Проливах. При этом Советское Правительство полагает, что осуществление указанного советского предложения отнюдь не должно затронуть суверенитет Турции и вместе с тем должно в наибольшей мере соответствовать интересам ее безопасности, поскольку совместные мероприятия Турции и СССР могут обеспечить охрану Проливов в большей мере, чем мероприятия одной Турции.

Отказ Турции от совместной с Советским Союзом обороны Проливов лишает Черноморские Державы возможности гарантировать должную безопасность в этом районе. Во время последней войны страны оси использовали Черное море для своих военных операций против СССР, чему содействовало и то обстоятельство, что они имели возможность проводить в Черное море некоторые военные и военно-вспомогательные суда. Хорошо памятен и такой факт, как внезапный проход через Проливы в Черное море в 1914 г. немецких крейсеров "Гебен" и "Бреслау", которые, ворвавшись в Черное море, произвели нападение на русский флот и на Черноморские порты. Все это учитывается предложением о совместной советско-турецкой обороне Проливов, имеющей целью обеспечить надежную оборону Проливов как в интересах Турции, так и в интересах других черноморских держав, что не может быть в полной мере обеспечено одной только Турцией. С другой стороны, если бы Турция, отказавшись от предложения СССР, стала осуществлять военные мероприятия в Проливах совместно с какими-либо нечерноморскими державами, то это, разумеется, оказалось бы в прямом противоречии с интересами безопасности черноморских держав. Было бы неправильно забывать, что советское Черноморское побережье, простирающееся на

2100 километров, открывает доступ к экономическим важнейшим районам страны, в силу чего необходимость обеспечения его безопасности при непосредственном участии Советского Союза в обороне Проливов вытекает из жизненных интересов СССР. Все это объясняет, почему Советское Правительство считает необходимым, чтобы оборона Проливов осуществлялась совместными силами Турции и СССР и имела бы целью обеспечить безопасность для всех черноморских государств»³.

Упомянутый ключевой пункт советских предложений в конце концов стал квалифицироваться турецкой дипломатией как безоговорочное требование, как угроза её суверенитету и категорически отвергался. Последним, весьма пространным ответом Турции на советские ноты по вопросу о Черноморских проливах стала её нота от 18 октября 1946 г. В этом документе, как и в прежних, отвергались все претензии и упреки, высказанные советской стороной относительно случаев неисполнения турецкой стороной своих обязательств по контролю над режимом Проливов во время войны, в результате которых имелись случаи прохода через Проливы немецких судов. Случаи проходов объяснялись наличием пробелов в Приложении II конвенции, затруднявшей определение характера судов и т. д. В заключительной части этого турецкого документа было сказано, что «представило бы интерес рассматривать исчерпанной дискуссию на дипломатической арене, так как Турецкое Правительство находится в распоряжении Советского Правительства, чтобы обратиться в третейский суд». Турцией таким образом высказывалось намерение прекратить «нотную» дискуссию и готовность предстать перед третейским судом для доказательства своей добросовестности и лояльности в отношении выполнения конвенции. Была подтверждена в ноте и готовность пересмотреть Конвенцию при участии подписавших её держав и США.

Были отвергнуты советские аргументы и в определении статуса Чёрного моря как особого закрытого моря и права только черноморским державам определять этот статус. Турецкой стороной подчёркивалось, что конференция в Монтрё «уже установила режим, отдающий предпочтение прибрежным державам». Более того, принимая за основу дискуссии первые три пункта советских предложений, Турция тем самым признала в отношении черноморских держав преференциальный режим. «Турция ясно осоз-

нает свою роль Черноморской Державы. Но она не может в то же время забывать, что она является Средиземноморской страной». Что касается пункта советской ноты, рекомендовавшего смешанную систему турецко-советской обороны в Проливах, в турецком ответе было сказано: «Согласие Турции на совместную оборону Проливов означало бы ничто иное, как разделение своего суверенитета с иностранной державой»...

Советская сторона на эту ноту не ответила и не потребовала созыва конференции по пересмотру конвенции Монтрё, а когда наступил срок окончания её действия, она не сообщила об аннулировании конвенции. Конвенция Монтрё остается действующей и до сих пор.

Турецкие авторы убеждены, что ещё в конце 1945 г. советская сторона нашла способ давления на Турцию – в США, Франции, Англии армянскими комитетами были организованы кампании с территориальными требованиями к Турции. Состоялись в сентябре митинги армян в Бейруте, Дамаске и других городах Сирии с требованием воссоединения с Советской Арменией армянских земель, насильно захваченных Турцией. 20 декабря 1945 г. в одной тбилисской газете два грузинских профессора опубликовали письмо о том, что всё черноморское побережье до Гиресуна принадлежит Грузии и эту территорию следует ей вернуть⁴.

Характерно для тех времен, что ещё когда шел обмен нотами между СССР и Турцией и исчезали последние иллюзии относительно будущего советско-турецкой дружбы, в Турции появился первый признак, символ начавшейся её новой дружбы, уже с Соединёнными Штатами. Этим «весомым» символом стал громадный американский линкор.

Турецкий автор Хюсейн Багджы считает, что «история любви» между Турцией и США началась с прибытием в Стамбул в апреле 1946 г. американского линкора «Миссури», доставившего на родину умершего в США турецкого посла Мюнира Эртегюна. «Эта акция символизировала поддержку Америкой турецкой позиции в ответ на территориальные требования Советского Союза к Турции... Советская угроза сориентировала Турцию на установление ею тесных дружеских отношений с западными странами, особенно с Соединёнными Штатами»⁵.

Заключив военно-политические соглашения с США, а позже, в 1952 г., вступив в блок НАТО, Турция определилась в выборе

стратегии своего развития, в том числе экономического, выбрав новую модель модернизации в рамках НАТО.

Условия плана Маршалла предусматривали необходимость заключения с США отдельных двухсторонних соглашений о помощи с получающими её государствами, поэтому своё соглашение с американской стороной об участии в ОЕЭС готовила и Турция. По поводу целесообразности участия Турции в этой организации для того, чтобы получать через неё американскую помощь, в политических кругах Турции, стран Запада прошли дискуссии, затем началась подготовка совместной программы. О запросе для Турции 615 млн. долларов сообщил 2 февраля 1948 г. в меджлисе министр иностранных дел Неджметтин Садак, добавив при этом, что заявка на эту сумму отвергнута американскими специалистами. Причины отклонения запроса Турции были следующими: Турция в состоянии сама решать свои экономические проблемы, она за время войны развила свою экономику. Садак не соглашался с тем, что Турция достигла успехов, но турецкие представители в Париже не сразу сумели убедить в этом участников ОЕЭС. При прямом вмешательстве США она наконец получила согласие и смогла начать пользоваться программой помощи. 4 июля 1948 г. Турция подписала с США Соглашение об экономическом сотрудничестве в рамках плана Маршалла, 8 июля 1948 г. ВНСТ его ратифицировало. Отделение американского Агентства международного развития (US AID) открыло своё представительство в Анкаре и наладило сотрудничество с Минфином. Турции было выделено 10 млн. долл. помощи, но Вашингтону было сообщено, что власти страны нуждаются в 300 млн. долл. ОЕСД направило в Анкару миссию, среди задач которой предусматривалась совместная подготовка программы помощи Турции, контроль за её исполнением, предоставление ежегодных отчётов⁶.

О том, что экономические меры США в отношении Европы составляли часть их военно-политической глобальной стратегии, пишет видный турецкий специалист по финансовым и банковским проблемам Эрхан Бенер, ссылаясь на П. Семуэльсона: «Руководители и экономисты США не намерены были повторять ошибки, совершенные ими после Первой мировой войны. Война закончилась, однако стало очевидным, что на горизонте возникла серьёзная опасность для мировой капиталистической экономики, возглавляемой США. Этой опасностью стала система социализма,

которую представлял Советский Союз. Чтобы предупредить развал капиталистической системы, воспрепятствовать включению Европы в коммунистическую систему, прежде всего следовало вырвать Западную Европу из той нищеты, в которой она оказалась, а затем вновь привести в действие систему свободной конкуренции»⁷. Отмечая это, в другом разделе своей книги Бенер пишет ещё более определённо: «не протяни США руку помощи Европе, очевидно, её восстановление стало бы невозможным». Повторив ещё раз, что доля для Турции в плане Маршалла оказалась меньшей в сравнении с другими странами при учёте уровня её экономики и населения, автор признаёт, что Турция обладала большими резервами золота и валюты, оставалась нейтральной в войне и воспринималась поэтому страной, которая экономически в помощи не нуждалась. «Первоначально подготовленный турками план свидетельствовал о блестящем состоянии турецкой экономики, однако потом, когда возникло опасение, что такой вывод неблагоприятно скажется на размерах помощи, потребовалось показать положение очень тяжёлым». В то время в США был опубликован доклад о положении тех стран Европы, которым предназначалась помощь. В нём отмечалась, что Турция, вступив в войну с запозданием, спасла от развала свои производственные ресурсы, более того, сумела поставлять по высоким ценам воевавшим странам различные виды сырья, поэтому ей вообще не следует оказывать помощи, либо если оказывать, то в минимальном объёме. Всё же потом Турция также смогла начать пользоваться планом Маршалла через ОЕЭС⁸.

Располагая ограниченными и противоречивыми статистическими данными, мы тем не менее можем считать, что в первые примерно два десятилетия, то есть в самые трудные годы формирования новых, послевоенных отношений Турции со своим новым военным союзником, в целом с крупнейшими странами Запада Турция, как участник антигитлеровской коалиции, получила 2251 млн. долл. экономической помощи⁹.

Чтобы завершить рассказ о самом остром периоде в истории советско-турецких отношений и самом решающем в послевоенном сотрудничестве с Западом, можно добавить, что 30 мая 1953 г. Молотов пригласил в МИД посла Турции и зачитал, а затем вручил ноту, в конце которой сообщалось, что Советский Союз не имеет никаких территориальных требований к Турции.

Спустя полтора месяца, 18 июля 1953 г., турецкий посол в Москве вручил В.М. Молотову ноту следующего содержания:

«Правительство Турецкой Республики ознакомилось с текстом заявления, зачитанного и переданного 30 мая 1953 года Его Превосходительством г-ном Молотовым, Министром Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик Послу Турции в Москве, которое гласит:

“Советское Правительство, занимаясь в последнее время вопросами отношений СССР с соседними государствами, в числе других вопросов обратило внимание и на состояние советско-турецких отношений.

Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1925 г., вопрос об урегулировании советско-турецких отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского Правительства относительно устранения возможной угрозы безопасности СССР со стороны Черноморских проливов.

Правительственными и общественными кругами Турции это было воспринято болезненно, что не могло в известной мере не отразиться на советско-турецких отношениях.

Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о Проливах, то Советское Правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции.

Таким образом, Советское Правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции”.

Правительство Турецкой Республики с удовлетворением принимает к сведению заявление, в котором Правительство Союза Советских Социалистических Республик объявляет, что не имеет никаких территориальных претензий к Турции. Правительство Турецкой Республики заявляет, что забота о сохранении добрососедских отношений и об укреплении мира и безопасности, на что

делается ссылка в этом заявлении, полностью соответствует той заботе, которую всегда проявляла и будет проявлять Турция.

Правительство Республики считает необходимым подчеркнуть в этой связи, что вопрос о Черноморских проливах, как, впрочем, это известно Советскому Правительству, регулируется положениями Конвенции в Монтрё».

Первым практическим свидетельством нормализации отношений стал визит в СССР в 1959 г. турецкой делегации во главе с министром здравоохранения Лютфи Кырдары. Весной 1960 г. было принято решение о визите в СССР премьера Мендереса, однако визит не состоялся – 27 мая в Турции был совершен военный переворот.

Послевоенная внутренняя политика. Переход к многопартийности

Глубокие изменения в первые послевоенные годы отмечены не только во внешней, но и внутренней политике Турции. Страну в условиях начавшейся «холодной войны» ожидала давно назревшая перестройка социально-экономической системы, трудный переход от диктатуры Народно-республиканской партии к многопартийности в соответствии с новыми ориентирами её послевоенной вестернизации. Авторитарный режим медленно приспособлялся к избранному варианту европеизации. Процесс кемалистских преобразований исчерпал себя, Турция вступала в новый период своей республиканской истории, по многим параметрам – политическим, идеологическим и многим другим характеризующийся как период посткемализма.

Однако обострение отношений с СССР обеспечило большую свободу всем формам антикоммунизма, включая пантюркизм. В 1946 г. возникло Общество турецкой культуры («Тюрк кюльтюр оджагы»), представлявшее националистические и пантюркистские круги в стране. Оно ставило задачу вдохновлять и укреплять турецкую культуру от внутренних и внешних воздействий иностранных идеологий. В 1950 г. Н. Атсыз определял пантюркиста следующим образом: «Это турок, уверенный в превосходстве турецкой расы, почитающий своё национальное прошлое, готовый пожертвовать собою во имя идей тюркского единства, особенно в борьбе с непримиримым врагом – Москвой»¹⁰.

Ещё на 6-м съезде Народно-республиканской партии в 1943 г. Инёню заявил: «Наш единственный недостаток – отсутствие оппозиционной партии». На майском съезде 1946 г. из устава и программы были изъяты все упоминания о государственной партии. Уже не стало понятий «бессменный председатель», «вождь» («шеф») и т. п. «шесть стрел» были удалены из конституции, была принята система одноступенчатых выборов. При И. Инёню концепция демократии стала более востребованной, так, закрытие в 1930 г. Либеральной партии было признано неправильным.

Перемены затронули и сферу официальной идеологии, духовной жизни общества. Турецкие авторы, например И. Тарханлы, пишут, что в конце 1940-х годов «началось оживление религиозного потенциала, превратившегося во влиятельный политический фактор. Даже правящая Народно-республиканская партия Ата-тюрка вынуждена была обновить свою концепцию религии и светскости и проводить более мягкую политику». В декабре 1946 г. в меджлисе был обсуждён вопрос о расширении религиозного образования, причём некоторые депутаты (например, Танрыювер) были убеждены, что такая мера обеспечит возможность морального противодействия коммунистической опасности. Комментируя этот аргумент, премьер-министр заявил, что предлагать заменить коммунизм шариадом означает уберечь больного от одного яда, дав ему другой, столь же смертельный. Частично это также можно объяснить реакцией общества на стремительное послевоенное сближение с Западом, желанием противодействовать не самым лучшим образцам западной «массовой» культуры¹¹.

На очередном съезде НРП в ноябре 1947 г. были утверждены положения, которые, по мнению Тарханлы, означали «либерализацию этатизма и светскости». В том же году впервые государством были выделены средства для хаджа. В 1949 г. в учебные программы 4 и 5 классов были включены в качестве факультативных уроки ислама, при Анкарском университете для подготовки религиозных деятелей был создан богословский факультет. В 1949 г. министерство просвещения открыло два первых десяти-месячных курса имамов-хатибов в Анкаре и Стамбуле, за этим последовало открытие таких же курсов в других вилайетских центрах. Запреты всё более конкретизировались вокруг «политического ислама», соответствующая и весьма жёсткая статья 163 Уголовного кодекса, категорически запрещающая использование

ислама в политических целях, не раз редактировалась. Против её ужесточения выступало немало депутатов, утверждавших, что эта статья – «агрессия против ислама, полностью противоречит светскости, защищает безбожие, отдаёт коммунистическим духом».

НРП ещё в 1941 г. во время войны, осознавая возможность участия армии в войне, разрешило в армии институт армейских проповедников. В 1945 г. начались новые льготы возможному электорату и некоторые члены НРП предложили проект реформы религии, более чётко определяющий светскость. Разногласия по поводу смягчения политики по исламу возрастали, но 7-й съезд партии не принял предложений консерваторов, хотя после него пошёл им навстречу. В 1950 г. в первую статью закона о запрете тюрбе и прочих мест религиозного поклонения был включён пункт о том, что вновь разрешается посещение мест погребения «великих тюрок и тех тюрбе, которые являются произведениями искусства». Включение в программу начальной школы уроков религии, учреждение курсов подготовки имамов-хатибов, выделение валюты для хаджа – произошло ещё при власти НРП после назначения профессора-историка, близкого исламистам, Ш. Гюналтая премьером, когда консерваторы одобрили это назначение. Исламский журнал «Себильюльрешат» писал, обращаясь к нему, рано или поздно «эти давления на религию нации прекратятся, нация не забудет твоих усилий»... Их противники в партии утверждали, что во всём исламском мире, включая Турцию, так и не наступило обновление ислама согласно современным представлениям. Если государство будет уступать, вновь произойдут события типа восстания шейха Саида и резни в Менемене.

Демократическая партия перед выборами 1950 г. обвинила НРП во враждебности исламу, а тот же Гюналтай оправдывался в меджлисе, уверяя, что НРП сделала много для религии. Происходило использование религии в политике двумя партиями, а журнал «Себильюльрешат» даже утверждал, что НРП пустило в страну коммунизм. После 1945 г. НРП перед угрозой коммунизма и вследствие ухудшения отношений с СССР стала выводить ислам на передний план, появился целый список происламских партий. Впервые после 1923 г. исламская мысль начала занимать место в политической жизни. Однако сразу же следует отметить, что эти партии не представляли независимые исламские концепции, в обществе не наблюдалось серьёзных религиозных движений¹².

Тем не менее светская культура, как символ европеизации, не оказалась в загоне. Так, после создания государственного театра Турции в 1949 г. её жители у себя могли знакомиться с западной оперной и классической музыкой, драматургией. Театр сначала объединял оперу, балет и драму. Несколько лет он не имел собственного помещения и первые спектакли проходили в помещении Народного дома Анкары. За 1949–1953 гг. государственный театр дал всего 53 представления (оперных, балетных и драматических). Основное свое здание театр получил на бульваре Ата-тюрка. Бывшее до того выставочным помещением, оно было перестроено в соответствии с театральными нуждами. В этом помещении идут с тех пор оперные и опереточные спектакли театра. В программе Анкарского театра оперы и балета появлялись произведения европейской оперной и балетной классики, в том числе Чайковского, Глазунова, Сметаны, оперы современных турецких и западных композиторов Аднана Сайгуна, Гершвина и др.

Ещё в 1933 г. в Анкаре был создан симфонический оркестр, однако первоначально его выступления носили эпизодический характер. Создание в 1953 г. в Анкаре Турецкого филармонического общества способствовало расширению деятельности оркестра, впоследствии было построено и здание Анкарской филармонии. В программе симфонического оркестра были произведения Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Рахманинова, Дебюсси, Равеля, Стравинского, современного турецкого композитора Сайгуна. Однако даже намного позже редкие концерты симфонического оркестра не стали значительными событиями культурной жизни.

Возникновение драматического театра в столице Турецкой Республики было неразрывно связано с созданием в 1949 г. государственных театров. Вслед за открытием основной сцены первого государственного театра на бульваре Ата-тюрка «Бююк тиятро» («Большого театра») была открыта и вторая сцена Анкарского государственного театра «Кючук тиятро» («Малый театр») в помещении декорационных мастерских. В 1956 г. открылся третий театр в освободившемся к тому времени Народном доме. В том же году начал работать «Ода тиятросу» («Камерный театр»), ещё один государственный театр, получивший в 1960 г. название «Ени сахне» («Новая сцена»), открылся в 1958 г. в самом центре столицы. В репертуаре государственных театров были произведе-

дения мировой классики, начиная с древнегреческих авторов. Значительное место в репертуаре анкарских драматических театров занимали произведения русских писателей – А.Н. Толстого, М. Горького, А.П. Чехова и других; немало ставилось с тех времён и произведений современных турецких авторов.

Сразу после войны власти попытались возобновить попытки планирования экономического развития. Появились даже проекты планов развития, сначала на 1946 г., затем на 1947 г. В чём-то они представляли собою продолжение принципов довоенного статистского планирования, особенно второго пятилетнего плана на 1939–1943 гг., так и не реализованного в условиях начавшейся мировой войны. Попытки инициаторов плана 1947 г. увязать его финансирование с ожидаемыми поступлениями по плану Маршалла не были успешными¹³.

В эти годы, как отмечалось в одном официальном издании, «от идей индустриализации пришлось отказаться», речь шла уже о минимизации негативного воздействия войны на экономику страны. В этом же издании признаётся, что «после 1946 года началось открытое обсуждение необходимости передачи промышленных предприятий, созданных на государственные средства, частному сектору, но нигде это не было осуществлено»¹⁴.

Конец 1940-х и 1950-е годы стали для турецкой буржуазии временем новых возможностей роста и упрочения влияния в обществе, не в последнюю очередь благодаря сотрудничеству, прямому и косвенному, с капиталом Запада, прежде всего США. Турецкий предприниматель, преимущественно импортёр и экспортёр, подрядчик получил возможность пустить в дело средства, накопленные в годы турецкого нейтралитета благодаря активной торговле с воевавшими державами и поставкам стратегического сырья (хлопка, табака и т. п.). Кроме того, в страну широким потоком хлынула американская военная помощь, американское оборудование, потребительские товары. Началось ускоренное военное строительство стратегических путей, портов, аэродромов, военных баз, промышленных сооружений, жилищ для американского военного персонала.

Действительно, с конца 1940-х и далее в 1950-е годы, после отказа правящей элиты от однопартийной системы, с приходом к власти Демократической партии впервые на правительственном уровне зазвучали заявления о необходимости приватизации, отказа

от крайностей этатизма, от односторонней ориентации на государственный сектор, о том, что частное предпринимательство уже в состоянии участвовать в промышленном развитии. К этому времени частный капитал активизировал свою деятельность в текстильном производстве, подрядном строительстве, учредил первый крупный частный банк «Япы ве креди». Полностью изменились внешние условия существования Турции после того, как она стала членом НАТО, приняла план Маршалла, доктрину Трумэна.

Западный мир, согласившись признать Турцию своим союзником и партнёром, ненавязчиво, но постоянно напоминал турецким властям, что время этатизма прошло и что пора переходить к всемерному поощрению частного предпринимательства, к приватизации, открывать турецкий рынок для иностранных частных инвестиций. Основным и неизменным объектом критики деятельности ГЭО стала их убыточность, вынужденно компенсируемая из бюджета. Излюбленная тема споров – природа этой убыточности: врожденно дисфункциональная либо преходящая, объясняемая поведением находящихся у власти политиков. Защитники ГЭО продолжали утверждать, что в Турции госсектор выполняет «вечную» функцию защиты национальной экономики, оптимизации социального баланса в обществе, дотирования малоимущих слоёв либо перспективных предпринимательских групп, а также науки, культуры, социальной сферы.

В первые послевоенные годы с начавшимися поступлениями помощи жёсткость внешнеторгового контроля была смягчена. В частности, сокращены были масштабы такасных и клиринговых операций. Расширение внешнеторговых и финансовых операций с западными странами, растущая потребность во внешней помощи (представленной в то время американской помощью) все более вынуждали турецкие власти идти на либерализацию внешней торговли.

В марте 1950 г., доживая последние месяцы как правящая партия, НРП приняла поправки к закону 1945 г. о так и не начатой земельной реформе. Его наиболее важной статьёй была 17-я, предусматривавшая отчуждение и передачу безземельным и малоземельным арендаторам, издольщикам и постоянным сельскохозяйственным рабочим всех фактически обрабатываемых ими земель. Основным принципом, который лёг в основу обновлённого закона, была неприкосновенность частной земельной собствен-

ности. Пугавшая помещиков ст. 17, допускавшая привлечение в фонд земельной реформы помимо государственных земель также и помещичьи, была упразднена. В самом деле, в отличие от варианта 1945 г. даже самая полная реализация положений, сформулированных в 1950 г., не затронула бы крупного землевладения¹⁵.

Важным свидетельством перемен в стране можно считать утверждение принципа многопартийности в политической жизни. После того, как в августе 1945 г. меджлисом был одобрен устав ООН, возникли и затем обострились дебаты в правящей партии и вне её по вопросам целесообразности сохранения авторитарного однопартийного режима. Эти дебаты привели в конечном счёте к крупнейшему послевоенному внутреннему политическому конфликту в Турции. Соответственно предложениям прежнего, последнего при Ататюрке премьер-министра Баяра, а также депутата Аднана Мендереса и ещё двух членов НРП, в правящей элите усилились требования внести изменения в турецкое законодательство с учётом тех принципов, с которыми правительство якобы согласилось, принимая Устав ООН. Когда это предложение было отвергнуто, его четыре сторонника вышли из НРП. После этого правительство всё же было вынуждено ослабить излишний контроль военных и согласилось на дальнейшую демократизацию политического процесса.

В январе 1946 г. Демократическая партия (ДП), возглавляемая Баяром и Мендересом, была официально зарегистрирована как политическая партия и вскоре стала главным центром оппозиции НРП как правящей партии. На всеобщих выборах в июле 1946 г. из 465 мест в ВНСТ НРП получила 396, ДП – 61, «независимые» – 7 мест. Завоевав 61 мандат в меджлисе, ДП получила общенациональную трибуну для пропаганды своих требований, прежде всего создания в стране многопартийной системы, она стала серьёзной соперницей НРП в борьбе за власть¹⁶.

Во всеобщих выборах в мае 1950 г. примерно 88% электората (приблизительно 8,5 млн.) участвовало в голосовании и в огромном большинстве избиратели поддержали ДП, ей досталось в ВНСТ 408 мест и только 69 мест получила НРП, её нерушимое господство в политике со времени основания республики было таким образом закончено. Законодательная и исполнительная власть в стране перешла к лидерам ДП, кончилась однопартийная авторитарная эра кемализма.

Демократическая партия у власти

Итак, возникшая многопартийная система принесла первые плоды: после целого периода авторитарного режима НРП во главе с И. Инёню оказалась в непривычной роли оппозиции. Президентом страны стал известный по 1930-м годам Джеляль Баяр, последний глава правительства при жизни Ататюрка, а премьер-министром – мало кому известный недавний член НРП и депутат ВНСТ Аднан Мендерес, крупный владелец плодородных земель на юго-западе страны в долине р. Мендерес провинции Айдын.

Новые власти освободили на первых порах часть политических заключённых, включая и тех, кто отбывал сроки за коммунистическую деятельность, из тюрьмы вышел и великий поэт Турции Назым Хикмет, правда, не доверяя новой власти, он вынужден был бежать за границу, чтобы потом, лишённый турецкого гражданства, обосноваться в СССР. Дальнейшие события подтвердили, что турецкие демократы, в отличие от «демократов» у власти, были правы, не доверяя победителям на выборах – обещанные ДП демократические законы так и не были приняты. В первые годы у власти они специальным законом национализировали всё имущество и все средства Народно-республиканской партии, в том числе и те, которые она унаследовала по завещанию от Ататюрка. (Однако после военного переворота 1960 г. Конституционный суд в соответствии с обращением НРП отменил названный закон, и эта партия вновь получила права владельца акций Ататюрка в Деловом банке и соответственно – право представительства в правлении этого банка¹⁷). Успех ДП в 1950 г. был затем подтверждён также и на выборах 1954 г., она ещё более увеличила свое парламентское большинство.

Торговые накопления в период Второй мировой войны, а также послевоенная мирохозяйственная, военная и политическая обстановка, в которой оказалась Турция, стремительный рост торгово-экономических связей с Западом дали новые импульсы развитию частного промышленного предпринимательства за счёт роста импорта и экспорта, комиссионных операций, складирования, перевозок, за счёт нового строительства (включая военное). Турецкий торговец и подрядчик устанавливал прямые связи с крупным бизнесом за границей. Расширились возможности использовать государственный сектор с его солидной промыш-

ленно-сырьевой базой, кредитами, кадрами, наконец, в страну начал поступать иностранный капитал, сначала государственный в ссудной форме, а затем и частный предпринимательский, что прямо и косвенно способствовало расширению финансовых источников, используемых частным капиталом.

Торговый капитал использовал эти средства и для постепенного перевода в финансирование промышленного строительства. По данным Н. Серина, основанных на итогах анкетирования группы турецких предпринимателей в 1950-е годы, у 34% опрошенных и у 36% их супругов сферой предпринимательской деятельности отца была торговля¹⁸.

Именно 1950-е годы считаются переломными, с точки зрения трансформации частного торгового капитала в промышленный. Если ещё в начале 1950-х годов, по мнению органа Стамбульской промышленной палаты, известных промышленников можно было пересчитать по пальцам, то спустя 15 лет частный промышленный капитал мог уже считать себя равным партнёром с крупным торговым капиталом.

Прежде всего это была текстильная промышленность, базировавшаяся на национальном производстве, национальном сырье, экспорте хлопка, также как и на кадрах, подготовленных и набравшихся опыта в госсекторе. Эта отрасль продолжила своё развитие, давно проявившееся в двух районах – Эгейском и Адано-Мерсинском, она постепенно вовлекла в частное крупное производство текстиля Стамбул и другие турецкие города. В текстильной промышленности число веретён увеличилось в 1949–1960 гг. со 126 тыс. до 217 тыс. в государственном секторе и со 140 тыс. до 544 тыс. – в частном. В 1950 г. государственный сектор (предприятия Сумербанка) произвёл 77,4% хлопчатобумажных тканей и 55,2% всей хлопчатобумажной пряжи, в 1960 г. эти доли снизились соответственно до 30 и 29,5%¹⁹.

Другая сфера, в которой преобладали уже новые отрасли, возникла на базе импортных и сборочных операций, перешедших под контроль крупного турецкого капитала, сотрудничавшего с инонациональным и иностранным. Здесь промышленные сборка и производство с самого начала зависели от стимулов со стороны западных монополий, которые стали активно использовать каналы кредитов и помощи своим подопечным в Турции. Ведущими фирмами этого потока стали автосборочные, электросборочные и

другие компании. Особенно на этапе первоначального формирования этих потоков они могли рассчитывать на помощь Делового банка – не обходилось без его акционерного участия.

Частная промышленность в короткие сроки стала разнообразна по своему характеру – от множества мелких предприятий до крупных современных промышленных комбинатов. Сборка лицензионной техники, строительство жилья и офисов породили множество небольших частных фирм узкой специализации. Частный промышленный капитал на глазах превращался в самостоятельную, влиятельную силу со своими интересами и практическими задачами.

Конец 1940-х и 1950-е годы – это подлинно золотой век турецкой буржуазии, активно поддержавшей лозунги и обещания ДП. Центральной фигурой во всех торгово-строительных операциях уже был турецкий крупный импортёр, посредник, комиссионер. Львиная доля доходов от этих операций оставалась в их руках. Немало доставалось и поставщикам сырья (хлопка, табака и т. п.) на американский и европейский рынки.

Новые отрасли возникали не только на базе импорта, техобслуживания, а впоследствии сборки. При участии капитала ГЭО стали создаваться и смешанные, государственно-частные компании, в систему госсектора были вовлечены крупнейшие кооперативные объединения по сбыту и экспорту хлопка, сухофруктов, фундука (Тариш, Чукобирлик, Фискобирлик и др.)²⁰.

В таких условиях после прихода к власти Демократической партии её руководство стало заявлять о намерении ограничить госкапитализм, об ориентации на «постепенную передачу» частному предпринимательству.

Однако правительство ДП так и не приступило к приватизации госпредприятий, что объяснялось турецкими экономистами их исключительной значимостью не только в сфере производства и снабжения, но и в социальной сфере. Защитники ГЭО утверждали, что в Турции госсектор выполняет «вечную» функцию поддержки и развития национальной экономики, оптимизации социального баланса в обществе, дотирования малоимущих слоев либо перспективных предпринимательских групп, а также науки, культуры. Лишь небольшая доля весьма значительной западной помощи могла быть освоена частным сектором через Банк промышленного развития, специально созданный в 1950 г. при учас-

тии американского Агентства международного развития, львиную долю западные кредиторы вынуждены были предоставлять ГЭО. Вместе с тем признаётся, что начиная с 1950 г. государственные инвестиции «окольными путями» использовались в проведении политики поощрения частного предпринимательства²¹.

При всём желании новой власти в тот период оказалось невозможным перевести в частные ни одного госпредприятия, более того, именно в 1950-е годы были созданы новые Государственные экономические организации (ГЭО), связанные прежде всего с агросферой и энергетикой. Правда, на этот раз они учреждались уже в статусе акционерных компаний, иногда с привлечением частного капитала, их базой часто были соответствующие управления экономических министерств. Так в этот период возникли государственные акционерные компании ПТТ (почта, телеграф, телефон), Мореходный банк, Морские перевозки, Турецкая нефть, начавшая добычу (в небольших количествах) нефти в стране, Банк туризма и др. Одновременно в 1950-е годы широко развернулась деятельность смешанных и частных промышленных фирм в ряде отраслей турецкой промышленности.

В 1953 г. статус ГЭО с собственным капиталом получили государственные железные дороги Турции, владевшие и всеми крупными морскими портами страны. В созданной в 1954 г. госорганизации «Турецкая нефть» («Тюркие петроллери А.О.») 51% акций были у казначейства, оставшиеся – у Пенсионной кассы, Этибанка, Делового банка, Сумербанка. Аналогичным образом в возникшей год спустя ГЭО «Азот санаи тюрк А.Ш.» акционерами были крупнейшие госорганизации. Тогда же, в 1955 г. Государственное Управление воздушных линий было реорганизовано в акционерное общество. Его акции были в распоряжении казначейства, но предусматривалась возможность их продажи частным физическим и юридическим лицам. Таких примеров было немало. Последовало и разукрупнение некоторых ГЭО, например, в 1957 г. из системы Этибанка были выделены угольные предприятия, образовав новую независимую ГЭО «Тюркие кёмюр ишлетмелери».

В 1950-е годы по рекомендациям западных советников наиболее серьёзные перемены были осуществлены в агросфере, получило своё основное завершение её многолетнее реформирование прав собственности. Находясь у власти, Демократическая

партия приняла в 1955 г. и 1957 г. такие дополнения к Закону об аграрной реформе, которые окончательно делали главный акцент в земельном вопросе на освоении и заселении целинных и залежных земель, то есть на государственном фонде.

Аграрная реформа в Турции в несравненно меньшей степени, чем в ряде других стран, затронула материальные интересы класса крупных землевладельцев, свидетельство тому – анализ категорий земель, составивших фонд аграрной реформы. В 1950–1960 гг., то есть в период нахождения у власти ДП, этот фонд формировался из следующих источников (тыс. га).

Таблица 1
Формирование земельного фонда

Категория земель	Площадь, тыс. га	Доля от общей площади, %
Государственные земли	1815	96,9
Земли, отчуждённые по закону, в том числе:	59	3,1
у вакуфов	48	2,5
у частных лиц и организаций	11	0,6

В Турции основу аграрной реформы составил почти исключительно государственный колонизационный фонд, а перераспределение частной собственности практически не начиналось. Но нельзя не заметить косвенного влияния её на феодальные слои деревни. Реформа ускоряла их переход от докапиталистических к современным формам организации хозяйства не путём прямого отчуждения, а угрозой отчуждения. Такая угроза была, несомненно, одним из побудительных мотивов, усиливших тенденцию капиталистического перерождения помещичьего класса.

Земельная реформа в определённой степени затронула и другой класс деревни – крестьянство, породив у него иллюзию стать земельным собственником без борьбы. С 1947 г., когда реформа только начала практически претворяться в жизнь, и до государственного переворота 1960 г. всего крестьянам было передано на условиях выкупа (по умеренным ценам) 1937 тыс. га из числа пустовавших и бесхозных земель. Кроме того, в общее пользование деревень поступило 1440 тыс. га пастбищ и лугов. Эти в значительной степени малоудобные земли, для освоения которых требовались большой труд и средства, получили 368 650 семей

(около 12% всех земледельческих семей). Это очень скромный результат, если учесть число безземельных и малоземельных крестьян (по переписи 1952 г. две трети сельского населения)²².

Основными формами государственной поддержки сельского хозяйства были закупки государством по гарантированным ценам части продукции, льготные кредиты, снабжение хозяйств на выгодных условиях машинами и инвентарём. Поскольку дело не обошлось без рекомендаций кредиторов, уже в 1948 г. в сельское хозяйство Турции стали поступать первые кредиты по плану Маршалла. Начался импорт в значительных количествах тракторов, что позволило распахать значительные площади неосвоенных земель, особенно в Центральной Анатолии. Прямая иностранная помощь, использованная в 1948–1965 гг. на развитие сельскохозяйственного сектора, составила 586,2 млн. долл., причём треть её была американскими кредитами. Эти средства пошли на строительство оросительных сооружений, на импорт и производство ядохимикатов по борьбе с вредителями сельского хозяйства, закупку сельскохозяйственных машин и запчастей, улучшение методов ведения животноводства, земледелия, подготовку специалистов в области сельского хозяйства и т. д.

Начался же технологический прогресс в турецком сельском хозяйстве именно с расширения применения тракторов и других сельхозмашин. Если до 1948 г. в стране использовалось примерно две тысячи тракторов, их число стало расти с началом применения плана Маршалла. Стремительность такого роста очевидна – в 1953 г. их было уже 35 тысяч, в 1956 – 44 тыс., в 1960 – 42 тыс. и в 1970 г. – почти 106 тыс. Такое использование тракторов способствовало расширению обрабатываемых площадей с применением механизации – в 1951 г. из 15,3 тыс. га тракторами было обработано 1,8 тыс. га, в 1970 г. из 24,3 тыс. га – около 8 тыс. га. То же можно сказать о расширении орошаемых площадей и применении химических удобрений. За период 1962–1972 гг. их применение возросло в 10 раз. Официальная статистика приводит данные об увеличении в 1951–1970 гг. производства пшеницы почти в два раза, сахарной свёклы – в три раза, хлопка – почти в 3 раза и т.д.²³

Несомненно позитивное воздействие американской экономической помощи на модернизацию турецкой экономики. Общий итог очевиден: страна получила возможность покончить с остат-

ками феодализма, в том числе в госсекторе, создать условия для роста частного предпринимательства и в будущем – перехода к рыночной экономике. Вместе с тем выгоды, полученные США от своего экспорта в виде помощи, были также существенны, даже если не обращаться к их политико-стратегической составляющей.

В те годы будущее этатизма, государственного капитализма всё более занимало умы турецких и зарубежных теоретиков. Видный турецкий экономист Осман Окьяр писал тогда, что «знамя либерализации, дестатизации было поднято ДП с момента её возникновения в 1946 г.» и после прихода к власти в 1950 г. она попыталась проводить эту политику либерализма во внутренней и внешней торговле. Однако после сентября 1952 г. эта политика начала откладываться на будущее, государственное участие было востребовано повсюду, создавались новые ГЭО. Менялось либеральное течение, изменялось и отношение к законодательству относительно внешнеторгового режима и иностранного капитала. Смягчались идеи относительно самодостаточности Турции, о том, что иностранный капитал опасен. Поэтому философия экономической помощи с опорой на план Маршалла была воспринята очень благосклонно²⁴. Об основных торговых партнерах в описываемый период можно судить по приводимой ниже таблице 2.

Таблица 2
Доля ведущих стран в импорте Турции в 1957–1962 гг. (%)

Страны	1957	1958	1959	1960	1961	1962
США	30,7	27,9	26,3	25,8	27,5	29,1
Зап. Германия	11,2	14,4	16,9	21,0	16,7	17,1
Англия	7,7	7,2	11,0	11,3	13,2	11,3
Италия	9,2	10,6	7,1	6,4	8,4	5,4
Франция	3,2	2,9	3,7	3,5	3,5	4,6
Япония	0,4	0,3	0,4	1,0	2,6	2,7
Иран	0,3	0,0	0,6	0,0	0,5	2,2
Голландия	1,2	1,6	3,0	2,6	2,4	1,9
Чехословакия	6,1	3,9	2,7	1,5	2,3	1,9
Австрия	1,1	1,5	3,3	2,1	1,6	1,7

Источник: İktisadi Rapor 1963.

По турецким данным, на начало 1970-х годов доля внешних источников в общем объёме инвестиций в экономику составляла 25,4%. Можно предположить, что в первые послевоенные годы эта доля была значительно выше и обеспечивалась она прежде

всего поставками из США или, по крайней мере, финансированием из США этих поставок. В период 1948–1967 гг. в среднем структура импорта на 47% была представлена инвестиционными товарами, 40% – сырьевыми, 13% – потребительскими. Однако в 1953 г. доля потребительских товаров в турецком импорте значительно превышала этот показатель, достигая 25%, что свидетельствовало об интенсификации поставок американских сельскохозяйственных излишков²⁵.

В эти же годы начался новый этап в истории ввоза иностранного капитала в Турцию: в 1954 г. были приняты законы о поощрении иностранного капитала и о нефти. Правда, они содержали ещё много ограничений по свободному использованию прибыли. По-прежнему поступление займов и кредитов от стран Запада и прежде всего от США по государственной линии (ежегодно 200–300 млн. долл.) являлось основой модернизации не только агросферы, но и промышленности, инфраструктуры.

Соотношение между различными формами ассигнований по плану Маршалла менялось по годам. До 1950 г. эта помощь Турции в основном шла в виде займов, что определяло большую задолженность Турции. Правительство Демократической партии утверждало в своих отчётах, что, придя в указанном году к власти, оно сумело добиться постепенного увеличения в предоставляемой помощи доли безвозмездной ссуды до 100%. Однако позднее, в 1960-е годы, после военного переворота 1960 г., затем создания консорциума помощи Турции, укрепления сотрудничества с Общим рынком доля безвозмездной ссуды постепенно сократилась почти до нуля. Что касается выплат долгов по займам, процент по ним составлял 2,5% при длительных сроках их выплат.

По плану Маршалла осуществлялись американские поставки в Турцию машин для сельского хозяйства, прежде всего тракторов, энергетического и промышленного оборудования, судов, химических удобрений, лекарств и многого другого. Ассигнования по плану Маршалла активно использовались практически во всех отраслях турецкой экономики – и на крупные проекты, и на модернизацию имевшихся предприятий и на поставки для них запчастей, сырья и т. п. Указанная помощь стала первоосновой реорганизации и развития важнейших отраслей экономики – торговли, промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства и др.

Причём, сначала вынужденно, её основным получателем был госсектор, затем – частный, в сотрудничестве прежде всего с американским частным капиталом. Помощь по плану Маршалла помогла осуществлять широкомасштабные инвестиции в механизацию агросферы, сохранявшей в немалой степени свою полуфеодальную структуру, а также в орошение, энергетику, строительство дорог, сахарную, текстильную, пищевую и другие отрасли промышленности, развившиеся на сельскохозяйственном сырье²⁶.

То обстоятельство, что львиная, почти стопроцентная, доля помощи поступала в распоряжение госструктур и государственных экономических организаций, составляло важную особенность индустриализации Турции за счёт американской помощи. Её наиболее активно использовали организации и крупнейшие предприятия страны, находившиеся под контролем ГЭО – Этибанка, Сумербанка, железных дорог, министерств экономики, здравоохранения, Управления автомобильных дорог, государственных управленческих и производственных структур в аграрном секторе, например Офиса продуктов земледелия, монопольно ведавшего продажей и закупкой зерна, растительного масла, жиров и т. п. Особый канал здесь был выделен для поставок через Офис продуктов земледелия сельскохозяйственных излишков – зерна, мясомолочных продуктов, хлопкового и соевого масла, жиров. Лишь небольшая доля их была направлена в сферу частного предпринимательства.

Отмечая получение Турцией немалых сумм по каналам невоенной помощи, прежде всего по линии Агентства иностранной помощи (АИД), следует иметь в виду, что они составляли лишь часть всей американской помощи. Так, из 2,9 млрд. долл. этой помощи, полученной Турцией в 1948–1959 гг., $\frac{2}{3}$ составляла прямая военная помощь, что позволяло Турции содержать и обучать огромную, более чем полумиллионную армию (тогда в основном крестьянскую). На её территории была создана система военно-воздушных и военно-морских баз НАТО, площадок для запуска ракет, радиолокационных установок, пунктов прослушивания и т. д.

Военная составляющая экономической помощи неразрывно связана с сотрудничеством Турции с НАТО. Первоначально некоторые члены НАТО высказывали нежелание позволить Турции войти в эту организацию. Ей указывали, что географически Турция не входит в оборонительную концепцию НАТО. Считалось,

что Турция была не столько европейской, сколько азиатской страной и, если Атлантический союз должен был расширяться путём включения Турции, надлежащая защита членов союза становилась невозможной. В то же время Соединенные Штаты готовы были принять Турцию именно потому, что это была бы единственная страна – член НАТО, граничащая с Советским Союзом, а это обстоятельство обеспечивало названному военному союзу возможность создания авиабаз в непосредственной близости к СССР. Турция потратила два года на соответствующие уговоры и добилась своего.

Из различных аспектов военно-политического союза Турции с западными странами следует отметить некоторые важнейшие. Например, уместно вспомнить такую акцию, как отправка в июле 1950 г. турецкой бригады в Корею, что вскоре привело к тяжёлым боевым потерям Турции, но ускорило, несомненно, её принятие (в феврале 1952 г.) в НАТО. Советский официоз того времени газета «Правда» писала в декабре 1951 г.: «В конце ноября прошлого года бойцы корейской Народной армии и китайские добровольцы загнали турецкую бригаду в узкий горный проход и почти полностью разгромили... То была первая, но не последняя “чёрная пятница” турецких солдат в Корее...». Газета указывала, что более чем четырёхтысячный состав бригады пришлось обновлять трижды почти заново²⁷.

Несколько позже, уже в 1955 г., Турция оказалась среди учредителей регионального военно-политического блока на Ближнем Востоке СЕНТО (Багдадский пакт). После выхода из пакта Ирака в 1958 г. штаб-квартира СЕНТО переместилась в Анкару. Пакистанский автор считает, что Багдадский договор «установил три тысячи миль идеологического и военного санитарного кордона против дальнейшего советского проникновения», Турция стала выполнять функцию «непотопляемого авианосца»²⁸.

Турция поддержала англо-франко-израильскую агрессию против Египта в 1956 г., правительство Баяра–Мендереса выступало на стороне США в период их острых вооруженных конфликтов с некоторыми арабскими странами. Из 2,9 млрд. долл. американской помощи, полученной Турцией в 1948–1959 гг., большую часть составляла прямая военная помощь. Вся система инфраструктуры страны модернизировалась и расширялась в соответствии с военно-стратегическими планами НАТО в этом районе.

По официальным данным турецкой статистики, из проживавших в 1965 г. в Турции иностранцев больше всего было «гостей» из США – 26,4 тыс. человек. В основном это были американские военнослужащие, обосновавшиеся в крупнейших городах страны – Стамбуле, Анкаре, Измире, Адане. Они же составляли широкую «защитную полосу» вдоль побережья Чёрного моря с городами Зонгулдак, Синоп, Самсун, Трабзон и т. д. Все эти «мероприятия» были направлены против её соседей, прежде всего против Советского Союза. Забытыми оказались уверения Турции во время её «нотной войны» с СССР в том, что она не допустит никогда присутствия иностранных баз на своей территории.

Надо признать, что вторая половина 1940-х – конец 1950-х годов были периодом наихудших, конфликтных отношений между СССР и Турцией, годами самой «холодной войны» между ними. Советская пропаганда не скупилась на обвинения Турции в том, что она была пособником фашистской Германии, а затем превратилась в «вассала американского империализма», стала «вотчиной Уолл-Стрита»²⁹. Турецкая пропаганда не оставалась в долгу – книжные магазины страны были забиты литературой о «красной опасности», «советском империализме». В первых рядах в анти-советских кампаниях выступали в те годы пантюркисты.

В 1953 г. после смерти Сталина новое советское руководство стало искать пути улучшения отношений с Западом, прилагало усилия и к тому, чтобы нормализовать отношения с Турцией. 30 мая 1953 г. от имени Советского правительства было сделано соответствующее заявление турецкому послу в Москве. Однако это заявление не сразу получило должный отклик со стороны Турции, оно некоторое время замалчивалось.

Багджы признает, что после начала американской помощи туркам они прекратили поддержку борьбы арабов за независимость, признали Израиль и разрешили турецким евреям уехать в Израиль. «Это на многие годы определило плохие отношения с арабскими странами». Другой ошибкой Турции он считает отказ от политической поддержки тех стран Азии и Африки, которые боролись за свою независимость. Например, неучастие турок на азиатской конференции в поддержку Индонезии в январе 1949 г. власти мотивировали тем, что Турция далека от этого региона, является европейским государством. Туда не был направлен даже наблюдатель³⁰.

В годы правления Демократической партии было продолжено принятие новых мер, начатых НРП и способствовавших усилению влияния религиозного фактора в жизни страны: был отменён запрет на чтение эзана на арабском. Уроки религии, сохраняя свою факультативность, превратились в неотъемлемую часть учебной программы. Открылись новые школы имамов-хатибов – в Анкаре, Стамбуле, Адане, Испарте, Мараше, Конье и Кайсери, впервые уроки религии были включены в программу средней школы. Эти уступки властей вызывали всё большее недовольство в руководстве турецкой армии. Часть военных была убеждена, что режим ДП попирает принципы Ататюрка, игнорирует решающую роль армии в эволюции республиканской власти, действует в интересах новой правящей элиты, узкой прослойки крупной буржуазии, связанной прежде всего с Деловым банком и обогатившейся на спекуляциях, провоцирует рост недовольства народных масс.

В те годы другим эффективным способом отвлечь общество от социальных проблем продолжал оставаться крайний национализм, переходящий в пантюркизм, возникали новые вспышки враждебности против остатков нетурецкого населения страны, особенно его предпринимательской прослойки. Одна из них 6 и 7 сентября 1955 г. приняла форму массовых погромов в отношении греческого, армянского и еврейского населения городов Стамбула, Измира и Анкары. Как писал Р.П. Кондакчян, погром был задуман Мендересом и Зорлу. 24 августа 1955 г. Мендерес выступил в Стамбуле, в ресторане «Лиман», с подстрекательской речью против греков. В начале сентября он встретился с руководителями общества «Кипр – турецкий». Мендерес потребовал активизации деятельности общества для поддержки позиции Турции в период работы Лондонской конференции по Кипру. Непосредственным поводом к погрому послужила провокация, связанная со взрывом дома-музея Ататюрка в Салониках, в котором помещалось турецкое консульство. Турецкий консул в Салониках Бали и его помощник Четинер заложили бомбу под здание консульства и взорвали его, а вину взвалили на греков. Весть эта молниеносно распространилась по стране через вечерние газеты и радио, заведомо ждавших её и оставивших для этого места на своих страницах и в программах.

В течение двух дней двадцатитысячная толпа громила и грабила лавки, магазины и дома греков, евреев и армян в Стамбуле,

а также Измире. Было разрушено и сожжено 73 церкви и два монастыря греков. Были вскрыты могилы греческих патриархов, а их кости разбросаны в сторону Греции. Было осквернено также христианское кладбище Шишли и разрушены 24 греческие школы. Значительный ущерб был нанесен и армянам: совершено нападение на здание армянского патриаршества, разрушено несколько церквей и 8 школ. Толпа напала также на еврейскую синагогу и здание главного раввина. Во время погрома было убито 3 человека. Есть данные о том, что было ранено 600 человек. Общий материальный ущерб, нанесенный национальным меньшинствам, составил около 250–300 млн. лир. Турецкие власти явно занизили общую сумму ущерба до 69,578 млн. лир. Правительство Мендереса виновниками и организаторами этих событий объявило коммунистов.

Толпы погромщиков были подогреты националистическими и весьма популярными в то время лозунгами типа «Кипр – турецкий»³¹. В общественных кругах сложилось мнение, что погромы были специально организованы, поскольку службы безопасности не сразу вмешались в события. Впоследствии это подтвердилось на процессе в Ясыада³².

Намного позже обозреватель «Джумхуриет» Орал Чалышлар привёл воспоминания Саркиса Черкезьяна о событиях 6–7 сентября 1955 г. в районе Едикуле Стамбула. «Врывались в дома, ломали, разливали, выбрасывали на улицу вещи. На Едикуле джаддеси была греческая церковь, её сожгли». Как пишет Чалышлар, за событиями стояли две силы: политическая власть и печать³³.

Значительные военные расходы, усиление экономической и политической зависимости Турции от США в 1950-е годы, быстрое обогащение верхушки крупной турецкой буржуазии и помещиков сопровождалось ростом инфляции, дороговизны, безработицы. М. Сингер следующим образом описал монетарную ситуацию тех лет: «Денежная масса возрастала ежегодно в среднем на 19,2%, при этом 10,5% в год питало инфляцию, из оставшейся части 6% поглощалось реальным экономическим ростом, 2% – снижением скорости обращения денег, остальные 0,7% – статистическая погрешность». В период с 1946 по 1952 г. среднегодовой рост цен составил 2,2%, а в следующий период, с 1953 по 1959 г., почти 17%. По словам М. Сингера, в период демократов инфляция превратилась в наиболее значимую экономическую

проблему Турции. Западные эксперты «умоляли» премьер-министра А. Мендереса пересмотреть политику, которая оборачивалась серьёзной инфляцией. Тем не менее в своём стремлении к экономическому росту и популярности правительство ДП длительное время игнорировало предупреждения, поступавшие как изнутри системы, так и извне.

С расчётом на гарантированное финансирование по линии АИД инвестиционных программ власти в середине 1950-х годов прибегли к «освобождению» импорта, ввозу «всего, что только возможно»; при перманентной инфляции это обернулось дефолтом 1958 г., первым, но не последним в Турции, когда страна оказывалась не в состоянии расплатиться по своим стремительно возросшим долгам, прежде всего краткосрочным. Бенер пишет, что первоначальные ответные меры властей носили сиюминутный характер, в то время как для стабилизации внутри- и внешнеэкономической ситуации требовались коренные и взаимоувязанные меры.

В конце концов, правительство пошло на эти меры, был создан комитет из представителей всех заинтересованных министерств и ведомств, который 12 апреля 1958 г. подготовил соответствующий доклад, обсуждавшийся затем в Париже и Вашингтоне международными экономическими организациями, прежде всего ОЕЭС и МВФ.

4 августа 1958 г. власти объявили о начале целой серии мероприятий, названных Программой стабилизации³⁴.

Программа включала девальвацию турецкой лиры (примерно на 120% в отношении к доллару США), переход к системе ступенчатого курса в зависимости от вида товара в экспортных и импортных расчётах, жёсткий контроль над денежной и кредитной эмиссией, увеличение цен на продукцию государственных экономических организаций (ГЭО), пересмотр импортного режима в сторону квотирования, меры по поощрению экспорта, приоритет в инвестиционных программах краткосрочных и высокоприбыльных проектов, сокращение дефицита государственного бюджета. В свою очередь ОЕЭС перенесла сроки уплаты кредитов на сумму 420 млн. долл., по которым подошли сроки, и выделила Турции 359 млн. долл. новых кредитов. Тогда же помощь Турции начала оказывать ФРГ: был предоставлен и кредит в размере 210 млн. марок³⁵.

Финал власти ДП – военный переворот 1960 г.

Быстрое обогащение верхушки крупной турецкой буржуазии и помещиков сопровождалось ускоренным ростом инфляции, дороговизны, безработицы. Всё это резко обострило социальные конфликты в стране, вызвало недовольство не только среди самых неимущих слоёв населения, но и среди интеллигенции, военных, представителей средней буржуазии. Антиправительственные выступления нередко сочетались с выступлениями против американцев.

Правительство Демократической партии в ответ на это усилило репрессии, организовывало погромы, устраивало судебные процессы, не считаясь с конституцией. Борьба с народом, со всеми свободомыслящими турецкими гражданами проводилась под флагом «борьбы с коммунизмом». В 1951 г. властями были внесены изменения в Уголовный кодекс: предусматривалось длительное тюремное заключение для рядовых участников борьбы за демократизацию режима и политику мира и смертная казнь для руководителей этой борьбы. В 1954 г. был издан закон о репрессиях против оппозиционной и независимой печати (только в 1959 г. к суду был привлечен 61 журналист).

ДП стремилась самыми жёсткими мерами укрепить свою власть, ограничить деятельность оппозиции. В конце июня 1956 г. ВНСТ приняло Закон о собраниях и демонстрациях, согласно которому без разрешения властей запрещались всякие открытые и закрытые собрания и демонстрации. Во время предвыборных кампаний ДП прибегала к широкому подкупу избирателей, к использованию влияния духовенства в своих политических целях. Она использовала против парламентской оппозиции и репрессивные меры. В сентябре 1957 г. меджлис одобрил закон, запрещавший оппозиционным партиям выступать на выборах единым списком. На парламентских выборах в октябре 1957 г. за ДП проголосовало избирателей меньше, чем за оппозиционные партии, и лишь мажоритарная система обеспечила ей большинство мест в меджлисе – 419, НРП получила 173 места, остальные голоса распределились между мелкими партиями.

Конфликт между правящей ДП и главной оппозиционной партией – НРП всё более обострялся. Роли этих партий теперь менялись, НРП сконцентрировала свои нападки на авторитарных,

антидемократических законах, принимаемых властями ДП. Правительство же утверждало, что новые законы и решения были необходимы для того, чтобы предотвратить подстрекательства к беспорядкам «безответственных журналистов». Неспособность двух главных политических партий сотрудничать в междлизе фактически заблокировала работу парламента. На улицах полиция прибегала к газовым и слезоточивым гранатам, применяла конницу и пускала в ход дубинки против членов НРП и всех, кто приходил на встречи с Инёню. Например, в городе Зиле (вилайет Токата) 17 октября 1958 г. полиция запретила сторонникам и членам НРП собираться на пути следования Инёню, произошло столкновение, полиция применила дубинки, приклады и слезоточивые газы.

30 апреля 1959 г. власти организовали покушение на Инёню в Ушаке, в результате чего он был ранен в голову. Через несколько дней 4 мая 1959 г. огромная толпа членов правящей партии, около 5 тыс. человек, с камнями и палками набросилась на машину Инёню в районе Топкапы в Стамбуле, его спасли военные с угрозой применения оружия.

Весной 1960 г. антиправительственные выступления приняли массовый характер, наиболее активную роль в них играла молодёжь, студенчество. 19 апреля в Анкаре состоялся многотысячный митинг протеста против антидемократических действий правительства, а 28 апреля на площади Баязит полицией была расстреляна демонстрация студентов Стамбульского университета. Несколько человек было ранено, один убит³⁶. В Анкаре на следующий день состоялась демонстрация протеста студентов Анкарского университета, начались демонстрации у зданий факультета политических наук и факультета права. И здесь полиция открыла огонь по демонстрантам и нескольких ранила, а затем ворвалась в помещения факультетов и стала наводить «порядок». После этого масса студентов направилась к площади Кызылай, которая и стала центром студенческих выступлений. Власти ввели в Анкаре и Стамбуле чрезвычайное положение. Начались аресты. Сотни студентов были свезены в казармы. Однако никакие меры властей уже не могли остановить студенческий протест. В Анкаре на площади Кызылай ежедневно собирались студенты и требовали отмены только что принятого закона о создании комиссий по расследованию «подрывной» деятельности.

3 мая командующий сухопутными войсками турецких вооружённых сил генерал Джемаль Гюрсель направил на имя министра национальной обороны Этема Мендереса письмо, в котором указывал, что для «спасения страны, правительства и Демократической партии из трудного положения» необходимо принять самые экстренные меры. Ими могли быть только отставка президента республики и членов правительства, замена губернаторов и начальников управлений безопасности Анкары и Стамбула, отмена закона о создании комиссий по расследованию, освобождение арестованных студентов и журналистов и т. д.

Письму Гюрселя не придали значения ни министр обороны, ни Мендерес, хотя это фактически был ультиматум армии. Гюрселю сообщили только, что его отставка, о которой он просил когда-то, принята. На помощь полиции были брошены войска; в результате стычек имелись убитые и раненые.

Еще более мощная демонстрация в столице состоялась 4 мая 1960 г. Прибывший к месту демонстрации премьер-министр А. Мендерес попытался уговорить демонстрантов разойтись, однако с трудом вырвался из рук разгневанной молодёжи. Полиция принялась жестоко избивать участников демонстрации. За эти «решительные действия» полицейским по личному указанию военного коменданта Анкары было выделено для раздачи 250 тыс. лир.

В эти бурные дни Мендерес отправился в поездку по стране. Как ни странно, поездка утвердила его во мнении, что события в Анкаре и Стамбуле не отражают истинного отношения к нему населения. И действительно, когда 14 мая, ночью, он на пароходе проезжал Чанаккале, его приветствовали сотни огней – это были лодки и катера с встречавшими его людьми, ещё более шумная и многолюдная встреча была организована в Измире. Об этой встрече Айдемир пишет: «Ещё за час до подхода к берегу пароход окружили сотни лодок и катеров. Казалось, тысячи и тысячи измирцев ведут пароход, словно невесту, доставляя его к измирской набережной. Да и набережная и площади были подобны людскому морю... По некоторым высказываниям, встречающих было до 20 000 человек, все прибывшие из Эгейского района присоединились к жителям Измира».

Выступая в Измире, Мендерес заявил, что буря в стране, продолжавшаяся 15 дней, закончилась и начинается предъявление счетов «за грехи и преступления». С такими намерениями он и

вернулся в Анкару, однако дальнейшие события показали, насколько ошибочно было мнение, будто буря утихла.

Режим Баяра–Мендереса вызывал недовольство и в турецкой армии. Её руководству не без основания казалось, что этот режим, как некая новая гражданская власть, пытается подспудно противопоставить себя военной элите. Кроме того, часть недовольных военных, особенно молодые офицеры, сочувствовала студентам, так как считала, что указанный режим попирает принципы Ататюрка, уклоняется от проведения элитистских и в целом светских мероприятий. Против существовавшего режима выступала и часть генералитета, считавшая, что руководители этого режима своими крайними действиями способствовали созданию такой обстановки в стране, которая могла привести к выступлению широких народных масс и вызвать весьма нежелательный для имущих классов поворот событий. Всё это было очевидно, когда 3 мая 1960 г. генерал Дж. Гюрсель направил Этому Мендересу свое письмо.

21 мая к антиправительственным выступлениям открыто присоединилась часть армии: вышли на демонстрацию около тысячи курсантов Анкарского военного училища. Бросалось в глаза, что к курсантам примкнули многие офицеры министерства обороны, генерального штаба и армейских соединений. Дойдя до площади Кызылай, демонстранты хотели двинуться к президентскому дворцу в Чанкая, но этому помешало вмешательство командования.

Не оценив должным образом ситуацию в столице, 25 мая Мендерес вновь её покинул: прилетел в Конью, город, являвшийся, подобно Измиру, оплотом сил, поддерживавших Демократическую партию. Самолёт Мендереса сделал остановку в Эскишехире, где находится военно-воздушная школа, и не успел улыбающийся Мендерес дойти и до середины выстроившегося у самолёта почётного строя офицеров, как раздалась команда «кругом!», и растерявшийся премьер-министр увидел спины офицеров. В самом Эскишехире также царила атмосфера враждебности. Когда Мендерес взошел на трибуну, чтобы выступить перед жителями города, оказалось, что провода, ведущие к микрофону, перерезаны. Вечером на приёме, устроенном в честь премьер-министра на сахарном заводе, находившиеся там военные, казалось, не замечали главы правительства. В этот же вечер из Анкары позвонил председатель меджлиса Рефик Коралтан и сообщил, что в

Стамбуле состоялась демонстрация профессоров университета. Вернувшись после этого телефонного разговора в зал приёма, Мендерес произнес свою последнюю речь в качестве премьер-министра Турции. Кстати, в ней он вновь обрушился на демонстрантов.

А в это время в Анкаре, в здании военного училища, собрались руководители будущего переворота. Здесь были командиры некоторых воинских соединений, начальник тыла сухопутных сил генерал Джемаль Маданоглу, командир танковой бригады генерал Баштуг, полковник Альпарслан Тюркеш, преподаватель училища, и многие другие. Было принято решение о вооружённом выступлении против власти³⁷. В ту ночь многие жители Анкары не спали: на улицах и площадях располагались воинские части. Ясно было, что выступили военные, но кто возглавляет восстание, никому не было известно. Когда Исмета Инёню разбудили среди ночи и сообщили о выступлении армии, он первым делом спросил: «А кто во главе?» В ту ночь узнать, что вооружённое выступление против режима ДП совершает группа офицеров во главе с полковником А. Тюрешем, известным пантюркистом, ему не удалось.

В ночь с 26 на 27 мая курсанты направились к Дому армии и арестовали командующего сухопутными силами Суата Куяша и военного коменданта Анкары Намыка Аргюча. В одном из частных домов был арестован начальник Генерального штаба Рюштю Эрдельхун. Пять танков из танкового училища окружили в Чанкая дворец президента республики, Баяр был арестован. Другие танки направились в центр города и заняли позиции вокруг Дома радио и здания ПТТ (почта, телеграф, телефон). У Дома радио произошла перестрелка с охраной, был убит участник нападения лейтенант Калмаз. Это была единственная потеря среди участников переворота. Перестрелка произошла также при захвате зданий ВНСТ, Совета министров, Главного управления безопасности и министерства внутренних дел. Одновременно шли аресты министров. Некоторые пытались скрыться. Так, министр внутренних дел Гедик был найден на крыше, а министра иностранных дел обнаружили в доме тестя его шофера.

Рано утром 27 мая, в неурочное время, заговорило радио Турции: «Внимание, внимание! Уважаемые граждане! Подойдите к вашим приёмникам. Через минуту будет зачитано обращение

ваших Вооружённых сил, которым вы доверяете». Призыв был повторен несколько раз, затем передали обращение:

«В связи с кризисом, в котором оказалась наша демократия, и последними печальными событиями, а также с целью предупредить братоубийство турецкие вооруженные силы взяли власть в свои руки...» Далее в обращении содержался призыв поддержать выступление военных. Заключительная часть обращения адресовалась союзникам Турции, «соседям», «всему миру». Подтверждалась верность принципам ООН и лозунгу, выдвинутому Ата-тюрком: «Мир в стране, мир в мире!». В обращении говорилось: «Мы верны всем нашим союзам и обязательствам. Мы верим в НАТО и входим в него, входим в СЕНТО...» Несколько позже было объявлено о роспуске меджлиса, аресте правительства, запрещении деятельности политических партий.

Ночь переворота Аднан Мендерес и министр финансов Хасан Полаткан провели в Эскишехире. Узнав о событиях в Анкаре, рано утром они выехали в Кютахью. В пути они заметили военные самолёты, которые, развернувшись, пролетели над шоссе, прямо над автомобилем премьера. В Кютахье от губернатора Мендерес достоверно узнал, что его правительство свергнуто. В тот же момент к дому губернатора подъехала группа офицеров и объявила Мендересу, что он арестован. Бывший глава правительства был доставлен под стражей в Эскишехир, а оттуда на военном самолёте вместе с Полатканом – в Анкару.

27 мая в 16 часов по радио Турции выступил генерал Джемаль Гюрсель, вызванный из Измира руководителями переворота и возглавивший созданный ими Комитет национального единства (КНЕ). Гюрсель ещё раз объяснил причины выступления армии и призвал оказать доверие комитету.

СТРАНА МЕЖДУ ВОЕННЫМИ РЕЖИМАМИ – 1960–1970-е годы

Последствия военного переворота 1960 г.

Итак, 27 мая 1960 г. под руководством армии успешно произошёл государственный переворот под лозунгом возвращения к принципам Ататюрка. Осуществив захват власти, генералы приняли срочные меры по укреплению своих рядов. В ноябре 1960 г. 14 участников переворота, включая Тюркеша, слывших радикально-националистическими оппонентами Дж. Гюрселя внутри Комитета национального единства (КНЕ), из-за своего противодействия идеям перехода к гражданскому правлению были выведены из КНЕ и отправлены в отставку, а затем в почётную ссылку – на дипломатическую работу за границу¹. Так, А. Тюркеш до февраля 1963 г. был вынужден работать в ранге советника в турецком посольстве в Дели. Инициаторами переворота 1960 г. были молодые офицеры. Позже выяснилось, что некоторые из них были настроены против многопартийной системы, открыто предпочитали авторитарную власть. Ведь турецкий офицерский корпус традиционно идентифицировал государственный авторитет с военной силой, офицеры считали себя исполнителями «национальной воли». И антикоммунизм и антиисламизм были важными составляющими их взглядов².

В сформированное 28 мая под контролем КНЕ временное правительство вошли три генерала и 15 гражданских лиц. Джемаль Гюрсель занял посты премьер-министра и министра национальной обороны. Одновременно он был председателем КНЕ и командующим вооружёнными силами страны. Вскоре была создана «профессорская» комиссия специалистов по выработке текста новой конституции: генералы вспоминали адреса известных и авторитетных профессоров и направляли за ними машины, а в Стамбул – самолёты; эта комиссия и подготовила проект конституции.

Между тем собранные в военном училище бывшие члены правительства и бывшие депутаты – члены Демократической партии ожидали решения своей участи. В отдельных комнатах на нижнем этаже под усиленной охраной находились Баяр, Мендерес, Коралтан. Один из арестованных, министр внутренних дел Намык Гедик, в ночь на 29 мая покончил с собой. Находившийся с ним на третьем этаже в одном помещении другой подследственный Этем Мендерес рассказал, что он проснулся от звона разбитого стекла и сразу понял, что его сосед выбросился из окна, даже не пытаясь открыть окно. Потом было обнаружено его прощальное письмо жене³. Больше всех среди арестованных (около 600 человек) было юристов, за ними следовали коммерсанты, затем – владельцы чифтликков, доктора, администраторы, военные, журналисты, дипломаты и др. Вскоре заключённых доставили в военную тюрьму на острове Яссыада в Мраморном море. Поздно вечером 9 июня под охраной высших военных на Яссыада были отправлены Джеляль Баяр и Аднан Мендерес. Несколько подследственных умерли, так и не дождавшись суда. Были попытки самоубийства, покончить с собой пытался Дж. Баяр. Суд на Яссыада начался 14 октября 1960 г. и продолжался до 15 сентября 1961 г.⁴

Было вынесено пятнадцать смертных приговоров. Рассмотрев их, КНЕ 16 сентября 1961 г. – частично в ответ на общественные призывы к мягкости – смертные приговоры Баяру (в связи с преклонным возрастом) и одиннадцати другим заменил пожизненным заключением, но приговоры к повешению Мендересу и бывшим министрам – иностранных дел Фатиху Рюштю Зорлу и министру финансов Хасану Полаткану – были оставлены в силе и затем приведены в исполнение⁵.

Пока шло судебное разбирательство, военные продолжали формировать новые органы власти, было разрешено создавать политические партии. В январе 1961 г. было сформировано Учредительное собрание, в его работе участвовал КНЕ. Этот временный законодательный орган принял в мае новую конституцию и затем 9 июля того же года представил на всенародный референдум. Она была одобрена 60 процентами электората, высокая доля на голосовании противников конституции несколько обескуражила членов КНЕ – это свидетельствовало, что симпатии к разогнанной ДП сохранились, особенно в небольших городах и сельских

избирательных округах. Согласно закону право голоса получили 12 735 тыс. человек, в референдуме приняли участие 10 323 тыс. избирателей: за конституцию голосовали 6349 тыс., против – 3934 тыс. Распределение голосов показало, что особенно в западных и северных районах Турции все ещё сильно было влияние сторонников бывшей ДП.

Конституция 1961 г. существенно отличалась от прежней конституции 1924 г. Она отражала изменения в государстве и обществе, произошедшие за несколько десятилетий, в значительной мере представляла обычную буржуазную декларацию прав граждан и безусловно была прогрессивнее старой, открывая возможности (хотя и ограниченные) для использования политических свобод.

Новая конституция провозглашала Турецкую республику «национальным, демократическим, светским, социально-правовым» государством, подтверждала право создания политических партий и другие демократические свободы.

Подтверждались республиканская, светская, демократическая форма правления, независимость законодательной, исполнительной и судебной власти, выборность и сменяемость представительных органов и т. д. Конституция не была подлинно демократической, например, не решала проблему национальных меньшинств, прежде всего курдов, открывала дорогу легальной деятельности и политическому исламу, и радикальному тюркизму. Вместе с тем провозглашённые в ней права и свободы давали и демократическим силам страны некоторые возможности бороться за социальные и другие права.

Особо были перечислены принципы светскости: право на образование, верующего – на исполнение молитвы; право на свободу заявлять или не заявлять о своих религиозных чувствах. В ст. 19 запрещалась эксплуатация религиозных чувств в политических и личных целях. Конституция усиливала исполнительную власть, меняла структуру ВНСТ и, что особенно важно, учреждала доселе неведомый турецкому праву Конституционный суд.

Подробно перечислялись экономические принципы капиталистически развивающегося государства Турции, и прежде всего указывалось на решающую роль государства в формировании социально-экономической структуры. Проблемам собственности, государственного вмешательства в экономику были отведены

отдельные разделы. В целом, по мнению исследователей публичного права в Турции, эти конституционные положения «утверждают экономическую структуру, основывающуюся на частной собственности и свободе предпринимательства; вместе с тем эта структура регулируется и ограничивается определенными принципами, призванными снять недостатки чистой капиталистической модели»⁶. Статья 36 конституции 1961 г. провозглашала, что «всякий обладает правом на собственность и наследование». Специально оговоренных ограничений на вмешательство государства в экономическую жизнь документ не содержал, статья 53-я устанавливала, что пределы экономических и социальных обязанностей государства соответствуют «масштабам его экономического развития и финансовым источникам». Признание широкого правового вмешательства государства в социально-экономическую жизнь – несомненное свидетельство важного отличия уровня развития Турции от классических форм, которые представляли собой западные буржуазные системы.

Особенностью конституции 1961 г. было и то, что она подчёркивала значимость такой влиятельной в условиях Турции социальной прослойки, какой была бюрократия и чиновничество всех уровней. Документ содержал положения о различных ступенях государственной администрации и раздел о статусе и ответственности государственных служащих, причём специально оговаривалось, что речь идёт и о служащих общественных экономических организаций (ГЭО), составлявших, как известно, основу госсектора страны. Институт государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь страны в конституции 1961 г. впервые был развёрнут в целую систему конституционных положений, защищавших этатизм.

24 сентября 1961 г. в стране официально началась предвыборная кампания по выборам в меджлис, в которой разрешено было участвовать четырем партиям – влиятельным Народно-республиканской партии (НРП) и Партии справедливости (ПС), и немногочисленным – Партии новой Турции (ПНТ) и Республиканской крестьянской национальной партии (РКНП). Другие партии не смогли должным образом организовать свои предвыборные кампании.

Результаты выборов обеспечили НРП 173 места в Национальном собрании и только 36 в Сенате. Партия справедливости, при-

знаваемая как наследница ДП, получила 158 мест в нижней палате и 70 в верхней. Оставшиеся места были разделены между ПНТ и РКНП, которые просуществовали недолго, и впоследствии трансформировались в другие партии. Разногласия между партиями долго не позволяли сформировать коалиционное правительство. Возникли трудности и в связи с избранием президента и других руководителей страны. Лишь после вмешательства военных президентом Турции был избран Дж. Гюрсель, а на пост главы правительства назначен лидер НРП И. Инёню.

Поиски путей развития общества под надзором военной элиты и западных партнёров происходили в условиях обострения внутренних противоречий и внешних конфликтов, в условиях холодной войны. Политическая борьба обострялась социальными конфликтами под воздействием урбанизации, возраставшими требованиями мелкой буржуазии, рабочих, опасениями бюрократии потерять своё влияние, воздействием западных концепций и массовой культуры, реакцией исламистов и просто верующих. Такова была картина состояния турецкого общества в целом в середине 1960-х годов.

В первое коалиционное правительство на паритетных началах вошли представители НРП и ПС. В его программе говорилось, что «цель правительства – обеспечить быстрый подъём в условиях свободы и в ближайшем будущем догнать передовые страны». Для достижения этой цели предусматривалось увеличение капиталовложений в государственный и частный секторы экономики как за счёт внутренних накоплений, так и притока иностранного капитала. В области внешней политики программа правительства подчеркивала, что правительство приложит все возможные усилия для большего развития отношений Турции со странами, входящими в западные блоки⁸.

На вторых выборах гражданской власти в октябре 1965 г. ПС добилась большого успеха, получив в меджлисе 240 мест (из 450), и сформировала однопартийное правительство во главе с С. Демирелем. НРП получила 134 места, остальные места распределились между мелкими партиями. В конце марта 1966 г. на совместном заседании обеих палат бывший начальник генерального штаба турецкой армии Джевдет Сунай был избран президентом Турецкой Республики, сменив на этом посту больного Дж. Гюрселя.

Успех ПС на выборах был обеспечен поддержкой её программы влиятельными кругами крупной буржуазии и помещиков, зажиточным крестьянством. В программе предусматривалось преимущественное развитие частного сектора, поощрение иностранных капиталовложений, расширение кредита зажиточному крестьянству и т. д. В то же время главный конкурент ПС – Народно-республиканская партия сохраняла прежние, дискредитировавшие себя лозунги, пыталась выступать от имени всех слоёв турецкого общества.

Впервые с социалистической программой смогла принять участие в парламентских выборах 1965 г. созданная в 1961 г. Рабочая партия Турции (РПТ), она получила 15 мест, что дало ей право иметь парламентскую группу. К руководству в РПТ приходили в эти годы известные лидеры социалистического движения Турции – Бехидже Боран и Мехмет Али Айбар.

На крайне правом крыле меджлиса утвердилась Республиканская крестьянская национальная партия (РКНП), получившая 11 мест. В августе 1965 г. её генеральным председателем был избран вернувшийся в страну А. Тюркеш, сохранявший славу лидера пантюркистского движения в стране.

Турецкие официальные источники отмечают, что период 1965–1971 гг., когда у власти находилась ПС, был одним из «самых ярких периодов в её республиканской истории». Отмечался высокий экономический рост, низкая инфляция, защита свобод, активность общественных организаций и независимая внешняя политика. Новый импульс получила индустриализация, приоритет отдавался инвестициям в сельские районы и энергетические проекты⁹.

Политическая обстановка в Турции, особенно во второй половине 1960-х годов, отличалась несвойственной для этой страны исторической новизной. При правом правительстве С. Демиреля в стране происходили необычные на первый взгляд вещи. Всего несколько лет назад, при И. Инёню, за появление в турецкой газете «Джумхуриет» статьи о социализме её автор, а также ответственный редактор газеты, предстали перед судом. Спустя пять-шесть лет при правительстве С. Демиреля слово «социализм» стало модным, книги по социализму пользовались большим спросом у читающей публики, появились десятки переводов на турецкий язык трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Активизировали свою

деятельность прогрессивные профсоюзы – в 1967 г. из социал-реформистской конфедерации Тюркиш выделилась Конфедерация революционных рабочих профсоюзов Турции (ДИСК). В июле 1967 г. под давлением рабочего движения ВНСТ приняло новый Закон о труде, содержащий некоторые уступки рабочему классу. В забастовках рабочие выступали не только с экономическими, но и с политическими требованиями.

В поисках выхода НРП из кризиса её тогдашний лидер И. Инёню вынужден был поддержать левую группировку в партии, которая выступила с лозунгом «левее центра». Это партийное крыло формировалось вокруг Бюлента Эджевита. В 1966 г. на 18 съезде НРП группа Эджевита получила поддержку местных партийных организаций, а сам Эджевит был избран генеральным секретарем партии. После этого успеха Эджевит активно включился в дискуссию о содержании лозунга «левее центра». В некоторых органах правой печати выступления Эджевита оценивались даже как «социалистические»¹⁰.

Взросшие возможности Европы способствовали повороту в середине 1960-х годов во внешнеполитическом курсе Турции от США к Европе, где возникло Европейское экономическое сообщество. Турецкое общество изрядно устало от вездесущего американского присутствия¹¹ и своё будущее решило теперь связать с ЕЭС, со ставшей на ноги после войны Европой. Со своей стороны, европейские партнёры Турции в июле 1962 г. приняли решение учредить консорциум по оказанию помощи Турции. Как пишет Эрхан Бенер, эта мера должна была способствовать координации кредитной политики в отношении Турции, нуждавшейся в срочном финансировании её экономического подъёма¹². Последовавшие переговоры привели к подписанию в Анкаре 12 сентября 1963 г. Договора об ассоциации, вступившего в силу с 1 декабря 1964 г. Анкарский договор стал основополагающим, базовым документом турецко-европейского сотрудничества. В нём были определены как цели ассоциации Турции и ЕЭС (предшественника Евросоюза), так и формат взаимодействия между сторонами. Важной особенностью договора, на которую часто обращают внимание в Турции, является то, что в его статье 28 предусмотрено получение Турцией статуса полноправного члена Сообщества в течение срока реализации договора.

На заключительном этапе интеграции Турции в ЕЭС предусматривалось завершить создание таможенного союза (Турция должна была полностью либерализовать импорт промышленных товаров ЕЭС к концу 1995 г.), выработать и принять регламент миграции турецкой рабочей силы и капитала. Предполагалось, что с 1995 г. Турция станет полноправным членом Европейского Сообщества¹³.

Создание консорциума определило возможность разработки первого пятилетнего плана. Положение о плане было даже внесено в конституцию. Отдельно была подготовлена программа развития на 1962 г., а с 1963 г. началась первая турецкая послевоенная пятилетка. В тексте первой пятилетки приведена была общая сумма необходимого внешнего финансирования за пятилетие – 1,26 млрд. долл.¹⁴ Текст плана был подготовлен на основе кейнсианской модели при участии голландского экономиста Яна Тинбергена.

В плане оговаривалось продолжение начатой в 1950-е годы либерализации, но на этот раз на основе концепции «смешанной экономики». В документе констатировалась слабость турецкого частного предпринимательства, намечалась долгосрочная стратегия поддержки и стимулирования его развития государством, с привлечением иностранных капиталовложений¹⁵.

Объём внешнего финансирования на пятилетку был определён в 1,26 млрд. долл. Основное, что отличало концепцию «смешанной экономики» от экономических мировоззрений, отражённых в 1950-е годы в программе ДП, – более примирительное отношение к государственному сектору, признание его объективно важной роли в обеспечении экономического развития страны.

На социально-политической арене Турции в те годы действовали, по крайней мере, три влиятельные силы, заинтересованные в реализации идеи планового развития экономики: во-первых, гражданская и военная бюрократия, во-вторых, преобладавшее число национальных предпринимателей, которые были заинтересованы в последовательном осуществлении государством политики импортозамещающей индустриализации, то есть защите своих интересов на внутреннем рынке от иностранной конкуренции; и наконец, иностранные кредиторы Турции, представленные, прежде всего, в Консорциуме помощи Турции. Их интересам, несомненно, отвечало своевременное выполнение Турцией своих долговых обяза-

тельств, что могло быть обеспечено лишь в условиях предсказуемого и надёжного развития национальной экономики¹⁶.

Планирование в условиях Турции было объективно возможным благодаря наличию государственного сектора экономики, для которого установки плана носили обязательный характер, тогда как для частного – рекомендательный. Кстати, и внешнее финансирование осуществлялось главным образом через государственные институты¹⁷.

С начала 1960-х годов торговые отношения Турции с внешним миром всё более строились на основе концепции импортозамещения, в соответствии с которой стала, например, применяться инструкция о сборочной промышленности¹⁸. Как и ранее, оставалась нерешённой проблема дефицитности внешней торговли, она была одной из причин периодического обращения к девальвации турецкой лиры. Приток прямых иностранных инвестиций в экономику Турции оставался незначительным и не превышал 10 млн. долл. в год. Прямая финансовая помощь доминировала над всеми другими каналами поступления иностранной валюты.

Власти совместно со своими западными партнёрами в эти годы стремились найти способ разрешения сложившегося объективного противоречия – госсектор уже не мог и не должен был выполнять функцию локомотива экономического развития, в то же время даже самый крупный частный капитал страны не был ещё в состоянии решать эту роль, по крайней мере, в жизненно важных отраслях – тяжёлой индустрии, промышленной и социальной инфраструктуре. В 1960-е годы со страстными призывами к турецкой буржуазии обращался известный социолог, ставший идеологом рыночной экономики, Ахмет Хамди Башар, «уговаривая» её на страницах издаваемого им журнала «Барыш дюньясы» покончить с засильем по-прежнему остававшейся у власти бюрократии, которая «не сеет, не жнёт», взять на себя лидерство в политической и экономической жизни общества¹⁹. Однако вновь и вновь жёсткие условия догоняющего развития диктовали правящим силам Турции необходимость именно «на пути в Европу» сохранять государственное вмешательство в экономику, развивать государственный сектор. Турецкие экономисты, представители власти признавали, что даже немногие предприятия госсектора, самые крупные, не в состоянии выдержать конкуренцию европейских производителей в условиях интеграции в ЕС. О част-

ных речь даже не шла ввиду их относительной маломощности в масштабах мирового хозяйства. Попытки государства с ходу привлечь частный капитал в базовые капиталоемкие производства – чёрную и цветную металлургию, нефтепереработку, нефтехимию, энергетику – в то время, как правило, оканчивались неудачей²⁰. И всё же в указанные годы прибавлялись свидетельства роста частнокапиталистического сектора экономики: появление крупных частных банков, земельная реформа 1940–50-х годов обеспечили медленный, но постоянный рост товарности в агросфере и приток рабочей силы в города. Частный капитал, не отказываясь от основных в то время источников накопления капитала – торговли и подрядного строительства, всё более через систему весьма ощутимых государственных мер поощрения направлял в текстильную, пищевую отрасли промышленности, производство автопокрышек, труб, химических удобрений, в сборку автомобилей, бытовой электро- и радиотехники западных марок и т. д.

Заметный поворот во внешней политике Турции произошёл в результате шока, испытанного правящими кругами страны во время кипрского кризиса 1964 г. В условиях обострения обстановки на острове – следствия очередных вооружённых столкновений между греческим и турецким населением, вызванных провокациями врагов независимости Кипра, Греция и Турция, две страны – союзницы по НАТО, начали военные приготовления друг против друга²¹. Это сильно встревожило американских руководителей НАТО. 4 июня 1964 г. президент США Л. Джонсон направил личное послание И. Инёню, в котором прибегнул к такому аргументу в пользу примирения двух сторон, который поверг турецких руководителей в изумление и растерянность. Джонсон писал, что в случае вступления в конфликт Советского Союза США не придут на помощь своему верному союзнику, поскольку речь идёт о «таких действиях Турции, которые будут предприняты без полного согласия и одобрения наших союзников по НАТО». Этот сильный «аргумент» подействовал, и турецкие вооружённые силы, кроме бомбардировок Кипра, не предприняли каких-либо действий ни на Кипре, ни в другом месте против Греции²².

Правительственные коалиции и политическая борьба

В конце 1960-х годов был отмечен небывалый размах студенческих выступлений в стране. Первая волна этого движения поднялась в июне 1968 г. под непосредственным воздействием волнений студенчества во Франции. 10 июня 1968 г. студенты факультета языка, истории и географии Анкарского университета, захватив здание факультета, предъявили требование о реформе высшего образования в стране. Эта акция явилась толчком к аналогичным событиям в других высших учебных заведениях Анкары: 11 июня студенты захватили факультет права Анкарского университета, а 13 июня прекратили занятия и студенты технического факультета. Премьер-министру Демирелю пришлось признать на заседании парламентской группы Партии справедливости, что «положение сложилось серьёзное». С этого времени, то затихая на какое-то время, то набирая новую силу, студенческое движение в Анкаре постоянно росло.

В следующем 1969 г. движение распространилось на Средневосточный технический университет, университет Хаджеттепе, факультет политических наук Анкарского университета. Студенты захватывали университетские помещения, бойкотировали занятия. Перечень лозунгов, с которыми они выступали, расширялся. Выступления приобретали всё более отчётливую антиамериканскую и антиправительственную направленность²³. В 1970 г. антиамериканское содержание студенческих выступлений сохранялось. 29 апреля 1970 г. анкарские студенты, отмечая десятую годовщину студенческих выступлений в канун военного переворота 1960 г., в центре города, на площадях Кызылай, Зафер и др. провели демонстрации. День был провозглашён Днём памяти молодых борцов, павших в «новой национально-освободительной» борьбе. Демонстрации проходили под лозунгами: «Независимая Турция», «Демократия», «Янки, убирайтесь домой!» и т. п. Тогда же, 29 апреля 1970 г., правым руководством Турецкой национальной молодёжной федерации была проведена контрдемонстрация под антикоммунистическими, националистическими лозунгами. А 25 мая на факультете права Анкарского университета правыми был убит студент факультета. Похороны его переросли в массовую демонстрацию студентов всех трёх университетов столицы на площади Зафер у памятника Ататюрку. И здесь снова прозвуч-

чали слова: «Проклятье Америке!», «Янки, убирайтесь домой!» Но, как пишет Сонер Ялчын, «в ответ на каждую антиамериканскую демонстрацию во имя независимости выступали боевые группировки командос и мусульмане». 16 февраля 1969 г. была организована демонстрация в честь Мустафы Кемала как протест против 6-го флота США и против империализма. Однако перед этим в печатных органах радикальных религиозных группировок появился призыв к джихаду против митинга. В день митинга появились бородатые демонстранты с палками и оружием в руках, были убиты Туран Эрдоган и Тургут Айтач, десятки людей ранены. Этот день вошел в историю Турции как Кровавое воскресенье²⁴.

Приводимые выше факты свидетельствуют, что ликвидация монополии ДП на политическую власть в стране принесла после переворота свои наиболее обильные плоды на крайне правом фланге политической элиты. С середины 1960-х годов началось оформление радикалов – пантюристов и исламистов в свои политические партии. Мы уже отметили активность молодых националистов-радикалов во время переворота 1960 г., которую пришлось ограничивать умеренным генералам. Что в турецкой элите с национальным вопросом не всё в порядке, она начала публично признавать очень нескоро, после холодной войны, когда было решено, что дальнейший этап европеизации должен пролегать через ЕС. В разделе, посвящённом Лозаннскому договору, мы писали о международных обязательствах Турции по национальному вопросу. Совершенно очевидно, что эти обязательства Турцией не выполнялись.

О наличии остатков национальных меньшинств, чудом ещё сохранившихся после ассимиляции, можно было узнать лишь из статистики, опубликованной до 1965 г.²⁵ Можно было узнать это и от некоторых «турок» при личном общении с ними, когда они понимали, что их собеседник – из СССР. Такие открытия происходили на знаменитом Крытом рынке в Стамбуле, когда торговец с мусульманским именем, узнав, откуда вы, тихонько сообщал, что он вовсе не турок, а армянин или грек, или славянин²⁶.

В те годы крайний национализм укреплял свои позиции при участии двух главных авторитетов этого движения – Нихаля Атсыза и Альпарслана Тюркеша. В Турции Н. Атсыз (1905–1975 гг.) признаётся «одним из лидеров туранизма», причём подчёрки-

вается, что «в его национализме отсутствовал элемент исламизма». Наиболее активными годами его деятельности считаются 1930–50-е годы, когда он проповедовал свои взгляды в литературных произведениях, журнальных статьях. За увлечения «крайностями» тюркизма привлекался к судебной ответственности, правда, ненадолго. Он был известен своими преследованиями в СМИ писателя-демократа Сабахаттина Али ²⁷.

Другой идеолог – А. Тюркеш, он по возвращении в Турцию принял активное участие в борьбе за политическое лидерство среди крайних националистов, пантюркистов, пантуранистов, добившись в конце концов непререкаемого авторитета в этой среде, и оставался одним из влиятельнейших политических лидеров страны вплоть до своей смерти в 1997 г. В 1969 г. он стал депутатом от Аданы, в 1975–1977 гг. в результате определённых успехов своей партии на выборах занимал пост заместителя премьера и государственного министра ²⁸. Особо отличались сторонники пантуранизма в проповедовании воинствующего антикоммунизма и антисоветизма, что давало им возможность легко отделяться от уголовного преследования ²⁹. Общим для националистов-радикалов по-прежнему оставался ярый антикоммунизм, убеждённость, что Россия – это постоянная угроза для Турции.

Пантюркистские группы сочли, что возникшая после принятия новой конституции ситуация позволяет им создать собственную партию. После возвращения из Дели в 1965 г. Тюркеш и его ближайшие соратники установили контроль над Республиканской крестьянской национальной партией (РКНП). Из 14 членов бывшей радикальной группы 9 вошли в эту партию, вскоре было заменено руководство и лозунги партии, во главе её стал Тюркеш. Новая программа партии предусматривала создание «нового государственного порядка», особое внимание было уделено молодёжи, заговорили о создании «командос», чтобы превратить молодёжь в действенную силу. В феврале 1969 г. РКНП была переименована в Партию националистического движения (ПНД) ³⁰.

Волнения не ограничивались студенческими митингами. В июне 1970 г. по призыву революционных профсоюзов ДИСК прошла забастовка протеста против репрессий властей, в ней участвовало около 100 тыс. рабочих Стамбула. Это было крупнейшее за всю историю страны выступление турецких рабочих.

Такое развитие событий в стране всё более тревожило власти, рост левого движения переходил порой в условиях Турции в левый экстремизм. Они пытались с помощью полиции разгонять студентов-демонстрантов, остановить забастовщиков, но на крайние меры идти не рисковали – слишком были свежи ещё в памяти многих судьбы Мендереса и его ближайшего окружения, когда выступила армия и свершила свой суд.

Новые выборы в октябре 1969 г. в национальную палату ВНСТ подтвердили успех ПС (256 мест, у НРП – 143 места), но принесли разочарование малым партиям, число их представителей в меджлисе значительно сократилось, так, РПТ получила лишь два депутатских места. Выборы подтвердили ведущее положение ПС в политической жизни страны. Премьер-министром остался Сулейман Демирель.

Медленный, противоречивый процесс демократизации страны сопровождался выступлениями реакции, полицейских провокаций, убийств из-за угла и судебных преследований демократов. Имели место террористические левацкие выступления – вплоть до похищения заложников и их убийства, что давало поводом властям предпринимать репрессии против всего левого движения. Подъём студенческого, рабочего и профсоюзного движения в конце 1960-х – начале 1970-х годов сопровождался политизацией мелкособственнических слоёв общества, апеллировавших уже не только к радикальному национализму, как ранее, но всё чаще уже и к политическому исламу. Первая в истории республики про-исламская партия – Партия национального порядка была легально создана в январе 1970 г. Исследователь ислама в Турции М.А. Агаогуллары должным образом оценил историческую значимость этого события: «Исламская религия, исповедование которой вне мечетей расценивалось при Ататюрке как наказуемое действие, стала идейной основой политической партии». Основатель и фактически бессменный руководитель этой и последовательно сменявших её впоследствии других партий был Неджметин Эрбакан (1926 г.). Судьба, карьера Эрбакана отражает судьбу мелкого собственника и предпринимателя в Турции, особенно в провинции³¹.

В 1969 г. Эрбакан был избран, в основном голосами мелких предпринимателей, на пост генерального председателя Союза палат, однако правительство ПС аннулировало результаты выборов,

он буквально с помощью физической силы был удалён с этого поста – не помогли даже телохранители. Не будучи принят в клан ПС, на выборах 1969 г. он получил поддержку в Конье как независимый кандидат и прошёл в депутаты. А в январе 1970 г. вместе с 17 соратниками он участвовал в создании Партии национального порядка (ПНП) и вскоре был избран её генеральным председателем. Эта партия отражала политические интересы «консервативной исламистской общественной группировки», сформировавшейся к этому времени с центром в Стамбуле под названием «Милли гёрюш» («Национальный взгляд»). Спустя некоторое время Милли гёрюш была официально зарегистрирована в Германии как общественная организация. Не имея возможности действовать в тех условиях так же легально в Турции, эти исламисты-политики, влияние которых росло, приняли решение создать в своей стране партию с приемлемой для властей программой. Идея перейти от общины к партии принадлежала шейху ордена накшбенди (как известно, давно запрещённому) Мехмеду Захиду Котку (1897 г.), он же предложил Н. Эрбакану, как молодому и деятельному активисту общины, возглавить партию³².

В качестве главной цели партии в преамбуле партийной программы называлось «создание высокоразвитой цивилизации, которая станет примером для всего мира – так, как это имело место в великом прошлом турецкой нации». В программе подчёркивалось, что партия «против использования светскости – гаранта свободы религии и совести – в качестве инструмента давления на религию и неуважения к верующим». В своих заявлениях депутата Н. Эрбакан подвергал Общий рынок, а затем и Европейское сообщество жесточайшей критике, называя его детищем сионистских кругов, владельцев крупного капитала. Вступление Турции в эту организацию, утверждал Эрбакан, «приведёт к колонизации Турции Западом».

Параллельно с этим активизировались религиозные ордена. Ещё в 1971 г., приверженец и почитатель Саид-и Нурси, Фетхуллах Гюлен был арестован за проповеди нурджизма в одной из мечетей Измира, направленные против светских основ турецкого государства. В приговоре отмечалось, что «одной из целей нурджизма было показать Ататюрка молодёжи как врага религии», создать режим, опирающийся на религию. После пребывания в тюрьме 8 месяцев он был освобождён.

Поиски своего места Эрбаканом в общественной жизни страны почти буквально отражали стремление мелкого предпринимателя заявить о себе, о своих проблемах в складывавшейся политической ситуации. Мелкий собственник, полунищий в условиях урбанизированной Турции искал своего конституционного защитника в среде публичных политиков. Стихия мелкого производства в Турции была представлена не только мелкокапиталистическим производством, но (в основном) докапиталистическим – мелкотоварным, ремесленным производством. Итоги промышленной переписи 1970 г. свидетельствовали, что в Турции на указанный год имелось свыше 170 тыс. мелких предприятий обрабатывающей промышленности с количеством занятых 325 тыс. человек, причём более двух третей этой армии трудящихся были владельцы «предприятий» и члены их семей, то есть в основном ремесленники. Из общего числа названных предприятий 115 тыс., или 68%, – мельчайшие мастерские с примитивнейшими условиями труда, без какого бы то ни было механического двигателя. Средний доход такого «предпринимателя», вынужденного обеспечивать семью в 3–4 человека, соответствовал примерно уровню заработной платы рабочего низкой квалификации.

По тем же данным, в Турции действовало 181 тыс. мелких торговых предприятий с количеством занятых на них 312 тыс. человек, из которых только 53 тыс. человек были наёмными работниками. Смысл торговой деятельности хозяев этих мелких лавочек или лотков состоял в том, чтобы обеспечить себе и своей семье минимальные возможности существования³³.

На возрождение, обновление религиозного потенциала и, соответственно, электората активно повлияли и внешние факторы, прежде всего общий подъём исламского движения в мире в результате успехов антиколониального движения; национализации нефтепромыслов в арабских странах, после революции в Иране; благодаря появлению возможностей активного использования в масштабах региона миллиардных фондов, накопленных в мусульманских нефтедобывающих странах. Требования демократизации страны, прав человека, исходившие от её западных союзников, стран Общего рынка, касались и религиозной свободы, чем старались воспользоваться в своих интересах сторонники политизации ислама³⁴.

Надеясь сохранить социальный мир, новое правительство Демиреля приняло решение о введении в Стамбуле и Измире чрезвычайного положения. Это не помогло и 12 марта 1971 г. от имени армии президенту Сунаю был передан меморандум высшего военного командования, в котором отмечалось, что в «результате позиции, взглядов и деятельности парламента и правительства страна оказалась ввергнутой в анархию, братоубийственную борьбу и социально-экономические волнения», а «будущее Турецкой Республики поставлено под серьёзную угрозу, поскольку не осуществлены реформы, предусмотренные конституцией».

В тот же день решением высшего командования армии правительство Демиреля было отправлено в отставку, последовало введение чрезвычайного положения, новые кабинеты стали формироваться под контролем военной верхушки. Левые силы подверглись разгрому, Рабочая партия была запрещена, её лидеры приговорены к 15 годам тюремного заключения. Разогнаны были прогрессивные молодёжные организации и арестованы тысячи лиц, запрещены прогрессивные издания. Карательные меры, проводившиеся непрерывно до парламентских выборов 1973 г., в определенной степени были также спровоцированы анархистами и экстремистами, ставшими на путь ограбления банков, убийств, похищения людей. Власти казнили трёх деятелей левацкой организации «Народно-освободительная армия Турции». Была запрещена и Партия национального порядка – за выступления против светского режима её лидер Эрбакан некоторое время вынужден был находиться за границей. Впоследствии его поездки в Европу, в Германию, где обосновалась штаб-квартира Милли гёрюш, стали постоянными.

Радикализация политической жизни

После изрядной чистки военными партийной системы и в целом гражданской элиты страны в октябре 1973 г. были проведены выборы в Национальное собрание, наибольшее число, то есть треть голосов, собрала НРП. Число голосов, поданных за Партию справедливости, оказалось несколько меньшим (30%). Третьей стала исламистская партия, возглавляемая Н. Эрбаканом, она возродилась под новым именем – Партия национального спасения (ПНС) и, получив 11,9% голосов, провела в парламент 48

депутатов, включая Эрбакана. После такого итога партия сочла свою роль в межджлесе ключевой, поскольку за ней оказывался выбор старшего союзника по коалиции, что определяло и характер власти. Так началась одиссея партии и её лидера, сопровождавшаяся в периоды военных режимов преследованием её деятельности, привлечением к суду Эрбакана³⁵. Изложенные выше сведения о деятельности Милли гёрюш (МГ) в Турции дают возможность оценить синхронность с её функционированием в Европе, прежде всего в Германии. Демократические режимы этих стран позволили активистам МГ за многие годы прочно укорениться в европейской среде, стать в ней самой многочисленной, самой влиятельной и самой богатой исламистской общиной. В Европе ей не было нужды создавать образ лояльного светскому режиму движения, она была учреждена под своим именем в 1975 г. первоначально в Западном Берлине, затем её центр переместился в Кёльн³⁶.

Пойдя в январе 1974 г. на коалицию с ПНС, сменивший И. Инёню новый лидер НРП Б. Эджевит сделал ряд уступок этой партии, предоставив 7 министерских портфелей, причём таких важных, как портфели министров внутренних дел, юстиции, сельского хозяйства, промышленности, торговли. Лидер ПНС Неджметтин Эрбакан стал заместителем премьер-министра. В совместной правительственной программе отмечалась необходимость укрепления госсектора, проведения широкой амнистии, предоставление с 18 лет активного избирательного права, сохранения верности западным союзникам. По кипрскому вопросу подтверждалась прежняя позиция Турции – федеративный Кипр, обеспечение административной и культурной автономии для турок-киприотов. Новое правительство обещало пересмотреть отношения с «Общим рынком», поскольку существовавшие соглашения были подготовлены «без учёта справедливых интересов Турции».

Коалиция НРП–ПНС представляла непрочный блок. Деятельность правительства осуществлялась в условиях постоянных разногласий между партнёрами по коалиции³⁷.

15 июля 1974 г. произошел вооружённый путч на Кипре, инспирированный греческой военщиной. Законное правительство архиепископа Макариоса было свергнуто. Ссылаясь на права Турции в соответствии с цюрихско-лондонскими соглашениями 1959 г. правительство Эджевита осуществило 20 июля высадку на

острове турецких войск, которые оккупировали север и северо-восток Кипра. Отношения между двумя партнёрами по НАТО – Турцией и Грецией обострились до крайности, войска в каждой из стран были приведены в боевую готовность. 20 июля 1974 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой призвал все государства уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Кипра, потребовал немедленного прекращения огня и вывода с острова иностранного военного персонала, рекомендовал Греции, Турции и Англии начать переговоры с целью восстановления на острове мира и конституционного правительства.

22 июля вступило в силу соглашение о прекращении огня, а с 25 июля по 8 августа 1974 г. в Женеве прошли переговоры министров иностранных дел Англии, Греции и Турции, закончившиеся безрезультатно. 14 августа Турция возобновила военные действия на острове и расширила оккупационную зону (до 40% территории острова), что привело к новому обострению обстановки на Кипре³⁸. В 1975 г. на северной, оккупированной части Кипра турецкая община провозгласила свое государство – Турецкое федеральное государство Кипр. Его признала только Турция.

В отношениях с Грецией, помимо урегулирования кипрского вопроса, возникла необходимость улаживания разногласия по поводу континентального шельфа Эгейского моря. Разногласия возникли после того, как в 1973 г., близ греческого острова Тасос, на дне Эгейского моря была обнаружена нефть. Вслед за Грецией к поисковым работам в море приступила и Турция, после чего Греция обвинила Турцию в нарушении прав Греции на континентальный шельф, который является продолжением островов, примыкающих к побережью Малой Азии.

Действия правительства Эджевита в кипрском вопросе были поддержаны многими в Турции, включая и некоторые демократические круги, которые считали, что турецкая армия высадилась на острове с единственной целью – защитить суверенитет Кипра, обеспечить сохранность жизни и имущества турок-киприотов. Рост своей популярности в стране в разгар кипрского кризиса Эджевит решил использовать для того, чтобы добиться досрочных парламентских выборов и сформировать однопартийное правительство.

В сентябре 1974 г. правительство Эджевита ушло в отставку, однако планам руководства НРП, направленным на укрепление своей власти в стране, не суждено было осуществиться. НРП добивалась в парламенте решения вопроса о досрочных выборах, ПС же спешила объединить вокруг себя правые партии и «дотянуть» таким образом до очередных выборов 1977 г., надеясь за этот почти трёхлетний промежуток времени укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Руководству ПС удалось в сотрудничестве с другими правыми партиями создать «Националистический фронт», в который, кроме ПС, вошли исламистская Партия национального спасения, Республиканская партия доверия и пантюркистская Партия националистического движения во главе с Тюркешем.

В начале апреля 1975 г., после шестимесячного правительственного кризиса, голосами правых партий Национальное собрание высказалось за утверждение сформированного С. Демирелем правительства «Националистического фронта» (НФ). В его программе подчеркивалось намерение бороться внутри страны против коммунизма и всякого рода анархии, стремиться к обеспечению социальной справедливости, добиваться превращения Турции в самые короткие сроки в развитую промышленную страну. В программе указывалось, что экономическое развитие страны будет обеспечено плановой экономической системой при «уважении свободного предпринимательства и законных доходов». В программе содержалось обещание расширить торговые связи со странами Среднего Востока, Азии и Африки. Основой экономического и социального подъёма страны была названа индустриализация страны, создание тяжелой промышленности и национальной военной промышленности.

И в эти годы политические лидеры, декларируя всемерную поддержку частного сектора, не намеревались начать приватизацию ГЭО, особо подчёркивая, что экономическое развитие страны будет осуществляться в рамках системы смешанной экономики, что государственное предпринимательство – важнейший элемент смешанной экономики страны. Об этом, кстати, свидетельствовали данные о доле капиталовложений в госсектор в общей сумме капиталовложений в рассматриваемые годы (см. табл.3).

Таблица 3
Доля капиталовложений в госсектор (%)

Годы	1971	1972	1973	1974	1975
Доля капиталовложений	50,4	49,0	46,9	48,0	50,9

Как видим, примерно половина всех капиталовложений приходилась на госсектор. Государственные промышленные предприятия оставались основой развития современной фабрично-заводской промышленности Турции. Это касается прежде всего металлургии и нефтехимии – капиталоемких отраслей, где частный капитал был ещё не в состоянии взять на себя крупные капиталовложения.

Эффективный контроль продолжало осуществлять государство над банковской системой страны. На государственные банки приходилось 89% оплаченного капитала всех турецких банков, участвовавших в банковских операциях, и 50,5% всех резервов (без учёта Центрального банка). Благодаря наличию крупных собственных средств государственные банки контролировали значительную часть банковского кредита, не только финансируя деятельность государственного сектора, но и предоставляя кредиты частному. Фактически полностью государство продолжало кредитовать мелкое производство города (Народный банк) и деревни (Сельскохозяйственный банк).

Государственный сектор Турции контролировал и производство электроэнергии в стране – все крупнейшие тепловые и гидроэлектростанции страны были государственными. В такой важной отрасли народного хозяйства, как транспорт, государству полностью принадлежали железные дороги и весь подвижной состав, значительная часть морского транспорта страны, суда всех внутригородских линий и морских паромных переправ. Воздушные перевозки и воздушный флот Турции контролировались государственной организацией «Тюрк хава йоллары». В то же время в руках частных автомобильных компаний были фактически все междугородные грузовые и пассажирские перевозки, а также внутригородские грузовые и частично пассажирские перевозки. Городские автобусные, троллейбусные и трамвайные маршрутные линии обслуживались муниципальным транспортом. В руках государства оставались все шоссейные дороги Турции. Связь страны – почтовая, телеграфная и телефонная – в те

годы также оставалась в руках государства. Государственными являлись все радиостанции и телевидение страны³⁹.

В 1975–1977 гг. средние темпы экономического роста были высокими – 7%, повысился уровень использования производственных мощностей в промышленности, в сельском хозяйстве; свои плоды принесла «зелёная революция» – Турция достигла статуса страны, способной к самообеспечению продовольствием. Одновременно в экономике нарастали тревожные тенденции: дефицит системы финансов исчислялся 6,5% ВВП. Начался интенсивный рост цен на нефть, среднегодовой рост оптовых цен составил почти 17%, роль внешних источников в финансировании инвестиций достигла 6% ВВП. В результате быстро рос внешний долг: с 1973 по 1980 г. он вырос в 4,6 раза, достигнув 15,3 млрд. долл. При этом его структура претерпевала опасные изменения – неуклонно увеличивалась доля краткосрочной задолженности: ещё в начале 1970-х годов она являлась незначительной, в середине десятилетия она достигла четвертой части суммарной задолженности, в 1977 г. на краткосрочный долг приходилось уже 58% внешнего долга Турции.

В области внешней политики программа правительства НФ декларировала готовность активно участвовать в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в то же время в программе выражалась вера в НАТО. Подчёркивалось желание правительства продолжать развивать политику добрососедства с Советским Союзом на условиях взаимного уважения. Особое внимание было обращено в программе на отношения Турции с арабскими странами. Большое место отводилось оценке турецко-американских отношений, их ухудшению в связи с решением американского конгресса ввести эмбарго на поставки американского оружия в Турцию.

В течение почти двухлетнего периода пребывания у власти правительства «Националистического фронта» главная его партия – ПС пыталась укрепить свои позиции в стране, преодолеть всевозможные трудности в самой коалиции, парламенте, в стране и на международной арене. Наибольшее беспокойство Демирелю доставляла вторая по величине партия коалиции – ПНС, возглавляемая Н. Эрбаканом. Она продолжала активно высказываться за пересмотр отношений с «Общим рынком», против каких бы то ни

было уступок в кипрском вопросе, требовала от Демиреля практических шагов в ограничении крупного частного капитала.

Что касается обстановки в парламенте, то здесь ПС, основной партии коалиции, противостояла обновлённая НРП, не упускавшая возможности обвинить своего конкурента на выборах и весь «Националистический фронт» в тех трудностях, которые переживала страна, в попытках нарушения конституции, в злоупотреблениях и коррупции. НРП удалось воспрепятствовать правительству НФ принять закон о так называемых судах госбезопасности, который по замыслу его авторов должен был возродить обстановку чрезвычайного положения 1971–1973 г. Она призывала к созданию «новой экономической системы», которая должна обеспечить укрепление государственного, сохранение частного и создание «народного сектора» экономики⁴⁰. НРП доказывала, что за короткое время пребывания у власти она (совместно с ПНС) «сумела проводить независимую внешнюю политику», что Турции «не следует выполнять функции представителя Запада на Среднем Востоке», ей надлежит укреплять «дружбу с США и Советским Союзом». НРП утверждала, что она «озабочена большими экономическими уступками, предоставленными Турцией Европейскому экономическому сообществу», в результате чего ассоциация с этой организацией становится «бременем для турецкой экономики», препятствует индустриализации страны. Поэтому требуется внести коррективы в отношения Турции с «Общим рынком».

Говоря о левых силах в Турции, нужно отметить, что была воссоздана Рабочая партия Турции, её председателем избрана вновь Бехидже Боран. Левые партии и некоторые студенческие группировки выступали против террора правых сил, фашизации страны, американского присутствия в Турции. 1 мая 1976 г. в Стамбуле состоялась многотысячная демонстрация под демократическими лозунгами. 1 сентября по инициативе ряда прогрессивных организаций в Анкаре впервые был отмечен День мира.

Помимо трудностей, вызванных политической и межпартийной борьбой и в самом парламенте, и вне его, правительство «Националистического фронта» испытывало воздействие экономических факторов – роста инфляции и внешнего долга Турции, повышение цен на ряд импортных товаров, на ввозимую в страну нефть. В 1976 г. внешнеторговый дефицит достиг 35 млрд. долл.

Чтобы расширить экспорт, правительство серией мелких девальваций в течение 1975–1976 гг. снизило курс лиры по отношению к доллару почти на 20% (1 доллар составлял свыше 16 лир). Известно, что львиная доля этого дефицита (две трети) возникала от торговли со странами «Общего рынка». Это была не единственная трудность в отношениях между Турцией и странами «Общего рынка». Турецкая сторона настаивала на том, чтобы «Общий рынок» повысил квоты для турецкого экспорта, снял таможенные ограничения на экспорт в Западную Европу традиционной сельскохозяйственной продукции страны, а также увеличил размер финансовой помощи Турции, выполнил достигнутую ранее договоренность «о свободном передвижении рабочих» в странах «девятки» и их гарантированном трудоустройстве.

В турецко-американских отношениях уже не осталось былой безоблачности. Между тем своевременное погашение Турцией внешнего долга, а с ним ежегодные выплаты по старой задолженности, исчисляемые тогда ежегодно в среднем в размере 300 млн. долл., непосредственно касались США⁴¹. В связи с действиями Турции на Кипре в 1974 г. конгресс США в феврале 1975 г. наложил эмбарго на поставки американского оружия в Турцию, ссылаясь на то, что такое оружие используется Турцией против своего союзника по НАТО – Греции. Это решение конгресса наносило ощутимый удар по всей системе вооружённых сил страны, целиком зависимых от поставок вооружения из США и других стран НАТО. Действия Соединенных Штатов были осуждены в правительственной программе правительства «Националистического фронта» в апреле 1975 г. Придя к власти, оно ожидало, что решение конгресса будет в конце концов пересмотрено. Однако в июле 1975 г. палата представителей конгресса США отклонила 223 голосами против 206 законопроект о снятии упомянутого эмбарго. В качестве ответной меры правительство Демиреля заявило о том, что оно приостанавливает действие соглашения о совместной обороне с США, а также 58 других двусторонних соглашений, определяющих статус американских баз в Турции (за исключением принадлежащей НАТО базы в Инджирлике). Вскоре турецкие власти установили свой контроль на этих базах. Только весной, в марте 1976 г., двум сторонам удалось смягчить остроту в отношениях и подписать новое турецко-американское соглашение об обороне.

В июне 1977 г. на досрочных выборах в парламент НРП вышла на первое место (213 мест), однако их не хватило, чтобы сформировать однопартийное правительство, продолжилась чехарда с кабинетами, возглавляемыми попеременно Эджевитом и Демирелем. Пришедшее к власти в октябре 1979 г. однопартийное правительство меньшинства во главе с Демирелем было поддержано в парламенте депутатами ПНС и ПНД. 24 января 1980 г. этим правительством была принята программа стабилизации, подразумевающая решительный шаг Турции в рыночную экономику. Действительно, многие экономические и социальные факторы второй половины 1970-х годов свидетельствовали о назревшей необходимости коренного пересмотра национальной стратегии развития в производственной, внешнеторговой, банковской и других сферах, что требовало либерализации многих сторон социально-экономической жизни. Однако было очевидно, что её реализации мешали рост социальных конфликтов и разгул политического террора в стране. 2 февраля ДИСК объявила генеральную забастовку против объявленных правительством мер экономической стабилизации, назвав их «фашистским давлением на труд».

В обстановке анархии, разжигаемой экстремистами различных течений – и левацких, и национал-фашистских, тон задавали турецкие тюркешисты, «серые волки», «идеалисты». В материалах обвинения, подготовленного позже, после военного переворота 1980 г. были представлены данные о том, что возглавляемая А. Тюркешем ПНД в те периоды, когда входила в правительственные коалиции, подготовила антиправительственный заговор с целью установления фашистской диктатуры во главе с А. Тюркешем по типу, как признавалось в обвинении, фашистских диктатур в Испании, Италии и Германии. На день военного выступления, планировавшегося 12 сентября 1980 г., ПНД контролировала 1700 легальных организаций «идеалистов», насчитывавших 200 тыс. членов, имела примерно 1 млн. сторонников. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков, склады оружия, радиостанции. Деятельность сторонников А. Тюркеша финансировалась в значительной степени и с большой вероятностью не всегда добровольно, крупным капиталом, в обвинительном заключении были перечислены имена владельцев фирм и холдингов, переводивших крупные суммы в пользу ПНД. В ряде так называемых освобождённых

районов ПНД в конце 1970-х годов чувствовала себя хозяином положения, даже вали (губернаторы) и полиция действовали от её имени. Сверхсекретные документы турецкой разведки поступали на стол А. Тюркеша. Его люди числились среди военных, среди персонала министерств, вузов и других учреждений.

В сложившейся обстановке выполнять Демирелю свою программу стабилизации так и не пришлось. В сентябре 1980 г. в Турции произошел военный переворот.

Турция готова развивать отношения с СССР

Послевоенное «размораживание» советско-турецких отношений началось на рубеже 1950–60-х годов после примирительной, «отказной» советской ноты 1953 г., но стало заметным не сразу, сказались события в Турции в связи с военным переворотом. Правительства, возглавляемые Инёню, с большой осторожностью шли на переговоры с Советским Союзом о нормализации отношений и развитии сотрудничества. Внешняя политика Турции была прочно увязана с действиями США, а в советско-американских отношениях сохранялась холодная погода. Более того, именно тогда возник крупнейший конфликт, в котором оказалась замешанной Турция. Ведь ещё в 1957 г. американцы разместили на территории Турции (как и Греции) ракеты средней дальности типа «Юпитер». Это создало для СССР «окно уязвимости» благодаря малому, по сравнению с межконтинентальными ракетами, времени подлёта «Юпитеров» к промышленным центрам юга Европейской части страны. По воспоминаниям политолога Фёдора Бурлацкого, в дни кубинского кризиса 1962 г., начавшегося 22 октября, он был сотрудником ЦК КПСС и ему довелось через полгода после завершения кризиса редактировать письмо, которое Н. Хрущёв готовил Фиделю Кастро. В письме Хрущёв попытался объяснить, почему он попросил Кастро разместить ракеты и почему он их потом вывез. Хрущёв, по словам Бурлацкого, писал следующее. Прогуливался он как-то вдоль берега Чёрного моря в Варне с маршалом Родионом Малиновским. И тот сказал, что там, на другой стороне Чёрного моря – в Турции, размещена военная база США с ракетами и ядерными боеголовками, которые могут в течение 5–6 минут уничтожить Киев, Харьков, а через 10–12 минут – Москву⁴². После этого на Кубе тайно было

размещено несколько стартовых позиций советских ракет средней дальности с ядерными боеголовками, но взяло верх благоразумие – Хрущёв и Кеннеди сумели заключить соглашение. В обмен на обязательство Соединенных Штатов не нападать на Кубу Советский Союз убрал с острова свои ракеты. Американцы, в свою очередь, демонтировали «Юпитеры», находившиеся в Турции вблизи границ СССР.

В мае 1963 г. впервые после смерти Ататюрка СССР посетила парламентская делегация Турецкой Республики во главе с председателем сената С.Х. Ургюплю, на следующий год осенью в СССР побывал с официальным визитом глава МИД Турции Ф.Д. Эркин. Во время обмена мнениями обе стороны заявляли о готовности к укреплению добрососедских отношений между двумя странами на принципах уважения независимости, территориальной целостности и равноправия. В январе 1965 г. с ответным визитом в Турцию побывала делегация Верховного Совета СССР во главе с Н.В. Подгорным. В том же году в мае с официальным визитом Турцию посетил министр иностранных дел А.А. Громыко⁴³.

С конца 1950-х годов, и особенно после поездки в Турцию советской парламентской делегации во главе с Н.В. Подгорным и посещения нашей страны турецким премьер-министром Ургюплю началось оживление научных и культурных связей между Советским Союзом и Турцией. В 1960-е годы СССР посетили турецкие учёные различных специальностей, известные писатели и поэты: Азиз Несин, Орхан Кемаль, Кемаль Тахир и другие⁴⁴.

Большим успехом пользовались у турецких зрителей балетные труппы Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета, советский цирк, балет на льду, танцевальный ансамбль «Лезгинка». Важным событием для турецкого театрального искусства явилась постановка советским дирижером и композитором Ниязи оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского. Среди приезжавших в Советский Союз турецких артистов следует отметить пианистку Идиль Бирет, скрипачку Суну Кан, всемирно известную певицу Лейлу Генджер, которая исполнила партию Виолетты в опере Верди «Травиата».

О тесных литературных связях СССР и Турции можно судить по многим изданиям в Советском Союзе в те годы турецких классиков – Омера Сейфеддина, Решада Нури и Сабахаттина Али, современников – Назыма Хикмета, Суад Дервиш, Азиза Несина,

Якуба Кадри, Орхана Кемаля, Саида Фаика, Орхана Вели и многих других.

В Турции были переведены на турецкий язык «Живые и мёртвые» Симонова, «Цемент» Гладкова, «Чапаев» Фурманова, произведения Чингиза Айтматова. Вышли в свет произведения Пастернака, стихи Евтушенко.

Ежегодные торговые протоколы, как приложения к советско-турецкому торговому договору 1937 г., предусматривали постоянное увеличение объёма товарооборота между двумя странами, за период 1961–1965 гг. фактический объём торговли увеличился более чем в 3 раза.

Во время визита в Турцию в декабре 1966 г. Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина главы правительств двух стран пришли к соглашению о сотрудничестве для реализации в Турции нескольких промышленных проектов. В 1967 г. эта договорённость была оформлена в виде советско-турецкого межправительственного соглашения, согласно которому в Турции в последующие годы были построены такие крупные государственные предприятия, как металлургический завод в Искендеруне, нефтеперерабатывающий завод в Алиага, алюминиевый завод в Сейдишехире, сернокислотный завод в Бандырме, завод древесно-волоконистых плит в Артвине и др. После ввода в строй в 1970-е годы металлургический завод в Искендеруне обеспечивал 40% национального производства стали, алюминиевый завод – 100% производства алюминия и глинозема, сернокислотный завод – 27% серной кислоты, нефтеперерабатывающий завод – 28% нефтепродуктов и т. д.

В 1960-е годы были улучшены, а точнее установлены прямые транспортные связи между двумя странами: открыты авиалиния и железнодорожное пассажирское движение Москва–Стамбул, налажены железнодорожные и авиационные перевозки через территорию Турции из СССР в арабские страны и т. д. Однако отношения между двумя странами развивались не по гладкому пути. В этом контексте следует оценивать отношение некоторых кругов в Турции к делу воздушных пиратов Бразинскасов, совершивших в 1970 г. вооружённое нападение на экипаж самолёта Аэрофлота во время регулярного рейса из Батуми в Сухуми. Террористы убили бортпроводницу, тяжело ранили пилота и штурмана, вынудили самолёт совершить посадку на территории Турции в

Трабзоне. Советское правительство настаивало перед турецкими властями на выдаче убийц для предания их суду, однако эта законная просьба не была удовлетворена⁴⁵.

Расширение технического и экономического сотрудничества, обеспеченное выполнением соглашения 1967 г., способствовало дальнейшему увеличению советско-турецкой торговли. В 1967–1974 гг. например, объём торговли между двумя странами возрос с 50,4 млн. до 129,1 млн. руб. Советский Союз, помимо крупных заказов машин и оборудования, поставлял в Турцию запасные части, приборы, инструмент, удобрения, черные металлы, фотоаппараты, часы и т. д. Значительную долю советского импорта из Турции составляла сельскохозяйственная продукция – Советский Союз закупал около 20% общего экспорта Турции цитрусовых, более 15% – ореха фундука, до 15% – изюма, значительные количества хлопка, табака и т. д. Всё большее место в советском импорте из Турции занимала продукция турецкой промышленности – сырьё, полуфабрикаты, а также готовые изделия лёгкой и пищевой промышленности.

В итоге ещё одного визита в Турцию в апреле 1972 г. председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного была принята Декларация о принципах добрососедских отношений между СССР и Турецкой Республикой, в которой содержались такие, например, положения, как «развитие отношений между обеими странами в соответствии с традициями мира, дружбы и добрососедства, которые были заложены В.И. Лениным и К. Ататюрком»; «уважение суверенитета и равноправия государств»; «уважение территориальной целостности и неприкосновенности границ государств»; «невмешательство во внутренние дела государств»; «уважение неотъемлемого права каждой страны избирать и развивать свою политическую, социальную, экономическую и культурную систему», «неприменение силы или угрозы силой, а также отказ от предоставления своей территории для совершения агрессии и подрывных действий против других государств» и др.

В продолжение советско-турецких связей в июле 1975 г. было подписано межправительственное соглашение о дальнейшем развитии экономического и технического сотрудничества на ближайшие 10–12 лет. Оно предусматривало сотрудничество в области энергетики (строительство двух тепловых электростанций

мощностью по 400 тыс. кВт каждая), чёрной металлургии (расширение металлургического завода в Искендеруне до 4 млн. т стали в год) и цветной металлургии (расширение алюминиевого завода в Сейдишехире).

23 июня 1978 г. во время пребывания в Советском Союзе премьер-министра Турции Б. Эджевита был подписан Политический документ о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турцией. Договорённость, достигнутая во время визита Б. Эджевита, должна была способствовать расширению экономического и технического сотрудничества, торгового, культурного обмена и обмена в других областях. Во время этого визита было подписано также советско-турецкое Соглашение о разграничении континентального шельфа между двумя странами в Чёрном море.

Развитию всесторонних связей способствовало также урегулирование пограничных вопросов. В 1967 г. был подписан Протокол о редемаркации советско-турецкой границы. Работы по редемаркации границы прошли конструктивно, и в конце 1973 г. были подписаны документы о государственной сухопутной границе между СССР и Турцией. В том же году был подписан протокол об определении линии морской границы между советскими и турецкими территориальными водами в Чёрном море, демаркация морской границы была завершена в 1980 г.⁴⁶

«БЕЛАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ОЗАЛА. ТУРЦИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА

От этатизма к рынку. Реформы Тургутта Озала

12 сентября 1980 г. высшее военное руководство страны взяло власть в свои руки. Созданный генералами Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с начальником генерального штаба К. Эвренем распустил парламент, отстранил от власти правительство С. Демиреля, приостановил деятельность политических партий. Против происламской Партии национального спасения (ПНС) и профашистской Партии националистического движения (ПНД) военная прокуратура организовала судебные процессы, представили перед судом также левацкие террористические организации. Одновременно власти провели массовые и жестокие преследования левых партий и организаций, вновь, как и в 1971 г., подверглась запрету воссозданная Рабочая партия Турции. СНБ запретил забастовки, запретил вторую по влиянию в стране профсоюзную конфедерацию ДИСК. Единственной легальной профконфедерацией оказалась «Тюрк-Иш», сторонница социального мира, невмешательства профсоюзов в политику. В восточных районах страны с ещё большим размахом развернулись карательные операции против курдов, приобретшие характер крупных военных действий с участием десятков тысяч сражающихся с той и другой стороны. В октябре 1981 г. власти решили вообще распустить все партии. Эта мера позволила СНБ активно вмешаться в процессы формирования заново политических группировок и создания затем на их основе новых партий.

Лидер ПНД А. Тюркеш был задержан через два дня после переворота 12 сентября, затем были задержаны сотни членов партии и организаций «идеалистов». Помимо 587 обвиняемых, перед судом предстали 16 руководителей. Расследование продолжалось 6 месяцев, среди пунктов обвинения – попытка насильственной

замены конституционного режима на режим личной власти, создание вооружённых организаций, и многое другое. Для 220 человек, включая Тюркеша, обвинение потребовало смертную казнь, для остальных – 5–20 лет тюрьмы. В числе обвиняемых были 125 безработных, 20 – учащиеся, каймакамы, солдаты и др. С 1974 г. активисты партии убили 694 человека, включая бывшего руководителя ДИСК Кемаля Тюрклера. В тексте обвинения говорилось о зарождении фашизма, о связи с ним течения «идеалистов». Наряду с усилиями идеалистов внутри и вне страны по организации и подбору кадров с 1968 г. началось массовое систематическое вооружение – со ссылкой на предупреждение радикального левого движения. Обвинение определило доктрину Тюркеша как национал-социалистическую. По аналогии с именем фюрер он называл себя фюрером («башбуг»). Под контролем этой легальной партии возникли даже «освобождённые районы», некоторые губернаторы и местная полиция были членами ПНД, она контролировала 37 печатных органов¹.

Турецкая публицистика 1980–90-х годов накопила обильный материал по итогам расследования судов госбезопасности и СМИ относительно террористической деятельности упомянутых организаций, неизменно подчёркивая широкое привлечение в террор молодёжи. Так в переизданной в 1996 г. брошюре «Признание» излагалась одиссея одного из юных «идеалистов» – Омера Танлака, подробно описывалась система обучения, идеологической обработки молодых «серых волков», а также руководящие структуры этой системы, деятельность в ней Тюркеша².

Следующим шагом после установления фашистской диктаторской власти должно было быть создание государства Туран с объединением всех тюрок и мусульман на одной территории под лозунгом: «Одна нация, одно государство». В реализации этих идей важную роль должны были сыграть, кроме различных идейных и культурных обществ, также боевики – «серые волки». В этой среде «прославился» и молодой террорист – «серый волк» Мехмет Али Агджа. Впервые он был упомянут в турецких СМИ как подозреваемый в убийстве 1 февраля 1989 г. популярного турецкого журналиста – демократа Абди Ипекчи, издателя газеты «Миллиет». Арестованный 11 июля того же года в Стамбуле он вскоре, 25 ноября, бежал из тюрьмы. Как потом выяснилось,

покушение на папу Иоанна Павла Второго 13 мая 1981 г. в Италии³ совершил всё тот же Мехмет Али Агджа.

Обращает на себя внимание тот факт, что после начала преследования военным режимом «серых волков» и «идеалистов» (это преследование оказалось непродолжительным) на общеевропейском уровне стали намного заметнее действовать националистические ассоциации турок в Европе. Их активность не столь заметна, как активность исламистов, более того, некоторые общества тюркистов предпочитают существовать в Европе в единстве с ассоциациями исламистов, в частности с обществами-мечетями. Такого рода общий «зонтик» несомненно облегчает турецким радикалам-националистам возможность националистической пропаганды в чуждой культурной, идеологической среде, особенно в Германии⁴.

Много ли «серых волков» в Германии? Автор исследования об истории турецких «серых волков» Поултон, ссылаясь на данные германской полиции, называет число турецких националистов, включая «серых волков», 6–7 тыс.⁵

Член Партии националистического движения Турции Феридун Тимур считает, что во всех трудностях турецких эмигрантов в Германии виноват Гельмут Шмидт, убеждённый, что потенциально турецкое население составляет чрезвычайно большую угрозу для стран ЕС, «он, – по словам Феридуна, – бьёт во все колокола, чтобы напомнить европейцам, что через 30–40 лет численность турок достигнет 100 миллионов и сравняется с численностью Германии и Франции... Они готовы запугивать мир “турецкой опасностью”... За этим стоит стремление узаконить распространение повсюду европейской цивилизации в качестве мировой. Европа столь высоко развита, что рассматривает себя как самого справедливого судью, более того, как судью для всего мира»⁶.

Среди арестованных после военного переворота 1980 г. были и исламисты, включая лидера Партии национального спасения Н. Эрбакана. Несомненно, те 8 месяцев, которые провел Эрбакан в тюрьме, лишь усилили его антикемалистские настроения, равно как и враждебность к армейской верхушке. Только в 1987 г. Н. Эрбакану были возвращены политические права, после чего он был избран генеральным председателем партии и с тех пор оставался безусловным лидером легального политического движения

в исламских кругах Турции, участвуя одновременно в политической активности заграничного центра Милли гёрюш⁷.

Что касается лидеров возрождающихся тарикатов, чаще других в турецких СМИ встречалось имя Фетхуллага Гюлена (Фетхуллага-ходжи), руководителя религиозной общины, носящей его имя и вместе с тем разделяющей идеи нурджизма. Фаик Булут в одной из своих книг («Армия и ислам») приводит протоколы допросов лиц, замешанных в 1970-е годы в антиконституционной деятельности как последователей ордена нурджистов Саид-и Нурси, причём имя Фетхуллага-ходжи часто приводится в текстах допросов в качестве активного проповедника учения нурджизма, а также шариата в целом. 13 сентября 1980 г. военные предприняли попытку арестовать Ф. Гюлена, но ему удалось скрыться. Силы безопасности вновь задержали Гюлена в 1986 г., однако вскоре освободили, считается, что это было при вмешательстве Т. Озала, поскольку именно при Озале «начала сиять звезда Гюлена», его общиной были осуществлены крупные капиталовложения в бизнес и просветительские учреждения.

Установив жёсткий контроль над политической ситуацией, военные инициировали реализацию Программы экономической стабилизации от 24 января 1980 г. За обновление стратегии экономического развития, отказ от многих исторически отживших принципов государственного вмешательства в экономику, выступила большая часть политической элиты страны. Вместе с тем даже апологеты крайнего либерализма признавали, что «не следует выступать в целом против государственного патернализма», это «может плохо кончиться для предпринимателя»⁸. Известный социолог Дж. Талас, предупреждая против чрезмерного увлечения новых властей монетаристскими идеями М. Фридмена, писал о стабилизирующей роли государства в социальной жизни, в частности в попытках увеличить занятость, ликвидировать безработицу⁹.

Точки зрения различных кругов по поводу возможных путей совершенствования модели «смешанной экономики» были сопоставлены на организованном в 1981 г. военным режимом *Втором экономическом конгрессе* в Измире (по аналогии с первым, который состоялся по инициативе Ататюрка в 1923 г.). Тургут Озал, в то время — член правительства, ответственный за организацию этого форума, подчёркивал на конгрессе, что этатизм для Турции — дело прошлое и он «был не целью экономического развития,

а вынужденной необходимостью переходного периода». Он напомнил, что закон 1938 г. о статусе ГЭО, предусматривал, что они «могут быть переданы частной инициативе, если условия для этого окажутся благоприятными». В речи на конгрессе главы военного режима Кенана Эврена много внимания было уделено принципам кемализма, высказываниям Ататюрка по поводу экономической политики, необходимой для условий Турции. «Ататюрк, – напоминал К. Эврен, – говорил о том, что в условиях Турции не следует ждать в экономических делах результатов лишь от деятельности индивида; успех важных и больших дел обеспечивается участием государства»¹⁰.

Выступивший с большим докладом известный учёный, сторонник преимущественного развития частной инициативы проф. Осман Окъяр напомнил, что кемалисты обратились к этатизму с учётом социальных и экономических реалий. Как отметил О. Окъяр, к деятельности госсектора в развивающихся странах есть два подхода. В соответствии с одним возникает вера в то, что госсектор – лучше частного и в отличие от частного госсектор действует в национальных интересах. Отсюда госсектор – само собой разумеющаяся цель, он неприкосновенен, даже священен. Другой подход к задачам госсектора – способствовать ускорению развития экономически отсталой экономики, нет причин, чтобы это средство было неизменным и неприкосновенным. «Государство – не цель, а средство, его вечность и неприкосновенность отвергаются». Осман Окъяр признавал в своём докладе, что передача, частичная или полная, государственных экономических организаций частному сектору не представляется возможной при нынешнем положении, такие меры подходят лишь для тех сфер, где крупный частный капитал уже силен, например в текстильной промышленности¹¹.

В ноябре 1982 г. путем референдума была принята новая конституция Турции. В ней подтверждался республиканский, демократический, светский и социально-правовой статус турецкого государства, основные права и свободы личности, включая свободу частного предпринимательства, право частной собственности и право наследования имущества. Вместе с тем, как и ранее, за государственной властью признавалось право в необходимых случаях обобществления недвижимости, находящейся в частной собственности, с условием её выкупа.

Конституция устанавливала однопалатную структуру Великого национального собрания Турции с числом депутатов в 400 человек. Выборы в ВНСТ предусматривались один раз в пять лет. Исполнительная власть была представлена президентом, избираемым ВНСТ на семь лет из его же членов, а также правительством, главу которого назначал президент также из состава ВНСТ.

В социально-экономической сфере функции государства были полностью сохранены, а некоторые заметно расширены. Так, новая статья (43) устанавливала, что «берега», то есть морское побережье, берега озёр и рек, а также соответствующая прибрежная полоса «находятся под юрисдикцией и во владении государства». В ст. 46 было подтверждено право государства на обобществление¹².

В конституции 1982 г. были подробно перечислены задачи планирования, подтверждалось, что природные богатства и ресурсы находятся под юрисдикцией и во владении государства, право на их поиск и разработку принадлежит государству¹³. Специально было оговорено, что государство «осуществляет меры по развитию кооперирования». Положения конституции в целом уточняли модель смешанной экономики, признавали важную роль в экономике «европеизирующегося» государства.

После принятия новой конституции военные власти последовательно и в намеченные сроки осуществили меры по переходу к гражданскому правлению. В результате победы на парламентских выборах 6 ноября 1983 г. (211 депутатских мест из 400) созданной перед выборами Партии отечества (ПО) власть в стране была передана гражданскому правительству, возглавляемому лидером этой партии Т. Озалом. С этого времени можно говорить о более решительном переходе правящей элиты страны к либеральной платформе внутренних преобразований. Не противопоставляя военной верхушке, ПО в то же время сумела представить к выборам эту платформу как единственно возможную гражданскую альтернативу военному режиму в сложившихся условиях.

Суть первых законодательных мер правительства Озала состояла, во-первых, в отмене монополии государства на ряд отраслей экономики и допуск в них частных компаний; во-вторых, в начале уже не декларативной, а фактической приватизации государственных экономических организаций (ГЭО). О новых принципах деятельности государства в условиях реорганизации социаль-

но-экономической структуры было сказано и в тексте принятого в 1984 г. пятого пятилетнего плана развития (1985–1989 гг.). В нём подчёркивалось, что государственные капиталовложения в промышленность и торговлю уже не составляют основные объёмы капиталовложений. Дальнейшее развитие эти принципы получили и в последующих пятилетках.

В законах 1980-х годов впервые в истории республики конкретно прописывались формальности, согласно которым государственное объединение, предприятие, а также государственные доли (иногда объединяемые в «пакеты») акций в смешанном государственно-частном либо частно-государственном становились частными и подчинялись уже Торговому кодексу. Самым для того времени смелым шагом правительства Т. Озала считается принятый в июне 1986 г. закон 3291, получивший в Турции наименование Кодекса приватизации. Согласно статьям 5-го раздела закона государственное предприятие или учреждение, объединение даже самого высшего уровня, подчас занимавшего монопольное положение в какой-либо отрасли, а также государственный пакет акций в капитале смешанной компании могли стать частной собственностью – личной или корпоративной.

Даже неполное и краткое перечисление экономических мер второй половины 1980-х – начала 1990-х годов свидетельствует о том, что это были действительно реформаторские меры, как о них говорил Тургут Озал. Был отменён существовавший с 1930-х годов жёсткий контроль государства над валютной системой, либерализованы режимы импорта, деятельности иностранного капитала, поощрения экспорта, ограничено в значительной мере вмешательство государства в ценообразование.

Участие государства в экономике правительство Т. Озала предполагало ограничить лишь теми областями, где частный сектор не мог рассчитывать на получение приемлемого дохода. Речь шла тогда о таких сферах, как оборонная промышленность, коммунальное обслуживание, здравоохранение, образование, промышленная инфраструктура. Всё, что могло быть приватизировано, законодательно открывалось для местного и иностранного частного капитала¹⁴.

Во имя успеха первых шагов по приватизации власти пустили в продажу на Стамбульской фондовой бирже государственные акции весьма прибыльных компаний Неташ и Телеташ, – теле-

коммуникационных фирм, входивших в структуру ПТТ (почта, телеграф, телефон) со смешанным турецко-иностранном капиталом¹⁵. К началу 1991 г. пятнадцать предприятий и учреждений трёх ГЭО (Петким, Сумербанк и Турецкие авиалинии – ТХЙ), пять банков и собственность (акции) в совместно используемых 64 компаниях были переведены под контроль специально учреждённого при совете министров Управления по общественному акционированию (УОА) для последующей приватизации.

Широко использовалась при этом практика торгов, тендеров, давно уже получившая законодательное признание в Турции¹⁶. Стремясь привлечь мелких и средних вкладчиков, власти подчёркивали «народный» характер первых продаж государственной собственности. Оказывалось воздействие на персонал приватизируемых предприятий, ему часто предоставлялось преимущественное право приобретения акций. Однако уже в первых оценках не было уверенности, что приватизация приведет к широкому «народному» акционированию.

Приватизация на первом этапе шла нарастающими темпами и за счёт иностранных покупателей. В августе 1989 г. фирма ССП, сервисный партнер известной авиакомпании САС, приобрела в блоке 70% государственных акций сервисной компании Усаш, обеспечивающей организацию питания в крупнейших турецких аэропортах. В октябре 1989 г. французской группе «Семан франсез» были проданы пять цементных заводов Читосан (анкарский, балыкесирский и др.). Реализация этих сделок отличалась затяжным, вялотекущим характером, поскольку указанные продажи опротестовывались затем судом, принимались решения об их отмене. Таким образом, вслед за первыми шагами по приватизации госсобственности через продажу последовали и первые шаги судебных инстанций по отмене некоторых актов продажи, чаще всего Конституционным судом. Таких решений, как свидетельствует практика приватизации, было принято немало, однако не обо всех информация попадала в турецкие СМИ, в целом процедуры «исполнения» приватизационного «листа» нельзя считать прозрачными, а информацию по их итогам – исчерпывающей¹⁷. До своего поражения на выборах в октябре 1991 г. правящая тогда Партия отечества смогла подготовить список 112 государственных компаний, подлежащих приватизации. По итогам первого этапа приватизации оказались преувеличенными ожидаемые

от приватизации интенсификация производства и поступления извне новейшей технологии; за некоторыми исключениями иностранный капитал вяло отреагировал на приватизационные усилия Турции.

Главное содержание внутривнутриполитической жизни Турции конца 1980-х годов – осмысление парламентских выборов, состоявшихся в ноябре 1987 г., определённая демократизация политической жизни, усиление гражданской власти. В выборах участвовали практически все заново созданные ещё перед выборами 1983 г. партии. Партия отечества получила 292 места (почти 65% мест в парламенте), Социал-демократическая народническая партия (СДНП) – 99 мест (22,5%), Партия верного пути (ПВП) – 99 мест (22,5%). Воссозданная с новым названием Рефах (Партия благополучия – ПБ) происламская партия, возглавляемая Эрбаканом, оказалась со своими 7% вне парламента. Та же судьба постигла и ПНД (2,81% голосов). Как можно судить по итогам выборов, ПО продолжала оставаться самой крупной, самой влиятельной партией, сохраняя мандат на либеральную реконструкцию общества. Вместе с тем доля поданных в её поддержку голосов заметно сократилась, референдум 6 сентября 1987 г. отменил запрет на политическую деятельность влиятельных ранее, до переворота, лидеров партий, они действовали уже независимо от ПО.

Постепенное ослабление авторитарности всё более сказывалось на политической жизни Турции. Заметно возросла деятельность оппозиции и её критика властей, в стране все более активными стали выступления демократических кругов. С конца 1987 г. стала обсуждаться возможность легальной деятельности Объединённой коммунистической партии Турции, созданной в результате слияния КПТ и Рабочей партии. Руководители новой партии Нихат Саргын и Хайдар Кутлу прибыли в страну, однако были немедленно арестованы, подвергнуты допросам, пыткам.

Все более очевидной становилась двойственность властей в политике поддержки ислама. Политика либерализации Т. Озала способствовала восстановлению исламом статуса одного из самых влиятельных институтов не только духовной, но и политической жизни в стране. При нём появились многочисленные религиозные фонды-вакуфы социального назначения, стипендии для неимущих учащихся школ и вузов, интернаты для таких учащихся. Часто за такими вакуфами уже стояли религиозные

ордена, а за орденами и их руководителями – крупный капитал из исламских государств. Новое законодательство предоставило особые льготы инвесторам из Саудовской Аравии, Ливии, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна и Катара. Вместе с тем на протяжении долгого времени власти, по инициативе прежде всего военного руководства страны, продолжали преследовать в судебном порядке действительных и мнимых сторонников шариата, противников светской власти, то ужесточая, то смягчая практику реализации соответствующих правовых норм.

Внешняя политика Турции в 1980-е годы, как её формулировали правящие круги, была направлена на обеспечение национальной безопасности страны. Одним из условий безопасности считалось развитие военно-политического сотрудничества с США, участие в НАТО. Турция продолжала добиваться также экономической и военно-политической интеграции с Западной Европой путём вступления в Европейское сообщество. В рамках доктрины национальной безопасности уделялось внимание также развитию связей с соседними государствами, в том числе с СССР.

Основной фактор, который определял в 1980-е годы в Турции союзнические отношения с США, был следующим: союз с США расценивался как гарантия обеспечения безопасности страны, как основной источник военной и экономической помощи. Правящие круги Турции расширяли с помощью США военную промышленность страны, в частности налаживали сборку или производство самолётов, вертолётов, ракет, зенитной артиллерии, электроники и другого военного снаряжения. Этому способствовало и подписанное 29 марта 1980 г. турецко-американское соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики. Главное в соглашении – право США на использование их вооружёнными силами военных баз на территории Турции, а также на их модернизацию, расширение и строительство новых баз. Американские самолёты, находившиеся в Турции, предназначены были главным образом для нанесения ядерного удара по советской территории; самые совершенные американские базы электронного слежения наблюдали за СССР с целью сбора разведывательных данных военного характера, хотя США использовали их и против стран Ближнего и Среднего Востока. Соглашением предусматривалось использование американцами базы ВВС в Инджирлике, двух

радиоэлектронных, радионавигационной и сейсмической станций и семи сооружений связи.

В соответствии с ростом значения Турции в стратегии США (особенно с конца 1970-х годов) росла и американская военная помощь. Её суммарный объем в 1981–1988 гг. превысил 4 млрд. долл. Что касается невоенной сферы, в Турции высказывалось недовольство внешнеторговой политикой США, направленной на ограничение ввоза турецкого текстиля и одежды, турецкой стали и других товаров.

Значительную экономическую помощь оказывала Турции ФРГ, сохраняя в турецкой внешней торговле первое место. Западногерманская военная помощь к 1986 г. составила около 1450 млн. марок. В рамках военной помощи стороны предусматривали сооружение в Турции предприятий по ремонту танков, завода запасных частей для них, создание производства дизельных танковых моторов. ФРГ оказывала Турции помощь в модернизации морских доков, в строительстве подводных лодок, поставляла канонерки, фрегаты, ракеты и другое вооружение и снаряжение. Турция же представляла свою территорию ФРГ в качестве учебных полигонов для западногерманских вооружённых сил. Особое место в отношениях двух стран занимали проблемы въезда турецких рабочих и их социальное положение в ФРГ, где в 1986 г. проживало уже около 1,5 млн. турок.

В 1987 г. Турция официально обратилась с просьбой о принятии её в ЕС, однако западные эксперты сочли, что с точки зрения экономического развития Турция не готова к вступлению в ЕС. В Европе также потребовали, чтобы Турция занялась должным образом проблемами демократии и прав человека в стране, что является условием принятия в ЕС.

Одна из важных тем внешней политики Турции 1980-х годов – отношения с соседней Грецией. С целью укрепления турецких позиций на Кипре 15 ноября 1983 г. была провозглашена независимость турецкой общины под новым названием – Турецкая республика северного Кипра (ТРСК). Только Турция признала ТРСК, утверждая, что правительство Республики Кипр является представителем лишь греческой общины острова, несмотря на то, что оно общепризнанно на международной арене и Республика Кипр – член ООН. Важное место в отношениях Турции с Грецией занимали спорные проблемы Эгейского моря. К ним относятся

проблемы милитаризации греческих островов, расположенных вблизи турецкого побережья, длительные споры велись также вокруг территориальных вод этих островов.

Важным направлением внешней политики правительства Озала было сближение с мусульманскими странами с целью развития торговли и экономического сотрудничества, установления с ними взаимопонимания в отношении стратегических задач в регионе. Стремление улучшить отношения с арабскими странами проявилось в позиции Турции в отношении политики Израиля. Турция осудила оккупацию Израилем арабских земель, присоединилась к требованиям вывода израильских войск с этих территорий к границам 1967 г. После провозглашения Израилем в июле 1980 г. Иерусалима своей «вечной столицей» Турция закрыла в августе генеральное консульство в Иерусалиме, а в ноябре снизила дипломатические отношения с Израилем до уровня второго секретаря.

Во второй половине 1970-х и особенно в 1980-е годы значительно развивалась торговля Турции с мусульманскими странами, которые заняли почти такое же место в её внешнеторговом обороте, как и страны ОЭСР (Организация экономического развития и сотрудничества). Это объясняется ростом в 1970-е годы цен на нефть, а также расширением турецкого экспорта в эти страны. Его росту способствовали развитие в стране экспортноориентированных отраслей экономики, а также ирано-иракская война. Занимая нейтралитет в отношении этой войны, Турция получила значительный дополнительный рынок сбыта своих сельскохозяйственных и промышленных товаров. Для 1980-х годов характерно развитие на Ближнем и Среднем Востоке деятельности турецких строительных фирм. В 1986 г. сумма подрядов турецких фирм в арабских странах составляла более 16 млрд. долл., самые большие подряды фирмы выполняли в Ливии, Саудовской Аравии, Ираке.

Турция принимала участие в деятельности Организации Исламская конференция (ОИК), хотя как светское государство и член НАТО она не участвовала в принятии Устава ОИК. Особая позиция Турции состоит и в том, что, несмотря на решения ОИК о разрыве мусульманскими странами отношений с Израилем, она этого не сделала.

Особенность отношений Турции в указанный период с Ираном и Ираком – сотрудничество в подавлении курдского движения. Турция предложила в 1984 г. Ираку и Ирану переброску турецких войск через границы с этими странами для разгрома в приграничных районах курдских баз. Иран не дал согласия, однако на приграничной территории Ирака турецкие войска операции против курдов проводили.

Советско-турецкие отношения в годы этого десятилетия развивались в рамках договорённостей, достигнутых по итогам визита в СССР в 1978 г. премьер-министра Турции Б. Эджевита, когда был подписан Политический документ о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турцией. Предусматривалось расширение экономического и технического сотрудничества, торгового, культурного обмена и обмена в других областях. Ввод в Афганистан советских войск изменил в худшую сторону отношение правящих кругов Турции к СССР, вместе с тем отношения между двумя странами, в частности экономическое сотрудничество, сохранялись на прежнем уровне.

Новый стимул развитию советско-турецких отношений придал визит в Советский Союз Т. Озала, состоявшийся 28 июля – 5 августа 1986 г. Переговоры с турецким премьер-министром расширили перспективы для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Турцией в торгово-экономической и культурной областях, для продолжения диалога с целью укрепления добрососедства и взаимопонимания между двумя странами.

Турция и завершение холодной войны

На рубеже 1980–90-х годов произошли очередные изменения во властной элите страны. В связи с истечением срока президентских полномочий К. Эврена его пост занял в конце 1989 г. Т. Озал, уступив место лидера Партии Отечества (ПО) Месуту Йылмазу, авторитет «партии реформ» в стране стал заметно снижаться. Реализация реформ проходила с трудом, либерализация носила противоречивый характер, стремительно набирал силу исламизм, что вызывало ответную реакцию военной верхушки. По итогам парламентских выборов 1991 г. ПО оказалась в меджлисе на втором месте (115 депутатов), уступив первое место своей

близкой по идеологии сопернице – Партии верного пути (178), возглавляемой С. Демирелем. Третьей стала Социал-демократическая народническая партия (88), четвёртой – исламистская Рефах (62) во главе с Н. Эрбаканом и пятой – Демократическая левая партия во главе с Б. Эджевитом, получившая 7 мест. На этом перемены во власти не закончились, весной 1993 г. скончался Т. Озал, президентом был избран С. Демирель, и оставленный им пост лидера в ПВП впервые перешёл к женщине – Тансу Чиллер, профессору-экономисту, которая в том же году возглавила коалиционное правительство ПВП–СДНП. Со смертью «либерально настроенного в отношении курдов» Т. Озала и приходом к власти правительства Тансу Чиллер карательные операции в Турецком Курдистане ужесточились, воинский контингент в Курдистане был увеличен до 150 тысяч¹⁸. Такая коалиция привела СДНП к расколу в партии, свидетельствующему о продолжающейся сложной трансформации всего левоцентристского движения страны.

В целом на ситуации в стране в первой половине 1990-х годов сказывались не столько начавшиеся ранее процессы реорганизации общества на принципах либерализации (при продолжавшейся войне с курдами), сколько новые события глобального и регионального масштаба, прежде всего окончание холодной войны и распад СССР, что заставило правящую элиту Турции заново, с достаточной степенью озабоченности, оценивать будущее страны в условиях начавшейся глобализации и её стратегическую значимость для западного мира. Политические силы страны по-разному осмысливали возникшую ситуацию и предлагали обществу свои планы политического и экономического развития страны в новых условиях, определения места Турции в регионе. Так, поддержка Турцией США в качестве верного союзника в войне в Заливе подтвердила её готовность, несмотря на то что ушло в прошлое межблоковое противостояние, сохранить в максимальной степени все свои военно-политические связи с Западом и особенно с Соединенными Штатами. Очевидной стало также сохранение стратегии всемерного экономического сотрудничества с Западом, что подтверждалось неослабными усилиями Турции стать членом ЕС.

Сохраняя и укрепляя в новых условиях военно-политическое и экономическое единение с западным миром, Турция надеялась использовать его не только в интересах европеизации по-турецки,

развития экономики страны, но и для решения собственных планов в евразийском регионе (Балканы, Кавказ, Центральная Азия и т. д.), порождённых распадом СССР и покоящихся подчас на пантюркистской и происламской основе. У турецких стратегов, воспитанных на вражде к распавшемуся СССР, не возникали сомнения в том, что эти её региональные планы будут поддержаны Западом, хотя бы для того, чтобы новое государство – Российская Федерация постоянно сохраняло некую аморфную форму, имеющую тенденцию к распаду.

Именно в это время в январе 1992 г. при турецком МИД было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (турецкая аббревиатура ТИКА), привлёкшее к своей работе выходцев из тюркских республик, некоторых учёных-историков, филологов, языковедов. Цель была очевидна – координация на государственном уровне всех видов деятельности во имя единения тюрков. Агентство наладило издание нескольких журналов на турецком, английском, казахском, киргизском, туркменском, узбекском языках, приступило к реализации обширной программы сотрудничества с тюркскими республиками, помощи им в реализации различных учебных, научных, социальных и др. проектов. Выступая с обширным докладом на организованной в 1994 г. агентством ТИКА конференции «Евразия в наши дни», С. Демирель, в то время уже президент Турции, примерно очертил тот мир, который представлялся ему евразийским: «Речь идёт прежде всего о тюркоязычных республиках либо о соседях Турции». Одновременно он счёл нужным подчеркнуть, что Турция «не стремится ни к пантюркизму, ни к панисламизму... Ни в одном из периодов своей истории великое тюркское сообщество, простирающееся от Адриатики до Китайского моря, не существовало как единое государство. Действительно, в этом регионе проживают люди, имеющие с нами одну и ту же историю, культуру, язык, религию, традиции. У нас с ними одни и те же сказки, колыбельные песни, предания, сказы, речь, вера, душа. Если мы называем их нашими братьями, кто может усомниться в этом?.. Поэтому мы хотим, чтобы Республика Казахстан, например, могла стоять на собственных ногах, сама управлять своими делами, сохранять свою независимость. То же самое относится к Киргизии, Узбекистану, Туркменистану, Таджикистану, Азербайджану, Грузии – все они должны стоять на собственных ногах»¹⁹.

Что касается исламистов Турции, они становились все менее «управляемыми» светской властью, всеми мерами стремились расширить и укрепить своё влияние на эту власть и общество, что наиболее масштабно проявилось в двух направлениях. Во-первых, фактически утвердилось (под разными названиями), несмотря на сопротивление армии и на периодические запреты (по решению Конституционного суда), легальное политическое движение, что привело к сохранению влиятельной, весьма активной исламистской партии. Во-вторых, возродилась, «осовременилась» и небывало расширилась, переросла национальные границы (особенно после распада СССР) деятельность религиозно-культурных обществ, орденов, группировок, причём в ряде случаев эта деятельность приобретала террористический характер и мало отличалась от действий, которые имели место при убийстве Кубилая фанатиками в 1930-е годы. Так, в июле 1993 г. в Сивасе местные фанатики-исламисты устроили пожар в отеле, где собрались почитатели известного писателя Азиза Несина. Сгорело заживо 35 человек. Как писала позднее газета «Джумхуриет», «несмотря на крики о помощи, силы безопасности и пожарные не только не помогли горящим людям, но даже воспрепятствовали попыткам их спасти. На предсмертные крики сгорающих в огне людей никто и бровью не повел, умирающим отвечали шариатскими лозунгами, с удовольствием за ними наблюдали. Такого еще не было в турецко-исламской истории»²⁰.

Некоторые религиозные деятели Турции предпочли срочно заняться миссионерством на территории бывшего СССР. Узнав о падении Берлинской стены, влиятельный приверженец нурджизма Фетхуллах Гюлен, преследуемый за свою проповедническую деятельность у себя дома, отправился в одну из известных в Стамбуле мечетей – Сулеймание, где приветствовал упомянутое событие, сразу же обратившись к прихожанам с призывом «проникнуться проблемами приобретения независимости», возникшими перед населением распадающегося СССР. Открывшаяся перед общиной Гюлена новая миссионерская перспектива на просторах Евразии, где проживают миллионы мусульман, к тому же тюрок, дала возможность Гюлену «послужить нации» и постараться свести к минимуму угрозу его уголовного преследования за антиконституционную проповедническую деятельность на территории самой Турции.

11 января 1990 г. первая группа турецких миссионеров-исламистов, снаряжённая Гюленом, миновала через пограничный пункт Сарпы турецко-грузинскую границу, побывала в Аджарии, в Тбилиси, «везде встречая дружеский приём». В мае 1990 г. отправилась вторая миссия (37 человек) с целым караваном автомашин и автобусом, в которых находились книги, кассеты, подарки. Она посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку. Затем миссия побывала в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане²¹. Так началась зарубежная миссионерская деятельность общины Гюлена, вскоре охватившая не только страны Центральной Азии, но и регионы России с мусульманским, тюркским населением²².

Издаваемая Гюленом в Турции массовым тиражом газета «Заман» еженедельно выходила и в московском варианте, и казанском, и уфимском, и в других. Номера московского издания старательно популяризировали личность Гюлена²³.

В том же духе было написано безымянное предисловие ко второму тому изданной доброхотами в Москве на русском языке в 2001 г. книги Ф. Гюлена «Сомнения, порождённые веком». В нём нет ни слова о судебном преследовании Гюлена в Турции и его причинах, об острых дискуссиях в турецком обществе по поводу деятельности его общины в России, Центральной Азии²⁴.

После распада СССР стало очевидным, что культуртрегерская деятельность турецкого политического ислама (подчас в сотрудничестве с пантюркизмом) – это его ориентация прежде всего на тюркские народы, исповедующие ислам. Именно здесь последователи безапелляционного по существу, но «мягкого» по форме исламизма, в сотрудничестве с пантюркизмом-пантуранизмом, считают необходимым открыто внедрять сепаратистские идеи в Российской Федерации либо поощрять религиозное противостояние существующей светской власти в новых государствах Центральной Азии. Этот миссионерский настрой исламистов почти буквально совпадает с тезисами официальных турецких инстанций, занимающихся этими же вопросами²⁵.

В российских СМИ периодически приводится информация о том, что активность некоторых «благотворительных» турецких организаций, включая религиозные, направлена на поощрение сепаратизма в России. Упомянуты и учебные заведения, воспитывающие молодёжь «в духе протурецкой ориентации»: в Татарстане их десять, Башкирии – четыре, Дагестане – три, по одному –

в Чувашии, Карачаево-Черкесии, Туве, Якутии и Хакасии. За антироссийскую пропаганду только из Дагестана за последнее время было выдворено 14 турецких граждан, десять из которых – преподаватели местных лицеев. Еще десять – из Карачаево-Черкесии²⁶.

Что касается деятельности общины Гюлена в самой Турции, отношение к ней явно неоднозначное. Помимо широкой рекламы (и саморекламы) религиозной и культуртрегерской деятельности этой общины, помимо сообщений о встречах Гюлена с римским папой, константинопольским патриархом Варфоломеем, известными зарубежными и турецкими политическими деятелями, публикуется немало материалов критического характера – в книгах, статьях, в интернете. Ещё в конце 1994 г. левоцентристские круги, представители светской интеллигенции выступили против публичных контактов тогдашнего премьера Т. Чиллер с этим шейхом. Газета «Миллиет» рассказала о беспрецедентном приеме Ф. Гюлена в официальной резиденции правительства, сообщала, что беседа началась с вопроса к Гюлену, что он думает об Ата-тюрке. Его ответ «мы не против Ата-тюрка» удовлетворил Чиллер. По мнению газеты, это приглашение «легализовало самого Гюлена и его религиозных сторонников»²⁷. В работе «Религиозный террор в Турции» Сара Гюль Туран высказала мнение, что нурджисты, то есть последователи Саид-и Нурси, ставят перед собой задачу «реформировать режим изнутри» путём постепенного внедрения в него «своих кадров», причём наиболее влиятельную организацию в этой деятельности представляет община Ф. Гюлена²⁸.

По поводу благотворительности общины Гюлена на территории бывшего СССР бывший генеральный секретарь Совета национальной безопасности Турции отставной генерал Кемаль Явуз заявил следующее: «В то время как мои дети не имеют возможности получать образование, в школах Центральной Азии оно идёт на современном уровне. Русскому ребенку в Санкт-Петербурге предлагается петь турецкий Марш Независимости... В чём здесь логика, если его не может выучить мой ребенок, поскольку в Карсе, Палу, Бингеле нет ни школ, ни учителей?»²⁹

На факт распада СССР немедленно отреагировали пантюркисты – появились соответствующие статьи, книги. О предстоящей миссии Турции на территориях распавшегося государства

один из авторов писал: «В 1990–2000 годы произойдёт важный политический процесс, в котором будет задействована Турция – появятся новые турецкие республики. Турецкое присутствие будет обозначено от Мюнхена и до центрального Китая... Взоры этих государств устремлены на Турцию, они смотрят на нее, как на Каабу»³⁰.

Со своими «просветительскими задачами» в тех же регионах, особенно на Северном Кавказе, начали свою деятельность турецкие пантюркисты, «серые волки», следы их деятельности обнаруживались там уже с первых признаков распада СССР. С наступлением 1990-х годов и распадом СССР период официального осуждения в Турции правого терроризма завершился, началось стремительное возрождение ПНД, «серых волков», «очагов идеализма». Выступив 12 декабря 1991 г. на заседании парламента, Тюркеш призвал «откликнуться на критическое состояние турецких республик Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Туркменистана». Напомнив присутствующим, как упрекали его прежде «в шовинизме и мечтательности», он заявил, что отныне, при единстве 200 млн. турок в мире, «туранизм уже не фантазия, а реальность»³¹.

Когда в августе 1994 г. делегация Рефах посетила юго-восток Турции, её глава, Ш. Казан, «пришёл в ужас» от увиденного там. «Спецкоманды серых волков не скрывали, кто они. Некоторые отряды используют их приветствия. Что это – госохрана или пропаганда партии? Они опасны, я всё это расскажу в парламенте»³².

На парламентских выборах 1995 г. ПНД получила 2,3 млн. Голосов (8%), едва не преодолев барьер, который позволил бы ей стать парламентской партией. Тюркеш отметил это, призвал не преуменьшать такой факт. Соответственно восстанавливали свои ряды и очаги идеалистов. Возобновивший свою деятельность журнал «Очаг идеала» из номера в номер на внутренней обложке публиковал патриотические призывы «от имени вождя» («Başbuğ'dan»), скончавшегося 4 апреля 1997 г.: «Действуй, турок, пора проснуться! У тебя не осталось Румелии, мадьярских земель, Сирии и Ирака, нет Палестины, Египта, Триполитании, нет и Туниса с Алжиром, нет Крыма и Кавказа. Осталась лишь последняя частица родины! Действуй, как Бозкурт («серый волк»), берись за дело, трудись, пусть возродятся прежние времена. Вновь разверни навстречу горизонту победоносные славные

знамёна. Великая Турция – превыше всего. Да возвысится наша славная Турция!»³³

О распространении в турецком обществе симпатий к террористам, захватившим в январе 1996 г. турецкий паром «Еврасья», курсировавший по маршруту Сочи – Трабзон, свидетельствуют комментарии в турецких СМИ. Они были восприняты в Турции как борцы за свободу Чечни, их террористические действия так и не были оценены по нормам турецкого антитеррористического законодательства. Так, Дженгиз Джандар писал в «Сабах» о том, что ранее Турция не могла открыто выступать против политики российских властей в Чечне. «Представлялось, что открой она рот, сразу возникнет вопрос о курдах и получится, что Россию приглашают поддержать ПКК (Рабочая партия Турции)». Однако, по мнению автора, ситуация изменилась, отныне нет необходимости турецкой стороне вести себя таким образом, поэтому подписание в Москве Эждевитом в ноябре 1999 г. соглашения с Россией «О сотрудничестве в борьбе с терроризмом» является ошибкой. Автор утверждает, что многие территории бывшей Османской империи, в том числе и Косово, и Чеченистан, имеют особую значимость для Турции. «Она сохраняет с ними исторические и культурные, включая религиозные, связи, причём такие, которые невозможно разорвать, ибо та человеческая общность, которую мы называем турецкой нацией, сформировалась за счёт мусульманских общин Османской империи и соседних к ней земель. В турецкой нации замешаны албанские, греческие, черкесские, чеченские, боснякские и т. п. элементы»³⁴.

Сменившие Озала новые руководители страны продолжили приватизацию госпредприятий, но её результаты оказались далеки от ожидаемых. Не исключено, что одной из серьёзных причин столь малого успеха этого начинания явился тот факт, что принятые при Озале законы не породили немедленно рыночную среду и не сулили немедленной выгоды, а нуждались в разработке всё новых законов и подзаконных актов, которые потребовали выхода за рамки уже принятых законов и даже конституции. Да и разбросанные по всей стране многочисленные управленческие структуры госсектора вкупе с центральным аппаратом власти и её местными органами не торопились расставаться со своей властью – о коррупционных скандалах, о «подстроенных» торгах СМИ сообщали регулярно. Некоторые важные решения

о приватизации ряда ГЭО, принятые на основе законов 1980-х годов, переносились на более поздние сроки, либо затем вовсе отменялись Конституционным судом Турции.

Выяснилось, что расходы на затянувшуюся приватизацию оказались значительными, они планировались в другом масштабе. Оставались невостребованными, часто лишь из-за своей стоимости и устарелого оборудования, некоторые градообразующие «киты» госсектора – Карабюк, угольные корпорации, а также предприятия электроэнергетики. Ставить вопрос об их продаже было нелегко не только по причине их объёмов и стоимости, но также и потому, что они одновременно представляли собой каждый в отдельности и все вместе в масштабах страны оформившийся за десятилетия достаточно эффективный социальный институт. Эти разбросанные по всей стране флагманы турецкой индустриализации являются подчас единственным средоточием городской жизни в провинции, символом экономического прогресса прошлого. Последующие после приватизации реорганизация этих заводов и фабрик, перепрофилирование персонала, его сокращение, не говоря уже о закрытии, грозили стать причиной политической дестабилизации в стране.

27 ноября 1994 г. вступил в силу новый закон о приватизации – закон 4046, подтверждающий, что в его ведении находится приватизация всех видов государственной собственности. Его выполнение осуществлялось с не меньшими, нежели ранее, трудностями. Так, вскоре потребовалось принятие отдельного закона 4107 от 6 мая 1995 г., чтобы определить принципы продажи 49% государственной «Тюрк телекоммуникасьон А Ш.» («Тюрк Телеком»), однако уже 29 февраля 1996 г. действия некоторых статей закона 4107 были отменены по решению Конституционного суда. Требование приватизации Телекома постоянно возникало у американской стороны. Медленно проходили формальности по приватизации долей акций таких крупнейших предприятий и объединений, как Эреглийский металлургический комбинат, Сумербанк, Денизджилик ишлетмелери (судостроение), Турбан (туризм), Петким, Турецкие авиалинии, Петроль офиси (продажа нефтепродуктов, бензоколонки), Черноморский медеплавильный комбинат, Сивасский металлургический комбинат, а также нескольких электростанций, принадлежащих нефтеперегонным заводам Тюпраш, и других.

По некоторым данным, с 1985 г. список приватизируемых объектов государственности постепенно возрос до 211 объектов, причём половина их к началу 1998 г. была полностью приватизирована. В официальном отчёте Союза торговых и промышленных палат Турции сообщалось, что на начало 1998 г. Управление приватизации осуществило процедуру продажи 122 пакетов акций либо самих объектов. 105 из них утратили статус государственных, в 17 объектах ещё оставалось государственное участие, они частично были приватизированы путём блоковой продажи, продажи гражданам Турции и иностранцам, продажи на бирже или же продажи имущества, принадлежащего какой-либо ГЭО (имеются в виду также земельные участки, особенно ценные в городах и туристических зонах). Всего с учётом доходов от обращения и использования получаемых средств в банковских и других операциях доходы от приватизации в 1986–1997 гг. составили в долларовом эквиваленте 4 824 087 долларов. Из названных поступлений почти вся сумма была использована на покрытие расходов по приватизации (участие в капитале, социальная компенсация и др.), на оплату по кредитам, на отчисления в казначейство и т. п.

Исламизм и светская власть

Прошедшие в декабре 1995 г. парламентские выборы в Турции обеспечили в меджлисе большинство, правда небольшое, происламской партии Рефах. Из 550 мест в меджлисе она получила 158, далее следовала Партия верного пути (ПВП) – 135 мест, третьей оказалась Партия Отечества (ПО), возглавляемая Месутом Йылмазом (132 места). Значительно отстали от этих лидеров две левоцентристские партии – Демократическая левая партия (ДЛП) во главе с Б. Эджевитом (76 мест) и Народно-республиканская партия Д. Байкала (49 мест). Остальные партии, в том числе националистическая, возглавлявшаяся А. Тюркешем, не преодолели десятипроцентный рубеж и оказались вне меджлиса³⁵.

Успех партии Рефах поднял на ноги всю светскую элиту страны – и гражданскую, и военную. В течение 1996 г. шли разговоры, с различной степенью тревоги, об угрозе возрождения шариатского режима в Турции. Вместе с тем многие авторы отмечали, что провозглашённый К. Ататюрком путь Турции на Запад,

в Европу, уже несовместим ныне с ограничениями в правах человека, запретами религиозной деятельности под предлогом её политизации. Сами же исламисты активно прибегли к ссылкам на права человека как на безусловную норму европейской жизни. Распространение получили высказывания о приемлемости «мягкого ислама» в Турции, идея которого якобы поддерживается США и предназначена для применения не только в Турции, но и в других странах мусульманского мира, включая государства Центральной Азии³⁶.

Оценивая позиции двух ведущих светских партий в отношении Партии благополучия (ПБ) в пред- и послевыборный период, можно заключить, что они определяются не столько стремлением защитить светские принципы от угрозы шариатского режима, сколько желанием всячески ослабить позиции Рефах как опасного политического конкурента.

Но очевидно, что не только религиозные мотивы побудили пятую часть турецкого электората проголосовать за Рефах. Своим успехом её лидеры обязаны прежде всего лозунгам социальной справедливости, защиты «униженных и оскорблённых». Беднейшие слои общества оказались забытыми и Партией верного пути, и Партией Отечества, погрязшими, как утверждали их политические противники, в коррупции, в бесплодных спорах между собою, в связях с мафиозными группами, в бесконечном вооружённом конфликте в Курдистане. Турецкие социологи приводили такие свидетельства условий жизни наиболее бедной части населения страны: общая доля семей, находившихся за чертой бедности, в 1994 г. достигала 48%, в том числе 23% семей представляли самую обездоленную группу населения. Обозреватель газеты «Дюнья» М. Мелен после выборов писал: «Шумиха политической борьбы не приносила никакой пользы, лишь порождала инфляцию и воровство. Все это видит народ и приходит к выводу, что не осталось никаких надежд, кроме мечети».

Партии Рефах не сразу удалось реализовать свой успех на выборах, поскольку конфликт между армией и ПБ принял острую форму и стал предметом широкого обсуждения в СМИ. Возникшая было светская коалиция Йылмаз–Чиллер просуществовала недолго, правда при ней военным удалось подписать соглашение о военном сотрудничестве с Израилем. Это произошло 23 февраля в Тель-Авиве в обстановке секретности. Турецкую сторону

представлял заместитель начальника Генштаба Турции Чевик Бир, израильскую – руководители Министерства обороны Израиля. Оно предусматривало впервые в истории отношений двух стран взаимодействие вооружённых сил двух государств в реализации программ совместного военного обучения, проведения маневров, электронной приграничной разведки и т. п.³⁷ Об этом турецко-израильском сближении известный турецкий журналист Биранд писал, что оно для Турции означает ухудшение отношений с арабскими странами, включая и Египет. Поэтому потери должны быть компенсированы такими приобретениями, как нейтрализация ПКК, получение доступа к израильскому рынку вооружений³⁸.

Межпартийная и личная вражда между двумя светскими партиями не была преодолена, коалиция в июле 1996 г. распалась. Только после этого Н. Эрбакан сумел договориться с Т. Чиллер о новой коалиции, соглашение между ПВП и ПБ предусматривало периодическую смену на посту премьера лидера одной партии лидером другой. Первым возглавил коалиционное правительство Эрбакан, предложивший в рамках начавшейся 7-й пятилетки (1996–2000 гг.) программу оздоровления экономики через систему последовательно предлагаемых «пакетов по выявлению источников капиталовложений». К началу 1997 г. власти предложили уже четыре таких пакета, все они предусматривали в качестве главного инструмента оздоровления экономики ускорение приватизации, широкое вовлечение в этот процесс государственных земельных участков, зданий, принадлежащих ГЭО.

По итогам 1996 г. экономический рост в стране составил 8%, уровень инфляции – 80%. Внешний долг за период 1990–1996 гг. возрос с 49 млрд. долл. до 76 млрд. долл., что составило 40% национального дохода. Внешнеторговый дефицит к концу 1996 г. достиг 20 млрд. долл. Наиболее уязвимой отраслью экономики оставалась энергетика, зависящая от импорта энергоносителей, прежде всего сырой нефти и нефтепродуктов, природного газа. Новая власть подсчитала, что в 1997 г. возможен экономический рост на уровне 8%, снижение инфляции с 85 до 60%³⁹. Что касается внешней политики коалиции Н. Эрбакан – Т. Чиллер, то успех Н. Эрбакана в меджлисе способствовал улучшению отношений Турции не только с мусульманскими государствами, представленными Саудовской Аравией, но и с шиитским Ираном. Несомненно, в такой благоприятной обстановке турецкие исламисты

постарались расширить своё участие в культуртрегерской деятельности как в самой Турции, так и в Центральной Азии, Закавказье и в тюркоязычных регионах России. Для этой светско-исламистской коалиции было особенно важно и характерно то, что находившийся на посту премьера Эрбакан попытался реализовать и некоторые положения партийной концепции Милли гёрюш, проявлявшиеся во всё более открытых и настойчивых призывах к шариату, организацией шумных митингов в его поддержку, тайными встречами исламистов.

Основные контрмеры военных и в целом светской элиты во власти вошли в историю страны как «меры 28 февраля» – настойчивые рекомендации властям, принятые на заседании Совета национальной безопасности 28 февраля, о необходимости запрета Рефах как угрозы светскому режиму, отстранения её от власти. В результате обострившегося в июне 1997 г. острого политического кризиса правительство Эрбакана – Чиллер вынуждено было уйти в отставку. 12 июля меджлис утвердил состав очередного, уже светского коалиционного правительства.

Вновь основная публичная активность сторонников Эрбакана переместилась в Германию, где в это время турецкую мусульманскую общину официально представляли три ассоциации: Милли гёрюш (Национальный взгляд), Исламский культурный центр и государственное Управление по делам религии своим отделением.

Проживающий в Германии публицист турецкого происхождения пишет: «почти все религиозные учреждения в Германии созданы турками... и в будущем в Германии динамизм мусульманству будут придавать именно турки». Он особо отмечает, если ранее немецкий народ сохранял романтическое и толерантное отношение к исламу, то сегодня всё изменилось. Одна из причин, возможно, главная – отсутствие достаточной информации об этой религии и об обязанностях ислама. «Другой фактор – враждебное отношение некоторых мусульманских групп по отношению к германскому обществу. Любой хозяин дома не сможет долго терпеть, когда его гость постоянно его поносит. К сожалению, такое имеет место. Например, если некоторые мусульманские организации во время демонстраций в своих листовках и на плакатах открыто объявляют немецкому народу гражданскую войну, такие действия не вызывают радости. Правда состоит и в том ещё, что

многие германские рабочие в условиях критической ситуации на внутреннем рынке видят в турецких рабочих своих конкурентов»⁴⁰.

По данным германской полиции по 1993 г., активных сторонников курдской ПКК насчитывалось 5 тыс. Что касается турецких националистов, их, включая «серых волков» – было 6,7 тыс., крайне левых – 5 тыс., 17 тыс. – различные турецкие мусульманские группы⁴¹.

Турецкие источники приводят многочисленные названия турецких и смешанных предпринимательских союзов, обществ в Германии, подчёркивают большую значимость для экономики Германии предприятий, принадлежащих туркам. По одним данным, в Германии 60 тыс. турок-предпринимателей обеспечивают работой 350 тыс. немецких рабочих. По другим данным, например, председателя Турецко-германского общества предпринимателей А. Седата Башбуга, турки дают работу в Германии 240 тыс. человек, инвестиции турецких бизнесменов в Германии достигают 50 млрд. марок. Основные отрасли их активности – питание, строительство, услуги, образование, текстильное производство, оконные и дверные работы, туризм⁴². Турецкими СМИ особенно подчёркивается, что, переселившись в Германию в статусе неквалифицированных рабочих, сегодня турки стали во многих сферах бизнеса работодателями, владеют и мелкими, и средними, и крупными предприятиями. Германия для многих турок – источник благосостояния и спокойствия⁴³. Что касается тех, кто владеет умами турецких мигрантов в Европе, они активны более всего в ассоциациях различной политической ориентации, обществах при мечетях, национальных «очагах» «идеалистов» и «серых волков», студенческих обществах и группах в крупных городах либо при университетах и т. п.⁴⁴

В своей книге «Шариат и Рефах» немецкий турок-журналист Метин Гюр напоминает: когда представители турецких властей в конце 1960-х – начале 1970-х годов стали открывать в крупнейших городах ФРГ свои первые бюро по труду, там имелось всего три мечети. Сегодня, пишет автор, в «каждом уголке Германии есть общества, владеющие мечетями, есть месджиты, целые обители, принадлежащие различным исламским течениям, действующим в самой Турции. Приобретаются земельные участки, на которых сооружаются дорогие мечети; складские помещения, фабричные корпуса обанкротившихся фирм реставрируются и также

становятся мечетями. Расходы на эти цели достигают сотен миллионов марок». По состоянию на 1996 год в одной Германии насчитывалось более двух тысяч общин со своими мечетями, они принадлежат различным турецким исламским организациям⁴⁵.

На 10-й сессии Генерального Совета МГ в 1994 г. в бельгийском Антверпене были приведены сведения о широкомасштабной деятельности организации в Европе. В её подчинении насчитывалось 15 региональных организаций в Германии, 18 региональных организаций в 15 других странах Европы, двух странах Америки, в трёх странах Азии и одной – в Австралии. Численность общин и мечетей возросла лишь за один 1994 г. с 487 до 539, число членов по местным отделениям – на 8 тыс. и достигло 38 128 человек. Всего же численность этой религиозной турецкой общины в Европе составила 127 830 человек⁴⁶. В это же время МГ была упомянута как инициатор налаживания, при содействии «мусульманских братьев», религиозной подготовки сотен турецких «боевиков шариата» в каирском исламском университете Аль-Азгар⁴⁷.

Получаемые от этих фирм и мечетей деньги поступали в Турцию, в Боснию и другие места, этим ведал племянник Эрбакана – Мехмет Сабри Эрбакан. В его руках находится также и бизнес – продуктовые фирмы имеют торговые пункты в 480 мечетях. Каждый из таких магазинов имеет оборот за день 20–30 тыс. долларов, налоги с которых не взимаются⁴⁸. Не менее любопытную информацию о размахе деятельности Милли гёрюш в Европе привела «Джумхуриет»: лагеря и школы в 252 городах Европы, главным образом в Германии, в них преподаётся шариат 14 тысячам учащихся. В некоторых преподавательских центрах, изучающих Коран и политический ислам, уроки давали депутаты ВНСТ от Фазилет. 126 школ ведут занятия в 29 крупных германских городах – Кёльне, Гамбурге, Мюнхене, Штуттгарте, Берлине и др. Центр в Брауншвейге – крупнейшее представительство в Германии от МГ. Один из преподавателей на летних курсах сообщил автору публикуемого материала, что наряду с уроками религии здесь преподаётся и политический ислам: «С того момента, как возникло течение МГ, проповедуемый им ислам подлинным исламом не является. Они эксплуатируют чувства людей, гребут деньги из их карманов, манипулируют детскими мозгами, говорят о религии, а сеют неверие; молятся на Эрбакана, говорят

о мире, а готовят детей воевать; относятся недоброжелательно к тем, кто не думает так, как они»⁴⁹.

Главная сфера интересов другой влиятельной общины – Фетхуллага Гюлена – не Западная Европа, а Евразия, Закавказье, государства Центральной Азии, Российская Федерация. Очевидным свидетельством деятельности этой общины в Западной Европе стала газета «Заман», входящая в издательский конгломерат Гюлена. Её европейский выпуск «Аврупа-Заман» издавался во Франкфурте с 1990 г. на 20 страницах, тиражом 13 тыс. экземпляров, распространялся в Германии, Голландии, Франции, Бельгии, Дании и Швейцарии. С 1998 г. газета печатается уже в собственной типографии⁵⁰.

Выходит «Заман» и в США, в Нью-Йорке с 1994 г. как еженедельник «Заман-Америка» с тиражом около 3 тыс. экземпляров, распространяется и среди канадских турок⁵¹.

Сведения о деятельности сторонников Гюлена в США весьма скупы. Выше мы уже упоминали о том, что этот лидер влиятельного сообщества нурджистов предпочитает скрываться от судебного преследования властей в США и там же лечиться⁵².

По мнению Метина Гюра, причиной «безостановочного расширения числа мечетей» (в Европе) является убеждённость в том, что «шариат должен господствовать над миром». Он приводит слова одного из германских исламистов: «То, что не сумели сделать в XVII веке турецкие войска под Веной и Нюрнбергом, успешно проделали простые люди, отправившись из Анатолии зарабатывать свой хлеб. Повсюду, где появляется мусульманин с Кораном, он одерживает победу. Поэтому возвратиться в Анатолию – значит вновь исламу отступить от западного мира»⁵³.

Исследователи проблемы турецкой эмиграции в Западную Европу Фарук Шен и Седеф Корай затрагивают деликатную тему о пределах цивилизационного компромисса двух разных культур-исламской и христианской. Они признавали в 1993 г., что «турецкая, в известном смысле исламская культура сегодня заявляет о себе в Европе во всех сферах. Там имеются турецкие газеты, каналы ТВ на турецком языке, центры по образованию, исламские школы, спортивные общества, турецкие магазины и предприятия, политические организации». Эти авторы признают, что наибольшего влияния добились исламские организации⁵⁴.

В ряде стран Европы турецкие мечети оказываются под подозрением полиции. В Голландии в ноябре 2000 г. была проведена операция «молния», в её рамках в различных городах страны производились обыски в домах, были задержаны 23 человека, большинство – турки. Было обнаружено оружие, ручные гранаты, наркотики и большие суммы денег. Полиция заявила, что задержанные подозреваются в наркоторговле, сборе хараджа и похищении людей⁵⁵.

Активно в своей европейской деятельности и Управление по делам религии при правительстве Турции. Оно построило в странах Западной Европы 1200 «своих» мечетей, на организованных им курсах Корана и религиозных знаний учатся 55 тысяч турецких детей. Общества, контролируемые этим управлением, организуют обучение кройки и шитью, компьютерным знаниям, иностранным и турецкому языкам и другим дисциплинам. Их представители навещают больницы, тюрьмы, нуждающихся в уходе на дому, оказывают турецким гражданам, оказавшимся в трудном положении, моральную и психологическую помощь, все виды похоронных услуг⁵⁶.

Основные проблемы внутренней и внешней политики страны к началу XXI века

Премьер-министром нового коалиционного правительства, созданного после неудачной исламо-светской коалиции, стал лидер Партии Отечества М. Йылмаз, пост заместителя премьер-министра занял Б. Эджевит. В феврале 1998 г. Конституционным судом было принято решение о закрытии партии Рефах, фактическое лишение Эрбакана, призывавшего «к режиму, основанному на религии», и его ближайших сподвижников прав на политическую деятельность. После этого последовало немедленное возникновение на месте партии Рефах её замены – партии Фазилет, которую возглавил давний сподвижник Эрбакана Реджай Кутан, заявив при этом, что духовное руководство партией остается у Эрбакана.

Продолжившийся затем нажим военных на правительство сопровождался многочисленными комментариями светских СМИ по поводу того, что решения 28 февраля «не выполняются», что сторонники шариата создали и сохраняют собственные партии,

вакуфы, школы, холдинги и убеждены, что смогут разрушить республику, ориентированную на светскость и демократию. Якуб Кепенек писал, например, что политический ислам все более множится, дробится внутри себя – от мягких вариантов до крайней жестокости, от скрытого арабского до открытого турецкого национализма. «Он не в состоянии по своей сути открыть перед обществом новые перспективы, комплексную экономическую, социальную, политическую и культурную программу XXI века». Кепенек утверждал вместе с тем, что «политический ислам с каждым днем все стремительнее берёт в свои руки управление обществом. При открытой поддержке правительственных чиновников государственные структуры передаются шариатским кадрам. ...Это происходит повсюду – от образования до безопасности, от здравоохранения до постов вали и каймакамов. В последнее время стало очевидным еще одно явление – духовная жизнь Турции в свое основе всё более тяготеет к исламу».

Преимница Рефах партия Фазилет не порвала связи с Эрбаканом, считая его своим духовным лидером. Власти, сосредоточившись на мерах судебного преследования уже кадров Фазилет, среди различных превентивных мер в конце сентября 1998 г. добились осуждения на 10 месяцев тюремного заключения одного из наиболее активных деятелей новой партии, бывшего члена Рефах Реджепа Тайипа Эрдогана, с 1994 г. – председателя муниципалитета Большого Стамбула. В обвинении было указано, что в своём выступлении 6 декабря 1997 г. он нарушил статью 312 УК, которая запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности.

По итогам парламентских выборов 1999 г. исламистская партия Фазилет оказалась уже не на первом, а на третьем месте в меджлисе. Первое место по числу полученных голосов заняла Демократическая левая партия Эджевита (22,1%), второе – ПНД (17,9%) во главе с преемником Тюркеша Девлетом Бахчели, третье – Фазилет (15,4%), четвёртое – ПО (13,2%), пятое – ПВП (12%). Причины неуспеха Фазилет на этих выборах некоторые исламисты видели в том, что оставшиеся у руководства этой партии лидеры бывшей Рефах использовали поддержку верующих не для того, чтобы бороться за решение социальных нужд верующих, а чтобы ещё более упрочить своё материальное благополучие. Некоторые тарикаты и общины стали опасаться, что они

лишатся своих низовых структур. Эти лидеры, включая Эрбакана и Кутана, уклонились от поддержки предложений о вводе Т. Эрдогана в руководство партии, было очевидно, что они намерены сохранить это руководство за собой.

Фазилет оказалась последней партией, представлявшей на исходе XX в. «монополю» и легально политический ислам в стране: в июне 2001 г. по решению Конституционного суда она была также закрыта – всё по тем же причинам, по которым закрывались её предшественницы. После этого её приверженцы решили начать в наступившем XXI в. новую жизнь. Они давно уже поделили себя в парламенте на две партийные группы – «традиционалистов» и «обновителей» и теперь после запрета Фазилет и те и другие создали и официально зарегистрировали свои независимые происламские партии. Первые учредили партию Саадет («Счастье»), активно поддержанную Эрбаканом, которого весьма чтит его старый соратник Реджаи Кутан, ставший лидером этой партии. Вторые, «обновители», проанонсировали себя как сторонники «умеренного ислама», они создали Партию справедливости и развития («Адалет ве Калкынма»), избрав своим лидером частого критика Эрбакана, энергичного Р.Т. Эрдогана, будущего премьер-министра Турции. С появлением вместо одной двух исламистских партий распределение мест в парламенте на конец 1990-х годов оказалось следующим:

Таблица 4
Распределение мест в турецком парламенте

Партии	Число мест в меджлисе
Демократическая левая	131
Националистического движения	126
Отечества	86
Верного пути	80
Справедливости и развития	52
Партия счастья	48
Независимые	18
Всего	541

Источник: <http://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekili.dagilim>

С того времени Эрбакану и оставшимся в меньшинстве его приверженцам, включая Р. Кутана, так и не удалось попасть в исполнительную власть.

Отметим, что «плюрализм» в исламистском движении обозначился не теперь, а намного раньше и пестрота его со всей очевидностью проявила себя, конечно же, не в самой Турции, а в Германии. Достаточно сказать, что там свободно и долго существовала группировка Капланов – сначала отца, а потом сына. Она была даже «круче» Милли гёрюш – о беседе со старшим Капланом незадолго до того, как он был убит «неизвестными» террористами, написал турецкий демократ-публицист Угур Мумджу. «Наша цель, – заявил ему Каплан, – исламское государство; наша власть принадлежит Аллаху; наша конституция – Коран... Турция – это Мекка сегодня»⁵⁷. Эту деятельность, включая терроризм, продолжил после смерти главы сообщества его сын Метин Каплан. Так, готовились террористические акты к 75-летию Турецкой Республики, организация выступала с призывом к восстанию против властей Турции. В 1999 г. германские власти осудили его у себя за убийство в драке, заключив в тюрьму на четыре года. Они не сразу готовы были выдать его Турции, ссылаясь на то, что на родине его ждала смертная казнь. Более того, в турецких СМИ в октябре 2001 г. сообщалось, что за 2,5 года заключения Метин Каплан проявил себя образцовым заключённым и может быть освобождён уже в ноябре 2001 г. Сообщалось также, что ещё до своего ареста он подал прошение о предоставлении в Германии права убежища. Однако начавшаяся повсеместная борьба с терроризмом изменила эти решения, и Метин Каплан позже, в октябре 2004 г., был передан Турции. Турецкий суд обвинил его в подготовке террористического акта в отношении мавзолея Ата-тюрка и приговорил к пожизненному тюремному заключению⁵⁸.

Следует вновь упомянуть и продолжающую на рубеже XX–XXI вв. свою активность приверженцев нурджизма – исламистскую общину Фетхуллага Гюлена. После полутора лет прокурорского расследования сенсацией стало публичное требование начальника Генштаба генерала Кыврыкоглу на праздничном приёме 30 августа 2000 г. привлечь, наконец, к суду Ф. Гюлена за его многолетнюю антиконституционную деятельность. На следующий день прокурор суда госбезопасности Н.М. Юксель представил в этот суд обвинительное заключение на 79 страницах в отношении Ф. Гюлена. Правда, иск носил заочный характер, поскольку к этому времени обвиняемый уже полтора года находился на лечении в США.

В обвинении утверждалось, что Гюлен «при участии кадров, хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах, намеревался отвергнуть принципы Ататюрка и ликвидировать светскую республику, создать государство, опирающееся на шариат». Особо отмечена политика «безмолвного и глубокого проникновения» группы Гюлена в Турецкие Вооруженные силы. В обвинении были приведены материалы о содержании видеокассет, деятельности школ в тюркских республиках Средней Азии, внедрению в военный лицей Мальтепе, в госучреждения, в том числе в органы образования и безопасности⁵⁹. Цель создания школ за рубежом – готовить кадры администраторов для данного государства, обеспечить в будущем их симпатии к Турции, в которой к тому времени будет создано исламское государство. В заключительной части обвинения утверждалось, что за деятельность по созданию организации, имеющей целью изменение светского режима государства на религиозный, согласно первому пункту статьи 7-й Закона о борьбе с террором, Ф. Гюлен подлежит тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет⁶⁰. Первое судебное заседание по делу Ф. Гюлена состоялось 16 октября 2000 г. в Анкарском суде государственной безопасности в отсутствие ответчика, проживавшего в США. Согласно заключённым между США и Турцией правовым актам, назначенный от американской стороны прокурор 6 ноября провёл допрос Ф. Гюлена⁶¹.

Что касается итогов парламентских выборов 18 апреля 1999 г., на них явно отразился острый политический кризис, вызванный исламистами в 1997 г., возникшее в связи с этим глубокое противостояние в обществе, обнародование негативных фактов, касающихся и Рефах, и религиозных орденов, подтверждавших стремление исламистских радикалов подорвать светский режим в стране. Как признавалось в одном турецком журнале, «нашему обществу не слишком улыбалась атмосфера политической дестабилизации, угрожавшей уже самому режиму, оно уже достаточно натерпелось от всего этого»⁶². Фазилет, преемница запрещённой Рефах, утратила свое лидерство в меджлисе, получив 15,4% голосов и оказавшись на третьем месте по числу мест.

Однако и после выборов начальник Генштаба Х. Кыврыкоглу утверждал, что процесс, начатый 28 февраля 1997 г., не завершён.

Некоторые из принятых тогда важных решений не стали законами⁶³.

57-й кабинет министров Турции был сформирован 28 апреля 1999 г., в нём оказались вместе со своими лидерами представители трёх партий – Демократической левой, Партии националистического движения (ПНД) и Партии Отечества. Добившись в результате выборов 1999 г. статуса второй партии по числу полученных голосов (17,9%) – после Демократической левой партии Эджевита (22,1%), Партия националистического движения прежде всего озаботилась популяризацией в обществе своих доктрин, националистического наследства, пантуранизма. После смерти А. Тюркеша партию в качестве генерального председателя возглавил Девлет Бачели (р. 1948 г.), выпускник Анкарской академии экономических и торговых наук, доктор экономики института социальных наук университета Гази. В трёхпартийном коалиционном правительстве Эджевита он занял посты заместителя Эджевита и государственного министра. В правительстве его сторонники получили несколько важных постов – пяти госминистров – министров обороны, общественных работ, здравоохранения, транспорта и коммуникаций, сельского хозяйства, промышленности и торговли. В подражание религиозным общинам партия стала открывать в ряде городов общежития для студентов, учащихся-«идеалистов», принимались те, кто мог сказать «я – турок и я – мусульманин»⁶⁴. Последовали заявления, которые сделал, например, заместитель председателя парламентской группы ПНД Омер Изги. Он предупредил, что если ЕС в своих требованиях к Турции станет причиной раздела страны, нарушения единства государства и сплочённости родины, невозможно будет вступить в эту организацию. Заявления генерального председателя ПО и заместителя премьера М. Йылмаза о том, что условием получения финансовой помощи от ЕС является решение проблемы Юго-Востока (то есть курдской), вызвало негативную реакцию членов правительства от ПНД. Омер Изги заявил, что никогда ПНД не сможет согласиться с таким условием ЕС, «если ЕС будет указывать, что делать и что не делать, обойдёмся без них». Он также выразил недовольство требованием ЕС отменить смертную казнь Оджалану и его соратникам. «В таком случае ЕС пусть нас не принимает. Если такой ЕС разрушит единство страны, ему ПНД не протянет руки»⁶⁵. Представляя свою партию во власти,

её лидеры попытались добиться амнистии террористам-убийцам из своей партии и самому жестокому из них – Халюку Кырджи, осуждённым в результате военного переворота 1980 г. Однако их усилий на это не хватило, другие политики воспротивились таким условиям амнистии.

Новое правительство объявило приватизацию одной из приоритетных мер. Ответственный за неё в новом правительстве государственный министр Юксель Ялова попытался опровергнуть приписываемое его партии ПНД намерение остановить приватизацию. «Я не связываю своё политическое будущее с отменой приватизации, для меня будущее Турции важнее моего как политика». По утверждению министра, во второй половине 1999 г. в портфеле Управления приватизации находились акции 74-х ГЭО, готовые к продаже, причём ожидалось, что в 2000 г. удастся довести суммарные итоги приватизации до 5,3 млрд. долл., уменьшив при этом число оставшихся ГЭО с 74 до 25. Из госсектора предполагалось изъять деревообрабатывающие предприятия, чёрную металлургию, туризм, производство удобрений, текстильное производство, судостроение.

Газета «Миллиет» перечислила объекты, которые подлежали продаже с торгов или через биржу в 2000 г. – блоковая продажа 51% акций Петроль офиси, имущество нефтехимического комбината Петким в Ярымджа, деревообрабатывающий завод в Этимесуте, блоковая продажа акций на условиях инвестиций металлургического комбината Исдемир, земельные участки, принадлежащие Черноморскому медеплавильному комбинату, «народная» продажа (через фондовую биржу) акций нефтеперерабатывающего завода Тюпраш, продажа блоков акций Турецких авиалиний и стамбульского завода химудобрений, продажа «части имущества» целлюлозного комбината СЕКА и др. Перечисление всех названных объектов – свидетельство того, что все они, а также много других и «на рубеже веков» всё ещё оставались в собственности государства, хотя и были включены, некоторые уже давно, в приватизационный список. При всем этом нет сомнения, что правящая элита Турции добилась со второй половины 1980-х годов немалых успехов в реализации одного из главных условий создания в стране рыночной экономики – приватизации государственных предприятий. За истекшие годы была ликвидирована правовая и фактическая монополия государства в экономике.

Частное предпринимательство контролировало производство в текстильной и пищевой отраслях, сборку и производство автомобилей, бытовой электротехники и электроники, полиграфическую промышленность, индустрию туризма, торговлю, строительство, некоторые крупные финансовые учреждения, включая банки и различные фонды.

Вместе с тем рано было говорить о ликвидации госсектора в экономике. В экономических отчётах, планах развития, различных статистических материалах, содержащих сведения об экономике страны в конце 1990-х годов, приводятся различные данные, свидетельствующие о сохранении государством серьёзных, подчас решающих позиций в различных отраслях экономики, о влиянии ГЭО на состояние бюджета, на ценообразование, инфляционные процессы, о решающей роли государства в промышленной и социальной инфраструктуре, в развитии технологии, сельского хозяйства.

По разным причинам, и финансовым, и политическим, и военно-стратегическим, на начало XXI в. за государством оставался контроль, полный либо частичный, над энергетикой, железнодорожным, морским, воздушным, трубопроводным транспортом, портовым и аэродромным хозяйством, оборонной промышленностью, связью. Государство в значительной мере контролировало также закупки зерна, табака, чая, производство спирто-водочной продукции, сахара, поставки в агросферу техники и химудобрений, элитных семян и скота и т. д. Крупнейшими государственными банками Турции, помимо Центрального, оставались старейший в стране Сельхозбанк и Народный банк. В руках государства было немало земельных угодий, городских и сельских земельных площадей. Скромными считаются успехи частного предпринимательства в социальной сфере: здравоохранение, образование по-прежнему финансировались из госбюджета, хотя действовало уже немало частных клиник, колледжей и даже университетов. Турецкая статистика свидетельствует, что и государственные лечебные учреждения, и школы всех ступеней, и университеты оставались системообразующими в этих сферах, фактически полностью на средства государства действовали весьма немногочисленные научно-исследовательские центры и крупнейший из них – ТЮБИТАК. Турецкая экономика пока остаётся смешанной.

В самые последние годы XX в. наряду с успехами Турция проходила и фазу экономических трудностей, уже к концу 1999 г. прекратился экономический рост, наблюдавшийся с 1995 г. По своим масштабам и воздействию на жизнь общества кризис квалифицировался как шестой за всю историю республики и первый после окончания Второй мировой войны. Здесь сказались рост задолженности госсектора и, соответственно, рост процента, ограничение внутреннего спроса, падение объёма капиталовложений, политическая неопределённость в ожидании очередных парламентских выборов 1999 г., последствия катастрофических землетрясений на западе страны, сокращение туризма. Снижение роста в 1999 г. по секторам составило: в сельском хозяйстве – на 4,6 %, добывающей и обрабатывающей промышленности – на 5 %, в сфере услуг (строительство, торговля, коммуникации) – на 5,1%. В целом в 1999 г. ВВП снизился на 6,4 %. Произошло падение потребления и сокращение инвестиций, ограничение внешнего спроса. Объём внутреннего спроса уменьшился в госсекторе на 4,1%, в частном – на 19,6%. Использование промышленных мощностей снизилось с 76,5% в 1998 г. до 72,3% в 1999 г. Причём в частном секторе этот индекс составил 69,7%⁶⁶.

Как обозначились самые первые проявления кризиса во внешней торговле, можно судить по следующей динамике внешней торговли Турции:

Таблица 5
Динамика внешней торговли Турции (млрд. долл.)

Годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Импорт	29,4	23,3	35,7	43,6	48,6	45,9	40,7
Экспорт	15,3	18,1	21,6	23,2	26,3	27,0	26,6
ВСЕГО	44,8	41,4	57,3	66,8	74,9	72,9	67,3

Источник: 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, 2000, с. 97.

Пришедшее к власти после выборов 1999 г. коалиционное правительство предпринимало шаги для прекращения кризиса, но, как признавалось и на Западе, и в самой Турции, без заметного успеха. В печати отмечалось, чтобы выполнить программу стабилизации, предложенную МВФ на 2000–2002 гг., потребуется продолжение политики «затягивания поясов». СМИ сообщали, что в 2001 г. Турцию ожидает трудный год. Внутренний долг – 40 млрд. долл., внешний – 120 млрд. долл. В 2000 г. Турция по внешним долгам уплатила 10,045 млрд. долларов⁶⁷. На пресс-конферен-

ции, посвящённой политике правительства в новом 2001 г., премьер-министр Турции заявил, что основными задачами правительства остаётся экономика и социальная справедливость – страна пережила в ноябре и декабре ещё один, очень тяжёлый экономический кризис. Благодаря срочной финансовой помощи МВФ в 10 млрд. долл. он, как считается, ликвидирован, правительство было намерено заняться поисками наиболее эффективного использования этой помощи, ускорить приватизацию, чтобы получить дополнительные средства в бюджет⁶⁸. Вместе с тем орган Торговой палаты Стамбула предрекал воздействие в 2001 г. банковского кризиса на реальный сектор экономики, на рост цен. По мнению автора одного экономического прогноза, «особые меры необходимы прежде всего для поощрения туризма, поскольку для Турции в её нынешнем положении этот источник валюты наиболее важен и доступен для его активизации, именно он может поощрить рост занятости и доходов». Автор рекомендует срочно расширить экспорт в Россию и Китай и даже в Ирак, Иран и Сирию. «Турции следует перестать считать, что невозможно установить торговые связи с ближним окружением. Даже в нынешней ситуации Турция свой экспорт товаров и услуг в Ирак, Иран, Сирию и Россию может в короткие сроки поднять до 15 млрд. долларов»⁶⁹. Кризисные явления продолжали сотрясать турецкую экономику и в начале 2001 г. В турецкой печати даже поставлена под вопрос возможность сохранить с таким трудом приобретенный статус региональной державы. Обозреватель «Миллиет» в начале нового года вопрошал: «Почему мы плетёмся в хвосте?» и называл причины: политическая нестабильность, экономическая нестабильность, коррупция. «Если наше мышление не изменится, Турция будет обречена на нищету, окажется второсортной страной Ближнего Востока»⁷⁰. Оценивая динамику экономического развития за последние 50 лет, проф. Эрдоган Алкин подсчитал, что турецкая экономика росла ежегодно в среднем на 5% и такой прирост можно было бы считать заметным, даже успешным, если бы стартовая позиция не была столь слабой. Поэтому «следует изменить всю систему обучения, поспевать за развитием технологии, ограничить возможности государственного контроля над экономикой»⁷¹.

Обозреватель Метин Мюнир констатировал в журнале «Актюэль»: «Кризис в Турции постоянен, нормальное состояние – ис-

ключение». Он напоминает, что инфляцию намеревались с 2000 г. снижать, об этом было сказано в согласованной с МВФ в конце 1999 г. трёхлетней (2000–2002 гг.) программе экономической стабилизации. Однако в 2000 г. снижение так и не было обеспечено до уровня 25%, как намечалось, инфляция составила 35%, когда же через 14 месяцев после начала выполнения программы курс лиры был выпущен в свободное плавание, пределы его колебаний стали буквально безграничны, произошла девальвация⁷². Кризис охватил и социальную сферу, в Турции были отмечены случаи массовых демонстраций протеста населения против нищеты и коррупции, чего уже давно не наблюдалось. Многотысячные демонстрации протеста против политики правительства прошли в Стамбуле, в Бурсе протестовали тысячи мелких торговцев⁷³. Лидеры коалиции заявляли, что в отставку не собираются как сказал Д. Бахчели, думать в условиях кризиса об уходе из правительства, значит «предавать родину и нацию»⁷⁴.

Турция – экономический партнер и политический соперник России в Евразии

Последнее десятилетие XX в. коренным образом изменило характер российско-турецких отношений. После распада СССР их содержание качественно изменилось: Россия – уже не сверхдержава масштабов СССР, а Турция убеждает, и весьма успешно, весь мир в том, что наряду с Россией она со своим 70-миллионным населением и относительно развитой экономикой по многим показателям также крупнейшая держава евразийского региона.

Признаки такой высокой самооценки можно было увидеть в положениях ежегодного доклада председателя самой крупной организации частного сектора Союза промышленных, торговых палат и бирж Турции по итогам 1999 г. В нём, в частности, отмечалось: «Турция превратилась в региональную силу на пространстве Балкан, Ближнего Востока и Евразии, её геополитическое и геостратегическое значение во всём мире постепенно возрастает. Очевидные свидетельства этой истины – наше участие в новом форуме G-20; соглашения относительно сооружения трубопроводов для транспортировки нефти и природного газа Каспийского бассейна в Турцию и через Турцию на внешние рынки; принятие на совещании в Хельсинки без предварительных условий нашей

кандидатуры на полное членство в ЕС... Вступая в XXI век, мы сталкиваемся не только с серьёзными трудностями, но и обладаем важными преимуществами и возможностями»⁷⁵. Российско-турецкие торговые отношения в 90-е годы XX в. имели явные признаки партнёрства, хотя и приобрели свою, определяющуюся конъюнктурой, специфику. Стремительный переход России к рыночной экономике, открытие её мировому рынку сопровождались глубоким кризисом национального производства, что вызвало небывалый спрос на зарубежные потребительские товары (продукты питания и одежду) и услуги (прежде всего туристические), причём получилось так, что специфика российского спроса (оптимальное сочетание цены, качества и моды) выявила Турцию в качестве одного из главных поставщиков этой продукции. Этому способствовало и то обстоятельство, что к этому времени в системе российско-турецкой торговли был освоен опыт относительно сбалансированного товарообмена на основе модели – природный газ из России, потребительские товары – из Турции. Важно отметить, что помимо официальных посредников – торговых фирм, активную роль в удовлетворении российского спроса на турецкие товары выполняли к началу XXI в. «челноки» – мелкие «компрадоры поневоле», появившиеся в России в результате такого массового социального явления, как безработица. Обосновавшись в Стамбуле, они достаточно успешно и в немалых объёмах стали закупать на месте и поставлять в Россию турецкую потребительскую, в основном текстильную, продукцию.

До недавнего времени конкретные цифры турецко-российской торговли рассматриваемого десятилетия свидетельствовали о неизменном её росте, особенно в период 1992–1997 гг., когда увеличение турецкого экспорта в Россию по стоимости составило 366,7%, импорта – 96,9%, рост всего стоимостного объёма торговли – 177%, о чём свидетельствуют данные турецкого источника в таблице 6.

Речь идёт о стремительном росте в эти годы турецких поставок в Россию, за пятилетие 1993–1997 гг. он увеличился в 4 раза. В итоге в 1997 г. российский рынок поглотил (по официально учитываемым каналам) турецких товаров более чем на 2 млрд. долл., за короткий срок Россия стала для Турции вторым по значению экспортным рынком. Основные товары турецкого экспорта в Россию – текстиль (ткани, готовая одежда, обувь), продукты

питания, кожизделия, химические товары, бытовая техника. Напомним, что текстильная промышленность – наиболее развитая отрасль обрабатывающей промышленности страны, «локомотив» её развития на протяжении всей истории республики. Турецкая одежда, белье, ткани пользуются высоким спросом в странах Европейского сообщества. В ближайшие десять лет задача состоит в том, чтобы закрепить завоёванные позиции и, не снижая объёмов неофициальной, «челночной» торговли, реорганизовать её в обычную, с участием крупных фирм.

Таблица 6

Россия во внешней торговле Турции (1993–1998)

Год	Экспорт в Россию	Доля в экспорте Турции	Место	Импорт из России	Доля в импорте Турции	Место	Товарооборот	Доля в товарообороте	Место
	млн. долл.	(%)		млн. долл.	(%)		млн. долл.	(%)	
1993	499	3,29	8	1,542	5,24	8	2,041	4,55	6
1994	820	5,24	6	1,045	4,50	7	1,865	4,50	6
1995	1,238	5,72	4	2,082	5,83	4	3,320	5,78	4
1996	1,494	6,42	3	1,900	4,30	6	3,394	5,15	6
1997	2,049	7,87	2	2,048	4,38	6	4,097	5,63	5
1998	1,348	5,01	5	2,155	4,68	6	3,503	4,81	6

Источник: Türkiye – Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar ve çözüm önerileri. İstanbul, TÜSİAD, 1999, s. 116.

При оценке значимости челночной торговли (она не учитывается в официальной статистике) необходимо принимать во внимание, что она выполняет не только экономические, но и «важные социальные функции». Её годовой объём (по разным подсчётам) составлял от 5 до 15 млрд. долл., то есть обеспечивал «не только поступление валюты в Турцию в крупных масштабах, но также занятость тысячам небольших цехов и мастерских». С другой стороны, и в России, «благодаря челночной торговле, многие безработные граждане, зачастую с высшим образованием, накопили средства с тем, чтобы постепенно стать первыми свободными предпринимателями в этой стране»⁷⁶.

Что же касается турецкого импорта из России, его важнейшую долю составило энергосырьё, о чём свидетельствуют данные турецкой статистики по состоянию на 1998 г.

Доля России (СССР) в импорте Турцией нефти и природного газа

Сырая нефть			Природный газ		
Год	млн. долл.	%	Год	млн. долл.	%
1991	24,5	1,1	1991	312,4	63,4
1992	32,5	1,3	1992	282,7	54,9
1993	192,2	6,3	1993	350,2	59,6
1994	41,9	1,5	1994	371,6	59,1
1995	197,9	6,0	1995	522,3	51,8
1996	178,6	4,5	1996	521,0	40,6
1997	107,5	2,9	1997	637,7	59,0
1998	60,5	2,9	1998	503,6	57,0

Источник: Türkiye – Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar

Согласно данным различных источников, за все последние годы XX в. в поставках российского энергосырья в Турцию основной статьёй являлся природный газ (1999 г. – 609 млн. долл.), затем каменный уголь (165 млн. долл.) и нефтепродукты (366,5 млн. долл.). Другие крупные статьи также сырьевые, это прежде всего чёрные металлы (311 млн. долл.), химическая продукция (131 млн. долл.), семена подсолнечника, живой скот⁷⁷.

Закупки Турцией российского природного газа увеличивались заметнее всего, такая ситуация составляет фундамент долгосрочного сотрудничества в этой сфере торговых отношений. Если в 1996 г. в списке потребителей российского газа Турция находилась на 11-м месте, то в 1997 г. она передвинулась на 6-е место (6,7 млрд. м³), уступая Германии, Италии, Франции, Чехии, Словакии. В дополнение к прежнему было подписано новое российско-турецкое соглашение о расширении закупок Турцией природного газа по существующему газопроводу через Балканы, а также путём сооружения нового газопровода в Турцию через Северный Кавказ, по дну Чёрного моря. Турция при этом получает возможность продления этой газовой трассы до Израиля. О том, что «движущей силой российско-турецких отношений в определённом смысле является энергетика», заявлял в начале нового века и Исмаил Джем, тогда – министр иностранных дел Турции⁷⁸.

С 1990 по 1999 г. потребление природного газа в Турции возросло с 3,3 млрд. м³ до 12 млрд., то есть почти в 3,5 раза, причём 64% из этого количества используется для выработки электроэнергии. Как было заявлено на энергетическом конгрессе в Стам-

буле 16 ноября 2000 г., потребление природного газа в 2020 г. Достигнет 82 млрд. м³ в год. Турецкие планы в отношении природного газа не ограничиваются лишь внутренним его использованием, в XXI веке Турция видит себя *евразийским энергетическим коридором*, по которому энергетическое сырьё из стран Востока будет поступать в западные страны. Возможен и другой вариант – переработка сырья с целью поставки в Европу сжиженного природного газа (LNG). В ближайших планах газового холдинга БОТАШ – создание восточно-анатолийской системы газопроводов с выходами к Адане, Измиру. По двум соглашениям, из России предусматривались поставки 6 млрд. м³ в год и 8 млрд.⁷⁹

Соглашение между Россией и Турцией по проекту «Голубой поток» было подписано в декабре 1997 г., оно предусматривало поставки из РФ через Чёрное море ежегодно 16 млрд. м³ в течение 25 лет, начиная с 2001 г. Сроки реализации проекта отодвигались, в частности из-за того, что соглашение периодически становилось предметом политической борьбы во властной элите страны. Например, активисты Партии националистического действия упрекали некоторых политических лидеров, находившихся у власти, в том, что они предпочли российский газопровод туркменскому, который следовало бы проложить в Турцию прежде всего в рамках «особого», тюркского сотрудничества. В СМИ Турции время от времени высказывались сомнения относительно законности участия в контрактах по «Голубому потоку» некоторых подрядных турецких фирм⁸⁰.

Важной сферой российско-турецкого экономического партнёрства являлись в конце XX в. строительно-подрядные услуги турецких фирм в России. По состоянию на июль 1998 г. 138 турецких фирм работали над выполнением 533 строительных проектов общей стоимостью свыше 9 млрд. долл., причём 22 проекта стоили каждый более чем 100 млн. Долл., а 347 проектов стоили каждый свыше 10 млн. долл. В 1990–1997 гг. в России было осуществлено 42% всех зарубежных строительных подрядов Турции, Россия стала для неё рынком номер один в подрядном строительстве⁸¹.

Не менее обширной сферой сотрудничества в 1990-е годы стал российский туризм в Турцию. Очевидными преимуществами для российских туристов в Турции явились относительно невысокая стоимость туров, визовые льготы, достаточно качественное

обслуживание. Турецкие эксперты уверены, что особенностью туристов из России является их «спокойное отношение к политическим событиям», по убеждению турецких аналитиков, кризисные ситуации или угрозы террористов не производят впечатления на россиян. «Против турецкого туризма была развернута мощная контрпропаганда», несмотря на это, в 1997 г. 13,5% всех участвовавших в иностранном туризме россиян (1,048 тыс. человек) предпочли Турцию⁸².

Что касается вопросов поощрения между двумя странами инвестиций, создания смешанных компаний, в том числе банков, развития автомобильных, воздушных и морских (в сочетании с речными) перевозок и др., то в целом эти сферы сотрудничества в 1990-е годы должного развития не получили. В турецких источниках отмечалась очень ограниченная деятельность в Турции российского капитала, его суммарный объём исчисляется авторами всего в 8,5 млн. долл. Согласно же другим данным («Турецкого Вестника»), российские фирмы вложили в турецкую экономику 2,3 млн. долл. Активнее ведут себя турецкие инвесторы не только в строительстве: на турецкие капиталы и при участии «Коч Холдинг» в Москве тогда были построены 5 супермаркетов и 3 торговых центра типа «Рамстор», наладили производство своей продукции турецкие филиалы компаний «Кока Кола», «Пильзен» («Эфес Пильзен»)⁸³. Действуют несколько российско-турецких банков. Однако поиск и согласование крупных совместных промышленных проектов и в России, и в Турции – дело будущего. Обе страны предпочитают видеть своими главными партнерами в совместном бизнесе западные компании.

Августовский кризис 1998 г. в России негативно сказался на российско-турецких связях, он совпал с падением экономического роста в Турции. Стабильность экономик России и Турции на исходе XX в. была далека от идеальной, что затрудняло определение возможностей и масштабов экономического партнёрства в долгосрочном плане. Экспорт Турции в Россию в 1999 г. сократился по сравнению с 1997 г. до 587 млн. долл., то есть почти в 3,5 раза. В этот период произошло резкое снижение поставок в Россию основных экспортных товаров из Турции: тканей (со 166 млн. долл. до 57 млн.), готовой одежды (с 693 млн. долл. до 164 млн.), обуви (со 117 млн. долл. до 22 млн.). В эти же годы началось снижение челночной торговли. В 1997 г. она составила 35% от

общего объёма российско-турецкой торговли и снизилась до 5849 млн. долл., а в 1999 г. – на 40%, то есть до 2255 млн. долл.⁸⁴. Что касается перспектив импорта в Турцию российского энергетического сырья, он сохранял тенденцию роста и в 1999 г. достиг максимума – 2,372 млн. долл., увеличив дефицит турецко-российской торговли до 1,785 млн. долларов⁸⁵. Разумеется, для российской стороны целесообразно изменить структуру своего экспорта в Турцию, вернуться к тем дням, когда она строила в Турции промышленные объекты, поставляла в значительных объёмах машины и оборудование; Россия, кроме того, давно заявляет о желании продавать Турции также вооружение, высокие технологии. Но, как представляется, российские планы о поставках вооружений, например вертолётов, проваливаются: на этом рынке господствуют американские, германские, израильские фирмы. Последним свидетельством российских намерений продолжать в XX в. свои экономические усилия в отношении Турции и далее стала выставка в Стамбуле в ноябре 2000 г. – «Экспортные возможности России–2000», на которой приняли участие более 100 российских фирм и свыше 200 деловых людей из Москвы, Татарстана, Башкортостана, Северной Осетии, Санкт-Петербурга и других регионов России. Представлен был Газпром, Российское космическое агентство, объединения Камов, Минатом, Уралтрансгаз и др.⁸⁶

Кризис вызвал также сокращение притока российских туристов в Турцию, однако турецкие эксперты были уверены, что в условиях, когда эта страна оказалась «самым дешёвым центром туризма», российские туристы вновь и вновь в большом количестве будут отправляться в Турцию. Здесь уместно заметить, что постоянно высказываемую турецкой стороной уверенность в том, что благодаря дешевизне их туров терроризм никогда не испугает российских туристов и челноков поколебали события марта 2001 г., связанные с угоном чеченскими террористами в Саудовскую Аравию самолёта с российскими челноками, вылетевшего из Стамбула в Москву.

При освещении этого события СМИ Турции больше занимали действия саудовских командос во время освобождения пассажиров, единогласно осуждённые как грубые и непрофессиональные. Такая оценка близка, очевидно, к истине, о чём свидетельствует непреднамеренное убийство этими командос российской борт-

проводницы и турецкого пассажира. Однако в турецких СМИ должным образом не был обсуждён другой вопрос: как террористы оказались на борту с оружием, почему вольготно они ведут себя в Турции, ставя под угрозу жизни людей и будущее российско-турецкого сотрудничества в этой области. Одна из газет даже приводила, без всякого осуждения, заявление перед журналистами некоего Рахмана Душуева, названного ею представителем масхадовского руководства в Турции и на Ближнем Востоке. В заявлении утверждается, что «чеченская сторона осуждает терроризм в любой форме и что произошедшее – дело рук российских спецслужб, использовавших чеченцев, а Россия использует это событие, чтобы ослабить поддержку чеченцев турками». Другой чеченец, «генеральный секретарь при президенте Чечни» Халит Хюсейн утверждал, что цель России – представить миру чеченцев как террористов и ассимилировать их»⁸⁷.

После августа 1998 г. практически оказалась на время замороженной строительная деятельность турецких фирм в России. Однако, как сообщает «Турецкий Вестник», турецкие подрядчики не покинули рынок, а предпочли сократить объёмы строительства и переждать кризис⁸⁸.

Проблемы политического и идеологического соперничества двух стран

Власти Турции, многие предприниматели в 1990-е годы заявляли о намерении улучшать также и политические отношения с Россией. Как важный шаг в этом направлении было воспринято сторонниками российско-турецкого партнёрства Соглашение о совместной борьбе с терроризмом, подписанное в ноябре 1999 г. во время визита Эджевита в Москву. В подробном докладе-исследовании ТЮСИАД в 1999 г. даже была высказана убеждённая уверенность, что «несмотря на борьбу за сферы влияния, уже нет какой-либо темы, которая может негативно воздействовать на процесс развития между нами политических отношений...»⁸⁹.

Однако такая тема есть – она существовала в прошлом, реанимируется и поныне – это Турция и Кавказ. После развала СССР произошло то, что, казалось, стало историей, возникли события, напомнившие действия младотурок и англичан на Кавказе в 1918–1921 гг., намерения балканизировать Кавказ. Антироссийски

настроенным кругам в Турции и на Западе показалось, что с началом 1990-х годов вновь наступило удобное время очередного вмешательства во внутренние дела России на Северном Кавказе в регионах с тюркским, мусульманским населением.

В Турции, наряду со сторонниками расширения многосторонних партнёрских отношений с Россией, представленных также влиятельными предпринимательскими кругами, к середине 1990-х годов сформировался мощный фронт политического противостояния России в Евразии и навязывания в этом регионе третьей стороне, то есть новым государствам, странам СНГ, антироссийских, а часто антирусских настроений. Идеологическая составляющая этого фронта многообразна, она ориентирована на специфику и особенности конкретного региона. Что касается Кавказа, Центральной Азии, некоторых районов России – здесь преобладает крайний тюркизм, адресуемый не только тюркским новым государствам, но и в меньшей степени тюркам России, здесь и исламизм, здесь, наконец, и различные варианты «синтеза» тюркизма-исламизма. Нередки высказывания в духе ксенофобии, призывы к мирному выдавливанию русских из тюркских республик, замене русского языка на турецкий, английский через сеть турецких учебных заведений всех ступеней. Особенно поощряется крайний национализм и исламизм, поддерживаются чеченские боевики, которые находят приют в турецких городах. В этих целях используются СМИ, школы, бизнес, Интернет, турецкие спутники, исламистские организации Турции и республик СНГ. В интернете на множестве сайтов главная тема – пантюркизм: «Тюрки всех стран, соединяйтесь под лидерством Турции!» Носителями этой идеологии являются не только турки, но и осевшие в стране туранисты и исламисты из тюркских республик и автономий, переселенцы с Северного Кавказа.

Как и в не очень далёком прошлом, объектом «особого» внимания антироссийских кругов стали всё те же регионы, те же народы, в дело пошли захваты пассажирских самолётов, отелей, паромов и т. п. Это происходило в течение всего десятилетия. Незадолго до подписания упомянутого российско-турецкого соглашения о совместной борьбе с терроризмом газета «Известия» опубликовала материал под названием «Турецкий марш», в котором описала, как Турция втягивается в развязанную против России на Кавказе террористическую борьбу. В частности, сообща-

лось, что чеченские полевые командиры «то и дело выезжали и выезжают через Турцию в страны Ближнего и Среднего Востока, особо не скрывая свои передвижения. Именно из этой страны в Ичкерия поступали военная амуниция, медикаменты, современные средства связи, продукты питания. Помимо этого, на всём протяжении войны именно в Турции печаталась чеченская агитационная литература, а также символика независимой Ичкерии, которая нашивалась боевиками на куртки и кепки цвета хаки. Кроме того, именно в Турции поправляли свое здоровье чеченские боевики, получившие ранения в боях с федеральной армией (например, Салман Радуев)». При этом автор статьи упрекает российские власти за то, что они закрывают глаза на такую позицию Турции: «Сомнительно, что Москва не была информирована собственными спецслужбами в Анкаре о той роли, которую играет Турция в чеченской войне на стороне противника. Получается, что наша власть обо всем знала, но молчала, хотя рычагов воздействия на турецкое правительство у нее было предостаточно». Рычаги действительно эффективные, если их применить – строительные подряды на миллионы долларов, которые получили турецкие фирмы в России; потоки российских челноков, дающие работу сотням тысяч турок; десятки тысяч отдыхающих, привычно наводняющих турецкие курорты. «И если бы Россия пригрозила Турции перекрыть три этих “краника”, поставив её перед выбором: или чеченские сепаратисты, или же добрососедские экономические отношения, то выбор был бы, безусловно, не в пользу сепаратистов»⁹⁰.

Этот материал не был единственным, газеты сообщали, что в том же году в сентябре «федеральная авиация уничтожила на территории Чечни радиолокационную станцию турецкого производства» (Независимая газета, 6.10.1999), что «только в посольство Грузии в Турции, по данным российской разведки, в последние дни за грузинской визой обратились более 100 человек» (Время, 6.10.1999), что в Турции, по данным «Известий» (24.11.1999), центром «Кавказское общество» в эти дни формируется отряд добровольцев численностью до 300 человек, принимавших ранее участие в боевых действиях в Косово на стороне албанцев и т. д.

Помогло ли соглашение о борьбе с терроризмом? Увы, после некоторой паузы, спустя год, появились новые сообщения, говорившие не о свёртывании «кавказского проекта», а его «диверси-

фикации» и распространении на весь Северный Кавказ. Например, информация из Ставрополя свидетельствовала: «Пятеро граждан Турции задержаны Управлением ФСБ по Ставропольскому краю и выдворены за пределы России за шпионаж. Все они оказались агентами национальной разведывательной службы. На Северном Кавказе действовали под “крышей” турецких строительных фирм»⁹¹.

В другой информации сообщалось, что некоторые частные фирмы, общественные и религиозные организации Турции проводят активную разведывательную работу в России, одним из способов усиления влияния является создание учебных заведений с воспитанием молодёжи в духе протурецкой ориентации. Сейчас в России насчитывается более двадцати турецких лицеев, в том числе в Татарстане – десять, Башкирии – четыре, Дагестане – три, по одному – в Чувашии, Карачаево-Черкесии, Туве, Якутии и Хакасии. За антироссийскую пропаганду только из Дагестана за последнее время выдворено 14 турецких граждан, десять из которых – преподаватели местных лицеев. Еще десять – из Карачаево-Черкесии. Именно в этой республике на базе местного лицея планируется создание Турецкого фонда, который и будет координировать деятельность всех подобных учебных заведений на Северном Кавказе⁹².

Как считает в своей книге генерал Трошев, после событий 11 сентября 2001 г. в США власти Турции были вынуждены ужесточить позицию по отношению к находящимся на их территории «ичкерийским» эмиссарам и турецким общественно-политическим организациям, оказывающим финансовую и пропагандистскую помощь боевикам. Осенью-зимой 2001 г. власти Турции серьезно ограничили антироссийскую активность «Комитета кавказско-чеченской солидарности», «Организации освобождения Чечни», «Общественного фонда милосердия», фонда «Серхат» и других прочеченских организаций. В январе 2002 г. Анкара запросила у Москвы экстрадиционное досье на М. Удугова и заявила о намерении выдать его России.

Эти действия турецкой стороны, пишет Трошев, «привели к серьёзному сокращению транзита наёмников, денег и оружия через территорию Турции на Северный Кавказ и вызвали болезненную реакцию сепаратистов».

Однако они не прекратили свою деятельность, автор сообщает о существовании планов «политического и силового давления на турецкое руководство, разрабатываемых бандглаварями с целью заставить Анкару смягчить свою позицию по отношению к сепаратистам». С конца декабря 2001 г. А. Масхадов через находящихся в Грузии пособников НВФ Хизира Алхазурова и Увайса Ахмадова активно контактирует с организациями «Серые волки», «Исламская партия благоденствия» и «Партия великого единства»⁹³.

Стабильность политических отношений России с Турцией на протяжении многих лет зависит также и от состояния проблемы проливов Босфор и Дарданеллы. Подписанная в 1936 г. Конвенция о режиме Проливов в целом позволяла и России, и Турции соблюдать баланс интересов, за исключением тех редких случаев, когда возникали проблемы с правилами прохода военных кораблей. Но в 1990-е годы между двумя странами проблемой оказалась и тема свободного, как это было раньше, прохода через Проливы российских торговых судов. Турецкая сторона сочла трудности России, вызванные распадом СССР, удобным временем для ограничения, вопреки положениям упомянутой конвенции, прохода через Босфор и Дарданеллы крупнотоннажных судов, танкеров. В 1994 г. турецкие власти опубликовали соответствующую инструкцию об изменённом, ограничительном порядке мореходства через Проливы под предлогом их экологической защиты. Было очевидно, что ограничения увязываются с планируемым сооружением нефтепровода Баку–Джейхан, который должен был составить конкуренцию нефтепроводу Баку–Новороссийск, а в дальнейшем вообще ограничить транспортировку нефти из Новороссийска через Проливы в Средиземное море.

Как нам представляется, такими односторонними действиями Турция исказила дух первого абзаца ст. 24-й конвенции Монтрё 1936 г., определяющего переход к турецкому правительству функций международной комиссии, образованной в соответствии с Лозаннскими соглашениями 1923 г. Комиссия была уполномочена защищать интересы других стран, пользующихся международными водами Проливов, и передача этих защитительных полномочий турецкой стороне не означала отказ от их исполнения во имя реализации Турцией собственных интересов, не означала ликвидацию международного статуса вод Проливов. Эти действия были опротестованы российской стороной, после продол-

жительных дискуссий турецкая сторона вынуждена была пойти на частичную отмену введённых ограничений. Это было сделано также с учётом изменившихся в лучшую сторону условий торгового сотрудничества.

6 ноября 1998 г. вошла в силу новая турецкая инструкция о порядке мореходства в турецких проливах. Её содержание, считают авторы доклада ТЮСИАД, «коренным образом отличается от Инструкции 1994 г. и прежде всего тем, что в юридическом смысле он основан на международном праве». По их мнению, новая инструкция свидетельствует, что Турция «отказалась от намерения использовать Проливы как козырь, главной задачей для себя она считает обеспечение безопасности Проливов и прохода судов. Вместе с тем невозможно утверждать, что борьба вокруг режима Проливов закончилась»⁹⁴.

Послесловие

Начало нового, двадцать первого столетия ознаменовалось заметным сюрпризом в политической жизни страны: впервые в республиканской истории к власти по итогам выборов 2002 г. пришла происламистская Партия справедливости и развития, заявившая о себе как о партии умеренного ислама. Доля поданных за неё голосов (34,2%) обеспечили ей возможность создать однопартийное правительство. Все партии прежнего состава парламента оказались вне его. Единственной партией новой парламентской оппозиции оказалась сумевшая преодолеть 10%-ный барьер Народно-республиканская партия (НРП), набравшая 19,3% голосов; до этого она даже не была представлена в меджлисе. Многие люди в Турции и в других странах задались вопросом: оставит ли партия с глубокими исламистскими корнями в неприкосновенности один из фундаментальных принципов существования Турецкой Республики, каким является со времен Кемаля Ататюрка принцип светского государства (лаицизм). Этот вопрос остаётся пока актуальным.

Подводя итоги развития Турции в XX в., мы убеждаемся в главном – после развала Османской империи, лишившейся главного ориентира своего развития – бесконечных завоеваний – политическая элита Турции нашла в себе силы отстоять на новых основах свою государственность и независимость. При этом османская эклектическая европеизация XIX в. сменилась республиканской модернизацией, а новая идеология, основанная на принципах светскости и национализма, сменила прежнюю с её остатками газавата, османизма и шариата. Провозглашенная Кемалем Ататюрком и его сподвижниками грандиозная историческая задача – подлинная модернизация всех сторон жизни турецкого общества, генерируемая импульсами догоняющего развития, реализована менее чем за столетие. Особенно первые, поистине революционные и самые трудные шаги в этом направлении обеспечили создание основ светского государства, национальной промышленности и в целом национальной экономики. Это время было наполнено не только успехами в секуляризации общества и его духовных ценностей, но и неудачами, вызванными, на наш взгляд, крайностями национализма, переходящего в пантюркизм.

В работе автор стремился оценить основные этапы всестороннего развития республиканского турецкого государства, прежде всего его действия в сферах и внутренней, и внешней политики. При оценке внешнеполитических аспектов по возможности должное внимание было уделено отношениям Турции с СССР и после его распада – Российской Федерацией. Стержнем этих отношений были и остаются не столько экономика, сколько политика и идеология. Помимо такой давней жизненно важной для России темы Проливов, автор стремился привлечь внимание читателя и к другой, ставшей с 1990-х годов самой важной – Турция и Северный Кавказ, Турция и российские турки, Турция и российские мусульмане.

В экономической истории республики наиболее важными, на взгляд автора, этапами были те, которые реформировали экономику страны для создания чрезвычайных условий догоняющего раз-

вития. Этатистские реформы 1930-х годов позволили государству создать первые крупные промышленные предприятия. Реформы Т. Озала 1980-х годов, уже в русле нынешнего догоняющего развития страны, подорвали ещё недавно жизненно необходимые и, казалось, уже незыблемые основы государственного господства в экономике, открыли её всему миру. Проводимая ныне приватизация ликвидировала уже немало госмонополий в промышленном производстве, инфраструктуре и кредитно-банковской сфере, способствовала дальнейшим успехам частного предпринимательства во внутренней и внешней торговле и строительстве. В то же время частная инициатива ещё не стала заменой государства в тяжёлой индустрии, промышленной и социальной инфраструктуре, оборонной промышленности, развитии технологии.

К началу XXI в. страна превратилась в одну из крупнейших региональных индустриально-аграрных держав Евразии, сумевшей в то же время увеличить своё население с 14 до 70 млн. человек, причём её ВВП на душу населения в последние годы колеблется вокруг 3 тыс. долл. Турция все успешнее выполняет роль экономического, торгового и транспортного моста между Европой и Азией. Турция давно претендует на место в ЕС, и препятствием к этому являются недостатки не столько в модернизации экономики, сколько в демократизации отношений между государством и обществом. Мировоззрение значительной части турецкой интеллектуальной элиты несвободно от крайностей национализма и исламизма, что несовместимо с подлинной модернизацией страны. Национализм помог турецкой элите поставить на место Запад почти восемьдесят лет тому назад, обеспечить независимость стране. Но не в национальных интересах страны сохранять его в воинственном виде, использовать уже не как средство национального спасения, а как агрессивную идеологию в условиях, когда холодная война давно закончилась.

В духовной жизни влиятельных слоёв турецкого общества конца 1990-х годов сохранялась приверженность к крайностям политического ислама, конечной целью которого является замена на шариатский режим нынешних правовых основ светского государства в Турции.

Введение

¹ Приводимые данные частично взяты из официального турецкого издания на русском языке. Турция 2003. Анкара, 2003.

Написание в данной работе турецких имён и фамилий государственных деятелей, султанов и др. приводится также в соответствии с написанием, используемым в указанной турецкой публикации.

² *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Том I. М., 1960, с. 8–50.

В турецких учебниках истории основной причиной расселения здесь тюрков указывается обезлюдение востока и центра полуострова из-за постоянных войн, которые «лишали гражданское население Анатолии безопасности и жизни и имущества». Признается вместе с тем и «экономическая привлекательность», «особенности климата», «обилие растительности» и другие причины, которые побуждали овладеть Анатолией».

После указанного сражения «сотни тысяч тюрков-огузов пришли в Восточную, Центральную и даже Западную Анатолию, разместившись на землях, покинутых византийцами». Авторы цитируемого учебника добавляют высказывание анонимного западного автора по указанному поводу: «Из-за могущества тюрков византийцы покинули все свои города и крепости на востоке. Тюрки прибывали сюда со всего мира, словно им устроили свидание в этой стране». *Turan Refik, Nerin Ergezer.* Genel Türk Tarihi. 3. Ankara, 1995, с. 25, 26.

Не все историки в Турции готовы признать решающую роль туркмен-огузов в описываемых переселениях, как и в битве 1071 г. Они считают, что тюрки были здесь и раньше. Значительное тюркское население проживало в Анатолии до Малазгиртской битвы, для первых тюрков Анатолии используется термин прототюрки. «Мы всегда были в Анатолии... Возможно, прародителями нашими были шумеры...» *Diplomatik gozlem gazetesi. Dün dün kalmadı. Okunma Sayısı: 10.* www.diplomatikgozlem.com/index.

О тюркской экспансии в этом регионе еще до Сасанидов, до арабского вторжения пишет российский востоковед С.М. Алиев. Что касается позднейшего движения тюрков «на иранскую и соседние с ней территории (в частности, в Анатолию, Египет, Сирию, Кавказ)», она уже проходила «под флагом воинствующего ислама». *Алиев С.М.* История Ирана. XX век. М., 2004, с. 22.

Для современных турецких националистов битва при Манцикерте является одним из первых символов победоносного продвижения тюрков

на Запад, и поныне они прославляют эту победу в стихах, отмечают ежегодно как праздник.

³ «Наряду с территориями для кочевания племени (так называемыми уджами), которые по традиции правители предпочитали предоставлять племенам в пограничных районах государства, сельджукская кочевая знать получала в собственное распоряжение икта, то есть земли, с которых могла собирать подати в свою пользу». Таким образом, эта знать приобщалась к эксплуатации местного земледельческого населения. Государство считалось собственником всей земли, а потому сохраняло определенную степень контроля за теми социальными отношениями, которые развивались в икта и уджах; налоговая практика, существовавшая в государстве, была унаследована от Византии. Часть бывших кочевников начала заниматься земледелием и переходить на оседлость, создавались вакфы, однако количество их пока было незначительным. Турецкая Республика. М., 2000, с. 46–47.

⁴ *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 4. İstanbul, 1983, с. 2029; Cilt 8, с. 4320.

⁵ *Osmanlı*. Cilt I. Ankara, 1999, с. 37.

⁶ *Osmanlı*. Cilt I, с. 29.

⁷ *Kara M. Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler*. İstanbul, 1980, с. 147, 148.

Первый суннитский орден в тюркском мире после принятия ислама, Есевийе, был туркестанского происхождения. Его основатель Ахмед Есеви (?–1166) некоторое время занимал «пост шейха в Бухаре». *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt I. İstanbul, 1983, с. 145.

Как пишет современный автор, Авни Озгюгель, своими двумя течениями – Накши и Бекташи основанный Есеви орден некоторое время спустя проник в Анатолию, конкурируя с возникшим в Конье орденом Мевлеви во главе с Джеляледдином Руми (1207–1273), который ориентировался на иранских тюрок, и его известное произведение Месневи было на персидском языке. В этом состязании победил орден Бекташи, с XIII в. этот орден быстро расширялся и в нём в конце концов добились преобладания сторонники анатолийского клана. *Radikal*, 14.12.2003.

⁸ *Kara M. Din, hayat, sanat...*, с. 202.

⁹ *Гордлевский В.А. Избранные сочинения*, с. 143.

¹⁰ Первоначально янычарское войско комплектовалось путем отбора детей у покоренных христиан и воспитанных затем «в исламском духе, в слепом, беспрекословном служении падишаху». Во время сражения они были там, где располагался падишах. Их пиром – святым покровителем – считался Хаджи Бекташ Вели, янычары имели своё знамя и музыку. *Yurt Ansiklopedisi*. Cilt XI, с. 8106; *Bozdemir M. Türk Ordusunun tarihsel kaynakları*. Ankara, 1982, с. 53.

Янычары представляли собой профессиональное постоянное войско, получавшее жалованье, расквартированное в казармах, лишённое каких бы то ни было хозяйственных или семейных забот. *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции. М., 1948, с. 17.

У османов почти не было никого, включая султанов, кто не принадлежал к какому-либо ордену. Это продолжалось до последних лет империи. «По всем углам от Дуная и до Басры действовали текке... Отправляясь в поход, на церемонии выхода османское войско в первых рядах ставило бекташей, в руках которых были двусторонние секиры, именуемые “тебер”. Однако некоторое время спустя в Стамбуле появились также Накши и Мевлеви. В конце XVIII в. в Стамбуле действовало три тысячи дервишских обителей. Все они получали от государства поддержку, используя, несомненно, и возможности вакуфов». *Radikal*, 14.12.2003.

¹¹ Проблема с избытком «кандидатов» решалась просто – в младенческом возрасте у султанских наложниц мальчики умирали подозрительно часто, не говоря уж о девочках. Как пишет Джон Фрили, порядок наследования в империи «был предметом раздоров внутри династии» и выходом из положения оказалась якобы ссылка на строки Корана, такие, например, как «казнь принца предпочтительнее потери провинции» или «лучше смерть, чем дурные предчувствия». Даже намного позже, в самом конце XVIII в., из 26 детей султана Абдулгамиды (в том числе 13 мальчиков) выжило лишь два сына и три дочери, причём оба сына впоследствии были султанами (Мустафа IV и Махмуд). *Фрили Дж.* Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004, с. 17, 240.

¹² Как считает российский историк, «европейцы-крестоносцы... захватили Константинополь и разграбили его так, что город никогда не смог подняться до прежнего уровня». Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 25.

Подробный рассказ о захвате турками Константинополя см.: *Петросян Ю. А.* Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990, с. 40–52.

Христианские государства Западной Европы так и не решились оказать действительную помощь византийцам.

«В чём же коренились причины столь стремительных успехов турецкого оружия? Большую роль, конечно, играли противоречия между государствами средневековой Европы и тот глубокий процесс разложения, который ещё за несколько столетий до турецкого завоевания охватил Византию. По существу, Византия как государство прекратила самостоятельное существование уже в XIV веке – после неудачного восстания фессалоникийских плебеев, руководимых партией зилотов (1342), и после завоеваний Мурада и Баязита. Что же касается балканских стран, то здесь турецкие захваты облегчались той ненавистью, с ко-

торой обездоленное крестьянство относилось к своим эксплуататорам – греческим, венгерским и польским магнатам-крепостникам. В первое время балканское население даже считало турок, о которых знало лишь понаслышке, своими избавителями. Идеализация турок доходила до такой степени, что в XV–XVI веках в Центральной Европе среди городского немецкого населения распространялась нелегальная литература, изображавшая турок как борцов за интересы бедноты против богачей.

Но самой важной причиной быстрого распространения турецких завоеваний было несомненное преимущество турецкого молодого феодального строя над дряхлым византийским феодализмом». *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции. М., 1948, с. 14–15.

¹³ Здесь можно уловить отголоски всё той же вечной (кочевнической?) идеи о благодетельной миссии для Европы османского завоевания и связь её с мифом о золотом яблоке несомненна. В толковом словаре турецкого языка (*Türkçe Sözlük. 2. K-Z. Ankara, Türk Dil Kurumu, 1988, с. 868*) приводятся два значения понятия Красного яблока: 1. Символическое название Рима и Вены; 2. Мечта о создании великой империи, которая объединит всех тюрок на земле. См. также ст. *Фодора П.* в сб.: Османская Империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.

Любопытно отметить, что такие события, как взятие Константинополя, захват османами стран Европы, своеобразно оценивает бывший президент Турции С. Демирель, считая, что это тоже была европеизация Турции. Он уверен, что турки уже 2700 лет – европейцы. Первыми тюрками-европейцами были скифы, гунны, авары, хазары, печенег и, наконец, турки-османы. Окончательное оформление Османского государства произошло на европейской территории и оно «господствовало в Европе пять веков. Османское государство – европейское. Мы пришли на Балканы не как гости. 500 лет быть гостем невозможно. Империя привлекла на Балканы тысячи, десятки тысяч турок. С завоеванием 29 мая 1453 г. Стамбула закончился период Средних веков, началось Новое время. Завоевавшие Константинополь османы принесли в Европу очень справедливое государственное управление». *Sabah, 4.08.2002.*

¹⁴ *Osmanlı. Cilt I, с. 100; Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983, с. 54.

¹⁵ В ходу тогда был насыщенный арабскими и персидскими грамматическими и лексическими формами османский язык (османлыджа). Сельское население говорило на «территориальных диалектах». *Osmanlı. Cilt I, с. 78–79.*

При дворе расцвела персоязычная поэзия. Мода на персидское была настолько сильна, что некоторые поэты, чтобы попасть ко двору Мехмеда II, выдавали себя за прирожденных персов... Слово «турок» было синонимом слова «простолудин». *Жуков К.А.* Об этническом самосо-

знании турок в XIII–XV вв. В сб.: Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 143.

¹⁶ В османском обществе собственность на землю безоговорочно принадлежала государству. Владелец тимара являлся лишь служащим государства, его уполномоченным. С ренты, извлекаемой от имени государства, взимался налог, на который от имени же государства содержалось войско. Владелец тимара – это солдат-чиновник, представляющий государство в выделенном ему районе. *Divitçioğlu S. Asya üretim tarzi ve Osmanlı toplumu. Kırklareli, 1981, с. 52–53.*

¹⁷ «Не довольствуясь данью, – пишет В.Д. Смирнов, – которую платили кабардинцы невольниками каждому новому хану под именем “подарка”, “приходного”, или в разное время под именем “погрешного”, ханы, увлекаемые жадой еще большей наживы, делали беспрестанные набеги на бедных черкесов, придираясь ко всякому случаю и невзирая на явную покорность их». *Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Том 1. М., 2005, с. 271.*

Далее автор продолжает: «Впрочем, иногда эти набеги не дешево обходились Гераям, и некоторым они стоили даже жизни. К таким рискованным набегам, кроме личной корысти, побуждала ханов еще необходимость задаривать дорогими черкесскими невольниками и невольницами вельмож Оттоманской Порты, чтобы с их поддержкою прочнее сидеть на ханском троне. Эти расчеты, как показывает история, обыкновенно оказывались тщетными: сила обстоятельств и естественный ход вещей делали своё дело роковым образом, вопреки воле и желаниям пасынков фортуны, ханов Крымских. Случалось и так, что в критические моменты члены Герайской фамилии, даже сами ханы, искали убежища у тех самых черкесов, на которых они в другое время нападали по самым ничтожным поводам».

¹⁸ Н.А. Смирнов отмечает, что с первых же дней своего появления занялись они, прежде всего, работоторговлей. «Кавказские рабы служили не только для обогащения купцов-предпринимателей, но благодаря таможенной пошлине являлись источником государственного дохода Турции. Ведь турки и крымский хан ежегодно вывозили более 12 тысяч рабов! Турция ни в XVI в., ни в следующие века не сумела обеспечить свое полное господство на Черноморском побережье». *Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948, с. 6, 7, 9.*

¹⁹ *Saydam A. Kırım ve Kafkas Göçleri (1856–1876). Ankara, 1997, с. 26–29.*

²⁰ Правительство придавало большое значение Теркам и как центру, через который оно имело возможность следить за обстановкой на Северном Кавказе и бороться за укрепление своего влияния в этом районе. С момента основания Терки стали торговым центром, привлекавшим как русских, так и восточных купцов и жителей ближайших окрестно-

стей. Уже в первой половине XVII в. там были русские торговые ряды с лавками, а также Старый, Новый и Гилянский гостиные дворы, где останавливались приезжие купцы. В базарные дни в город привозили свои товары кабардинцы, кумыки, татары и гребенские казаки.

Ближайшая округа Терок была довольно оживлённой, у города лежали сады, огороды и виноградники, а также небольшие поливные пашни терских жителей. За ними располагались загородные усадьбы кабардинских князей и Богоявленский мужской монастырь, основанный в 70-х годах XVII в. В нескольких верстах на взморье находилась гавань, так как морские суда-бусы и даже лодки средних размеров не могли из-за мелководья и песчаных отмелей подойти ближе к городу. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982, с. 31–34.

²¹ Неудача астраханского похода положила конец каким-либо собственным османским экспансионистским намерениям в этом регионе. На протяжении почти всего следующего столетия северо-восточные границы Османской империи полностью были переданы во власть крымских ханов. Примеч. С.Ф. Орешковой в кн.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Том 1. М., 2005, с. 509.

²² *Saydam A.* Kırım ve Kafkas Göçleri..., с. 23, 30.

²³ История СССР. С древнейших времен до 1861 года. М., 1983, с. 268.

²⁴ А.С. Тверитинова пишет, что в это время «расходы на содержание армии и стамбульского двора поглощали все доходы государства, а позже значительно превышали их... Султанское правительство всё чаще прибегает к отдаче государственных земель откупщикам». *Тверитинова А.С.* Восстание Кара Языджи – Дели Хасана в Турции. М.–Л., 1946, с. 37–38.

²⁵ Начав в 1677 г. войну с Россией за Украину, воссоединившуюся в 1654 г. с Россией, Османская империя добилась первоначально некоторых успехов, турки осадили и затем разрушили крепость Чигирин на Правобережной Украине. Однако чигиринские походы серьезно подрывали наступательную силу турок, в начале 1681 г. в Бахчисарае был заключен договор о перемирии на 20 лет. Порта признавала за Россией Левобережье с Киевом, земли между Днепром и Бугом должны были остаться незаселёнными. Русским людям и казакам разрешалось плавать по Днепру до Черного моря. Но и крымские татары получили право кочевать по обеим сторонам Днепра.

²⁶ Все эти международные документы означали, по сути дела, первый международный раздел оттоманских владений в Европе. Австрия получила Венгрию и Трансильванию, Польша – южную часть Правобережной Украины, Венеция – Морею и некоторые крепости в Далмации, Россия – Азов. *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции, с. 29.

²⁷ Планы Петербурга были весьма широкими. Миних твердо обещал закончить войну в 4 года и в 1739 г. захватить Константинополь. Уже осенью 1736 г. русское правительство придерживалось более трезвых оценок соотношения сил и готово было заключить мир на условиях 1700 г. Но турки не согласились на мир. При поддержке Франции они продолжали военные действия и в конце лета 1736 г. пытались даже напасть на Киев, но были отбиты. Россия и Черноморские проливы..., с. 46.

²⁸ «И чтоб Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море никакой корабельный флот, ниже иных кораблей иметь и построить не могла». Таким образом, Белградский мир даже не восстанавливал в полной мере права России на Азовском море, предусмотренные Константинопольским миром 1700 г. (Тогда Россия держала в Азове и Таганроге военный флот.) Впрочем, Белградский мир предусматривал торговлю России в Турции на общих основаниях с купцами других стран и с выплатой обычных пошлин. Но доставка товаров морем допускалась только на турецких судах. Россия и Черноморские проливы..., с. 46–47, 49.

Туркам пришлось также заплатить за полученную от Франции дипломатическую помощь: в 1740 г. султан предоставил ей новую капитуляцию, значительно расширившую льготы для французских подданных и французской торговли и закрепившую эти льготы на вечные времена. Вслед за Францией такие же обязательства получили от Турции и другие державы.

Соглашения о льготных условиях торговли, получивших название «капитуляции» (главы, статьи), заключались Османской империей с западными странами регулярно с XVI в. Они давались как некая милость султана и действовали лишь в период правления того султана, который их даровал, поэтому у каждого последующего правителя европейские послы должны были снова добиваться согласия на подписание новой капитуляции. Теперь же льготы для французской торговли были даны на вечные времена. Следовательно, капитуляции превратились из добровольного пожалования в обязательство этой страны перед Францией, а позднее и другими европейскими державами. Торговые привилегии иностранным купцам, предоставлявшиеся ранее как милость султана, стали первыми неравноправными актами, положившими начало так называемому Восточному вопросу.

²⁹ *Kurdakul N. Osmanlı Devleti'nde Ticaret Antlaşmaları ve Kapitülasyonlar. İstanbul, 1981, с. 141.*

Утверждение этого мирного трактата «растянулось почти на два года», лишь конвенция 1741 г. еще раз утвердила Белградский мир 1739 г. *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М., 1985, с. 127.

³⁰ Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великая. Т. 2, книга 1. О торговле чрез Черное море, Константинополь, Венецию, Италию и в Левант, а сухим путем в Турцию же, в Польшу, Данциг, Пруссию, Бреславль и Лейпциг от возвращения гетманов запорожских до сего настоящего времени. СПб., 1785, с. 199, 206.

В 1756 г. в Сенат поступило предложение – так называемые кондиции – от московского купца первой гильдии Василия Макаровича Хастатова, владельца шёлковой мануфактуры, калужского купца Никиты Тимофеевича Шемякина и ярославского купца Алексея Ивановича Ярославцева. В кондициях (текст приводится Чулковым) объявлялось о создании «Российской в Константинополе торгующей коммерческой компании». Компания получила исключительное право вывозить из Темерниковского порта морем и сушей в Стамбул, Италию, Венецию «и другие тамошние места» «всякого рода мягкую рухлядь», парусное полотно «и всякие фабричные товары», воск, «канаты и веревки», рыбу, холст, хрящ, «крашенину, пестрядь, юфть», сало, масло коровье, «железо и чугун», «китайку и прочие китайские товары». Капитал компании составляли 100 учредительских акций и 100 акций для свободной продажи. Стоимость каждой акции – 500 рублей. Чулков М. Историческое описание.., с. 214.

По решению Сената от 22 ноября 1756 г. эти кондиции с некоторыми изменениями были утверждены. Утверждался и список вывозимых товаров, специально оговаривались количества железа и чугуна соответственно до 100 тыс. и 50 тыс. пудов. Вполне можно предположить, что этот список был первым импортным списком в истории русско-турецких торговых отношений. Согласие русского правительства на вывоз такого необходимого для русской промышленности сырья, каким было железо и чугун, свидетельствует о заинтересованности в развитии торговли с Османской империей. Спрос на железо и чугун в Стамбуле, несомненно, также был большим, в значительной степени этот металл шёл на военные и морские нужды (изготовление пушек, ядер, якорей и т.п.). Как пишет проф. Аднан Гиз, этого сырья часто не хватало в Стамбуле. İstanbul Sanayi Odası Dergisi. 15.04.1970, №50, с. 22.

После официального утверждения компании один из её директоров, а за ним и сам обер-директор компании Хастатов отправляются в устье Дона и там убеждаются, что на месте порта Темерник, кроме полуразвалившегося дома таможи, ничего нет. Торговля ведётся из расположенного выше городка Черкаска и находится фактически в руках казаков, взимание пошлины осуществляют также они. С этим компании приходится считаться, и в течение двух лет, 1758 и 1759 гг., она ведёт тор-

говлю со Стамбулом из Черкаска, пока к 1760 г. в Темернике не были построены дом для конторы, кладовые и пакгаузы. В Москве находилась главная контора компании, крупное отделение открылось в Стамбуле, оно располагало большим штатом приказчиков и других работников, знающих турецкий и греческий языки. Вступив в переговоры с турецкими властями, компании без особого труда удалось получить в своё распоряжение два судна, принадлежащих подданному Османской империи некоему Кореяну. При этом власти заверили представителей компании, что в случае необходимости для компании будут построены и представлены на условиях фрахта новые суда.

Ежегодный объём запродаж компании составлял 50–60 тыс. рублей. Так, в 1760 г. компания поставила в Стамбул икры пакусной зернистой 11 063 пуда, масла коровьего топленого 3050 пудов, свечей сальных простых – 350 пудов, холста узкого беленого – 119 260 аршин, вязиги (хрящ осетровых рыб) – 20 пудов, чугунных изделий – 5140 пудов, железа полосного – 7460 пудов, и т. д. *Чулков М. Историческое описание...*, с. 231–235.

Современник событий и в известном смысле их участник Чулков (1743–1792 гг.) в 80-х годах XVIII в. служил в коммерц-коллегии (министерстве торговли) и в Сенате, он имел доступ к архивным материалам, которыми обильно снабдил свою книгу. Упомянутый том является, по сути дела, документальным обзором мероприятий русского правительства по налаживанию торговли через Польшу, Украину и Чёрное море. В книге приводятся тексты указов Сената по вопросам русско-турецкой торговли, писем от упомянутых выше русских дипломатических представителей в Стамбуле. В качестве приложений приведены в переводе на русский язык тексты торговых трактатов, заключённых Турцией с Францией, Великобританией и Голландией. *Чулков М. Историческое описание...*, с. 195.

³¹ *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции, с. 30, 31.

³² Год спустя во время официального празднования в Петербурге победы над турками Румянцев получил фельдмаршальский жезл, почётный титул – Задунайский, осыпанные алмазами звезду ордена Андрея Первозванного, лавровый венок и масличную ветвь и, по обычаю тех времен, пять тысяч душ крестьян.

После подписания договора российские моряки стали быстро осваивать регулярное судоходство в Чёрном море и проливах. В 1777 г. в Константинополе уже действовала «Российская контора Сиднева с товарищи», занимавшаяся частными торговыми операциями. Компания работала под контролем правительства и выполняла его поручения. Она имела свой торговый корабль «Св. Николай», который ходил и к русским портам, и в турецкие порты южнее Проливов.

Таким образом, можно констатировать, что уже в первые месяцы после заключения мира началось торговое мореплавание русских судов через Проливы. Первыми русскими портами, куда шли эти торговые корабли, были Керчь, Еникале и Таганрог. Подробнее см.: Россия и Черноморские проливы..., с. 71–75.

³³ *Saydam A. Kırım ve Kafkas Göçleri...*, с. 36–39.

³⁴ Были одержаны победы под Фокшанами и Рымником, взяты Бендеры и Измаил. Участвовавшая в этой войне Австрия овладела Белградом. Все эти успехи вызвали недовольство Англии, Франции, Швеции, Пруссии, привели к осложнению политической ситуации в Европе, что заставило Россию и Австрию пойти на заключение мира с Турцией. Россия и Черноморские проливы..., с. 79, 80. См. также: *Saydam A. Kırım ve Kafkas Göçleri...*, с. 39.

³⁵ *Yücel Y., Sevim A. Türkiye Tarihi. 4. Osmanlı Dönemi. 1730–1861. Ankara, 1992, с. 128.*

³⁶ *Osmanlı. Cilt I, с. 573.*

³⁷ Язык классической литературы был искусственным языком, он формировался под влиянием арабского и персидского языков. Уже после XVI в. этот язык настолько отошел от разговорного, что знавшие турецкий, но не владевшие арабским и персидским языками затруднялись правильно читать и понимать созданные на нем произведения. Проводником этих влияний было мусульманское духовенство и султанская администрация, использовавшая феодальный государственный язык. Все чужеземное воспринималось правящими классами как наиболее ценное и утонченное. Неудивительно, что в ту пору некоторые поэты, чтобы приблизиться к знати, к султанскому двору, выдавали себя за персов. *Кямилев Х. Общественные мотивы в турецкой поэзии. М., 1969, с. 6.*

Глава I

¹ Янычары практически перестали быть ударной силой власти, стали её обузой. Они уже всю занимались торговлей, при этом не платя никаких налогов. Они были подсудны только своим начальникам. В списках янычар числилось множество людей, не имевших отношения к военному делу. В среде командования господствовало казнокрадство. Деньги, предназначенные для действующей армии или для крепостных гарнизонов, наполовину расхищались еще в Стамбуле, а остальное присваивали себе командиры на местах. Военная техника застыла в том виде, в каком она существовала в XVI в. Как и при Сулеймане Великолепном, применялись мраморные ядра. В литье пушек, изготовлении ружей и мечей Турция отстала от Европы как минимум на полтора века.

Солдаты носили тяжелую и неудобную одежду и пользовались разнокалиберным оружием. Европейские армии уже применяли маневренную

тактику, а турки действовали в сражениях огромной, беспорядочной массой. Турецкий флот, ранее господствовавший на Средиземном море, после сокрушительного поражения при Чесме в 1770 г. утратил своё прежнее значение. *Фрили Дж.* Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004, с. 244.

Тема янычар подробно исследована *Петросян И.В.* в кн. Восток. История и культура. СПб., 2000, с. 108–128.

² *Üçök С., Mumcu А.* Türk hukuk tarihi. Ankara, 1985, с. 305.

³ Селим III разрешил французскому учителю танцев и нескольким музыкантам бывать в некоторых помещениях гарема, где под присмотром чёрных евнухов они давали уроки наложницам, отобранным для участия в представлении, которое должно было разыгрываться перед султаном и остальными женщинами его гарема. *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 244, 245.

⁴ Дж. Фрили приводит подробности восстания и его конец. Британский посол Стрэтфорд Каннинг посетил дворец Топкапы в тот период и увидел многое. Свои впечатления он отразил в письме от 22 июня того же года: «Вход в сераль, берег под окнами султана и само море усеяны мертвыми телами – многие из них обезображены и частично обглоданы собаками». *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 265–267.

⁵ В Анатолии, на Балканах началось дробление на деребейлики, множились случаи разбоя, воровства и других подобных преступлений. Сокращались поступления в столичную казну, стал большой проблемой сбор откупных платежей. В Анатолии влиятельные местные семейства прибирали к рукам высшие государственные должности – губернаторов, мютеселлимов, обеспечивая таким образом поддержку своему экономическому влиянию.

В начале XIX в. османская экономика сохраняла свою традиционную структуру. Внутренняя и внешняя торговля осуществлялась под контролем государства, производство и потребление регулировалось через посредничество ремесленных цехов. Империя тогда переживала очень трудные времена, законы и правила не соблюдались. Контрабанда во внешней торговле достигла большого размаха. Законные же пути её осуществления из-за неосведомлённости, недостаточного контроля не обеспечивали ожидаемого развития и пользы. Баланс льгот, предоставленных европейским государствам, был уже с начала XVIII в. нарушен в пользу торговых партнёров империи. С переходом в Европе к использованию паровой силы вместо ручного труда был обеспечен большой рост производства. Естественным результатом этого стал рост конкуренции между Англией, Францией и Россией за османские рынки. С заключением Кючук-Кайнарджийского мира русским купцам было предоставлено право свободной торговли во всех османских водах, в позже – открывать консульства в приглянувшихся местах.

С захватом Египта Наполеоном Англия опередила Францию в торговле с империей, в первой половине XIX в. треть всего османского экспорта шла в Англию, а более половины импортируемых Портой товаров поступало из Англии. Торговля Империи со странами Востока утратила свою былую значимость. Европейские купцы, захватив рынки Ирана и Индии, легко обеспечивали свои перевозки напрямую морским путём. Изменились не только торговые пути, но и номенклатура ввозимых в Европу товаров. Османские купцы в таких обстоятельствах были не в состоянии конкурировать с европейскими.

Льготы, признанные по капитуляциям за купцами иностранных государств; отсутствие капитала и информации; недостаточная безопасность жизни и имущества коммерсанта – именно эти причины препятствовали формированию сильного купеческого класса в Османской империи. Эти и другие причины такого рода вынуждали даже турецких купцов менять своё подданство на иностранное. Махмуд II попытался исправить положение и уравнивать льготы купцов – подданных империи с таковыми, предоставленными иностранцам.

Развитие сельского хозяйства тормозилось внутренними пошлинами, а также системой принудительных государственных закупок для Стамбула и нескольких других городов по установленным ценам по принципу ангарья, предусматривающего расчёты за продукцию после её поставки потребителю. Основанное на тимарной системе землепользование в это время было изрядно подорвано. Уже появились первые крупные чифтлики, на которые привлекались массы тружеников. Влиятельные семьи превращались в дербеев и шла ожесточённая борьба за землю на местах, о повышении урожайности в таких условиях речь не шла. Ущерб земледелию наносили и «набеги» кочевников, привлекавшихся султанской властью на военную службу и не желавших осесть на земле. Отсутствие дорог заставляло крестьянина сеять и сажать столько, сколько затем можно было собрать для прокормления семьи – об излишках на продажу речь не шла.

Состояние промышленности было не лучшим. Ремесленные цеха с их строгой регламентацией количества, качества и цены продукции сохраняли свою значимость и в XIX в., их судьба определялась правительством и местной властью. Почти невозможно было открыть новое рабочее место. Основными отраслями производства были ткачество, добыча минералов (мрамор, морская пенка и др.), изготовление военной амуниции и боеприпасов. Текстильное ремесло основывалось на хлопководстве, шелководстве, получении овечьей и козьей ангорской шерсти, ковроткачестве. В это время всё заметнее был спад ремесленного производства, хлопкоткачества, шелкоткачества и др.

В возраставших количествах поступали из Франции сатин, хлопчатые ткани, сукно; из Англии – бархат, вельвет, из Индии – шёлк, из России –

меха. *Çadırçı M. Tanzimat Döneminde Anadolu Kentleri'nin Sosyal ve Ekonomik Yapıları*. Ankara, 1991, с. 4–9.

⁶Подробнее см.: *Тодорова М.Н.* Англия, Россия и Танзимат. М., 1983, с. 19–25.

⁷История России XIX – начала XX века. Учебник. М., с. 136.

⁸У народов, проживавших на Балканах, была надежда на помощь со стороны России, в которой они видели свою избавительницу от османского господства. Эта надежда усиливалась благодаря сохранению духовных связей, наличию единой религии, общих исторических и этнических корней. Многие представители интеллектуальной элиты этих народов вынуждены были искать убежище в России от политического преследования османских властей и религиозных ортодоксов. В таких условиях стабильные отношения Турции с Россией не могли развиваться позитивно. Расширившиеся в период русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX вв. политические и духовные связи с балканскими народами накладывали на русское правительство обязательства по их поддержке.

⁹Как известно, несмотря на наличие талантливых учёных и самоучек, Россия сама была вынуждена прибегать к заимствованию многих европейских технологий и к иностранным займам. Достаточно вспомнить, что крепостное право было отменено в России лишь в 1861 г.

¹⁰Передовая Россия сочувственно относилась к восставшим грекам. Фактически все слои русского общества – дворянство, купечество, духовенство – выступали за оказание помощи греческому народу. Первоначально Александр I осудил греческую революцию, Ипсиланти был уволен с русской службы. Однако затем позиция России стала меняться, что было связано с действиями турецкого правительства, закрывшего Проливы для русских кораблей и направившего войска в Дунайские княжества, которое жестоко расправлялось с греческими повстанцами. Для решения греческого вопроса Россия пыталась добиться согласованных действий европейских держав и коллективного нажима на Турцию. Но она натолкнулась на противодействие Англии и Австрии, которые саботировали все русские планы «умиротворения» греков.

¹¹Статья 4-я Адрианопольского договора определяла, что «Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и многие другие области закавказские с давних уже лет присоединены на вечные времена к Российской империи: сей державе уступлены также трактатом, заключенным с Персией в Туркманчае 10 февраля 1828 г., ханства эриванское и нахичеванское. А потому обе высокие договаривающиеся стороны признали необходимым учредить между обоюдными владениями, по всей помянутой черте, границу определительную и способную отвратить всякое недоразумение на будущее время».

¹²История России XIX – начала XX вв., с. 141–142.

¹³ Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984, с. 89; Osmanlı Cilt I., с. 112–113.

¹⁴ Mustafa Reşit Paşa ve dönem semineri. Ankara, 13–14 Mart 1985. Ankara, 1987, с. 71.

¹⁵ Современные турецкие учёные-юристы считают, что «меры танзимата юристы должны изучать в первую очередь, ибо основы нашего права были заложены в тот период». Üçök С., Mumcu А. Türk hukuk tarihi, с. 304.

Председатель Совета по изданию многотомной истории османской империи, проф. Чикагского (США) и Билькентского (Турция) университетов Х. Иналджык очень высоко оценивает этот документ, пишет о нём почти в тех же выражениях, которые турки сегодня используют, оценивая уровень «европеизации» своего законодательства для вступления в ЕС: «европеизация государственного управления и присоединение империи к сообществу западных государств стали уже безусловной необходимостью. Гюльханейский Хатт-и Хюмаюн (1839) предусматривал внедрение в законы и во власть принципов современного западного государства». Osmanlı Cilt I., с. 112.

¹⁶ Koloğlu O. Abdülhamid gerçeği. İstanbul, 1987, с. 23.

¹⁷ «В мире нет ничего более святого, чем жизнь, честь и достоинство. Когда человек осознаёт, что эти ценности в опасности, ради их защиты он обязательно начнёт действовать по своему усмотрению, что вредно для государства и для страны. Ведь очевидно, что если человеку не нужно опасаться за свою жизнь и честь, он ведёт себя достойно». ... Далее в тексте фирмана говорится о важности защиты имущества, об упорядочении налогов, особо упомянута недавняя отмена «такого бедствия, как монополия», служившая издавна источником налогов, в то же время признаётся необходимость отмены пока сохраняющегося другого «бедствия» – откупов (iltizam).

Что касается реорганизации армии, то отменялся бессистемный набор солдат по регионам без учёта демографических и экономических условий регионов, что «приводило к беспорядкам и наносило ущерб сельскому хозяйству и торговле». Отменялся пожизненный срок солдатской службы, порайонные призывы должны были предусматривать сроки службы на 4–5 лет.

«Пока эти законы не будут приняты, не придёт в страну развитие и успокоение... Разбирательство на судебных процессах согласно законам шариата будет проводиться перед всеми и пока не будет вынесен приговор, никто не будет подвергнут тайно или открыто казни или отравлению... Также никто не сможет посягать на честь и достоинство другого; каждый будет обладать полной свободой владения и пользования собственностью и имуществом и никто не может вмешиваться в дела другого».

В фирмане подробно были перечислены меры, необходимые для реализации указанных задач, в создаваемых местных меджлисах всех уровней при подготовке законов «каждый без опасения сможет свободно высказываться», причём «принятие каждого закона должно сопровождаться его направлением к нам и нашим его утверждением». Адаптированный на современный турецкий язык текст этого документа см: *Yücel Y., Sevim A. Türkiye Tarihi. 4. Osmanlı Dönemi. 1730–1861. Ankara, 1992, с. 250, 251.*

¹⁸ «Поскольку эти отвечающие шариату законы будут вводиться только и только ради упрочения религии и государства, собственности и нации, нами даётся клятва в том, что никаких действий, противоречащих вышеизложенному, нами предпринято не будет и сверх этого будет произнесена клятва от имени Бога в том месте, где хранится священная реликвия – хырка Мухаммеда (халат Мухаммеда), в присутствии улема и министров. Им также предложено произнести эту клятву, поэтому впредь все те, кто станет действовать вопреки этим законам шариата, независимо от их должности и заслуг, понесут наказание, которое будет вынесено согласно уголовному закону, который будет принят». Комментируя текст документа, Яшар Юджель и Али Севим считают, что в своей основе «понятие фундаментальных прав вдохновлено идеями и взглядами европейских конституций периода 1830–1840-х годов». По их мнению, в фирмане народ представлен распорядителем центрального закона в государстве, т. е. европейский принцип «государство существует для народа» воспринят и для Османской империи. Там же, с. 251–254.

¹⁹ Как подчёркивает российский историк Н.А. Дулина, «принципы Гюльханейского хатта подразумевали ломку всего сложившегося жизненного уклада османского общества, его традиций и даже идеологии. Они подразумевали ликвидацию либо ломку ряда институтов средневекового феодального общества: неограниченной власти султана, системы государственной регламентации, ряда юридических положений шариата и др. Наряду с этим они означали создание необходимых условий для развития капиталистических отношений, внедрение буржуазных институтов и распространение буржуазного образа мыслей. Шариатские и военно-полицейские суды, медресе, налоговая система и система земле-владения, верховная власть, имевшая деспотический характер, не согласовывались с буржуазной направленностью нововведений. Эти две идеологии деятели танзимата считали необходимым как-то объединить, сгладить противоречия». *Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша, с. 138.*

²⁰ *Yücel Y., Sevim A.. Türkiye Tarihi, с. 253–254; Ücök C., Mumcu A. Türk hukuk tarihi, с. 329.*

²¹ История России XIX – начала XX вв. Учебник, с. 151. С началом Крымской войны джихад горцев-мусульман получил новый импульс. На западе Кавказа возросла активность адыгов. Хотя они и отказались признать себя подданными султана, но постоянно нападали на русские укрепления. В 1854 г. турки попытались перейти в наступление на Тифлис. Одновременно мюриды Шамиля (15 тыс. человек) прорвали Лезгинскую линию и заняли село Цинандали в 60 км северо-восточнее Тифлиса. Лишь с помощью грузинского ополчения русским удалось отогнать Шамиля обратно в Дагестан. Поражения турецкой армии в Закавказье в 1854–1855 гг. лишило мюридов надежд на поддержку извне. См. также: <http://www.kafkas.org.tr/russian/diaspora/turkiye.html>

²² Первоначально эти награждения сохранялись в тайне, особенно настаивало на этом османское правительство. Кроме того, имели место присвоения званий и награждения орденами некоторых лиц из черкесской знати – за услуги в пользу Османского государства. Обращался Шамиль за помощью и к европейским союзникам Турции, посылал специальную миссию в Варну, но дальше дело не пошло – «их интересовала прежде всего Черкесия, а не Дагестан и Чеченистан». *Saydam A. Kırım ve Kafkas Göçleri*, с. 55–58. Автор отмечает, что окончание Крымской войны повлияло на переселение кавказцев в провинции Османской империи. Особенно это проявилось в Крыму, желавших переселиться пытались отправлять организованно, согласно обращениям. По распоряжению султана в Крым было выделено 19 пароходов и 13 парусных судна. В 1859 г. отъезд из Крыма и с Кавказа принял массовый характер, в Стамбул было перевезено и затем расселено 2727 семей, 17 971 человек. Лишь в апреле-августе 1860 г. переселилось 100 тыс. татар. Только через Крым к 1862 г. выехало 369 028 человек. Россия не препятствовала мухаджирам. Численность мухаджиров с Кавказа на весну 1864 г. достигла 400 тыс. После 1865 г. массовое переселение закончилось, в год уезжало до 4 тысяч дворов. Большие трудности возникали зимой, были случаи, когда суда тонули. Точное число уехавших установить трудно, за период 1856–1876 гг. уехало от 600 тыс. до 2 млн. переселенцев. Размещение переселенцев на территории империи было делом долгим и трудным. Там же, с. 83–90.

Большинство переселенцев были выходцами с западного Кавказа – черкесы, убыхи и абхазцы, после них шли дагестанцы, чеченцы, осетины. Сегодня в Турции в районах Мармара, внутренней Анатолии, побережья Чёрного моря, восточной Анатолии проживает до 7 млн. выходцев с Северного Кавказа.

В новых местах проживания они стали активными деятелями культуры, политики, экономики, образования, занимали посты в армии Турции. На новой родине черкесы добились больших успехов как в общественных, так и в государственных структурах. Параллельно они стара-

лись жить по своим обычаям и сохранять традиции. Но ассимиляция стала неизбежной. Примером тому являются убыхи, потерявшие свой язык с жизнью последнего убыха – выходца с Кавказа.

В Турции находятся более 100 обществ и фондов, организованные живущими здесь черкесами. Чтобы продолжить своё культурное существование, эти организации, образованные на добровольческой основе, устраивают выступления кавказского фольклора, печатают книги, проводят встречи кавказцев. В основном везде они говорят о своём желании мирного и свободного Кавказа.

В годы империи (Османской) переселенцы с Кавказа были «признанным национальным меньшинством», было открыто много кавказских обществ и организаций, а также были созданы черкесский и абхазский алфавиты на основе арабской и латинской графики, издавались газеты, книги, журналы. В одном из районов Стамбула открыли женский лицей, где уроки велись на черкесском языке. Но в 1917 г. после большевистской революции, Кавказ оккупировали сначала белогвардейцы, а потом и Красная армия. Кавказ был ввергнут в войну. Северокавказская республика, образованная 11 мая 1928 г., перестала существовать. Таким образом, всем работам и усердиям по национальному возрождению был положен конец. Во время идеологии (речь идет о кемализме. – *Н.К.*) единственной культуры, нации и партии, которая имела место в Турции, черкесы, живущие там, не имели возможность продолжить свою культурную жизнь.

<http://www.kafkas.org.tr/russian/diaspora/turkiye.html>

²³ Дипломатический словарь. Т. I. М., 1948–1950, с. 817, Т. II, с. 70.

²⁴ В апреле 1854 г. союзная эскадра обстреляла Одессу, ряд населённых пунктов в Финляндии, 26 июля (7 августа) 1854 г. союзники высадили десант на Аландских островах. Попытки таких десантов в других финских портах окончились неудачей и осенью союзные эскадры покинули Балтийское море. В том же 1854 г. английские корабли появились и на Белом море, где бомбардировали Колу и Соловецкий монастырь. В августе 1854 г. англо-французский десант был высажен на Камчатке, но был сброшен в море. Этими отвлекающими ударами союзники стремились ослабить русские войска, в частности, на Кавказе, где успехи русской армии были очевидны. Подробнее см.: История России XIX – начала XX вв. Учебник, с. 129–130.

²⁵ *Yeniay H. Yeni Osmanlı borçları tarihi. İstanbul, 1964, с. 19–22, 31.*

²⁶ Статья 7 признавала Блистательную Порту «участвующую в выгодах общего права и союза держав европейских», европейские государи давали обязательство «уважать целостность империи Оттоманской», обеспечивать «совокупным своим ручательством точное соблюдение сего обязательства», «почитать всякое в нарушение оногo действие вопросом, касающимся общих прав и пользы».

Несколько статей определяли статус Чёрного моря – оно объявлялось нейтральным, открытым «для торгового мореплавания всех народов, вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам как прибрежных, так и всех прочих держав» (ст. XI), император всероссийский и султан «обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военно-морского арсенала» (ст. XIII). Исключение составляла заключённая «их величествами императором всероссийским и султаном особая конвенция, определяющая число и силу лёгких судов, которые они предоставляют себе содержать в Чёрном море, для нужных по прибрежью распоряжений».

В ряде статей были перечислены положения, касающиеся придунайских княжеств. Согласно ст. 22-й, «Княжества Валахское и Молдавское будут под верховною властью Порты и при ручательстве договаривающихся держав пользоваться преимуществами и льготами, коими пользуются ныне. Ни которой из ручающихся держав не предоставляется исключительного над оными покровительства. Не допускается никакое особое право вмешательства во внутренние дела их».

Ст. 23-я определяла, что «Блистательная Порта обязуется оставить в сих княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства». По ст. 24-й «султан обещает немедленно созвать в каждой из двух областей нарочный для того Диван, который должен быть составлен таким образом, чтобы он мог служить верным представителем пользы всех сословий общества. Сим Диванам будет поручено выразить желание народонаселения касательно окончательного устройства княжеств». Наконец, по ст. 25-й устанавливалось, что «окончательное соглашение с верховною над княжествами державою должно быть утверждено конвенциею... при общем ручательстве всех подписавшихся держав». Статьи 28 и 29 касались Сербии: «Княжество Сербское остается, как и прежде, под верховною властью Блистательной Порты... означенное княжество сохранит свое независимое и национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства... Блистательная Порта сохраняет определенное прежними постановлениями право содержания гарнизона. Без предварительного соглашения между выс. дог. державами не может быть допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство».

Приложением к мирному договору была Конвенция о Проливах, в ней подтверждалось восстановление действия Лондонской конвенции от 13 июля 1841 г., «с некоторыми лишь в подробностях изменениями». От имени султана объявлялось, что он «имеет твердое намерение соблюдать на будущее время постановления, неизменно принимавшиеся, как древнее правило его империи, в силу коего всегда было воспрещается военным судам держав иностранных входить в проливы Дарданелл и

Босфора, и что, доколе Порты будет находиться в мире, его величество не допустит никакого иностранного военного судна в означенные проливы». Вместе с тем султан намерен «как и прежде, выдавать фирманы для прохода легких под военным флагом судов, которые будут употребляемы по существующему обыкновению при миссиях дружественных с Портою держав». То же самое допускается «в отношении к легким под военным флагом судам, которые каждая из договаривающихся держав имеет право содержать при устьях Дуная, для обеспечения исполнения постановлений о свободе судоходства по сей реке, и коих число не должно превышать двух для каждой державы». www.KM.ru Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2004, ст. Парижский мир 1856.

²⁷ Можно согласиться с современным исследователем О.В. Марининым, который замечает: «Комплекс договоренностей по Черному морю, зафиксированный в договоре и в приложенной к нему конвенции о Проливах, продолжал и развивал линию на создание юридического обоснования для усиления вмешательства нечерноморских стран в двусторонние русско-турецкие отношения, начало которой было положено Лондонскими конвенциями о Проливах 1840 и 1841 гг.». О крушении уже в 1853 г. «старого основополагающего правила российской дипломатии не допускать “постороннего” вмешательства в русско-турецкие дела, надломленного в 1841 г. подписанием конвенции о Проливах» пишет В.Н. Виноградов. Однако трудно предположить, что всё могло происходить иначе. «Старое основополагающее правило» действовало тогда, когда русские позиции на Балканах и Ближнем Востоке были сильными. Последние же полтора десятилетия перед Крымской войной были отмечены падением российского влияния в Османской империи и соответственно ростом влияния западных держав, Франции и Англии, на политику и экономику этой страны. Политика – это искусство возможного. А возможность выбора между двусторонним и многосторонним соглашением у русского правительства была невелика даже в 1840–1841 гг. и тем более в 1856 г., когда страны-победительницы диктовали ему условия мира.

Запрещение иметь военный флот в Чёрном море и арсеналы на его берегах ущемляло великодержавный статус и национальное достоинство России, сильно подрывало её позиции в этом регионе. Формально нейтрализация ставила в равное положение оба черноморских государства. На деле же страдала в гораздо большей степени Россия. Она лишалась военно-морских сил в регионе (кроме легких судов, о которых говорилось выше). Турция же сохраняла право содержать свои корабли в Проливах. Недалеко находилась и её средиземноморская эскадра. Фактическое неравенство России и Турции, установленное Парижским конгрессом, признаётся большинством исследователей. Известный аме-

риканский историк Барбара Елавич отмечает, имея в виду присутствие в Средиземном море также и кораблей морских держав: «Опасность, представляемая объединенными, потенциально враждебными флотами, угрожала контролю России не только над её Черноморским побережьем, но также и кавказскими, а опосредованно и над среднеазиатскими землями».

Но тем ценнее становилось правило закрытия Проливов для кораблей иностранных государств, призванное в какой-то степени обезопасить русское побережье. Насколько эффективным в условиях нейтрализованного моря являлся такой режим, должны были показать события, следовавшие за Парижским конгрессом. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 166–167.

²⁸ История России XIX – начала XX в. Учебник, с. 133.

²⁹ *Yücel Y., Sevim A. Türkiye Tarihi*, с. 293–294.

³⁰ *Üçök C., Mumcu A. Türk hukuk tarihi*. 5. baskı, с. 314–316.

³¹ *Yücel Y., Sevim A. Türkiye Tarihi*, с. 254–263.

³² Упомянутая нами ранее система дирлик (тимарная система землепользования) имеет свою долгую историю – она верно служила государству в периоды успеха империи, но затем видоизменилась в результате захватов дирликов людьми не столько меча, сколько людьми султанского окружения. Пришла пора её заменять новой, что было непростым делом, поскольку речь шла о проживании на земле подчас многих поколений такого рода землепользователей, хотя и о растаскивании этих земель начали писать уже в конце XVI в. Впервые система дирлик была ликвидирована на о. Крит в 1703 г. Начиная с 1812 г. право пользования на все освобождавшиеся наделы было отменено. Однако простого решения об отмене оказалось недостаточно, возник правовой вакуум, многие владения и пользования оказались вне правового контроля. Кодекс 1858 г. был составлен в соответствии с исламским правом и обычным правом. Своей главной задачи – правовой инвентаризации по видам земельной принадлежности – он не выполнил, однако он ввёл классификацию этой принадлежности, установив пять её видов. 1. Частновладельческие земли, на них существует право частной собственности, они различаются своими разновидностями. 2. Государственные земли, право пользования которыми предоставлено частным лицам. В этой категории сохранялись самые запутанные формы и виды пользования. 3. Вакуфные земли – они также отличаются многообразием форм пользования. 4. Общественные земли – не менее различны по своей предназначённости, например дороги, сельские выгоны, земли деревень и касаба и т. п. 5. Земли ничейные, непригодные к пользованию – скалы, кустарники. Упомянув этот закон, цитируемые нами авторы-юристы пишут в своей работе, что «до сих пор (т. е. к началу 80-х годов XX в.) идут споры – действуют и поныне положения этого закона или не дей-

ствуют». Arazi Kanunnames. Hazırlıyan Çeker O. İstanbul, 1985, с. 13–17; Üçök С., Mumcu А. Türk hukuk tarihi, с. 260, 324–326.

Современный теоретик исламской экономики, противник права капиталистической собственности на землю М. Доган, касаясь значимости закона для превращения земли в буржуазную частную собственность, в том числе при активной деятельности иностранного капитала, пишет, что, казалось бы, закон о земле 1858 г. по статье 110-й «не признавал за иностранцем права приобретения земли ни через наследование, ни путем кадастровой регистрации». Обход статьи осуществлялся двумя путями: «Либо претендент на землю, не отказываясь от своего подданства, приобретал также и османское, либо земля приобреталась на подставное лицо – османского подданного». В 1896 г. был принят новый закон, прямо признававший за иностранцами право приобретения недвижимости. Мехмет Доган отмечал, что Закон 1858 г. при всех его недостатках был «содержательнее республиканского земельного права, отдавшего предпочтение лишь частной собственности». По его словам, система мири, т. е. система государственной собственности на землю, оставалась, хотя она уже и не могла проводиться в жизнь распадавшимся государством. Dogan M. Tarih ve toplum. Türkiye'de toprak meselesi. İstanbul, 1977, с. 159–161. На сохранение этого права государства именно в таком состоянии указывают и другие авторы.

Некоторые исследователи отмечают, что в отдельные периоды истории Османской империи государство могло лишь минимально осуществлять своё право на землю. Например, в XVIII в. в Анатолии существовало фактическое господство аянов над мелким земледельцем, верховная собственность государства на землю оставалась скорее как абстрактное право. Имелись могущественные семьи и роды, которые в ряде районов империи фактически осуществляли власть на землю. Это были семьи Караосманогуллары (области Измира), Тузджуогуллары (области Трабзона), Экрам-бея (Восточная Анатолия), Чапаногуллары (Йозгат), Хазымилер (Сирия) и др. Yasa İ. Türkiye'nin toplumsal yapısı ve temel sorunları. Ankara, 1973, с. 57.

В 30–40-е годы XIX в. казна попыталась вновь установить свою власть над крупным землевладением аянов. Однако государство так и не смогло обеспечить эффективное действие права на землю, ограничить аянов. Keyder Çağlar. Dünya ekonomisinde Türkiye (1923–1929). Ankara, 1982, с. 25, 26.

³³ Даже обширные земельные участки, являвшиеся собственностью государства, стали рассматриваться как предмет частного владения. Земли мири, переданные кому-либо на правах пользования с условием, что они являются собственностью государства, со временем превращались в землевладения, которые могли приобретаться на правах передачи или

наследования. 1976–1977 Zirat ve iktisadt durum raporu. Ankara, 1978, с. 518.

³⁴ *Фадеева И.Е.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 27–29; Uluslararası Midhat Paşa semineri. Ankara, 1966, с. 111. Власти попытались распространить опыт Дунайского вилайета по организации сберегательных касс, но он получил развитие в ином направлении: эти учреждения в 1888 г. были реорганизованы в единую государственную централизованную организацию – Сельскохозяйственный банк (СХБ), до настоящего времени крупнейший банк Турции. Основная функция банка в первый период его деятельности – выдача сельскохозяйственных кредитов, как правило, в виде ипотечного кредита – против ипотечной гарантии, против недвижимости, из расчета 6% годовых. До 1910 г. ежегодный объем ипотечного кредита в 485 отделениях банка колебался от 400 тыс. до 900 тыс. лир, что составляло по тем временам немалую сумму. *Ataşağın Y.S. Türkiye Cumhuriyeti Ziraat bankası. 1888–1939. İstanbul, 1939, с. 208, 209, 215.*

Во время поездки по Анатолии в 1908 г. журналист Ахмет Шериф отмечал, что хотя деятельность банка и вызывала нарекания крестьян, она не просто сводилась к выдаче кредитов – здесь и поставки техники, и снабжение семенным зерном в кредит, и организация временного складирования. Всё это подрывало местную монополию откупщиков, знати, ага на снабжение зерном крестьян. *Şerif A. Anadoluda Tanin, с. 80, 101, 102, 115, 128.*

³⁵ Это был не полный гражданский кодекс, а изложение в основном постановлений фикха по юридическим сделкам. Тюркологический сборник 1976, 1978. М., 1984, с. 185. В нём не было многих позиций, относящихся к семейному, вещному правам, к праву наследования и т. д. Язык текста был сложным для понимания, статьи пришлось сопроводить подробными комментариями. Меджелле не вносил ничего нового в гражданское право, «его положения не отразили перемены, происходившие в XIX в. в промышленности, торговле, сельском хозяйстве». *Ücök C., Mumcu A. Türk hukuk tarihi. Ankara, 1985, с. 326–328.*

³⁶ *Ortaylı İ. Türkiye idare tarihi. Ankara, 1979, с. 277, 278.*

³⁷ Свои знания о западной культуре и цивилизации Джевдет-паша черпал из книг, изданных на турецком, арабском, персидском языках, из переводов, это были знания, полученные из вторых рук. Трудно утверждать, что он привнёс новое в накопленные знания, касающиеся в основном фикха, тефсиров, мистицизма, литературы, логики, философии. Он был далёк от мысли, что отставание исламского мира в те времена было следствием многовековой неизменности учений и положений, господствовавших в этом мире. Его заслуга – в систематизации сохранявшихся взглядов и положений, подготовка Меджелле, исторические работы. «Заемствования из другой цивилизации должны соответствовать

как принципам шариата, который является краеугольным камнем исламской цивилизации, так и принципам государства. Ибо то, что хорошо для приверженцев одной цивилизации, для исламской – ничего, кроме вреда, не принесет». Ahmet Cevdet Paşa (1823–1895). *Sempozyum* 9–11 Haziran 1995. Ankara, 1995, с. 68, 69, 74, 75.

³⁸ Berkes N. *Türkiye’de Çağdaşlaşma*. İstanbul, 1978, с. 325.

³⁹ Feroz A. *İttihatçılıktan kemalizme*. İstanbul, 1987, с. 34.

⁴⁰ Шнилькова В.И. Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977, с. 14.

⁴¹ Eldem V. *Osmanlı imparatorlugunun iktisadi şartları hakkında bir tetkik*. Ankara, 1970, с. 268, 269.

⁴² Их жалованье было столь высоким, что «его можно сравнить лишь с доходами сегодняшних крупных предпринимателей. Именно на эти средства приобретались те сохраняющиеся еще и сегодня дворцы и особняки, которые вызывают наше удивление». Eldem V. *Osmanlı imparatorluğunun iktisadi şartları...*, с. 42.

⁴³ Kemal Y. *Çocukluğum, gençliğim, siyasi ve edebi hatıralarım*. İstanbul, 1976, с. 73.

⁴⁴ Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 115. О тройных и более жалованьях султанского окружения пишет О.Г. Инджикян. Например, начальник охраны сераля султана Абдулазиза, впоследствии военный министр и садразам Гусейн Авни-паша, совмещал три должности и получал три оклада: как садразам – 750 тур. фунтов (лир), как военный министр – 500 тур. фунтов и как начальник топхане – 350 фунтов. Инджикян О.Г. *Буржуазия Османской империи*. Ереван, 1977, с. 149.

Даже по более поздним данным, приводимым В. Эльдемом, после всех мер танзимата по экономии и т. п., после сокращения территории, численность государственных служащих, получавших жалованье из государственного бюджета, в 1895/96 гг. составляла 151,4 тыс. человек, а в 1913/14 – 183,7 тыс. Очевидны большие различия в самом высоком жалованье и в самом низком. Согласно официальным тарифам, в 1880 г. ставка садразамы была 25 тыс. курушей в месяц, министра – 20 тыс. курушей, советника – 10 тыс., губернатора, в зависимости от класса, – от 15 до 20 тыс., бухгалтера (1–5 класса) – от 3 до 9 тыс., заведующего отделом – 3–7 тыс., учителя (1912 г.) 1-го разряда – 1 тыс. курушей, учителя 7-го разряда – 300 курушей. Аппарат министерства финансов насчитывал около 10 тыс. человек, министерства вакфов – 10,5 тыс. человек и т. д. Eldem V. *Osmanlı İmparatorluğunun iktisadi şartları...*, с. 211, 212, 218–221.

⁴⁵ Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос, с. 114.

⁴⁶ Число этих женщин, евнухов и невольниц вскоре достигло двух с половиной тысяч. В мотовстве Абдулазиз превзошёл своего предшествен-

ника, опустошив казну до дна. Чуть ли не официально продавались все гражданские и военные должности, причём самые крупные взятки брал сам султан, который быстро деградировал как в умственном, так и физическом отношении. *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 306–310.

Г.З. Алиев пишет, что при Абдулазизе (1861–1876 гг.) ежегодные расходы двора достигали в среднем около 30 млн. фр., тогда как в эти же годы расходы английского двора составляли около 12 млн. фр., русского и французского императоров – примерно по 26,5 млн. фр., а американского президента – всего лишь 124 тыс. фр. Во дворце султана-реформатора Абдулмеджида ежедневно готовили пищу на 5 тыс. человек, а при Абдулазизе – на 8 тыс. человек. Абдулгамид II также (1876–1909 гг.) расходовал огромные средства, опустошавшие казну. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок. М., 1972, с. 18, 19.

⁴⁷ Каждая жена султана, а также каждая наложница, предназначенная в жёны, каждая любимая наложница и т. д. имели свои покои с отдельным штатом прислуги и помощниц, занимавшихся учётом денежных расходов, содержанием, ведших секретарскую работу, обслуживающих при омовении, готовивших пищу, кофе и т. п. Каждый прислуживающий имел своих помощников, в итоге штат при покое каждой султанской жены насчитывал до 100 человек. На трёх кухнях дворца работали 40 поваров, каждый имел помощников и собственных подрядчиков. Очередная трапеза требовала до 600 тарелок, в дни праздников на дворцовых кухнях угощались и служащие, и солдаты, по домам рассылались обеды, мясо, хлеб, рис, овощи. Оставшуюся на кухне пищу повара и разносчики продавали от себя местному населению. Жители окрестных домов приобретали себе продукты из дворца. Всего, по подсчётам, штат дворца достигал 5 тыс. человек, а с военной охраной – 12 тыс. Общая годовая сумма, ассигнуемая на содержание штата дворца, составляла 30 тыс. золотых лир, все расходы дворца Йылдыз исчислялись в 7 млн. золотых лир. *Şensözen V.* Osmanlıları'nın varlıkları ve Abdülhamid' in emlakı. Ankara, 1982, с. 60–64.

⁴⁸ Указывая на развитие экономических связей после танзимата, А.Г. Саяр пишет, что землевладельцы и кадры бюрократии были единственными обладателями крупного имущества, необходимого для начала «процесса перехода к частной собственности». Аналогичную мысль высказывает и Фероз Ахмат: «Приходится констатировать, что турецкой буржуазии не существовало до того времени, пока иттихадисты не приняли её создавать». *Sayar A.G.* Osmanlı iktisat düşüncesinin çağdaşlaşması. İstanbul, 1986, с. 298; *Ferozh A.* İttihatçıktan kemalizme, с. 35, 36.

Отмечая паразитизм бюрократии, справедливости ради приходится признавать и другое – как могла, она начала выполнять двойные функции, брать на себя и функции буржуазии, выступать как некая квази-буржуазия.

⁴⁹ «Самая смелая молодежь, – продолжает Д. Амичи, – уже носит открытые сюртуки, брюки светлых тонов, небольшие элегантные галстуки, брелки, трость и цветок в петлице. Между теми и другими, между теми, кто носит кафтан, и теми, кто носит пальто, возникла пропасть – у них осталось лишь общее имя, эти два народа абсолютно различны... Лишь женщины сохраняют полностью прежние вуаль и пальто, которое скрывает формы; но вуаль стала прозрачной и позволяет предполагать шляпу с пером, а пальто покрывает часто платье, обрезанное согласно гравюре парижской моды. Ежегодно исчезают тысячи кафтанов и появляются тысячи пальто, ежедневно исчезает прежний турок и появляется реформированный. Газета приходит на смену чёткам, сигары – кальяну, вино – чистой воде, карета – повозки, пианино – бубну, французская грамматика – арабской. Не исключено, что менее чем через столетие за остатками старой Турции надо будет отправляться в наиболее глухие провинции Малой Азии, как идут за тем же в поисках старой Испании в самые отдаленные деревни Андалузии. Проведя целый день на улице Скутари, я мог видеть сотню новобранцев, прибывших очевидно из внутренних районов Малой Азии. Они вызвали во мне сострадание и отвращение... Я до сих пор вижу еще эти мрачные лица, эти длинные пряди волос, эти полуголые тела и татуировки, эти украшения дикарей, и я чувствую запах дикого зверя, который они оставили после себя. Когда появились первые сообщения о массовых убийствах в Болгарии, я сразу же подумал о них и сказал себе – “Это, должно быть, мои друзья из Скутари.” Это единственное живое представление о мусульманах-солдатах, оставшееся у меня в памяти». *de'Amici Edmondo. Constantinople. Paris, 1883, с. 68, 128, 129, 141.*

⁵⁰ Имена Ибрагима Шинаси (1826–1871), Намыка Кемаля (1840–1888), Абдулхака Хамида (1851–1937), Ахмеда Митхада (1844–1913), Зия-паши (1825–1880), Абуззия Тевфика (1848–1913), Шемседдина Сами-бея (1850–1904), Сами Паша-заде Сезаи (1859–1936) и других вошли в сокровищницу турецкой культуры. Их общественная деятельность служит примером для новой интеллектуальной элиты государства. Эти просветители жили в тревожное время, власти их преследовали, ссылали, бросали в тюрьмы. Многие эмигрировали, но продолжали жить интересами своей страны.

⁵¹ При всех различиях во взглядах «новые османы» сумели создать первое ядро оппозиции абсолютистской власти, выдвинуть усовершенствованную идею танзимата и учредили первое младотурецкое движение. Благодаря им впервые в османской истории личность выступила против власти, режим личной свободы увязывался с правовыми гарантиями, защищался тезис о движении к формуле современного государства. По их мнению, предыдущие реформы не «стали столь решительными, чтобы обеспечить конституционный режим». Среди них были весьма влия-

тельные лица государства. *Tunaya T.Z. Türkiye'nin siyasi hayatında batılılaşma hareketleri. İstanbul, 1996, с. 33, 34.*

Группа опубликовала воззвание, в котором содержались идеи, знаменательные для Турции того времени: «Единоличное управление опасно, какими бы высокими качествами ни обладал единоличный правитель». В эти годы, справедливо отмечает Ю.А. Петросян, идеи европеизации перестали быть достоянием крайне узкого круга реформаторов из числа высших сановников, а обсуждались уже сотнями по-европейски образованных людей. Идеологи «новых османов» испытывали влияние Монтескье, Руссо, Вольтера, причём речь шла не о простом копировании достижений европейской общественной мысли, они стремились к синтезу традиционно-мусульманских и европейских буржуазно-либеральных идей и теорий в области государственного и общественного устройства». Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с. 123–125.

⁵² Термин «османизм» стал трактоваться как определение единства соотечественников, «новые османы» ввели в обиход политической жизни Османской империи даже термины «османская нация», «османский народ» для обозначения всех народов страны.

Пропаганда османизма активно велась и на Балканах. В дни вспыхнувшего там в 1875 г. антифеодального и антитурецкого крестьянского восстания пропаганда идей османизма стала рассматриваться турецкими властями как важный инструмент политической борьбы с нараставшим освободительным движением в этом районе империи. Особую популярность в этот период идеи османизма приобрели среди босняков. Настойчиво вела пропаганду идей османизма, идей органической связи населения Боснии и Герцеговины с Турцией издававшаяся в 1897–1899 гг. в Сараево на турецком языке газета «Рехбер». Например, во время греко-турецкой войны все симпатии газеты были на стороне Турции. День восшествия султана Абдулгамида на престол газета называла «днем радости всех мусульман и османов». *Петросян Ю.А. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах. (По материалам библиотек и архивов Сараево). Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 143–148.*

⁵³ Любопытную оценку даёт ему Дж. Фрили. Будучи в свите своего царствующего дяди Абдулазиза во время визита того в Европу в 1867 г., Мурад проявил себя безусловным «проевропейцем» и жизнелюбом: «Беглое владение французским языком, прекрасное умение скользить по паркету в бальных танцах и легкость и непринужденность, с какими он общался с европейскими великосветскими дамами, завоевали ему отменную репутацию при британском дворе. Королева Виктория попыталась было устроить его брак с принцессой Мари Маунтбеттен... В царствование Абдул-Азиза Мурад обзавелся собственным гаремом, который находился в Долмабахче. Известны имена четырех его налож-

ниц. В бытность престолонаследником его женщины родили ему семь детей, из которых двое умерли в младенчестве.

Мурад был страстным читателем и серьезно интересовался музыкой и архитектурой. Живой интерес проявлял он и к текущей внутривосточной ситуации. Он встречался с рядом либеральных политических деятелей, составлявших костяк движения «Ени османлылар» – «Новых османов». Пользовавшийся принца греческий доктор Каполеоне ввел его в общество масонов, где Мурад подружился с поэтом и драматургом Намыком Кемалем, одним из ведущих идеологов новых османов. *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 316–318.

⁵⁴ *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 318–321.

⁵⁵ *Üçök S., Mıtsı A. Türk hukuk tarihi...*, с. 318.

⁵⁶ *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990, с. 212–213.

⁵⁷ Цит. по: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 10. М., 1958, с. 130.

⁵⁸ *Kara M. Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler.* İstanbul, 1980, с. 265, 268.

⁵⁹ Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 122–126.

⁶⁰ Россия и Черноморские проливы, с. 193.

⁶¹ История России XIX – начала XX в. Учебник, с. 286, 287.

⁶² Там же, с. 288–291.

⁶³ Там же, с. 291–295.

⁶⁴ Там же, с. 299, 300; *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 341, 342. В условиях, когда Абдулгамид столь жестоко преследовал собственное население, прежде всего немусульман, российский посол в Турции А.И. Нелидов предложил своему правительству опередить ввод англо-итальянской эскадры в Проливы, захватить Верхний Босфор (о занятии Стамбула речь не шла) и затем пригласить к совместным действиям против Порты другие державы. Эта идея не была новой, первый такой проект Нелидова был одобрен царём еще в 1882 г., с этого времени велась проработка военного плана операции.

Участники Особого совещания, обсудив проект Нелидова, существенно его изменили. В решениях совещания десант на Босфор рассматривался только как ответная мера в случае ввода в Проливы иностранных флотов, причём подчёркивалось, что главной целью российской дипломатии оставался поиск совместно с другими державами мирных средств урегулирования внутреннего кризиса в Турции. Осторожность была вызвана тем, что занятие Босфора могло сплотить против России остальные державы и привести к столкновению с ними.

Несколько месяцев русский флот в Севастополе и Одессе оставался в готовности, пока российская дипломатия предпринимала шаги, чтобы военная машина не была приведена в действие. В конечном итоге по-

следовало официальное заявление Франции о том, что при урегулировании кризиса державы должны действовать сообща, уважать территориальную целостность Османской империи и суверенные права её правительства. К отказу от радикальных сепаратных действий, которые неизбежно вызвали бы аналогичные действия со стороны других великих держав, склонились и в других европейских столицах, включая Лондон. Ведь в Чёрном и Средиземном морях помимо англо-итальянской эскадры наготове стояли французские и австрийские корабли. К концу 1897 г. усилия общеевропейской дипломатии привели к тому, что Абдулгамид согласился предоставить автономию Криту. Таким образом была остановлена вспыхнувшая было в феврале 1897 г. греко-турецкая война из-за этого острова Крита. Россия совместно с другими державами добилась от султана обещаний улучшить управление Македонией. История России XIX – начала XX в., с. 366, 367.

⁶⁵ При всём при том, пишет Дж. Фрили, ссылаясь на воспоминания супруги английского посла в Стамбуле Лэйярда (до апреля 1880 г.), Абдулгамид «был искренне расположен к британскому послу и его жене и поддерживал добрые отношения с леди Лэйярд даже после того, как взаимные упреки по поводу Берлинского трактата временно испортили отношения между ее мужем и султаном. Она стала первой женщиной, которую пригласили к трапезе за султанский стол. После этого Абдулгамид разрешил своим детям поехать вместе с леди Лэйярд на чаепитие в британское посольство в Пера. Она часто посещала гарем и видела, как он играет со своими детьми. На ее глазах он чинил сломанную куклу одной из своих маленьких дочек. Она слышала, как Абдулгамид рассказывал турецкие народные сказки или играл музыку Оффенбаха на пианале. Леди Лэйярд обсуждала с ним его планы открыть школу для девочек, где дочери знатных турецких родителей могли бы получать западное образование, не раздражая в то же время исламскую оппозицию... В одежде он отличался скромностью и непритязательностью. Он носил сюртук и ничем не отличался от европейца, если не считать красной турецкой фески на голове. Султан вовсе не являлся несокрушимым в своей вере, но адаптировался в публичной жизни к обязанностям набожного мусульманина». *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 338–340.

⁶⁶ В Европе, по словам Кологлу, не прекращались заявления: «либо мы сами покончим с больным, либо оставим его умирать одного»; «это же азиаты, им надо вернуться туда, откуда пришли, столицей пусть станет Бурса или Дамаск». Наряду с этим вновь и вновь утверждалось самое главное и самое опасное – отсталость восточных обществ – это консервативная сущность религии ислама. Европу буквально распирало от сознания, что финал начавшегося исторического реванша близок. В XIX в. не было ни одной европейской газеты либо журнала, где бы не

говорилось о враждебности турок и о необходимости разрушения Османской империи. В спорах о том, что оказалось препятствием для выполнения танзимата, активным участником был один из лидеров «новых османов» Намык Кемаль, в то же время он отвергал мысль о том, что таким препятствием был шариат. Кологлу так формулирует политическое кредо Намыка Кемалья, авторитетнейшего просветителя того времени – главной реформой следует считать учреждение конституционного режима, для чего необходимо было единение ислама (внутри страны), османское единство и господство правящей нации (верховенство во власти турок). *Koloğlu O. Abdülhamid gerçeği. İstanbul, 1987, с. 56–59, 61.*

⁶⁷ Подавляющая часть крестьян не имела земли. 65,5% всех обрабатываемых земель принадлежало крупным помещикам (часто они же – чиновники), составлявшим лишь 5% сельского населения, тогда как 8% крестьянских хозяйств совершенно не имели земли. Особенно в тяжелом положении находились трудящиеся массы нетурецкой национальности: арабы, македонцы, армяне, курды и другие.

⁶⁸ *Önsöy R. Tanzimat dönemi osmanlı sanayi ve sanayileşme politikası. Ankara, 1988, с. 125, 126.*

⁶⁹ *Ergil D. Milli mücadelenin sosyal tarihi. Ankara, 1981, с. 55–56.*

⁷⁰ Так, государственная кожевенно-обувная фабрика в Бейкёзе была открыта в 1812 г. как мастерская для обработки кож, позже в результате расширения и обновления приступила к выпуску обуви (сапоги) и кожизделий. Фабрика «Хереке» была создана в 1843 г. Её шелкоткацкий цех расширялся, перестраивался ввиду растущего в те времена спроса на шелковую продукцию. С 1891 г. фабрика изготовляла также шелковые гобелены, пользовавшиеся большим спросом дворца и за рубежом. Это свидетельствовало о том, что она начала работать на рынок. В начале XX в. на фабрике открылись цеха сукна и фесок. Фабрика в Макрикёе (Бакыркёй) была построена на частные капиталы, затем перешла под контроль государства, изготовляла хлопчатобумажные ткани для армии.

Самая крупная государственная фабрика была в Дефтердаре, она изготавливала военные фески, затем приступила к производству тканей. В Измите начиная с 1845 г. также действовала государственная фабрика: производство фесок (60 тыс. шт.), шерстяных тканей (192 т), обработка тифтика и т. п. Кроме того, имелись небольшие предприятия – фарфоровая фабрика при султанском дворе Йылдыз, текстильные мастерские в Бурсе и др. *Eldem V. Osmanlı İmparatoruğunun iktisadi şartları...*, с. 98–106, 117–120.

⁷¹ По инициативе властей в 1850 г. было учреждено пароходное общество «Ширкет-и хайрие», которое осуществляло на своих паромных судах перевозки пассажиров между азиатским и европейским берегами. По мнению Тевфика Чавдара, оно стало прототипом современных

государственных компаний. Акции общества распродавались среди публики под большим давлением властей, акционерами стали представители бюрократии, инонациональной буржуазии. Руководящая верхушка власти во главе с падишахом, видные бюрократы, банкиры Галаты создали между собою акционерную коалицию. *Çavdar T. Türkiye'de liberalizmin doğuşu. İstanbul, 1981, с. 69–71.*

Капитал компании составил 60 тыс. лир, с 2 тыс. паями. Султан Абдулмеджид I записал за собою 100 паев. Многие государственные деятели приобретали символический пай. Однако необходимый капитал так и не был собран; чтобы купить суда, Мустафе Решид-паше пришлось обратиться к саррафам и банкирским конторам.

Это был не единственный пример в то время такого рода деятельности. Мидхат-паша, будучи правителем Дунайского вилайета, стремился к развитию в крае предпринимательской деятельности, поощряя в вилайете развитие частной инициативы. Сам Мидхат-паша явился основателем общества по перевозке пассажиров дилижансами, а также судоходной компании на Дунае, для нужд которой им были основаны предприятия по производству и ремонту транспортных средств. *Фадеева М.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность, с. 28, 29.*

⁷² *Toprak Z. Türkiye'de "milli iktisat" (1908–1918). Ankara, 1982, с. 40, 48.*

⁷³ *Varlık B. Emperyalizmin Çukurova'ya Girişi. Ankara, 1977, с. 44–61.* Некоторое представление о степени промышленного развития в империи дают скудные сведения по наёмному труду. Исследуя проблему трудовых конфликтов в отношениях между рабочими и руководством госпредприятий, К. Фишек обнаружил почти полное отсутствие данных, относящихся к зарождению наемного труда в Османской империи. Косвенным свидетельством того, что трудовые конфликты тогда принимали острые формы, было включение в принятое в 1845 г. «Положение о полиции» специальной статьи, направленной против рабочих. В ней устанавливалось, что одна из главных обязанностей создаваемой полиции – закрывать и распускать всякого рода организации и общества рабочих, если они преследуют цели прекращать работу и устраивать забастовки. Полиция должна постоянно предупреждать возникновение таких конфликтов. Первой рабочей забастовкой в истории Турции К. Фишек считает забастовку рабочих верфи Касымпаша в 1872 г. Причиной её была невыплата 600 рабочим в течение трех месяцев заработной платы. В том же году в июле прошла забастовка на государственной кожевенно-обувной фабрике в Бейкозе. Несколько лет спустя, в 1895 г., в Топхане (арсенал) была создана Османская рабочая партия (Османлы амеле джемиети), вскоре она была закрыта. Позднее забастовки на госпредприятиях являлись уже частью забастовочного движения, разразившегося после младотурецкой революции 1908 г. *Fişek K. Türkiye'de*

devlet – işçi ilişkileri açısından devlete karşı grevlerin kritik tahlili. Ankara, 1969, с. 25–27.

⁷⁴ Всего было учреждено 14 касс по профилю государственной службы – для служащих военного, административного, научного, почтового, судостроительного, железнодорожного и других ведомств. В 1885 г. эта система была реорганизована для государственных работников гражданских ведомств, были организованы Всеобщая пенсионная касса гражданских служащих, а для военных – Всеобщая пенсионная касса военнослужащих. Отчисления были увеличены до 5%, фонды касс были расширены за счет новых источников финансирования. Эта система действовала до июня 1930 г. Türkiye ansiklopedisi Cilt 6, с. 28, 29.

⁷⁵ Развитие экономики империи направлялось и регулировалось, поощрялось и, наоборот, тормозилось при участии печально знаменитого Управления Оттоманского долга. Основная стратегия поощрения была очевидна – развитие сырьевой базы, ориентированной на экспорт, а также ближневосточной железнодорожной сети экономического и военно-стратегического предназначения.

В конце XIX в. османская экономика переживала «поворотный момент» своего развития – Порта объявила дефолт по упомянутым выше и возникшим новым долгам и, согласно Мухарремскому трактату 1881 г., управление государственными финансами перешло под контроль иностранных держав. Созданное Управление долга стало государством в государстве, а Османская империя стала «жандармом экономических интересов великих держав». Управление долга установило контроль над большей частью государственных доходов. Изымались в пользу управления агнам, военный и поземельный налоги, пошлина на табак, в результате не могли сооружаться дороги, мосты, школы, фабрики. *Ortaylı İ. Türkiye idare tarihi*. Ankara, 1979, с. 307. Французским вкладчикам принадлежало 80% облигаций Оттоманского долга, общая сумма которого достигла 144 млн. ф. ст.

В распоряжение иностранцев частично передавался столь важный источник государственных доходов, каким были в империи госмонополии. Наиболее доходная – табачная была передана в 1888 г. организованному по этому случаю Обществу османских табаков (общество «Режи») с капиталом 100 млн. фр. (440 млн. курушей). Прибыль «Режи» при окончательном расчете делилась между казначейством Турции, Управлением оттоманского долга и «Режи». *Eldem V. Osmanlı İmparatorluğunun iktisadi şartları...*, 1970, с. 133. Перешла в распоряжение Управления долга и другая крупная госмонополия – солевая; под контролем оказались и другие налоги и сборы.

⁷⁶ Ankara üniversitesi. Siyasal bilgiler fakültesi dergisi. Mart 1968, с. 20, № 1, с. 416. Накануне Первой мировой войны капиталовложения Франции в Турции составляли 2240 млн. фр., Германии – 1280 млн., Англии –

750 млн. фр. Доля французских финансистов в банках Османской империи равнялась 59%, германских – 22 и английских – 6,8%.

В турецкой добывающей промышленности французскому капиталу принадлежало 76,5% инвестиций, английскому – 6,6%, германскому – 4,4%, другим странам – 12,5%. Но германские империалисты к началу войны прочно заняли первое место в железнодорожном строительстве Турции.

Важным каналом проникновения империалистических держав в Турцию была торговля, где преобладающее место занимали английские капиталисты. Иностранцы продолжали пользоваться большими льготами, установленными по средневековому режиму капитуляций.

Французская концессия «Режи» была чрезвычайно тягостной для турецких крестьян-табаководов, которая контролировала сбор табака и имела преимущественное право на его закупку. Она же производила все табачные изделия и торговала ими. «Режи» получала огромные барыши за счёт эксплуатации 150–200 тыс. семейств табаководов. Концессия скупала табак у крестьян по 4,3 пиастра за килограмм, а сбывала на мировом рынке по 31 пиастру.

Другим орудием закабаления Турции иностранным капиталом был Оттоманский государственный банк, находившийся в руках английских и французских финансистов. Этот банк пользовался неограниченными привилегиями и держал под своим контролем государственные финансы страны.

⁷⁷ Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М., 1989, с. 169–170.

⁷⁸ Крупный турецкий историк Тарык З. Туная без обиняков указывает на главную, внутреннюю причину неудач османской реформации. «Все особенности Османского государства – его образование, цели, а значит – кем и как власть используется, как должно управляться государство, – всё это следует осознать через постулаты Ислама. Взятые в целом эти положения получили название шариата. Шариат понимается как средоточие религиозных и мирских заповедей, установленных для рабов божьих. Цели государства шариат увязывает с двумя главнейшими принципами – обеспечить справедливость и сохранить границы исламского мира. Какое бы ни было государство, если оно мусульманское, оно существует для этого и только для этого. Справедливость – это исполнение шариата в пределах данного государства ... Открывать либо закрывать дверь для новшеств и реформ – эта функция продолжала оставаться за той силой, которая была ответственна за исполнение шариата – за сословием богословов и законоведов (Ильмие сыныфы). Поэтому те новшества, которые отвечали требованию времени, особенно в периоды реформ, либо вовсе не внедрялись в османскую социально-политическую структуру, либо принимались с запозданием, да и то

частично... Сословие богословов и правоведов стремилось командовать Османской империей до самого её конца». *Tunaya Tarık Z. Türkiye'nin siyasi hayatında batılışma hareketleri. İstanbul, 1996, с. 8, 11–12.*

Вместе с тем «в ожесточенной борьбе феодально-теократической реакции с развивавшимися и крепнувшими буржуазно-либеральными силами мусульманскому духовенству приходилось постепенно уступать свои позиции, в том числе в сфере просвещения». Если в начале нового времени обучение и воспитание мусульманского населения в Османской империи находились в руках духовенства, то к концу этого периода «оно сохранило безраздельную власть только над системой медресе». По данным турецкого министерства просвещения, в 1905 г. в Турции насчитывалось более 2500 медресе, в которых обучалось более миллиона мусульман, в том числе не менее 55–60 тыс. в светских школах и лицеях, специальных и высших учебных заведениях. *Желтяков А.В., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века). М., 1965, с. 150–151.*

⁷⁹ Как пишет Ш.С. Айдемир, «идеология сохранилась, движение продолжалось, целью было уничтожение деспотизма Абдулгамид и восстановление конституции». «Если бы он, – продолжает Айдемир, – даже оставаясь деспотом, тираном, поощрял в стране образование, искусство, создание дорог, портов, развитие торговли, индустриализацию, то рано или поздно Турция вновь обрела бы конституцию... Однако Абдулгамид II был в высшей степени невежественный человек, не прочитавший в своей жизни ни одной книги, слушавший чтение лишь полицейских романов, не ведавший о современных течениях, ставший затворником в стенах своего дворца, подозрительный, с большим воображением...» Наиболее влиятельной реакцией на такую власть, ведущую к быстрому распаду государства, стала организация Единение и прогресс. Идеалы конституционного режима и парламента усвоили младотурки, «превратили их в своё знамя... с ними эти молодые идеалисты сформировались в ссылках, тюремных застенках, пустынях Африки и Fizan, с ними обрели силу и надежду». *Aydemir Ş.S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt I. İstanbul, 1983, с. 158–162.*

⁸⁰ См.: *Aydemir Ş.S. Tek Adam. Mustafa Kemal. Cilt I. 1881–1919. İstanbul, 1983, с. 75.* Участниками первой тайной группы учащихся Военно-медицинского училища в Стамбуле были доктор Охрили Ибрагим Темо из Македонии, впоследствии покинувший ЕиП, литератор Арапгирли Адуллах Джевдет, Исхак Сукути из Диярбакыра, Мехмет Решит с Кавказа, Хюсеинзаде из Баку. Год создания (1889) группы совпадал со столетием французской революции, возможно, учредители связывали идеи своей организации с французскими идеалами. Затем последовали более многочисленные встречи с участием новых активистов от других регионов. Аналогичное расширение наблюдалось в Европе. Там же, с. 161–165.

Глава II

¹ Османское государство, отмечает Баур, «оказалось полностью в стороне от мощного промышленного подъёма», совершённого в мире во второй половине XIX века. Даже его давний враг – Россия предприняла в то время крупные шаги в этом направлении. *Bayur Y.H. Turk inkilabi tarihi. Cilt I, kısım 2. Üçüncü bas. Ankara, 1983, с. 240.* Подобное отставание некоторые турецкие авторы безоговорочно связывают с внешними причинами, полукOLONиальным положением империи, ставшим ещё более очевидным именно после реформ танзимата. Так, Эмин Тюрк Эличин посвятил специальную главу одного из своих исследований теме: «Танзимат, или как мы стали полукOLONией». *Eliçin E.T. Kemalist devrim ideolojisi. İstanbul, 1970, с. 158–191.*

Есть и другие самокритичные высказывания по поводу исходных причин отставания империи и её развала. В турецком учебнике для лицеев её авторы называют две главные причины: «Османская империя не смогла противостоять стремительно развивающемуся Западу», а также «быстрому распространению национальных движений, возникших в начале XIX века». *Su M., Mumcu A. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük. İstanbul, 1996, с. 22.*

² «Тогда была совершена большая ошибка, – продолжает Гюрюз, – прежним учреждениям (кроме военных) было разрешено действовать рядом с новыми», факультеты существовали рядом с медресе. Первый по западным меркам университет был учреждён в 1846 г., однако работать он смог только через 54 года «из-за давления засевших в медресе мракобесов... Вы никогда не добьётесь успеха реформ, если разрешите действовать прежним институтам рядом с новыми. Именно поэтому Османская империя стала в XIX веке больным человеком. Ренессанс, реформы, научная революция – всё было упущено. Книгопечатание добиралось до империи 250–270 лет. Не была замечена промышленная революция – никакого участия в ней. Со временем болезнь стала смертельной и спустя 624 года одна из величайших мировых империй канула в прошлое». Другой автор, Шахинлер считает, что закат и упадок Османской империи «всегда связывают с факторами общественного, духовного или экономического характера». Он убеждён, что согласно реформам танзимата, были гарантированы «основополагающие права человека в юридической, судебной и административной областях», предоставлены права немусульманским национальным меньшинствам. «Но все эти преобразования никак не коснулись экономики, и в них уделялось слишком мало внимания вопросам торговой деятельности». *Шахинлер М. Кемализм: зарождение, влияние, актуальность. Пер. с фр. М., 1998, с. 13, 14.*

³ Ещё в 1883 г. в Турцию был командирован фон дер Гольц – в качестве члена германской военной миссии. С 1885 г. он возглавил эту миссию и занял пост помощника начальника генерального штаба турецкой армии. По замыслу Бисмарка миссия должна была реорганизовать турецкую армию и на случай войны с Россией укрепить на Босфоре германское влияние. Во избежание дипломатических осложнений официальный характер военной миссии был замаскирован переходом командировавшихся офицеров на турецкую службу. За 12 лет первого срока пребывания в Турции германские офицеры под руководством фон дер Гольца добились некоторых результатов в перевооружении и боевой подготовке турецкой армии. Со времени младотурецкой революции фон дер Гольц снова стал часто наведываться в Турцию – в течение 1909–1910 гг. для участия в ежегодных осенних манёврах и одновременно для руководства предпринятой младотурками реорганизацией армии. В декабре 1914 г. он вновь был командирован в Турцию и стал адъютантом султана, а с октября 1915 г. командовал турецкой армией в Месопотамии.

С декабря 1913 г. в османской армии в качестве главы германской военной миссии находился генерал Лиман фон Сандерс, официально считавшийся военным советником. К лету 1914 г. германская миссия под его руководством насчитывала 70 офицеров. Деятельность миссии была эффективным средством вовлечения Турции в Первую мировую войну. Во время войны численный состав миссии увеличился до 200 офицеров. Сам генерал участвовал в Первой мировой войне в составе высшего военного руководства Османской империи, фактически руководил турецкой армией. Другой немецкий военачальник, адмирал Сушон, командовал турецким флотом. Это обеспечивало не только военный, но также политический и дипломатический контроль Германии над Турцией до и во время войны.

⁴ Совпадение это или нет, но одно из покушений на султана было совершено 21 июля 1905 г. На площади перед мечетью Хамидие во время еженедельного селамлыка султана взорвалась карета, набитая динамитом. Погибло 17 человек, но султан был в мечети и поэтому не пострадал. *Фрили Дж. Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов.* Смоленск, 2004, с. 347.

⁵ Вернувшись в Салоники, Мустафа Кемаль встретился с членами общества «За отчизну и свободу» и Комитета «Единение и прогресс», чьи идеи не совпадали с его собственными, но к которому он всё же примкнул. Идеи самого Мустафы Кемала, такие как упразднение султаната, реорганизация армии и установление новой стратегии по возвращению захваченных территорий, были приняты в Комитете «Единение и прогресс» с крайним недоверием. Более того, Энвер-паша, член этого Комитета и весьма в нём влиятельный, остерегался Мустафы Кемала и стремился удалить его с авансцены. *Шахинлер М. Кемализм...*, с. 21–23.

⁶Соглашаясь с принципом предоставления автономии национальным меньшинствам империи, младотурки дали понять армянским комитетам, что их мечты о создании в Малой Азии самостоятельного армянского государства не могут быть осуществлены, но армянское население наравне с прочими народностями получит право на самоуправление. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок. М., 1972, с. 93–94.

⁷Как считает Шахинлер, единственной целью восстания 1908 г. было провозглашение конституционной монархии, причём члены Комитета претендовали на активное участие в политической жизни государства. Здесь произошло полное смешение между политиками и военными, поскольку Комитет по большей части состоял из военных. Произошло столкновение тех, кто, подобно Мустафе Кемалю, открыто защищал идею разделения между политикой и армией в руководстве Комитета. По инициативе Талаат-паши, одного из лидеров Единения и прогресса, Мустафа Кемаль получил назначение в Триполи и вскоре отправился в Северную Африку «защищать последнюю колонию Османской империи». *Шахинлер М.* Кемализм..., с. 23.

⁸Приветственную речь от имени султана в адрес депутатов произнёс новый садразам Кямиль-паша, депутаты были приглашены на вечерний приём к султану. «Это приглашение было встречено с большим энтузиазмом в стамбульской прессе. Одна из газет писала, что это первый в истории страны случай, когда народные представители приглашаются на вечерний приём к падишаху». *Bozkurt G. Bati Hukukunun Türkiye'de Benimsenmesi.* Ankara, 1996, с. 89, 91.

Среди 275 депутатов парламента насчитывалось 142 турка, 60 арабов, 25 албанцев, 23 грека, 12 армян, 5 евреев, 4 болгарина, 3 серба и 1 куцовлах (аромун). Председателем был избран Ахмет Риза-бей, его заместителями турок Талаат-бей и грек Аристиди-эфенди. Также был оглашен список 39 сенаторов, назначенных султаном. Недавно созданная оппозиционная партия Ахрар не смогла пройти в этот парламент, но вскоре в меджлисе стала формироваться своя, парламентская оппозиция, представленная как консервативными элементами, так и национальными меньшинствами. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок. М., 1972, с. 122–124, 130, 131.

⁹Там же, с. 137.

¹⁰Парламент постановил сослать бывшего султана в Салоники. Поздним вечером из ворот дворца Йылдыз выехала длинная вереница карет, в которых ехали Абдулгамид и его свита. Они проследовали на железнодорожную станцию, где их ждал султанский вагон... В изгнание вместе с султаном отправлялись два его сына, две дочери, три жены, четыре наложницы, четыре евнуха и четырнадцать слуг, а также его ангорские кошки и огромный сенбернар. В Салониках их разместили на вилле – в просторном и комфортабельном особняке на берегу моря.

Македонские войска арестовали свыше шести тысяч сторонников Абдулгамиды. Были учреждены военные трибуналы, немало участников антиконституционного заговора было приговорено к повешению. «Среди казненных был и начальник черных евнухов Джевхер-ага, которого повесили на фонарном столбе на Галатском мосту. Все движимое и недвижимое имущество Джевхера было конфисковано, включая и его виллу на Босфоре, где при обыске власти обнаружили красивую, молодую невольницу из Египта, которая была убита горем, когда ей сообщили о смерти её хозяина. Всем обитателям гарема Абдулгамиды, которые остались во дворце Йылдыз, не последовав за своим повелителем в ссылку, было приказано покинуть их место жительства».

Дж. Фрили приводит следующие подробности изгнания «леди из гарема бывшего султана»: «Эти несчастные создания были всех возрастов от пятнадцати до пятидесяти лет. Их было так много, что для перевозки их и их слуг потребовался тридцать один экипаж. Некоторых из них отправили в старый сераль в Стамбуле, однако этот старый дворец первых султанов пришел в такое запущенное состояние, что жить в нем было совершенно невозможно, и их вернули в Йылдыз». Новое правительство вошло в сношения с черкесскими деревнями, давшими большую часть женщин для султанского гарема, и официально уведомило их старост, что семьям представляется право забрать домой любых своих родственниц, которые ранее числились при дворе Абдулгамиды II. За некоторыми женщинами, преимущественно пожилого возраста, никто не явился, и тогда правительство объявило, что берёт их на государственное обеспечение до тех пор, пока «они не выйдут замуж». В начале мая, когда во дворец Йылдыз прибыла парламентская комиссия для инвентаризации имущества бывшего султана, она была крайне изумлена хриплыми голосами, зазвучавшими в одной из комнат. Звучали слова «Падишахим чок яша!» («Да здравствует султан!»). Вскоре выяснилось, что это кричали сотни голодных попугаев. *Фрили Дж.* Тайны Османского двора, с. 348–353.

¹¹ Султан не вмешивался в дела младотурок. «Это был пожилой человек, долгое время проживший в позолоченной, но все же неволе, приятный в общении, но не имевший ни политического опыта, ни какой-либо явной тяги к самоутверждению. Масштаб его мышления был настолько мал, что он часто казался едва ли не маразматиком... Неукоснительно соблюдавший время молитв, он в то же время был в значительной степени привержен ликёру и бренди». Там же, с. 356.

¹² *Bozkurt G.* *Batı Hukukunun Türkiye’de Benimsenmesi*, с. 93. Такое мнение разделяет немало турецких специалистов по конституционному праву. Например, Ф. Демир считает, что в августе 1909 г. были внесены в конституцию обширные и важные изменения, которые придали ей

название Второй конституции. См.: *Demir F. Anayasa Hukukuna giriş.* İzmir, 1984, с. 113.

¹³ Согласно изменениям 1909 г. парламент, получив законодательные полномочия, приобретал высокий статус представителя нации, но на стадии выполнения оказывался слабым. В 1909 г. положения о том, что власть принадлежит нации, не было, полномочие на изменение конституции было оставлено за падишахом. Так обстояло дело с «целостностью» конституции 1876 г. – она периодически модифицировалась после восстановления её младотурками и вплоть до 1918 г. младотурки использовали эти изменения в своих интересах. Тексты цитируемых конституционных изменений см.: *Türk Anayasa metinleri. 1939–1980.* Ankara, 1982, с. 75–80.

Любопытные бытовые эпизоды из жизни отдельных персонажей медленно европеизировавшегося османского общества тех времен можно встретить в популярном романе Решата Нури Гютекина «Птичка певчая». Его героиня, юная Фериде, оканчивает французский католический пансион в Стамбуле и намерена зарабатывать на жизнь преподаванием французского языка в женском педучилище. Вне дома при посещении чиновников она надевает чадру. В играх детей на улице в качестве бранных слов используются «гяур», «дети гяуров». Один из чиновников, принимая Фериду, высказывается в духе некоего «культурного гавата»: «коль скоро европейцы переняли от арабов медицину, химию, астрономию, математику, почему же мы совершаем глупость и не заимствуем у них новые науки? Проникать в сокровищницу знаний и мудрости европейцев, захватывать их научные достижения – это законный грабеж. Он совершается не с помощью пушек и ружей, а всего-навсего только с помощью французского языка». *Гюнтекин Р.Н. Птичка певчая.* Пер. с турецкого. М., 1958, с. 237.

¹⁴ *Bozkurt G. Batı Hukukunun Türkiye’de Benimsenmesi*, с. 93–95.

¹⁵ *Tunaya T. Z. Türkiye’de siyasi partiler.* Cilt I. İstanbul, 1984, с. 7.

¹⁶ В турецком учебнике для лицеев напоминается, что в указанное время Триполитания (ныне Ливия) была последним османским владением в Северной Африке, ещё не превращенным в колонию европейских держав, говорится о том, что происходит с государствами, если они слабы. «Итальянцы для развития своей промышленности искали рынки сбыта и источники сырья, однако в мире не осталось мест, которые можно было превратить в колонии – их уже поделили между собою ведущие европейские державы ещё до того, как Италия объединилась в единое государство. Теперь пришла очередь и для территорий слабых государств... У Османского государства не осталось сил, чтобы защитить эту провинцию. По суше отправить армию стало невозможным, ибо Египет был захвачен англичанами, не было уже для этого и военно-морских сил, поскольку при Абдулгамиде II, который боялся действий флота против

него, военные корабли обречены были ржаветь в Золотом Рого». Безуспешными оказались попытки некоторых османских офицеров, среди которых были Мустафа Кемаль, а также Энвер-бей, тайно, под чужими именами выехавших к месту военных действий, организовать отпор итальянцам в районах Дерны и Тобрука. Итальянцы активно использовали десантные операции, однако помощь туркам с родины так и не пришла. *Su M., Mumcu A. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük*, с. 20.

Шахинлер пишет: «Офицеры-младотурки, среди которых были Мустафа Кемаль и Энвер-паша, тотчас же добровольцами ушли на фронт сражаться против итальянской армии. Это было бесславное и безнадёжное поражение. Однако мужество Мустафы Кемалья в военных действиях против итальянцев было отмечено присвоением ему 14 ноября 1911 г. звания майора. *Шахинлер М. Кемализм...*, с. 24.

¹⁷ Одновременно правительство сделало попытку заручиться поддержкой держав в войне с балканскими государствами. Кямиль-паша обратился за помощью к Англии, но получил ответ, что в сложившейся ситуации Англия предпочитает соблюдать нейтралитет. Не получила Порты поддержки и в Берлине. Кайзер обещал только помощь в заключении мира на почётных для Османской империи условиях, да и то лишь в том случае, если туркам удастся одержать хотя бы одну крупную победу.

¹⁸ Болгария по Бухарестскому мирному договору 1913 г. уступила Румынии Южную Добруджу, Греции – Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии – почти всю Северную Македонию. Балканские войны привели к обострению международных противоречий, ускорили начало Первой мировой войны.

¹⁹ София была первой столицей Запада, в которой М. Кемаль долго оставался. Такие вопросы, как вестернизация, права человека, свобода женщины, революция в музыке, занимали его мысли в Софии. Следующие фразы он произнёс там: «Следует отменить паче. Мужчины должны носить шляпы. Мужчина должен иметь в жёнах одну женщину. Мужчина и женщина должны быть равны». Интересно отметить и книги, которые М. Кемаль читал. Те, кто ознакомился с его библиотекой, считают, что глубокие следы у него оставили такие, например, книги, как труд Шехбензерзаде Ахмеда Хильми «Можно ли признавать Аллаха» («Allah'ı İnkâr mümkün mü?»), познакомившие его с позитивизмом. В этом списке были произведения Намыка Кемалья «Siyaset ve Edebiyat makaleleri», труды Мехмеда Эмина и Тевфика Фикрета. Позже к списку добавились «Общественный договор» Ж.Ж. Руссо и «Конституционное право» Исмаила Хаккы Бабанзаде. Гази постоянно подчёркивал слово «Республика».

Иначе пребывание в Софии М. Кемалья оценивает Шахинлер. В Софии Мустафа Кемаль чувствовал себя неуютно: такие чувства может испытывать офицер, удалённый от главных дел. Он считал опасным пребы-

вание Энвер-паши на очень высокой должности в правительстве Османской империи, беспрестанно повторяя о необходимости полного разделения армии и политической власти. Эта принципиальная мысль, которую он неизменно отстаивал, станет впоследствии основой для установления демократии в созданной им позже Турецкой Республике.

Однако Комитет не оценил его взглядов. В преддверии надвигавшейся Балканской войны в Румелии Мустафа Кемаль настаивал на отводе османской армии с линии Монастир–Салоники. За это его подвергли серьёзной критике: идея отвода войск не согласовывалась с воспитанием и культом честолюбия турок-османов. Мустафе Кемалю не удалось найти ни одного действующего офицера, который разделил бы его реалистичные взгляды на политику. В османском обществе, особенно в 1913 г., господствовало шовинистическое течение пантуранизма: пантюркисты мечтали о возвращении всех бывших османских территорий, где проживали тюркские народы. Члены Комитета, некоторые из которых были министрами, оказались под влиянием этого политического течения и потому считали невозможным оставление некоторых территорий.

В этот критический для Османской империи период Мустафа Кемаль, несмотря на свои реалистичные взгляды на политику и очевидную компетентность в данном вопросе, по воле членов Комитета фактически оказался политическим ссыльным в Софии, хотя и с преимуществами, которые давал ему дипломатический статус. *Шахинлер М. Кемализм..*, с. 25.

²⁰ Так, сербская газета «Застава» (г. Нови Сад) убеждала читателей, что младотурки вели борьбу за обеспечение политических прав всех народов империи без различия вероисповедания. В одном из номеров этой газеты отмечалось, что Австро-Венгрия не радуется восстановлению турецкой конституции, ибо вопрос теперь стоит так: если созрела для конституции Турция, то почему же не созрели для парламентарного управления Босния и Герцеговина? Газета подчеркивала, что австрийским оккупантам трудно найти ответ на этот вопрос. Та же «Застава» сообщала, что сербы – жители Скопле – выступили в защиту «неделимости Османской империи». На конференции в Скопле сербами была создана лига, которая своим основным принципом провозгласила признание целостности Османской империи. Члены этой лиги называли себя «османскими сербами». Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 147–149.

²¹ После прихода к власти младотурки «начали проводить шовинистическую, великодержавную политику по отношению к нетурецким народам Османской империи. В период австрийской оккупации доктрина османизма была одним из средств политической борьбы ряда организаций босняков и сербов против австрийского ига. Историческая обречённость доктрины османизма и полная бесперспективность её пропаганды на Балканах стали совершенно очевидны в период первой балканской войны 1912–1913 гг. Там же, с. 149.

²² Крах османизма трагически отразился на судьбах многих турок в балканских странах. О невзгодах своей семьи писал известный поэт Яхья Кемаль Бейтлы (1884–1958 гг.). Родившись в Ускюпе, он провёл детство в обширных чифтликах своих родителей в Румелии, во время греко-турецкой войны семья переехала в Салоники. Короткое время, будучи во Франции, он даже проявлял интерес к социализму Жореса. Однако потом стал туранистом. «В повороте к национализму большую роль сыграла утрата Турцией Румелии». *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 2. İstanbul, 1983, с. 896–900. В своих мемуарах он, в частности, пишет: «Наши соотечественники, стамбульцы, анатолийцы, ошибаются, когда привычно воспринимают румелийских турок как мухаджиров. Какое страшное заблуждение! Наше проживание в Румелии пять веков славяне и европейцы считают достаточным и нас в этом убеждают так, что мы не можем возразить. Например, в том же Скопье мы, турки, прожили 510 лет, с 1392 г. до 1894 г. Но сербы здесь столько не прожили до того, как мы его завоевали. Да и города как такового здесь не было, а была небольшая деревня». В 12 лет он узнал, что где-то на далёком острове Крит «греки режут каждый день мусульман, покушаются на честь наших мусульманок, а европейцы помогают грекам». «Критское восстание стало незаживающей раной в сердцах мусульман... Греки все время наносят нам пощечины, и мы не можем им ответить. Почему? О боже, почему мы оказались в таком положении?» *Kemal Y. Çocukluğum, gençliğim, siyasi ve edebi hatıralarım*. İstanbul, 1976, с. 55–58.

²³ Видный представитель западничества Джелиаль Нури (Илери) считал, что существует два вида цивилизации – техническая и истинная. С точки зрения истинной Европа и христианский мир в действительности не олицетворяют собою прогресс, поэтому брать у Запада следует лишь техническую цивилизацию. О том, что это возможно, свидетельствует опыт Японии. Возникали и другие модели приобщения к западной модели, но единства в этом течении так и не возникло. *Tunaya T.Z. Türkiye'nin siyasi hayatında batılama hareketleri*. İstanbul, 1996, с. 76–81.

²⁴ «Демократия веками существует в исламе, – продолжает излагать эту версию Туная, – «а подлинная слабая сторона Запада кроится в аморальности и бездуховности и здесь исламу нечего заимствовать у Запада. Превосходство Запада над исламом – лишь в технологии. Можно и нужно брать у Запада только и только необходимые для подъёма экономики, роста материального производства методы и оборудование». Основная причина моральной деградации Запада просматривается в переходе к секулярности. Спасение, возрождение и возвышение империи, всего исламского мира «возможно только и только путем исламского ренессанса». *Tunaya T.Z. Türkiye'nin siyasi hayatında batılama..*, с. 82–86. В.А. Гордлевский, живой свидетель событий тех лет, пишет, как такой крупный писатель-просветитель, как Хюсейн Рахми Гюрьпынар (1864–

1944), в своих произведениях высмеял «рабское подражание Европе». «Факты уродливого подражания Западу были подмечены писателями, и у более вдумчивых османцев явилось опасение потерять в неудержимом потоке западных идей национальность. Усиление западного влияния должно было ослабить значение мусульманского духовенства, и муллы всполошились. Религиозно-богословское направление всегда преобладало в османской литературе, теперь оно только устремилось со всей силой в новую сторону – на борьбу с врагом, нагрянувшим с Запада». *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Том II. Язык и литература. М., 1961, с. 395–398.

²⁵ Известный социолог Шериф Мардин считает, что призывы к османской элите заняться турками-анатолийцами появились на рубеже XIX–XX вв. в журнале младотурок «Шураи Уммет» («Совет общины») – Париж, Каир). Тогда румелийские и анатолийские турки ещё слабо отреагировали на столь новую тему журнала – национальная культура турок. Они знали лишь турецкий язык, «литературный же язык османский народ не понимал, к нему надо взывать по-турецки». В выходившем в Египте журнале «Анадолу» появилось даже и такое обращение: «Эселямю алекюм благословенная Анатолия. Эй, великое племя тюрков. Здравствуй, милая Малая Азия, священная родина, тираническая власть...» В журнале «Письма из Анатолии» один автор писал: «Да, османы-тюрки уходят из Европы... Появившись из Мавераннахра и дойдя до Вены, сегодня с Абдулгамидом во главе они возвращаются в нищую и стонущую Азию. Роковой и ужасный конец...» Как пишет от себя Ш. Мардин: «Естественно, что в таких условиях младотурки мысленно обращались к Анатолии и к тюркам. Такое внимание к туркам было совершенно новым явлением». *Mardin Ş. Jön Türklerin siyasi Fikirleri.* 1895–1908. Ankara, 1983, с. 196–197.

²⁶ *Georgeon F. Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri.* Yusuf Akçura (1876–1935). Çev. Alev Er. Ankara, 1986, Belge 1, с. 117–119.

²⁷ Вскоре из-за связей с младотурками Ю. Акчура был уволен с военной службы, отправлен в ссылку, но некоторое время спустя восстановлен в звании и направлен в Триполи. Отсюда через год, в 1899 г., он бежал во Францию, где продолжил образование: в «Эколь либр де сыанс политик», изучал политологию, учился у Альбера Сореля и Эмиля Бутру. К окончанию учёбы в 1903 г. подготовил тезисы по истории османских институтов. Сотрудничал с газетой «Мешверет», поддерживал связи с противниками абдулгамидовского режима. По завершении образования во Франции Ю. Акчура не вернулся в Стамбул, а направился в Россию, где работал на фабрике своего дяди, затем в Казани преподавал в медресе Мухаммедие историю, географию и турецкую литературу. После революции 1905 г. в России представлял в Думе интересы тюрков. Установил связи с передовыми тюрками России, стал активным деятелем

политической партии Русья Муслюманлыры Иттифакы. Распространял в среде тюркских общин взгляды по тюркизму. Получив разрешение на издание тюрками своей газеты, начал издавать в Казани первую ежедневную «Казан мухбири»; спустя два года под давлением царских властей издание было закрыто. Несомненно, эту деятельность Акчуры следует рассматривать в рамках Джадидизма (от араб. джадид — новый), реформаторско-просветительского и общественно-политического движения мусульман Поволжья, Крыма и Средней Азии на рубеже XIX–XX вв. В его основе — введение в мусульманских школах нового метода обучения чтению, ряда светских предметов. Джадиды выступали за развитие национального искусства и литературы, равноправие женщин, реорганизацию деятельности духовенства, преподавание в школах на национальном языке, во время революции 1905–1907 гг. — за реформы политического устройства страны. Сторонники джадидизма играли ведущую роль в партии «Иттифак-аль-муслимин», после Февральской революции создали партии «Шура-и-ислам» в Средней Азии, «Милли-Фирка» в Крыму. Часть джадидов признала советскую власть, другие сотрудничали с белым движением и басмачами, впоследствии эмигрировали. Юсуф Акчура вернулся в Турцию в 1908 г. В Стамбуле он преподавал турецкую историю и литературу, участвовал в организации и деятельности обществ, занимавшихся пропагандой идеи тюркизма и пантюркизма. Впоследствии поддержал кемалистскую революцию, был депутатом ВНСТ, продолжал преподавательскую и издательскую деятельность, в 1932–1935 гг. занимал пост президента Турецкого исторического общества. *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Cilt 1. İstanbul, 1983, с. 171–172.*

²⁸ *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. N.-Y., 1997, p. 82–84.*

²⁹ Современный турецкий историк И. Ортайлы пишет: «Мусульманские мыслители-вестернизаторы появились не у нас, а в царской России. Причина очевидна — османский интеллектual остерегался судить о Европе со стороны — он европейское общество должным образом не знал. Российские мусульманские интеллигенты жили не на Западе, а в европеизированном, наполовину восточном обществе. Поэтому пережитое и наблюдаемое ими, течения российской мысли XIX века, эволюция общественных институтов — всё это способствовало тому, что они более решительно воспринимали программу светской вестернизации». *Ortaylı İ. İmparatorluğun en uzun Yüzü. İstanbul, 1987, с. 20.*

³⁰ «Социолог и мыслитель», как его характеризует одна из турецких энциклопедий, Зия Гёкальп (1876–1924 гг.) школьное образование получил в родном Диярбакыре. В 1895 г. переехал в Стамбул, учился в ветеринарном училище. За участие в антиправительственном движении был в 1899 г. арестован и после десятимесячного пребывания в тюрьме выслан на родину, где прожил до 1908 г., занимаясь работой мелкого

чиновника и одновременно – самообразованием. После провозглашения второй конституции З. Гёкальп создал в Диярбакыре отделение общества Единение и Прогресс и с новым энтузиазмом включился в политическую деятельность. В местной периодике печатались на злобу дня его стихи и статьи. В качестве делегата от Диярбакыра он участвовал в конгрессе иттихадистов в Салониках в 1909 г., а год спустя узнал об избрании его членом ЦК общества и уехал в Салоники. В организованной при Обществе школе он преподавал социологию, вёл публицистическую и литературную деятельность, в 1912 г. был избран депутатом парламента.

Вновь оказавшись в Стамбуле, З. Гёкальп стал одним из инициаторов общества «Турецкого очага», активно публиковался в стамбульской печати, прежде всего в «Тюрк юрду» – по вопросам социологии, истории, философии и литературы. Позже он в полной мере поплатился за свою деятельность активиста ЕиП – в 1919 г. был арестован в оккупированном Стамбуле и сослан на Мальту.

³¹ Связи З. Гёкальпа в Стамбуле в период 1912–1919 гг. с тюркскими интеллектуалами, приехавшими из Казани, Крыма и Азербайджана придали пантюркистский оттенок его национализму. Эволюционные процессы в его мышлении понятны в свете происходивших перемен. В последний период Османской империи почти каждый интеллектуал искал ответа на вопрос – как спасти государство, как сохранить его целостность. Вера в необходимость националистического течения возникла после достижения независимости народами Османской империи. Постоянной же со времён Диярбакыра оставалась его борьба с абсолютизмом, за модернизацию.

В годы поиска империей идеологического синтеза он написал статью «Тюркизация, исламизация, модернизация» («Тюрккешмек, исламлашмак, муасырлашмак»), попытавшись найти этот синтез. В это время тюркизм он считал вариантом исламизма и не видел противоречия между тюркизмом и вестернизацией. В одном стихотворении писал, что Турция воспрянет из бед и вырастет в великий Туран, в связи с произошедшими затем политическими переменами эта идея подверглась изменениям. *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Cilt 10. İst. 1983, с. 5639–5640.*

³² «Идеи тюркизма высказывались и ранее в разобщённом виде, заслуга Зия-бея в том, что он собрал и систематизировал их, предложил туркам принципы Новой Жизни. Впервые, используя социологию Эмиля Дюркгейма (1858–1917 гг.), Гёкальп ввёл для турок такие понятия, как нация, культура, цивилизация, национальный идеал. Он показал туркам, что нация – это этап совершенствования каждого общества, что турки занимают равное и самостоятельное положение среди других наций. Тюрки, составляя свои нации, смогут жить на равных с другими нациями». Принцип национализма не противоречит вестернизации. Запад давно

уже использовал понятие *турок*, обвиняя во всех бедах империи именно турка. Но турки сами не осознавали себя в западном понимании как нечто социально особое. Они были не турки прежде всего, а подданные султана, жители империи. У них не было своих национальных идеалов. Запад помог им осознать себя. Согласно тюркистам османской нации быть не может. Это может быть название государства, политической организации, но не нации. Согласно тюркистам, наличие тюркской нации означает совершение социальной революции. От реформы в религии должны выиграть право и наука – они становятся независимыми от религии. С господством класса ильмие и схоластики медресе над всей социальной жизнью должно быть покончено. Первое – религию отделить от государства, установить светские принципы. Второе – ликвидировать танзиматскую двойственность в государственном аппарате и учреждениях, особенно в сферах юрисдикции и просвещения. Наконец, государство начнёт опираться на идеологию демократического патриотизма. Чтобы найти национальную культуру, надо спуститься к народу, в народе – гениальность.

Тюркисты провозгласили танзимат неудачей. Прежде чем начать вестернизацию, необходимо стать нацией. Затем следует возвысить турецкую нацию таким образом, чтобы она не была в числе отсталых стран, составляющих западную цивилизацию. Согласно тюркистам, быть внутри западной цивилизации – не значит потерять национальную самобытность и сущность. По Гёкальпу, войти в западную цивилизацию – значит жить совместно с западными нациями человеческой жизнью. *Tunaya T.Z. Türkiye'nin siyasi hayatında...*, с. 88–91.

³³ *Kongar E. 21 Yüzyılda Türkiye. İstanbul, 1999, с. 74, 117.*

Шахинлер также убеждён, что основой тюркизма стали работы Зии Гёкальпа о тюркской культуре и цивилизации, а также поэмы Намыка Кемаля, который в своих литературных произведениях развивал такие понятия, как родина, нация, и тем самым пробуждал в народе национальные чувства. Вместе с тем и этот автор считает, что когда «утверждение тюркской самобытности» стало приобретать «признаки расового движения», его целью «уже стало объединение всех тюркских народов Азии (пантюркизм)». *Шахинлер М. Кемализм...*, с. 14–15.

³⁴ *Eldem V. Osmanlı İmparatorluğunun iktisadi şartları hakkında bir tetkik. Ankara, 1970, с. 313, 314.*

³⁵ Уже с первых дней мировой войны эта компания почти монополично снабжала Стамбул пшеницей, сахаром, керосином, маслинами и другими товарами повседневного спроса. Было провозглашено, что «настало и для османца-мусульманина время включиться в коммерцию, создавать ширкеты, получать деньги через проценты». Начавшаяся война ускорила активизацию акционерного капитала с участием государства. В пользу создания предприятий «национальной экономики» выступали идеологи

тюркизма Зия Гёкальп, Текин Альп, Хюсейн Джахит, Ахмет Хамди (Башар) и др. В сентябре 1915 г. была учреждена акционерная компания Анадолу Милли Махсулат, в 1917 г. создан Османлы итибар-и милли банкасы с капиталом в 4 млн. лир, один пай стоил 10 лир, акции продавались через Сельскохозяйственный банк. Первым акционером стал султан Мехмед V, он приобрел 200 акций. Депутаты-иттихадисты также становились акционерами компании, недостающие деньги для капитала были оплачены министерством финансов. *Toprak Z. Türkiye'de «milli iktisat» (1908–1918)*, Ankara, 1982, с. 21–33, 270–276.

Много лет спустя Фалих Рыфкы Атай, сподвижник Кемаля, писал: «Либерализация Османской империи подразумевала государственного чиновника как носителя частной инициативы. Государство предоставляло некоему лицу из казны сотни тысяч лир. Это лицо приобретало например, судно, а государство это же судно нанимало для своих перевозок, в итоге утверждалось, что у турок зародилась и укрепляется экономическая деятельность. Такое лицо было не частным предпринимателем, а комиссионером, присваивающим себе доход государства». Цит. по: *Kutay C. Celal Bayar. Cilt I. İstanbul, 1939*, с. 68. Как тут не вспомнить новое дворянство Англии середины XVII в. и российских предпринимателей середины 90-х годов XX в.

³⁶ Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М., 1989, с. 169, 170. Можно добавить, ссылаясь на турецких авторов – «перед первой мировой войной экономический рост достиг темпов, которые невозможно приуменьшить». При этом подразумевается рост производства в аграрном секторе, причём речь идёт уже не только о прибрежных регионах, тяготеющих к крупным портам, обслуживающим экспорт, но и о внутренней Анатолии, рынок которой открывался по мере расширения железнодорожного строительства. Рост экспортных связей, прямые поставки в Манчестер, Гамбург и Марсель опережал темпы расширения внутренних связей, роста внутреннего рынка, стало даже трудно говорить об османской экономике как о едином понятии. *Pamuk Ş. Osmanlı Ekonomisi ve Dünya kapitalizmi (1820–1913)*. Ankara, 1984, с. 135, 136.

³⁷ Между Россией и Турцией формально продолжал действовать устаревший Торговый договор 1862 года, который уже не отвечал требованиям, связанным с обслуживанием движения потока экспортно-импортных товаров. Лишь в начале XX в. в России и в Турции возникли первые финансовые и торговые организации, прямо или косвенно ставившие перед собой цель содействовать русско-турецким торгово-экономическим связям. Так, в 1910 г. в Петербурге специально для обслуживания русской торговли в Османской империи был открыт Русско-Турецкий банк. Особенно перспективным представлялся экспорт в Турцию русского зерна, то же можно сказать о нефтепродуктах, прежде всего керо-

сина. Перед самой войной, в марте 1914 г., в Стамбуле при поддержке правительств обеих стран была учреждена Турецко-Русская комиссия, главной задачей которой являлось укрепление отношений между странами и в первую очередь – развитие торгово-экономического сотрудничества. В состав комиссии с турецкой стороны вошли известные турецкие политические и общественные деятели и руководители российского посольства в Стамбуле. Но начавшаяся мировая война помешала дальнейшей деятельности этой комиссии и в целом развитию торговых отношений. *Контевский В.Н.* Россия – Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. М., 2003, с. 34, 35, 38–39, 41.

³⁸ Продукция таких имений отправлялась из Турции через соответствующие торговые дома в Лондон, Ливерпуль, Париж, Марсель, Гамбург, в имениях нашли применение современные по тому времени сельскохозяйственные машины – паровые плуги, молотилки, сеялки и т.п., проводились ирригационные работы. *Kurmuş O.* Emperyalizmin Türkiye'ye girişi. İstanbul, 1974, с. 106–107, 120–121.

³⁹ Особенности развития получило сельскохозяйственное производство Аданского хлопкового района. Ежегодно 12–15 тыс. человек проживали в Адане два-три месяца в качестве наёмных работников для обработки хлопка. *Инджикян О.Г.* Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 64, 70.

⁴⁰ О.Г. Инджикян, подтверждая в своём исследовании новыми свидетельствами тот факт, что торговая буржуазия Турции была многонациональной, вместе с тем подчёркивает, что нельзя «безоговорочно противопоставлять стамбульской компрадорской буржуазии анатолийскую национальную буржуазию». Убедительно свидетельствует об этом таблица, приводимая в работе: не только в портовых, но и в других городах Анатолии торговлю, в том числе розничную, контролировали представители инонациональной буржуазии. В руках мусульман была сосредоточена лишь торговля скотом (на 80%). Максимальная доля торгового контроля торговцев-турок составляла: для ковров – 38,9%, стройматериалов – 27,1%, зерна и муки – 20,9%, и т. д. Как констатирует автор, «в хозяйственной жизни империи греческий капитал занимал господствующее положение. Ему принадлежало первенство (почти 50%) как в производстве и ремеслах, так и во внутренней торговле. Он контролировал более 40% всех внутренних финансовых операций. Второе место принадлежало армянским предпринимателям, торговцам и финансистам, в руках которых находилась примерно четвертая часть производства и торговли. Вслед за ними шли евреи и левантийцы. Что касается турецкой буржуазии, то она по своему экономическому положению находилась на четвёртом месте и контролировала почти 15% торговых операций и 12% производства. Там же, с. 273, с. 212–214.

⁴¹ *Eldem V.* Osmanlı İmparatoriğunun iktisadi şartları..., с. 98–106, 117–120.

⁴² Внешнеэкономические связи Османской империи..., с. 171.

⁴³ *Завриев Д.С.* Экономика современной Турции. Тифлис, 1934, с. 138.

⁴⁴ О росте традиционного производства и увеличении его товарности в связи с созданием в империи сети иностранных железных дорог говорят и другие факты.

Так, если с 1889 по 1911 г. сумма ашара, собираемая в целом по стране, поднялась на 63%, то в районах, близлежащих к железным дорогам, она возросла на 114%. В районе Анкары, где до её прокладки обрабатывалась только восьмая часть пригодной для земледелия площади, через год после ввода в строй этой дороги площадь под посевом увеличилась на 30–40%, а население самой Анкары выросло с 28 тыс. до 35 тыс. Вывоз зерна из этих районов Анатолии в крупнейший потребительский центр империи – Стамбул с развитием железнодорожного транспорта за неполные два десятилетия увеличился к 1911 г. в 5 раз. Ещё более заметные сдвиги в экономической жизни под воздействием железнодорожного строительства произошли в Западной Анатолии. Можно сказать, что именно железнодорожное строительство закрепило за этим регионом положение одного из наиболее развитых экономических районов Османской империи. Вилайет Айдын, например, в 1910 г. обеспечил государственной казне доход в 1700 тыс. ф. ст., что составило 15% всех доходов государства. Развитие железнодорожного транспорта здесь привело к еще более значительному, чем в Центральной Анатолии, росту сельскохозяйственного производства. Внешнеэкономические связи Османской империи..., с. 175.

⁴⁵ Проект предполагал строительство железной дороги от Сиваса к Вану через Диярбакыр, Эргани, Битлис с двумя ответвлениями – к Александреттскому заливу (порт Юмурталык) и к Сулеймание, по территории тогдашней Месопотамии, где были открыты месторождения нефти, через Мосул и Киркук. Компания получала право эксплуатации всех полезных ископаемых, включая и месторождения нефти, в 40-километровой полосе вдоль железнодорожных линий. 25 февраля 1910 г. этот проект был передан великому везиру, а 15 марта 1910 г. госсекретарь США Нокс обратился к турецкому поверенному в делах в Вашингтоне с заявлением, в котором указал, что его правительство придает большое значение концессии Честера. Благожелательная позиция турецкого правительства будет рассматриваться, по словам Нокса, как свидетельство искреннего желания Турции расширить коммерческие отношения с США. В заключение госсекретарь заявлял, что в случае ратификации концессии правительство США согласится в принципе на предполагаемое повышение турецкими властями таможенных пошлин на 4% «после согласия других заинтересованных государств». *Международная летопись. М., 1924, №1, с. 117–118. Gordon L. American Relations with Turkey. 1830–1930, с. 260.*

⁴⁶ Калуст Саркис Гюльбенкян считался одним из самых богатых людей в мире в первой половине XX в. Он родился в Стамбуле в 1869 г. в семье нефтяника и банкира, разбогател на поставках керосина из России в Османскую империю. За эту деятельность награждён падишахом, назначен вали города на берегу Чёрного моря. Закончил лицей в Марселе, университет – в Лондоне в Кингс колледже, стал горным инженером. Тема диссертации – технология новой нефтяной промышленности. Как раз в эти годы Абдулгамид II издал фирман об инвентаризации нефтяных участков Мосула. Подготовить доклад о нефтяных резервах и было поручено молодому инженеру-нефтянику. Он написал доклад, в котором сообщалось, что в районе Мосула – богатейшие запасы нефти. После этого он получил доступ в мир начавшегося нефтяного бизнеса, возглавил в Лондоне представительство по поставкам бакинской нефти, сблизился с Детердингами. При их поддержке в 1907 г. Гюльбенкян открыл в Стамбуле бюро, стал также финансовым советником при султанском правительстве, при посольствах империи в Лондоне и Париже. В 1912 г. с участием английских и немецких инвесторов, группы Роял Датч Шелл, он создал компанию Тэркиш петролеум Ко. для поиска и добычи нефти в тогдашней Месопотамии (Ираке). С этого момента единственная цель английского правительства – в будущем объединить ТПК с Англо-персидской нефтяной компанией и создать единую. Через 2 года это случилось – английское и германское правительства договорились о такой стратегии. По соглашению от 19 марта 1914 г. в созданной новой компании Бритиш петролеум доля Англо-персидской компании составила 50%, Дойче банка и Роял Датч Шелл – по 25%. От Англо-персидской компании и от Роял Датч Шелл часть акций (по 2,5%) переходили Гюльбенкяну. Эти 5% сделали его одним из самых богатых людей мира. За принятие султанской властью нового статуса ТПК Англия поддержала увеличение на 4% таможенных пошлин. 28 июня 1914 г. османское правительство официально обязалось передать новой компании нефтяную концессию в Месопотамии. Однако спустя 4 месяца после рождения компании началась Первая мировая война. *Sabah*, 14.01.2003.

⁴⁷ О судьбе концессии Честера, борьбе американских монополий за мосульскую нефть см.: *Киреев Н.Г.* Провал концессии Честера. *Советское востоковедение*. 1958, №3, с. 122–125; он же: К истории отношений между Турцией и США (1922–1923). *Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР*. 1961, №30, с. 150–160.

⁴⁸ Европейские конкуренты не ограничивались «легальными методами борьбы против Честера. Немцы создали в Стамбуле специальную секретную службу – «Косполи», из документов которой слудует, что в борьбе против Честера немцами была использована английская фирма «Виттол», что немецкие тайные агенты подслушивали всё, что говорилось в окружении османского правительства. Так, 30 мая 1910 г. «Кос-

поли» информировала Берлин, что дела Честера идут успешно и что германский посол просит поторопиться остановить дальнейшее продвижение проекта. *Current History*. 1926, Janvier, с. 495.

Против США, таким образом, в деле Честера сложился единый фронт европейских конкурентов, несмотря на противоречия между ними. Концессионерам пришлось отказаться от многих требований, непосредственно затрагивавших интересы других претендентов. Исходным пунктом железной дороги был взят не Сивас, а Харпут, исключительное право исследования недр сократилось с 20 до двух лет. *Международная летопись*. 1924, №1, с. 117. Изменённый проект был передан в турецкий парламент, но он не спешил с обсуждением. Для помощи Картеру в Стамбул прибыл чрезвычайный посол Х. Вильсон. Затягивание турецкими властями переговоров об официальном предоставлении концессии привело к тому, что акционеры стали изымать из учредительного капитала свои вклады. Вскоре стало ясно, что проект Честера обречён на провал, ибо его рассмотрение в Османской палате депутатов было отложено на неопределенное время. Сообщая об отъезде Честера, русский посол в Турции Н.В. Чарыков с удовлетворением писал, что не приходится «особенно жалеть о новой отсрочке и вероятной окончательной неудаче честеровского проекта... и что эта неудача является, несомненно, результатом германского воздействия на великого везиря». *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (далее МОЭИ)*. Сер. II. Т. 18. М., 1938, с. 102.

⁴⁹ Государственный секретарь писал американскому послу в Турции: «Правительство не признает, что оттоманское правительство имеет право отменить капитуляции, и считает, что эта односторонняя акция не может изменить прав, полученных по соглашению». *МОЭИ*. Сер. III. Т. 7. ч. 1, 1936, с. 268.

По поводу отмены Турцией капитуляций один из авторов в американском журнале по международному праву с возмущением писал: «Традиционной политикой Соединенных Штатов является отказ от соглашений по экстерриториальности лишь после завершения реформ в таких странах. Когда эти реформы бывают осуществлены, а результаты их учтены, тогда и только тогда Соединённые Штаты отказываются от экстерриториальности». Автор требует, прежде чем отменить капитуляционный режим, провести «необходимые для цивилизованного государства реформы». *The American Journal of International Law*. Washington. 1914, vol. 8, pt. 2, с. 874, 876. В том же духе пишет и Г. Моргентау, американский посол в Турции в 1914–1917 гг., о капитуляциях в своих воспоминаниях. Когда Энвер-паша спросил посла относительно капитуляций, Г. Моргентау ответил ему, что США не возражают против отмены, но тут же добавил: «Мы никогда не согласимся отказаться от юридических

капитуляций». Турки, сказал Г. Моргентгау, должны упорядочить свои законы. Лишь «после того, как они усвоят европейские идеи в юридическом отношении, можно будет обсуждать этот вопрос». *Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story*. N.-Y. 1926, с. 116.

⁵⁰ *Иона архимандрит*. Протестантская пропаганда среди православных христиан Востока. СПб., 1911, с. 6–7, 26. Американские власти послали даже свои военные корабли к берегам Турции; сообщая об этом в свой МИД, российский посол в Турции М.Н. Гирс указывал причину такой акции – американцы делают это «с целью укрощения проявляемого Турцией в отношении капитуляций произвола». МОЭИ. Сер. III. Т. 6. ч. 1. 1935, с. 156.

⁵¹ Больше всего пострадали отрасли, связанные с экспортом: табачная, шерстяная, по выработке шёлка-сырца. Так, производство шерстяной пряжи упало в пять раз, шёлка-сырца – в три раза. Добыча угля сократилась более чем в четыре раза (с 827 тыс. т в 1913 г. до 186 тыс. т в 1918 г.). В этот же период возникли новые отрасли промышленности, обслуживавшие нужды фронта. Росту турецких промышленных предприятий способствовало также прекращение ввоза в страну европейских товаров. Воспользовавшись военной обстановкой, правительство подняло таможенные пошлины до 30% стоимости ввозившихся товаров и объявило об отмене режима капитуляций. Как внешняя, так и внутренняя торговля стала переходить в руки быстро растущей турецкой национальной буржуазии и помещиков, которые, спекулируя на военных поставках, сколачивали крупные состояния. К ним целиком перешло и снабжение страны продовольствием.

Четырёхлетняя война катастрофически отразилась на финансовом состоянии Османской империи. К концу 1918 г. на ведение войны была истрачена колоссальная сумма – 1 млрд. лир золотом. В ходе войны Турция попадала во всё большую зависимость от кайзеровской Германии. В турецких министерствах находились германские советники и специалисты, фактически руководившие ими. В армии и во флоте основные командные посты занимали германские офицеры во главе с Лиманом фон Сандерсом и фон дер Гольц-пашой. К концу войны в Турции насчитывалось до 800 германских офицеров и 18 тыс. солдат. Новейшая история Турции. М., 1968, с. 13–14.

⁵² Так, 28 июля 1914 г. в Стамбуле был отдан приказ о мобилизации I-го корпуса и начата подготовка к всеобщей мобилизации. *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны. М., 1976, с. 269. Оценивая ближайшие последствия произошедшего в Сараево и воинственный настрой немцев, «подгонявших» своих союзников к развязыванию войны, российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов воскликнул: «Это европейская

война!» *Шацлло В.К.* Первая мировая война. Факты и документы. М., 2003, с. 20, 21.

⁵³ Таким образом, причиной войны было намерение великих держав переделать мир. Активнее всего толкали Европу, Османскую империю и весь мир к войне Центральные державы, страны же Антанты в начале войны предстали как жертвы агрессии. Начавшаяся для России под лозунгом защиты славянских православных братьев и называвшаяся даже Второй Отечественной война поначалу вызвала в стране патриотический подъём. Позже стало ясно, что царское правительство, так же как и другие участники войны, преследовало свои давние территориальные цели: Россию по-прежнему привлекали черноморские проливы Босфор и Дарданеллы и укрепление влияния на Балканах.

Германия – страна, в экономическом развитии опережавшая другие страны Европы, но обойдённая при дележе колоний, стремилась наверстать упущенное. Её политики намеревались заполучить заморские владения Англии и Франции, западные территории России. Австро-Венгерская монархия, многонациональное государство, думала о господстве на Балканах, о некоторых землях Польши. Османская империя, готовясь к войне, надеялась при помощи своих союзников покончить с неудачами в войнах с Россией, прежде всего потерей балканских и кавказских владений.

⁵⁴ Позже, уже после революции в России, в докладе, опубликованном в конце 1917 г. департаментом информации британского правительства, ситуация оценивалась следующим образом. После 1913 г. турецкая нация отказалась от традиции претендовать на роль доминирующей расы в Европе, решив развивать свои собственные потенциальные возможности в Анатолии; она возымела намерение компенсировать утрату чуждых ей покоренных народов путём привлечения на свою сторону различных ветвей турецкой расы, находящихся за пределами Оттоманской империи.

Проблема тюркского национализма в Средней Азии была бесконечно далёкой, пока российская революция не превратила её в близкую опасность. Крах России открывал таким образом большие возможности османскому ирредентизму (воссоединению по принципу этнолингвистической близости) в Средней Азии – реальнее, чем в любой другой тюркоговорящей области. В Средней Азии пантуранизм и панисламизм не находятся в противоречии друг с другом. Всё население – тюрки и одновременно сунниты, а нынешний его обладатель – не древнее мусульманское государство, а недавний христианский завоеватель. Если Россия как фактор силы уходит из Персии и Средней Азии, германско-османская дипломатия будет предпринимать серьезные усилия, чтобы учредить турецко-исламский альянс Турции, Персии и Афганистана. Текст документа в кн.: *Mears E.G.* Modern Turkey. N.-Y., 1924, с. 512, 513.

⁵⁵ *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны. М., 1976, с. 275.

⁵⁶ *Шахинлер М.* Кемализм..., с. 29.

⁵⁷ Цит. по: *Силин А.С.* Экспансия германского империализма..., с. 276.

⁵⁸ *Шахинлер М.* Кемализм..., с. 31.

⁵⁹ В цитируемой нами большой работе А.С. Силина приводится объяснение загадочно легкого десятидневного продвижения двух этих крейсеров в водах Средиземного моря в абсолютно враждебном окружении флотов Антанты. Причина для наблюдательных современников события была ясна – Англия, предвидя вынужденную уступку со своей стороны России в отношении Проливов в случае войны, попыталась нейтрализовать её и «упустила» германские корабли. Один из турецких военачальников того времени Махмут Мухтар-паша признавал, что «английский флот с макиавеллизмом, характеризующим Форин офис, дав возможность немецким судам спастись и укрыться в Мраморном море, лишил всякого значения эту уступку». Цит. по: *Силин А.С.* Экспансия германского империализма..., с. 288. Такое поведение средиземноморских эскадр Англии и Франции вызвало в Петрограде упреки и нескрываемое подозрение.

После прибытия в Проливы оба боевых корабля были немедленно «проданы» немцами турецкой стороне и получили турецкие имена, называлась и цена – 80 млн. марок. Немецкие команды надели фески и турецкие мундиры, в их составе появилось несколько турецких моряков, командующий турецким флотом германский адмирал Сушон 16 августа даже организовал с их участием парад турецких ВМС на Босфоре, несомненно, наблюдаемый из летней резиденции российского посла в Бююкдере.

⁶⁰ Новейшая история Турции, с. 10.

⁶¹ В некоторых публикациях говорится о султанском флаге, см.: Turkey. A Country Study. Federal Research Division. Library of Congress. 1987, p. 40.

⁶² *Силин А.С.* Экспансия германского империализма..., с. 313–315.

⁶³ Тексты документов в кн.: *Mears E.G.* Modern Turkey. N.-Y. 1924, с. 506–508.

⁶⁴ Новейшая история Турции, с. 10.

⁶⁵ *Шахинлер М.* Кемализм..., с. 28.

⁶⁶ *Шаццлло В.К.* Первая мировая война, с. 101.

⁶⁷ *Aydemir Ş.S.* Tek adam. Mustafa Kemal. Cilt1. (1881–1919). İstanbul, 1983, с. 226–228, 230.

⁶⁸ Для организации добровольческих отрядов, обеспечения их оружием и продовольствием по инициативе армянских политических партий был создан Военный совет, который имел своих представителей во многих населённых армянами городах Российской империи и за рубежом. Русское правительство обязалось снабдить добровольцев оружием и выде-

лить определенную сумму на одежду и питание. Политические круги (включая спецслужбы и дипломатию) Англии, Франции, США и других западных стран заверяли армян в том, что деятельность добровольческих отрядов повысит их престиж в глазах великих держав и чем сильнее будут эти отряды, тем меньше останется преград на пути решения армянского вопроса. *А. Сваранц*. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002, с. 121.

⁶⁹ *Mears E.G.* Modern Turkey, с. 591.

⁷⁰ Library of Congress. Turkey. Data as of January 1995 Turkey. <http://icweb2.loc.gov/frd/cs/trtoc.html#tr>

Turkey. A Country Study. Federal Research Division. Library of Congress, р. 41. «Высылаемых не снабжали продовольствием; голод, болезни, побои, погромы и убийства уносили сотни тысяч жизней. Тот же, кто, в конце концов, достигал концентрационных лагерей, погибал там от малярии, тифа и голодной смерти». Депортации распространились на всю Анатолию и даже на Стамбул. 24 апреля – день геноцида армянского народа был объявлен Россией, Англией, Францией преступлением против человечества. Новая история стран зарубежного Востока. Том II. М., 1952, с. 399.

⁷¹ Тогда же стали очевидны крупные расхождения среди руководства армии по поводу будущего существования империи: с одной стороны – амбиции Энвер-паши, который планировал новые завоевания, а с другой – мнение Мустафы Кемала, отстаивавшего необходимость создания новой системы управления. Но дело было сделано: Османская империя уже вступила в Первую мировую войну, и младотурецким офицерам не оставалось ничего, кроме как сражаться. *Шахинлер М.* Кемализм, с. 34–35.

⁷² *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948, с. 49.

⁷³ Тексты документов см.: *Шаццлло В.К.* Первая мировая война, с. 259–266.

В частности, в памятной записке Сазонова от 4 марта 1915 г. говорилось следующее: «Ход последних событий приводит е. в. императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение было бы недостаточно и непрочно в случае, если бы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также Южная Фракия до линии Энос – Мидия не были впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и в силу стратегической необходимости часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Измирского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться».

Содержание одной из ответных памятных записок, а именно британского посольства в Петрограде С.Д. Сазонову от 27 (12 марта) 1915 г. было следующим: «В случае если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Османской империи, так и в других местах, как то указано в нижеупомянутом русском сообщении, правительство е. Величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 19 февраля (4 марта) сего года».

⁷⁴ Шаццлло В.К. Первая мировая война, с. 106–107, 108.

⁷⁵ 27 января 1916 г. Кемаль во главе корпуса был направлен на Кавказский фронт, он освободил Битлис и Муш от русских войск, но был вынужден затем оставить Муш. Осенью линия фронта стабилизировалась, обе стороны испытывали серьёзную нехватку людских сил и снабжения в условиях приближавшейся зимы. Как считает крупный турецкий историк Ю.Х. Баюр, переброска на этот фронт весной 1916 г. турецких частей под командованием Мустафы Кемалья после его успеха на Галлипольском полуострове способствовала тому, что летом 1916 г. продвижение русских армий вглубь Анатолии было остановлено, Кемалю удалось отбить у русских Битлис и Муш, после чего обстановка на широкой фронтовой полосе от Трабзона до оз. Ван и до названных городов стабилизировалась. До 8 сентября 1916 г. турецкие и русские армии предприняли несколько атак и контратак, после чего обессилившие и уставшие стороны оказались не в состоянии вести активные боевые действия. Наибольшие потери турецкая армия несла от бездорожья, болезней и обнищания. *Vayur Y.H. Atatürk hayat ve eseri. Doğumdan Samsun'a çıkışına kadar. Ankara, 1990, с. 108.*

С 7 марта 1917 г. М. Кемаль – командующий 2-й армией, с 5 июля Мустафа Кемаль получил назначение командовать 7-й армией в Сирии, но там не нашёл общего языка с немецкими офицерами, которые фактически держали командование в своих руках. Он воспротивился их идее начать наступление на англичан в Синайской пустыне.

Более того, в одном из своих рапортов, направленных великому везиру, он подчеркивал неосведомлённость местных властей, упадок экономики и ослабление армии: он предвидел ещё более тяжелое развитие ситуации в том случае, если в османскую армию по-прежнему будут призывать иностранных офицеров. Поскольку его рапорт не вызвал никакого положительного отклика, он, в знак протеста, сложил с себя полномочия и вернулся в Стамбул.

⁷⁶ *Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 66.*

⁷⁷ Двухсторонний компромиссный проект Сайкс-Пико делил арабские страны и юго-восток Турции на несколько зон, предусматривал различные степени административного и экономического вмешательства здесь названных держав. Синяя зона, непосредственно отходившая к Франции, включала Западную Сирию и Ливан, турецкие Киликию, Аинтаб, Урфу, Мардин, Диярбакыр и Хаккяри. Что касается сфер влияния Франции, ими устанавливались Восточная Сирия и Мосул. Красная зона подчиняла Англии Южный Ирак с Багдадом и Басрой, палестинские порты Хайфу и Акку; сферами же её влияния названы были Трансиордания и Центральный Ирак. Были и другие «зоны» подчинения и влияния, в том числе совместного.

⁷⁸ Они изложены в следующих формулировках: «1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезонда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Черного моря, к западу от Трапезонда. 2. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джезире-ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России; начиная от области Мергевера граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах и подлежат изменению в деталях, которые будут предложены комиссией по разграничению, имеющей собраться на местах. 3. Российское правительство признает сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, концессий, предоставленных британским подданным оттоманским правительством. Если российское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение будет иметь место только по соглашению с правительством Великобритании. 4. Во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, существующие британские права навигации и преимущественного права получения концессий (право застройки), а также права и привилегии британских религиозных, школьных и больничных учреждений должны быть сохранены. Правительство его величества со своей стороны признает, что аналогичные русские права и привилегии будут сохранены в тех областях, которые в силу настоящего соглашения будут или вполне британскими, или в которых британские интересы будут признаны преобладающими. 5. Оба правительства признают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих часть оттоманской империи, должно участвовать в служебных органах оттоманского долга». Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки) и резолюция: «Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся пройти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница».

Царская ставка, 22 мая 1916 г. *Шацилло В.К.* Первая мировая война, с. 270–274.

⁷⁹ Новейшая история Турции, с. 12.

⁸⁰ *Bayur Y.H.* Atatürk hayat ve eseri, с. 103–104.

⁸¹ В официальном издании 1930-х годов «Истории Турции» отмечалось: «Российская революция очень быстро перешла из политической сферы в социальную. По воле человека по фамилии Ленин (В.И. Ульянов), происходившего из обрусевшей тюркской семьи, коммунизм, дотоле оставшийся лишь идеологией, был полностью претворён в жизнь. Бывшая Российская империя внешне с учётом национальных большинств была разделена на *многие государства*. Официально было отменено название Россия, прежняя Российская империя наконец получила название *Союз Советских Социалистических республик*... Поскольку распространение коммунизма за пределы России могло разрушить общественные устои Европы, созданные на совершенно иных основах, *все государства Европы выступили против России единым фронтом*». Tarih IV. Türkiye Cumhuriyeti. İstanbul. 1934, с. 6.

⁸² В наступившем 1918 г. стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Антанты. В этом не сомневались и американцы, вступившие 4 апреля 1917 г. в войну против Германии. 8 января 1918 г. американский президент Вудро Вильсон представил своему конгрессу «Четырнадцать пунктов» – программу всеобщего мира. 12-й пункт относился к Турции: «Турецкие части Оттоманской империи в современном её составе должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящейся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития. Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями». *Шацилло В.К.* Первая мировая война, с. 331–332.

⁸³ Дополнительное соглашение разъясняло некоторые положения основного документа. Так, прежде всего речь шла об отходе российских войск в принципе за старую русско-турецкую границу, существовавшую до войны 1877–1878 гг. Причём до того как это произойдет (сроки приведены) русская сторона обязалась сохранять на этой предназначенной к освобождению территории порядок, исключая акты мести, грабежи и т. д., сохранность всех видов движимого и недвижимого имущества. *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999, с. 180–181.

⁸⁴ В мае 1918 г. в Тифлисе появился и вскоре объявился в Дагестане двадцатилетний внук Шамиля Саит, он «призвал народ вооружаться против большевиков», однако необходимую помощь не получил. *Anadol C. Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler.* İstanbul, [1995?], с. 167, 168.

О последующей сепаратистской деятельности Сайта Шамиля в 1930-е годы пишет Соцков – «летом 1932 года Шамиль имел несколько встреч с начальником турецкой военной разведки Надми-беем... Были согласованы и общие принципы взаимодействия. Генштаб в лице военной разведки берет под свое покровительство работу, направленную на освобождение Кавказа от русской зависимости, оказывает Шамилю техническую помощь в деле организации связи с его людьми на родине и предоставляет для этого необходимые средства». *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003, с. 23.

Эти события совпали с созданием Грузинской демократической республики, главенствующую роль в которой играли социал-демократы (меньшевики) под предводительством Н. Жордания; возникли также Армянская республика – по инициативе партии «Дашнакцутюн» и, наконец, Азербайджанская Демократическая республика с правящей партией «Мусават».

С ними в Батуме Турция заключила отдельные договора. Советская власть была установлена в Армении и Азербайджане – в 1920 г., в Грузии – в 1921 г.

⁸⁵ Правительство Северного Кавказа было представлено следующим списком: глава государства (Абдулмеджит Чермой), его заместитель (Али Риза Пишмах), министры – иностранных дел, национальной обороны, финансов, путей сообщений, министр при меджлисе. Судя по всему, эти заявления и провозглашения были сделаны в Стамбуле. *Anadol C. Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler*, с. 158–159.

⁸⁶ Подписи под обращением принадлежали А. Чермоеву и от имени Хайдара Баматова – Мехмеду Кары. *Kuzey Kafkasya*. İstanbul, Eylül 1986, № 63, с. 8–9.

⁸⁷ Как писал Г.В. Чичерин, после взятия турками Баку 16 сентября «мы требовали непосредственной передачи Баку нашим войскам..., но именно на непосредственную передачу его нам турецкое правительство не согласилось, и 20 сентября мы заявили Турции, что считаем Брестский договор отмененным с ее стороны и уже несуществующим между Турцией и Россией». *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 114.

⁸⁸ *Butbay M. Kafkasya Natıraları*. Ankara, 1990, с. 2. Как пишет Соцков, возникший в результате неудачной попытки отделиться от России после революции механизм сепаратистской деятельности затем пестовался двадцать лет. «При согласии идеологов кавказской независимости и их внешних спонсоров наиболее удобной формой достижения цели названа конфедерация независимых кавказских государств. Пусть Кавказ станет таким же привычным и устоявшимся в международной политике понятием, как, скажем, Балканы. О том, что в этом случае возникли бы десятки острейших проблем территориального, этнического и религиозно-

го характера, помалкивали. Главное – уйти от России, чтобы получить власть и признание мировых держав, а там видно будет».

Любопытно, что уже с середины двадцатых годов «заметную активность как в части непосредственных связей с кавказской эмиграцией, так и в постановке этой темы перед турецкими должностными лицами проявляла польская дипломатическая миссия в Анкаре, и особенно посол Кнолль. Если древнеримский сенатор Катон любую свою речь заканчивал ставшей афористичной фразой: «Я также полагаю, что Карфаген должен быть разрушен», то Кнолль не только завершал, но и начинал все беседы с турецкими политиками призывом как можно скорее помочь организации восстания на Кавказе. Именно оно, полагал польский дипломат, поможет кардинально решить национальные задачи Польши и Турции, которые в ситуации с Кавказом полностью совпадают». *Соцков Л. Неизвестный сепаратизм*, с. 11, 15.

⁸⁹ На тот момент Дагестан был спасён, что же касается западной части Северного Кавказа, то там сложилась тяжёлая обстановка. На Тереке, в Ставропольской области и на Кубани из-за наступления русских и казаков национальные образования не могли действовать свободно.

Благодаря героической турецкой армии как белые, так и красные русские войска были изгнаны из большей части территории Северного Кавказа, турецкая армия и национальные силы овладели положением... Во имя упрочения государственности Северного Кавказа турецкие офицеры работали в тесном сотрудничестве с национальным правительством. Руками турецких специалистов в Дагестане начали создаваться полки Шамиля. В Дагестане был упрочен национальный авторитет... Однако на западе Северного Кавказа и в районах Кубани постепенно обстановка обострялась. Чтобы навести там порядок, требовались меры военного характера. Однако в это время пришла горькая весть из Стамбула – приказано было немедленно вывести турецкие войска из Кавказа (30 октября 1918 г. было подписано Мудросское перемирие). 28 декабря 1918 г. «турецкая армия, так и не выполнив своей задачи, возвращалась, провожаемая печальными взглядами местного населения». *Anadol C. Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler*, с. 162–163; 180–182.

⁹⁰ *Anadol C. Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler*, с. 164.

Революционные события в России лишь на короткое время отсрочили разгром Германии и её союзников. Войска из США стали прибывать на Западный фронт в марте 1918 г., а в августе-сентябре армии союзников перешли в наступление и вынудили немецкие войска начать общий отход с территории Франции. Положение Германии становилось всё более безнадежным, её союзники – Болгария, Турция, Австро-Венгрия – к осени 1918 г. «созрели» к тому, чтобы начать с державами Антанты переговоры о перемирии. Поражения на фронтах, экономическая разруха ускорили назревание революционных событий в Германии. 9 ноября

монархия в Германии была свергнута. 11 ноября Германия капитулировала: в Компьенском лесу, на станции Ретонд (Франция) немецкая делегация подписала перемирие. Германия признала себя побеждённой. Позже, на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. были выработаны окончательно условия мирных договоров с Германией и её союзниками. 28 июня 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, официально завершивший Первую мировую войну.

Глава III

¹ Мирный договор предусматривал открытие Проливов для военных флотов Антанты и предоставление союзникам права оккупировать форты Босфора и Дарданелл; сдачу турецких гарнизонов, остававшихся ещё в арабских странах (Ирак, Сирия, Хиджаз и Йемен); эвакуацию турецких войск из Ирана, из занятой ими части Закавказья и из Киликии; право союзников оккупировать Батум и Баку; согласие на оккупацию союзниками 6 армянских вилайетов «в случае беспорядков в одном из них», а также вообще любого стратегического пункта в Турции, «если обстоятельства сделались бы угрожающими для безопасности союзников»; немедленную демобилизацию турецкой армии; выдачу турецких военных кораблей Антанте; контроль союзников над радио, телеграфом и железными дорогами; предоставление им права пользоваться всеми портами и причалами; безоговорочное возвращение военнопленных из числа подданных союзных держав с оставлением военнопленных турок в распоряжении союзников; разрыв Турцией всяких сношений с центральными державами т. д. См.: *Шаццлло В.К.* Первая мировая война. Факты и документы. М., 2003, с. 332–334.

² *Kocatürk U.* Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi. 1918–1938. Ankara, 1983, с. 2–6.

³ В связи с этим в Карсской области на месте турецкого военного управления образовалась «Юго-Западная республика». Территория её включала, кроме Карса, Артвинский округ (условно), Зачорохский край и Ахалцыкский уезд Тифлисской губернии. Правительство («Шуро»), состоявшее исключительно из мусульман, было поставлено турками и находилось всецело в руках видных деятелей партии Единение и Прогресс – Нури-паши (брат Энвера) и Халиль-паши. «Республика» имела свои «войска» – тысяч 5–6 плохо организованных банд, в изобилии снабжённых турками оружием и боевыми припасами; в составе их были турецкие офицеры и немало аскеров. *Деникин А.А.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002, с. 265.

⁴ Там же, с. 67. Буквально через несколько дней после Муданийского перемирия боевые корабли Антанты проложили прямой путь к черно-

морским берегам не только Турции, но и России. Деникин пишет: «Генерал Краснов, например, обращался к генералу Франше д'Эспре: "Без помощи союзников освободить Россию невозможно... И при первых же известиях о проходе союзным флотом Дарданелл Краснов потребовал сдачи "красного Вердена" – Царицына до 15 ноября, в противном случае по приходе союзников город будет сметен"». 10 ноября в Новороссийск вошла эскадра в составе двух миноносцев и двух крейсеров – французского «Эрнест Ренан» и английского «Ливерпуль». Почти одновременно на болгарском пароходе под французским флагом прибыл посланный Деникиным на Балканы генерал Эрдели с грузом патронов и ружей, и вместе с ним прибыли представители Салоникской французской армии. Новороссийск, затем Екатеринодар (с 1920 г. – Краснодар) «встречали союзников необыкновенно радушно, со всем пылом открытой русской души, со всей страстностью истомленного ожиданием, сомнениями и надеждами сердца».

В Константинополе пребывал главнокомандующий союзной Салоникской армией французский генерал Франше д'Эспре; там же находилась главная квартира главнокомандующего британской армией на Балканах генерала Мильна; им были подчинены первоначально союзные представители в Екатеринодаре. В то же время в Бухаресте находился штаб генерала Бертело, именовавшегося «главнокомандующим союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России». Там же, с. 5, 60, 61, 63.

⁵ В середине ноября (1918) войска генерала Томсона вступили в Баку. В своём обращении к населению Азербайджана Томсон говорил: «От имени союзников Баку занимают великобританские войска. Меня сопровождают представители Франции и Соединенных Штатов, и мы здесь находимся с ведома и полного согласия нового русского правительства... Мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые годы мировой войны. Союзники не могут возвратиться к себе домой, пока не восстановят порядок в России и не доставят ей возможность занять своё место в ряду других народов мира».

Генерал Форестье-Уокер, высадившийся позже, 18 декабря, с десантом в Батуме, говорил короче, лапидарнее и без лирических отступлений: «Британские войска заняли Батум во исполнение условий перемирия с Турцией и для того, чтобы обеспечить сохранение порядка в стране. Британское правительство не имеет намерения занимать страну навсегда». Далее следовал перечень назначенных членов «Совета по управлению областью» и угрозы суровыми карами, до смертной казни включительно, всем, кто проявит враждебное отношение к англичанам».

После ухода немцев с Закавказья, сообщает Деникин, «нам удалось получить несколько транспортов артиллерийских и инженерных грузов

из складов Батума, Карса, Трапезунда. А с февраля начался подвоз английского снабжения». Там же, с. 71, 156.

⁶ Там же, с. 178, 179.

⁷ *Anadol C. Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler. İstanbul, [1995?], с. 9–10.*

⁸ Лозунг «пантурского движения», по словам Деникина, был воспринят по преимуществу местной «политиканствующей интеллигенцией».

Упоминает Деникин (правда, в несколько иной транскрипции) и имена тех горских лидеров, которые обращались за помощью к султану и названы нами в конце второй главы. «Иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане, где мы встретили неожиданно противодействие со стороны одного из кочующих правительств (характерное порождение русской революции) – “Республики горских народов Кавказа” и ... англичан. Избранный на 2-м горском съезде “Центральный комитет союза горцев” имел вначале узкую задачу – отстаивание общегорских интересов. Но после падения российского Временного правительства горский союз, под влиянием фанатизма одних и честолюбивых замыслов других, перешел сначала к чисто горской автономности, а позже – к независимому государственному образованию, требуя от всех признания своего суверенитета над территорией и над народами, населяющими во многих местах чересполосно с русскими и казаками Северный Кавказ. Эти политические стремления дали горским народам только междуплеменную вражду и иго большевиков в Терском крае... Горское правительство бежало в Тифлис и, оторванное от событий на Кавказе, частью рассеялось, частью – в лице кабардинца Пшемаха Коцева, чеченца Топы Чермоева и других – продолжало еще выступать в центрах восточной политики. Они побывали в Константинополе, призывая единоверных турок помочь им освободиться от “русского владычества”; они, явившись на Батумскую мирную конференцию (май 1918 г., её итогом стал мирный договор между Грузией и Турцией) в качестве «полномочных» представителей Северного Кавказа, всемерно поддерживали германотурецкую дипломатию в её захватных стремлениях против закавказской делегации... В Тифлисе они добивались у германского командования помощи ингушам(?), но осторожные немцы, кроме посылки во Владикавказ грузовиков с миллионом патронов и 3 тысяч винтовок, воздержались от прямого вмешательства в горские дела...

В середине ноября пала Турция; на Каспии появились англичане, и роль горского правительства, крепко связавшего свою судьбу с Турцией, – без средств, без армии и без влияния, казалось, должна закончиться. Но 26 ноября горская делегация посетила в Баку английского генерала Томсона, обратилась к нему за помощью, и Томсон счел полезным для английских интересов поддержать существование горского правительства». Там же, с. 219–221.

⁹ Там же, с. 237, 238. Развивая эту тему, автор далее пишет, что 11 марта 1919 г. пришёл телеграфный ответ из Лондона (от 11 марта)... притом в форме угрожающей – генерал Бриггс должен объяснить генералу Деникину – «от него ожидается, что он будет лояльно придерживаться общей политики союзников по отношению к маленьким государствам. Великобритания не намерена оставлять свои войска на Кавказе. Её войска были посланы туда для приведения в исполнение условий перемирия и сохранения мира. Часть этой задачи уже исполнена изгнанием немцев и турок... Вопрос об окончательном устройстве Кавказа не может решаться Деникиным до восстановления порядка в России, и Деникину не следует сейчас предрешать этот вопрос». «Из этого ультиматума, устранивающего нас от Каспийского моря, мы могли заключить, что веки английского распространения намечены далее Закавказья: Петровск – Баку – Энзели – это уже ключи к обладанию Средней Азией, Красноводск – путь к закаспийскому хлопку». С. 238, 239.

¹⁰ Деникин А.А. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002, с. 265–266 (далее – Деникин А.А. Январь 1919 – март 1920).

В августе-сентябре 1919 г. английские войска покинули Азербайджан и Грузию, чем устранено было, по мнению Деникина, много острых поводов для столкновений. Оккупационный отряд занимал ещё Батум, судьба области оставалась неопределённой, и генерал-губернатор её Кук Колис продолжал без изменения ту политику, которая была так характерна для английской оккупации в Закавказье.

Любопытно и упоминание Деникиным в этот период первых шагов кемалистов – они ещё в Эрзуруме, автор не отделяет их от младотурок, когда пишет, что «Эрзерум (правительство Кемаль-паши), при помощи посещавшего часто Баку и оказывавшего сильное влияние на азербайджанское правительство Нури-паши, проводил идею панисламизма и пантюркизма. Азербайджан, поддерживая первую идею, не с таким уж пылом относился ко второй, предпочитая союз вассальной зависимости и открыто ставя ближайшей своей целью «присоединение родственного Дагестана».

¹¹ Там же, с. 267, 268.

¹² Su M, Mumcu A. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük. İstanbul, 1996, с. 49–50.

¹³ По мнению Цюрхера, в среде турецких исследователей данного периода лишь Доган Авджюглу и Мете Тунчай отмечают важность участия иттихадистов в организации национального сопротивления. В своей работе он неоднократно намекает, что из-за такого отношения к своей истории, подчас вынужденного, турецкие историки способствовали созданию культа личности Ататюрка. Сам же он считает, например, что у

М. Кемаля существовал «комплекс Энвера» – карьерная активность Энвера его раздражала – они были одного возраста, в то же время «аналогичного комплекса в отношении Кемаля у Энвера не было» (что естественно – преуспевал Энвер). По мнению этого автора, остаётся спорным вопрос – кто кого использовал в организации отпора интервентам – иттихадисты Кемаля либо Кемаль иттихадистов. *Zürher E.J. Milli Mücadelede İttihatçılık. İstanbul, 1987, с. 90, 91, 130, 135.*

¹⁴ Встречался М. Кемаль и с Кара Кемалем, руководителем общества Каракол – секретной разведывательной организации, созданной руководством иттихадистов в Стамбуле в конце октября 1918 г. Турецкие источники сообщают, что эта организация обеспечила значительную помощь освободительному движению, снабжая оружием возникавшие группы сопротивления. 16 марта 1920 г., с началом оккупации, её руководители были арестованы и организация перестала существовать, но возникли и действовали в пользу освободительного движения отдельные службы разведки. Позже, при новой власти, начальник генштаба Чакмак учредил разведслужбу Мюселлях мюдафаи миллие, она была утверждена правительством в мае 1921 г. www.mit.gov.tr/tarihce.

Одновременно Кара Кемаль управлял стамбульским отделением «распущенной» партии Единение и Прогресс. На одной из таких встреч Кара Кемаль предложил даже организовать похищение великого везира Ахмеда Тевфик Паши. *Zürher E.J. Milli Mücadelede İttihatçılık, с. 148.*

¹⁵ Ранее, ещё летом 1918 г., Грузия при содействии германцев односторонним актом – вторжением своих войск разрешила спорный вопрос о владении Борчалинским уездом с относительным большинством армянского населения и объявила о включении в состав своих границ армянских территорий, оккупированных тогда турками. Когда в ноябре 1918 г. началась эвакуация турецких войск с оккупированных ими территорий Закавказья, турецкое командование перед уходом сыграло злую шутку над обоими своими историческими врагами: армянское правительство было извещено, что турки очистят занятые районы 23 ноября, после чего армяне могут вступить в него; такое же сообщение сделано было грузинам, но срок был указан 21 ноября. Когда двинулись армяне, они встретили в спорных районах грузин. *Деникин А.И. Октябрь 1918 – январь 1919, с. 269, 270, 275, 277, 278.*

Автор рассказывает о вооружённых грузино-армянских конфликтах по поводу спорных приграничных территорий в декабре 1918 г. Арбитрами оказались, уже после ухода турок, англичане. Таким образом, после ухода турок началась война, шли настоящие армейские сражения. По всей Грузии под предлогом того, что «армяне производят повсюду тайную мобилизацию», были предприняты репрессии против армян, даже созданы концентрационные лагеря в Кутаиси. Генерал Уокер «открыто грозил» министру иностранных дел Армении Тигратяну, что «если армяне

совместно с Добровольческой армией нападут на Грузию, он со своими войсками выступит на её защиту». Там же, с. 280.

¹⁶ 24 января части деникинской армии «с боем перешли реку Лоо и заняли Сочи», за четыре дня «очистили от грузин весь Сочинский округ», «все воинские чины и оружие были отправлены морем в Грузию».

Под влиянием наступления деникинской армии «начались восстания абхазцев и армян в Сухумском округе», их представители обращались к Деникину с просьбой «избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту». 1 февраля 1919 г. генерал предложил англичанам «необходимые и неотложные меры: 1) объявить Сухумский округ нейтральным; 2) немедленно вывести оттуда грузинские войска и администрацию; 3) возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные; и на военные отряды, сформированные из абхазцев»... Там же, с. 283, 284.

¹⁷ Подробнее там же, с. 285–288, 293, 294.

¹⁸ Аналогично напутствию султана Кемалю было и содержание инструкции, полученной от военного министра и утвержденной великим везиром Дамадом Ферид-пашой, который по этому случаю лично принял Кемалю в своём доме. Инструкция требовала инвентаризации вооружения в районах инспекции и строгого контроля над ним, предупреждение контактов армии с незаконными организациями, роспуск и запрет последних. Султанское правительство снабдило М. Кемалю широкими полномочиями и деньгами для восстановления в Анатолии спокойствия и порядка. *Шамсутдинов А.М.* Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг. М., 1966, с. 68.

¹⁹ «Да сохранит бог Ваше Величество, единственную опору великой нации и священного халифата, от всяких несчастий, – писал он в своём письме султану Мехмеду VI, – перед лицом бедствий, постигших ныне страну, и грозящего ей расчленения; лишь громкое заявление о существовании национальной и священной силы во главе с Вашей августейшей особой может спасти родину, независимость государства и нацию, а равно Вашу великую династию, славная история которой насчитывает шесть с половиной веков. Все единодушно убеждены в этом». Там же, с. 69.

²⁰ Отметим, что в те времена самым распространенным средством связи, которым пользовались гражданские и военные власти, был телеграф с его возможностями шифрования.

²¹ Там же, с. 72–76.

²² Упомянув эти лица, английский автор большой и интересной книги об Ататюрке пишет: «Черкесы были людьми воинственными, но самыми воинственными из них были три брата – Решит, Тевфик и Эдхем». Все трое во время Первой мировой войны работали в так называемой Специальной организации (Teşkilat-ı Mahsus) Энвера. *Mango A. Atatürk. L., 2001, с. 227.* Эта воинственность и одновременно склонность к парти-

занщине, неподчинению анатолийской власти способствовала тому, что Кемалю так и не удалось в этот сложный период установить контроль над поведением тех черкесов, которые сформировались под руководством Эдхема (Черкес Эдхем, 1880–1950). Забегая несколько вперед, отметим, что дело кончилось боевыми действиями кемалистской армии против отряда Эдхема.

²³ «В Екатеринодаре, – пишет Деникин, – пребывал представитель при Добровольческой армии генерал Пуль; в Тифлисе – генерал Форестье-Уокер, начальник экспедиционного корпуса (27-я и части 13-й и 89-й дивизий), оккупировавшего Закавказье и Закаспий и насчитывавшего в своих рядах 15–20 тысяч. В подчинении Уокера находились начальники войск генералы Моллисон (летом 1919 г. части Моллисона находились в Мешеле, Асхабаде и Красноводске), Томсон и Коллис – в Закаспии, Баку и Батуме. Над Пулем и Уокером стоял генерал Мильн – главнокомандующий английскими войсками на Востоке, пребывавший в Константинополе... В этой сложной схеме явно различались две совершенно несхожие линии английской политики – екатеринодарская и тифлисская, русофильская и русофобская. Несомненно, это расхождение инсценировано было Лондоном для проведения двойственной политики: задачи преграждения большевистского потока, угрожающего Европе, и закрепления британского экономического влияния в Закавказье. Расхождение началось с первых же дней. Генерал Томсон издавал обращение “К народам Северного Кавказа”, обещая им вооруженную помощь от Англии и устройство судьбы от союзной конференции; возрождал из пепла горское правительство, на знамени которого написано было “самостоятельная республика”; назначил полковника Роулинсона командующим горско-терскими формированиями и от имени своего правительства устанавливал зону английского влияния к югу от линии, проходящей через Петровск (ныне – Махачкала) по северо-западной границе Дагестана и далее по Кавказскому хребту». *Деникин А. А. Октябрь 1918 – январь 1919*, с. 235–236.

²⁴ Атаюрк был «османским пашой и представителем военного крыла османской бюрократии, он не был земельным агой, крупным торговцем или выходцем из промышленников. В то же время он был сторонником западной цивилизации. Он был по идеологии антиимпериалист и западник». У кемалистов батылык (Bati–Запад), вестернизация означала понятие – внедрить в Турции достижения культурной (айдынланма) и промышленной революций. А это означало создание национального государства (улус-девлет). Кемалистская революция заменяла религиозно-консервативную власть падишаха на власть народа. При этом Атаюрк широко использовал пребывание врага в стране. Он не имел за собою сильного класса, на который он мог опираться, и если бы не жестокое поведение врага и не беспомощность падишаха, он мог бы и не добиться

взятия власти. Однако его великая военная и политическая гениальность помогла ему создать в войне за независимость сильные общественные объединения и овладеть ситуацией. Он протянул руку эшраф и аянам (провинциальная знать), натерпевшимся от османской центральной власти, и таким образом осуществился исторический союз между центральной бюрократией и местной влиятельной силой; лишённая корней и основ османская бюрократия утвердилась на прочном фундаменте. Опираясь на эти местные силы, Кемаль изменил силовую пирамиду общества, заменив в ней свою личную власть «властью наций», «народной властью». *Kongar E.* 21 Yüzyılda Türkiye. İstanbul, 1999, с. 17, 18.

²⁵ Правда, работа этого конгресса подверглась критике в Стамбуле не только со стороны султанской власти, но и, по сути, иттихадистской организации Каракол, что вызвало недовольство Кемалья, – он приказал телеграфировать всем заинтересованным организациям, связанным с национальным движением, что организаторы Эрзурумского конгресса «не имеют никакого отношения к обществу Каракол, а рассылаемые этим обществом инструкции и постановления не имеют силы», такого рода «вредоносные попытки» лишь создают двойственность в действиях национального движения, «будет проведено специальное расследование – кто создал эту организацию». *Kocaturk U.* Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi. 1918–1938. Ankara, 1983, с. 69–78; *Kansu M.M.* Erzurum'dan ölümüne kadar Atatürk'le beraber. Cilt 1. Ankara, 1986, с. 139. Этот эпизод с иттихадистской организацией («тайной») свидетельствует, что, по сути, началось формирование не просто национальной, но и в какой-то мере кемалистской власти со своей, отличной от иттихадистской, идеологией, хотя на этом этапе о преобладании кемализма как идеологии говорить было рано.

²⁶ Особенно сильными были требования обратиться к США и Кемаль пошёл на различные обещания, чтобы не включать этот тезис. *Kongar E.* 21 Yüzyılda Türkiye, с. 137.

²⁷ *Müderrişoğlu A.* Kurtuluş savaşının mali kaynakları. Ankara, 1990, с. 532, 533.

²⁸ Тема законности освободительной войны составляла важную политическую проблему и она сохранялась, пока существовал османский парламент.

Стамбульское правительство опубликовало 7 октября 1919 г. постановление о проведении выборов в султанский парламент, 7 ноября было объявлено, что депутатом от Эрзерума в этот парламент избран Кемальпаша. А в декабре стали съезжаться в Анкару депутаты – сторонники кемалистов, чтобы затем отправиться в Стамбул.

²⁹ На пути в Анкару Кемаль посетил Кайсери, где был встречен большой толпой народа. 22 декабря он остановился на ночлег в поселке Хаджыбекташи в качестве гостя главы ордена бекташи шейха Салиха Ниязи Баба, и там «было достигнуто единство взглядов в вопросах патриотизма

и национального сопротивления». Вместе со своими спутниками 23 декабря Кемаль посетил тюрге Хаджыбекташи. Это место знаменито тем, что, прибыв из Хорасана в Анатолию в 1281 г., здесь стал жить пир Хаджы Бекташ-ы Вели (1242–1337 гг.) и здесь же умер, после чего это место стало центром движения бекташилик. Здесь расположены тюрге, где похоронен Хаджы Бекташ-ы и завия Хаджы Бекташ-ы Вели, мечеть, это место постоянного паломничества. Считается, что когда Орхан, сын Османа Гази, стал организовывать войско янычар, он попросил помолиться за успех этого дела, причём название Еничери предложил он. На церемонии он возложил свою ладонь на голову одного из воинов Орхана. *Türkiye Ansiklopedisi, Cilt III, Ankara, 1956, с. 7, 8. Belen F. Türk kurtuluş savaşı. Ankara, 1983, с. 140–142; Kocatürk U. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi..., с. 124.*

³⁰ *Aydemir Ş.S. Tek adam. Mustafa Kemal. 2-nci Cilt. (1919–1922). İstanbul, 1967, с. 214–227.*

³¹ В документе подчёркивалось, что именно эти территории являются собственно турецкими. В тексте обета принцип плебисцита назывался главным при решении спорных территориальных вопросов, подтверждались гарантии меньшинствам по согласованию с державами Согласия. Обращение к тексту Национального Обета, особенно когда заходила речь о границах Турции, до недавнего времени составляло традицию турецкой историографии периода республики, свидетельство мирной внешней политики Турции. Этим подчёркивался полный отказ от претензий на любые территории, если они не упомянуты в тексте документа.

³² *Mango A. Atatürk. L., 2001, с. 270, 275.*

³³ В коммюнике союзников о причинах официальной оккупации Стамбула, в частности, говорилось: «чтобы положить конец постоянно вспыхивающим вооруженным восстаниям против войск Антанты и её союзников», а также для того, чтобы «обеспечить выполнение условий мира, державы Антанты вынуждены прибегнуть к временной оккупации Константинополя. Целью союзников является не разрушить, а, напротив, усилить престиж султана в местностях, находящихся под турецким управлением». *Atatürk Kemal. Nutuk. Cilt I. İstanbul, 1963, с. 414–416.* В тот же день Кемаль отправил из Анкары обращение-протест «Всем государствам и народам союзных и нейтральных государств» с резким осуждением захвата интервентами столицы государства. В этом воззвании Представительного комитета к армии, местным властям и обществу содержался призыв защищать право населения на жизнь и независимость, на своё будущее. Там же, с. 419.

³⁴ *Kocatürk U. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi..., с. 143–150.*

³⁵ *Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции..., с. 102–103.*

³⁶ В Анкару прибыло большинство депутатов разогнанного стамбульского парламента, включая председателя палаты депутатов Джелаледдина Ариф-бей. Многие предъявили свои претензии на власть. Ариф-бей, например, считал, что новый меджлис просто продолжит стамбульский парламент и потому естественно, что он будет его председателем. Появился в Анкаре и бывший военный министр Февзи-паша (впоследствии маршал Февзи Чакмак).

³⁷ *Güneş İ. Birinci Türkiye Büyük Millet Meclisinin düşünsel yapısı (1920–1923). Eskişehir, 1985, с. 49.*

³⁸ Вторым председателем избрали Джелаледдина Ариф-бей. Вице-председателями стали известные религиозные деятели Абдулзалим Челеби-эфенди и Джемалеттин Челеби-эфенди.

³⁹ *Kongar E. 21 Yüzyılda Türkiye..., с. 137.* С 3 мая в Анкаре действовало уже постоянное правительство, избранное ВНСТ. Председателем Совета министров стал Мустафа Кемаль-паша, министром иностранных дел – Бекир Сами-бей, министром внутренних дел – Джами-бей, министром национальной обороны – Мустафа Февзи-паша. Начальником генерального штаба новой турецкой армии, которую предстояло создать, был назначен тридцатилетний полковник Исмет-бей.

⁴⁰ Еще до этих событий, 9 апреля, в Бандырме был высажен с английского миноносца отряд Анзавура, насчитывавший более тысячи человек. Его действия преследовали цель восстановить власть султана в районах Бандырмы, Балыкеси́ра, Кютахьи и Эскишехи́ра. Поддержавшие анкарскую власть партизанские отряды районов Балыкеси́ра, Эдремита, Бурсы разгромили Анзавура. Погрузив остатки своего отряда на борт английского корабля, Анзавур бежал в Адапазары, где 13 апреля 1920 г., офицер генерального штаба Хайри-бей спровоцировал восстание черкесов и абазинцев районов Болу и Дюздже. Черкесские и абазинские феодалы, перешедшие на службу к турецкому султану, находились в привилегированном положении и держали своих соплеменников в рабском подчинении. Число мятежников превышало 4 тыс. В начале мая мятежники соединились с частями «халифатской армии», занявшей Адапазары и Гейве. 24-я пехотная дивизия, дислоцированная в Гейве, перешла на сторону мятежников, которые стали хозяевами положения на большей части Северо-Западной Анатолии.

⁴¹ Это был последний договор в Версальской системе мирных договоров. Главную роль на Парижской мирной конференции играли Великобритания, Франция, США. На этой же конференции был одобрен устав Лиги Наций.

⁴² Киликия и некоторая часть вилайетов Мараш, Урфа, Антеп переходили под власть Франции. Отдельные районы вилайетов Диярбакыр и Мосул отходили в сферу влияния Англии. Юго-Западная Анатолия от линии Конья, Афьон-Каракхисар, Алашехир переходила в сферу влияния

Италии. Северо-восточные вилайеты Анатолии от Гиресуна до линии Эрзинджан – Муш – Битлис – оз. Ван отходили Армении. Статья 89 предусматривала, что «Турция и Армения, а также другие Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются представить на третейское решение Президента Соединенных Штатов Америки определение границы между Турцией и Арменией в вилайетах Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса и принять его решение, а также всякие меры, которые он может предписать относительно выхода Армении к морю и относительно демилитаризации всякой оттоманской территории, прилегающей к названной границе. Юго-Восточная Анатолия от линии оз. Ван – Элязыг-Малатья – Мараш получала автономное управление с последующим образованием курдского государства под протекторатом Англии. Турция лишалась всех своих островов в Эгейском море в пользу Италии».

Турция признавала мандатными государствами Сирию, Ирак, Палестину, «независимым» королевство Хиджаз, английский протекторат над Египтом, англо-египетский кондоминиум над Суданом, французский протекторат над Марокко и Тунисом, а также отказывалась от Триполитании и Киренаики (современной Ливии).

⁴³ *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948, с. 99.

⁴⁴ Там же, с. 102.

⁴⁵ *Mears E.G.* Modern Turkey. N.-Y., 1924, с. 17.

⁴⁶ После прибытия в Самсун Мустафа Кемаль некоторое время оставался в Хавзе (90 км ю-з. Самсуна) и посещал Амасью. Полковник в отставке Хюсаметтин Эртюрк, работавший прежде в разведке и близко знакомый с секретными материалами, пишет: «Мустафа Кемаль-паша и его сподвижники оставались в этом приятном месте, знаменитым своими теплыми водами, 22 дня. Они встретились с прибывшей сюда советской делегацией. Её главой был полковник Будённый. Полковник обещает Мустафе Кемалю, что большевистская Россия поможет оружием, боеприпасами и деньгами, в ответ призывает к борьбе с державами Антанты – общими врагами...» Эртюрк утверждает, что во время этой беседы был затронут вопрос о режиме в Турции. Будённый добавил, что он хотел бы, «чтобы своих врагов Мустафа Кемаль оповестил, что он принял коммунизм». Приводя всю эту информацию в своей книге о турецко-советских отношениях, Кямуран Гюрюн пишет – если это и правда (что сомнительно), то первый контакт с русскими во время национальной борьбы произошел в мае 1919 г. в Хавзе и во время этой встречи выяснилось, что русские хотят создать в Турции коммунистический режим. Отрицая правдивость этой информации, он считает вместе с тем, что у Кемалья и его окружения мысль о контакте с большевиками не могла не возникнуть. На это наводит и содержание переписки находившегося с Кемалем Хюсрев-бея с Карабекиром. Кемаль призывает начать сопротивляться англичанам, сменившим к этому времени немцев. В от-

вет Карабекир сообщает, что на Кавказе англичане сильны, правят ситуацией и выступить против них опасно, в то же время он пишет о противостоянии англичан с большевиками и о целесообразности посмотреть со стороны, кто в этом противостоянии добьётся успеха. *Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri* (1920–1953). Ankara, 1991, с. 8–9.

⁴⁷ Приступив к реализации указанного плана, окружение Кемаля запросило Кара Васыф-бея, представителя организации Каракол в Стамбуле, о перспективах такого сотрудничества с большевиками. Соответствующий доклад поступил в распоряжение Кемаля в Эрзурум 8 июля 1919 г. В нём было, в частности, сказано о готовности большевиков помочь туркам, борющимся с интервентами, «золотом и серебром и военной помощью». Там же, с. 10–12.

⁴⁸ *Müderrişoğlu A. Kurtuluş savaşının mali kaynakları*, с. 536–537.

⁴⁹ После Сивасского конгресса Халиль-паша пребывал некоторое время в Баку и в тот момент, когда в него вошли большевики. Затем с согласия и, очевидно, по поручению Кемаля он был направлен в Москву. Добравшись до неё после долгого и полного приключений путешествия, Халиль-паша провёл переговоры с народным комиссаром по иностранным делам Чичериным и его заместителем Караханом, они смогли таким образом из первых рук получить информацию (в соответствующей версии) о национальном движении в Анатолии. *Müderrişoğlu A. Kurtuluş savaşının mali kaynakları*, с. 536.

В докладе на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. Г.В. Чичерин, в частности, сообщал: «Мы предполагали в ближайшем будущем послать в Малую Азию наше представительство. В Москве находится известный турецкий деятель Халиль-паша, представляющий турецкое революционное правительство Малой Азии. Мы знаем, что именно потому, что турецкий народ стал жертвою хищничества Антанты, именно поэтому он смотрит на Советскую Россию как на единственного друга, который является вполне бескорыстным». *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 168.

⁵⁰ *Mango A. Atatürk*, с. 289.

⁵¹ Об этой новой экспедиции на Кавказ мы узнаём из книги «Кавказские воспоминания», опубликованной в виде дневника в 1990 г. Её автор Мустафа Бутбай – преподаватель Галатасарайского лицея, близкий знакомый «президента Северного Кавказа Абдулмеджида Чермоева» («Абдулмеджид – чеченец, был адъютантом при царе Николае, владеет нефтяными скважинами в Грозном, сторонник русской культуры, гуляка, падкий на разгульную жизнь»), «министра иностранных дел Хайдара Бамата» («из кумыков, вышколенный молодой человек, весьма образован, кроме русского владеет французским и немецким»), «делегата от Абхазии Симона Басарья». В составе миссии, кроме самого автора – сплошь турецкие военные: Исмаил Беркок (полковник османского ген-

штаба), военные курсанты, солдаты (численность не приведена). Формальная цель экспедиции – этнографическая (очевидно, для англичан, чтобы выбраться из Стамбула), о подлинной же, то есть о возможностях и формах «освоения» Северного Кавказа, автор дневников пишет следующее:

1. Провозглашённые президентом Вильсоном принципы, в частности, предусматривали меры, которые касаются и народностей Кавказа – «необходимость признания великими державами права на независимость зависимых народов. Отсюда следовало – побудить горцев Кавказа, почти столетие сражающихся за независимость и свободу, воспользоваться представившейся возможностью».

2. Поражение Турции в Первой мировой войне создало реальную угрозу захвата врагами наиболее важных частей страны и утраты свободы и независимости.

3. Принять окончательное решение относительно позиции Кавказа. Чтобы не оставаться в неведении, туда следовало отправиться, чтобы убедить всех в безусловной необходимости создания там условий союза и совместного сотрудничества. *Butbay M. Kafkasya Natıraları. Ankara, 1990* (Перевод с османского на современный турецкий Ахмеда Джевдета Джанбулата), с. 1, 2.

⁵² Автор «Кавказских воспоминаний» приводит множество названий населённых пунктов, в которых побывали эти турецкие офицеры – Палама, Куллар, Марага, Акуш, Шура, Тимурхан (Буйнакск), Леваша, Ведено, Хунзак, Гуниб, Муни, Карачай, Сунтери, Дарго. Упомянуты и участники событий того времени, с которыми встречались, беседовали члены миссии – местные большевики, красноармейцы, муллы, племенные вожди, шейхи, турецкие солдаты и офицеры. В Акуше, например, состоялась встреча с Нури-пашой, братом Энвера. «Нури-паша пожелал нам успеха, оказал помощь. Он сообщил, что “больше тяготеет к искусству, нежели к военным делам, но события принуждают его оставаться в горах Дагестана, причём расходы на его пребывание покрывает правительство Азербайджана”. В настоящее время он не настроен резко к большевикам. Силы Нури состояли из горцев Ахушты и турецких солдат». Там же, с. 18, 19.

⁵³ Не было даже проекта правительства, признаёт автор дневников. Представители Кавказа были по одному в Тифлисе и Баку, «они – на содержании местных властей. Интеллектуальная элита Кавказа живёт по городам страны и думает о том, чтобы обеспечить своё спокойствие и благополучие. Народ же кто за меньшевиков, кто за большевиков и не понимает, что будет и что делать. Лишь вылавливают и ликвидируют беглых казаков. Героические недавно горцы не могут воспользоваться возможностью, которая имеется». Там же, с. 21.

⁵⁴ «На заседании в Ведено под председательством Исмаила Хаккы принято решение об избрании местного Милли меджлиса и временного правительства, таким образом, район будет спасён от большевиков, в районе Сунтери (Центрой?) на горе Кайиш Курт соберётся весь народ и примет окончательное решение. Ведено будет спасено от большевиков и там будет резиденция нынешнего правительства». Там же, с. 37–45.

⁵⁵ В дневнике появляются такие записи: «Дела непонятны, запутанны... Народ вполне самоотверженный, отважный, республиканец, но нет ничего похожего на наличие своего мнения. Они как дети, ими надо управлять, руководить. Как же требуется несколько молодых людей, грамотных и решительных, способных показать путь широкому народному движению! Проклятье молодёжи Северного Кавказа, помешавшейся на русской культуре!» с. 52. ... «Я стремился и желал, чтобы горцы включились в войну с большевиками, чтобы возродить их угасающие чувства воинов и джигитов... Сколько раз об этих своих чувствах я говорил Беркок-бею. Но я в ответ слышал, что неизвестность, в которой мы находились, препятствует таким акциям. Он был прав, поскольку нам было неясно истинное положение и Турции, и большевиков, и Европы. Мы оказались в положении пропагандистов, бродивших среди гор... В Дагестане и Чеченистане не осталось ни одного казака, их военные поселения, казармы, крепостные сооружения превращены в руины, сами же они ликвидированы. Я был уверен, что горцы, победив регулярную казачью кавалерию, уверенно разгромят большевиков».

⁵⁶ Эти республики, отмечено в дневниках, «так и не наладили сотрудничество; погнавшись за утопиями типа: Грузии – Трабзон и Абхазия, Азербайджану – Дагестан, они потеряли собственную страну». Там же, с. 89.

⁵⁷ Там же, с. 89–94. Но вскоре станет ясным, что никакого ареста не было, и оба турка отправились в Москву в ином качестве. Об этом и о других подробностях формирования советско-турецких отношений пишет в своей статье М.С. Мейер, см.: Турция в XX веке. М., 2004, с. 10, 11.

Что касается комментируемого нами дневника, его автор высказывает много советов современным правящим элитам Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа – следовало сплотиться и воспользоваться занятостью России; вместо этого они вернулись к своим прежним захватническим мечтам: Азербайджану – Дагестан, Грузии – Абхазию; «русский фантом обрушился на их головы и под этим мощным селем они были раздавлены и ушли в небытие».

⁵⁸ «Выяснилось, что в Анкаре относительно черкесов преобладает глубокое недовольство и подозрительность, отправляться сейчас туда – значит играть с огнём. Мы не были против анкарской власти. В течение всей нашей поездки мы вели пропаганду в её пользу... Вместе с тем наличие таких лиц, как мы, известных как горячих приверженцев созда-

ния в горах между Каспийским и Чёрным морями национального правительства, то есть Республики Северного Кавказа, будет встречено с подозрением и мы можем оказаться в опасности».

⁵⁹ *Butbay M. Kafkasya Hatıraları*, с. 101.

О деятельности Саит-бея пишет и Л. Соцков: «Когда Саит-бей отправляли со сравнительно небольшой группой горцев в Чечню и Дагестан, то рассчитывали, что ему удастся поднять серьезное восстание против Советов. Должно было, как казалось, сыграть свою роль и его имя родственника третьего имама по мужской линии. Но реальность оказалась иной, и, пробыв несколько месяцев на Северном Кавказе, Шамиль вынужден был примириться с тем, что с войной за независимость по примеру той, какую вел его дед, ничего не получится.

Грузины оказали Шамилю денежную помощь, и в октябре месяце он выехал в Дагестан, причём к нему был приставлен в качестве советника-наблюдателя грузинский национал-демократ Чиaborов. Грузины знали, что Шамиль не может иметь большого успеха, но допускали возможность захвата двух-трех округов в Дагестане.

Вначале Шамилю сопутствовала удача, поднятые им и Нажмутдином горцы вытеснили на некоторых участках посты большевиков и дошли до укрепления Хунзах, которое осадили, но не смогли взять. С подходом красных отрядов с равнины Шамиль с повстанцами вынужден был отступить, а после этого в многочисленных стычках погибло много людей, сожжено и разбито несколько аулов. Шамилю пришлось оставить Дагестан и с очень небольшим количеством сторонников перейти в Чечню. Там также на первых порах были успехи, он занял аул-крепость Ведено, но вскоре вынужден был покинуть селение и распустить своих сторонников, так как население начало роптать и отказывать ему в поддержке.

Его надежды на поддержку грузин и французов не оправдались, ничего из обещанного оружия и военного снаряжения прислано не было. Весною 1921 года Красная Армия заняла всю Грузию, и Шамиль оказался на территории большевиков. Тогда он бежал из Чечни, добрался до турецкой границы через Грузию и возвратился в Константинополь». *Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003, с. 27, 30, 31.*

⁶⁰ *Anadol C. Çağımızın gerçek kahramanları..*, с. 195–203. Всю эту переписку Карабекир направил руководству ВНСТ. Между тем эти дневниковые записи позволяют предполагать, что члены миссии старались создать впечатление, что они – «не совсем» турки и выражают интересы народов Кавказа, стараются помочь им организовать сопротивление, обеспечить их независимость. И в то же время они – турецкие офицеры, представляют дружественную страну и готовы всему этому содействовать как военные, как офицеры. Поэтому пребывание такого рода

турецких отрядов на Кавказе, как у себя дома, они считают нормальным. Несомненно, идеи руководителя миссии во многом совпадали с младотурецкой концепцией о временном перенесении центра борьбы за Турецкое государство в Азербайджан, Дагестан и Чечню.

⁶¹ Цит по: *Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri*, с. 20, 22.

⁶² *Mango A. Atatürk*, p. 287, 288.

⁶³ Иттихадисты и московские власти договорились о следующем – если турки обещают предпринять усилия с тем, чтобы поднять исламский мир на поддержку антиимпериалистической борьбы, Радек посоветует большевистскому правительству поддержать турецкое сопротивление то, которое организуемо прежде всего сторонниками Энвера. Так, Нури-паше (брату Энвера), стоявшего во главе вооруженных сил Независимой республики Азербайджан, было предложено прекратить нападения на Красную Армию, начать с ней сотрудничать. Соответственно в качестве представителя националистов в Москву отправился дядя Энвера – Халиль-паша (Кут). *Zürher E.J. Milli Mücadelede İttihatçılık*, с. 217, 218.

⁶⁴ Первым отправился в Советскую Россию член «триумvirата» Джемаль-паша, а оставшийся в Германии Энвер-паша объявил себя сторонником идей Коминтерна и в начале 1920 г. опубликовал ряд статей, призывавших к борьбе с колонизаторами.

⁶⁵ По турецким данным, это произошло 16 августа, как раз через два дня после встречи турецкой делегации во главе с Бекиром Сами с В.И. Лениным. *Kocatürk U. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi*, с. 194.

⁶⁶ Ленину Дзержинский докладывал следующее: «Сегодня ночью из Германии прибыл Энвер-паша с двумя турками и бывшим уже у нас летчиком Лео. Направляю их сегодня Смильге». А Смильге была отправлена телеграмма такого содержания: «Сегодня ночью из Германии прибыл Энвер-паша с двумя турками. Направляю их Вам через Гродно. Ленин извещен». В Москве Энвер-паше и его «штабу» предоставили для проживания особняк князей Голицыных, а его миссия получила дипломатический статус. Ему периодически выдавались ссуды в 500 тыс. немецких марок, которые использовались для содержания штаба, а также для поддержки организации «Каракол», продолжавшей обслуживать сторонников Энвера. В это же время Энвер-паша с помощью Радека установил контакты с рядом лиц в советском руководстве и побывал на приемах у Ленина, Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Г. Чичерина, Э. Склянского, Л. Карахана. *Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб 1918–1941. М., 2004. с. 76.*

⁶⁷ *Mango Andrew. Atatürk*, с. 289, 290.

⁶⁸ Он приводит слова Дамара Арыкоглу, лидера националистов в Адане, который утверждает, что в пропаганде коммунизма в Анкаре не было недостатка, «некоторые из моих друзей из депутатов сожалели, что коммунизм не был принят официально. “Чего мы ждем?” – спрашивали

они. Почему мы не провозглашаем коммунизм, чтобы таким образом вызвать у наших людей новое воодушевление и новый энтузиазм? Мы не лишаемся собственности или богатства. Так что нас сдерживает и тянет назад? Красный цвет, символ коммунизма, стал модным. Многие прикрепляли кусочки красной ткани к своим папахам». Как пишет Э. Манго, симпатия к коммунизму была наиболее сильна среди сторонников партии Единение и Прогресс. Обещание Ленина эмансипировать подчинённые нации царской империи также произвело впечатление на черкесов в Турции. Черкесский партизанский лидер Этхем был, как он признал в своих мемуарах, «восторженным и искренним приверженцем советской дружбы до того дня, когда высокие и притягательные принципы относительно свободы наций, провозглашенные Лениным, были нарушены самими Советами». В мае 1920 г. в Анкаре появилась полуправительственная организация, именуемая Зеленой армией, её программа объединяла исламскую воинственность с фрагментами социалистической идеологии, это привлекло нескольких товарищей Мустафы Кемаля. Там же, с. 291.

⁶⁹ До вечера 22 марта турецкий батальон в Батуме оставался задержанным. Затем оружие и вещи были возвращены, прибывший в Батум командующий выразил сожаление турецким представителям по поводу неприятного случая. До конца марта согласно Московскому договору турецкие части оставили Ахыску, Ахалкалык, Гюмрю. *Belen F. Türk Kurtuluş Savaşı. Ankara, 1983, с. 304–305.*

⁷⁰ Цит. по: *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999, с. 111. Там же текст договора, с. 197–205. Кстати, в этой работе Орешковой и Ульченко приводятся объяснения того, почему Советская Россия, со своей стороны, пошла на упомянутые территориальные уступки, почему оказалась более заинтересованной в подписании договора о мире, чем турецкая. Одно из них, очевидно, наиболее важное, состояло в том, что, по словам Ленина, «руководство Турции готово продать нас союзникам». Именно в то время, 21 февраля, открылась конференция европейских держав в Лондоне с целью пересмотра в сторону смягчения для Турции условий Севрского договора. Историк Р. Казанджян пишет: «Сильно повлияли на ход московских переговоров также сообщения советских представителей в Трапезунде и Лондоне о том, что кемалисты строят мостик возможного перехода в лагерь Антанты» и что «опасность соглашения Антанты с Турцией совершенно очевидна и не исключено новое наступление турок на Кавказ». Там же, с. 110.

⁷¹ «Он [Бекир] верит, – пишет Халиде Эдип, – что если Турция освободится от интервентов и продолжит своё существование, она забудет резню и крайности незаконности оккупации, будет всеми силами бороться и даже сражаться, чтобы сохранить западные идеалы. Ллойд

Джордж высмеял эту идею и встреча закончилась безрезультатно. Но случилось невероятное – копия беседы попала к товарищу Чичерину, который совершенно справедливо направил Ангоре жёсткую ноту. Затем Бекир Сами-бей взял на себя всю ответственность и ушёл в отставку. С точки зрения личной морали и принимая во внимание циничную западную политику – довести Турцию до крайности в то время как Россия оставалась единственной силой, сохраняющей свою дружбу с Турцией, предложение Бекира Ллойд Джорджу было безобразным поступком». *Edib Halide. The Turkish Ordeal. L., 1928, с. 255, 256.*

⁷² Первая партия оружия и боеприпасов была доставлена в Трабзон в конце сентября 1920 г., в течение месяца было разгружено 3387 винтовок, 3623 ящика с боеприпасами и примерно 3000 штыков. В основном винтовки были трофейными германскими – такие же, что состояли на вооружении турецкой армии. *Müderrişoğlu A. Kurtuluş savaşının mali kaynakları, с. 543.*

⁷³ По скрупулёзным подсчётам Мюдеррисоглу, за все годы национально-освободительной войны, согласно официальным турецким данным, поставки Советской Россией вооружения и боеприпасов составили: винтовки – 37 812 штук, пулемёты – 324, патроны – 44 587 ящиков; орудия – 66 штук, снаряды – 141 173 штук. Сравнивая с данными советских источников, автор отмечает лишь незначительное расхождение в цифрах, добавляя при этом цифры по поставленным ручным гранатам (4 тыс. штук), шрапнельным снарядам (4 тыс.), саблям (1500 штук) и противогазам (20 тыс.).

Посланная в Италию закупочная комиссия только после Сакарьи смогла приобрести на русское золото вооружение и порох. Прежде всего, речь идёт о 4310 тыс. штук ружейных патронов и 97 тонн пороха. Кроме того, куплены были в Италии 20 самолетов типа Спот XIII. Закуплено было и 20 тыс. ружей... Далее автор пишет о закупках оружия и горючего в других странах Европы, о потерях при транспортировках, обманах поставщиков. *Müderrişoğlu Alptekin. Kurtuluş savaşının mali kaynakları, с. 509, 510, 546, 549–550.*

⁷⁴ Турция в XX веке. М., 2004, с. 15.

⁷⁵ *Kocatürk U. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi..., с. 301–308.*

⁷⁶ В Кремле, видимо из-за обострившейся болезни Ленина, не прислушались к советам Аралова, настаивавшего на необходимости скорейшего извинения перед турками. В итоге Али Фуад 11 мая демонстративно покинул Москву вместе с сотрудниками посольства. Вскоре последовала ответная акция: поджог советского полпредства. В конечном итоге конфликтная ситуация была разрешена компромиссом: советское правительство выразило своё сожаление по поводу нарушения дипломатической неприкосновенности, а турецкие власти пообещали найти и нака-

зять виновных в поджоге. Однако осложнения в межгосударственных отношениях этим не ограничились.

Тогда же советскому посольству пришлось решать другую проблему, вытекавшую из решений Исполкома Коминтерна (ИККИ) по активизации деятельности турецких коммунистов. В ряде своих писем в ИККИ и заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану Аралов утверждал, что «в мелкобуржуазной среде без развитой промышленности не может существовать коммунистическая партия и что если таковая будет, то будет тепличное растение». У представителей ИККИ, прибывших летом 1922 г. в Анкару, было другое мнение. Они потребовали от полпреда и его помощников принять все меры для организации съезда КПТ, который должен был объединить существовавшие в стране коммунистические и социалистические группы и выработать единый курс их действий, а также обеспечить более активное участие коммунистов в работе только что созданных профсоюзов железнодорожников, шахтеров, металлистов и печатников. Этот съезд удалось нелегально провести в Анкаре в то самое время, когда на Западном фронте развернулись решающие сражения у Афьон-Карахисара и Домлу-Пынара. Турция в XX веке, с. 17–19.

⁷⁷ Назначенный полномочным представителем РСФСР в Турции Элиава из-за болезни не смог приехать в Анкару и его обязанности выполнял первый секретарь посольства Упмал. С конца 1920 г. полномочным представителем РСФСР в Анкаре стал Мдивани, а в марте 1921 г. его сменил на этом посту Нацаренус. В конце 1921 г. советским послом в Турции стал С.А. Аралов.

⁷⁸ Первое здание советского посольства в Анкаре не сохранилось. Оно сгорело в 1922 г. от поджога и посольство вынуждено было ютиться во временном помещении, пока на выделенном Ататюрком обширном участке в Каваклыдере не было выстроено каменное здание, выходящее фасадом на бульвар Ататюрка. Здесь неоднократно бывал Ататюрк. В 1961 г. это помещение было передано Торговому представительству СССР и затем перестроено. Нынешние здания советского посольства построены по проектам советских специалистов в районе Чанкая, на улице Карьягды, откуда открывается панорама раскинувшегося внизу города.

⁷⁹ *Müderrişoğlu Alptekin*. Kurtuluş savaşının mali kaynakları, с. 544, 545.

⁸⁰ После этого Эдхем со своим отрядом был торжественно принят в Анкаре и властям пришлось просить его подавить новый очаг восстания – в Йозгате. В беседах в Анкаре с Кемалем и Исметом Эдхем говорил: «Вы отзываете нас с вражеского (греческого) фронта только для того, чтобы мы выполнили обязанности, лежащие на вас».

⁸¹ Руководители Зелёной армии считали главной силой турецкого революционного движения революционное крестьянство и выступали про-

тив регулярной армии, считая её армией эксплуататорского меньшинства. В борьбе с империалистами Зелёная армия считала лучшим союзником Красную армию. Новейшая история Турции. М., 1968, с. 35.

⁸² Турция. История, экономика, политика. М., 1984, с. 5–9.

⁸³ После того как в июле 1921 г. греческие войска взяли Бурсу, в ВНСТ началась настоящая паника. Прозвучали обвинения в адрес правительства, военного руководства и прежде всего начальника генерального штаба Исмет-паши. Тот мог отвечать только одно: «нет войск для отражения противника». 26 марта 1921 г. греки вошли в Адапазары, а 12–20 июля смогли занять Афьон-Карахисар, затем Кютахью и Эскишехир, откуда открылась прямая дорога на Анкару.

⁸⁴ Толпы беженцев затопили улицы и без того переполненного города. Люди жили прямо на улицах. Город стал прифронтовым. Работа по отражению вражеского нашествия не прекращалась ни на минуту ни днём, ни ночью. Работали мастерские оружейников, кузнецов, шорников, сапожников. Готовилось оружие, амуниция, снаряжение. Поистине в те дни решалась судьба кемалистской революции. 1 сентября 1921 г. в одной из своих бесед Мустафа Кемаль и Исмет-паша обсуждали вопрос о возможной эвакуации правительственных учреждений.

⁸⁵ Согласно приказам о реквизиции изымались ткани, ангорская шерсть, полотно, кожи, ботинки, сапоги, подковы, гвозди, телеги, упряжь, излишки продовольствия и скота, керосин, бензин, мыло и пр. Всё население прифронтовой полосы, от реки Сакарья до Анкары, рыло окопы и строило другие оборонительные сооружения, обеспечивало перевозки, ремонтировало дороги. Штаб командующего фронтом находился в Полатлы, штаб главнокомандующего – в деревне Алагёз, между Анкарой и Полатлы.

⁸⁶ Турецкая армия превосходила греческую только по количеству кавалеристов: она имела 4727 сабель против 1800 греческих. От англичан греки получили железнодорожные составы, автомобили. У кемалистов же основным транспортным средством была кягни – повозка, запряженная парой волов, а также верблюды и ослы.

⁸⁷ Эти бои истощили турецкую армию, и потребовался ещё целый год, прежде чем она смогла возобновить наступление. Фронт откатился к Эскишехиру и здесь стабилизировался.

⁸⁸ «Он уже вообразил, что она в него влюбилась, – продолжает Халиде Эдип. – Но в то время турчанки могли носить его портрет на своих шарфах не обязательно из-за того, что все были влюблены в него. Однако, я подумала, что это было лучшее из того, что могло в эти дни случиться с ним... Так Мустафа Кемаль-паша стал гостем Латифе-ханым». 29 января 1923 г. стало известно о женитьбе Мустафы Кемали и Латифе-ханым (Ушаклыгиль). «Всё свидетельствовало, – пишет Халиде Эдип, – по крайней мере, о начале создания домашнего очага для сурового воина.

Неправда, что Мустафа Кемаль-паша женился на ней потому, что её отец был богатым человеком, это она упрочила своё богатство и стала богатой после замужества и была богаче, чем он. Его преданность свидетельствовала о его сердечности и полном бескорыстии». *Edib H. (Adivar)*. *The Turkish Ordeal*. L., 1928, с. 384–386, 387.

⁸⁹ Американец Мирс так характеризует Латифе в те дни, когда она оставалась женой Кемала: «Чрезвычайно привлекательная юная супруга Мустафы Кемаль-паши представляет собою достойный пример полной эмансипации. Она не только отвергает покрывало и свободно совершает поездки вместе с мужем, но и устраивает приёмы в доме в европейской манере. Она – нынешний лидер женского движения Турции и в публичных интервью свободно отстаивает свои прогрессивные идеи относительно роли, которую женщина должна играть в республике. Её муж разделяет её взгляды, которые, как он считает, не противоречат местным идеалам». *Mears E.G. Modern Turkey*. N.-Y., 1924, с. 143.

Как пишет автор книги об Ататюрке Ш.С. Айдемир: «Эта женитьба закончилась так же неожиданно, как и началась. Латифе-ханым искала в муже хозяина дома и главу семьи. А Мустафа Кемаль привык к тому, что сопровождало его всю жизнь. При таких условиях единения душ, естественно, не могло произойти». Он приводит случай, когда она, переживая нервный срыв, пожаловалась, как духовному наставнику, близкому семье Веледу Челеби. Тот ответил, что как жена она права, но замужем она «не за мужем, а за тигром, на которого узду не накинешь». *Aydemir Ş.S. Tek adam*. Cilt 3, с. 486, 487.

⁹⁰ За всю свою жизнь она его не нарушила, семья её, сохраняя данное слово, направила в своё время в адрес Турецкого Исторического Общества письмо о том, чтобы оно никогда не публиковало личные бумаги Латифе-ханым. *Cumhuriyet*, 7.02.2005. После развода Латифе-ханым поселилась в Стамбуле, вторично замуж не выходила, скончалась в 1975 г.

⁹¹ Согласно условиям перемирия греческие войска немедленно покинули Восточную Фракию, туда вступала турецкая жандармерия. Стамбул и Проливы оставались в оккупации союзников до заключения мира, но там вводилась и кемалистская гражданская администрация.

⁹² «Тогда республиканского режима боялись, – пишет турецкий автор. – У падишаха и его окружения были основания этого бояться, но национальные лидеры? У них тоже мы можем видеть опасения. Конечно, в этом государстве убивали и падишахов, но никому в голову не приходила мысль сменить династию Османов. Некоторые идеологи стремились к тому, чтобы ограничить полномочия падишаха, была принята конституция. Но никто не выступал с предложением о республике. Такое слово было произносить опасно. Падишах, будучи одновременно

халифом исламского мира, олицетворял собою священное начало». *Belen F. Türk Kurtuluş Savaşı*, с. 143–144.

⁹³ *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 111; *Türk Anayasa metinleri*. 1939–1980. Ankara, 1982, с. 93–96.

⁹⁴ Новейшая история Турции, с. 54–56.

⁹⁵ Правительство ВНСТ приняло решение № 308 о том, что «Османская империя канула в историю, на её месте возникло новое национальное государство Турции; с того времени султанат ликвидирован, его заменяет Великое Национальное Собрание Турции», власть которого распространяется на территории, указанные в Национальном Обете, «находящиеся ныне в Стамбуле учреждения незаконны, подчинены иностранной силе», а стамбульское правительство перестало быть таковым «начиная с 16 марта 1336 (1920) года». Что касается халифа, то ВНСТ назначит на этот пост «достойного и уважаемого представителя дома Османов». *Türk Anayasa metinleri*, 1982, с. 99–100.

⁹⁶ Оказавшийся в полной изоляции бывший султан стал опасаться за свою жизнь и 16 ноября 1922 г. обратился к генералу Харринггону, новому британскому верховному комиссару в Стамбуле, со следующим посланием: «Сэр. Полагая, что в Стамбуле моя жизнь находится в опасности, я отдаюсь под защиту британского правительства и прошу как можно быстрее обеспечить мой переезд из Стамбула в другое место». Уже на следующее утро во дворец Йылдыз прибыли два санитарных автомобиля, они забрали Вахидеддина и его домочадцев, в том числе десятилетнего сына Эртугулу; жены Вахидеддина должны были присоединиться к нему позднее. Из Йылдыза автомобили направились в Долмабахче, где Мехмед VI и его персонал на моторном баркасе были доставлены на борт британского линкора «Малайя», который взял курс на Мальту. «Так, буднично и бесславно закончилась более чем шестисотлетняя история султанской власти. Титул, который носили тридцать шесть правителей из династии Османов, канул в вечность. Последний султан теперь продолжал цепляться за призрачное ощущение власти, которое давал ему титул халифа». *Фрили Дж.* Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004, с. 364–366.

⁹⁷ Соответствующая церемония состоялась в пятницу 24 ноября 1922 г. во дворце Топкапы, давно уже пустовавшем. Джорджу Янгу, единственному британцу, присутствовавшему на этой церемонии, она показалась фарсом: «Делегация депутатов из Ангоры уведомляет пожилого дилетанта, что он избран большинством голосов подобно профсоюзному лидеру». Это был «по всем статьям культурный, учтивый человек, художник-любитель и неплохой музыкант, который вполне удовлетворился своей церемониальной ролью религиозного лидера ислама». Там же, с. 364–367.

⁹⁸ Советская декларация по Проливам подчёркивала важное экономическое и стратегическое значение Проливов для России, напоминала, что в годы гражданской войны военно-морские силы Антанты, введённые в Чёрное море, вели операции против советских берегов и оккупировали советские города.

Декларация также высказывала убеждение, что выдвигаемые советской стороной принципы соответствуют жизненным интересам самой Турции, гарантируют безопасность Стамбула. Английская точка зрения на режим Проливов была высказана 6 декабря Керзоном. Она предусматривала свободное прохождение военных судов под любым флагом не только в мирное, но и в военное время, если Турция остаётся нейтральной; если же Турция участвует в войне, то должен сохраниться свободный проход военных судов нейтральных стран. Для обеспечения этого Керзон требовал демилитаризации Проливов и передачи контроля над ними международной комиссии. Французский и итальянский делегаты солидаризовались с английским проектом – это позволяло западным державам держать под постоянной военной угрозой как зону Проливов, включая Стамбул, так и советское черноморское побережье.

⁹⁹ Подписанный 6 августа того же 1923 г. между делегациями Турции и США мирный договор в принципе повторил положения Лозанны. Однако он не был утверждён сенатом США прежде всего по причине отмены капитуляций; в американской печати развернулась широкая антитурецкая кампания, приводились небылицы и клеветнические измышления о новой Турции. На американо-турецких переговорах в Лозанне по подготовке двустороннего договора глава американской делегации Грю в соответствии с инструкциями государственного департамента настаивал на включении в текст пункта о защите меньшинств. В ответ Инёню задал вопрос – означает ли это, что и Турция сможет в будущем защищать права меньшинств в самих США? *Mears E.G. Modern Turkey*, с. 61.

¹⁰⁰ Эти меры непосредственно коснулись и остатков русской Белой армии в Турции. Командовавший ею в эти годы генерал Врангель считал необходимым сохранение армии как боеспособной силы, способной поддержать тот орган, который мог бы претендовать на роль российского правительства в изгнании. Армия, сведённая в три корпуса, была размещена в лагерях в Проливах и содержалась за счёт денежных средств Франции. Французское правительство, опасаясь сохранять эту военную силу на Босфоре и не желая более нести расходы, постепенно сокращало выдачу продовольствия, а его представители в Турции всеми мерами подталкивали офицеров, солдат и казаков к переходу на положение гражданских беженцев, отъезд на работу в другие страны.

Пребывание в Турции (в Стамбуле, на Босфоре, Галлиполи) беженцев из России, как военных, так и гражданских, изобилует, как известно,

множеством драматических событий и историй. Одна из них – история генерала Слашова – прототипа ген. Хлудова в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». Отстранённый Врангелем от активного участия в последних боях с Красной Армией за Крым, он переехал в 1920 г. с семьей в Стамбул, поселившись «в маленьком грязноватом домике, где-то у черта на куличках» в Галате; в декабре он предпринимал попытки убедить местное руководство Белой Армии, а также Собрание русских общественных деятелей сместить Врангеля с поста командующего, поскольку последний «недостаточно решителен в ту минуту, когда от вождя нужна именно решительность». Поддержки он не получил, указанное собрание поддержало Врангеля, а суд чести счёл поступок Слашова «не достойным русского человека и тем более генерала» и приговорил его к увольнению от службы без права ношения мундира. В январе 1921 г. Слашов опубликовал в Стамбуле книгу «Требую суда общества и гласности». При обнаружении этой книги в галлиполийских частях Белой армии её владельцев «жестоко карали». После нескольких месяцев колебаний и раздумий Слашов, отправив семью в Италию, с согласия Ф.Э. Дзержинского 3 ноября 1921 г. отбыл из Стамбула и 21 ноября прибыл в Севастополь, а оттуда вместе с Дзержинским выехал в Москву. С этого времени он вел преподавательскую работу среди командного состава Красной Армии, печатался в военных журналах. 11 января 1929 г. он был убит в своей комнате при школе «Выстрел» в Лефортово, на Красноказарменной улице. Задержанный убийца показал, что убийство совершил по мотивам мести за брата, казнённого в Крыму по распоряжению Слашова. «Красная Звезда» по этому поводу написала, что совершенное убийство является «бесцельным, никому не нужным и политически не оправданным актом личной мести». Кремация состоялась в Донском монастыре. *Слашов-Крымский Я.А.* Белый Крым 1920. Мемуары и документы. М., 1990.

Чтобы сохранить остатки армии, Врангель вынужден был во второй половине 1921 – первой половине 1922 г. перевезти их в Болгарию и Королевство Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославию). Что касается гражданских лиц, бежавших из России в Турцию, они в немалом числе еще долго оставались преимущественно в Стамбуле, пытаясь приспособиться к местной жизни.

¹⁰¹ В ноте народного комиссара иностранных дел послу Турции от 14 февраля была дана высокая оценка роли, которую сыграла Анкара в национально-освободительном движении: «С чувством самого глубокого удовлетворения мы приняли к сведению Ваше сообщение о том, что столицей Турции провозглашен город Ангора.

В той великой борьбе за национальное освобождение, которую вел турецкий народ столь самоотверженно и с таким большим успехом, этот город является символом борьбы и центром, объединяющим все нацио-

нальные силы Турции и направляющим их на борьбу за национальное возрождение». Документы внешней политики СССР. Т. VII. М., 1963, с. 103.

¹⁰² Тогда Англия и Франция прибегли к такой уловке. Назначив состав своих посольств в Анкару во главе с послами, они не спешили отправлять их в новую столицу, в Анкаре же находились лишь второстепенные сотрудники этих посольств, послы с основным штатом продолжали жить в Стамбуле. Только после неоднократных напоминаний анкарского правительства, уже к 1926 г., послы западных держав наконец перебрались в Анкару.

¹⁰³ Türk Anayasa metinleri, с. 105.

Глава IV

¹ Saffet E. Kemalizm İnkilabının Prensipleri. Cilt I. İstanbul, 1938, с. 12.

² Atatürk'ün söylev ve demeçleri. I–III. Ankara, 1989, с. 91 (III).

³ Там же, с. 120 (III).

⁴ Üçok C., Mumcu A. Türk hukuk tarihi. Ankara, 1985, с. 322–330.

⁵ Например, известный политический деятель Февзи Лютфи Караосманоглу, писатель и дипломат Якуб Кадри Караосманоглу принадлежали к роду Караосманоглулары, владевшему с XVIII в. обширными землями в районах Маниссы, Измира, Айдына, где несколько поколений его представителей занимали пост мутасаррифа. Несмотря на постепенную распродажу части земель, владения рода обеспечивали «безбедное» существование его представителям уже в республиканское время. *Karaosmanoğlu Y.K. Politikada 45 Yıl*. Ankara, 1968, с. 238; *Türkiye Ansiklopedisi*, Ankara, 1956, Cilt IV, с. 84. Аналогичными возможностями располагал Юнус Нади, издатель и журналист, активный сторонник Кемаля, и другие.

Хаджи Али-паша, дед Аднана Мендереса, волею судьбы оказавшись управляющим имением под Тире, женился на владелице этого имения и стал агой, получил пашалык от Абдулгамиды II за снабжение армии провиантом. В результате раздела его наследства имение Чакрыбейли под Айдыном досталось матери А. Мендереса, а затем перешло к нему как внуку Хаджи Али. *Aydemir Ş.S. Menderes'in dramı? İstanbul*, 1969, с. 16–18, с. 24. У некоторых земельных собственников владения не ограничивались собственностью на крестьянские земли, они включали наследования на городские земельные участки, домовладения в крупных городах – Стамбуле и Измире.

⁶ Запутанность и незавершённость учета земли по принадлежности владельцу исключают возможность дать точные цифры деления земли, и прежде всего обрабатываемой, на частную, государственную и другие формы владения. Как считает П.П. Моисеев, в частном владении

(в крупном и мелком) уже намного позже находилось 25–30% земельного фонда страны, то есть государство располагало немалым фондом, несомненно, в ряде случаев являясь арендодателем. Турецкая Республика (справочник). М., 1975, с. 66.

⁷ *Cumhuriyet*, 11.XII.1978.

⁸ Правда, по мнению А. Тойнби, даже самые передовые идеи, даже «потрясающее прозрение и демоническая энергия» Кемалья вряд ли «смогли бы разбудить турок и вытащить их из их великого консерватизма, если бы после Первой мировой войны перед ними не встала острая проблема неизбежного выбора между окончательной и бесповоротной вестернизацией или полным уничтожением». *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М.–СПб., 1995, с. 164.

⁹ *Duman D.* Demokrasi sürecinde Türkiye’de İslamcılık. İzmir, 1997, с. 22–23.

¹⁰ Использование исламского фактора в практической, политической и идеологической деятельности кемалистов проявилось в призывах к народу защищать ислам и бороться против креста, освободить «священную особу халифа» из «унизительного плена неверных» и в присвоении Мустафе Кемалю титула Гази – борца за веру, победителя. Первый подход Мустафы Кемалья основывался на точке зрения, разделяемой и западниками и исламистами – это убеждение в том, что ислам является естественной и разумной религией. Эта идея о разумности ислама стала занимать особое место во взглядах М. Кемалья. Для него ликвидация халифата означала бы освобождение ислама от его неразумных наслоений. Вместе с тем М. Кемаль с самого начала отвергал роль религии как фактора спонтанного выражения народного единения в условиях консолидации на национальных началах. Но до упразднения султаната и халифата М. Кемаль во время путешествия по стране посещал мечети, участвовал в пятничном намазе и даже поднимался на кафедру мечетей (мимбар) для произнесения церемониальной речи. Дискуссий по поводу реформирования религии он не открывал. Мустафа Кемаль-паша был убеждён в том, что многие толкователи религии были глубоко невежественными людьми, которые пользовались забитостью и отсталостью народа, и потому считал крайне необходимым просвещение и гуманизацию самого ислама. *Гасанова Э.Ю.* Лаицизм и ислам в республиканской Турции. Баку, 2002, с. 73, 74.

¹¹ Э. Гасанова приводит факт, который свидетельствует о «подспудном намерении» М. Кемалья принять радикальные меры в отношении исламистов задолго до приближения победы, накануне Сивасского конгресса. Диктуя тогда касающиеся религии тезисы Мазхару Муфти-бею (Кансу), он стал перечислять главные: «1) после завершения победы формой государства будет республика, 2) будут приняты ряд мер в отношении султанской династии, 3) будет отменено затворничество женщины, ношение чадры и пече, 4) вместо фески (головного убора османцев) будет

ношение современной шапки...» «В этот момент, – пишет Мазхар-бей, – у меня из пальцев выпал карандаш и я с недоумением посмотрел на него, а он на меня. На вопрос, почему я остановился и не записываю, я робко ответил: “Не сердитесь, мой паша, и у Вас, оказывается, есть склонность к утопическим мечтам”, на что он заметил: “Это покажет время”, – и стал диктовать дальше: 5) будет принят латинский алфавит». «Достаточно, мой паша, достаточно, – сказал я, – давайте пока создадим республику, а дальше видно будет». Там же, с. 79, 80.

¹² *Tarhanlı I. Müslüman Toplum, «Laik» Devlet. Türkiye’de Diyanet işleri Başkanlığı. İstanbul, 1993, с. 15.*

¹³ Современный турецкий автор пишет по этому поводу: «Вакуфные доходы стали поступать в распоряжение не тарикатов и религиозных общин, а в распоряжение государства; над землями, имуществом и торговыми заведениями, принадлежавшими религиозным организациям, был установлен контроль». *Bulut F. Tarikat sermayesinin yükselişi. Ankara, 1995, с. 364.*

¹⁴ Вместе с тем авторы работы по истории просвещения в Турции приводят высказывание русского исследователя И.М. Голобородько, относящееся к 1908 г.: «турок кончает начальную школу совершенным невеждой во всем, что не касается Корана, и еле-еле разбираясь в письме и грамоте». *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века). М., 1965, с. 104.* Реформированные учебные заведения, включая иностранные, школы, колледжи, университет в Стамбуле, были доступны только детям – выходцам из османской элиты.

¹⁵ *Aydemir Ş.S. Tek Adam. Cilt III, с. 179. Kocatürk U. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti tarihi kronolojisi. 1918–1938. Ankara, 1983, с. 409–410.*

¹⁶ Нации передавалось «все движимое и недвижимое имущество двора на территории Турции» – земли, дворцы, иные строения, в том числе переданные в аренду, султанская казна, сокровища и драгоценности. В распоряжении членов османской династии закон оставлял средства, достаточные для их безбедного существования за границей. *Şensözen V. Osmanoğulları'nın varlıkları ve Abdülhamid' in emlakı. Ankara, 1982, с. 79–80.*

¹⁷ У властей первоначально не было намерений преследовать эти институты «народного ислама», конституция сохраняла статью о том, что государственной религией Турции является ислам, однако начавшиеся под знамёнами защиты ислама в конце 1924 г. выступления курдов, восстание шейха Саида в 1925 г., активизация антикемалистской оппозиции во властных структурах Анкары, протесты в исламском мире по поводу упразднения халифата и т. п. вынудили кемалистов принять жёсткие меры. В июне 1925 г. суд независимости в Диярбакыре, приговорив к смертной казни лидеров курдского восстания, объявил одновременно о закрытии дервишских обителей.

¹⁸ *Aydemir Ş.S.* Tek adam. Cilt III, с. 246, 249. Можно при этом отметить, что все встречавшие Кемалю в Анкаре лица были уже в шляпах, да и он сам держал в руке шляпу.

Исмет Инёню пишет в своих воспоминаниях, что в то время ношение европейской одежды турками, прежде всего горожанами, имело особый смысл для Кемалю – оно наглядно свидетельствовало о том, как население поддерживает секуляризацию. *İnönü İ.* *Naturalar.* 2-nci kitap. İstanbul, 1987, с. 208, 209.

¹⁹ *Kara M.* Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler. İstanbul, 1980, с. 327.

²⁰ В 1928 г. был устранён последний довод, позволявший исламистам апеллировать в случае необходимости к конституции – из 2-й статьи было изъято положение о том, что государственной религией Турции является ислам.

²¹ Исследовательница этой проблемы Бинназ Топрак писала в одной из своих работ: «Положение женщины в исламе, по сравнению с другими монотеистическими религиями, отличается необходимостью подчиняться авторитету мужчины. Поскольку исламские принципы, не ограничиваясь сферой теологии, распространяются и на правовую систему, ислам вдвойне ограничивает женщину – и в общественной деятельности, и в области права». Она отмечает первые в стране важные шаги в светской реформации прав женщин: признание равных прав в получении образования – по закону 1924 г. о министерстве просвещения; запрет многожёнства; признание равных прав в семье по гражданскому кодексу 1926 г.; право женщин наравне с мужчинами избирать депутатов ВНСТ и быть избранными в депутаты, согласно изменениям в 1934 г. конституции. *Türk toplumunda kadın.* İstanbul, 1982, с. 363, 364, 366, 367.

²² *Zürher E.J.* Milli Mücadelede İttihatçılık. İstanbul, 1987, с. 236–242.

²³ Ст. 74, весьма напоминавшая ст. 21 конституции 1876 г., гласила, что если не подтверждаются требования публичных интересов, если отсутствует возможность предварительной компенсации, ничьё имущество не может быть использовано, ничья собственность не может быть отчуждена.

²⁴ В своё очередное посещение Берлина в марте 1921 г. (в связи с убийством Талаата дашнакским террористом) Энвер собрал там конгресс Союза Обществ исламской революции, второй конгресс он организовал уже в Батуме и отправился затем в Ашхабад, где был встречен как «спаситель Турана и Ислама». В Бухаре он присоединился к басмаческому движению в Туркестане. Знакомство с местным руководством убедило его в слабости позиций большевиков в новоявленной Бухарской народной советской республике. В марте 1922 г. указом Бухарского эмира он был объявлен главнокомандующим мусульманскими войсками и заместителем эмира, после чего заказал себе печать с ти-

тулом «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и пророк Мухаммеда». В своём докладе в Москву заместитель генерального консула в Душанбе Насырбаев писал, в частности: «В настоящее время у Энвера 10 тыс. бойцов при 16 пулеметах. Энвер с каждым днем крепнет и необходимо как можно быстрее ликвидировать эту авантюру, ибо она в недалеком будущем может принять крайне серьезный характер». В связи с обострением обстановки в Бухаре в Москве решили на жёсткие меры. Была вновь создана Бухарская группа войск в составе двух стрелковых полков, двух отдельных кавполков и кавалерийской бригады. В начале июня 1922 г. группа перешла в наступление и у Байсуна разгромила основные силы Энвер-паши. Сам Энвер, оказавшись на территории современного Таджикистана, укрылся в кишлаке Чаган (25 км сев.-вост. Бальджуана), где была мечеть. Энвер-паша надеялся использовать религиозные чувства дехкан и вновь повести их на борьбу против Советской власти. 4 августа 1922 г. отряд красноармейцев устроил засаду в кишлаке и когда утренняя молитва закончилась и из мечети стали выходить вооружённые джигиты, вместе с ними вышел и Энвер-паша в сопровождении курбашей. Организовавшие засаду красноармейцы открыли по группе пулемётный огонь. После того, как площадь перед мечетью опустела, среди убитых местные жители опознали Энвера. Он был захоронен у подножия горы в специальной гробнице. В 1996 г. в Таджикистане специальная экспедиция обнаружила могилу Энвер-паши, после чего его останки были отправлены в Турцию. *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 4. İstanbul, 1983, с. 1984; *Колпакиди А., Прохоров Д.* КГБ приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб 1918–1941. М., 2004, с. 42–45.

²⁵ *Zürher E.J.* Milli Mücadelede İttihatçılık, с. 247, 248.

²⁶ *Tunaya T. Z.* Türkiye'de siyasi partiler. İstanbul, 1952, с. 618–619.

²⁷ *Zürher E.J.* Milli Mücadelede İttihatçılık, с. 248–249.

²⁸ Особенно опасно наличие этих групп было при сохранении всеобщей нестабильности в стране, определяемой как плохим экономическим положением, так и срочным проведением радикальных реформ, следовавших одна за другой – в 1925 г. и начале 1926 г. прошли манифестации протеста. В такой ситуации Кемаль принял решение одним ударом уничтожить всех своих политических конкурентов и обезопасить своё положение. Там же, с. 251, 252.

²⁹ Сначала речь шла об Анкаре, обстреле автомобиля при выезде президента из резиденции в Чанкая либо во время нахождения его в своей ложе в медресе. Затем планы сосредоточились на поездках главы государства по стране. По сообщению Али Фуада Джебесоя, были даже предположения, что покушение готовилось правительством. Там же, с. 255, 257.

³⁰ Суды независимости были созданы в 1920 г. для предупреждения заговоров султанской власти, после победы были ликвидированы, в

декабре 1923 г. такой суд был воссоздан сначала в Стамбуле, затем они создавались по городам либо регионам в случае необходимости. Только в 1925 г. эти суды осудили 800 человек, 70 человек приговорены к смерти. По закону о чрезвычайном положении всего было арестовано 7446 человек и 660 казнены. Председателем измирского суда был Али Четинкая, бывший член ЕиП, адъютант Нури-паши. Он отличился в боях против греков, был предан Кемалю и был «крайне безжалостный человек». В составе суда были и депутаты ВНСТ. Там же, с. 258, 259.

³¹ Там же, с. 271, 274. Цюрхер приводит любопытные подробности о казнённом непосредственном организаторе покушения – Зии Хуршите. Этот человек был самым ярким критиком Мустафы Кемалю в первом меджлисе, постоянно обвинял его в культе личности. Говорят, что когда после сакарийской победы все депутаты вышли приветствовать Кемалю, он остался в зале и якобы написал на школьной доске: «народ сам создает себе идола, а потом сам же ему поклоняется». Там же, с. 277.

³² *Inönü İ. Hatıralar*, с. 213–217.

³³ *Edib H. (Adivar). Turkey faces West*. L., 1930, с. 12.

³⁴ *Корниенко Р.П. Рабочее движение в Турции. 1918–1963*. М., 1965, с. 50–51.

³⁵ *Ünsal A. Siyaset ve Anayasa mahkemesi*. Ankara, 1980, с. 55.

³⁶ *Mango A. Atatürk*. L., 2001, с. 475, 476; *Кондакчан Р.П. Турция: внутренняя политика и ислам*. Ереван, 1983, с. 79–80.

³⁷ Тойнби писал, например, в 1940-е годы о западном национализме как о безусловной составляющей западных ценностей и институтов. «Турки, как и многие другие исламские народы, восприняли наряду с остальными западными понятиями и идеями – полезными ли, вредными ли – и заразу национализма. Возникает вопрос, каковы могут быть последствия вторжения этого узколого западного политического идеала в мир ислама, где традиционно поддерживается древняя традиция, считающая, что все мусульмане – братья по религии, независимо от различий в расе, языке или образе жизни». *Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории*. М.–СПб., 1995, с. 167. Но вряд ли именно Европа научила Турцию национализму. Скорее, это неизбежная веха общемирового эволюционного процесса. Вопрос в том, как действуют позитивные и негативные стороны этого нового духовного явления.

³⁸ По мнению Танйола, «со времен крестовых походов Запад был убеждён, что турок необходимо изгнать как с европейских земель, так и из Анатолии», а греческий премьер-министр Венизелос считал, что «никакого Национального обета не существует, подобно тому, как после ухода турок из Европы возникли новые государства, то же самое должно произойти и в Анатолии после её раздела». *Tanyol C. Atatürk ve halkçılık*. Ankara, 1984, с. 143–144.

³⁹ Расхождения в оценке взглядов З. Гёкальпа – очевидное свидетельство заметной эволюции самих этих взглядов под воздействием успехов кемалистов. Оценка Танийолом относится к младотурецкому периоду, но затем, несомненно, национально-освободительное движение, его успехи придали второе дыхание Гёкальпу, кстати, «молчавшему» несколько лет. Дело в том, что из ссылки на Мальту он в составе других освобождённых был доставлен в Стамбул, где затем безуспешно пытался найти работу в университете. Он отправился в Анкару (13 июня 1921 г.), но и здесь не смог найти работу – Анкара была озабочена греческим наступлением. Прибежищем стал его родной город – Диярбакыр, там он надеялся найти возможность трудиться, печататься, кормить семью. Он был убеждён в победе Кемалья, считал его «бозкуртом турок», делился этими убеждениями на встречах с молодёжью, местной интеллигенцией, на конференциях и лекциях. Вёл уроки по истории, социологии, литературе в начальной школе, по философии – в педагогическом училище, создал молодёжное общество. С 5 июня 1922 г. начал выходить его еженедельник «Кючюк меджмуа». В своих статьях он безоговорочно поддерживал Мустафу Кемалья – как раз в эти месяцы готовилось контрнаступление турецких войск, закончившееся вступлением 9 сентября 1922 г. в Измир. 23 октября он опубликовал свои панегирические стихи: Первое и Второе обращения к Кемалю. В них Кемаль представлен спасителем страны от «жестоких греков» и «от многих других врагов», «от невежества», «экономического кризиса», «нищеты». *Tanyu H. Ziya Gökalp'in Kronolojisi*. Ankara, 1981, 139–143. Известно, что ранее такие же восторженные обращения посвящались Гёкальпом Энверу и Талаату.

⁴⁰ *Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları*. Ankara, 1961, с. 19; *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 10. İstanbul, 1983, с. 5639.

Современные националисты, приверженцы Партии националистического действия, убеждены, что его идеи в 1908–1924 гг. оказали влияние и на идейную жизнь Турции, и на писателей, и на университетских преподавателей, на партийную идеологию. Как пишет в своём партийном журнале Нусрет Анар, это воздействие было преобладающим в республике и после его смерти. Многие исследователи считают Гёкальпа отцом турецкого национализма, одним из духовных создателей Турецкой республики, возможно, самым крупным. Другие же убеждены, что он был простым подражателем французского социолога Эмиля Дюркгейма (1858–1917 гг.). Некоторые видят в его тюркизме и туранизме крайнего защитника расизма. Но в любом случае Гёкальп – «поворотный пункт в духовной жизни Турции двадцатого века». *Türkiye ve Siyaset Dergisi – Mart-Nisan 2001*. www.turkiyevesiyaset.com/sayil/0107.htm.

⁴¹ *Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları..*, с. 19; *İstanbul Ticaret*, 10.11.1995. Другой современный историк, проф. С. Эрман, пишет о дальновидности Ататюрка – жизнь подтвердила, считает Эрман, что не может быть

единства религии – в исламе есть враждующие течения. Большой ошибкой было бы считать связующей основой общества и расовое единство. «Ведь пришедшее из Центральной Азии, расселившееся в Анатолии и продвинувшееся главным образом на Запад первоначальное ядро в результате многих войн и миграций давно утратило свою изначальность». *Cumhuriyet*, 23.03.1995. Эту утрату «изначальности» подтверждал и внешний облик самого Кемаля, салоникинского турка. Французский журналист, впервые увидев его в 1923 г., так описывал его внешность: «Белокурые, тонкие волосы, широкий, крупный лоб. Я подумал: кто же передо мной – турок или славянин?» *Atatürk'ün söylev ve demeçleri*. I–III. Ankara, 1989, с. 90. Надо сказать, что турецкие шовинисты и сегодня не любят углубляться в проблему – что осталось у турок «изначального» от тюрок, а что они приобрели этнически на многовековом пути в Европу, покоряя целые народы.

⁴² *Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları*, с. 19. *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent*. N.-Y. 1997, с. 132–134.

⁴³ *Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları*, с. 19. *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent*, с. 286, 287.

⁴⁴ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Под ред. Ю.В. Ключникова и А.В. Сабанина. Пер. с франц. М., 1927, с. 151–154.

⁴⁵ *Oran B. Türk-Yunan ilişkilerinde Batı Trakya sorunu*. Ankara, 1986, с. 46.

⁴⁶ *Istatistik Yılığı*. Cilt 2. 1929. Ankara, 1929, с. 41–45, 64–65.

⁴⁷ Справочник по Турции, изданный Библиотекой американского конгресса в 1988 г., справедливо отмечает, что «со времени создания республики Турция стремилась не предпринимать публичного, официального признания этнических, языковых либо религиозных меньшинств». Публикация статистических данных о национальных и религиозных меньшинствах была прекращена после 1965 г. *Turkey. A Country Study*. Washington, 1988, p. 106–107. Недаром и сейчас руководство ЕС в переговорах с этой страной по поводу её вступления в названную организацию бьётся над решением всё тех же проблем.

⁴⁸ Исследователь курдской проблемы в Турции М.С. Лазарев подчеркивает, что еще до Лозанны было очевидно, что «никто из фигурантов на ближневосточной сцене не был заинтересован в самоопределении курдов, за исключением их самих, видя в нём реальную или эвентуальную угрозу своим интересам». Содержащиеся в Лозаннском договоре статьи о защите меньшинств к курдам не относятся, так как в соответствующих статьях упоминаются только немусульманские меньшинства. И текст, и контекст статей этого Отдела показывают, что Лозаннский договор отказывает мусульманам-нетуркам, то есть в основном курдам, в статусе «меньшинств», имеющем хотя бы какие-то формальные права. Поэтому можно считать Лозаннский договор бесспорно антикурдским актом. *Турция в XX веке*. М., 2004, с. 82–85.

⁴⁹ *Инджикян О.Г.* Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 212–214.

⁵⁰ Позднее, уже в 1940-е годы, эта система идеологического воздействия в духе модернизации, национального обновления и подъёма была распространена и на сельское население, продвинута в «глубинку»: в деревнях стали создаваться «народные комнаты», было создано несколько сельских институтов-интернатов типа лицеев, готовящих в основном учительские кадры для деревни. *Колесников А.А.* Народные дома в общественно-политической и культурной жизни Турецкой республики. М., 1984, с. 60–66, 77, 124, 128.

⁵¹ *Ökçün A.G.* Türkiye İktisat Kongresi. Ankara, 1968, с. 94–99.

⁵² *Ökçün A.G.* 1920–1930 yılları, с. 62, 146. Türkiye İş Bankası. 30 Mart 1341–1925 tarihinde intikal eden Birinci Senei Maliye alelade hissedaran Heyeti Umumiyesi. Meclis İdare Raporu. İstanbul, 1341, с. 6.

⁵³ Торговый бюллетень Торгпредства СССР в Турции. Стамбул, 1928, № 3, с. 117.

⁵⁴ «Самые красивые дома, хорошие магазины, дачи принадлежали немусульманам. В воскресные дни христиане и евреи, нарядившись, семьями заполняли главные улицы Анкары... Я поинтересовался, кто же из мусульман самый богатый, и выяснил, что состояния у семей Булгурлар, Кыннаджы, Актар составляют несколько тысяч золотых лир, что ставило их на третье место после богатых христиан». *Коç V.* Nayat Hikayem. İstanbul, 1974, с. 14–15. Кстати, автор пишет, что Садберк-ханым, ставшая в 1927 г. его женой, была из семьи Актаров. Семейная фирма «Кочзаде» постепенно прибрала к рукам торговлю в Анкаре зерном, галошами, скобяными изделиями, галантереей и т. п. Даже покинув Анкару перед угрозой греческого наступления и оказавшись в городке Чанкыры осенью 1921 г., В. Коч выяснял, какие товары, имевшиеся в Чанкыры, можно перепродавать по возвращении в Анкару. Действуя первоначально как мелкий агент, посредник крупных стамбульских торговых фирм, преимущественно инонациональных, Вехби Коч постепенно стал с ними на равную ногу, а позже начал вступать с ними в долю, переманивать к себе их приказчиков. Там же, с. 35–37.

⁵⁵ *Павленко П.* Стамбул и Турция (1927). М., 1932, с. 165.

⁵⁶ *Розалиев Ю.Н.* Особенности развития капитализма в Турции (1923–1960). М., 1962, с. 43.

⁵⁷ Коммунистический Интернационал. М., 1927, № 21 (95), с. 34.

⁵⁸ *Teşviki Sanayi hakkında Mevzuat ve Şurai devlet İctihadatı.* Ankara, 1939, с. 13–17.

⁵⁹ *Aydemir Ş.S.* Cihan İktisadiyatında Türkiye. Ankara, 1931, с. 88.

⁶⁰ Торгпредство СССР в Турции. Экономический бюллетень. Стамбул, 1927, № 24, с. 71.

⁶¹ Среди наиболее «активных» иностранных вкладчиков капитала в создаваемых компаниях Окчун отмечает мэтра А. Билотти, подданного Франции, адвоката из Стамбула. Из турецких акционеров на первом месте по числу участия идут Деловой банк, объединившийся с ним Банк национального кредита. В качестве акционеров-турок отмечены более всего горнопромышленник Сарыджазаде Шакир-бей, стамбульский депутат Эдип Сервет-бей, измирский депутат и директор Делового банка Джеляль-бей (Баяр, президент страны в 1950-е гг.) и др. Из представителей местных предпринимателей-нетурок отмечено активное участие Даниэля Бурлы. *Ökçün A.G. 1920–1930 yılları arasında kurulan Türk anonim şirketlerinde yabancı sermaye.* Ankara, 1971, с. 155–181.

⁶² Как отмечал в 1930 г. советский автор С. Суховий, перепись 1927 г. показала, что «страна покрылась густой сетью мелких предприятий, не представляющих собой ничего ошеломляющего с точки зрения современного промышленного хозяйства, но имеющих несомненное значение в условиях турецкого народного хозяйства». Такие предприятия прежде всего развивали производство муки, растительного масла, кожевенных товаров, грубой пряжи, тканей, лесоматериалов. *Мировое хозяйство и мировая политика.* 1930, № 4, с. 61.

Очевидная тенденция преимущественного развития производства потребительских товаров заметна была и в фабрично-заводской промышленности. Рост внутренней торговли зерном и мукой, сокращение импорта муки привели к созданию новых мукомольных фабрик и мельниц. Три наиболее крупные фабрики были созданы в Стамбуле акционерными компаниями с участием иностранного капитала. В Стамбуле, Анкаре, Измире, Мерсине и в других городах возникли и местные акционерные компании; некоторые из них действовали и много позже.

Местный капитал создавал в пищевой промышленности и другие предприятия – консервные, рисоочистительные, по производству прохладительных напитков. В эти годы возникли первые сахарные заводы Турции в Ушаке и Алпуллу. Впоследствии они перешли под контроль государства. «Анатолийская буржуазия, – пишет Окчун об этом периоде, – продемонстрировала стремление в пищевой промышленности оформиться организационно в виде акционерных компаний, не прибегая к связям с иностранным капиталом». *Ökçün A.G. 1920–1930 yılları..*, с. 89.

⁶³ Может быть, поэтому национальному частному капиталу удалось скорее утвердить здесь своё влияние, освоить имевшиеся и начать создавать новые предприятия. Особенно отчётливо это проявилось в Адано-Мерсинском районе, где влияние крупного торгового иностранного и инонационального капитала оказалось минимальным. Несколько лет бедствовала, переходя из рук в руки, текстильная фабрика в Адане, принадлежавшая некогда семье местных греков Симоноглу, покинувшей город. В 1926 г. группа аданских торговцев хлопком выкупила фабрику

у Департамента национального имущества. Среди новых владельцев фабрики были Нух Наджи Язган, Сеит Текин, Мустафа Озгюр, Нури Хас, Кемаль Рамазаноглу. Adana Ticaret ve Sanayi Odasi. Sanayi Rehber ve ve Adres Kitabı. Adana, 1957, с. 41. Созданная ими компания впоследствии превратилась в текстильную фирму «Милли менсуджат», а фабрика была реконструирована и расширена. Уже в 1938 г. в справочнике по Аданскому району отмечалось, что фабрика оборудована новейшими станками, имеет 21 тыс. веретён, вырабатывает в год 146,8 тыс. т пряжи. На фабрике было 2 тыс. рабочих. *Seyhan. Cumhuriyet'in 15 Yıl içinde. İstanbul, 1938, с. 103.*

Аналогичную реорганизацию претерпела другая фабрика этого региона – в Тарсусе, принадлежавшая ранее греческой компании «Мавромати ве шурекасы». В 1924 г. фабрика перешла в руки турецких купцов-землевладельцев из семей Карамехметзаде и Элиешиль, учредивших впоследствии компанию «Чукурова санаи ишлетмелери», и построивших затем вторую текстильную фабрику – в Мерсине. *Yeni İstanbul Gazetesi. Çukurova ve gelişen sanayi ilavesi. İstanbul, с. 11.*

⁶⁴ Для этого в 1938 г. учредители компании «Милли менсуджат» создали другую компанию – «Тюрк небати яглар фабрикасы». Среди её акционеров появились новые лица – наследники учредителей «Милли менсуджат», а также другие акционеры – торговцы хлопком. Одним из них был Омер Сабанджы, бывший в 1926–1938 гг. сначала мелким торговцем хлопком, а затем владельцем очистительной фабрики, сумевший скопить капитал для участия в организации компании. Это – первое свидетельство возраставшего влияния в Адане семьи Сабанджы, создавшей через несколько лет крупнейший в стране холдинг. *Adana Ticaret ve Sanayi Odasi. Sanayi Rehber ve ve Adres Kitabı. Adana, 1957, с. 52.*

⁶⁵ В Стамбуле в 1929 г. семья торговцев – импортёров мануфактуры, братьев Безмен, основала хлопчатобумажную фабрику, ставшую впоследствии основой крупного текстильного холдинга «Менсуджат сантрал». В городке Кула (между Маниссой и Ушаком) семья крупных ковроторговцев Чолакзаде построила в 1933 г. шерстоткацкую фабрику «Кула менсуджат», которая через некоторое время была переведена в Измир. Здесь вскоре (в 1935 г.) была построена вторая текстильная фабрика семьи Чолак (Чолакзаде) – «Измир юн менсуджат».

⁶⁶ Об успехах в развитии частной текстильной промышленности можно судить и по некоторым общим данным. По подсчётам С. Заима, капиталовложения в оборудование, применяемое в частной текстильной промышленности, составляли в общих расходах на оборудование в частном секторе обрабатывающей промышленности в 1932 г. 12,7%, в 1937 г. – 22%, в 1941 г. – 27,8%.

Из каждых 10,3 млн. лир, затраченных в 1932–1941 гг. в среднем ежегодно (в соответствии с законом о поощрении промышленности) на

развитие частной обрабатывающей промышленности, 4,7 млн. лир (36%) использовалось в текстильной отрасли. *Zaim S. İstanbul mensucat sanayiinin bünyesi ve ücretler. İstanbul, 1956, с. 52–53.*

⁶⁷ *Tökin İ.H. Rakamlarla Türkiye. Cilt 2. Ankara, 1949, с. 123, 125.*

⁶⁸ Кредиты выдавались на невероятно короткий срок – до трёх месяцев, поэтому промышленный сектор не развивался в необходимых темпах. *Ferman C. Türkiye’de sanayi kredisi. İstanbul, 1951, с. 65–66.* В одном из документов промышленного конгресса 1930 г. отмечалось: «Промышленный кредит в стране отсутствует... За исключением государственных промышленных организаций, наша промышленность имеет только коммерческие кредиты». Это же подчёркивалось и в выступлениях на конгрессе: «Нет ни одного национального или иностранного банка, который обеспечивал бы кредитами нашу промышленность, пребывающую в младенческом возрасте». *Türkiye iktisat Tarihi Semineri. 8–10 Haziran 1973. Ankara, 1975, с. 510, 511.*

⁶⁹ *Özgür O. 100 soruda sanayileşme ve Türkiye. İstanbul, с. 178.*

⁷⁰ Первый пятилетний план промышленного развития (1934–1938) предусматривал капиталовложения в 44 млн. лир, из них 41,6 млн. лир приходилось на государственный Сумербанк и только 2,4 млн. лир – на капиталовложения Делового банка в промышленные предприятия. После периода первой пятилетки банк отказался участвовать в их капитале, предпочёл в своей деятельности полностью отвечать характеру коммерческого банка, пересмотрев свои участия, оставил за собой прибыльные. *Ferman C. Türkiye’de sanayi kredisi. İstanbul, 1951, с. 100, 103.*

⁷¹ *Новичев А.Д. Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959, с. 65.* П.П. Моисеев с этим согласен – гражданский кодекс 1926 г. приравнивал землю к обычным товарам буржуазного общества. *Моисеев П.П. Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 13.*

Правда, турецкие авторы считают, что воспользоваться новым законодательством не всем было легко, «поскольку ранее в нашей стране собственность на почти весь земельный фонд была в руках государства, установление права собственности на недвижимость, не зарегистрированную в кадастровых документах, превратилось в серьёзную проблему». *1976–1977 Zirai ve İktisadi Durum Raporu. Ankara, 1978, с. 518.*

⁷² *Данциг Б.М. Ближний Восток. М., 1976, с. 15.* Действительно, прибыль мюльтезимов (сборщиков налогов) от сбора налога превышала 20%. Новшество отмены ашара состояло не в том, что государство этой акцией увеличивало свои доходы либо снижало налоговое бремя крестьян. Дело было в ином – отмена ашара, во-первых, реорганизовывала сверху часть прибавочного продукта в источник бюджетных ассигнований, принимавших характер капиталовложений; во-вторых, обеспечивала превращение значительной части средств натурального потребления в сельском хозяйстве либо вообще непродуцированного потреб-

ления в фонд общенационального накопления, предназначенного для централизованного, целевого использования. Даже те, кто, по мнению Ч. Кейдера, лишился такого рода поступлений, то есть откупщики ашара, вынуждены были включать накопленные средства в денежную форму, помещать в банки в надежде на банковский процент. *Keyder Ç. Dünya ekonomisinde Türkiye (1923–1929)*. Ankara, 1982, с. 53.

⁷³ В марте 1924 г. был принят закон о распределении бесхозных земель и прочей недвижимости, принадлежавшей лицам, покинувшим Турцию, то есть грекам и армянам. Указанная недвижимость передавалась турецким гражданам, недвижимое имущество которых уничтожено неприятелем или мятежниками или же ликвидировано властями в силу возникшей военной необходимости. Реализация этого закона на практике привела к тому, что земли и другая недвижимость выселенных или уничтоженных в ходе войны греков и армян попали преимущественно в руки крупных земельных собственников. В апреле того же года меджлис принял закон «О распределении недвижимой собственности среди населения, прибывшего в порядке обмена», по нему землю и недвижимость могли получить лишь те репатрианты, которые имели собственность в стране, откуда они прибыли.

После подавления восстания шейха Саида (февраль 1925 г.) власти принудительно переселили наиболее непокорные курдские племена в различные районы Центральной и Западной Анатолии – в соответствии со специальными законами 1927 и 1929 гг. В эти же годы были приняты законы, предусматривавшие наделение землей кочевых курдских племён в районах их традиционных кочёвок, с тем чтобы перевести их на осёдлый образ жизни и держать в повиновении.

⁷⁴ Один из важных аспектов аграрной политики данного периода – поощрение механизации в деревне, которое проводилось преимущественно в интересах владельцев современных ферм и включало три направления: 1) освобождение от воинской обязанности крупных землевладельцев; 2) таможенные льготы на ввоз горючего и химикатов, используемых в механизированных хозяйствах; 3) предоставление государством льгот при закупках земледельцами сельскохозяйственных машин. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 69–72.

⁷⁵ *Demiryolları mecmuası*. Ankara, Mart–Nisan 1934, с. 77–79. «Эти подрядчики, – писал журнал “Барыш дюньясы”, – зарабатывали несчётные деньги... Наши первые миллионеры появились именно таким образом». *Barış Dünyası*. İstanbul, 1967, № 63, с. 53–54.

Побывавший в 1932 г. в Анкаре Ю. Тишанский так описывал царившую там тогда атмосферу: «В обстановке кризиса даже весьма националистически настроенные дельцы, до хрипоты призывающие других экономить деньги и передавать их банкам на дело промышленного строи-

тельства, предпочитают сами вкладывать свой капитал в менее производительное, но более верное и спокойное дело строительства уютных особнячков, снабженных (ценой большого напряжения городского бюджета) всеми современными удобствами (телефон, газ, ванна, электричество)». *Тишанский Ю.* По новой Турции. М., 1933.

⁷⁶ Дипломатический словарь. Т. II, М., 1950, с. 726–727; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 395, 396.

⁷⁷ «Мы успели пересмотреть все вопросы, стоящие между нашими правительствами, мы обменялись мыслями о наших отношениях с другими государствами и мы выяснили отношение наших правительств к крупным политическим вопросам современности. Никаких лиг, паназийских или других, мы не создавали и вообще не принимали соглашений, направленных против третьих сторон... Между судьбами наших двух государств за истекшие 7–8 лет наблюдается замечательный параллелизм. В то самое время, когда Одесса, в которой происходила наша встреча, подверглась разрушениям со стороны империалистических оккупантов и их белогвардейских пособников, в то же самое время молодая Турция с напряжением последних сил боролась против империалистических захватчиков и против старого султанского правительства и поддерживавших его общественных классов. Наши народные массы и народные массы Турции победоносно вышли из этих испытаний и, будучи теперь заняты мирной работой и своим внутренним восстановлением, как народы СССР, так и турецкий народ борются против попыток мирового капитала путем мирного внедрения и постепенного экономического усиления своих позиций подчинить как ту, так и другую страну своему господству. Общность интересов, связывающих нас с Турцией, заключается, таким образом, в том, что как для народов СССР, так и для турецкого народа обеспечение мирной работы и внутреннего хозяйственного восстановления является основной задачей». *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 485–486.

⁷⁸ Первый протокол от 17.12.1929 г. продлил на 2 года срок договора 1925 г., а также установил в ст. 2, что «каждая из обеих сторон обязуется не начинать без уведомления другой стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, находящимися в непосредственном соседстве, сухопутном или морском, с названной стороной, и заключать такие соглашения лишь с согласия этой последней». Это обязательство не распространялось на акты, имеющие целью установление или поддержание нормальных отношений одной из договаривающихся сторон с соседями другой стороны и предназначенные преданию гласности.

Второй протокол от 7.03.1931 г. дополнил вышеуказанную ст. 2 протокола от 1929 г. взаимным обязательством о том, что «каждая из высо-

ких договаривающихся сторон не приступит к закладке какой-либо морской боевой единицы, долженствующей пополнять её военный флот в Чёрном море или в прилегающих морях, или к заказу подобной единицы на верфях за границей, или к любой мере, которая имела бы последствием увеличение теперешнего состава её военного флота в указанных морях, не предупредив об этом вторую договаривающуюся сторону за 6 месяцев вперёд»; этот протокол иногда именуется советско-турецким «морским соглашением» или «морским протоколом».

Третий протокол (1935), уже не модифицируя более текста договора 1925 г., продлил его до 1945 г. Дипломатический словарь. Т. I, М., 1948, с. 162.

⁷⁹ *Esmer A.Ş. Siyasi tarih (1919–1939)*. Ankara, 1953, с. 191.

⁸⁰ *Sabah*, 24.07.2003.

⁸¹ Совет Лиги Наций образовал комиссию в составе представителей Швеции, Бельгии и Венгрии для изучения вопроса на месте. Её доклад оказался неожиданным – он признавал, что население Мосула предпочитает оставаться неприсоединившимся ни к одной из сторон. Однако комиссия вместе с тем предлагала, исходя из «потребностей нормального развития» Ирака, считать Мосул частью иракской территории, продлить английский мандат над Ираком на 25 лет.

⁸² Дипломатический словарь. Том II. М., 1950, с. 187–190. *Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt I (1919–1937)*. Ankara, 1987, с. 70–75.

Вынужденный отказ от Мосула до сих пор оценивается в турецкой историографии как крупнейшая потеря Турции и в территориальном, и в экономическом плане. В перспективе Турция лишилась возможности стать крупной нефтедобывающей страной – ведь сегодня она в состоянии обеспечивать свои растущие потребности в нефти за счёт внутренней добычи лишь на 10–15%, кстати, из региона, находящегося в непосредственной близости от Мосула и Киркука.

События в Ираке в 2003 г., связанные с оккупацией этой страны войсками американо-английской коалиции, в частности оживление борьбы за национальные права этнических меньшинств в Северном Ираке, дали возможность некоторым органам СМИ Турции вспомнить о турецком («туркменском») населении Ирака. По утверждению лидеров этого населения, проживающих в регионе Киркука, имеющиеся у них на руках свидетельства о рождении и документы на право владения землей, полученные еще в османское время, показывают, что туркмены составляют 70% населения региона. *Milli Gazete*, 27.04.2003.

⁸³ Корреспондентка газеты «Нью-Йорк Таймс» М. Харрисон, полгода прожившая в Турции, с некоторым удивлением писала, что в стране довольно широко распространены надежды на американскую помощь, стремления создать новую Турцию «по образцу Соединенных Штатов». *New York Times*, 25.01.1925.

⁸⁴ *Ülman A.H. Türk-Amerikan yakınlaşması ve Sovyetler Birliği. Forum, 1961, № 165, с. 12.*

⁸⁵ Подробнее см.: *Советское востоковедение. АН СССР. М., 1958, № 3, с. 122–125; Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. № 30. М., 1961, с. 150 – 160.*

⁸⁶ *New York Times, 19.04.1926.*

⁸⁷ Позднее, в 1929 г., был заключен турецко-американский договор о торговле и мореплавании, а в 1931 г. – договор о поселении, устанавливавший за каждой из сторон права наиболее благоприятствуемой нации в вопросах поселения, занятия деловой деятельностью, разрешения юридических споров и т. д. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Vol. 2. 1931. Washington, 1946, с. 1042.*

⁸⁸ Охваченные паникой и страхом, эти люди бежали в Грецию, не дожидаясь прихода турецкой армии; всей этой огромной массе людей пришлось первоначально жить в Греции в нечеловеческих условиях. *Scipio L.A. My Thirty Years in Turkey. Ringle (N. H.), 1955, p. 181.*

⁸⁹ Для Турции отъезд из страны в короткие сроки, более 1 млн. человек означало, кроме того, потерю значительной массы квалифицированной рабочей силы, нарушение торговли и обслуживания. Новые собственники оставленных греческими предпринимателями фабрик и мастерских не сразу сумели освоить и пустить в дело брошенные предприятия. В турецкой экономической литературе признается, что в результате обмена населением «были высланы лица, владевшие промышленными профессиями и ремеслами, а на их место прибыли главным образом крестьяне и рабочие». *Yazman M.O. Türkiye'nin ekonomik gelişmesi. Ankara, 1974, с. 64.*

⁹⁰ *Дипломатический словарь. Т. I. М., 1948, с. 710.*

⁹¹ В специальном протоколе о концессиях, приложенном к тексту мирного договора, подчёркивалось, что сохраняются в силе концессионные соглашения, должным образом заключённые до 29 октября 1914 г. (ст. 1 протокола). Ряд статей Конвенции о поселении и юрисдикции устанавливал: иностранные граждане будут иметь право в Турции «приобретать всякого рода движимое и недвижимое имущество» (ст. 3); в Турции доступ иностранных «граждан к различным видам торговли, профессий или промыслов» составит предмет отдельных конвенций, которые должны быть заключены в 12-месячный срок со дня вступления в силу конвенции (ст. 4); в Турции будут признаны «торговые, промышленные или финансовые общества, созданные на территории одной из договаривающихся сторон (ст. 5).

⁹² *Северский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. 163, 205, 259.*

⁹³ По данным Торгового представительства СССР в Стамбуле, общая сумма капитала иностранных компаний на конец 1923 г. в Турции до-

стигала 63,4 млн. ф. ст., причём в железные дороги было вложено 61,8% этой суммы, в банки – 16,1, горнорудную и обрабатывающую промышленность – 8,6, городское хозяйство – 7,8, торговые компании – 5,7%. По странам эта сумма распределялась таким образом: Франция – 16,9%; Германия – 45,4; Бельгия – 3,7; США – 1,8; Италия – 1,2; прочие страны – 5,1%. *Торгпредство СССР в Турции. Экономический бюллетень*. 1925, ноябрь, с. 10.

⁹⁴ *Tuncer B. Türkiye'de yabancı sermaye sorunu*. Ankara, 1968, с. 72.

⁹⁵ Банку было вменено в обязанность увеличить число служащих-турок до 60% общего числа служащих, направлять из этой группы определённое число за границу для специализации, вести счета и корреспонденцию на турецком языке. Банк открывал счёт на 5 млн. лир турецкому правительству и на 2 млн. лир Сельскохозяйственному банку. *Торгпредство СССР в Турции. Экономический бюллетень*. 1925, май, с. 26. После создания в стране национального Центрального банка Оттоманский банк утратил своё прежнее значение, хотя и сохранился в Турции.

⁹⁶ *Торгпредство СССР в Турции. Экономический бюллетень*. 1926, № 4, с. 10. Такая картина сохранялась до начала 1930-х годов, когда турецкие власти усилили контроль над валютными операциями, а затем и резко ограничили перевод в валюте прибыли за границу.

⁹⁷ Для них вводились следующие основные правила «поведения»: 1) обязательное преподавание турецкого языка, истории и географии Турции, эти предметы должны вести турецкие преподаватели; 2) во всех школах обязателен постоянный контроль турецкого министерства просвещения.

⁹⁸ Приложенная к мирному договору торговая конвенция устанавливала, что на пятилетний срок её действия (1924–1929) ввозными тарифами в Турции оставались оттоманские тарифы, вступившие в силу 1 сентября 1916 г. Это означало, что в течение пяти лет турецкое правительство не могло по своему усмотрению повышать низкие, по сути «капитуляционные», таможенные тарифы на импорт. Эта свобода ввоза позволяла выгодно завозить и такие потребительские товары, фабричное производство которых Турция легко могла наладить у себя – в 1924 г., например, текстиль и продукты питания составляли около 70% турецкого импорта, в 1928 г. – около 52%. *Akmanlar K. Türkiye dış ticareti*. İstanbul, 1944, с. 7; *Aydemir Ş.S. Cihan iktisadiyatında Türkiye*. Ankara, 1931, с. 88.

⁹⁹ *Bulutoglu K. 100 soruda Türkiye'de yabancı sermaye*. İstanbul, 1970, с. 97. Одновременно председатель суда профессор Борель признал, что суд не имеет полномочий решать вопрос о валюте как самого долга, так и ежегодных платежей по нему.

¹⁰⁰ *Yeniya osmanlı borçları tarihi*. İstanbul, 1964, с. 123.

¹⁰¹ Ежегодные выплаты устанавливались в размере 2 млн. золотых лир с 1 июня 1929 г. по 31 мая 1936 г. и, постепенно увеличиваясь, достигали

3,4 млн. золотых лир в 1952 г. и позднее, до окончания платежей. Курс турецкой лиры фиксировался с содержанием золота 7,21657 г и был равен 0,903 ф. ст. Оговаривалось, что основные виды оплаты должны производиться в фунтах стерлингов, проценты и амортизация некоторых долгов – в любой из перечисленных в соглашении иностранных валют по выбору Совета долга. Предполагался выпуск новых облигаций взамен старых. Правительство Турции указало в соглашении, что гарантией оплаты облигаций станут таможенные доходы. Помимо Совета долга создавался Совет держателей облигаций, который должен был непосредственно защищать интересы последних. Совет долга передавал все свои служебные функции в Турции местной власти и обязывался перенести своё местопребывание в Париж.

¹⁰² Оно состояло из следующих основных положений: 1) вместо доли Турции по Оттоманскому долгу учреждается новый долг, именуемый «Турецкий долг 1933 г.»; 2) размер процента – 7,5 годовых; 3) общая сумма долга в золотом исчислении определяется в 8,6 млн. лир; 4) расписка платежей распределяется на 50 лет путем выкупа выпускаемых по этому случаю специальных облигаций; 5) ежегодные выплаты устанавливаются в своей основе в размере 700 тыс. золотых лир (6 млн. бумажных лир) с некоторыми отклонениями по годам. *Yeniya osmanlı borçları tarihi*, с. 146, 147, 153, 170–172. С этого времени выплаты по долгу стали: постоянной статьёй расходной части платежного баланса Турции вплоть до 1954 г., когда она смогла досрочно полностью выплатить Оттоманский долг.

Глава V

¹ *Hamdi A. (Başar)*. *İktisadi Devletçilik*. Cilt 1. İstanbul, 1931, с. 9, 11.

² В 1933 г. в правительственном решении о защите курса турецкой валюты устанавливалось, что «министерство финансов может выделить валюту в качестве прибыли, дивидендов, процентов, получаемых владельцами иностранного капитала после того, как соответствующие инстанции по валютному контролю ознакомятся с приходо-расходными книгами указанных компаний». Год спустя в новом правительственном постановлении по этому вопросу уже указывалось, что размеры перевода прибыли с иностранного капитала «определяются с учётом общего валютного положения страны». *Vener E. Türkiye'de para ve kambyo denetimi*. Ankara, 1968, с. 91, 109, 111.

В 1932 г. в Турции функционировало 47 национальных банков с общим капиталом 83 млн. лир. Из них три банка имели капитал, равный 65 млн. лир (Сельскохозяйственный – 30 млн. лир, Ипотечный и Сиротский – 20 млн., Центральный – 15 млн. лир).

³ В речи 30 августа 1930 г. он заявил: «Либеральные взгляды трудно воспринимаются в нашей стране. В экономике мы практически умеренные этатисты... Каждый в нашей стране ищет повсюду помощи у казны. Город, не имеющий электричества, район, лишённый порта, человек, не находящий работу, – все обращаются к правительству... Можно ли понять эту страну, если полностью отказаться от этатизма и любое благополучие ожидать от деятельности владельцев капитала?» İktisat politikasının resmî belgeleri (söylev, demeç ve yazılar). Ankara, 1963, с. 9, 11.

⁴ Там же, с. 12, 14, 15.

⁵ «Широкие круги частного сектора, – пишет Бильсай Куруч, – были недовольны таким решением, считая, что значимость их сектора уменьшена. Такая индустриальная модель была воспринята ими негативно, оценена как крайний этатизм». *Kuruç B., Mustafa Kemal döneminde ekonomi*. Ankara, 1987, с. 105. Другой автор, Тезель, уточняет, что «государство должно было создавать и эксплуатировать промышленные предприятия в том случае, когда возможности частного предпринимательства оказывались недостаточными». *Tezel Y., Cumhuriyet döneminin iktisadi tarihi (1923–1950)*. Ankara, 1986, с. 209, 210.

⁶ Оценивая эти меры, С. Кили писала: «В 1932 г. стала окончательно очевидна необходимость включения государства в экономическую деятельность, в усилия по экономическому развитию. Первый пятилетний план вступил в действие в 1933 г. В этот период действует направляемая экономика, государственное предпринимательство. Действительно, первые крупные промышленные капиталовложения были осуществлены именно в период первого пятилетнего плана». Вместе с тем, по мнению автора, не был оставлен на произвол судьбы и капиталистический сектор. *Kili S., Atatürk devrimi. Bir çağdaşlama modeli*. Ankara, 1981, с. 260.

⁷ «Под влиянием этого кризиса, – пишет Четин Еткин, – даже самые либеральные страны своё экономическое бытие начали искать в этатизме. Нельзя было игнорировать и тот факт, что СССР, будучи полной противоположностью либеральным системам, именно благодаря этому не испытал негативного воздействия кризиса. При таких обстоятельствах возникновение ЛДП оказалось весьма противоречивым явлением». *Yetkin Ç. Serbest Cumhuriyet Fırkası Olayı*. İstanbul, 1982, с. 13.

Как считает Сабиха Сертель, противники этатизма не просто сообщали препятствовали его принятию, они привлекли к этому ЛДП, объединились вокруг неё. Поскольку народ ничего не получил от реформ, он перенес свои надежды на ЛДП, ожидая благополучия от неё. *Sertel S. Roman gibi (Anılar)*. 1966, с. 187–188.

⁸ *Ekonominin bugünkü Meseleleri*. İstanbul, 1934, с. 114–115.

⁹ *Kutay C. Celal Bayar*. Cilt 1. İstanbul, 1939, с. 165–166, 182, 183.

¹⁰ В своей работе «Революция и кадры» Шевкет Сюррея писал в те годы, что «турецкое национально-освободительное движение имеет все признаки восстания против порядка, порожденного капитализмом XIX в. Это движение имеет целью иной порядок, исключающий эксплуатацию, колониализм, неравенство классов, неравенство наций, то есть исключающий экономическую зависимость. Такой порядок, вместо неуправляемого либерального капитализма, выставляющего напоказ все свои пороки, должен обеспечивать осознанное вмешательство общества в экономическую деятельность, иметь планомерный государственный контроль над этой деятельностью». *Aydemir S. İnkılap ve kadro. Ankara, 1968, с. 111.*

¹¹ *Koçak C. Türkiye'de Milli Şef dönemi (1938–1945). Ankara, 1986, с. 26–28.* Намного позже, в 1960-е годы, известный турецкий экономист М. Яша, раскрывая содержание этатизма 1930-х годов уже с точки зрения реалий 1960-х годов, писал, что в те годы этатизм, несмотря на свой размах и авторитарный для экономики характер, был «вынужденной необходимостью» и «не отвергал, за исключением некоторых фанатичных администраторов, идею о том, что подлинный экономический подъем может быть осуществлён лишь путём развития частной инициативы. Турция не считала свой этатизм... какой-то политической доктриной, которая свойственна многим авторитарным режимам, напротив, она расценивала его как некий вынужденный и временный этап. Частная инициатива верила, что как только она окажется в состоянии сама осуществлять экономическое развитие, возникнет необходимость отказаться от этатизма. Короче говоря, та функция, которая в Турции признана за этатизмом создавать определённые промышленные объекты и эксплуатировать их, сводится в целом к “подготовительной” функции».

Стремясь подчеркнуть единство политики кемалистов в 1930-е годы с требованиями в 1950–60-е годы приватизации, М. Яша писал, что если даже государство, создавая промышленные предприятия, будет передавать их частной инициативе, оно всё равно будет сохранять главную роль в осуществлении экономического подъема. Иными словами, если широко толковать понятие «этатизм», то нельзя расценивать его как временную политику. Временной является каждая особая форма его практического применения, критика методов управления ими. Сколь справедливой ни была критика, касающаяся учреждения государственных экономических организаций и их эксплуатации, она не означает осуждения этатизма в целом. *Yasa M., İktisadi meseleleri. İstanbul, 1966, с. 43, 44.*

¹² За ГЭО признавались права юридического лица иметь дочерние фирмы и предприятия, включая те, которые привлекали и частный капитал. В законе подчеркивалось, что капитал ГЭО – это государственная собственность, что их деятельность контролируется Министерством

экономики, что они не подчинены действию многих статей Торгового кодекса, в частности касающихся банкротства. Утверждалось таким образом их фактическое, а часто и юридическое особое положение как государственных монополий в различных отраслях производства и сбыта. Кроме упомянутых видов продукции, ГЭО контролировали производство и сбыт сахара, табачных изделий и спиртоводочной продукции, нефтепродуктов, вооружения и боеприпасов, железнодорожные, морские пассажирские перевозки, главнейшие порты страны и т. д. Текст закона см.: Şerhli ve izahlı 3460 sayılı İktisadi Devlet Teşekkullerine dair Kanun. Ankara, 1950, с. 64.

¹³ Türkiye Cumhuriyeti Ziraat Bankası. Elli senelik hayat ve faaliyetleri. 1888–1938. Ankara, 1938, с. 77–80. Банк на практике способствовал укреплению в агросфере предпринимательских элементов – кредиты выдавались чаще всего под залог имущества и земли. В годы экономического кризиса банк путём сокращения или расширения кредитования производителей тех или иных культур пытался регулировать посевы и цены на внутреннем рынке. В 1931 г. он разрешил крестьянам сдавать в счёт погашения ссуд пшеницу и некоторые другие сельскохозяйственные товары по твёрдым ценам. Для покрытия убытков Сельскохозяйственного банка казначейство обязалось переводить ему по 1 млн. лир в год.

¹⁴ В 1932–1938 гг., к тому времени, когда была создана специальная государственная закупочная организация (Управление продуктов земледелия), через Сельскохозяйственный банк было закуплено всего более полумиллиона тонн пшеницы. *Atasagun T.C., Ziraat bankası. İstanbul, 1939, с. 307.* Число закупочных центров в первый год введения государственных закупок составляло 14 единиц, в 1936–1938 гг. ежегодно колебалось между 70–85. В указанный период государству удалось таким образом поставить на внутренний рынок 275,3 тыс. т пшеницы, на экспорт – 176,9 тыс. т, то есть всего 452,2 тыс. т. Одновременно Сельскохозяйственный банк ведал льготным снабжением зерна переселенцев, поставками семенной пшеницы и другими операциями.

¹⁵ *Kutay C., Celal Bayar. Cilt 2. İstanbul, 1939, с. 719–723.* Закон этот модифицировался затем в течение многих лет, в списках промышленных товаров, цены на которые определяли и контролировали министерства, отвечающие за экономику, числились, по сути дела, все основные виды сырья и изделий, применяемых в промышленности и ею производимые, а также бытовые товары. *Maliye dergisi. Ankara, 1980, № 44, с. 89–92.*

Система регулируемых государством цен постепенно расширялась с 1930-х годов и на сельскохозяйственное сырьё. Первые государственные закупочные цены устанавливались на табак, с 1926 г. – на сахарную свеклу, затем на пшеницу, с 1940 г. – на ячмень, рожь, кукурузу, овёс, с 1942 г. – на чай, с 1962 г. – на фундук, изюм, инжир, с 1974 г. – на мясо и т. д. Турецкие авторы приводят около 30 наименований основных

сельскохозяйственных продуктов Турции, на которые к началу 1980-х годов, когда начались реформы Т. Озала, распространилась система государственных закупочных цен. *Maliye dergisi*. 1980, № 48, с. 164, 165, 169.

¹⁶ Один из таких магазинов автор данной работы мог видеть на главной улице Стамбула ещё в конце 1960-х годов, в нём преобладали скромно одетые женщины-покупательницы. Позже, в 1980-е, годы государственные магазины, универмаги стали беднеть выбором товаров и постепенно закрывались.

¹⁷ По мере введения в строй в 1930-е годы новых фабрик, в основном при участии СССР (см. далее), их потребительская продукция поступала в розницу через современные по тем временам магазины. Именно в эти годы возникла и ширилась кампания «покупай турецкое» – так воочию заявляла о себе начавшаяся в стране импортозамещающая индустриализация. Очевидно, что расширение масштабов фабричного производства означало одновременно тогда и постепенное расширение государственного контроля над ценами на фабричную продукцию.

¹⁸ *Talas C. Sosyal ekonomi*. Ankara, 1983, с. 192.

¹⁹ *Esen B.N. Türk iş hukuku*. Ankara, 1944, с. 173–214. Об этом же пишет Р.П. Корниенко: «Закон о труде лишил турецкий пролетариат элементарных политических прав: категорически запретил забастовки на всех предприятиях как государственного, так и частного сектора, определил суровые меры наказания в отношении забастовщиков, штрафы на крупную сумму и длительное тюремное заключение». Вместе с тем тот же автор отмечает и положительную значимость самого факта принятия «документа, регламентирующего условия труда рабочих». *Корниенко Р.П. Рабочее движение в Турции. 1918–1963. М., 1965, с. 93–94.*

²⁰ Как свидетельствуют факты, сохранить в таких условиях свои позиции в торговле более всего удалось еврейскому капиталу. Одной из наиболее преуспевавших в этом была семья Бурла, представленная братьями Эли и Даниэлем. Принадлежавшая семье Бурла торговая фирма-импортёр была одной из старейших в Стамбуле, она обосновалась здесь ещё перед Первой мировой войной. История семьи Бурла являет собой пример торговой деятельности инациональной компрадорской буржуазии, которая сумела не только долго сохранять свои позиции в импорте страны, но и расширить свой капитал, занять важное место в импортной торговле Турции. В 1920-30-х годах имена братьев Бурла значатся среди акционеров нескольких торговых и промышленных компаний, созданных в Турции с участием иностранного капитала, в основном германского. *Ökçün A.G., 1920–1930 yılları arasında kurulan türk anonim şirketlerinde yabancı sermaye*. Ankara, 1971, с. 37–40, 81, 82, 232, 383, 499. Позднее, в 1930-е годы, как сообщает В. Коч, братья Бурла действовали совместно с ним в подрядных работах по строительству зданий для государственных учреждений. *Koç V. Nayat Hikayem*. İstanbul,

1973, с. 51. С тех пор капитал семейной фирмы Бурла неуклонно возрастал благодаря предприимчивости её руководителей. В своих мемуарах В. Коч пишет также о богатой армянской семье Ховагимян, контролировавшей в начале 1930-х годов в Стамбуле рынок стальных труб. Владельцы завода, сообщает В. Коч, «рассчитали неудачно» и лишились средств, после чего предложили ему стать их компаньоном. Была создана компания «Коч бору» («Коч-трубы»). Вскоре В. Коч мог им диктовать свои условия. «Тот день был одним из самых счастливых дней моей жизни», – написал В. Коч. *Koç V. Nayat Nikaıet*, с. 36–37.

²¹ Мухсин интересовался творчеством Пудовкина и Эйзенштейна, снял два фильма: «Спартак» и «Камилла», ознакомился с работой В. Мейерхольда, с системой Станиславского. По возвращении в Турцию он поставил «Гамлета» Шекспира в манере Мейерхольда и пьесы «Вишнёвый сад» Чехова и «На дне» Горького в интерпретации Станиславского.

²² В 1933 г. был осуществлён обмен опытом между музыкальными школами Анкары и Стамбула и Московской консерваторией. В 1933 г. в Москве исполнялись произведения турецких композиторов Экрема Зеки, Ульви Джемалы, Джемалы Решида. В 1935 г. в Турции побывали советские певцы Барсова, Максакова, Пирогов, скрипач Ойстрах. В знак своего восхищения игрой нашего скрипача Ататюрк преподнес Ойстраху золотой портсигар со своим факсимиле.

²³ Советские учёные-лингвисты участвовали в работе лингвистических конгрессов в Турции. В своём докладе в Анкаре в 1936 г на III Лингвистическом конгрессе советская делегация в составе академиков Мещанинова и Самойловича, проф. Габидуллина выразила пожелание о создании Турецкой академии наук.

²⁴ Рамзие писала в своём прощальном письме, что по возвращении на родину будет способствовать установлению научных контактов между профессорами и преподавателями естественного факультета Стамбульского университета и советскими учёными. Полвека мирного сотрудничества. М., 1973, с. 103–111.

²⁵ Турецкая делегация ознакомилась с деятельностью Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, Московского зоотехнического института, Института опытной агрономии под Ленинградом и т. п. В 1925–1927 гг. для изучения состояния сельского хозяйства Турции были организованы три экспедиции, возглавляемые проф. П.М. Жуковским. Итогом этих экспедиций явилась его книга «Земледельческая Турция», которая считается лучшей работой, посвящённой турецкому сельскому хозяйству того времени.

²⁶ Свернув с началом Второй мировой войны деятельность в Турции, Нефтесиндикат своё недвижимое имущество передал там в распоряжение вновь созданной Петроль офиси – госорганизации по закупкам и сбыту нефтепродуктов.

²⁷ Когда в марте 1930 г. в поддержку такой меры был организован международный консорциум с капиталом в 1 млн. ф. ст., его акции были приобретены крупнейшими национальными и иностранными банками, действовавшими в то время в Турции. Более 4% акций приобрёл советский Внешторгбанк (на сумму 50 тыс. ф. ст.), отделение которого открылось в Стамбуле еще в марте 1925 г.

²⁸ Автор писал в своей книге: «подлинные революции после мировой войны произошли только в Турции и России. Турки и русские составляют окраины одновременно и Европы, и Азии». Он видит много похожего в развитии двух стран, например, по роли религии: «полные слёз народов глаза устремлены у одних на Мекку, у других на Иерусалим». Есть и разница: «в прежней России университет не был лишь застывшей копией литературы и искусства; в старой Турции литература и искусство не были осознаны. В крупных городах России очаги науки, техники и искусства по богатству можно считать сравнимыми с западными странами, турецкая революция лишена либо бедна всем этим... Мы о себе знаем. Но что делает соседняя революция? Чтобы понять это, я отправился в Россию». *Atay F.R. Yeni Rusya. Ankara, 1931, с. 7–9.*

²⁹ Вездесущий Ф.Р. Атай участвовал и в этих двух «сравнительных» поездках, оценив их итоги в новой книге «Москва – Рим», срочно изданной в том же 1932 г. Как анекдот он вспоминает, что в Стамбуле перед отъездом делегации Инёню в Москву прошёл слух, что Инёню станет там большевиком, каждый должен будет работать, у всех отберут собственность. Одна женщина из прислуги пришла к автору: «может быть у автора есть в окружении премьера знакомый, которого можно попросить не заставлять её работать, она уже из ума выжила, пусть оставят ей её дом в Истиние».

³⁰ По мнению Атая, чтобы быть независимой, выйти из колониального состояния, в битве за экономику Турция может поделиться своим кемалистским опытом и в то же время должна использовать опыт и России, и Италии, и весь мировой опыт. «Правящая партия в Анкаре следующим образом разъясняет свои экономические принципы: Личность свободна в экономическом предпринимательстве. Государство может заниматься любым предпринимательством там, где им не в состоянии заниматься личность, либо там, где, по его убеждению, его деятельность больше, чем деятельность личности, отвечает интересом народа. Турция открыта для иностранного капитала, если его деятельность не противоречит интересам независимой турецкой экономики и народа... В этом принципе мы видим три понятия – личность, государство и иностранный капитал!

Если кто-либо поддерживает из указанных понятий только сторону личности, он может докатиться до либеральной партии; если он займёт сторону общества и не признаёт личность, он может скатиться к боль-

шевизму; если же утверждается, что для развития Турции нет иной возможности, кроме как помощь капитализма, речь идёт о скатывании к капитуляционному режиму...

Феномен пятилетнего плана в России следует рассматривать не с точки зрения требований экономики либо системы, а как требование борьбы за независимость. Это примерно так же, как мы потребовали самопожертвования от народа Турции во имя победы у Сакарьи. Строительство Днепрогэса, Харьковского тракторного завода и т. п. стало таким же самопожертвованием, потребованным Москвой от русского народа. Когда приступили к выполнению пятилетнего плана, европейцы говорили: столь тяжкие трудности люди не выдержат, восстанут; русская техника не сможет обеспечить работу этих заводов, режим рухнет. Однако восстание не произошло, заводы заработали».

³¹ *Atay F.R. Moskova – Roma. 1932, с. 40, 81, 83.*

³² Кроме того, специалисты в направленном из Москвы докладе рекомендовали пригласить в Турцию комиссию специалистов для определения, «в каких предприятиях прежде всего нуждается Турция и в каких местах следует строить». По итогам этой поездки появились и такие, например, наблюдения её участников: развитие в стране идёт не по масштабам мира капитала, а согласно собственным масштабам. Вся дискуссия того времени по итогам поездки свидетельствует о большом интересе к опыту планирования в СССР при подготовке первого пятилетнего плана Турции.

³³ В состав советской делегации входили проф. Ковалевский (директор Института экономики и профессор Института красной профессуры), Мамурин (инженер-текстильщик, специалист по х/б тканям), Гоголин (специалист по тканевым красителям), проф. Борис Волинский (инженер-энергетик), Сергей Троянский (гидролог), проф. Николаев (архитектор), проф. Андрей Самгин (специалист по водоочистке) и Иммануил Марк (инженер-строитель). На встречах с ними Исмет-паша высказал пожелание, чтобы советские специалисты помогли турецкому правительству «создать развернутую программу индустриализации Турции». Начиная с 14 августа в течение более чем двух месяцев состоялись их поездки по стране группами совместно с турецкими специалистами, директорами фабрик, ответственными чиновниками по хлопководческим районам, местам ручного ткачества и т. п. 25 сентября глава делегации вернулся в Анкару для подготовки отчёта, представленного затем 2 октября. Часть делегации вновь отправилась по Анатолии. Некоторые исследования продолжались и в октябре.

³⁴ Штат треста составил 160 человек. По фабрикам были подготовлены и затем переданы туркам детальные проекты, необходимое оборудование было заказано на заводе им. К. Маркса. По возвращении делегации первая группа турецких стажёров в количестве 50 человек выехала в рас-

поражение Тюркстрога. *Tekeli İ. Selim İ. Uygulamaya geçerken Türkiye'de devletçiliğin oluşumu*. Ankara, 1982, с. 140, 141, 158, 159, 164, 165, 170.

³⁵ *Ferman C. Türkiye'de sanayi kredisi*. İstanbul, 1951, с. 122–123. В соответствии со сроками использования кредита выплата последнего взноса приходилась на 30 июня 1959 г. Обращают на себя внимание чрезвычайно льготные условия кредита: он был беспроцентным и погашался не в иностранной валюте или золоте, а поставками турецких товаров.

³⁶ К слову сказать, плана как единого документа в нынешнем понимании этого слова цитируемые турецкие авторы не нашли, «судя по газетам», в виде докладов план был подготовлен в течение 1933 г. и с 17 апреля 1934 г. начал официально выполняться. При этом они ссылаются на Ш.С. Айдемира, который в своей книге об Ататюрке пишет, что в основу плана были положены исследования миссии Орлова, он был введён в действие согласно краткой записке (тезкере) правительства в адрес генеральной дирекции Сумербанка. Это были документы, доклады, списки, уже позже объединённые в название «Первый пятилетний промышленный план». *Aydemir Ş.S. Tek Adam. Cilt III*, с. 377.

³⁷ *Kutay C. Celal Bayar. Cilt 1. İstanbul, 1939*, с. 165–166, 345.

³⁸ Фалих Рыфкы Атай писал в газете «Улус» 20.09.1935: «За пределами России никого, кроме как в Турции, не обрадует клеймо с изображением серпа и молота, выбитое на деталях текстильных станков, изготовленных в советской стране».

³⁹ Производственные мощности комбинатов в Кайсери и Назилли были таковы, что даже спустя 10 лет после их введения в строй, когда в распоряжении Сумербанка имелось уже шесть хлопчатобумажных предприятий, эти два комбината производили 60 млн. м тканей, то есть 75% всей продукции хлопчатобумажных предприятий Сумербанка.

⁴⁰ Отчёт группы американских специалистов был опубликован на турецком языке в 1936 г. в виде трёх солидных томов (книг) на более чем 1600 страницах и представлен министру экономики Дж. Баяру. О дальнейшей судьбе этого детального исследования, подготовленного по образцу советского, мы сведений не имеем. См.: *Türkiyenin iktisadi bakımından umumi bir Tetkiki. Kitap I, II, III. 1933–1934. Ankara, 1936*, с. 7–9 (Kitap I).

⁴¹ Такое объяснение может быть связано с тем, что, по мнению турецких историков, СССР «предпочитал, чтобы Турция оставалась вне Лиги Наций». *Koçak C. Türk-Alman İlişkileri (1923–1929). Ankara, 1991*, с. 247.

⁴² В Турции Троцкий продолжил занятия политикой, координируя деятельность своих последователей в СССР и за рубежом, издавал «Бюллетень оппозиции», написал автобиографию «Моя жизнь». Мемуары были ответом на антитроцкистскую пропаганду в СССР и оправданием его жизни. На о. Бююкада он написал «Историю русской революции»,

посвящённую событиям 1917 г. В 1933 г. Троцкий покинул Турцию и переехал во Францию.

⁴³ Как следует из смертного приговора коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 г., приведённого в исполнение по приказу Ягоды, Я.Г. Блюмкин был уличён в связях с «троцкистским подпольем», будучи за границей (надо полагать, в Турции), он «вступил в личную связь с Л.Д. Троцким, высланным из пределов СССР за антисоветскую деятельность и призывы к гражданской войне. Блюмкин отдал себя и своего ближайшего помощника в полное распоряжение Л.Д. Троцкого, обсуждал с последним планы установления нелегальной связи с подпольной организацией на территории СССР, планы организации экспроприации и передал Л.Д. Троцкому сведения, носящие безусловный характер государственной тайны». *Батулин Ю.М.* Досье разведчика. М., 2005, с. 242–244.

⁴⁴ «Однопартийный режим, – продолжает Зекерия Сертель, – запрещал и различные организации, запрещены были и политические партии, помимо Народной партии. Рабочие не могли создавать профсоюзы для защиты своих прав, не могли бастовать. Если даже им удавалось объединиться, во главе возникшей организации обязательно назначались представители Народной партии, поэтому разрешаемые к созданию организации представляли не рабочих, а Народную партию. Не могли создавать свои организации крестьяне, молодёжь, интеллигенция, если что-то и создавалось, то только Народной партией и находилось под её жёстким контролем. То же было с печатью, газеты не смели выходить за рамки того, что указывалось по телефону главному редактору. Одним словом, народ задыхался в атмосфере духоты и бесправия». *Sertel Z. Hatırladıklarım (1905–1950).* İstanbul, 1968, с. 189, 190.

⁴⁵ *Tunçay M. Türkiye Cumhuriyetinde tek-parti yönetimin kurulması (1923–1931).* Ankara, 1981, с. 246.

⁴⁶ Сабиха Сертель критически оценивала появление в 1930 г. ЛДП, одновременно она писала, что в том же году были предоставлены некоторые демократические свободы. «Прокуроры уже не приглашали на допрос авторов, после каждой публикации не спрашивали – с какой целью ты это написал? Воспользовавшись этим, я решила перевести некоторые работы по социализму... Первым был перевод книги Каутского «Классовая борьба». Когда полиция спохватилась и стала собирать тираж, было поздно, книга разошлась. Затем перевела, чтобы издать, еще несколько книг по социализму». *Sertel S. Roman gibi (Anılar).* 1966, с. 184–185.

⁴⁷ «Евреи турецкого гражданства, – писал корреспондент газеты «Таймс», – прибывают сюда (т.е. в Стамбул) из Дарданелл и Восточной Фракии. Многие находятся на положении нищих. Их выгнали из своих домов без предварительного предупреждения». В связи с недовольством, проявившимся как внутри страны, так и вне её, правительство 3 июля офи-

циально объявило о прекращении выселения евреев. Оно признало факт антисемитской кампании, заявило, что будет наказывать лиц, преследующих евреев. Новейшая история Турции. С. 148, 149; Проблемы современной Турции. М., 1963, с. 135, 136.

⁴⁸ При этом такой «радикальный еврей-кемалист, как Текин Альп, учредил даже Союз турецкой культуры и Союз обучения говорить по-турецки». В 1938 г. британский посол докладывал, что местные греки и евреи увольнялись либо наказывались за то, что они разговаривали не по-турецки. *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. N.-Y. 1997, p. 116.*

⁴⁹ Как только одно тюркское государство становилось достоянием истории, тотчас появлялось одно или несколько других тюркских государств. После того как в конце мировой войны (1918 г.) разрушилась и распалась Османская империя, тюркская энергия создала тотчас новое государство. Это новое государство, созданное как полностью современное – Республика Турция. Причём не следует историю турок начинать со времён принятия ими ислама, турецкие и исламские историки смешивали тюркизм и тюркскую цивилизацию с исламом и исламской культурой; стремление забыть тысячи лет, предшествующие исламу – свидетельство исламского фанатизма и религиозного усердия. *Tarih IV. Türkiye Cumhuriyeti. İstanbul, 1934, c. 1.*

⁵⁰ *Türkiye Çerkeslerinde Sosyo-Kültürel Değişme. Ankara, 1996, c. 10, 12.* В то же время, не скупясь на обвинения в адрес русских в том, что они «осуществляют политическое давление и долгосрочную ассимиляцию в отношении северокавказцев», авторы цитируемой работы признают, что на их не очень далёкой родине «не отвергается политическая и культурная самобытность ни одного народа, им не говорят – ты не черкес (адыг), не абхазец, не осетин, не карачаево-балкарец, не чеченец, не аварец или лезгин, ты – русский».

⁵¹ Вот что говорил в мае 1925 г. Исмет-паша: «Мы – открытые националисты. Национализм – единственный фактор нашей деятельности. Мы должны отуречить какой бы то ни было ценой тех, кто живёт в нашем отечестве». *Orientalistica Iuvenile. III. M., 2002; Алибеков С. Лезгинская диаспора в Турции, с. 44–52.*

⁵² Любопытно, что в попытках реанимировать в те годы кавказскую тему всё большую активность стала проявлять польская дипломатическая миссия в Анкаре, и особенно посол Кнолль. Интерес к выходцам с Кавказа стал постоянным занятием польской военной разведки. Им предложил свои услуги и проживавший в Турции Саит-бей, внук Шамиля – на условиях выплаты ему 200 лир ежемесячно и оплаты оперативных расходов. Турецкая разведка была в курсе этой активности и контактов поляков, получая, кстати, от них информацию о внутривнутриполитическом положении в СССР, о дислокации войск РККА, их боеготовности и др.

Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003. с. 15, 16.

⁵³ Там же, с. 16, 17.

⁵⁴ Трошев Г. Чеченский рецидив. Записки командующего. М., 2003, с. 32.

⁵⁵ Были согласованы и общие принципы взаимодействия. Генштаб в лице военной разведки брал под своё покровительство работу, направленную на освобождение Кавказа от русской зависимости, должен был оказывать Шамилю техническую помощь в деле организации связи с его людьми на родине и предоставлять для этого необходимые средства. Другая сторона обязывалась использовать свои возможности в регионе для создания там агентурной сети с явками в Тифлисе, Баку и Владикавказе для регулярного осведомления о военных мероприятиях на советской территории, а также заниматься подбором нескольких молодых людей, чтобы направить их на спецподготовку с последующей заброшкой в СССР. К процессу активизации работы с эмиграцией подключались и полицейские службы Турции. Внимание проявили и поляки, они дали Шамилю самостоятельную задачу. На Турцию, как страну, которая может повлиять на судьбы кавказских народов, возлагали надежды и западные представительства. Соцков Л. Неизвестный сепаратизм, с. 22–24.

⁵⁶ Там же, с. 31, 32.

⁵⁷ Предпосылки для вмешательства в дела кавказского региона, по мнению авторов одной из составленных ими записок, существовали, так как в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карабахе, Карачае периодически возникали волнения на этнической и религиозной почве. Появление турецких войск могло привести к вооружённому восстанию в Азербайджане и даже перекинуться на Среднюю Азию. Там же, с. 34, 35.

⁵⁸ «Прискорбно, – писал Шамиль, – что Германия со своей передовой техникой не преуспела в перевооружении турецкой армии. Ведь обстановка для этого весьма располагает, многие офицеры турецкой армии, в том числе и высшие, получили образование в Германии и являются её поклонниками. Мы, кавказцы, полагаем, что важнейшая задача политики Германии – это движение на Восток, а потому укрепление её позиций в Турции содействовало бы достижению этой цели». Там же, с. 45.

⁵⁹ 14 июля 1934 г. в Брюсселе представителями национальных эмигрантских центров Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии был подписан Договор о создании Конфедерации народов Кавказа (КНК). Турция изначально поддержала это создание. Логика турецких представлений, по некоторым наблюдениям, состояла в том, что в случае неудач СССР во внешних конфликтах, читай: в будущей большой войне, Турция подготовит себе базу для занятия территорий в Закавказье. А поводом для этого могло бы стать обращение этой самой КНК к Турции за помощью для поддержания порядка в регионе. Там же, с. 128–131.

⁶⁰ В эти годы С. Энгин был уже убежден: «Республиканская власть, предоставив религии место в светской жизни и освободив души нации от пут шариата, оказала религии самую большую услугу. В средние века господствующее в Европе христианство не могло создать ничего, кроме как готовить монахов с заgrabными минами на лице и душить научные знания. Пока европейцы не отказались от этого, сколько они пережили бед и конфликтов. Неизвестно, как дорого обошлось бы нам такое спасение, сколько времени мы оставались бы в лапах шариатства, если бы не великая победа в борьбе за независимость и не её великий лидер. В отношении мусульманства нас уже ничто не связывает ни с арабами, ни с жителями Индии, ни с албанцами. Мы – турки и мы – европейцы». *Engin S. Kemalîz İnkilabının Prensipleri. Cilt I. İstanbul, 1938, с. 18, 19.*

⁶¹ Как отмечает Манго, в отношении ордена «была применена взвешенная доза террора, чтобы на время отбить охоту к дальнейшим выступлениям религиозных энтузиастов». *Mango A. Atatürk. Lnd, 2001, с. 475, 476.*

⁶² *The Transformation of Turkish Culture. The Atatürk Legacy. Princeton, 1986, с. 233.*

⁶³ Неверно думать, что Эрбакан ещё в детстве посещал курсы Корана. Тогда таких курсов просто не было, даже введённое в 1927 г. преподавание религии раз в неделю было в 1930 г. запрещено. *Yalçın S. Hangi Erbakan. Ankara, 1995, с. 17–18.*

⁶⁴ *Barlas M. Turgut Özal'ın Anıları. İstanbul, 2001, с. 88, 89.*

⁶⁵ <http://www.diyenet.gov.tr/tanitim/>

⁶⁶ *Tarhanlı İ.B. Müslüman Toplum 'Laik' Devlet. Türkiye'de Diyanet İşleri Başkanlığı. İstanbul, 1993, с. 20, 21.*

⁶⁷ *Duman D. Demokrasi sürecinde Türkiye'de İslamcılık. İzmir, 1997, с. 24.*

⁶⁸ *Karakuş E. İşte Ankara. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile. İstanbul, 1977, с. 22, 23.*

⁶⁹ *Kara M. Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler. İstanbul, 1980, с. 334–336.*

⁷⁰ Саид-и Нурси родился в деревне Нурс близ Битлиса, считается самоучкой. В молодые годы он поддержал конституционалистов, в годы Первой мировой войны воевал как ополченец на русском фронте и был пленён. По возвращении на родину попал в Стамбул, оттуда перебрался (1923 г.) в Ван.

⁷¹ Отвечая на вопрос – почему, несмотря на столько препятствий и гонений, люди тянулись к запретным школам и кружкам, исследователи религиозной проблемы в Турции (в частности Шереф Мардин в своей книге о Саид-и Нурси) указывают, что такие и подобные им «школы» воспринимались народом не только как религиозный институт, но и как место, где можно было высказать вслух свои претензии к республиканской власти. *Sabah, 17.12.2004; Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi.*

Cilt 9. İstanbul, 1983, с. 4863, 4864; Şeriat ve demokrasi. İstanbul, 1995, с. 14.

⁷² Шахинлер М. Кемализм: зарождение, влияние, актуальность. Пер. с фр. М., 1998, с. 282.

⁷³ Эти авторы пишут, что несколько позже, в октябре 1936 г. на Генеральном Совете Лиги Наций СССР предложил двухсторонний пакт, основная цель которого сводилась к определению: кому будет доверено вооружение Проливов, причём СССР предлагал себя. Кроме того, Россия потребовала от Турции обязательство не разрешать проход сил, которые из Чёрного моря нападут на СССР. Турция, со своей стороны, настаивала на обязательстве СССР оказать помощь Турции в случае агрессии против Турции со стороны Средиземного моря. СССР от такого обязательства уклонился и предложил детали обсудить в Москве. О предложении СССР Турция сообщила Англии, но её позиция оказалась, как и следовало ожидать, негативной, после чего СССР утверждал, что переговоры из-за этого не принесли результатов. Литвинов открыто сказал послу Зекаи Апайдыну: «Вы ждете согласия известного государства, не получив его, вы ничего не можете сказать». На нежелание подписать отдельный пакт, пишут авторы, влияла не только позиция Англии, но и экономические нужды. Турция не видела пользы в таких мерах, не получив экономическую помощь. Инёню тогда говорил: «Сегодня наши экономические связи привязаны к германскому рынку. Если они будут серьёзным образом подорваны, наши потери будут велики». Чтобы ослабить возникшую напряжённость, появилась идея переговоров Ататюрк – Сталин, но она так и не осуществилась. 13 июля 1937 г. Тевфик Рюшту Арас отправился в Москву, чтобы обсудить положение на Ближнем Востоке в связи с экспансионистской политикой Германии и Италии. Делегация была встречена в Москве неприветливо и не была принята Сталиным. В совместном заявлении 16 июля была сделана попытка убедить третьи государства, что сотрудничество продолжается. Но после Монтрё отношения уже не были столь тёплыми, как ранее. *Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. Cilt I 1919–1980. İstanbul, 2003 (TDP-I), с. 321, 322.*

⁷⁴ Для Англии Чёрное море, как и всякое другое, было открытым морем, куда должны были иметь доступ военные суда всех держав. Введение преимуществ для черноморских держав означало усиление позиций СССР и Турции в этом регионе, а возможно, и в Средиземном море. Англия возражала против изменения режима Проливов (она вольготно чувствовала себя там в годы оккупации Турции и интервенции в Советскую Россию) и в связи с антисоветской направленностью своей внешней политики, стремлением запретить в Чёрном море советский Черноморский флот, создав благоприятные условия для прохода через Проливы военных судов нечерноморских держав, в том числе Герма-

нии, отвести угрозу германской и итальянской агрессии и направить её против СССР. Кроме того, Англия считала необходимым сохранить международный контроль над Проливами. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 418.

⁷⁵ Турция была готова действовать не только против интересов СССР и остальных черноморских стран, но и собственных. Во время переговоров Арас заверял английского министра иностранных дел, что турецкое правительство будет поступать в полном соответствии со средиземноморской политикой Англии. *Живкова Л.* Англо-турецкие отношения 1933–1939 гг. М., 1975.

⁷⁶ *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.–Л. 1948, с. 178, 179. В Монтрё в это время никто – ни турки, ни англичане тактично не напомнили советской делегации, что ровно сто лет назад 18 (30) марта 1856 г. в Париже разгромленная в Крымской войне европейскими союзниками, свободно вошедшими в Чёрное море, Россия подписала мирный договор, по которому среди прочих уступок согласилась на нейтрализацию Чёрного моря с запрещением там иметь военный флот и крепости.

⁷⁷ 18 июля ночью 30-тысячная турецкая армия в соответствии с условиями принятого конференцией протокола вступила в демилитаризованную зону, где её ожидал «застоявшийся» турецкий флот во главе с линкором «Явуз».

⁷⁸ Столь широкие права, предоставленные конвенцией Турции, могли не нанести ущерба интересам черноморских стран, в том числе СССР, лишь при одном условии, если Турция неизменно и твёрдо придерживалась бы политики мира и нейтралитета. Однако именно после конференции в Монтрё в политике Турции стали проявляться опасные тенденции и вместе с тем стало очевидно, что позиция Турции на переговорах по советско-турецкому пакту о взаимопомощи изменилась. Турция стала ориентироваться преимущественно на Англию. *Батури́н Ю.М.* Досье разведчика. М., 2005, с. 289. Упомянутые Батуриным переговоры по советско-турецкому пакту о взаимопомощи в Средиземноморье велись с переменным успехом давно, чуть ли не с 1925 г. Их бесперспективность стала очевидной в период Монтрё. Рема́рка в книге Батурина ясно свидетельствует о том, что турки поставили крест на гипотетическом советско-турецком пакте. 4 ноября 1936 г. советский полпред Карахан заявил в Анкаре: «Руководство СССР знает: Турция аннулировала своё же предложение под нажимом Англии и, более того, даже выразила благодарность Форин офису за данный ей совет». И. Инёню не стал этого отрицать, но назвал это обычным обменом мнениями с англичанами, как и с другими державами, заинтересованными в Средиземном море. В ответ Карахан указал на то, что факт контакта с англичанами был скрыт от СССР и теперь создалось некрасивое положение:

«Турки не будут считать неудобным советоваться без нашего ведома с третьими государствами... Но мы хотим одного: чтобы Турция не делала судьей наших отношений третьи государства, а главное, не скрывала этого от нас».

Советское правительство возмутило не только то, что нарушена была договорённость о взаимном информировании, но, главное, то, что нарушения договорённостей становились правилом. Там же, с. 291.

⁷⁹ Санджак аналогичным образом был оккупирован английскими войсками в 1918 г., затем Англия во имя солидарности в войне против Турции передала этот район, а также Киликию в оккупацию французам. Через некоторое время Киликия была возвращена Турции, однако санджак остался за Францией, которая обязалась ввести там «специальный административный режим», признавать турецкий язык в качестве официального, назначать чиновников преимущественно из среды турок и предоставить санджаку право иметь свой флаг, включающий в себя признаки турецкого флага.

⁸⁰ Турецкое население уклонялось от участия в выборах в сирийский парламент, происходили столкновения с властями, имели место человеческие жертвы. Турция и Франция перенесли вопрос в Лигу Наций, но это не смягчило напряженности, франко-турецкие переговоры прерывались, Ататюрк даже созывал совещания с начальником генерального штаба, совершил демонстративную поездку на юг Турции. Возникли слухи о сосредоточении турецких войск на границе с Сирией, турецкие газеты намекали на возможность «стихийного» выступления приграничного населения для «помощи» александреттским туркам.

⁸¹ Оказалось, что выборы в парламент санджака не дают туркам ожидавшегося большинства голосов. Турецкое правительство винило в этом французские власти и присланную Лигой Наций комиссию наблюдателей, заявляя, что турецкое население санджака подвергается насилиям, что его принуждают отказываться от турецкой национальности и т. д. Французы, в свою очередь, обвиняли местных турок в намеренном разжигании волнений. Недовольство выражали и сирийские арабы – отторжение санджака от Сирии наносило очевидный ущерб и материальным, и национальным интересам арабов.

⁸² Состоявшиеся затем выборы в парламент санджака принесли туркам полную победу. Новое государство назвало себя турецким именем «Хатай», приняло в качестве своего флага турецкий флаг и в качестве гимна – турецкий «Марш независимости».

С этого времени санджак фактически стал турецким, а на окончательное аннексирование его ушло ещё около года. Всё это происходило на фоне фашистской агрессии в Европе, захвата Австрии и Чехословакии Германией, Албании – Италией, приближения фашистской Италии

к границам Турции, что в конечном счете способствовало сближению последней и с Францией, и с Англией.

⁸³ *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 186–192; *Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt I*, с. 126–133.

⁸⁴ Тем не менее позже, ни в октябре 1940 г., когда Италия напала на Грецию, ни в апреле 1941 г., когда Германия объявила войну Греции, Турция не оказала военной помощи этой своей союзнице.

⁸⁵ Как потом объяснял в своих мемуарах Инёню, поводом к этому послужили различия в инструкциях, которые получал министр иностранных дел Тевфик Рюштю Арас одновременно от двух руководителей – от Инёню (из Анкары) и от Ататюрка (из Стамбула), участвуя в работе международной конференции в Нионе в связи с пиратскими действиями подводного флота фашистской Италии в Средиземном море во время гражданской войны в Испании. Жертвами этих действий стали и советские гражданские суда «Тимирязев» и «Благоев». Соответствующее соглашение было подписано 9 государствами (с участием СССР и Турции) 14 сентября 1937 г. и способствовало минимизации указанных пиратских действий.

⁸⁶ В своей книге И. Инёню пишет, что об официальной смене премьера «мы (т. е. Ататюрк и Инёню. – *Н.К.*) объявили 25 октября». После этого распространились слухи, что экс-премьер назначен послом в США, их инициатором оказался никто иной, как Тевфик Рюштю Арас. «Я выразил ему благодарность и отказался... разговаривал с ним я очень резко». *İnönü İ. Hatıralar*. Ankara, 1987, с. 287, 291, 299.

⁸⁷ В секретном докладе в Москву подчёркивалось: «За время следования, пребывания в Анкаре и участия в процессии турецким командованием была отмечена хорошая организованность и высокая выучка советских моряков... 21/XI вся делегация, члены Полпредства и прибывшие из Стамбула т.т. Георгиевский и Алмазов, а также прикомандированные к тов. Юмашеву командиры Фартушный и Бурмистров участвовали в похоронах Ататюрка. В 3.30 советская делегация на приеме всех делегаций у Исмета. В свободный период после похорон и до отъезда взвода краснофлотцев в Истанбул была организована экскурсия на автобусах, предоставленных турками бесплатно, по городу и окраинам, с посещением достопримечательных мест Анкары. 26 ноября 1938 г. эсминец «Москва» с В.П. Потемкиным и полпредом СССР в Турции Терентьевым вернулся в Севастополь». Подробнее см.: *Васильев Д.Д.* Секретное донесение Сталину о похоронах Ататюрка. В сб.: *Турция в XX веке*. М., 2004, с. 108–118.

⁸⁸ После вскрытия пакета был оглашён текст завещания, в котором, в частности, указывалось: «Все принадлежащие мне наличные денежные средства и акции, движимое и недвижимое имущество в Чанкая оставляю и завещаю Народно-республиканской партии на следующих условиях:

1) наличные денежные средства и акции должны быть, как и сейчас, помещены в оборот Деловым банком;

2) из ежегодного дохода (от оборота. – Прим. пер.) будет предоставляться ежемесячно Макбуле – 1000, Афет – 800, Сабихе Гекчен – 600, Улькю – 200, Рукие и Небиле, как и сейчас, по 100 лир в течение их жизни и пока сохраняется их уважение ко мне;

3) Сабихе Гекчен, кроме того, предоставить денежные средства для приобретения дома;

4) в распоряжении Макбуле, пока она жива, остаётся дом, в котором она живёт в Чанкая;

5) детям Исмета Инёню должна быть оказана помощь, необходимая для завершения высшего образования;

6) оставшаяся часть ежегодного дохода должна двумя одинаковыми долями ассигноваться “Турецкому историческому обществу” и “Турецкому лингвистическому обществу”. К. Ататюрк».

⁸⁹ *Leventoğlu M. Atatürk'ün Vasiyeti. İstanbul, 1986, с. 55–101.*

⁹⁰ По данным Левентоглу, у родителей Мустафы Кемалю – отца Али Риза эфенди (1839–1893 гг.) и матери Зюбейде Ханым (1857–1923 гг.) родилось всего шесть детей, большинство их умирало в детстве: Фатьма (1871–1875 гг.), Ахмет и Омер родились в 1875 г. и 1874 г. и умерли в 1883 г. в один день от дифтерии, в 1881 г. родился Мустафа (Кемаль), в 1885 г. – Макбуле и в 1889 г. – Наджие, которая через два года умерла.

⁹¹ Ататюрк помог ей получить высшее образование в Европе, по возвращении оттуда в 1929 г. она стала преподавать историю в только что открытом в Анкаре музыкальном педагогическом училище. После смерти Ататюрка Афет Инан защитила докторскую диссертацию, стала профессором истории.

Сабиха Гёкчен также была приемной дочерью Ататюрка и также с его помощью получила образование, часто болела и лечилась в Европе. В 1935 г. Сабиха поступила в только что открытую лётную школу и окончила её в звании пилота, а в следующем году поступила в военновоздушное училище. Сумели воспользоваться завещанием Ататюрка и получить хорошее техническое образование упомянутые в нём дети Исмета Инёню – Омер (1924 г.), Эрдал (1926 г.) и дочь Озден (1930 г.).

Следующим в завещании упоминается имя ребёнка Улькю, дочери Васфие, воспитанницы матери и сестры Ататюрка. Когда Васфие выросла, она вышла замуж и несколько лет жила отдельно от семьи Ататюрка. Но личная её жизнь сложилась неудачно, и за восемь-девять лет до смерти Кемалю она обратилась к нему за помощью. Ататюрк принял участие в судьбе Васфие, выдал её вторично замуж и родившейся вскоре девочке дал имя Улькю («Идеал»). Он очень привязался к ребёнку, и когда, например, в 1937 г. Улькю заболела паратифом, ежедневно ездил, несмотря на протесты врачей, из Флории (пригород Стамбула) во дво-

рец Долмабахче, где лежала больная девочка. Почти до самых последних дней жизни Ататюрка (ей было тогда немногим больше пяти лет) Улькю находилась при нём.

Последние два имени в завещании, Рукие и Небиле, принадлежат двум воспитанницам Ататюрка, получившим с его помощью образование и впоследствии выданным им замуж.

В 1957 г. после соответствующего ходатайства Сабиhi Гёкчен, в котором говорилось об «изменившихся условиях существования», Деловой банк увеличил вдвое суммы ежемесячных пособий оставшимся в живых лицам, перечисленным в завещании.

⁹² Посол отмечает далее, что «эта версия, может быть, не является подлинной, тем не менее она отражает достаточно верно действительное положение дел. В настоящее время здесь наблюдается заметная волна дружелюбия и доверия к Англии. Тон был задан руководящими кругами, но отклик в более низких сферах кажется мне и всеобщим, и подлинным...

Отношения с Англией, а не отношения с Россией стали, вообще говоря, краеугольным камнем турецкой внешней политики; в то же время в отношении европейских дел и проблем Лиги Наций Турция прислушивается больше к Лондону, чем к Парижу. За Берлином внимательно наблюдают. В настоящее время Турция полна решимости не допустить, чтобы Германия снова, как в 1914 г., рассматривала Турцию в качестве своей опорной точки на Востоке. От нас в значительной мере будет зависеть, сможет ли она позволить себе сохранять такую позицию».

Живкова Л. Англо-турецкие отношения 1933–1939 гг., с. 151–153.

⁹³ Там же, с. 74, 75.

Глава VI

¹ *Koçak C.* Türkiye’de Milli Şef dönemi (1938–1945). Ankara, 1986. Другой автор, Надир Нади, пишет, что на прошедших в конце марта 1939 г. выборах в меджлис в списках кандидатов некоторые «традиционные» при Ататюрке персоны были вычеркнуты, вместо них было включено несколько опальных лиц, известных своей оппозиционностью к проводимым Ататюрком реформам. Так, депутатом от Стамбула был избран отставной генерал Казым Карабекир. «Его интервью 2 апреля газете “Тан” отличалось злобными намёками в адрес Ататюрка и вызвала резкую критику и в кемалистской прессе и среди молодёжи, на следующий день отставной генерал счёл необходимым выступить с разъяснениями... Как известно, каждый из кандидатов в депутаты должен был получить одобрение генерального председателя партии, их замена, например замена Кылыч Али на Казыма Карабекира, для некоторых, в том

числе и для меня, носила особый смысл. Мы пошептались несколько дней и замолчали». *Nadir N. Perde aralığında*. İstanbul, 1964, с. 19, 28.

² *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 6. İstanbul, 1983, с. 2979.

³ Как напоминает в своих мемуарах турецкий дипломат Феридун Джемаль Эркин, в своей «Майн Кампф» Гитлер писал: «Мы прекращаем вечное движение германцев на юг и запад и устремляем свои взоры на восток. Когда мы сегодня говорим о новых территориях в Европе, мы можем думать лишь о России. Это большое государство уже готово развалиться. Единственная аграрная политика для Германии состоит в том, чтобы приобрести новые территории, а новые территории в Европе можно найти лишь за счёт России». *Erkin F.C. Dışışlerinde 34 Yıl. Anılar-Yoğumlar*. Cilt I. Ankara, 1987, с. 42. Турецкий журналист Надир Нади, вспоминая своё пребывание в Австрии на учёбе, пишет о причине аншлюса: страна была «урезана до пределов Венского государства», безработная молодёжь со вниманием выслушивала своих профессоров «о былой Австро-Венгерской империи... Почти все австрийские нацисты принадлежали к бедным слоям населения». *Nadir N. Perde aralığında*, с. 29.

⁴ *Koçak C. Türk-Alman İlişkileri (1923–1929)*. Ankara, 1991, с. 134–135. Как представляется, Турция тогда спешила решить прежде всего свои постлозаннские проблемы и, очевидно, должным образом оценивая суть аншлюса, надеялась, что Англия и Франция знают, как решать с Германией эту проблему. Поведение Германии не мешало сохранению активных турецко-германских торговых связей. Стараясь ликвидировать негативные последствия мирового экономического кризиса как по экспорту, так и импорту, Турция стремилась всемерно использовать чрезвычайный спрос на сырьё в условиях предвоенного и затем военного времени. Статистика свидетельствует, что в период 1933–1939 гг. Германия сохраняла первое место в турецком импорте и экспорте. Там же, с. 242, 243.

⁵ Советская сторона рассчитывала, что Англия и Франция добьются согласия восточноевропейских государств пропустить части Красной Армии на их территорию в случае германской агрессии. Однако правительства Румынии, Польши и стран Прибалтики категорически возражали против этого, опасаясь Сталина не меньше, чем Гитлера.

⁶ Договор имел «секретный дополнительный протокол» о разграничении «сфер влияния» в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривалось, что в случае войны Германии с Польшей немецкие войска могут продвинуться до так называемой «линии Керзона», остальная часть Польши, а также Финляндия, Эстония, Латвия и Бессарабия признавались «сферой влияния» СССР. Судьба Польши должна быть решена «в порядке дружественного обоюдного согласия». Договор был ратифицирован Верховным Советом СССР через неделю после его подписания,

причём от депутатов было скрыто наличие «секретного дополнительного протокола».

⁷ *Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991, с. 178–184.* Интересно, что комментарий упоминаемого нами Надира Нади оправдывает советскую сторону, подписавшую пакт: «После революции 1917 г. Запад занял враждебную позицию в отношении молодого советского режима, на многие годы окружил его кордоном. Поэтому русские не могли доверять Западу. Сталин предполагал, что Запад однажды предоставит Гитлеру свободу рук на Востоке. Разве коммунистическая опасность не была самым пугающим фактором для капиталистического Запада? И разве Запад не будет благодарен ему, если он с помощью оружия уничтожит эту опасность?.. Когда и Риббентроп, и Молотов подписывали договор о ненападении, они не были искренними – первый представлял диктатора, который поклялся сразу после сведения счета с Западом уничтожить систему, которую он считал самым главным врагом; второй же представлял хитрого и в высшей степени расчётливого вождя, предполагавшего, что пока капиталисты и фашисты будут душить друг друга, он будет укреплять свои силы». *Nadir N. Perde aralığından, с. 42, 43.* Такая оценка турецкого журналиста контрастирует с западной, которая советско-германские договорённости и советские «захваты» не желает воспринимать системно, как отголосок Мюнхена, как его следствие.

⁸ *Koçak C. Türkiye’de Milli Şef dönemi, с. 93.*

⁹ Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950, с. 591, 592. По этому поводу К. Гюрюн, явно забыв о позиции турок в Монтрё, пишет, что именно переговоры Сараджоглу в Москве с 25 сентября по 18 октября «стали поворотным моментом в советско-турецких отношениях. До этого Турция действовала, постоянно консультируясь с Россией, всегда в своей внешней политике учитывала русские интересы, не входила в какие-либо антироссийские пакты, старалась не заключать каких-либо соглашений, не ставя в об этом в известность Россию. Такое поведение привело Россию к убеждению, что она может добиться от Турции всего, что захочет. Россия же продемонстрировала, что её совершенно не интересуют турецкие интересы и она учитывает лишь интересы собственные». *Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri, с. 213–214.*

¹⁰ *Koçak C. Türkiye’de Milli Şef dönemi, с. 99.*

¹¹ *Nadir N. Perde aralığından, с. 61, 87.* Буквально через несколько месяцев авторам плана налёта на советский Кавказ было уже не до него – Франция не смогла защитить даже свою территорию от фашистов, а англичане вскоре с трудом отбивались от немецких самолётов над Лондоном. В апреле-мае 1940 г. немецко-фашистские войска почти без выстрелов оккупировали Данию и Норвегию, вторглись 10 мая 1940 г. в Бельгию (капитулировала 28 мая), Нидерланды (капитулировали 14 мая), Люк-

сембург, а затем через их территорию во Францию, её правительство во главе с маршалом А.-Ф. Петеном обратилось к германскому командованию с просьбой о перемирии. Оно было заключено 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу, в том самом штабном вагоне, где за 22 года до этого Германия подписала капитуляцию в Первой мировой войне. В результате только в южной части Франции сохранилась власть французской администрации – правительства Петена, располагавшегося в городе Виши. Северная и центральная части страны были оккупированы немцами. Гитлер считал себя вершителем судеб Европы и предложил британскому правительству заключить соглашение, которое в обмен на сохранение британских колониальных владений развязало бы Германии руки на континенте. Однако участника мюнхенской сделки Н. Чемберлена на посту премьер-министра Великобритании сменил У. Черчилль. Он был непримиримым противником фашистов.

¹² Проблемы истории Турции. Сборник статей. М., 1978, с. 142.

¹³ Одновременно с подписанием договора посол Папен и Сараджоглу обменялись нотами, в которых предусматривалось обоюдное содействие развитию германо-турецких хозяйственных отношений, и др. В совместном заявлении Папен и Сараджоглу выразили пожелание, чтобы печать обеих стран, равно как и радио, в своих сообщениях и радиопередачах отметили дух дружбы и взаимного доверия, которые характеризуют германо-турецкие отношения.

¹⁴ *Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. Cilt I. 1919–1980. İstanbul, 2003, с. 431, 433, 434, 445.*

¹⁵ Выступив против союза с Германией, Зекерия Сертель заявил: «Германия не национальная проблема, а расистская». Когда по тогдашнему обычаю власти и общественность прибыли на вокзал встретить Инёню из поездки по стране и обменивались с ним рукопожатием, то же попытался сделать и Надир Нади, но его рука повисла в воздухе, в этот момент президент нервно воскликнул: «Что же происходит Надир-бей, что за статья!» 11 августа 1940 г. «Джумхуриет» по решению правительства была закрыта. *Karakuş E. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara. İstanbul, 1977, с. 34, 35.*

¹⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., МИД РФ, 2005, с. 15, 25.

¹⁷ Обескровив наступавшие группировки вермахта, советские войска в ходе битвы под Москвой перешли 5–6 декабря 1941 г. в контрнаступление и отбросили немцев на запад на 100–350 км. Разгром противника в Московской битве 1941/42 гг. означал срыв гитлеровского плана «молниеносной войны».

¹⁸ Протокол о поставках был подписан на совместной конференции СССР, США и Великобритании в Москве в октябре 1941 г. США предо-

ставляли военную продукцию СССР на основе закона о ленд-лизе. Военная помощь союзников, прежде всего самолётами и автомашинами, оказала значительную поддержку СССР в войне.

¹⁹ Япония захватила Малайю, Индонезию, Филиппины, Бирму, создала угрозу вторжения в Австралию. 1 января 1942 г. 26 государств (СССР, США, Великобритания, Китай, Канада и др.) подписали Декларацию Объединённых Наций. Её участники обязались использовать свои военные и экономические ресурсы для борьбы против фашистского блока. С того времени важнейшие решения по вопросам ведения войны и послевоенного устройства мира на демократических основах принимались на совместных конференциях руководителей (Ф. Рузвельта, И.В. Сталина, У. Черчилля) ведущих союзных держав – участников антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании.

²⁰ Вскоре Черчилль подробнее коснулся планов участия Турции: «Мне кажется, что мы все должны были бы сделать новое энергичное усилие, чтобы заставить Турцию вступить весной в войну на нашей стороне. Мы отправляем в Турцию значительные поставки оружия, включая 200 танков... В течение зимы по сухопутному маршруту или морем вдоль побережья Леванта я буду продолжать отправку в Турцию поставок вооружения... Надеюсь в начале весны собрать значительную армию в Сирии, чтобы оказать помощь Турции на тот случай, если она подвергнется угрозе или будет готова присоединиться к нам. Если бы мы могли вовлечь Турцию в войну, мы могли бы не только приступить к операциям, цель которых состоит в том, чтобы открыть судоходный путь к Вашему левому флангу на Чёрном море, но мы могли бы также усиленно бомбить с турецких баз румынские нефтяные источники... Преимущество вступления в войну Турции состоит в том, что оно произойдет главным образом по суше». Переписка Председателя Совета министров СССР., с. 68, 70, 72.

²¹ *Koçak С. Türkiye’de Milli Şef dönemi...*, с. 173, 174.

²² В частности, в одной из нот отмечалось: «Советское правительство констатирует, что судно “Зеефальке” является, как это Советское правительство сообщало и ранее, военным, сторожевым быстроходным катером. То обстоятельство, что “Зеефальке” не имел, как утверждает турецкое правительство, в момент прохода вооружения и прошёл под торговым флагом, не может служить доказательством его принадлежности к категории торговых судов... Допущено нарушение абзаца 2 статьи 19 конвенции в Монтрё, Советское правительство надеется, что Турецким правительством будут приняты необходимые меры к предотвращению в будущем нарушений указанной конвенции».

²³ 9 августа ТАСС опроверг это сообщение как вымысел, а на следующий день послы СССР и Великобритании вручили руководству Турции ноты своих правительств. «Советское правительство подтверждает свою

верность Конвенции в Монтрё и заверяет Турецкое правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советское правительство, так же как и Британское правительство, готово скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание Турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, Советское правительство, как и Британское правительство, тем не менее были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы». В тот же день аналогичное заявление сделал турецкому правительству и посол Великобритании в Турции. *Батурин Ю.М.* Досье разведчика. М., 2005, с. 375, 376.

²⁴ *Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar*, с. 467.

²⁵ *Батурин Ю.М.* Досье разведчика, с. 437.

²⁶ *Koçak C. Türkiye'de Milli Şef dönemi..*, с. 192, 193.

²⁷ Там же, с. 198–199.

²⁸ Предусматривалось, что из Европы их войска будут поддерживать греческие формирования, Вермахт и СС, а также войска Болгарии и Италии. Армения и Грузия в соответствующий момент должны будут передать в распоряжение германского военного командования по 100 000 солдат для вторжения в Турцию в случае, если она не предоставит «полной свободы для передвижения по своей территории немецко-армянской или немецко-грузинской армии», а также если турецкое руководство продолжит принимать помощь от Великобритании или США. Специально для этого был рассмотрен план по захвату Турции, где это государство предполагалось расчленить на Армянскую (вся территория Восточной Армении и основная часть исторической Киликии), Грузинскую (небольшая часть исторического Королевства Трапезунд), Болгарскую, Итальянскую и особую Греческую (Измир и его окрестности) области. План по вторжению начал разрабатываться с началом лета 1942 г. под кодовым названием «Гертруда»; впоследствии он несколько раз переименовывался. *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. М., 2006, с. 51.

²⁹ Н. Нади пишет, что крымские татары разделились – одни сражались с немцами в советской армии, другие были на стороне немцев в надежде, что те «помогут им получить независимость». На одной из встреч с татарами «холодным душем» для него оказалась речь одного из татар, который заявил: «Его превосходительство Гитлер освободил нас. Благодаря его превосходительству Гитлеру мы обретём свободу и независимость». *Nadi N. Perde aralığından*, с. 146, 163.

³⁰ *Karakuş E.* 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara. İstanbul, 1977, с. 36.

³¹ *Батурин Ю. М.* Досье разведчика, с. 392, 416.

³² Следует отметить, что версия, приведённая в книге П.А. Судоплатова, была вновь повторена с множеством новых, подчас романтических подробностей в вечерней программе ТВ Центр 24 августа 2006 г. По этой версии, непосредственно подчинённый Судоплатову опытный советский разведчик Н.И. Эйтингон (он упомянут в книге Ю. Батурина на с. 616), работавший тогда во Франции под именем Пьера Томаля, а ранее участвовавший в устранении Льва Троцкого, был направлен срочно в Стамбул для организации покушения на Папена. Непосредственно покушение должна была осуществить Муза Григорьевна Малиновская, также прибывшая из Франции в Турцию как Николь, официально – супруга Пьера Томаля. Как следовало из телепередачи, влюбленный в свою «жену» Эйтингон (впоследствии она стала его подлинной женой) сумел отстранить Музу от участия в покушении на Папена, что в конечном счёте привело к его провалу.

В Москве, не разобравшись, не только не наказали влюблённого чекиста, но, отозвав в декабре 1942 г. в Москву, присвоили звание генерал-майора. Позднее он не избежал репрессий по другому поводу, будучи обвинён в сионистском заговоре. Обо всём этом поведали в телепередаче также дочь и сын разведчиков. ТВ Центр, 24 августа 2006 г.

³³ Консульство окружили военные, и покинуть здание не представлялось возможным. Работники консульства образовали своего рода штаб по его защите. «Необходимо было, – пишет Ю. Батурин, – выставить наблюдательные посты, которые сообщали бы о попытках проникновения на территорию консульства или начале штурма, подготовить к уничтожению секретные документы и ввиду их объёма часть уничтожить заранее, регулярно посылать доклады в Москву, отслеживать изменение политической ситуации в Стамбуле и Анкаре и многое другое». *Батурин Ю. М. Досье разведчика*, с. 401.

³⁴ В следующую секунду вставший с места Хохлов «был сбит с ног и получил несколько ударов кулаком. Ему заломили руки за спину и вывели в коридор». Никитин от шума проснулся, но так ничего и не успел понять. «Один из агентов трижды ударил его рукояткой пистолета по голове. Никитин потерял сознание. В одном белье, босого его вытащили из вагона и поволокли по снегу в полицейский участок при станции. Хохлов сопротивлялся, кричал на турецком и французском, что не может оставить дипломатическую почту. На каждый выкрик он получал удар по голове и пинок в спину. Полицейские вытолкнули его на платформу». Там же, с. 402.

³⁵ В участке всех четверых тщательно обыскали, протесты Кузнецова не помогали, «в ответ он слышал только брань да получал тычки пистолетами». Едва Корнилов начал протестовать, «получил удар рукояткой пистолета по голове и без сознания упал рядом с Никитиным, который сидел, прислонившись к стене и со стоном качая головой». Кузнецов

через переводчика заявил протест и потребовал составить акт о том, что диппочта была изъята турецкой полицией у дипкурьеров и была возвращена лишь после их освобождения. «Ему ответили “хайыр” (“нет”). Кузнецов хотел послать телеграмму в Анкару послу Виноградову. В ответ – “хайыр”. Кузнецов попросил пригласить врача и освидетельствовать Никитина. “Хайыр”. Кузнецов попросил принести из вагона одежду Никитина. “Хайыр”». Там же, с. 403.

³⁶ Токат согласился стать исполнителем, когда узнал, что его невеста на оккупированной родине пострадала от немцев. 18 апреля министр иностранных дел Сараджоглу сказал британскому послу Нэтчбулл-Хьюгессену: «Даже если это приведёт к войне, мы не изменим нашей позиции». Павлов и Корнилов держались стойко, советское руководство обеспечило им квалифицированную защиту, наняв первоклассных анкарских адвокатов. Для консультаций в Анкару прибыл советский следователь и криминалист Лев Шейнин. Там же, с. 408.

³⁷ Автор пишет, что информацию о судебных заседаниях он сообщал в Стамбул Зекерия Сертелю, который передавал её и иностранным агентствам. Когда вскоре его вызвали по этому поводу к губернатору Анкары, он понял, что их прослушивали. В присутствии министра юстиции, внутренних дел, высших чинов управления национальной безопасности губернатор демонстративно отобрал у него корреспондентскую карточку и предупредил, что если он по этому делу продолжит передавать в Стамбул информацию, он будет отстранён от работы. Карточку ему вернули через десять дней. *Karakuş E. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara*, с. 37–40.

³⁸ Турция оказывала рейху услуги, выходявшие за пределы официально провозглашённого нейтралитета. В той степени, в какой турецкое правительство считало это безопасным для себя, оно содействовало Германии в войне против СССР. Единственным стимулом к сближению с Германией были антисоветская направленность политики и пантюркистские планы турецких правящих кругов. Ожидавшееся турецкими правящими кругами поражение СССР в войне могло создать, по их мнению, возможность аннексии территорий Советского Кавказа, то есть осуществления основной части возродившихся пантюркистских требований. Проблемы истории Турции, с. 145, 146.

³⁹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, с. 54.

⁴⁰ Цит. по кн.: *Батурин Ю.* Досье разведчика, с. 427–428. Приводя эти документы, автор добавляет: «В пограничной полосе Турции отмечалось оживление дашнакских, мусаватских и других националистических организаций. Из членов этих организаций германские и турецкие спецслужбы формировали разведывательные и диверсионные группы для переброски на советскую территорию на случай военных действий в Закавказье... Если в зимние месяцы, после разгрома немцев под Мос-

квой, турки не шли на открытый конфликт с советскими пограничниками, то к началу немецкого наступления на Кавказ ситуация изменилась. Советские пограничные наряды стали подвергаться обстрелам с турецкой стороны, участились нарушения границы».

⁴¹ «16 сентября Государственный Комитет Оборона по представлению военных принял специальное постановление о мобилизации на оборонное строительство в районах Махачкалы, Дербента и Баку по 90 тысяч местных жителей ежедневно. После этого дело пошло полным ходом. Днём и ночью строились окопы, противотанковые рвы, устанавливались надолбы. Помимо того, 29 сентября Ставка приказала осуществить здесь еще ряд мер по упрочению обороны и направила сюда целевым назначением 100 танков.

С обороной гор дело явно не клеилось. Командование фронта слишком преувеличивало их недоступность, за что уже 15 августа поплатилось Клухорским перевалом. Вот-вот мог быть взят и Марухский перевал, вследствие чего создалась бы угроза выхода немцев на юг, к Чёрному морю. Допущенные оплошности исправлялись в самом спешном порядке. Срочно формировались и направлялись на защиту перевалов отряды из альпинистов и жителей высокогорных районов, в частности сванов. Туда же, на перевалы, подтягивались дополнительные силы из кадровых войск». *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны, с. 54–58.

⁴² Там же, с. 58–61.

⁴³ Соответствующая подготовка началась с первых дней немецкого вторжения в СССР. В конце июля 1941 г. резидент НКГБ в Турции писал в Центр: «Турецкое правительство, стремясь не показывать в данный момент своих планов и заинтересованности в “кавказском” вопросе, дало установку политическим отделам Управления безопасности и полиции... не разрешать каких-либо действий, которые могли бы быть расценены как враждебные по отношению к СССР. Но в то же время... турки проводят нужную подготовку через свои разведывательные органы, а всю деятельность лидеров эмиграции, вплоть до их контактов с немцами и японцами, держат под своим контролем. Такую линию можно объяснить тем, что турки не желают обострения отношений с СССР, считая это несвоевременным, но не хотят выпускать из своих рук идейное покровительство эмиграции и инициативу, если в ходе войны представится случай и, по их мнению, назреет момент предъявить свои права на территорию Закавказья, где они не хотят, конечно, иметь немцев». *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003, с. 10–13.

⁴⁴ В свою очередь в ряде приказов войскам вермахта, воевавшим на Кавказе, указывалось на необходимость здесь радикально иного поведения немецкого солдата по сравнению с тем, что имело место на Украине

и в других оккупированных фашистскими войсками районах СССР. Сложной обстановкой в республике не могли воспользоваться немецкие спецслужбы. На Кавказ они забрасывали террористические группы из числа бывших военных и дезертиров, сотрудников абвера. Только летом 1942 г. было заброшено четыре таких группы. Они входили в тесный контакт с местными антисоветскими формированиями, совершая террористические и диверсионные акты. *Трошев Г.* Чеченский рецидив. Записки командующего. М., 2003, с. 38, 40.

⁴⁵ *Koçak C.* Türkiye'de Milli Şef dönemi (1938–1945). Ankara, 1986, с. 200.

⁴⁶ Там же, с. 200–202, 448–452.

⁴⁷ *Poulton H.* Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Republic. N.-Y., 1997, с. 116–121.

⁴⁸ *Valçın S.* Hangi Erbakan. Ankara, 1995, с. 20–23.

⁴⁹ *Кондакчян Р.П.* Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978, с. 141–149.

⁵⁰ *Koç V.* Hayat hikayem. İstanbul, 1974, с. 69.

⁵¹ С.Н.Р. Programının hükümetçe tahakkuk ettirilen kısımları hakkında Rapor. Ankara, 1943, с. 15, 16.

⁵² *Zaman*, 18.12.2001.

⁵³ *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983, с. 210.

⁵⁴ Milli korunma mevzuatı. Ankara, 1955, с. 71, 72, 302, 315, 318, 322–325.

⁵⁵ С.Н.Р. Programının hükümetçe tahakkuk..., с. 31.

⁵⁶ Текст закона опубликован в книге: *Balkır S. Edip.* Dipten gelen ses. Arifiye Köy Enstitüsü. 1940–1946. İstanbul, 1974, с. 35–41.

⁵⁷ С.Н.Р. Programının hükümetçe tahakkuk..., с. 23, 24.

⁵⁸ *Yalman A.E.* Yarının Türkiye'sine Seyahat. Yeni Türk Akıncılarının Aleminden Notlar. İstanbul, 1944, с. 3.

⁵⁹ *Balkır S.E.* Dipten gelen ses. Arifiye Köy Enstitüsü. 1940–1946. İstanbul, 1974, с. 511.

⁶⁰ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 72.

⁶¹ Позже, в июле-августе 1943 г., англо-американские войска высадились на о. Сицилия и 3 сентября 1943 г. Италия подписала акт о капитуляции.

⁶² Цель визита, пишет Эркин, стала ясной, когда, пожимая руки, Черчилль сказал: «Я прилетел в Турцию не с тем, чтобы о чём-то просить, а с тем, чтобы узнать о ваших потребностях в вооружении и материалах». В Адане не было необходимости принуждать Турцию к вступлению в войну, поскольку ставить этот вопрос можно было после снабжения Турции вооружением. Этот вопрос обсуждался потом неоднократно, охлаждение с англичанами произошло не на почве отказа Турции от вступления в войну, а из-за недоговорённости по поставкам вооружения. *Erkin F.C.* Dışişlerinde 34 Yıl, с. 137.

У журналиста Надира Нади свои сведения о встрече: «Она сохранялась в тайне, лишь после её окончания в газетах появилось официальное коммюнике. По моим данным, на ней Черчилль попросил выполнить обязательства Турции по договору 1939 г. о взаимной помощи, таким образом союзники получают в Восточном Средиземноморье большую свободу действий, кроме того, это отвлечёт на Турцию часть немецких сил и облегчит положение союзников. В ответ наш вождь сказал Черчиллю о необходимости выполнить некоторые условия и самими союзниками. Происходила в высшей степени интересная шахматная игра. Если бы мы ограничились, подобно Румынии и Греции, односторонними гарантиями союзников, возможно, не было необходимости в такой игре. Но поскольку мы в принципе придерживались неучастия в войне, у нас не оставалось ничего, кроме как гнуть свою линию. Упираясь до конца, мы старались не тратить попусту наших солдат». *Nadi N. Perde aralıgından*, с. 173, 174.

⁶³ Дипломатический словарь. Т. I. М., 1948, с. 24.

⁶⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами..., с. 83, 84.

⁶⁵ Сталин, продолжая свой ответ, обращал внимание на «щекотливое международное положение» Турции: «С одной стороны, Турция связана с СССР договором о дружбе и нейтралитете и с Великобританией – договором о взаимопомощи для сопротивления агрессии, а с другой стороны, она связана с Германией договором о дружбе, заключённом за три дня до нападения Германии на СССР. Мне не известно, как Турция думает в теперешних условиях совместить выполнение своих обязательств перед СССР и Великобританией с её обязательствами перед Германией. Впрочем, если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, пусть заявят об этом, Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам». Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами..., с. 85, 86.

⁶⁶ Проблемы истории Турции. Сборник статей. М., 1978, с. 154–160.

⁶⁷ *Nadi N. Perde aralıgından*, с. 175, 176.

⁶⁸ Дело дошло до официального вручения президенту Инёню английским послом письма Черчилля по этому вопросу в присутствии главы МИДа Менеменджиоглу, который в ответ стал громко и по-турецки уверять, что ничего такого нет. Инёню ограничился ответом, что выяснит вопрос. Вслед за отставкой Менеменджиоглу на немецких судах провели расследования, выяснилось, что суда действительно маскировались и являлись по характеру военными. Английский запрос оказался справедливым, суда были лишены права идти в Эгейское море и вернулись в Чёрное море. Узнав об отставке министра иностранных дел, немецкий посол фон Папен заявил: «Жаль, стоило ли из-за этого отпра-

лять в отставку. Если бы Нуман сказал об этом, я бы сразу прекратил эти проходы». *Erkin F.C. Dışişlerinde 34 Yıl*, с. 137–143.

⁶⁹ *Nadi N. Perde aralığından*, с. 183, 184.

⁷⁰ *Koçak C. Türkiye'de Milli Şef dönemi*, с. 294, 299, 301.

⁷¹ *Türkeş A. Temel görüşler*. İstanbul, 1975, с. 363.

⁷² *Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953)*. Ankara, 1991, с. 272–275. Одна-две западные газеты написали тогда, что «турки вступили в войну не с тем, чтобы воевать, а чтобы приобрести билет в Сан-Франциско». То, что Турция пошла на этот шаг лишь под давлением предложенного ей условия, было открыто признано и турецким правительством. «...Мы вступили в войну против немцев и японцев лишь по требованию союзников, – заявил президент Инёню. – Это, должно быть, имело для них какое-то значение, поэтому они настаивали на этом». *Nadi N. Perde aralığından*, с. 188.

⁷³ По словам Эркина, Молотов сообщил Сарперу, что договор уже не отвечает современной обстановке, война принесла изменения и договор им не соответствует, необходим коренной пересмотр положений договора. Эркин сетовал, что при этом не последовало никакой ноты об аннулировании, советская сторона ограничилась устным заявлением. Оценку этого жеста турецких властей даёт А.Ф. Миллер: «Турция объявила войну немцам после того, как фронт отодвинулся от турецких границ на тысячу километров и стало физически невозможным появление турецкой армии где бы то ни было на европейском театре войны. Уже были освобождены Греция, Албания, Болгария, Югославия, Румыния и Венгрия. Понятно, Турции ничего не стоило теперь объявить войну и Японии, находящейся еще дальше».

Такая позиция Турции в период жесточайшей и решительной борьбы всего прогрессивного человечества против фашистских агрессоров, отнюдь не создавала турецкому правительству хорошей репутации в кругах мировой демократической общественности. Не могла пройти незамеченной и враждебность турецких правящих кругов по отношению к СССР, особенно в течение Великой Отечественной войны. При этих условиях стало невозможным сохранение советско-турецкого договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете, фактически уже не раз нарушенного Турцией. По истечении обусловленного срока, 7 ноября того же года, он прекратил своё действие. Французский журналист Клод Вивьер отметил в газете «Ордр» тотчас после денонсации советским правительством пакта 1925 г.: «Турция, в течение пяти лет игравшая с огнём, казалась ловкой. Сегодня видно, что она вела политику упущенных возможностей». *Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции*. М.–Л., 1948, с. 208, 209.

⁷⁴ *Erkin F.C. Dışişlerinde 34 Yıl*, с. 146–148.

Глава VII

¹ После того, как 6 августа 1945 г. США сбросили свою первую атомную бомбу на Хиросиму, американское лидерство приняло безоговорочный характер. Затем 9 августа того же года на Нагасаки была сброшена вторая американская атомная бомба. 29 августа 1949 г. Советский Союз провёл испытание своей первой атомной бомбы, таким образом атомная монополия США продержалась чуть более четырёх лет, повлияв существенным образом на международную обстановку. 3 октября 1952 г. Великобритания осуществила свой первый атомный взрыв: в районе островов Монте-Белло в Западной Австралии было произведено надводное испытание 25-килотонной бомбы «Харрикейн» («Ураган»). 13 февраля 1960 г. Франция вступила в атомный клуб после проведения ядерного испытания в пустынном районе Реггана (Алжир).

² Подробное изложение советской точки зрения на указанную проблему и ответов турецкой стороны см.: *Известия*, 13.08.1946.

³ *Известия*, 28.09.1946.

⁴ За этим последовало обращение советского посольства в Турции ко всем армянам, желающим переехать в Советскую Армению, зарегистрироваться в посольстве, «чтобы увеличить её население и оправдать таким образом территориальные требования». Соответствующее объявление появилось в газете Улус 3 декабря 1945 г., перед российским Генеральным консульством в Стамбуле собралось много людей, стамбульские власти сообщали в Анкару, что это безработные, неимущие, авантюристы. В период с 18 по 22 декабря обратилось до полутора тысяч человек. В ответ министерство внутренних дел Турции также в газете «Улус» опубликовало информацию о порядке срочного оформления паспортов и виз, «через день после этого число обращений упало до 1–2 в день и вскоре прекратилось». *Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953)*. Ankara, 1991, с. 301, 302.

⁵ *Vağcı H. Türk Dış Politikasında 1950'li Yıllar*. Ankara, 2001, с. 3. Другой турецкий автор, Невзат Устюн, писал: «Утром 5 апреля 1946 г. броненосец “Миссури” бросил якорь перед дворцом Долмабахче. Собралась большая толпа жителей Стамбула... Дворцовая площадь Долмабахче напоминала сцену из комедии Шекспира. Гроб с телом посла переправили на берег. Однако вместо траура в этот день царило беззаботное праздничное оживление. Никому не было дела до мертвеца. Официальная часть церемонии ещё предстояла. Специальный представитель президента Трумэна Александр Веддель и помощник заведующего протокольным отделом, утолив голод во дворце Долмабахче, отправились в Анкару. Они спешили использовать благоприятный момент, чтобы выполнить другую миссию “Миссури”. В условиях изменившейся после-

военной обстановки США нуждались в новых рынках сбыта и новых военных пактах».

В Стамбуле наспех перекрашивались дома и магазины, расположенные на пути следования процессии, тщательно обследовались под руководством опытейших врачей дома терпимости, трамвайные и автобусные компании объявляли через газеты о предоставлении американским солдатам права бесплатного проезда на городском транспорте. Лавочникам в округе было дано указание не придавать большого значения разным «мелким» инцидентам, вроде таких, например, если американские солдаты не склонны будут заплатить за приобретаемые товары. Между минаретами мечетей засветились табло: надписи на английском языке «Добро пожаловать, “Миссури”». Устюн Н. Америка и американцы в Турции. Пер. с турецкого. М., 1971, с. 5, 6.

⁶ *Türk İ. İktisadi gayeli mali yardımlar (Nazariye ve Tatbikat)*. Ankara, 1957, с. 287–289.

⁷ *Bener E. Türkiye’de para ve kambyo denetimi*. Ankara, 1968, с. 39.

⁸ Там же, с. 153, 154. Другой автор, Исмаил Тюрк, также вынужден был признать, что «турецкое общество получило уникальную возможность избежать вовлечения в войну, оградить свою молодёжь от фронта, и начать экономическое развитие в исключительно благоприятных условиях. Более того, в нашей борьбе за экономическое развитие появился такой важный и благоприятный для нас фактор, как Американская помощь... Не будь её, со всей серьёзностью возникли бы перед нами прежде всего проблемы укрепления нашей обороноспособности и финансирования мер по экономическому подъёму страны. Перед врагом, готовым в любой момент захватить наши проливы, мы не могли позволить себе демобилизоваться...». *Türk İ. İktisadi gayeli mali yardımlar...*, с. 296, 297.

⁹ Это была крупная сумма, если учесть, что всего страны ОЕСД получили по плану Маршалла в эти же годы 13 млрд. долларов невоенной помощи и кредитов. На Англию пришлось 3190 млн. долл., на Францию – 2713 млн. долл. За Турцией следовали Германия, Голландия, Греция, получившие соответственно 1390 млн., 982 млн., 707 млн. долларов, остальные и того меньше. Приводя эти данные, Бенер пишет, что наибольшую помощь получили участвовавшие в войне страны, и ставит таким образом на одну доску Турцию со всеми понёсшими огромный урон в войне европейскими странами. *Bener E. Türkiye’de para...*, с. 41.

¹⁰ *Landau J.M. Pan-Turkism*. L., 1995, с. 127, 135.

¹¹ *Tarhanlı İ.B. Müslüman Toplum ‘Laik’ Devlet. Türkiye’de Diyanet İşleri Başkanlığı*. İstanbul, 1993, с. 22–24.

¹² *Duman D. Demokrasi sürecinde Türkiye’de İslamcılık*. İzmir, 1997, с. 26–30.

¹³ *Tekeli İ, Selim İ. Savaş Sonrası ortamında 1947 Türkiye İktisadi Kalkınma Planı.* Ankara, 1974, с. 24.

¹⁴ *Türkiye’de toplumsal ve ekonomik gelişmenin 50 yıl.* Ankara, 1973, с. 156, 162.

¹⁵ *Mouseev П.П. Турецкая Республика. Крестьянство и социально-политические процессы в деревне.* М., 1994, с. 59.

¹⁶ *Yalçın S. Hangi Erbakan.* Ankara, 1995, с. 7, 23.

¹⁷ *Leventglu M. Atatürk’ün Vasiyeti.* İstanbul, 1968, с. 104.

¹⁸ *Serin N. Türkiye’nin sanayileşmesi.* Ankara, 1963, с. 229.

¹⁹ *Özmen S. Türkiye’de ve dünyada İktisadi Devlet Teşekkülleri.* Ankara, 1967, с. 15, 16.

²⁰ Одна из таких фирм (по сборке насосов для орошения) «Гюмюш мотор» была учреждена в июле 1956 г. 200 акционерами. Большинство акционеров были мюридами шейха ордена накшбенди Мехмеда Захида Котку. Директором фабрики стал Н. Эрбакан, будущий лидер исламской политической организации Милли гёрюш. Фабрика работала успешно до 1958 г., потом начались трудности из-за импортных закупок запчастей, и, несмотря на все усилия, фабрика перешла в ведение патронировавшей её крупной госорганизации – Управления сахарных заводов, и Эрбакан ушёл в отставку. Выяснилось, что не велся учёт, фирма была в долгах, руководство ею действовало непрофессионально, не платились налоги и т. п. *Yalçın S. Hangi Erbakan,* с. 30–32.

²¹ *Türkiye’de toplumsal...*, с. 162.

²² *Mouseev П.П. Турецкая Республика. Крестьянство ...*, с. 59, 60.

²³ *Türkiye’de toplumsal...*, с. 110–115.

²⁴ *Yeni Türkiye.* İstanbul, 1959, с. 272.

²⁵ *Türkiye’de toplumsal...*, с. 323.

²⁶ *Serin N. Türkiye’nin sanayileşmesi.* Ankara, 1963, с. 123.

²⁷ *Правда*, 17.12.1951. Хюсейн Багджы пишет, что «присоединение Турции к корейской войне стало чрезвычайным событием в новейшей истории Турции. До этого Турция уклонялась от любого военного действия либо вмешательства вне собственных границ... Участие Турции в мерах безопасности совместно с западными державами против “красной опасности” стало радикальным и новым шагом, предпринятым правительством Мендереса... Это было трагическое решение, ибо последствия его до сих пор не потеряли своей значимости. Прежде всего, решение об отправке в Корею войск не обсуждалось в парламенте, что создавало антиконституционную ситуацию. По правде, партии оппозиции в принципе не были против отправки войск в Корею. Однако при принятии этого решения они оказались нарушителями конституции... Для общественного мнения Турции это стало большим сюрпризом. Первой реакцией в Турции был энтузиазм – после Америки Турция оказалось первой, отправившей свои войска, и турки были горды этим. Турецкое прави-

тельство в мягкой форме критически отозвалось на то, что до сего времени ни французское, ни английское правительства ничего не сделали для противостояния советской угрозы. *Vağcı H. Türk Dış Politikasında 1950'li Yıllar*. Ankara, 2001, с. 20.

²⁸ *Ruban H. Turkey and Superpowers*. Karachi, 1989, p. 17.

²⁹ Например, публикации *Васильева И.* О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне. М., 1951; *Самыловского И.В.* Турция – вотчина Уолл- Стрита. М., 1952 и др.

³⁰ *Vağcı H. Türk Dış Politikasında 1950'li Yıllar*, с. 9.

³¹ Обострение в 1950-е годы борьбы киприотов за независимость от Англии заставили англичан пойти на переговоры о независимости острова, они начались в августе 1955 г. в Лондоне на англо-греко-турецкой конференции по вопросу будущего Кипра. Цюрихско-Лондонские соглашения 1959 г., греко-турецкое соглашение о создании Республики Кипр (11.2.1959, подписано в Цюрихе) и документ, подписанный на его основе 19 февраля 1959 г. в Лондоне, определили принципы государственного устройства и международный статут острова. 16 августа 1960 г. Кипр был провозглашен самостоятельным государством Республика Кипр.

³² *Yurt Ansiklopedisi*. Cilt II. Istanbul, 1984, с. 8276.

³³ Используя кипрские события, печать в искажении событий дошла до предела. Так произошло с информацией о брошенной в Салониках в дом, где родился Ататюрк, бомбе. Как потом выяснилось, бомбу бросили не греки, а турок, причём с ведома властей, однако подверглись избиениям в Турции греки, армяне, евреи. Виновными были объявлены коммунисты и все левые. Провоцировавшая нападения газета «Экспресс» писала: «Красная маска сброшена. Провокаторы погромщики хотели лишить Турцию друзей. 33 коммуниста арестованы». И сейчас ещё, писал Чалышлар, некоторые авторы тех провокационных строк ведут в «Экспрессе» авторскую колонку. Никогда в Турции лица, ответственные за перевороты, провокации, казни, не отвечали за свои действия. *Cumhuriyet*, 11.09.2000. *Кондакчян Р.П.* Внутренняя политика Турции (1950–1960). Ереван, 1970, с. 78–80.

³⁴ *Bener E. Türkiye'de para ve kambyo denetemi*, с. 217–222.

³⁵ С 1950-х по 1980-е годы Турция пережила три кризиса платежей, из которых она была вынуждена выбирать с помощью стран – членов консорциума. Как считает Кунаков, «вероятно, 1958 г. можно считать поворотным с точки зрения внешних экономических связей Турции, так как с этого момента ...США утратили свою роль ведущего и единственного донора Турции... Во внешней торговле Турции США оставались ведущим торговым партнёром, вместе с тем совокупная доля стран Общего рынка (“шестёрки”) в этот период превысила американские

показатели и по импорту, и по экспорту». Кунаков В.В. Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. М., 1999, с. 5, 7, 8.

³⁶ Погибший студент Туран Эмексиз впоследствии был похоронен близ мавзолея Ататюрка. В Стамбуле, на улице Анкара джаддеси, у здания студенческой федерации, установлен бюст Турана.

³⁷ Командир училища полковник Озден собрал в салоне всех офицеров школы и произнёс слова, прозвучавшие как приказ: «Друзья, завтра мы свергнем правительство и совершим переворот! Кто хочет, может присоединиться к выступлению, кто не хочет, может не присоединяться. Однако последних я не выпущу из здания, они остаются здесь. Есть такие?» Таких не оказалось, и сразу был отдан приказ: учащимся надеть парадную форму, поскольку в обычном обмундировании их не отличить от солдат. Это было важно психологически: надо, чтобы все увидели – выступает военное училище. Было роздано оружие, каждому отряду назначено место действий. Руководство операцией в Анкаре взял на себя генерал Маданоглу.

Глава VIII

¹ www.mhp.org.tr/basbug/hayati

² Самый молодой из четырнадцати членов КНЕ Музаффер Оздаг утверждал, например, что Россия в 1960-е годы была такой же угрозой для Турции, как в 1930-е Германия для Англии. «Четырнадцать хотели динамичной авторитарной власти, похожей на кемалистскую, гарантирующую социальную справедливость, массовое образование и экономическое развитие, чего политики из-за своих сектантских и мелких интересов не могли сделать». *Poulton H.* Top Hat. Grey Wolf and Crescent. N.-Y., 1997, с. 137.

³ Подробные сведения о процессе приведены в турецком Ежегоднике за 1962 год. *Türkiye Yılığ* 1962. Istanbul, 1962, с. 57–157.

⁴ По каждому иску назывались конкретные обвиняемые, в том числе по некоторым – высшие руководители страны. Первым из судебных исков был иск о нескольких нарушениях властями конституции. Второй иск касался вины Баяра и министра сельского хозяйства Окмена в связи с продажей ими за 20 тыс. лир элитной собаки – подарка афганского короля. Третий иск был связан с событиями 6–7 сентября 1955 г., когда с ведома высшего руководства была организована провокация со взрывом бомбы в доме-музее Ататюрка в Салониках, после чего последовали ответные погромы в крупных городах Турции, государству был нанесён моральный и материальный ущерб. Большой общественный интерес привлёк иск, касавшийся любовной связи Мендереса с оперной певицей Айхан Айдан, в результате которой родился младенец, вскоре умерший. Подозрения в том, что ребенок умер не своей смертью, в результате раз-

бирательства были отвергнуты. Однако как моральные обвинения в адрес прежде всего Мендереса прозвучали такие напоминания, как длительное его сожителство, человека женатого, имевшего детей, с другой женщиной, приобретение для неё дома и пр. Затем последовало оглашение и разбирательство по другим искам (в печати насчитали всего 19 исков), в основном они были оценены как экономические (включая присвоение недвижимости), финансовые, политические преступления, среди последних – преследование оппозиции и т. п. Всего было заслушано 1068 свидетелей, в защите участвовали известные адвокаты.

⁵ В день казни 17 сентября Мендерес и два других смертника были катером доставлены в тюрьму на о. Имралы. Что касается бывшего премьер-министра, ему был зачитан приговор, затем он выкурил сигарету; его сфотографировали, попросили снять пиджак, после его отказа это сделать смертную рубашку одели поверх пиджака. Бывший премьер очень спокойно подошёл к треножной виселице и взошёл на неё. 461 человек был приговорён к различным срокам тюремного заключения, остальные освобождены.

⁶ *Uluatam O., Tan T. Türk iktisadi politikasının hukuku çerçevesi. Ankara, 1982, с. 12.*

⁷ В компетенцию ВНСТ входило принятие, изменение и отмена законов, утверждение государственного бюджета, выпуск денежных знаков, право амнистии, ратификация договоров, заключённых с другими государствами, и другие законодательные акты. В соответствии со ст. 66 конституции устанавливалась необходимость согласия ВНСТ на отправку турецких вооружённых сил за пределы Турции, а также на размещение в стране иностранных войск, если эти меры не были предусмотрены международными обязательствами страны. По новой конституции ВНСТ состоял из Национальной палаты (450 депутатов), которая избиралась на четыре года, и Сената (150 членов), избиравшегося на шесть лет; 15 сенаторов назначались президентом республики. Кроме того, в сенат входил в качестве его «пожизненных членов» весь состав КНЕ, а также бывшие президенты независимо от возраста.

⁸ Приняты были законы о профсоюзах и забастовках (1963 г.), одновременно узаконивались локауты. Гражданской власти не сразу удалось добиться стабилизации в обществе. Так, 20 мая 1963 г. была предпринята попытка военного мятежа, во главе которого оказался полковник Т. Айдемир, ранее в феврале 1962 г. уволенный из армии за аналогичную попытку. При поддержке военных курсантов и некоторых армейских частей он захватил здание радиостанции в центре Анкары. Мятеж был подавлен, военные трибуналы приговорили к различным срокам тюремного заключения около 300 курсантов и офицеров, Т. Айдемир и его соратник Ф. Гюрджан были повешены.

⁹ Турция 2003. Анкара, 2003, с. 137.

¹⁰ Основные положения программ группы «левее центра» заключались в следующем: «справедливое распределение» земли, развитие смешанной экономики при гегемонии госсектора, ликвидация посреднических операций в торговле, «социальная справедливость и доверие», национализация горнорудной промышленности и внешней торговли и т. д.

¹¹ Согласно турецкой статистике в 1965 г. самое крупное «национальное меньшинство» Анкары составляли люди с родным языком английским. После вступления Турции в НАТО и создания на территории страны американских военных баз американцы (военные и гражданские лица) буквально наводнили Анкару, целые кварталы в центральных частях города были заняты американскими официальными учреждениями, клубами, библиотеками, общежитиями, складами, магазинами. Здесь действовали и свои протестантская и католическая церкви и театр. Предприимчивые турецкие лавочники, владельцы мелких коммерческих предприятий в этих кварталах сплошь и рядом стали именовать свои заведения «Вашингтон», «Нью-Йорк», «Атлантик», «Аляска», «Флорида» и т. д. Так и возникло «национальное меньшинство» в столице – американцы.

¹² *Bener E. Türkiye’de para ve kambyo denetemi.* Ankara, 1968, с. 252. Первая заявка Турции на ассоциированное членство в Европейском сообществе была подана еще 31 июля 1959 г. правительством Мендереса. Она была «забыта» Комитетом национального единства, возглавившим страну после переворота 27 мая 1960 г., но подана вновь при правительстве Инёню в 1961 и 1962 гг.

¹³ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 342–343.

¹⁴ *Kalkınma Planı. Birinci beş yıl. 1963–1967.* Ankara, 1963, с. 123.

¹⁵ Там же, с. 9–62, 490–493.

¹⁶ В это время начал свою карьеру будущий отец белой революции, приватизации – Тургут Озал. Первый его крупный пост – глава Государственной организации планирования при премьер-министре Демиреле – в период 1967–1971 гг. Даже срок обязательной военной службы он отбывал в Госплане. «Мне было 40 лет, я преподавал математику в Средневосточном университете, работал по 17–18 часов. Турецкий частный сектор поднимался в эти годы. Затем – 2,5 года работы в США в Мировом Банке... Я намного больше познал мир в тот период... По возвращении был членом группы координации и представительства в объединении Сабанджы. Это продолжалось 22 с половиной года. Я сыграл важную роль в создании этим холдингом предприятий начиная от фабрики покрышек до САСА», – так вспоминал впоследствии Озал. *Barlas M. Turgut Özal’ın Anıları.* İstanbul, 2001, с. 84, 85.

¹⁷ В целом же период действия первых трёх пятилеток оказался благоприятным для Турции с точки зрения динамики основных экономических показателей. Всего в 1960–1970-е годы в Турции было реализо-

вано три пятилетних плана развития; выполнение четвертого началось с отсрочкой на год – с 1979 г. Как отмечает Г. Казган, на протяжении 1960-х годов доля государства в инвестициях в основной капитал превышала 50%. Это означает, что процесс межотраслевого перелива капитала осуществлялся не на основе показателей прибыльности, а в соответствии с государственным распределением средств, определёнными планами развития. Что касается инвестиций частного сектора, то их направление в отрасли, предусмотренные планом, поощрялось фискальными либо протекционистскими мерами, то есть механизмы свободного рынка действовали ограниченно. Среднегодовые темпы экономического роста в годы первого пятилетнего плана развития составили 6,7%, второго – 6,6%, третьего – 6,5%.

¹⁸ Инструкция стимулировала прогрессивную сборку в стране по западным моделям автомобилей и тракторов, бытовой электро- и радиотехники. На аналогичных основах началась расфасовка фармацевтической продукции известных мировых химических концернов. Возникшие в соответствии с упомянутой инструкцией компании имели статус местной компании, смешанный капитал, пользовались немалыми налоговыми и другими льготами, имели фактически свои льготные внешние каналы финансирования.

¹⁹ *Barış Dünyası*. İstanbul, серия статей в выпусках за 1961–1969 гг.

²⁰ Построенный в 1960-е годы с участием американского капитала Эргелийский металлургический комбинат (Эрдемир), вопреки требованиям контракта, так и не стал частным предприятием – желающих приобрести акции в Турции оказалось немного. Дело кончилось тем, что позже и американцы продали свою часть акций Эрдемира, определявших его частный статус, государственному сектору, в 1980-е годы комбинат числился в списках ГЭО.

²¹ Провозглашение в 1960 г. Республики Кипр на основе Цюрихско-Лондонских соглашений создало возможности для вмешательства Великобритании, Греции и Турции во внутренние дела Республики Кипр вплоть до ввода на остров иностранных войск в случае нарушения установленного соглашениями государственного устройства.

²² Послание Джонсона внесло подлинный переворот в умы тех турецких руководителей, которые слепо верили в готовность своих союзников по НАТО защищать любые их интересы. Эта переоценка ценностей оказалась впоследствии на внешней политике всех последующих правительств Турции, приходивших к власти начиная с 1965 г.

²³ О том, насколько были сильны в Анкаре антиамериканские настроения, свидетельствует история с автомобилем американского посла в Турции Комера. 6 января 1969 г. он посетил Средневосточный технический университет по приглашению ректора университета Курдаша. Университет этот был создан и функционировал при постоянной финан-

совой помощи США, значительная часть его оборудования была американского производства. Однако как раз в это время высокого накала достигла в Турции кампания против самого посла. Он прибыл в Анкару из Южного Вьетнама, где был замешан в репрессиях против мирного населения. Известны были также его связи с ЦРУ. Демократические силы Турции с первых же дней пребывания Коммера в стране (в конце 1968 г.) требовали его удаления. С визитом к Курдашу он явился в самый разгар этой кампании. Из машины ему пришлось выйти под свист, улюлюканье и крики: «Позор!», «Посол – убийца!». Пока он находился в кабинете ректора, студенты перевернули его бронированный автомобиль и подожгли. Руководство университета пыталось объявить эти действия делом рук двух-трёх заговорщиков. В ответ на это около 900 студентов письменно сообщили прокурору о своём участии в сожжении машины.

²⁴ *Yalçın S. Hangi Erbakan.* Ankara, 1995, с. 54, 55. Автор пишет, что «определённые тайные силы выпускали против революционеров тюркистско-исламистскую молодёжь. Точно так же ЦРУ использовало ислам против национальных и социалистических движений на Среднем Востоке». По его мнению, самым эффективным оружием ЦРУ в регионе были религия и национализм. Что касается Турции, то некоторые деятели ПС установили контакты с Меккой, а «после создания органических связей с международным исламом десятки тысяч мечетей и обществ Ешильай в Турции в короткие сроки превратились в очаги ПС, юные учащиеся школ имамов-хатибов стали членами военизированных групп. Чтобы и будущие поколения воспитывать в том же духе, ускорилось открытие курсов корана». Там же, с. 52.

²⁵ В Статистическом ежегоднике по итогам переписи населения сведения о его национальном составе были опубликованы в 1965 г. последний раз. Сообщалось, что в указанном году 2,2 млн. человек своим материнским языком назвали курдский, 365 тыс. – арабский, 58 тыс. – черкесский, 34 тыс. – грузинский, 26 тыс. – лазский, 33 тыс. – армянский, 48 тыс. – греческий и т. д. 10% населения после всех процессов ассимиляции даже по официальной статистике не считали турецкий язык своим родным языком. Genel Nüfus sayımı. Nüfusun sosyal ve ekonomik nitelikler. 24.10.1965. T.C. Başbakanlık Devlet İstatistik Enstitüsü. Ankara, 1969, с. 166. После этой публикации соответствующая графа исчезла из ежегодной статистики.

²⁶ Что касается ассимиляции, то кроме обычных интеграционных (экономических, карьерных и пр.) причин важнейшей было запрещение преподавания на родном языке, публичное использование его в СМИ. Немецкий автор Петер Альфорд Эндрюс пишет в турецком издании своей книги, что в Турции меньшинствам-мусульманам практически не

разрешено официально пользоваться своим языком, в том числе в системе обучения. *Andrews P. A. Türkiye'de Etnik Gruplar*. İstanbul, 1992, с. 34.

²⁷ *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf.*, 1997, с. 135; *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. İstanbul, 1983, с. 498.

²⁸ *Almanac Turkey*. 1979. Ankara, 1979, p. 14; *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*, 1985, с. 5374; *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf.*, 1997, с. 137.

²⁹ В книге «Основные взгляды», вышедшей в марте 1975 г., Тюркеш ещё раз сформулировал свои взгляды, как он их изложил ранее: «Туран, то есть союз тюрков, не ограничивается лишь тюрками в Азии, он включает всех тюрков... Я не утверждаю, что надо немедленно подниматься и идти к союзу, чтобы населения стало больше. Это – проблема будущего... Так же как в 1917 г., в России может произойти революция, например, в 1965 г. или в 1999 г. К этому времени Турция добьётся прогресса в военной промышленности, в науке и просвещении. И тогда Турция со своей поддержкой может приблизиться к этому союзу... Поскольку самая большая масса турецкого населения проживает в России..., самый наш большой враг – Россия». *Turkeş A. Temel görüşler*. İstanbul, 1975, с. 362–363.

³⁰ *Данилов В.И. Политическая борьба в Турции*. М., 1985, с. 144, 145. На сайте этой партии в начале нового тысячелетия можно было прочесть, что в конце 1960–1970-х годов она «была вынуждена» активизировать свою деятельность под руководством «башбуга» («фюрера») Тюркеша ввиду роста «марксистских и сепаратистских движений», прежде всего в университетах, «превращённых в склады оружия», «базы для совершения коммунистической революции». «Повсюду были развешаны портреты Ленина, Сталина и Мао, коммунистические лозунги». Якобы в ответ на это Тюркеш организовал семинары, на которых разъяснял суть коммунизма и предлагал молодёжи турецкую национал-социалистическую альтернативу – «турецкий социализм, турецкий национализм». В короткие сроки начали расти и формироваться молодёжные организации, началась стадия научного турецкого национализма, базирующаяся на девяти лучах, девяти принципах турецкого национализма. Появились «очаги идеалистов», возникло Общество Великого Идеала и другие организации. www.mhp.org.tr/basbug/hayati

³¹ Н. Эрбакан, выпускник Стамбульского технического университета, не сразу обратился к исламу как средству политического самоутверждения. Завершив техническое образование в докторантуре высшей технической школы в Аахене (Германия), он занимал в 1956–1963 гг. пост генерального директора на небольшой фабрике дизельмоторов «Гюмюш мотор» и, как пишут турецкие источники, «привлёк внимание общественности своей защитой анатолийского торговца и мелкого промышленника перед крупными промышленниками и торговцами». При поддержке первых он смог попасть в руководящие органы Союза палат Турции.

Став в 1967 г. генеральным секретарём этого, в те годы единственного высшего органа частного сектора, он в следующем году попытался заручиться поддержкой ПС, чтобы пройти в сенат, но такой не получил (по инициативе Демиреля).

³² *Valçın Söner. Hangi Erbakan*, с. 60; *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. İstanbul*, 1985, с. 1995–1996.

³³ Вклад сотен тысяч таких «предпринимателей» в экономический потенциал страны был относительно невелик, но как социальный потенциал эта армия ремесленников, торговцев, шофёров, персонала сферы обслуживания была весомой силой, проявляя себя в политических выступлениях иногда с самыми экстремистскими лозунгами. Несомненно, деятельность крупной буржуазии, обосновавшейся главным образом в промышленных и торговых центрах страны, всё более ущемляла интересы этих социальных групп в Центральной и Восточной Анатолии. Крупный турецкий капитал, стремясь подчинить для распространения своей продукции эту глубинку, вызывал у мелкой и средней буржуазии протест, она редко и с трудом добивалась у властей ассигнований валюты для импорта различных товаров и оборудования – эти ассигнования были монополизированы торговыми и промышленными палатами Стамбула, Измира, Аданы и др. Поэтому борьба буржуазии Центральной и Восточной Анатолии часто приобретала форму «национальной», религиозной борьбы против «масонов», против «сионистов» и «империалистов».

³⁴ В новой политической обстановке, порожденной конституцией, исламизм продемонстрировал заметное развитие. «Годы подлинного развития политического ислама последовали за 1961 г. Ислам приобрёл политические контуры. Исламизм получил шанс более активной политической деятельности – сначала МНП, затем МСП» (МНП – Партия национального порядка, МСП – Партия национального благополучия). *Duman D. Demokrasi sürecinde Türkiye’de İslamcılık. İzmir*, 1997, с. 58.

³⁵ Вместе с тем она смогла в 1970-е годы неоднократно участвовать в правительственных коалициях, Эрбакан занимал даже пост заместителя премьер-министра, а его соратники – важные министерские посты. Большая часть депутатов партии приходила тогда в парламент с должностей мелких служащих, учителей и преподавателей (главным образом в школах имамов-хатибов). Заметной среди них была доля представителей свободных профессий, торговцев и подрядчиков, религиозных деятелей. В 1970-е годы Н. Эрбакан – частый автор на страницах газет и журналов правого направления, автор ряда книг («Турция и Общий рынок»), «Ислам и наука – женщина в исламе», «Проблема нашей промышленности», «Национальный взгляд» и др.).

³⁶ Одновременно стало выходить европейское издание «Милли газете», немного спустя появилась и молодёжная организация движения – Орга-

низация исламской молодёжи Европы (Аврупа Исламджы Генчлик тешкилаты), а также соответствующий фонд. 20 мая 1985 г. кёльнский суд официально зарегистрировал МГ как общественную ассоциацию. Её председателем был избран Осман Юмакоглу, выпускник двух факультетов – богословского и юридического, генеральным секретарём стал Али Юксель, выпускник богословского факультета, ранее работавший а Управлении по делам религии.

³⁷ Из своей предвыборной программы правительству Эджевита удалось реализовать, да и то с большими осложнениями, лишь один пункт – об амнистии политическим заключённым. Закон об амнистии удалось Эджевиту провести только через Конституционный суд, свыше 4 тыс. человек, осуждённых в годы чрезвычайного положения в 1971–1973 гг. к различным срокам тюремного заключения (в основном за демократическую деятельность), были выпущены из тюрем.

³⁸ XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН подтвердила резолюции Совета Безопасности ООН о необходимости вывода всех иностранных войск с Кипра, прекращения иностранного вмешательства в его дела, восстановления конституционного порядка в стране.

³⁹ Подробнее о месте госсектора в экономике страны в указанный период см.: *Киреев Н.Г.* История этатизма в Турции. М., 1991, гл. IV, с. 181–233.

⁴⁰ По мысли Эджевита, «народный сектор» будет состоять из предприятий, основанных сельскохозяйственными и иными кооперативами, профсоюзами рабочих, выезжающих на работу за границу и желающих поместить свои капиталы в Турции. Государство будет ориентироваться на предоставление приоритета этому сектору.

⁴¹ Значительная доля в сумме долга – 1,3 млрд. долл. – приходилась на США. Помимо долга в иностранной валюте, Турция выплачивала США долги и в турецких лирах, они достигали 4,6 млрд. лир. За счёт новых кредитов, полученных прежде всего от США, общая сумма иностранных западных кредитов и помощи превысила на конец 1976 г. отметку 7 млрд. долл., примерно половина этой суммы приходится на США.

Как отмечал в своём труде «Экономика Турции» проф. Стамбульского университета Назиф Куюджуклу, «для нас всегда была важной проблема обеспечения инвестиций из внешних источников, но она стала особенно актуальной с возникновением в первой половине 1970-х годов нефтяного кризиса. Из-за него наша внешняя задолженность в 1975 г. и особенно после 1976 г. стремительно возросла». *Куюджуклу Н.* Türkiye İktisadu. İstanbul, 1993, с. 575.

⁴² Продолжая разговор, Хрущёв спросил Малиновского, почему американцы могут позволить себе иметь базы и в Турции, и в Италии, и в Англии, а нам нельзя иметь тоже какую-то базу вблизи Америки, например, на Кубе? Малиновский сказал: «Конечно, это возможно, вот если

Фидель Кастро согласится». Так что, может он и хотел попутно защитить кубинскую революцию, но на самом деле речь шла о том, чтобы продемонстрировать силу американцам, добиться паритета. Надо сказать, что немалую психологическую роль сыграло и то, что мы первыми взорвали водородную бомбу. Но Хрущёв не имел в виду ни на минуту нанесения первого ядерного удара. *Известия*, 21.10.2002.

⁴³ Вспоминая в своих мемуарах об этом визите, Громыко касается и многовековой истории российско-турецких отношений. Он писал: «Потребовались столетия, чтобы неумолимые процессы развития подвели черту подо всеми попытками османских завоевателей захватить Чёрное море, и сама история заявила им: “Ни шагу дальше!” Пролилось еще немало крови, пока стабилизировалось положение на русско-турецкой границе, а также на Балканах после того, как народы этого района, опираясь на плечо России, завоевали независимость». Он отдаёт должное роли Ататюрка в истории Турции: «Этот деятель хотел, чтобы турецкий народ видел своё будущее не во мраке средневековья и вражды с соседними странами, а в движении вперёд, пусть медленном, но неуклонном». Доброжелательно пишет автор и о встрече с Инёню, которому шёл тогда уже девятый десяток: «Скажу откровенно, я получил какое-то особое удовлетворение от встречи с этим седовласым ветераном в политике». *Громыко А.А.* Памятное. Книга 2-я. М., 1990, с. 160–161.

⁴⁴ Побывали в Турции и наши писатели: К. Симонов, Мустай Карим, Расул Рза, Берды Кербабаяев, Чингиз Гусейнов. Выступали с концертами и музыканты – Л. Серебряков, Э. Гилельс, Э. Флиер, С. Рихтер, Т. Николаева, И. Безродный, Л. Коган, певцы А. Огневцев, З. Долуханова, Л. Иманов, Р. Бейбутов.

⁴⁵ Турецкие судебные инстанции в течение нескольких лет не принимали окончательного решения по делу Бразинских, преступникам в 1976 г. было разрешено выехать в США.

⁴⁶ В соответствии с соглашением Чёрное море было разделено по срединной линии между побережьями двух стран. Впоследствии стороны обменялись нотами (нота турецкой стороны от 23.12.1986 и нота советской стороны от 06.02.1987), в которых линия границы континентального шельфа признавалась в качестве границы экономических зон между СССР и Турцией. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 364.

Глава IX

¹ *Yankı*, 24.08.1981. с. 7–8. Из фрагментов обвинительного заключения против ПНД, опубликованных в прессе летом 1981 г., следовало также, что в отличие от левого движения, «разделённого на фракции», представлявшие партию Тюркеша силы «действовали успешно благодаря

централизации руководства, единству и дисциплине». Турецкая республика. Справочник. М., 1990, с. 51–55; Турецкая республика. Справочник. М., 2000, с. 143. Башбут был освобождён и амнистирован 9 апреля 1985 г. Согласно референдуму 6 сентября 1987 г. с него, как и с других политиков, снимается запрет на политическую деятельность и он вновь готов разъяснить массам, что такое проблема создания власти Национального Идеала. На чрезвычайном конгрессе Партии националистической деятельности (Миллиетчи чалышма партиси) 4 октября 1987 г. Тюркеш избирается её генеральным председателем. По итогам выборов 20 октября 1991 г. он становится депутатом ВСНТ от провинции Йозгат. Согласно изменениям, внесённым в законодательство 27 декабря 1992 г., воссоздаётся прежнее название партии – Партия националистического движения, учреждается её новая эмблема – Три полумесяца. (4 апреля 1997 г. Тюркеш умер.) www.mhp.org.tr/basbug/hayati

² Омеру Танлаку девятнадцать лет. «Он рассказывает, как потерял человеческий облик, участвуя в преступлениях, пытках, массовых убийствах, как проникло в его душу, его разум бессердечие... Сотни молодых людей убивают, бросают бомбы. Большинству из них нет ещё и восемнадцати лет. Эролу Тюркмену – семнадцать, он даже не знает, сколько преступлений он совершил. Эти юноши бросали семьи, школы. Иного пути перед собой, кроме убийств, они не знали». Если даже и хотели уйти от участия в преступлениях – не было возможности. «Сообщись властям – люди в полиции донесут ПНД. Приходится возвращаться в партию. Безысходность и ожидание смерти. Террор отнимает у человека все человеческое. Это горе нашей страны... В “Признании” изложены факты, названы имена, названа и партия: всё выполнялось по приказу из партийного центра... ПНД предстаёт перед всеми преступной вместе со своим генеральным секретариатом и руководством молодёжными отделениями». Из материалов книги следует, что Омер Танлак, будучи учащимся лицея, вступил в Анкаре в одну из местных организаций «идеалистов» в 1975 г. с тем, чтобы, «как обещают очаги идеалистов, раздавить коммунизм, покончить с ним в Турции». В те годы его организация увеличилась с 25 до 250 человек. Инструкции в устном виде поступали от молодежного отделения ПНД, оружие перед началом акции раздавалось руководителем местной организации. Часть денег поступала за счет ежемесячных сборов по торговым точкам. Эти же люди представляли ПНД как наблюдатели на выборах, охраняли урны для голосования. *Tanlak Ö. İtiraf. Eski Ülkücü MHP'yi anlatıyor. İstanbul, 1996, с. 9, 10, 13–15.*

³ Аксененко А.Г. Борьба политических партий Турции за влияние на молодёжь. 1920–1980. М., 1986, с. 85–86; Turkey. 1983 Almanac. Ankara, 1983, p. 38, 40, 42, 59.

⁴ Именно в этой стране турецкие националисты начинали свою объединительную деятельность в Европе. Первые ассоциации «идеалистов» – улькюджу были зарегистрированы во Франкфурте, во времена политических успехов тюркешистов в самой Турции – здесь они в 1978 г. учредили свою федерацию. Затем в её составе стали создаваться новые общества и федерации в Австрии, Бельгии, Голландии, Люксембурге, Франции, Швеции, Англии, Швейцарии, Норвегии и Дании, а также в Канаде, США и Австралии. При этом, несомненно, сказались меры уголовного преследования этих групп военным режимом 1980 года. Ныне это объединение именуется Федерацией обществ турецких демократических идеалистов Европы. Её провозглашаемые цели в Европе (и не только в Европе, а также в тюркском мире) – наводить мосты, обеспечивать сближение и сотрудничество турок в этих странах с властью и гражданами, «предотвращать возникновение изолированных турецких гетто», знакомить с турецкой культурой, «предотвращать непонимание и конфликты», участвовать в органах местного самоуправления, заниматься воспитанием молодёжи, бороться, совместно с другими обществами, с наркоманией, террором, информировать турок о жизни в самой Турции. <http://www.turkfederasyon.com/html/turkfed.html>

⁵ Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Republic. N.-Y. 1997, с. 306. О характере деятельности некоторых обществ идеалистов и серых волков можно узнать из их сайтов в интернете. Так, 7 апреля 2001 г. по инициативе Турецко-исламского Союза при Управлении по делам религии в Аугсбурге (Augsburg Diyanet Türk-İslam Birliği) около ста членов местного общества бозкурт «почтили в Аугсбурге в мечети Тепебашы память главнокомандующего силами идеалистов, идейного вождя, башбуга (фюрера) Тюркеша и всех павших борцов». Здесь же на сайте призыв – «свободу Халюку Кырджы» (осуждённому за терроризм). Вместе с тем приводится в общем мирная программа деятельности серых волков в Аугсбурге, это – занятия искусством, работа с компьютером, футбол, шахматы. На этом же сайте сообщается, что «цель Очага идеалистов имени Альпарслана Тюркеша в Аугсбурге – сохранить в глубине Европы, в чуждой культуре свою культуру и идентичность, турецкую гордость и исламскую мораль, чтить память Тюркеша и других великих идеалистов, выступать за свободу Халюку Кырджы, избегать опасностей наркомании, жить в согласии с немцами». <http://www.ulkuocagi-augsburg.de/>

О столь же мирной программе своей деятельности сообщает турецкий Очаг идеалистов в Монтро (департамент Сена и Марна) во Франции. Это всё те же темы занятий – культура и спорт (наряду с проблемами «ислама и тюркизма во Франции и в мире»). Поражает обширность интернет-связей этого очага, разместившегося в небольшом городе

недалеко от Парижа. На сайте можно найти ссылки к «родственным» очагам в Европе, Америке, Турции. <http://mtuo77.free.fr/turk.htm>.

⁶ Türkiye ve Siyaset Dergisi – Mart-Nisan 2001.

⁷ Информация о размахе деятельности Милли гёрюш (МГ) в Европе приводилась в турецкой печати. Также печатались и отзывы некоторых недовольных верующих.

Турецкий автор С. Ялчин приводит в своей книге длинный список фирм, контролируемых руководством МГ и действующих в Европе в издательском деле, производстве кассет и дисков, пищевых товаров, строительстве, организации хаджа, называет их миллиардные (в марках) обороты, перечисляет многочисленные религиозные курсы при мечетях и помимо них, сообщает о тесном сотрудничестве их с арабскими строительными фирмами в Англии, Бельгии, Голландии, об ассигнованиях крупных сумм на выборные кампании. *Yalçın S. Hangi Erbakan. Ankara, 1995, с. 387.*

Проживший в Германии 25 лет турок Р.Д. писал в газету «Хюрриет» из Кёльна: «самая крупная в Германии религиозная организация турецкого происхождения – Милли гёрюш. Они по три-четыре раза в год собирают с турок деньги на зекят, курбан и даже на джихад. Тех, кто не даёт, заносят в черные списки. Если это мелкий торговец, ему препятствуют заниматься торговлей, прогоняют, объявляют врагом религии, вероотступником. В Германии очень много мечетей. В них сообщают прихожанам, что ислам придёт с джихадом, что неверные (мюшриклер) без джихада не склонят голову. Ислам в сочетании с джихадом более эффективно избавляет от неверных... Ежегодно многих приверженцев Милли гёрюш отправляют в Пакистан, Саудовскую Аравию, Чечню и даже в Афганистан». Из Турции в Германию часто приезжают такие политики и журналисты, которые утверждают, что «Турция вступила в процесс распада, что религиозное движение в Турции поддерживается материально, победа близка». *Hürriyet, 22.09.2001.*

⁸ *Milliyet, 04.12.1981.*

⁹ «Либеральная мысль, – отмечал Дж. Талас, – была воспринята всеми экономически сильными и развитыми государствами, однако со временем обнаружили и её недостатки. Порождаемая ею нищета и ущербная система распределения доходов стала источником многих политических кризисов. Результатом всего этого оказались социализм, этатизм и дирижируемый капитализм». *Cumhuriyet, 24.08.1981.*

¹⁰ *Yeni iş dünyası. Aylık dergi, 1981, № 25, с. 32–39, 43.*

¹¹ *Türkiye iktisat kongresi. C. 1. Ankara, 1981, с. 54–61.* Стоит упомянуть, что, оперируя лозунгами свободного рынка и свободного процента, активизировались так называемые банкирские конторы, сумевшие к концу 1981 г. стать основными посредниками между множеством мелких вкладчиков и некоторыми банками, предложив баснословные (10–12% в

месяц) проценты по краткосрочным вкладам. Наибольшую активность при этом проявил глава одной из таких контор («Кастелли») Д. Озден, получив поддержку Т. Озала. Произошедший в начале 1982 г. крах «Кастелли» приобрел широкую огласку в стране, поскольку стал причиной разорения сотен тысяч мелких клиентов, даже самоубийств. Озал вынужден был уйти из правительства и смог продолжить реформы позже, уже на посту главы гражданского правительства. Подробно эти события изложены в кн.: *Kafaoglu A.B. Bankerler ve Kastelli olayı. İstanbul, 1982.*

¹² «Государственные и общественные юридические лица имеют право в необходимых для общественной пользы случаях и на условиях предварительной уплаты наличными обобществлять полностью или частично недвижимость, находящуюся в частной собственности...»

¹³ Как и в прежней конституции, за государством была установлена обязанность принимать меры по охране лесов и расширению их площадей, повторено положение о том, что собственность на государственные леса не может переходить кому-либо, контроль над ними, их эксплуатация осуществляются государством.

¹⁴ *Investment environment in Turkey: Privatisation. İstanbul, 1989, p. 6, 9, 14.*

¹⁵ Также к первым продажам были предложены государственные акции в ряде смешанных компаний, владеющих предприятиями по производству бытовой электротехники, черных металлов, химических удобрений и по автосборке. Иностранный интерес проявился к туристическим гостиницам Турбана, его бюро путешествий и гаваням для яхт.

¹⁶ Потенциальные покупатели о предстоявших торгах широко оповещались через средства массовой информации, было активно задействовано несколько тысяч отделений различных банков по всей Турции. В том случае, когда речь шла о так называемой «продаже акций народу», она осуществлялась (в ряде случаев в условиях ажиотажа) через уже упомянутую фондовую биржу Стамбула; например, по итогам торгов уже на 1991 г. 42 тыс. человек стали владельцами акций. Подробная информация о каждом случае приватизации, тендере, свободной продаже акций на бирже публиковалась в СМИ, что требовало, кстати, само законодательство по торгам.

¹⁷ *Dünya, 21.06.1991.*

¹⁸ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 316.

¹⁹ *Günümüzde Avrasya. Ankara, 1994, с. 10, 14.*

²⁰ Процесс по этому делу срывался и продолжался в общей сложности 6 лет 7 месяцев и 26 дней, и только после третьего расследования было принято постановление суда госбезопасности о смертной казни 33 обвиняемым. *Cumhuriyet, 8.09.2000.*

²¹ *Yeni Yüzyıl, 14.01.1998.*

²² В турецких изданиях сообщалось, что с тех пор действующие под контролем этой исламской общины турецкие компании создали «Школьную империю», содержат на свои средства учебные центры в Якутии, Туве, Хакасии, Башкортостане, Чувашии, Татарстане, Дагестане, Москве, а также в государствах Центральной Азии, Азербайджане, Румынии, Молдове, Албании, Украине (в том числе в Крыму), и др. странах. Подтверждая эти сведения, Ф. Булут согласен с тем, что такие программы преподавания носят светский характер. Но он уверен, что эти школы обеспечивают общине и другую, «невидимую» пользу. «В неуточные часы ведётся религиозное обучение и пропагандируется деятельность общины. Значительная часть рекомендуемой литературы – шариатские издания. Одна из долгосрочных задач общины в Турции – ликвидация светского режима». *Bulut F. Tarikat Sermayesinin Yükselişi. İstanbul, Doruk, 1997, s. 291–293.*

²³ Например, в одном из июньских номеров за 1998 г. было опубликовано интервью с ним на четырех «турецких» страницах и с пятью фотографиями автора. Там же российский читатель информировался на «русских» страницах о человеке, посвятившем свою жизнь благотворительности, благочестии, «служению людям всего мира, независимо от их вероисповедания, расы, языка» – Фетхуллахе Гюлене, «мудреце и философе». *Время – Zaman. Международная газета. М., 1998, № 21.*

²⁴ Книга замалчивает судебные преследования Гюлена, а вместо этого сообщает, что у него «миллионы последователей во всём мире», «учёные и интеллектуалы современной Турции прямо или косвенно признают Фетхуллаху Гюлена одним из наиболее влиятельных мыслителей и писателей XX века». В московском издании говорится также и о том, что ждёт от XXI века Ф. Гюлен – «это будет век терпимости и взаимопонимания, ведущих к сотрудничеству между человеческими цивилизациями и, в конечном счёте, к их объединению. Духовность, по его мнению, победит на пути к межцивилизационному диалогу, основанному на взаимных интересах».

Нет сомнения, что такие ожидания важны для России, где живут вместе множество этносов с их культурами и религиями. Но вряд ли можно найти даже намёки на «межцивилизационный диалог» в таком безапелляционном утверждении автора: «Во всех формах богослужения этой религии (т.е. ислама. – *Н.К.*) заключены сотни благ; иными словами, присущая ей форма богослужения соответствует зрелому, развитому обществу. Что же касается других религий, то они с течением времени, в сущности, подверглись искажению и потеряли свой истинный облик. Даже если бы они не были искажены, то всё равно были бы недействительны, ибо Аллах утвердил ту религию, что угодна Ему, и сказал, что это – Ислам». *Гюлен М.Ф. Сомнения, порождённые веком. Том 2. М., 2001, с. 6, 10, 54.* При таком тоталитарном мышлении, исклю-

чающим право на существование в XXI веке других мировых религий, о какой терпимости и взаимопонимании может идти речь?

²⁵ В одном из докладов, подготовленных в рамках 8-го пятилетнего плана (2000–2004 гг.) Турции и посвящённому отношениям Турции с тюркскими и другими странами региона, отдельно сформулированы задачи Турции в сфере религии: «благодаря своему светскому и демократическому режиму... Турция в состоянии предложить свою модель... продолжить поддержку богословских лицеев и факультетов, открытых в Азербайджане, Туркменистане, Кыргызстане, Казахстане, Дагестане и Нахичевани».

Такая инициатива, по мнению авторов доклада, будет способствовать объединению нынешних «тюркских племен» в единую турецкую нацию и в лоне единой религии: «Распространение единой веры во всех республиках во многом будет обеспечивать единение региона и переход таким образом от племенных различий к образованию нации... Как известно, религиозная культура Анатолии создана адептами идеи Туркестана. Ныне же Анатолия должна нести свою религиозную культуру в Туркестан». Что касается Российской Федерации, там «продолжается и возрастает миссионерская деятельность в отношении наших соплеменников, живущих в автономных районах и республиках Российской Федерации». *Türkiye ile Türk Cumhuriyetleri ve bölge ülkeleri ilişkileri Özel İhtisas Komisyonu Raporu*. Ankara, 2000, с. 283–285.

²⁶ В этом контексте упоминается фирма Серхат, возглавляемая Ф. Гюленом и Мустафой Кара. *Россия*. М., 11.04.2001. Подробнее см. далее сноску ⁹².

²⁷ *Milliyet*, 13.12.1994. Личности Гюлена было уделено внимание и в книжных публикациях. Фаик Булут в книге «Армия и ислам» привёл протоколы допросов лиц, замешанных в 1970–1980-е годы в антиконституционной деятельности нурджистов, причём имя Фетхуллага-ходжи часто приводилось в протоколах допросов как активного проповедника нурджизма, шариата. *Bulut F. Ordu ve din. Asker gözüyle islamcı faaliyetler*. İstanbul, 1995, с. 301–318.

²⁸ *Turan S.G. Türkiye'de din terörü*. İzmir, 1996, с. 105, 107, 108. В книге Эрбиля Тушалпа «В ожидании шариата» утверждается, что в начале 1990-х годов «в США было решено экспортировать в Турцию теорию «мягкого ислама»; к этому была привлечена община Фетхуллага Гюлена. *Erbil T. Şeriatı Beklerken*. İstanbul, 1996, с. 119–122, 130, 260.

²⁹ *Radikal*, 21.03.1998. Пространная критическая оценка деятельности общины дана и на сайте оппонентов Ф. Гюлена в Интернете – www/geocities.com/fettosh/index. Община обвиняется в тесных связях с американскими спецслужбами: провозглашая лозунги «служения тюркскому миру от Адриатики до Китайской стены», школы Гюлена «служат не турецкой республике, а Соединённым Штатам». В школах об-

щины за рубежом, особенно в тюркских республиках, работают агенты ЦРУ в качестве преподавателей английского языка. Американские дипломатические паспорта имеют преподаватели школ Гюлена в Узбекистане, Киргизии. Расширение связей Турции с другими тюркскими республиками чрезвычайно важно, отвечает интересам Турции. Однако связи, учреждаемые под контролем Америки, ухудшают отношения Турции с соседями, способствуют конфликтам и вооруженным столкновениям в регионе. Америка стремится к этому и использует в своих планах Ф. Гюлена. На этом же сайте в материале «Сторонники Фетхуллага и сторонники Хезболлах» выступал преподаватель Анкарского университета д-р Неджип Хаблемитоглу с резкой критикой Гюлена за его завуалированную защиту террористической организации Хезболлах. В декабре 2002 г. этот непримиримый оппонент Ф. Гюлена был убит неизвестным преступником, пополнив список жертв политического террора в Турции.

³⁰ «Турция в состоянии стать культурным и экономическим центром, пишет автор. – Первый шаг к этому союзу уже сделан – решено перевести алфавиты советских турецких государств с кириллицы на латиницу. В течение 2–3 лет, с запуском турецкого спутника, начнутся прямые передачи радио и ТВ. Возникший таким образом большой экономический потенциал лишит Запад спокойствия... Как бы то ни было, мы должны быть готовы к союзу турецких государств... Турция вынуждена стать для миллионов своих соплеменников старшим братом и лидером». Как бы свидетельствуя о приверженности турецко-исламскому синтезу, автор в другом разделе своей книги выражает свой взгляд: «В глазах Запада главой Ислама, его отпущением является Турция». *Özmen A.* 2000 yılında Türkiye. İstanbul, 1991, s. 100–101, 109.

³¹ *Poulton H.* Top Hat, Grey Wolf and Crescent, p. 149–150. В интервью газете «Хьюриет» 12 января 1992 г. 75-летний Тюркеш так ответил на вопрос корреспондента, начинается ли после распада СССР золотой век туранизма: «До золотого века ещё далеко, сделан лишь небольшой шаг, правда, вселяющий надежду. Естественно, они ждут, что Турция возглавит это движение. Однако я не считаю, что турецкие власти и интеллектуалы подготовлены к тому, чтобы взять на себя это руководство... Мы от принципа туранизма никогда не отказывались, даже на суде, находясь в тюрьме. Сейчас этот принцип воспринимают многие, что нас радует». *Akman N. Mebus burcu.* İstanbul, 1999, с. 88.

³² *Milliyet*, 27.07.1996. Если судить по появлению «серых волков» в Азербайджане, куда часто навевывался в те годы Тюркеш, и в Чечне, то, очевидно, что они не отказались от идеи объединения «внешних турок», в том числе тех, кто живёт в России и в других странах. *Dünya*, 10.10.1994.

³³ *Ülkü Ocağı Dergisi.* Yıl 4. Sayı 43. Kasım 1997, с. 2.

³⁴ Некоторые турецкие националисты никак не разберутся со своим происхождением и сферами особых интересов. Если они «по крови» тюрки, жители мифического Великого Турана, то при чем здесь албанцы, греки, черкесы, чеченцы, босняки? Если же перечисленные народы имеют прямое отношение к происхождению турецкой нации, то тогда какое отношение имеют современные турки к узбекам, казахам и другим тюркам? Вспоминаются слова одного персонажа из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: «всё, что ни видишь по эту сторону, всё это моё, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синееет, и всё, что за лесом, всё это моё».

Автор пишет далее, что «нападение России на Чеченистан связано с восстановлением русского влияния на Кавказе. Это влияние преследует цели перерезать энергетические пути, связывающие Турцию с Центральной Азией. Если даже Турция бросится в объятия России во имя борьбы с терроризмом, Россия не откажется от своей стратегической задачи – ослабить Турцию. Пришла пора заново определить угрозу в контексте роли Турции в XXI веке, о чём говорил Клинтон. Стало очевидным, что действующая несколько лет концепция внутренней угрозы ошибочна, за указанное время в Турции установился мир и Турция ныне в состоянии играть роль, ожидаемую от неё в XXI веке». *Sabah*, 23.11.1999.

³⁵ О характере предвыборной агитации Рефах можно судить по одной из брошюр, выпущенных ею перед выборами. Она крупными буквами была озаглавлена: «ДИАГНОЗ. Причины истинного положения Турции». Обвинения в адрес «счастливого меньшинства» Турции сопровождалось постоянными напоминаниями о том, что одним из главных виновников бедственного положения турецкого народа является якобы Израиль и «сионистские банки в Америке», которые «выкачивают из Турции» миллиарды долларов, отправляют их в США, а затем передают Израилю, часто в виде вооружения. Последний же мечтает о захвате Ливана, а затем – Кониийского и Эрзурумского вилайетов. В брошюре на примитивных рисунках и схемах простому народу было «доходчиво» объяснено, как с помощью «режима соглашателей, подражателей и имитаторов» Турцию грабят Израиль, «коллорабационистские холдинги», «дармоеды» и верховная власть. Стрелками даже показаны направления из Израиля ударов самолётов и танков по Турции. Призыв к избирателям был очевиден – голосуйте за партию Рефах, которая выражает идеологию Милли гёрюш, и тогда простой народ будет иметь вместо одной – три булки хлеба. *Teşhis. Türkiye' nin gerçek durumu. Ankara, Refah Partisi*, 1995.

³⁶ Не разделял опасений по поводу успеха партии Рефах профессор Принстонского университета в США Метин Хепер, заявивший в интервью газете «Миллиет», что «сегодня демократия в Турции не отвергает

религию, так же как религия все более приспосабливается к демократии». По его мнению, реформы периода республики переориентировали большинство народа с веры в ислам на веру в нацию и только треть из 21% избирателей, отдавших голоса Партии благополучия, предпочли её как исламскую партию, остальные же поверили в её социальные лозунги.

³⁷ Сведения об этом соглашении с Израилем не сразу стали достоянием СМИ, лишь постепенно в последующие месяцы стала появляться информация о деталях этого документа. Выяснилось прежде всего, что поскольку и Турция, и Израиль имеют на вооружении одни и те же типы – американские – боевых самолётов, технологическое сотрудничество ВВС двух стран в их эксплуатации является и необходимым, и полезным. Соглашение предусматривало, что в воздушном пространстве Израиля или Турции будут проводиться учебные полёты – без боевой техники, боеприпасов и электронного разведывательного оборудования. Для организации такого рода учебных полётов могут использоваться и военно-воздушные базы. Уже в апреле представитель турецкого МИД Омер Акбель подтвердил, что полеты израильских Ф-16 в Турции начались.

³⁸ Что касается Израиля, то, начав в период «наибольшего своего одиночества» сотрудничать с «одной из самых крупных и сильных держав региона, он прибавил себе престижа и укрепил политический авторитет». Наряду с политическими, он обеспечивает себе и экономические выгоды – за продажу вооружений и технологии он «получает миллиарды долларов». Сближение с Турцией, «ставшей хранилищем водных запасов», сулит Израилю «большие преимущества» в 2000-е годы, когда «вода становится рыночным продуктом». *Sabah*, 29.05.1997.

³⁹ Скептики-экономисты предложили другие расчеты. Так, журнал «Капитал» в январе 1997 г. привел такие оценки экономических показателей в 1997 г.: инфляция может возрасти до 90–100%, экономический рост не превысит 4,5–5,5%, бюджетный дефицит составит примерно 7%. Вступление Турции в Европейский таможенный союз способствовало росту в 1996 г. внешнеторгового оборота страны. Однако более всего это вступление подхлестнуло импорт, прежде всего оборудования и технологии.

⁴⁰ *Gür M. Şeriat ve Refah. İstanbul*, 1997, с. 243–247.

⁴¹ *Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent*, с. 306, 307.

⁴² *Zaman*, 17.12.2000; *İstanbul Ticaret*, 15.06.2001.

⁴³ <http://www.almanyayagoc.com/default.asp?konum=goc>

⁴⁴ <http://www.bilginet.com/turkalem/turklink/linkler.asp?cid=4>

⁴⁵ *Gür M. Şeriat ve Refah*, с. 7, 8. На 6-м конгрессе МГ в Кёльне в мае 1990 г. присутствовала большая делегация из Турции во главе с Эрбаканом, в ней участвовали глава муниципалитета большого Стамбула Тайип Эрдоган. Участников призвали произнести клятву шариату. Среди гостей были представители из Ливии, Саудовской Аравии, из отделений

Хизб-и Ислам в ряде стран и др. Выступавшие на конгрессе говорили об Эрбакане как о моджахиде, о командующем. Сам же Эрбакан разъяснял: «Европа – это перекрёсток путей... Здесь место, где легче всего обратиться мусульманам всего мира». Завершил Эрбакан свою речь клятвой: «Чтобы как можно скорее разрушить нынешний режим рабства и создать режим справедливости – во имя счастья и блага нашего народа и всего человечества, обещаем трудиться не щадя всех наших сил. Да будет благословенен наш газават, доверимся Аллаху, эссалами алейкум!» Там же, с. 24–26.

⁴⁶ Каждый член платил ежемесячные взносы в сумме не ниже 20 марок, причём это был «не единственный источник средств Милли гёрюш, крупные суммы поступали от реализации туристических туров с целью хаджа». *Yalçın S. Hangı Erbakan*, с. 386.

⁴⁷ *Cumhuriyet*, 15.12.1994.

⁴⁸ Мечеть Национального взгляда в Кёльне, где Эрбакану приходилось приземляться на вертолёте, вмещает в себя и бюро «Милли газете». Мусульманский махалле (квартал) в Кёльне, построенный строительной компанией, контролируемой МГ, насчитывает 97 жилых домов, кафе, салон бракосочетаний, мечеть и торговые помещения. *Bulut F. Tarikat sermayesinin yükselişi*. Ankara, 1997, с. 341.

⁴⁹ *Cumhuriyet*, 3.09.2000.

⁵⁰ <http://www.zaman.com.tr/2001/08/01/dzaman/avrupa.htm>

⁵¹ <http://www.zaman.com.tr/2001/08/09/dzaman/amerika.htm>

⁵² *Cumhuriyet*, 1.09.2000.

⁵³ *Gür M. Şeriat ve Refah*. с. 8–10, 247. Этот автор приводит подсчёты по разветвлённой системе религиозных обществ, приютов и мечетей в Европе. Здесь в распоряжении Управления по делам религии 800 мечетей, примерно 100 тыс. членов, полмиллиона сочувствующих. Исламские культурные центры контролируют 308 мечетей, они насчитывают 60 тыс. членов, 30 тыс. сочувствующих. У Милли гёрюш – 487 мечетей, 313 мест для совершения намаза и курсов Корана, 30 тыс. членов, 85 тыс. сочувствующих. Тюрк Ислам Бирлиги ведаёт 125 мечетями, в его составе – 2500 членов, 4000 сочувствующих. У ордена накшбенди – 55 обителей, 800 мюридов, 1200 сочувствующих, у нурджистов – 30 обителей, 800 талибов, 500 сочувствующих, Союза исламских обществ и общин – 20 мечетей, 500 членов, 600 сочувствующих. У ассоциации Муслюман джемаатлер бирлиги 40 мечетей, около 100 членов. Там же, с. 17. Эти цифры ныне значительно изменились – только по «ведомству» Управления по делам религии по числу мечетей они за пять прошедших лет возросли с 800 до 1200.

⁵⁴ Предположительно уже в конце 1970-х годов до 100 тыс. турецких детей посещали курсы Корана. Авторы книги также убеждены, что среди действующих ныне в Европе турецких исламистских организаций

самая влиятельная Милли гёрюш. В отличие от других исламских организаций она ведёт обширную работу среди домохозяек, девушек, включая студенток и детей. Об итогах такой работы свидетельствует рост в местах проживания мусульман числа женщин в религиозном одеянии. *Şen F., Koray S. Türkiye'den Avrupa Topluluğu'na Göç Hareketleri.* Köln, 1993, с. 128–132.

⁵⁵ Обыск был проведен также и на территории вакуфа мечети Улу в Амстердаме, где силы безопасности вскрыли с помощью электропилы дверь молодёжного отделения фонда и применили силу в отношении нескольких молодых людей, сковали их наручниками, в возникшей драке применялись палки и железные прутья. По поводу этого события председатель Турецкой федерации Голландии Исмет Харманкая заявил прессе, что эти действия – стремление унижить общину перед общественностью страны. Информация в СМИ о причинах инцидента, об упоминаемых в них обществах «не соответствует действительности».

⁵⁶ Успешно действует созданный недавно при Зарубежной службе Управления отдел по межрелигиозному диалогу, в программах его деятельности – организация и участие во встречах и дискуссиях с представителями других религий по проблемам межрелигиозного и мультикультурного сотрудничества. Своей важной службой за рубежом ДИБ считает также публикацию различных изданий, книг – не только религиозных, но и научных, художественных, популярных, для детей, периодики, кассет, дисков и дискет, произведений искусства по религиозной тематике, истории ислама в Турции. Издано тиражом около 4,5 млн. произведений на 15 языках, включая западные, тюркские, арабский, русский, грузинский и др. Аналогичным образом издаются и рассылаются ежегодно 2,5 млн. экземпляров религиозного календаря. Управление выпускает в Европе ежемесячный журнал на турецком языке «Диянет Аврупа», сопровождает его электронным аналогом в интернете. <http://www.diyenet.gov.tr/tanitim/tablo.html>

⁵⁷ *Turan S.G. Türkiye'de Din Terörü.* İzmir, 1996, с. 113–117.

⁵⁸ *Hürriyet*, 7.10.2001; *EuroNews*, 13.10.2004, 21.06.2005.

⁵⁹ Сообщалось, что община Фетхуллага Гюлена контролировала 88 фондов, 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм, 129 учебных курсов, интернаты для учащихся, 17 печатных органа, газету с тиражом 250 тыс. экземпляров, телеканал, две радиостанции с вещанием на всю страну, финансовую организацию с беспроцентным кредитованием, страховое общество. С 1992 г. общиной было создано в 35 странах 6 университетов и вузов, 236 лицеев, 2 начальные школы и т. д.

⁶⁰ *Cumhuriyet*, 1.09.2000.

⁶¹ Судебные заседания продолжались и позже, уже в новом веке; например, 21 октября 2002 г. было проведено 14-е по счёту заседание. Информация о них все реже публиковалась в СМИ. Судебное разбирательство

началось и продолжалось долго и в сложных условиях, сторонникам Ф. Гюлена удавалось ставить в трудное положение те организации и лица, которые поддерживали обвинения в адрес Гюлена. Успехом общины стало решение другого суда, оштрафовавшего в марте 2001 г. на 1,5 млрд. лир оппонентов Гюлена, авторов брошюры «Школы ходжи», а также председателя Фонда современного просвещения Г. Яшера.
www.m-fgulen.org/hayat/

Указанная работа помещена на сайте оппонентов Гюлена, приводимые в ней высказывания учеников, если они верны, свидетельствуют о живучести принципа всех фанатиков от идеи в истории человечества – во имя достижения идеи хороши все средства.

⁶² *Finans Dünyası*. Mayıs, 1999, с. 16.

⁶³ *Milliyet*, 25.09.1999.

⁶⁴ *Cumhuriyet*, 10.09.2000.

⁶⁵ *Cumhuriyet*, 8.09.2000.

⁶⁶ 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, TOBB. Mayıs 2000, с. 6.

⁶⁷ *Cumhuriyet*, 26.12.2000; *Milliyet*, 30.12.2000; *İstanbul Ticaret*, 12.01.2001.

⁶⁸ *Cumhuriyet*, 26.12.2000.

⁶⁹ *İstanbul Ticaret*, 12.01.2001.

⁷⁰ *Milliyet*, 18.01.2001.

⁷¹ *İstanbul Ticaret*. 12.01.2001. О низком благосостоянии народа пишет и другой экономист – Шереф Огуз в журнале «Евразийский диалог»: «Нашу бедность даже сравнивать невозможно с европейской, это результат существующей системы... Глупо говорить об уровне модернизации общества, в котором 8 млн. находится за чертой бедности». *DA. Diyalog Avrasya*. İstanbul, 2000, № 1, с. 4.

После того, как представители правительства Турции решили отказаться от одного из ключевых компонентов своей новой, согласованной с МВФ программы экономических реформ – контроля над лирой, её курс на валютных биржах обвалился на 30–35%, правда, отмечалось, что теперь национальная валюта Турции свободно котируется на мировых рынках. Фактически, как отмечают аналитики, можно говорить о девальвации лиры, что почти неминуемо ведет к потере её покупательной способности на внутреннем рынке, и это после того, как темпы инфляции удавалось снижать на протяжении всего 2000 года. Новая американская администрация уже выступила с предостережением, что МВФ не должен без конца финансировать страны, которые не в состоянии самостоятельно решать свои экономические проблемы, а напротив, сами же их и создают. Именно в этом обвиняется и турецкое правительство. Би-Би-Си. Русская служба, 22.02.2001.

⁷² Намеченные реформы не выполняются, приватизация сдерживается, государственные расходы не контролируются. «Через 14 месяцев после начала стабилизационной реформы народ Турции обнищал ещё более,

а экономика стала еще слабее... Ни в самой стране, ни вне её доверия к правительству уже не осталось. Но без этого доверия источники кредита останутся закрытыми... Никто не говорит об этом громко, но очевидно, что Эджевит уже не в состоянии управлять кораблём, хотя всем известно, что турецкие политики славятся своим стремлением не уходить, а оставаться на капитанском мостике, поэтому вероятно, что экономический кризис перерастет в политический. Возможно, колебанию подвернется уже не только курс, но и сама Турция». *Aktüel*, 1.03.2001.

⁷³ Р/с Свобода, 2.04. 2001.

⁷⁴ *Milliyet*, 18.03.2001.

⁷⁵ 1999 Ekonomik Rapor. Ankara, TOBB. Mayıs 2000, с. III.

⁷⁶ Türkiye – Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar ve çözüm önerileri. İstanbul, TÜSİAD, 1999, с. 122–126.

⁷⁷ <http://www.foreintrade.gov.tr/ead/SEKTOR/ulkeler/rusyafed>

⁷⁸ Türkiye – Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar..., с. 132–140; *Турецкий Вестник*. Издание Посольства Турецкой Республики в Москве. № 2, февраль 2001, с. 3.

⁷⁹ http://www.botas.gov.tr/tr/k_f/turkiog_gyardim.html

⁸⁰ *Hürriyet*, 18.01.2001.

⁸¹ Türkiye – Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar, с. 126–129.

⁸² Там же, с. 129–132.

⁸³ Там же. с. 243–244. *Турецкий Вестник*. №2, февраль 2001, с. 2, 6.

⁸⁴ *İstanbul Ticaret*, 6.10.2000.

⁸⁵ *Турецкий вестник*. №1. Январь 2001, с. 2.

⁸⁶ Там же, с. 2.

⁸⁷ *Radikal*, 18.03. 2001.

⁸⁸ Более детальная оценка российско-турецких экономических связей см.: *Коптевский В.Н.* Россия – Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. Москва, 2003; *Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы*. М., 2003.

⁸⁹ Türkiye – Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar..., с. 173–174.

⁹⁰ *Известия*, 8.06.1999.

⁹¹ Газета привела данные по двум задержанным – Хакы Мутлудоган и Несрин Услу. Первый родился в Болгарии, там же был завербован турецкой разведкой. За подрывную деятельность и попытку организации терактов на территории Болгарии мог быть арестован и поэтому спешно покинул страну в 1988 г. Знание русского языка помогло ему устроиться на работу при генконсульстве России в Трабзоне. Позднее он открыл небольшую фирму для поездок в нашу страну, где со временем установил широкие связи с земляками-строителями и их российскими партнёрами. Небезуспешно выполнял задания турецкой разведки, прежде чем его вычислили наши контрразведчики. Несрин Услу также родом из Болгарии. Её отец был турецким разведчиком, затем был депорти-

рован с семьёй из Болгарии. Она окончила славянский факультет Анкарского университета, общалась с делегациями из нашей страны в качестве переводчика, с отличием завершила курс обучения в разведшколе. В Ставрополе работала при строительной фирме Идиль, впоследствии наезжала в край, расширяла контакты с местными служащими для сбора шпионской информации. Уделяла повышенное внимание строительству нефтепровода Тенгиз–Новороссийск. *Россия*. М., 11.04.2001. www.rgz.ru

⁹² В ведении Фонда тюркологических исследований, финансируемого турецкой фирмой Эртугрул Гази, находится система лицеев Татарии – в них обучается около 1200 детей разного возраста. Лозунг фонда: Лишь тот счастлив, кто может сказать «Я – турок!». Президент фонда Туран Язган в 1996 г. в Набережных Челнах открыто заявил, что основная цель фонда – всемерно способствовать формированию единства тюркоязычных народов и на этой базе создать независимое тюркское государство. Кстати, в состав будущего государства помимо части России – от Сибири (отделение Турецкого фонда в Иркутске) до Северного Кавказа и Закавказья – должны войти и территории некоторых балканских государств, входивших когда-то в состав Османской империи. Практически все турецкие учебные заведения патронируют турецкие частные фирмы или общественные организации. Карачаево-черкесский лицей патронируют фирмы Эфляк и Торос. В Татарии, Башкирии и Чувашии материальную поддержку турецким лицеям осуществляет фирма Серхат, возглавляемая Фатхулахом Гюленом и Мустафой Кара. Они же занимались разработкой программ обучения и приёма на работу, однако разработанные ими учебные пособия не сертифицированы. «Плоды просвещения» уже сказываются. Даже поверхностный опрос, проведённый среди выпускников турецких лицеев Татарии, дал уникальные результаты. Оказалось, что здесь не преподают ни историю Второй мировой войны, не рассказывают о реформах Петра Первого и не касаются ряда других тем по истории России. Большое внимание уделяется вопросам пантюркизма и изучению биографии Кемаля Ататюрка. Что же касается фирмы Эфляк, то летом прошлого года в Черкесск из Турции приезжала ревизия для проверки деятельности лицея. По прибытии члены комиссии, не обращая внимания на нарушения в работе лицея, занялись сбором информации об общественно-политической и экономической ситуации в республике. Особый интерес во всей этой истории вызывает коррупционная составляющая. По данным правоохранительных органов, многие лицеи при поддержке фирм-спонсоров, чтобы получить необходимые разрешения и лицензии у местных чиновников от образования, предоставляют им ответные услуги в самом разнообразном виде. В частности, речь идёт о возможности отдохнуть в Анталье, выплате гонораров за чтение лекций в турецких вузах, написании учебников и методи-

ческих пособий. Добраться до истины в оплате такого рода услуг чрезвычайно сложно. *Россия*. М., 11.04.2001. www.rgz.ru

⁹³ Отличительной особенностью членов чеченских диаспор как в государствах СНГ, так и дальнего зарубежья является антироссийская предубежденность. Например, чеченская диаспора в Турции – одна из самых многочисленных, насчитывает более 30 тысяч человек, причём некоторые из них занимают видные посты в высших государственных органах и вооруженных силах. В марте 2002 г. зарубежный «ичкериец» криминальный бизнесмен Х. Нухаев через турецкий фонд «Хажавирт» оказал Р. Гелаеву, оппоненту Масхадова, финансовую помощь в размере 500 тыс. долларов. 24 мая 2002 г. в результате спецоперации в Веденском районе обнаружен тайник с личным архивом Шамиля Басаева. Отметки в паспортах его родственников свидетельствуют о неоднократных выездах отца и матери Басаева в ряд исламских государств: Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Иорданию. Описывая рейд банды Р. Гелаева в составе 200 человек из Грузии в Чечню через Ингушетию осенью 2002 г., автор сообщает, что в составе банды был турецкий отряд, насчитывавший 15 человек. По итогам боя с бандой вблизи Галашки боевики только убитыми потеряли 30 человек. Среди убитых – англичанин, грузины, турки, арабы. *Трошев Г.* Чеченский рецидив. Записки командующего. М., 2003, с. 139–140, 145, 155, 166, 186, 189, 199. Об упоминаемом в книге Трошева зарубежном «ичкерийце» Х. Нухаеве пишет и С. Горяинов – в Турции сейчас «практически легально находится Хожи Нухаев», там «под его руководством уже длительное время действует организация “Чеченский дом”, занимающаяся пропагандистской работой, организацией отдыха боевиков и привлечением средств для чеченских сепаратистов». Он озабочен также идеей интеграции кавказского региона «на экономической основе». «Гарантии безопасности внешних инвестиций должны быть обеспечены системой Кавказского инвестиционного фонда (Лондон), сетью инвестиционных банков, страховых компаний и арбитражного суда на территории субъектов федерации в регионе Кавказа. К реализации идеи... привлечён ряд известных и влиятельных политиков и бизнесменов заинтересованных зарубежных стран, в частности США, Англии». *Горяинов С.* Алмазы Аллаха. Кто убил Пола Хлебникова? М., 2005, с. 229.

⁹⁴ Там же, с. 54–55, 169.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- 1071 Победа тюрок-сельджуков над византийцами в Восточной Анатолии под Малазгиртом (Манцикертом). Историки считают, что эта победа открыла тюркам дорогу для дальнейших завоеваний на Западе.
- 1281 Смерть Эртогрула, вождя турецкого племени кайы, отца Османа.
- 1299–1324 Годы правления Осман-бея, основателя турецкого государства (род. 1258, ум. 1326).
- 1324–1359 Правление Орхана-бея, сына Османа.
- 1326 Взятие Брусы Орханом-беем.
- 1337 Захват Никомедии (Измид) османами.
- 1359–1389 Правление султана Мурада I.
- 1389 Завоевание турками Косова.
- 1393, 17 июня Захват турками столицы болгарского царства Тырново, превращение Болгарии в турецкую провинцию.
- 1402, 20 июля Разгром Тимуром османской армии в битве при Анкаре и взятие в плен султана Баязида I Молниеносного.
- 1453, 29 мая Взятие Константинополя (Стамбула) турками и перенесение сюда столицы Оттоманской империи из Адрианополя.
- 1459 Сербия завоевана турками.
- 1460 Греция стала провинцией империи.
- 1463 Завоевание Боснии турками.
- 1475 Завоевание генуэзских городов южного Крыма турками и присоединение Крымского ханства (а также Азова) в качестве вассального владения к Оттоманской империи.
- 1492 Султан Баязид II отправил в Москву посольство, однако оно не было пропущено через литовские владения.
- 1497–1499 В Стамбул впервые приезжают русские послы.
- 1510 Первое вторжение турок в Западную Грузию.
- 1514 Завоевание Курдистана турками.
- 1516 Завоевание Сирии и Палестины турками.
- 1517 Завоевание Египта турками.

- 1521 Взятие Белграда турками и включение его в состав Оттоманской империи.
- 1526 Победа турок над венграми при Могаче, установление вассальной зависимости Венгрии от Турции.
- 1529 Первая осада Вены турками.
- 1569 Поход турецко-татарской армии от Азова на Астрахань. Первое вооруженное столкновение турок с русскими. Поражение турок под Астраханью.
- 1578 Захват Сухум-кале (в Абхазии) турками.
- 1676–1681 Война России с Турцией и Крымом за Правобережную Украину.
- 1683 Вторая осада Вены турками. Разгром турецкой армии польскими войсками под командованием Яна Собеского. Начало отступления турок из Европы.
- 1696, 28 июля Взятие Петром I турецкой крепости Азов.
- 1698, октябрь – Карловацкий мирный конгресс, завершивший войну между Турцией и «священной лигой» (Россией, Австрией, Венецией и Польшей); первый международный раздел оттоманских владений в Европе.
- 1699, январь
- 1700, 13 июля Константинопольский мирный договор между Россией и Турцией, по которому за Россией остался Азов с окружающими землями и была отменена уплата Россией ежегодной «дачи» крымскому хану.
- 1711, 21 мая Прутский мирный договор между Россией и Турцией. Возвращение Петром I Азова туркам.
- 1724, 23 июня Константинопольский договор между Россией и Турцией о разделе иранских владений на Кавказе и о признании господства Турции в Грузии, Ширване, Гандже, Ереване, Карабахе и части Иранского Азербайджана.
- 1739 Белградские мирные договоры (австро-турецкий и русско-турецкий), завершившие четырёхлетнюю войну России и Австрии с Турцией; возвращение России Азова.
- 1774, 21 июля Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1768–1774 гг. Признание Турцией права России на владение Кабардой, Азовом, Керчью, Еникале и Кинбурном с землями между Днепром и Бугом; отказ Турции от сюзеренитета над Крымским ханством, объявленным независимым; предоставление России

- свободы торгового мореплавания в Чёрном море и Проливах, льгот по капитуляционному режиму и права делать представления в пользу княжеств Молдавии и Валахии.
- 1783, 19 апреля Манифест Екатерины II о присоединении к России Крыма, Тамани и кубанских татар.
- 1783, 21 июня Русско-турецкий торговый договор.
- 1792, 9 января Ясский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1787–1791 гг. и закрепивший право России на владение землями между Бугом и Днестром, а также подтвердивший присоединение Крыма к России и льготы, предусмотренные Кючук-Кайнарджийским мирным договором.
- 1793 Указы Селима III о создании пехотного корпуса по европейскому образцу.
- 1804, февраль Начало национально-освободительной войны сербского народа под руководством Карагеоргия против турецкого господства.
- 1812, 28 мая Бухарестский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг. Присоединение Бессарабии к России.
- 1826, 6 июля Лондонская конвенция между Россией, Англией и Францией по греческому вопросу.
- 20 октября Разгром в Наваринской бухте турецко-египетского флота соединённой эскадрой Англии, Франции и России.
- 1829, 14 сентября Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией, завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг.
- 1830, 3 февраля Лондонский протокол о провозглашении независимости Греции.
- 1833, 8 июля Ункяр-Искелесийский союзно-оборонительный договор между Россией и Турцией, содержащий в секретной статье обязательство Турции закрывать по требованию России Дарданеллы для иностранных военных судов.
- 1836–1838 Учреждение министерств в Турции и правительственных должностей по европейскому образцу.
- 1838, 16 августа Балталиманское соглашение о принципах и условиях торговли между Османской империей и Англией.
- 1839, 3 ноября Гюльханейский хатт-и хумаюн султана Абдул-меджида о реформах в Турции. Начало танзимата.

- 1841, 13 июля Лондонская конвенция между Россией, Австрией, Францией, Великобританией, Пруссией и Турцией о режиме проливов Дарданелл и Босфора; закрытие проливов для всех иностранных военных кораблей (в том числе русских).
- 1853–1856 Крымская война.
- 1854 Соглашение Турции о первом внешнем займе.
- 1856, 18 февраля Султанский фирман о новых реформах (начало второго периода танзимата).
- 1856, 30 марта Парижский мирный трактат (между Россией, Австрией, Францией, Великобританией, Пруссией, Сардинией и Турцией), завершивший Крымскую войну.
- 1858, 19 августа Парижская конвенция между Россией, Австрией, Францией, Великобританией, Пруссией, Сардинией и Турцией относительно устройства дунайских княжеств.
- 1860 Основание первого высшего учебного заведения в Турции – «Дар уль-фюнун» («Дом наук»).
- 1865 Образование тайного политического общества турецких конституционалистов – «новых османов».
- 1868 Открытие в Стамбуле императорского лицея Галатасарай с обучением на французском языке.
- 1876, осень Восстание в Болгарии против турецкого господства.
- 1876, 23 декабря Введение султаном Абдулгамидом II первой турецкой конституции, выработанной Мидхатом пашой.
- 1877, 5 февраля Отстранение Мидхата-паши от власти, арест его и высылка за пределы Оттоманской империи.
- 19 марта Открытие первого турецкого парламента.
- 1877–1878 Русско-турецкая война. Освобождение Болгарии.
- 13 июля Берлинский трактат между Россией, Германией, Австро-Венгрией, Францией, Великобританией, Италией и Турцией об изменении условий русско-турецкого мирного договора, заключённого в Сан-Стефано.
- 1878, февраль Разгон турецкого парламента Абдулгамидом II.
- 1881, 20 декабря Султанский указ («мухарремский декрет») об организации Управления оттоманского государственного долга.
- 1883, 10 апреля Убийство отца первой турецкой конституции Мидхата-паши в Аравии по приказу султана.

- 1889 Образование первой младотурецкой тайной политической организации – комитета «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки»).
- 1894–1896 Армянские погромы в Турции; вмешательство великих держав.
- 1902, февраль Первый конгресс младотурок (в Париже).
- 1903, 5 марта Подписание в Стамбуле конвенции между Турцией и германским Обществом оттоманской азиатской железной дороги о концессии на строительство Багдадской железной дороги.
- 1906 Создание Мустафой Кемалем тайной политической организации «Родина и свобода» в Дамаске.
- 1907 Съезд в Париже оттоманских партий и групп, боровшихся против реакционного режима Абдулгамидом II; принятие решения о единстве действий и о вооружённом восстании против султана.
- 1908, 3 июля Восстание гарнизона в Ресне (Македония) под руководством лейтенанта Ниязи-бея; начало младотурецкой революции.
- 1908, 23 июля Победа младотурецкой революции – принятие султаном Абдулгамидом II ультиматума младотурок о восстановлении конституции 1876 г. и о созыве парламента.
- 17 декабря Открытие оттоманского парламента (первого после восстановления конституции).
- 1909, 13 апреля Контрреволюционный переворот в Стамбуле, произведённый партией Ахрар при тайном участии Абдулгамидом II.
- 1909, 19 апреля Болгаро-турецкий протокол о признании Турцией независимого статуса Болгарии.
- 1909, 27 апреля Подавление контрреволюционного мятежа в Стамбуле прибывшей из Македонии «армией действия» под командованием Махмуда Шевкет-паши; фетва шейхуль-ислама о низложении Абдулгамидом II, утверждение оттоманским парламентом возведения его брата, принца Решада, на престол под именем султана Мехмеда V.
- 1909, 8 августа Принятие оттоманским парламентом поправок к конституции 1876 г., устанавливавших ответственность правительства перед парламентом и ограничивающих права султана.
- 1911, сентябрь – 1912, октябрь – Итало-турецкая война за североафриканские провинции Турции (Триполитании и Киренаики).

- 1912, 25 февраля Декрет итальянского короля об аннексии Триполитании и Киренаики.
- 1912, 8 октября Свержение младотурецкого кабинета итиляфистами (сторонниками партии «Свобода и согласие»).
- 1912, 18 октября Заключение в Лозанне итало-турецкого мирного договора, по которому Турция лишалась Триполитании и Киренаики, а Италия обязалась возвратить Турции о. Додеканес.
- 1912, 18 октября Начало первой Балканской войны между Турцией, с одной стороны, и союзниками (Болгария, Сербия, Греция и Черногория) – с другой.
- 1913, 23 января Государственный переворот, совершённый в Стамбуле младотурками во главе с Энвером и Талаатом.
- 1913, 30 мая Лондонский мирный договор между Турцией и балканскими союзниками (Сербией, Грецией, Болгарией и Черногорией), завершивший первую Балканскую войну.
- 1913, 30 июня Начало второй Балканской войны (между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией – с другой).
- 1913, 10 августа Заключение в Бухаресте мирного договора, завершившего вторую Балканскую войну.
- 1914, 3 января Назначение Энвера на пост военного министра с присвоением ему чина генерала и титула паши.
- 1914, 8 января Назначение германского генерала Лиман фон-Сандерс командующим первым армейским корпусом Турции.
- 1914, 8 февраля Парафирование в Константинополе русско-турецкого соглашения о реформах в Армении. (Соглашение не получило окончательного оформления и выполнения в связи с началом Первой мировой войны.)
- 1914, 1 августа Объявление Германией войны России. Начало Первой мировой войны.
- 1914, 10 августа Прибытие в Дарданеллы германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау».
- 1914, 9 сентября Отмена турецкими властями капитуляционного режима.
- 1914, 29 октября Бомбардировка германо-турецкими кораблями черноморского побережья России. Фактическое вступление Турции в Первую мировую войну.
- 1914, 2 ноября (20 октября) Официальное объявление Россией войны Турции.

- 1914, 5 ноября   Объявление Англией и Францией войны Турции. Британский королевский указ об аннексии о. Кипр Англией.
- 1914, 6 ноября   Объявление Францией войны Турции.
- 1915, 4 марта –
10 апреля   Тайное англо-франко-русское соглашение о присоединении Стамбула и Проливов, после победоносного окончания войны, к России.
- 1915, 27 мая   Закон о депортации армянского населения Восточной Анатолии во внутренние районы Турции «ввиду их сотрудничества с русскими». Начало истребления армянского народа в Турции.
- 1915, 16 сентября   Заявление министра внутренних дел Турции Талаат-паши о том, что должен быть положен конец существованию армян, какие бы трагические меры ни были предприняты.
- 1916   Русские войска заняли Эрзерум (16 февраля), Трабзон (18 апреля), Эрзинджан (25 июля), оставили Керманшах (5 июля), Хамадан (10 августа).
- 1916, 16 мая   Секретное англо-франко-русское соглашение по вопросу о разделе малоазиатских владений Турции («соглашение Сайкс–Пико»).
- 1917, 13 апреля   Разрыв дипломатических отношений между США и Турцией.
- 1917, 29 августа   Объявление Турцией войны Румынии.
- 1917, 15–28
октября   Официальный визит германского императора Вильгельма II в Стамбул.
- 1918, 3 марта   Подписание мирного договора в Брест-Литовске между РСФСР, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Оттоманской империей и Болгарией – с другой.
- 1918, 15 августа   Ираде султана о присоединении к Османской империи Карса, Батума и Ардагана.
- 1918, 15 сентября   Занятие Баку турецкими войсками.
- 1918, 20
сентября   Нота советского правительства оттоманскому правительству об отмене Брест-Литовского договора между РСФСР и Турцией.
- 1918, 7 октября   Отставка кабинета Талаат-паши. Выход Талаата, Энвера и Джемала из состава правительства. Образование кабинета Иззет-паши.
- 1918, 30 октября   Подписание перемирия между Антантой и Оттоманской империей на борту британского военного корабля «Агамемнон» в порту Мудрос на о. Лемнос.
- 1918, 2 ноября   Бегство Энвера, Талаата и Джемала в Германию.

- 1918, 3–8 ноября Занятие Мосула английскими войсками.
- 1918, 23 ноября Вступление в Стамбул союзнических войск.
- 1918, 21 декабря Роспуск оттоманской палаты депутатов под давлением союзников.
- 1919, 21 января Начало создания турецких партизанских отрядов для борьбы против оккупантов.
- 1919, 3 марта Создание в Эрзеруме общества «защиты прав» восточных вилайетов.
- 1919, 29 апреля Высадка итальянских войск в Анталье.
- 1919, 15 мая Высадка греческих войск в Измире и начало их продвижения вглубь Анатолии.
- 1919, 19 мая Прибытие Мустафы Кемал-паши в Анатолию.
- 1919, 23 июля – 6 августа Эрзерумский конгресс обществ «защиты прав» восточных вилайетов.
- 1919, 4 сентября – 11 сентября Сивасский конгресс. Образование Представительного комитета во главе с Мустафой Кемалем.
- 1919, 27 декабря Переезд Представительного комитета из Сиваса в Анкару.
- 1920, 12 января Открытие в Стамбуле оттоманского парламента.
- 1920, 28 января Принятие оттоманским парламентом «национального обета» в духе постановлений Эрзерумского и Сивасского конгрессов.
- 1920, 16 марта Союзнический десант в Стамбуле и официальное объявление Стамбула оккупированным. Разгон англичанами оттоманского парламента.
- 1920, 18 апреля Создание в Стамбуле «халифатской армии» для борьбы с анатолийским национальным движением.
- 1920, 23 апреля Открытие в Анкаре под председательством Мустафы Кемал Великого национального собрания Турции (ВНСТ).
- 1920, 25 апреля – 1923, 27 октября Первые кемалистские правительства Великого Национального Собрания Турции.
- 1921, 16 марта Заключение в Москве договора «о дружбе и братстве» между РСФСР и Турцией.
- 1921, 19 июля Занятие Эскишехира греческими войсками.
- 1921, 10 августа Подписание Севрского мирного договора между Оттоманской империей и державами Антанты.
- 1921, 23 августа – 13 сентября Решающее сражение между греками и турками на р. Сакарье.
- 1921, 13 октября Заключение в Карсе, при участии РСФСР, договора о дружбе между Азербайджанской, Армянской и Грузинской советскими республиками, с одной стороны, и Турцией – с другой.

- 1921, 20 октября Анкарский договор между Турцией и Францией об эвакуации французских войск из Киликии, установлении особого режима в Александреттском санджаке, проведении турецко-сирийской границы.
- 1921, 13 декабря Прибытие в Анкару чрезвычайной миссии УССР во главе с М.В. Фрунзе.
- 1922, 2 января Заключение в Анкаре договора о «дружбе и братстве» между Украинской ССР и Турцией.
- 1922, 26 августа Начало генерального наступления турок и прорыв ими греческого фронта к юго-западу от Афьон-Карахисара.
- 1922, 18 сентября Полное освобождение Анатолии от греческих войск.
- 1922, 11 октября Заключение в Муданье между Турцией и Великобританией, Италией и Францией греко-турецкого перемирия.
- 1922, 1 ноября Постановление ВНСТ о низложении Вахидеддина (как султана), об упразднении в Турции султаната и об избрании ВНСТ нового халифа из среды членов османской династии.
- 1922, 16 ноября Постановление ВНСТ о низложении бежавшего халифа Вахидеддина и об избрании члена османской династии Абдулмеджида халифом.
- 1922, 20 ноября Открытие Лозаннской конференции по выработке условий мирного договора между Антантой и Турцией.
- 1923, 24 июля Подписание в Лозанне мирного договора между Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией, Сербо-Хорватско-Словенским государством, с одной стороны, и Турцией – с другой, а также конвенции о режиме Проливов и других актов.
- 1923, 11 августа Открытие ВНСТ второго созыва.
- 1923, 2 октября Эвакуация из Стамбула войск Антанты.
- 1923, 13 октября Принятие ВНСТ закона об объявлении Анкары столицей Турции.
- 1923, 29 октября Провозглашение Турции республикой. Избрание Гази Мустафы Кемала президентом республики.
- 1923, 30 октября Первое республиканское правительство Турции (во главе с И. Инёню).
- 1924, 6 марта
- 1924, 3 марта Принятие закона об упразднении халифата, а также об упразднении министерств по делам шариата и вакуфов.

1924, 4 марта	Высылка из Турции последнего халифа Абдул-Меджида и других членов османской династии.
1924, 8 апреля	Закон ВНСТ об упразднении шариатских судов и об изменении некоторых положений судоустройства.
1924, 20 апреля	Принятие конституции Турецкой Республики.
1924, 26 августа	Открытие Делового банка в Анкаре.
1925, февраль – апрель	Восстание курдских племён в восточных вилайетах под руководством курдского шейха Саида.
1925, 17 февраля	Принятие ВНСТ закона об отмене десятины (ашар) и о замене её земельным налогом.
1925, 26 февраля	Закон об отмене иностранной концессии «Режи».
1925, 3 марта	Назначение Исмет-паши на пост премьера и формирование им правительственного кабинета.
1925, 3 июня	Постановление совета министров Турции о запрещении деятельности Прогрессивно-республиканской партии.
1925, 29 июня	Вынесение судом независимости в Диярбакыре смертного приговора 47 главным участникам восстания во главе с шейхом Саидом.
1925, 25 ноября	Закон о запрещении фески и об обязательном ношении европейских головных уборов.
1925, 30 ноября	Закон ВНСТ о ликвидации дервишских орденов и о закрытии дервишских обителей (текке, завие).
1925, 17 декабря	Заключение в Париже договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией.
1926, 5 июня	Анкарский договор между Великобританией, Ираком и Турцией об установлении турецко-иракской границы и добрососедских отношениях. Окончательный переход Мосула к Ираку.
1926, 12–14 ноября	Встреча в Одессе народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина с министром иностранных дел Турции д-ром Тевфиком Рюштюбеем.
1927, 17 февраля	Соглашение между США и Турцией о восстановлении дипломатических и консульских отношений.
1927, 11 марта	Подписание в Анкаре советско-турецкого договора о торговле и мореплавании.
1927, 28 мая	Закон «о поощрении промышленности».
1928, 25 мая	Заключение в Анкаре афгано-турецкого договора о дружбе и сотрудничестве.

1929, 28 января	Присоединение Турции к подписанному 27.VIII. 1928 г. в Париже договору о запрещении войны как орудия национальной политики («пакт Келлога»).
1930, август	Создание либерально-республиканской партии (ЛДП) во главе с Али Фетхи-беем.
1930, ноябрь	Самороспуск ЛДП.
1930, 30 октября	Анкарский договор между Турцией и Грецией о нейтралитете, дружбе, согласительной процедуре и третейском разбирательстве.
1930, декабрь	Реакционное восстание в Менеменском районе.
1932, апрель–май	Пребывание в Москве на первомайских торжествах турецкой делегации под председательством Исмета-паши.
1932, 18 июля	Вступление Турции в Лигу Наций.
1933, октябрь–ноябрь	Пребывание в Турции советской делегации во главе с К.Е. Ворошиловым.
1934, 9 января	Принятие турецким правительством «пятилетней экономической программы» промышленного строительства.
1934, 9 февраля	Подписание пакта Балканской Антанты (Турция, Греция, Югославия, Румыния).
1934, 5 декабря	Предоставление женщинам в Турции права выборов в парламент.
1935, 15–25 июля	Пребывание в Москве министра экономики Турции Джелиля Баяра.
1935, 16 сентября	Открытие текстильного комбината в Кайсери, на котором присутствовали советские представители.
1935, 7 ноября	Подписание в Анкаре протокола о продлении договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией.
1936, 20 июля	Подписание в Монтрё конвенции о режиме Проливов.
1937, 8 июля	Подписание в Тегеране Саадабадского пакта, оформившего Ближневосточную Антанту (Турция, Иран, Ирак и Афганистан).
1937, 25 октября	Отставка правительства Исмета Инёню и формирование кабинета Джелилем Баяром.
1938, 27 мая	Соглашение о предоставлении Англией кредита Турции в размере 16 млн. ф. стерлингов.
1938, 10 ноября	Смерть Кемаля Ататюрка.
1938, 11 ноября	Избрание Исмета Инёню президентом Турецкой Республики.

- 1938, 1 ноября – Премьер-министр Дж. Баяр во главе турецкого правительства.
- 1939, 25 января Премьер-министр Р. Сайдам во главе турецкого правительства.
- 1939, январь – Премьер-министр Р. Сайдам во главе турецкого правительства.
- 1942, июль Подписание в Берлине германо-турецкого соглашения о предоставлении Турции кредита в размере 150 млн. марок.
- 1939, 27 апреля Прибытие в Анкару германского посла фон Папена.
- 1940, 25 июля Заключение турецко-германского торгового соглашения.
- 1940, 25 сентября Переговоры в Москве турецкого министра иностранных дел Шюкрю Сараджоглу.
- 18 октября Подписание в Анкаре англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи.
- 1940, 19 октября Подписание в Анкаре англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи.
- 1941, 17 февраля Болгаро-турецкая декларация в Анкаре о воздержании от агрессии и обоюдном доверии.
- 1941, март Присоединение Болгарии к «тройственному пакту» фашистских держав. Вступление германских войск в Болгарию.
- 1941, 4 марта Вручение германским послом в Турции фон Папеном И. Инёню личного послания Гитлера с заверениями об отсутствии у Германии агрессивных намерений по отношению к Турции.
- 1941, 18 июня Заключение в Анкаре договора между Турцией и гитлеровской Германией «о дружбе и ненападении».
- 1941, 22 июня Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны СССР.
- 1941, 25 июня Провозглашение Турцией нейтралитета в войне между Советским Союзом и фашистской Германией.
- 1941, 9 июля Нарушение конвенции о Проливах – пропуск через проливы в Чёрное море германского сторожевого судна «Зеефальке».
- 1942 г. июль – Премьер-министр Ш. Сараджоглу во главе турецкого правительства.
- 1946 г. август Представление советского правительства Турции в связи с намерением Германии провести через проливы Босфор и Дарданеллы в нарушение конвенции в Монрё военных судов под видом торговых и использовать их для переброски военных сил стран «оси» в Чёрное море.
- 1942, 4 ноября Представление советского правительства Турции в связи с намерением Германии провести через проливы Босфор и Дарданеллы в нарушение конвенции в Монрё военных судов под видом торговых и использовать их для переброски военных сил стран «оси» в Чёрное море.

1943, 30–31 января	Встреча в Адане Черчилля с Исметом Инёню.
1943, 12 июня	Прибытие в Анкару главнокомандующего английскими вооружёнными силами в восточной части Средиземного моря адмирала Кеннингхэма.
1943, 4–6 декабря	Каирская конференция с участием Рузвельта, Черчилля и Исмета Инёню.
1944, 3 мая	Пантюркистская профашистская демонстрация в Анкаре. Аресты пантюркистов.
1944, 24 мая	Заявление Черчилля в палате общин о провале англо-турецких переговоров и о прекращении снабжения Турции оружием.
1944, 14 июня	Заявление английского министра иностранных дел Идена в палате общин о переброске германских военных судов из Чёрного моря в Эгейское и о представлении, сделанном по этому поводу турецкому правительству.
1944, 2 августа	Разрыв Турцией дипломатических и экономических отношений с Германией.
1944, 8 августа	Освобождение из анкарской тюрьмы советских граждан (Корнилова и Мордвинова).
1945, 23 февраля	Объявление Турцией войны Германии и Японии.
1945, 19 марта	Заявление В.М. Молотова турецкому послу в Москве Сарперу о желании советского правительства денонсировать заключённый 17 декабря 1925 г. советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете в связи с истечением срока его действия.
1945, декабрь	Освобождение из заключения пантюркистов, осуждённых в марте 1945 г. за фашистскую антигосударственную деятельность (пантюркистская демонстрация в Стамбуле носила враждебный Советскому Союзу характер). Разгром редакции демократической газеты «Тан» («Заря»).
1946, май	Чрезвычайный съезд Народно-республиканской партии Турции. Решения съезда о переходе к системе прямых выборов в парламент, о выборности генерального председателя партии, об изменении закона об Обществах.
1946 г. август – 1947 г. сентябрь	Премьер-министр Р. Пекер во главе турецкого правительства.
1946, 24 сентября	Последняя нота советского правительства турецкому правительству по вопросу о Проливах.

- 1946, 18 октября Последняя ответная нота турецкого правительства на ноту советского правительства о Проливах.
- 1947, март Послание президента США Трумэна конгрессу с просьбой ассигновать 400 млн. долл. для оказания «помощи» Греции и Турции, разрешить правительству обеспечить обучение «отобранного греческого и турецкого персонала» и послать американский гражданский и военный персонал в Грецию и Турцию («доктрина Трумэна»).
- 1948, февраль Решение парламентской группы народно-республиканской партии о восстановлении религиозного мусульманского обучения в турецких начальных школах и об учреждении богословских факультетов в университетах.
- 1948, июнь Решение конгресса США об ассигновании 225 млн. долл. для дальнейшей «помощи» Греции и Турции.
- 1948, сентябрь Сообщение газеты «Улус» («Народ») об открытии министерством просвещения в Стамбуле, Измире, Анкаре и других городах курсов по подготовке мусульманских священнослужителей (имамов) и проповедников.
- 1949 г. январь – Премьер-министр Ш. Гюналтай во главе
1950 г. май турецкого правительства.
- 1950 Принятие ВНСТ первого закона о поощрении иностранного капитала.
- 1950, 24 мая Победа Демократической партии на выборах в меджлис.
- 1950, май Избрание Дж. Баяра президентом Турецкой Республики. Сформирование правительства А. Мендереса.
- 1950, июнь Создание в Стамбуле Турецкого общества сторонников мира.
- 1951, октябрь Вступление Турции в Североатлантический блок (НАТО).
- 1951, 10 ноября Опубликование совместной декларации США, Англии, Франции и Турции о размещении военных баз на территории стран Ближнего и Среднего Востока.
- 1952, 18 февраля Ратификация меджлисом вступления Турции в НАТО.
- 1952, 31 июня Создание Конфедерации рабочих профсоюзов Турции.
- 1952, 24 декабря Принятие ВНСТ закона о восстановлении текста конституции Турецкой Республики с учётом поправок, внесённых до 10 января 1945 г.

1953, 30 мая	Заявление Советского правительства об отсутствии территориальных претензий к Турции.
1954, 18 января	Принятие ВНСТ закона о поощрении иностранных инвестиций.
1954, 7 марта	Принятие ВНСТ закона о создании национальной нефтяной компании по добыче и переработке нефти.
1955, 24 февраля	Заключение в Багдаде «Договора о взаимном сотрудничестве» между Турцией и Ираком, получившего название «Багдадского пакта».
1955, август	Англо-греко-турецкая конференция в Лондоне по вопросу о будущем статусе Кипра.
1955, 6–7 сентября	Погромы греков, армян и евреев в Стамбуле и Измире.
1957, 25 июля	Подписание соглашения между СССР и делегацией турецкого Делового банка в Москве о строительстве в Турции двух заводов по производству стекла и соды.
1960, апрель–май	Антиправительственные демонстрации в Анкаре и Стамбуле.
1960, 27 мая	Свержение военной хунтой режима Демократической партии во главе с президентом Баяром и премьер-министром Мендересом, арест всего руководства и активистов партии – членов правительства, депутатов ВНСТ.
1960, октябрь – 1961, сентябрь	Судебный процесс по делу членов правительства Баяра – Мендереса.
1961, февраль	Создание Рабочей партии Турции (РПТ).
1961, май	Принятие новой конституции.
1962, осень	Учреждение Международного консорциума помощи Турции.
1962–1963	Попытки военного переворота.
1965, 17–22 мая	Пребывание в Турции советской парламентской делегации во главе с Н.В. Подгорным.
1965, 9–13 августа	Пребывание в СССР с официальным визитом премьер-министра Турции С.Х. Ургюплю.
1966, 20–27 декабря	Пребывание в Турции с официальным визитом А.Н. Косыгина.
1967, 25 марта	Советско-турецкое соглашение по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, предусматривавшее предоставление Турции льготных долгосрочных советских кредитов на сооружение промышленных и других объектов.

- 1971, 12 марта Меморандум военного руководства страны в связи с обострением внутривосточной ситуации, по его требованию правительство Демиреля ушло в отставку, в 1971–1973 гг. под контролем военных проведена «стабилизация» обстановки в стране.
- 1972–1979 Реализация советского кредита, ввод в строй ряда промышленных объектов государственного сектора (металлургического, нефтеперерабатывающего, алюминиевого, сернокислотного и других заводов).
- 1974, лето Мятеж греческих военных на о. Кипр, высадка турецких войск в северной части Кипра, начало оккупации Турцией Северного Кипра и формирования Турецкой республики Северного Кипра.
- 1979 – начало 1980 Разгул политического террора в стране, развязанного правыми и левыми экстремистами, подготовка фашистского переворота сторонниками А. Тюркеша. Убийство террористом-туркешистом М.А. Агджи редактора газеты «Миллиет» Абди Ипекчи. Покушения в Европе армянских террористов на турецких дипломатов.
- 1980, 29 марта Соглашение о сотрудничестве между Турцией и США в области обороны.
- 1980, 12 сентября Военный переворот во главе с начальником генштаба вооруженных сил Турции Кенаном Эвренем.
- 1980, сентябрь – 1983, 13 декабря Правительство военного режима во главе с Улусу.
- 1981, 13 мая Покушение сбежавшего в Италию турецкого «бозкурта» Мехмеда Али Агджи на римского Папу Иоанна II.
- 1982 Второй экономический конгресс в Измире.
- 1982, 7 ноября Принятие новой конституции на референдуме страны.
- 1983 Судебные процессы над организаторами и участниками террористических акций в 1979–1980 гг., запрет исламистских и леводемократических организаций.
- 1983, декабрь – 1987, декабрь Первое после военного переворота гражданское правительство во главе с лидером Партии отечества Тургуттом Озалом.
- 1984–1986 Принятие первых основополагающих законов по приватизации государственной собственности в Турции.

- 1990, 11 января Прибытие первой группы турецких миссионеров-исламистов с идеологией Фетхуллы Гюлена в Грузию. В мае вторая группа посетила Грузию, Татарстан, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, положив начало проникновению исламистской общины Гюлена в образовательную систему ряда государств бывшего СССР, в том числе РФ (включая Москву).
- 1991, 12 декабря Заявление А. Тюркеша в турецком парламенте о том, что «турецкие республики Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан и Туркменистан находятся в критическом состоянии» и что «туранизм уже не фантазия, а реальность».
- 1993, июль В результате поджога отеля, устроенного фанатиками-исламистами в г. Сивас, сгорело заживо 35 человек.
- 1996, 8 июля –
1997, 30 июля Первое в республиканской истории коалиционное правительство во главе с лидером исламистской партии Рефах («Благоденствие») Н. Эрбаканом.
- 1997, декабрь Подписано соглашение между Россией и Турцией по проекту Голубой поток – о поставках в Турцию российского природного газа.
- 1998, 6 ноября Власти Турции приняли новую инструкцию относительно проливов Босфор и Дарданеллы, ужесточившую порядок прохождения торговых судов.
- 1999, 28 май –
2002, 18 ноября Коалиционное правительство Б. Эджевита. По итогам парламентских выборов в ноябре 2002 г. к власти приходит Партия справедливости и развития и формирует однопартийное правительство во главе с Абдуллахом Гюлем, а с марта 2003 г. – во главе с лидером партии Реджепом Эрдоганом.
- 1999, ноябрь Во время визита в Москву премьер-министра Турции Б. Эджевита подписано российско-турецкое соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом.
- 2001, март Угон чеченскими террористами в Саудовскую Аравию самолёта, вылетевшего из Стамбула в Москву.

1. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок. М., 1972.
2. *Алиев С.М.* История Ирана XX век. М., 2004.
3. *Атаёв Тюрккая.* США, НАТО и Турция. Авторизованный перевод с турецкого. М., 1973.
4. *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001.
5. *Батурич Ю.М.* Досье разведчика. М., 2006.
6. Безопасность России. Черноморский регион. М., 1997.
7. Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. М., 2000.
8. Ближний Восток и современность. Сборники статей. Выпуски 1–21. М., 1996–2004.
9. Восток. История и культура. Профессору Ю.А. Петросяну к 70-летию со дня рождения. С-Пб., 2000.
10. *Вдовиченко Д.И.* Национальная буржуазия Турции. М., 1962.
11. Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М., 1989.
12. *Вронченко М.П.* Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М.В. Ч. 1–2. СПб., 1839–1840.
13. *Гасанова Э.Ю.* Лаицизм и ислам в республиканской Турции. Баку, 2002.
14. *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
15. *Георгиян Э.А.* Турецкая Республика. Основные институты государственного строя. М., 1975.
16. *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Том I–II. М., 1960–1961.
17. *Горяинов С.* Алмазы Аллаха. Кто убил Пола Хлебникова? М., 2005.
18. *Громько А.А.* Памятное. 1–2. М., 1990.
19. *Гучанин М.П.* Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества. М., 2002.
20. *Данилов В.И.* Политическая борьба в Турции. М., 1985.

21. *Даница Б.М.* Ближний Восток. М., 1976.
22. *Даница Б.М.* Турция. М., 1949.
23. *Деникин А.А.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002.
24. *Деникин А.А.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002.
25. *Дипломатический словарь.* Т. 1, 2. М., 1948–1950.
26. *Документы внешней политики СССР.* Т. VIII, М., 1963.
27. *Еремеев Д.Е.* Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.
28. *Еремеев Д.Е.* Становление республиканской Турции (1918–1939 годы). М., 2004.
29. *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
30. *Желтяков А.В., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века). М., 1965.
31. *Живкова Людмила.* Англо-турецкие отношения 1933–1939 гг. М., 1975.
32. *Записки янычара.* Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978.
33. *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (Начало XV – первая половина XVI вв.)
34. *Зиганшина Г.М.* Ислам в общественно-политической жизни Турции в 1980–2000 гг. М., 2005. (Магистерская диссертация. Рукопись).
35. *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX – начало XX в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Санкт-Петербург, 2004. На правах рукописи.
36. *Инджикян О.Г.* Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977.
37. *Ислам и исламизм.* М., 1999.
38. *Ислам и общественное развитие в начале XXI века.* М., 2006.
39. *Ислам и политика.* М., 2001.
40. *Ислам на современном Востоке.* М., 2004
41. *Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке.* М., 2001.

42. История России XIX – начала XX в. Учебник. МГУ. Исторический ф-т. М., 2004.
43. История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX вв.). Кн. 1, 2. М., 2004.
44. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. V. М., 1993.
45. *Киреев Н.Г.* Анкара. М., 1972.
46. *Киреев Н.Г.* История этатизма в Турции. М., 1991.
47. *Киреев Н.Г.* Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982.
48. *Киреев Н.Г.* Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968.
49. *Колпакиди А., Прохоров А.Д.* Приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб 1918–1941. М., 2004.
50. *Кондакчян Р.П.* Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978.
51. *Коптевский В.Н.* Россия – Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. М., 2003.
52. *Корниенко Р.П.* Рабочее движение в Турции. 1918–1963. М., 1965.
53. *Кунаков В.В.* Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. М., 1999.
54. *Курпалидис Г.М.* Государство Великих Сельджукидов. М., 1992.
55. *Кямилев Х.* Общественные мотивы в турецкой поэзии. М., 1969.
56. *Лазарев М.С.* Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005.
57. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
58. *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948.
59. *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. М., 1948.
60. *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М., 1985.
61. *Моисеев П.П.* Аграрный строй современной Турции. М., 1970.
62. *Моисеев П.П.* Турецкая Республика. Крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994.
63. *Мойзиш Л.* Операция Цицерон. М., 1977.

64. *Мустафа Кемаль* [Ататюрк]. Путь новой Турции. Т. 4. М., 1934.
65. Мусульмане на Западе. М., 2002.
66. *Милюков П.Н.* Воспоминания. Том 1–2. М., 1990.
67. Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001.
68. Национализм и фундаментализм на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1999.
69. Новая история стран зарубежного Востока. Том II. М., 1952.
70. Новейшая история Турции. М., 1968.
71. *Новичев А.Д.* Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959.
72. *Новичев А.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.–Л., 1937.
73. *Новичев А.Д.* Экономика Турции в период мировой войны. Л., 1935.
74. *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971.
75. *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.
76. Османская империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.
77. От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003.
78. *Павленко П.* Стамбул и Турция (1927). М., 1932.
79. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. М., 2005.
80. *Петросян Ю.А.* Младотурецкое движение. М., 1971.
81. *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990.
82. Полвека мирного сотрудничества. М., 1973.
83. *Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992.
84. Проблемы истории Турции. Сборник статей. М., 1978.
85. *Равич Н.А.* Молодость века. Москва, 1960.
86. *Розалиев Ю.Н.* Особенности развития капитализма в Турции (1923–1960). М., 1962.

87. *Розалиев Ю.Н.* Экономическая история Турецкой Республики. М., 1980.
88. Российское востоковедение в память о М.С. Капице. М., 2001.
89. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.
90. Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или Евразию?. М., 1997.
91. Россия на Ближнем Востоке. М., 2001.
92. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927.
93. Силин А.С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.
94. *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны. М., 1976.
95. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.
96. Современная Турция. М., 1958.
97. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
98. *Соцков Лев.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003.
99. Спорные границы на Кавказе. М., 1996.
100. *Тишанский Ю.* По новой Турции. М., 1933.
101. *Тодорова М.Н.* Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826–1878). Тюркологический сборник. М., 1976.
102. Торговый бюллетень Торгпредства СССР в Турции. Стамбул.
103. Торгпредство СССР в Турции. Экономический бюллетень. Стамбул.
104. *Трошев Г.* Чеченский рецидив. Записки командующего. М, 2003.
105. Тюркологический сборник 1976, 1978. М., 1984.
106. Турция. История и современность. М., 1988.
107. Турция 2003. Анкара. Агентство турецких новостей, 2003.
108. Турция в XX веке. М., 2004.
109. Турция в новых геополитических условиях. М., 2004.
110. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
111. Турецкая Республика. Справочник. М., 1990.

112. Турецкая Республика. Справочник. М., 2000.
113. Турция. Современные проблемы экономики и политики. М., 1997.
114. Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. М., 1991.
115. *Ульченко Н.Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002.
116. *Уразова Е.И.* Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. М., 2003.
117. *Уразова Е.И.* Экономика Турции. От этатизма к рынку. М., 1993.
118. *Устюн Невзат.* Америка и американцы в Турции. Перевод с турецкого Р.И. Керим-Заде. М., 1971.
119. *Фадеев Р.* Кавказская война. М., 2005
120. *Фадеева И.Е.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977,
121. *Фалев П.* Турецкие писатели о причинах упадка Турции. ПГ, 1916.
122. *Фрили Джон.* Тайны Османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004.
123. *Хадиуллина Г.Н.* Экономические идеи в наследии Мусы Акъегетзаде. Казань, 2003.
124. *Хаков Джэнгиз.* История на Турция през XX век. Анкара–София, 2000.
125. *Хлебников П.* Разговор с с варваром. М., 2003.
126. *Чихачев П.А.* Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
127. *Чулков Михаил.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. Т. 2, книга 1. О торговле чрез Черное море, Константинополь, Венецию, Италию и в Левант, а сухим путем в Турцию же, в Польшу, Данциг, Пруссию, Бреславль и Лейпциг от возвращения гетманов запорожских до сего настоящего времени. СПб., 1785.
128. *Шамсутдинов А.М.* Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг. М., 1966.

129. *Шахинлер Ментер*. Кемализм: зарождение, влияние, актуальность. Пер. с французского. М., 1998.
130. *Шаццлло В.К.* Первая мировая война. Факты и документы. М., 2003.
131. *Шпилькова В.И.* Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977.
132. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.
133. Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999.
134. Экономика развивающихся стран. Сб. статей памяти В.А. Яшкина. М., 2004.
135. www.КМ.ru – большой словарь Кирилла и Мефодия.
136. *Akmanlar Kenan.* Türkiye Dış Ticareti. İstanbul, 1944.
137. Almanac Turkey. 1977–1983. Ankara, Turkish Daily News.
138. Amici Edmondo de'. Constantinople. Paris, 1883.
139. *Anadol Cemal.* Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler. İstanbul, [1995?].
140. *Arazi Kanunnamesi.* Hazırlıyan O.Çeker. İstanbul, 1985.
141. *Atay Falih Rifki.* Moskova–Roma. Ankara, 1932.
142. *Atay Falih Rifki.* Yeni Rusya. Ankara, 1931.
143. *Aydemir Şevket Sürreyya.* Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt I. İstanbul, 1983.
144. *Aydemir Şevket Sürreyya.* Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt III. İstanbul, 1978.
145. *Aydemir Şevket Sürreyya.* Menderes'in dramı? İstanbul, 1969.
146. *Aydemir Şevket Sürreyya.* Tek adam. Mustafa Kemal. 1-nci Cilt. (1881–1919). İstanbul, 1983.
147. *Aydemir Şevket Sürreyya.* Tek adam. Mustafa Kemal. 2-nci Cilt. (1919–1922). İstanbul, 1967.
148. *Aydemir Şevket Sürreyya.* Tek adam. Mustafa Kemal. 3-ncü Cilt. (1922–1938). İstanbul, 1966.
149. *Bağcı H.* Türk Dış Politikasında 1950'li Yıllar. Ankara, 2001.
150. *Barlas Mehmet.* Turgut Özal'ın Anıları. İstanbul, 2001.
151. *(Başar) Ahmet Hamdi.* İktisadi Devletçilik. Cilt 1–2. İstanbul, 1931–1933.
152. *Belen Fahri.* Türk kurtuluş Savaşı. Ankara, 1983.
153. *Bener E.* Türkiye'de para ve kambyo denetemi. Ankara, 1968.

154. *Berkes N.* Batıcılık, Ulusulçuluk ve toplumsal devrimler. İstanbul, 1965.
155. Beş yıllık planı. 1-8. Ankara, 1961–2000.
156. *Beyatlı Yahya Kemal.* Çocukluğum, gençliğim, siyasi ve edebi hatıralarım. İstanbul, 1976.
157. *Boran Behice.* Türkiye ve Sosyalizm Sorunları. İstanbul, 1968.
158. *Bozkurt G.* Batı Hukukunun Türkiye’de Benimsenmesi. Ankara, 1996.
159. *Bulut Faik.* Tarikat Sermayesinin yükselişi. Ankara, 1997.
160. *Bulutoğlu K.* 100 soruda Türkiye’de yabancı sermaye. İstanbul, 1970.
161. *Butbay Mustafa.* Kafkasya Hatıraları. Ankara, 1990.
162. *Celal Nuri.* Türk Devrimi. İnsanlık Tarihinde Türk Devriminin Yeri. Ankara, 2002.
163. *Cem İsmail.* Türkiye’de geri kalmışlığın tarihi. İstanbul, 1973.
164. *Çadırcı Musa.* Tanzimat Döneminde Anadolu Kentleri’nin Sosyal ve Ekonomik Yapıları. Ankara, 1991.
165. *Çavdar T.* Türkiye’de liberalizmin dogusu. İstanbul, 1981.
166. *Çubukçu İ.A.* Türk düşünce Tarihinde felsefe Hareketleri. Ankara, 1991.
167. Devrin Yazarlarının Kalemıyla Gazi Mustafa Kemal. I–II. İstanbul, 1981.
168. *Doğan M.* Tarih ve toplum. Türkiye’de toprak meselesi. İstanbul, 1977.
169. *Duman Doğan.* Demokrasi sürecinde Türkiye’de İslamcılık. İzmir, 1997.
170. *Eldem V.* Osmanlı İmparatorluğunun iktisadî şartları hakkında bir tetkik. Ankara, 1970.
171. *Ergil D.* Milli mücadelenin sosyal tarihi. Ankara, 1981.
172. *Erkin Feridun Cemal.* Dışişlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar. Cilt I. Ankara, 1987.
173. *Esmer A.Ş.* Siyasi tarih (1919–1939). Ankara, 1953.
174. *Ferman C.* Türkiye’de sanayi kredisi. İstanbul, 1951.
175. *Feroz A.* İttihatçılıktan kemalizme. İstanbul, 1987.
176. *Georgon François.* Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri. Yusuf Akçura (1876–1935). Çev. Alev Er, Ankara, 1986.
177. *Gökalp Z.* Makaleler. Cilt 7. Ankara, 1982.
178. *Gökalp Z.* Turkish Nationalism and Western Civilization, N.-Y., 1959.

179. *Güneş İhsan*. Birinci Türkiye Büyük Millet Meclisinin düşünsel yapısı (1920–1923). Eskişehir, 1985.
180. *Gürün Kamuran*. Türk-Sovyet İlişkileri. (1920–1953). Ankara, 1991.
181. *Halide Edib (Adivar)*. Memoirs of Halide Edib. L., 1926.
182. *Halide Edib (Adivar)*. Turkey faces West. L., 1930.
183. *Halide Edib (Adivar)*. The Turkish Ordeal. L., 1928.
184. *Halil A.* Atatürkçü dış politika ve NATO ve Türkiye. İstanbul, 1968.
185. İktisadi Rapor. Ankara, 1961–2000.
186. *İnönü İsmet*. Hatıralar. 2 kitap. Ankara, 1987.
187. *İnönü İsmet*. İnönü'nün söylev ve demeçleri. Cilt 1. 1919–1945. İstanbul, 1946.
188. Islam in Modern Turkey. Religion, Politics and Literature in a Secular State. L.–N.-Y., 1991.
189. Kalkınan Türkiye. Demokrat Parti neşriyatından. Ankara, 1954.
190. *Kansu Mahzar Müfit*. Erzurum'dan ölümüne kadar Atatürk'le beraber. Cilt 1. Ankara, 1986.
191. *Kara M.* Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler. İstanbul, 1980.
192. *Karaosmanoğlu Yakup Kadri*. Politikada 45 Yıl. Ankara, 1968.
193. *Karakuş Emin*. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara. İstanbul, 1977.
194. *Karpat K.H.* Turkey's Politics. The Transitions to a Multi-Party System. Princeton, 1959.
195. *Kafaoğlu Arslan Başer*. Bankerler ve Kastelli olayı. İstanbul, 1982.
196. *Kazıcı Ziya*. Osmanlılarda İhtisab müessesesi. İstanbul, 1987.
197. *Kemal Yahya (Beyatlı)*. Çocukluğum, gençliğim, siyasi ve edebi hatıralarım. İstanbul, 1976.
198. *Keyder Çağlar*. Dünya ekonomisinde Türkiye (1923–1929). Ankara, 1982.
199. *Kocatürk Utkan*. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi. 1918–1938. Ankara, 1983.
200. *Koç Vehbi*. Hayat Hikayem. 2 baskı. İstanbul, 1974.
201. *Koçak Cemil*. Türk-Alman İlişkileri (1923–1939). Ankara, 1991.
202. *Koçak Cemil*. Türkiye'de Milli Şef dönemi. (1938–1945). Ankara, 1986.
203. *Koloğlu Orhan*. Abdülhamid gerçeği. İstanbul, 1987.

204. *Kongar Emre*. 21 Yüzyılda Türkiye. 22 Basım. İstanbul, 1999.
205. *Kurdakul Necdet*. Osmanlı Devleti'nde Ticaret Antlaşmaları ve Kapitülasyonlar. İstanbul, 1981.
206. *Kutay Cemal*. Celal Bayar. Cilt 1-4. İstanbul, 1939.
207. *Landau Jacob M*. Pan-Turkism. From Irredintism to Cooperation. L., 1995.
208. *Leventoglu Mazhar*. Atatürk'ün Vasiyeti. İstanbul, 1968.
209. *Mango Andrew*. Atatürk. L., 2001.
210. *Mardin Şerif*. Toplu eserleri 1. Jön Türklerin siyasi Fikirleri. 1895-1908. 2 basılış. İstanbul, 1983.
211. *Mardin Şerif*. Toplu eserleri 2. Din ve ideoloji. İstanbul, 1983.
212. *Mears Eliot Grinnel*. Modern Turkey. N.-Y., 1924.
213. *Müderrişoğlu Alptekin*. Kurtuluş savaşının mali kaynakları. Ankara, 1990.
214. *Nadir Nadi*. Perde aralığından. İstanbul, 1964.
215. *Okçün A.G*. 1920-1930 yılları arasında kurulan Türk anonim şirketlerinde yabancı sermaye. Ankara, 1971.
216. *Okçün A.G*. Türkiye İktisat Kongresi. Ankara, 1968.
217. *Önsöy R*. Tanzimat dönemi osmanlı sanayi ve sanayileşme politikası. Ankara, 1988.
218. *Özmen S*. Türkiye'de ve dünyada İktisadi Devlet Teşekkülleri. Ankara, 1967.
219. *Özsoy Osman*. Türkiye'nin İmaj sorunu. İstanbul, 1998.
220. *Osmanlı*. Cilt I-XII. Ankara, 1999.
221. *Ortaylı İlber*. İmperatorluğun en uzun Yüzülü. İstanbul, 1987.
222. *Ortaylı İ*. Türkiye idare tarihi. Ankara, 1979.
223. *Okçün A.G*. Türkiye iktisat kongresi 1923. Ankara, 1968.
224. *Pamuk Şevket*. Osmanlı Ekonomisi ve Dünya kapitalizmi (1820-1913). Ankara, 1984
225. *Poulton Hugh*. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Reoublic. N.-Y., 1997
226. *Saffet Engin*. Kemaliz İnkılabının Prensipleri. Cilt I-II. İstanbul, 1938.
227. *Sander Oral*. Türk-Amerikan ilişkileri. 1947-1964. Ankara, 1979.
228. *Savaş, Vural*. Refah Partisi İddianamesi ve Mütalaası. İstanbul, 1997
229. *Sayar A.G*. Osmanlı iktisat düşüncesinin çağdaşlaşması. İstanbul, 1986.

230. *Su Mükerrerem, Ahmet Mumcu*. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük. İstanbul, 1996.
231. *Saydam Abdullah*. Kırım ve Kafkas Göçleri (1856–1876). Ankara, 1997.
232. *Sertel Sabiha*. Roman gibi (Anılar). Ant, 1966.
233. *Serin Necdet*. Türkiye'nin sanayileşmesi. Ankara, 1963.
234. *Soysal İsmail*. Tarihçeleri ve açıklamaları ile belikte Türkiye'nin siyasal Andlaşmaları. I Cilt (1920–1945). Ankara, 1983.
235. *Soysal İsmail*. Türkiye'nin Uluslararası Siyasal Bağitları. Cilt II (1945–1990). Kesim A (Çok Taraflı Bağitlar). Ankara, 1991.
236. *Şensözen V*. Osmanoğulları'nı varlıkları ve Abdülhamid' in emlakı. Ankara, 1982.
237. *Şerif Ahmed*. Anadolu'da Tanin. (Birinci gezi) İstanbul, 1977.
238. *Scipio L.A*. My Thirty Years in Turkey. Ringle (N. H.). 1955.
239. *Tahsin H., Saka R*. Sermaye hareketi. İstanbul, 1930.
240. T.C. İstatistik Umum Müdürlüğü. İstatistik Yıllığı. İkinci cilt 1929. Ankara, 1929.
241. *Tanlak Ömer*. İtiraf. İstanbul, 1996.
242. *Tanyol Cahit*. Atatürk ve halkçilik. Ankara, 1984.
243. *Tanyu Hikmet*. Ziya Gökalp'in Kronolojisi. Ankara, 1981.
244. *Tarhanlı İřtar B*. Müslüman Toplum 'Laik' Devlet. Türkiye'de Diyanet İşleri Başkanlığı. İstanbul, 1993.
245. *Tekeli İlhan, Selim İlkin*. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye İktisadi Kalkınma Planı. Ankara, 1974.
246. *Tekeli İlhan, Selim İlkin*. Uygulamaya geçerken Türkiye'de devletçiliğin oluşumu. Ankara, 1982.
247. Teşviki Sanayi hakkında Mevzuat ve Şurai devlet İçtihadatı. Ankara, 1939.
248. *Toprak Z*. İttihat-Terraki ve Devletçilik. İstanbul, 1995.
249. *Toprak Z*. Türkiye'de "milli İktisat" (1908–1918), Ankara, 1982.
250. Türk Anayasa metinleri. 1939–1980. Ankara, 1982.
251. Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. Editör Baskın Oran. Cilt I. 1919–1980. İstanbul, 2003.
252. Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Anadolu Yayıncılık. Cilt 1-10. İstanbul, 1983.
253. Türk İsmail. İktisadi gayeli mali yardımlar (Nazariye ve Tatbikat). Ankara, 1957.
254. *Türkeş A*. 1944 milliyetçilik olayı. Yedinci baskı, İstanbul, 1975.

255. Türkiye Ansiklopedisi, Cilt I–VI, Ankara, 1956–1958.
256. Türkiye iktisat Tarihi Semineri. 8–10 Haziran 1973. Ankara, 1975.
257. Türkiye Çerkeslerinde Sosyo-Kültürel Değişme. Ankara, 1996.
258. Türkiye ve Siyaset Dergisi – Yaz 2003.
259. Türkiye Yıllığı 1962. İstanbul, 1962.
260. Türkiye-Rusya İlişkilerindeki yapısal Sorunlar ve çözüm Önerileri. İstanbul, 1999.
261. Türkiye’de toplumsal ve ekonomik gelişmenin 50 yılı. Ankara, 1973.
262. Türkiye’nin Orta ve Uzun Vadeli çıkarları açısından Türk-Rus İlişkileri. İstanbul, 1997.
263. *Tunaya T.Z.* Türkiye’de siyasi partiler. İstanbul, 1952.
264. *Tunaya T.Z.* Türkiye’de siyasi partiler. Cilt I. İstanbul, 1984.
265. *Tunaya T.Z.* Türkiye’nin siyasi hayatında batılama hareketleri. İstanbul, 1996.
266. *Tunçay Mete.* Eski sol üstüne yeni bilgiler. İstanbul, 1982.
267. Turkey 2000. İstanbul, Turkish News Agency. 2000.
268. Turkey. A Country Study. Federal Research Division. Library of Congress. Edited by Paul M. Pitman. III Research Completed September 1988.
269. Turkey. A Country Study. Federal Research Division. Library of Congress. Edited by Helen Chapin Metz. Research Completed January 1995 [http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?frd/cstdy:@field\(DOCID+tr0000\)](http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?frd/cstdy:@field(DOCID+tr0000)) <http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/turkey/tr>
270. Uluslararası Midhat Paşa semineri. Ankara, 1966.
271. *Uras Güngör.* Türkiye’de yabancı sermaye yatırımları. İstanbul, 1979.
272. *Uras Güngör.* Ekonomide Özal’lı Yıllar. 1980–1990. İstanbul, 1993.
273. *Ücök C., Mumcu A.* Türk hukuk tarihi. Ankara, 1985.
274. *Uşaklıgil Halid Ziya.* Saray ve ötesi. Son hatıralar. İstanbul, 1981
275. *Varlık Bülent.* Emperyalizmin Çukurova’ya Girişi. Ankara, 1977.
276. *Yasa İ.* Türkiye'nin toplumsal yapısı ve temel sorunları. Ankara, 1973.
277. *Yazman M.Ö.* Türkiye’nin ekonomik gelişmesi. Ankara, 1974.
278. Yeni Türkiye. İstanbul, 1959.
279. *Yeniay H.* Yeni Osmanlı borçları tarihi. İstanbul, 1964,
280. Yurt Ansiklopedisi. Cilt I–XI. İstanbul, 1982–1984.

281. *Yücel Yaşar, Ali Sevim. Türkiye Tarihi. 4. Osmanlı Dönemi. 1730–1861. Ankara, 1992.*
282. <http://www.turkiyevesiyaset.com/sayi14/14-13.htm>
283. <http://www.diyaret.gov.tr/tanitim/>
284. *Yalçın Söner. Hangi Erbakan. Ankara, 1995.*
285. *Yetkin Çetin. Serbest Cumhuriyet Fırkası Olayı. İstanbul, 1982.*
286. *Zürher Erik Jan. Milli Mücadelede İttihatçılık. İstanbul, 1987.*
287. *Türk İsmail. İktisadi gayeli mali yardımlar (Nazariye ve Tatbikat). Ankara, 1957.*
288. *Sander Oral. Türk-Amerikan ilişkileri. 1947–1964. Ankara, 1979.*
289. *Yeni Türkiye. İstanbul, 1959.*
290. *Uras Güngör. Ekonomide Özal'lı Yıllar. 1980–1990. İstanbul, 1993.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

- Абди Ипекчи, 339
Абдулазиз, 53, 55, 58, 59, 71, 151
Абдулгамид I, 393
Абдулгамид II, 59, 61, 62, 66, 69–72, 76–80, 87, 414, 416–418, 423, 426–428, 432, 439, 474
Абдулзалим Челеби-эфенди, 459
Абдулмеджид, 37, 43, 48, 53, 161
Абдулхак Хамид, 415
Абдуррахман Сайман, 248, 250
Абуззия Тевфик, 415
Авджыоглу Д., 453
Авни Озгюрьель, 392
Авундукзаде, 178, 179
Агаогуллары М.А., 321
Агджа Мехмет Али, 339, 340
Аднан (Адывар), 166
Азиз Несин, 334, 353
Айбар Мехмет Али, 313
Айдемир Т., полковник, 526
Айдемир Шевкет Сюррея, 102, 202, 304, 423, 470, 499
Айтач Тургут, 319
Айтматов Чингиз, 335
Айхан Айдан, 525
Акбель О., 542
Актар, 482
Акчура Юсуф, 88, 172, 432, 433
Александр I, 30
Александр II, 47, 66
Александр Македонский, 6
Али Риза эфенди, отец Ататюрка, 508
Али Суави-бей, 58
Али Фуад-паша (Джебесой), 125, 126, 140, 165, 166, 168, 467, 478
Алиев С.М., 391
Алиев Г.З., 414
Али-Хаджи, 118
Алкин Э., 375
Алмазов, 507
Алхазуров Хизир, 387
Анадол Джемаль, 110
Анар Нусрет, 480
Анзавур, 127, 459
Антокольский М.М., 65
Апайдын Зекаи, 504
Аралов С.А., 467, 468
Арапгирли Адуллах Джевдет, 423
Аргюч Намык, 306
Аристиди-эфенди, 426
Арнштам Л., 208
Арыкоглу Дамар, 465
Атаёв Тюрккая, 274
Атай Фалих Рыфкы, 209–211, 436, 497, 499
Ататюрк Мустафа Кемаль, 75, 78, 84, 103–107, 113, 114, 119–130, 133–135, 137–140, 142–143, 145–153, 155–160, 162–167, 170–173, 179, 185–187, 189, 190, 192, 194, 198, 201, 202, 204, 208, 213, 215, 216, 218, 220–224, 230–235, 243, 245, 247, 248, 282, 284, 287, 288, 299, 305, 307, 308, 318, 319, 321, 322, 334, 336, 341, 342, 355, 359, 369, 370, 388, 389, 425, 426, 429, 430, 436, 444, 445, 453–461, 466, 468–470, 474, 475, 477–481, 496, 499, 504, 506–509, 524, 525, 533, 547
Атсыз Нихаль, 254, 255, 266, 281, 319
Афет (Инан), Афетинан, 232, 508
Ахмадов Увайс, 387

- Ахмед Есеви, 8, 392
 Ахмед Митхад, 415
 Ахмет Риза-бей, 426
 Ахмет, брат Ататюрка, 508
- Бабанзаде Исмаил Хаккы, 429
 Багджы Х., 277, 298, 523
 Байкал Дениз, 359
 Бали, 299
 Бамат (Баматов) Хайдар, 136, 448, 461
 Барсова В.В., 496
 Барутчу, 242
 Басаев Ш., 548
 Басарья Симон, 461
 Батурин М.М. (Бакланов), 248
 Батурин Ю., 248, 505, 515
 Бах И.С., 284
 Бахчели Девлет, 367, 378
 Башар Ахмет Хамди, 198, 316, 436
 Башбуг Седат, 363
 Баштуг, генерал, 306
 Баюр Юсуф Хикмет, 76, 107, 156, 424, 445
 Баязит Молниеносный, 8, 393
 Баязид, султан, 9, 10
 Баяр Джеляль, 177, 201, 202, 205, 213, 215, 230, 231, 235, 287, 288, 297, 305, 306, 309, 483, 499, 525
 Безмен, 484
 Безродный И., 533
 Бейбутов Р., 533
 Бекир Сами-бей, 122, 138, 140–142, 218, 459, 465–467
 Бенер Эрхан, 278, 279, 301, 314, 522
 Бенкендорф А.К., 106, 446
 Беркок Исмаил Хаккы, 110, 135–137, 461, 463
 Бертело, генерал, 451
 Бетховен Л., 284
 Бейтлы Яхья Кемаль, 54
- Билотти А., 483
 Бильсай Куруч, 492
 Биранд А., 361
 Бисмарк О., 69, 425
 Блюмкин Я.Г., 215, 500
 Бозок Салих, 147
 Боран Бехидже, 313, 330
 Борель, проф., 490
 Боткин С.П., 65
 Бразинскасы, 335, 533
 Брайссарт, 101
 Бриггс, генерал, 453
 Бристоль, адмирал, 193
 Брук А., 261
 Будённый, 460
 Булгаков М.А., 473
 Булгурлар, 482
 Булут Фаик, 341, 538, 539
 Бурла, братья Даниэль и Эли, 483, 495, 496
 Бурлацкий Ф., 99
 Бурмистров, 507
 Бутбай Мустафа, 136, 137, 461
 Бутру Э., 432
 Бьюкенен Дж., 105
- Вангенхейм, посол, 101
 Варфоломей, патриарх, 355
 Васфие, 508
 Вахидеддин, см Мехмед VI, 105, 112, 114, 120, 151, 471
 Веддель А., 521
 Вейцеккер, 245, 247
 Велед Челеби, 470
 Венизелос, 479
 Вессель-паша, 66
 Вешняков, 17
 Вивьер Клод, 520
 Виктория, королева, 416
 Вильгельм II, кайзер, 69, 97
 Вильсон Вудро, 447, 462
 Вильсон Х., 440
 Виноградов В.Н., 409, 516

- Витгенштейн П. Х., 32
 Волинский Б., 498
 Воронцов-Дашков И.И., 102
 Ворошилов К.Е., 214, 238
 Врангель П.Н., 133, 472, 473

 Габидуллина, проф., 496
 Ганусец А.И., 263, 264
 Гасанова Э.Ю., 159, 475
 Геббельс, 247, 248
 Гегечкори, 118
 Гедик Намык, 306, 309
 Гейдрих Р., 248
 Гёкальп Зия, 78, 89, 90, 171, 172,
 433–436
 Гёкчен Сабиха, 508, 509
 Гелаев Р., 548
 Генджер Лейла, 334
 Георгиевский, 507
 Гераи, 395
 Гереде Хюсрев, 245, 246
 Гершвин Дж., 284
 Гиз Аднан, 398
 Гилельс Э., 533
 Гирс М.Н.
 Гиритли Исмет, 172
 Гиритли Шевки, 168
 Гитлер, 225, 235–237, 239, 243,
 246, 247, 252–254, 270, 510–
 512, 514
 Гладков Ф., 335
 Гладстон У., 65, 71
 Глазунов А.К., 284
 Гоголин, 498
 Гоголь Н.В., 541
 Гойтинский Нажмудин, 116
 Голикова Н.Б.
 Голобородько И.М., 476
 Гольц фон дер, 81, 425, 441
 Гордлевский В.А., 9, 431
 Горчаков А.М., 64
 Горький М., 285, 496
 Горяинов С., 548

 Грейг С. К., адмирал, 18
 Громыко А.А., 334, 533
 Гульбенкян, 95
 Гурко, генерал, 66, 67
 Гусейн Авни-паша, 413
 Гусейнов Чингиз, 533
 Гутенберг Иоганн, 21
 Гюго В., 65
 Гюлен Фетхуллах, 322, 341, 353–
 355, 365, 369, 370, 538–540,
 544, 545, 547
 Гюльбенкян Калуст Саркис, 439
 Гюналтай Ш., 288
 Гюр Метин, 363, 365
 Гюрджан Ф., 526
 Гюрсель Джемаль, 304, 305, 307,
 308, 312
 Гюрьпынар Хюсейн Рахми, 431
 Гюрюз Кемаль, 76, 424
 Гюрюн Кямуран, 134, 237, 267,
 268, 460, 511

 Д'Амичи, Эдмондо, 56, 415
 Д'Эспре Франше, 451
 Даладьё Э., 236
 Дамад Ферид-паша, 114, 124, 128,
 455
 Данциг Б.М., 184
 Дарвин Ч., 65
 Дебюсси К., 284
 Демир Ф., 427
 Демирель Сулейман, 255, 312,
 313, 318, 321, 324, 327, 329–
 333, 338, 351, 352, 394, 527,
 531
 Деникин А.И., 115–117, 120, 121,
 123, 133, 451–453, 455, 456
 Детердинги, 439
 Дешнер, посол, 219
 Джавид бей, 164, 168
 Джами-бей, 459
 Джанбулат Ахмед Джевдет, 462
 Джандар Дж., 357

- Джаникли Али-паша, 18
 Джевдет паша
 Джевдет-паша Ахмед, 52, 53, 412
 Джевхер-ага, 427
 Джелаледдин Ариф-бей, 459
 Джелаль Нури (Илери), 431
 Джем Исмаил, 379
 Джемалеттин Челеби-эфенди, 459
 Джемаль Решид, 496
 Джемаль-бей, торговец, 179
 Джемаль-паша Ахмет, 84, 98, 113, 139, 465
 Джонсон Л., 317, 528
 Дзержинский Ф.Э., 139, 465, 473
 Доган М., 411
 Долуханова З., 533
 Дулина Н.А., 405
 Душуев Р., 389
 Дюркгейм Эмиль, 434, 480
 Дюрризаде Абдуллах, 127
- Евтушенко Е., 335
 Екатерина II, 18, 19
 Елавич Барбара, 410
 Еткин Четин, 492
- Живкова Л., 233
 Жорес, 431
 Жуковский П.М., 396
- Заим С., 484
 Зариф-паша, 46
 Зиновьев И.А., 80
 Зиновьев Г., 465
 Зия-паша, поэт, 58, 415
 Золотарёв, 212
 Зорлу Фатих Рюштю, 299
 Зюбейде ханым, мать Ататюрка, 146, 508
- Ибрагим-паша-заде Хюсейн (Кавалалы), 179
 Ибрагим Камиль, 211, 212
- Иван III, 10, 13
 Иван IV, Грозный, 13, 14
 Игнатъев, посол, 65
 Изги Омер, 371
 Иззет-паша Ахмет, 110–113
 Илькин Селим, 211
 Иманов Л., 233
 Иналджык Халюк, 8, 11, 21, 37, 404
 Инджикян О.Г., 92, 176, 413, 437
 Инёню Исмет, 126, 168, 193, 200, 202, 210, 211, 214, 215, 230, 231, 235, 242, 246, 249, 254, 261–263, 265, 266, 282, 288, 303, 306, 312–314, 317, 325, 333, 472, 477, 497, 504, 505, 507, 508, 512, 519, 520, 527, 533
 Иона, архимандрит, 96
 Ипсиланти А., 30, 403
 Исмет-бей, затем паша (см. Инёню Исмет), 128, 145, 148, 150, 153–156, 167, 194, 459, 469, 498, 501
 Исраилов, 253
 Йылмаз Месут, 350, 359, 360, 366, 371
- Кадоган А., 261
 Казан Ш., 356
 Казанджян Р., 466
 Калмаз, 306
 Кальторп, адмирал, 113, 114
 Камиль Ибрагим, 211, 212
 Кан Суна, 334
 Каннинг Стрэтфорд, 401
 Кануни Сулейман, 12
 Капланы, отец и сын Метин, 369
 Каполеоне, 417
 Каптан-ы Дерья Гази Хасан Паша, 18
 Кара Васыф-бей, 461
 Карагеоргий, 27

- Кара Кемаль, 164, 168, 454
 Кара М., 63, 539, 547
 Карабекир Казым, 102, 120, 132, 134, 136, 137, 139, 147, 165, 166, 168, 460, 461, 464, 509
 Каракуш Эмин, 250
 Карамехметзаде, 484
 Караосманоглу Февзи Лютфи, 474
 Караосманоглу Якуб Кадри, 474
 Караосманоглулары, семья, 411, 474
 Карахан Л.М., 138, 461, 465, 468, 505
 Карпов П. Н., генерал, 66
 Картер Дж., 440
 Кары Мехмед, 448
 Кастро Фидель, 333, 533
 Катон, 449
 Кейдер Чаглар, 184, 486
 Кемаль Намык, 58, 78, 415, 417, 419, 429, 435
 Кемаль Орхан, 334, 335
 Кемаль Тахир, 334
 Кемаль Юсуф, 140, 142
 Кемаль Яхья, 54
 Кеннеди Джон, 334
 Кепенек Якуб, 367
 Кербабаев Берды, 533
 Кереселидзе, генерал, 118
 Керзон, 154, 472, 510
 Кили Суна, 492
 Клемансо, 71
 Кноль, посол, 449, 501
 Ковалевский, проф., 498
 Коган Л., 533
 Колесников А.А., 177, 178
 Коллис, генерал, 456
 Кологлу Орхан, 71, 418, 419
 Комер, посол, 528
 Конгар Эмре, 90, 123
 Кондакчян Р.П., 299
 Константин, король Греции, 145
 Коптевский В.Н.
 Корай Седеф, 365
 Коралтан Рефик, 305, 309
 Корниенко Р.П., 495
 Корнилов В.А., 45
 Корнилов Л., 248–250, 267, 515, 516
 Корхмязян Р., 239, 250
 Косыгин А.Н., 335
 Котку Мехмед Захид, 322, 523
 Кофтан Хазар, 111
 Коцев Пшемах, 452
 Коч Вехби, 180, 187, 255, 257, 482, 495, 496
 Кочак Дж., 239, 242, 247, 253, 254, 266, 273
 Кошок Пшимахо, 111
 Краснов, генерал, 451
 Кубилай, 169, 170, 220, 353
 Кузнецов М., 249, 515, 516
 Кук Колис, 453
 Кунаков В.В., 524
 Курдаш, ректор, 528, 529
 Кут см. Халиль паша
 Кутан Реджаи, 366, 368
 Кутлу Хайдар, 346
 Кутузов М.И., 28
 Кууджуклу Назиф, 532
 Куяш Суат, 306
 Кыврыкоглу, генерал, 369, 370
 Кылыч Али, 509
 Кылычарслан, 8
 Кыннаджы(заде), 179, 482
 Кырджи Халюк, 372, 535
 Кямилев.Х
 Кямиль-паша, 79, 83, 426, 429

 Лазарев М.С., 481
 Лансере Е.Е., 208
 Латифе-ханым, 147, 469, 470
 Левентоглу М., 232, 508
 Ленин В.И., 130, 133, 137–139, 141, 143, 153, 313, 336, 447, 465–467, 530

- Лео, 465
Лиман фон Сандерс, 101, 113, 425, 441
Литвинов М.М., 210, 214, 504
Ллойд Джордж, 141, 466, 467
Лорэн Перси, 233
Лэйярд, посол, 418
- Маданоглу Джемаль, 306, 525
Мазхар Муфти-бей (Кансу), 475, 476
Макариос, архиепископ, 91
МакАртур, генерал, 190
Макбуле-ханым, сестра Ататюрка, 232, 508
Маковский К.Е., 65
Максакова М.П., 496
Малиновская М.Г., 515
Малиновский Р.Я., маршал, 333, 532
Мамурин, 498
Манго Э., 139, 140, 466, 503
Мансур, имам, 19, 20
Маринин О.В., 409
Марк И. инженер, 498
Маркс К., 63, 313, 498
Марр Н.Я., 209
Маршалл Дж., 278, 279, 285, 286, 293–296, 522
Масигли, посол, 239
Масхадов А., 387, 548
Маунтбеттен Мари, 416
Махмуд II, 24, 25, 33, 36, 37, 393, 402
Махчупьян Этьен, 256
Мдивани Буди, посол, 140, 468
Мевляна, 8
Мевлян-заде Рифат, 99
Мейер М.С., 143, 463
Мейерхольд В., 496
Мелен М., 360
Менделеев Д.И., 65
Мендерес Аднан, 281, 287, 288, 297, 299–301, 304–307, 309, 321, 474, 523, 525–527
Мендерес Этем, 304, 305, 309
Менеменджиоглу Н., 261, 265, 519
Мехмед II, 10, 394
Мехмед V Решад, 80, 100, 111, 436
Мехмед VI Вахидеддин, 112, 120, 169, 455, 471
Мехмед дервиш, 169
Мехмед Эмин, 429
Мехмет Решит, 423
Мехмет Рифат (Бёрекчизаде), 125, 222
Мечников И. И., 65
Мещанинов И.И., 496
Мидхат-паша, 52, 53, 58, 59, 61, 62, 71
Миллер А.Ф., 105, 132, 226, 520
Мильтон Джордж, 114, 451, 456
Миних, фельдмаршал, 16, 397
Мирс Элиот Гринелл, 103
Моисеев П.П., 474, 485
Моллисон, генерал, 456
Молотов В.М., 210, 237, 238, 243, 268, 269, 279, 280, 511, 520
Мольтке Хельмут Карл, 25
Монтескьё, 416
Моргентау Г., посол, 440, 441
Моцарт В.А., 284
Мумджу Угур, 369
Муравьев Н.Н., 35, 46
Мурад I, 9
Мурад V, 59, 416
Мусоргский М.П., 284
МуССолини Б., 193, 194, 210, 236, 252
Мустай Карим, 533
Мустафа IV, султан, 393
Мустафа Кемаль см. Ататюрк
Мустафа Кемаль
Мутлудоган Хакы, 546
Мухаммед Али, 30, 34, 41

- Мухсин Эртогрул, 208, 496
 Мухтар Ахмет, 141, 213
 Мухтар-паша Махмут, 443
 Мюдеррисоглу А., 124, 467
 Мюнир Метин, 375
 Мютеферрика Ибрагим, 21
 Мюфрид-эфенди, 150
- Наджие, сестра Ататюрка, 232, 508
 Нади Надир, 239, 241, 247, 264, 265, 509–512, 514, 519
 Нади Юнус, 474
 Надми-бей, 219, 448
 Назым-паша, 83, 168
 Наполеон, 21, 28, 29, 402
 Насырбаев, 478
 Нахимов П.С., 45
 Нацаренус, 468
 Небиле, 508, 509
 Нелидов А.И., 417
 Неплюев Адриан, 17
 Никитин, дипкурьер, 249, 515, 516
 Николаев, проф., 498
 Николаева Т.П., 533
 Николай I, 30, 31, 35, 42–45, 47
 Николай II, 78, 444, 446, 461
 Ниязи, дирижёр и композитор, 334
 Ниязи-бей, 78, 79
 Новичев А.Д., 95, 183
 Нокс, 438
 Нури-паша, брат Энвера, 110, 118, 137, 246, 247, 450, 453, 462, 465, 479
 Нухаев Х., 548
 Нэтчбулл-Хьюгессен, посол, 616
- Огнивцев А.Л., 533
 Огуз Реха, 255
 Огуз Шереф, 545
 Оджалан, 371
 Озал, Коркут и Тургут, 255
 Озал Тургут, 221, 338, 341, 343, 344, 346, 349–351, 357, 390, 495, 527, 537
 Озгюр Мустафа, 484
 Оздаг М., 525
 Озден Д., 537
 Озден, полковник, 525
 Озден, дочь Исмета Инёню, 508
 Ойстрах Д., 496
 Окмен, 525
 Окчун А.Г., 179, 182, 483
 Окъяр Осман, 294, 342
 Окъяр Фетхи, 155, 201
 Омер, сын Исмета Инёню, 508
 Омер, брат Ататюрка, 508
 Омер-паша, 47
 Онай А. Шериф, 211
 Орешкова С.Ф., 466
 Орлов, проф., 211, 499
 Ортайлы Ильбер, 52, 84, 433
 Орхан, сын Османа Гази, 8, 458
 Орхан Вели, 335
 Орхан Кемаль, 334
 Осман Гази, 7, 8
 Османы, 8, 9, 41, 150, 151, 458, 470, 471
 Оффенбах, 418
 Охрили Ибрагим Темо, 423
- Павленко П., 180
 Павлов Г. (Мордвинов), 248–250, 267, 516
 Палеолог М., 105
 Папен Франц фон, 243, 244, 246, 248, 249, 253, 512, 515, 519
 Пастернак Б., 335
 Пекер Р., 202
 Перно Морис, 157
 Петен А.-Ф., маршал Франции, 512
 Пётр Первый, 16, 25, 398, 547
 Петросян Ю.А., 416
 Пехлеви Реза, 189

- Пико Жорж, 106, 446
 Пирогов А.С., 496
 Пишмах Али Риза, 448
 Подгорный Н.В., 334, 336
 Полаткан Хасан, 307, 309
 Поленов В.Д., 65
 Понсоби Ф., 36
 Потёмкин В.П., 231, 507
 Потёмкин Г.А., 20
 Поултон Х., 88, 172, 173, 254, 340
 Пудовкин В.И., 496
 Пуль, генерал, 456
- Равель М., 284
 Радек Карл, 139, 140, 465
 Радецкий Ф.Ф., 66
 Радуев Салман, 385
 Рамазаноглу Кемаль, 484
 Рамзие, 209, 496
 Расул Рза, 533
 Раулинсон, полковник, 111
 Рауф-бей (Орбай), 113, 122, 149–151, 165, 166
 Рахманинов С.В., 284
 Ренда Мустафа Абдульхак, 147
 Репнин Н.В., 20
 Ресульзаде М.Е., 138
 Рефет (Беле), 165, 166
 Решад Мехмед, 80, 111
 Решад Нури (Гюнтекин), 334, 428
 Решат Хереке, 212
 Решит Мезмет, 423
 Решит-паша Мустафа, 36, 37, 39
 Риббентроп И., 237, 243, 245, 511
 Римский-Корсаков Н.А., 284
 Рифат эфенди Мехмет, муфтий Анкары, 125, 127, 222
 Рихтер С., 533
 Розалиев Ю.Н., 180
 Роуленсон, 116
 Рузвельт Ф., 263, 270, 513
 Рукие, 508, 509
 Румянцев П.А., 17, 18, 399
- Руссо Ж.Ж., 416, 429
- Сабанджы Омер, 187, 484, 527
 Сабахаттин Али, 320, 334
 Сабри-бей, 209
 Садак Н., 278
 Садберк-ханым, 482
 Сазонов С.Д., 105, 106, 441, 444, 445
 Саид, шейх, 166, 167, 176, 184, 224, 283, 476, 486
 Саид Фаик, 335
 Саид Халим, 98
 Саид-и Нурси, 224, 322, 355, 503
 Сайт-бей Шамиль, внук Шамиля, 136, 219, 447, 448, 464, 501
 Сайгун Аднан, 284
 Сайдам А., 13, 14, 18, 45
 Сайдам Рефик, 235
 Сайкс Майкл, 106, 446
 Салих-паша, 128
 Самгин А., проф., 498
 Сами-бей Шемседдин, 415
 Самойлович А.Н., 209, 496
 Сараджоглу Шюкрю, 231, 236, 238, 239, 243, 246, 253, 254, 261, 511, 512, 516
 Саргын Нихат, 346
 Сарпер Селим, 268, 269, 520
 Сарыджазаде Шакир-бей, 483
 Сафсет-паша, 61
 Саяр А.Г., 414
 Сваранц А., 102
 Севим Али, 405
 Седов Л., сын Троцкого, 215
 Сезаи Сами Паша-заде, 415
 Сеит Текин, 484
 Сейфеддин Омер, 334
 Селим III, 22–24, 36, 401
 Сельджукиды, 6, 9
 Семуэльсон П., 278
 Серебряков Л., 533
 Серин Н., 289

- Сертель Зекерия, 216, 500, 512, 516
 Сертель Сабиха, 492, 500
 Силин А.С., 443
 Симонов К., 335, 533
 Симоноглу, 483
 Сингер М., 300
 Склифосовский Н.В., 65
 Скланский Э., 465
 Слащов Я.А., 473
 Сметана Б., 284
 Смилга И., 139, 465
 Смирнов В.Д., 12, 395
 Смирнов Н.А., 12, 395
 Сорель Альбер, 432
 Соцков Лев, 448, 464
 Спиридов Г.А., адмирал, 18
 Сталин И.В., 210, 237, 238, 241, 242, 248, 262, 264, 267, 268, 270, 272, 298, 504, 507, 510, 511, 513, 519, 530
 Станиславский К.С., 496
 Стасов В.В., 65
 Стейнхардт, 268
 Стравинский И.Ф., 284
 Строганов Г.А., 29
 Суад Дервиш, 334
 Субхи Мустафа, 139, 145
 Суворов А.В., 20
 Судоплатов П.А., 248, 515
 Сукути Исхак, 423
 Сулейман Кануни, 12, 400
 Сулейман Сагол, 250
 Сунай Джевдет, 312, 324
 Суховий С., 483
 Сушон, адмирал, 425, 443

 Талаат-бей, затем паша, 83, 98, 101, 103, 113, 426, 477, 480
 Талас Дж., 206, 341, 536
 Танийол Джахит, 171, 172, 479, 480
 Танлак Омер, 339, 534
 Танрыовер Субхи, 177, 282

 Тарханлы И., 222, 282
 Таунсхенд, генерал, 106
 Ташкент Кязим, 258
 Тверитинова А.С., 396
 Тевелоглу Фетхи, 255
 Тевфик, черкес, 455
 Тевфик-паша Ахмед, 150, 151, 454
 Тевфик Рюшту (Арас), 188, 193, 209, 210, 214, 236, 504, 507
 Тезель Яхъя, 492
 Текели Ильхан, 211
 Текин Альп, 436, 501
 Терентьев, полпред СССР, 507
 Тигратян, 454
 Тимур, 6, 9
 Тинберген Ян, 315
 Тишанский Ю., 486
 Тоган Зеки Велиди, 266
 Тодорова М., 25
 Тойнби А., 475, 479
 Токат Омер, 248, 516
 Толстой А.Н., 285
 Томсон, генерал, 111, 117, 451, 452, 456
 Топрак Бинназ, 477
 Топрак Зафер, 73, 91
 Трикупис, генерал, 148
 Троцкий Л., 214, 215, 465, 499, 500, 515
 Трошев Г., генерал, 253, 386, 548
 Троянский С., 498
 Трумэн Гарри, 270, 272, 273, 286, 521
 Тузджуогуллары, 411
 Туная Тарык З., 58, 81, 86, 89, 422, 431
 Тунчай М., 216, 453
 Туран Сара Гюль, 355
 Туран Эмексиз, 525
 Тургенев И.С., 65
 Тургут Мехмет, 212
 Тургут Шевкет, 212
 Тушалъп Эрбиль, 539

- Тюрк Исмаил, 522
 Тюркмен Эрол, 534
 Тюркеш Альпаслан, 266, 306,
 308, 313, 319, 320, 327, 332,
 333, 338, 339, 356, 359, 367,
 371, 530, 533–535, 540
 Тюрклер Кемаль, 339
- Уайт, 121
 Удугов М., 386
 Узбек Хамза Сади, 266
 Узун-Хаджи, 111, 118
 Ульви Джемаль, 496
 Улькю, 508, 509
 Ульченко Н.Ю., 466
 Унсаль А., 169
 Уоккер, генерал, 121, 454, 456
 Уразова Е.И.
 Ургюплю С.Х., 334
 Услу Несрин, 546
 Успенский Г.И., 65
 Устюн Невзат, 521
 Ушакизаде Муаммер, 147, 179
 Ушаков Ф.Ф., 20
- Файнс, полковник, 121
 Фалих Рыфкы см Атай Фалих
 Рыфкы
 Фартушный, 507
 Фатьма, 508
 Февзи-паша, 145, 459 (также см.
 Февзи Чакмак)
 Фёдоров Иван, 21
 Ферах Али Паша, 18
 Феридун Тимур, 340
 Ферман Дж., 183
 Фероз Ахмат, 53, 414
 Фетхи (Окьяр), 155, 167, 201
 Фишек К., 420
 Флиер Я.В., 533
 Форестье-Уокер, генерал, 451, 454,
 456
 Франклен-Буйон, 148
- Фридмен М., 341
 Фрили Джон, 55, 59, 393, 401,
 416, 418, 427
 Фрунзе М.В., 143
 Фуад, 136
 Фурманов Д., 335
- Хаблемитоглу Неджип, 540
 Хаджи Али-паша, 474
 Хаджи Бекташ-ы Вели, 392
 Хайдароглу Ибрагим, 111
 Хайнс Уолкер Д., 214
 Хайри-бей, 459
 Халиде Эдип, 124, 141, 146, 147,
 168, 192, 208, 466, 469
 Халиль-паша, 134, 136, 137, 138,
 450, 461, 465
 Халит Хюсейн, 383
 Хамди, 127
 Харманкая Исмет, 544
 Харрингтон, генерал, 471,
 Харрисон М., 488
 Хас Нури, 484
 Хасан, 136
 Хасан (Сака), 144
 Хастатов В.М., 398
 Хафиз Яшар (Окур), 222
 Хафыз Хаккы-паша, 102
 Хенце Пол, 13
 Хепер Метин, 541
 Хёттль В., 248
 Хикмет Назым, 168, 288, 334
 Хлудов, 473
 Ховагимян, 496
 Хохлов, дипкурьер, 249, 515
 Хрущёв Н.С., 333, 334, 532, 533
 Хуршит Зия, 479
 Хюсаметтин Эртюрк, 460
 Хюсеинзаде, 423
 Хюсейн Джахит см. Ялчин Хю-
 сейн Джахит
 Хюсрев-бей, 460
 Хюсрев-паша, 51

Цюрхер Эрик, 119, 139, 164, 453,
479

Чайковский П.И., 284, 334

Чакмак Февзи, 147, 246, 253,
254, 261, 454, 459

Чакмак Шефик, 261

Чалышлар О., 300, 524

Чапаногуллары, 411

Чарыков Н.В., 440

Чевик Бир, 361

Чемберлен Н., 236, 512

Чермой (Чермоев) Абдулмеджит,
109–111, 448, 461

Чермоев Гопа, 452

Черчилль Уинстон, 241, 242, 261–
265, 267, 268, 270, 512, 513,
518, 519

Честер Колби М., 95, 192, 213,
438–440

Четинер, консул, 299

Четинкая Али, 479

Чехов А.П., 285, 496

Чиaborов, 464

Чиллер Тансу, 351, 355, 360–362

Чихачёв П.А., 54, 55

Чичерин Г.В., 138, 140, 143, 188,
213, 448, 461, 465, 467

Чолакзаде, 484

Чулков Михаил, 398, 399

Шагин-Гирей, 18

Шамиль, имам, 44, 45, 116, 136,
219, 406, 447, 501

Шамсутдинов А.М., 122

Шарипов М., 253

Шафак Эрдал, 190

Шахинлер М., 101, 103, 424, 426,
429, 435

Шевкет Сюррея см. Айдемир
Ш.С., 493

Шевкет-паша Махмуд, 80, 83, 84

Шейнин Лев, 516

Шекспир, 496, 521

Шелленберг В., 251

Шемякин Н.Т., 398

Шен Фарук, 365

Шереф Мардин, 200, 503

Шереф-бей, 129

Шериф Ахмет, 412

Шехбензерзаде · Ахмед Хильми,
429

Шинаси-бей, 58

Шинаси Ибрагим, 415

Шмидт Гельмут, 340

Шпилькова В.И., 54

Штеменко С.М., 251, 252

Эбердин Дж., 42

Эврен Кенан, 338, 342, 350

Эджевит Бюлент, 314, 325–327,
332, 337, 350, 351, 359, 366,
367, 371, 383, 532, 546

Эдип Сервет-бей, 483

Эдуард VII, 78

Эдуард VIII, 234

Эдхем, Черкес Эдхем, 144, 218,
219, 455, 456, 468

Эйзенштейн С.М., 496

Экрам-бей, 411

Экрем Зеки, 496

Элиава, 468

Элиешиль, 484

Эльдем Ведат, 54, 90, 413

Эльчин Эмин Тюрк, 424

Энвер-бей, затем Энвер-паша, 78,
79, 83, 84, 98–102, 107, 110,
111, 113, 134, 136, 139, 140,
151, 165, 246, 425, 429, 430,
440, 450, 454, 455, 462, 465,
477, 478, 480

Энгельс Ф., 413

Энгин Саффет, 220, 503

Эндрюс Петер Альфорд, 529

Эрбакан Мехмет Сабри, 364

Эрбакан Неджметтин, 221, 254,
255, 321–325, 329, 340, 346,
351, 361, 362, 364, 366–368,
503, 523, 530–532, 543

Эргиль Д., 73

Эрдал, сын Исмета Инёню, 508

Эрдели, генерал, 451

Эрдельхун Рюштю, 306

Эрден Али Фуад, 246

Эрдоган Реджеп Тайип, 367, 368,
542

Эрдоган Туран, 319

Эркилет, 246

Эркин Ф.Дж., 261, 265, 268, 334,
510, 518, 520

Эрман С., 480

Эртугрул Гази, 7

Эсмер А.Ш., 129

Эссад-паша, 80

Эте Мухлис, 201

Юденич Н.Н., 102

Юджель Яшар, 405

Юксель Али, 532

Юксель Н.М., 369

Юмашев И.С., 231, 507

Юсуф Кемаль, 138, 140, 142

Юткевич С., 208

Ягода Г.Г., 500

Язган Нух Наджин, 484

Язган Туран, 547

Якуб Кадри (Караосманоглу), 335

Ялман АхметЭмин, 260

Ялова Юксель, 372

Ялчин Хюсейн Джахит, 253, 436

Ялчын С., 319

Ялчин, 536

Янг Джордж, 471

Ярославцев А.И., 398

Яхья Галиб-бей, 125

Яша Мемдух, 493

Яшер Г., 545

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абхазия, 28, 29, 461, 463
Австралия, 364, 513, 524, 535
Австрия, 16, 21, 27, 30, 35, 41,
46–49, 101, 188, 230, 236, 294,
396, 400, 403, 506, 510, 535
Австро-Венгрия, 25, 63–65, 67–
69, 91, 96, 97, 108, 430, 442,
443, 510
Адана, 5, 73, 32–94, 106, 113,
114, 131, 181, 257, 259, 261–
263, 298, 299, 320, 380, 437,
465, 465, 483, 484, 518, 531
Аданский р-н, 182, 437, 484
Адано-Мерсинский р-н, 289, 483
Адапазары, 143, 144, 459, 469
Аджария, 220, 354
Адрианополь (Эдирне), 32, 33,
67, 83
Адриатика, 352, 539
Адриатическое побережье, 67
Азербайджан, 19, 108, 110, 111,
115, 118, 120, 134, 136–138,
220, 247, 250, 253, 352, 356,
434, 448, 451, 453, 462, 463,
465, 502, 538–540
Азиатская Турция, 5, 68
Азия, 5, 6, 18, 87, 194, 270, 298,
327, 364, 390, 432, 486, 497,
530
Малая Азия 5–7, 9, 66, 71, 95–
97, 415, 426, 432, 461
Средняя Азия, 7, 101, 223, 245,
251, 370, 433, 442, 453, 502
Центральная Азия, 6, 20, 352,
354, 355, 360, 362, 365, 384,
481, 538, 541
Азов, 12, 14, 518, 397
Азовское море, 15, 16, 397
Аинтаб, 446
Айдын, 91, 94, 120, 126, 288, 438,
474
Акка, 446
Акуш, 462
Алагёз, 469
Аландские о-ва, 407
Алашехир, 459
Алашкертская долина, 68
Албания, 67, 70, 83, 84, 86, 97,
153, 223, 506, 520, 538
Александреттский залив, 438
Александреттский санджак (Ха-
тай), 190, 228, 229
Александрополь (Гюмрю), 44, 133
Алеппо, 113
Алжир, 34, 356, 521
Алиага, 335, 483
Алпуллу, 483
Амадия, 446
Амасья, 128, 460
Анапа, 19, 28, 29, 32, 33
Анатолия, 5, 7, 8, 11, 33, 92, 93, 35,
92, 95, 107, 109, 115, 120–124,
126–133, 142–145, 148, 153,
159, 165, 168, 170–172, 175,
176, 190, 192, 221, 224, 240,
252, 293, 365, 391, 392, 401,
406, 411, 412, 432, 434, 436–
438, 442, 444, 445, 455, 458–
461, 479, 481, 486, 498, 531,
539
Восточная Анатолия, 8, 107,
109, 123, 224, 391, 411, 531
Западная Анатолия, 94, 131,
144, 153, 176, 391, 438, 486
Центральная Анатолия, 95, 176,
293, 391, 438, 486, 531
Анафарталар, 104
Англия (Британия, Великобрита-
ния), 17, 20, 21, 25, 26, 28–32,

- 35, 41–49, 64–72, 83, 92, 97, 101, 102, 104, 106, 113, 117–119, 123, 131, 132, 142, 148, 153, 155, 187, 189–192, 202, 209, 225, 226, 230, 233–244, 250, 261, 263–265, 268, 271–274, 277, 294, 326, 399–402, 409, 421, 429, 436, 439, 442–446, 453, 456, 459, 460, 474, 504–507, 509, 510, 512–514, 519, 522, 524, 525, 528, 532, 535, 536, 548
- Ангора (Анкара), 208, 467, 471, 473
- Андалузия, 415
- Анкара, 5, 7, 9, 94, 124–130, 132, 133, 139, 140, 142–147, 150, 152, 155, 156, 162, 165, 168, 170, 172, 179, 180, 185–187, 189, 190, 204, 205, 208, 219, 221, 227, 229, 231–233, 238, 244, 248, 249, 252, 253, 262, 268, 271, 278, 282, 284, 297–299, 303–307, 314, 318, 330, 385–387, 391, 438, 486, 496–498, 501, 505, 507, 508, 515, 516, 521, 525–529, 534
- Антакья, 114, 229
- Антверпен, 364
- Антеп (Газиантеп), 131, 459
- Аравийский п-ов, 71
- Аравия, 25, 70
- Аргун, река, 136
- Ардаган, 32, 67–69, 109, 121, 141
- Армения, 12, 33, 68, 70, 103, 106, 108, 111, 121, 132, 133, 137, 138, 141, 220, 247, 277, 280
- Арпачай, река, 28
- Артвин, 141, 335
- Артвинский округ, 450
- Арчеш, 102
- Арыбурну, 104
- Астраханское ханство, 11–14
- Астрахань, 13, 14, 26
- Аугсбург, 535
- Афганистан, 20, 101, 225, 227, 350, 442, 536
- Афины, 186, 210, 227, 230
- Африка, 6, 101, 194, 298, 327, 423
- Северная Африка, 25, 261, 426, 428
- Афьон-Карахисар, 143, 459, 468, 469
- Ахалкалаки, 28, 29, 33, 44
- Ахалкелек
- Ахалцих, 32, 33, 44, 45
- Ахалцкский уезд, 450
- Ахыска, 466
- Ахушта, 462
- Ашхабад, 477
- Багдад, 77, 94, 106, 446
- Базарджик, 67
- Байсун, 478
- Балаклава, 47
- Балканский п-ов, 27, 66, 97
- Балканский хребет, 68
- Балканы, 8, 20, 25, 26, 29, 30, 32, 33, 43, 48, 49, 61, 63, 65, 66, 68, 69, 71, 72, 84, 88, 98, 107, 115, 227, 230, 261, 266, 352, 376, 379, 394, 401, 403, 409, 416, 430, 442, 448, 451, 533
- Балтийское море, 18, 407
- Балькесир, 123, 167, 175, 459
- Бандырма, 147, 335, 459
- Басра, 103, 393, 446
- Батман, 259
- Батум, 44, 68, 69, 101, 109, 114, 117, 121, 135, 140–142, 335, 354, 448, 450–453, 456, 466, 477
- Бахрейн, 347
- Бахчисарай, 16, 396

- Башкадыклар, 45
Башкале, 102
Башкирия, 454, 386, 547
Баязет, 32, 33, 46, 68, 69
Бейкёз, 419
Белград, 400
Белое море, 407
Белосток, 139
Бельгия, 92, 153, 220, 365, 488, 490, 511, 535, 536
Бендеры, 400
Берлин, 24, 65, 68, 77, 98, 139, 237, 243, 245–247, 269–271, 325, 364, 429, 440, 477, 509
Бесарабия, 18, 26, 28, 510
Бингель, 355
Бирма, 513
Битлис, 86, 105, 106, 140, 252, 438, 445, 446, 460, 503
Босния, 10, 59, 61, 63–66, 68, 69, 75, 223, 364, 416, 430
Босфор, 5, 19, 26, 30, 31, 34, 35, 41, 54, 98, 100, 113–115, 154, 225, 244, 264, 387, 409, 417, 425, 427, 442–444, 450, 472
Бзыбь, река, 121
Ближний Восток, 26, 35, 41, 48, 70, 107, 113, 115, 190, 215, 225, 252, 297, 347, 349, 375, 376, 383, 385, 409, 441, 443, 504
Болу, 144, 459
Боржомское ущелье, 44
Борчалинский уезд, 454
Брауншвейг, 364
Бреславль, 398
Брест-Литовск, 109
Бриндизи (Италия), 186
Брюссель, 55, 502
Брюссельская линия, 191
Буг, 396
Бурса (Бруса), 8, 11, 91, 94, 153, 175, 376, 418, 419, 459, 469
Бухара, 10, 392, 477, 478
Бухарест, 28, 32, 44, 451
Буюкада, о-в, 215, 499
Валахия, 10, 18, 27–29, 33
Валахское княжество, 408
Ван оз., 102, 103, 105, 445, 460
Ван, 95, 102, 103, 105, 140, 438, 446, 460, 503
Варна, 333, 406
Вашингтон, 213, 278, 301, 438
Ведено, 462–464
Веденский район, 548
Великобритания см. Англия
Вена, 10, 15, 16, 24, 55, 69, 365, 394, 432
Венгрия, 21, 188, 233, 236, 396, 488, 520
Венеция, 21, 396, 398
Византия, Византийская империя, 6–8, 10, 392, 393
Виши, 512
Владикавказ, 452, 502
Владикавказский р-н, 252
Волго-Уральский район, 101, 247
Воронеж, 16
Восточная Армения см. Армения
Гагры, 12, 121
Галашки, 548
Галлипольский полуостров, 104, 105, 107, 445
Гамбург, 364, 436, 437
Ганджа, 110
Гейве, 144, 459
Геленджик, 19
Гелиболу см. Галлипольский п-в
Гельбаши, 125
Германия, 25, 64, 65, 68–70, 77, 91, 95–101, 104–108, 110–113, 131, 186, 188, 192, 209, 220, 225, 230, 233, 234, 236–253, 262–265, 267, 268, 272, 294,

- 298, 322, 324, 325, 332, 340,
362–365, 369, 379, 421, 425,
441, 442, 447, 449, 450, 490,
502, 504, 507, 509, 510, 512,
516, 519, 522, 525, 530, 536
- Герцеговина, 10, 59, 61, 63–69, 75,
223
- Голландия, 17, 153, 294, 365,
366, 522, 535, 536, 544
- Горская республика, 117
- Греция, 10, 30–33, 42, 82, 97, 99,
131, 148, 153, 154, 175, 190,
193, 227, 230, 238–240, 265,
272, 300, 317, 326, 331, 333,
348, 429, 489, 507, 519, 520,
522, 528
- Гродно, 465
- Грузинская ССР, 153
- Грузия, 18, 20, 28–30, 33, 46, 47,
108, 110, 111, 118, 120, 121,
136, 137, 140, 141, 247, 250,
253, 277, 280, 352, 385, 387,
403, 448, 452–455, 463, 464,
502, 514, 548
- Гуниб, 462
- Гурия, 30, 403
- Гюмрю (Александрополь), 133,
141, 466
- Гянджа, 354
- Дагестан, 14, 19, 67, 109, 110, 115–
118, 135, 136, 247, 354, 355,
386, 406, 447, 449, 452, 453,
456, 462–465, 502, 538, 539
- Далмация, 396
- Дамаск, 78, 277, 418
- Дания, 365, 511, 535
- Данциг, 398
- Дарго, 462
- Дарданеллы, 5, 18, 19, 26, 30, 32,
34, 35, 41, 68, 82, 98, 104, 105,
113, 114, 154, 217, 225, 244,
264, 387, 409, 442, 444, 447,
450, 451, 500
- Дербент, 26, 110, 517
- Дерна, 429
- Дерсим, 86, 223
- Дефтердар, 419
- Джезире-ибн Омар, 446
- Джейхан, 387
- Диярбакыр, 172, 423, 433, 434,
438, 446, 459, 480
- Днепр, 14, 16, 396
- Додеканес (Южные Спорады), 82
- Дон, 12, 14, 17, 115, 398
- Думлупынар, 147, 190
- Дунай, 16, 28, 33, 46, 55, 66, 67,
69, 393, 409, 420
- Дунайские княжества, 28, 29, 31,
33, 34, 36, 43, 44, 46, 48, 403
- Дунайский вилайет, 52, 412, 420
- Душанбе, 478
- Дюздже, 144, 459
- Евпатория, 47
- Евразия, 76, 115, 353, 365, 376,
384, 390
- Европа, 5, 6, 10, 13, 15, 16, 19–
23, 36, 37, 40, 42, 44, 53, 55,
58, 61, 71, 73–75, 77, 86, 91,
95, 97, 101, 103, 107, 111, 160,
163, 171, 173, 183, 199, 212,
225, 226, 233, 236, 238, 239,
261–263, 270, 272, 273, 278,
279, 314, 316, 324, 325, 329,
340, 348, 360, 363, 364–366,
380, 390, 393, 394, 396, 400–
402, 416, 418, 423, 431–433,
442, 447, 456, 463, 467, 479,
481, 486, 497, 503, 506, 508,
510, 512, 514, 532, 535, 536,
543, 544
- Восточная Европа, 87, 236, 510
- Западная Европа, 71, 103, 331,
247, 365, 366, 393
- Центральная Европа, 16, 236, 394

- Европейская Турция, 5, 75
Египет, 33, 99, 361, 391, 428
Екатеринодар (Краснодар), 451, 456
Енидже, 261
Еникале, 47, 400
Енишехир, 11
- Женева, 229, 326
- Закавказье, 14, 26, 28, 29, 33, 36, 48, 103, 108, 111, 114, 115, 117, 118, 122, 142, 251, 252, 362, 365, 406, 450, 451, 453, 454, 456, 502, 516, 517, 547
- Закаспий, 456
Закаталы, 117, 120
Запорожье, 16
Зачорохский край, 450
Зиле, 303,
Золотая Орда, 10
Золотой Рог, 429
Зонгулдак, 298
- Игдыр, 251
Иерусалим, 43, 349, 497
Измаил, 400
Измир, 5, 71, 91–94, 114, 119–121, 126, 131, 147, 153, 167–169, 175, 178–180, 186, 195, 205, 234, 257, 298–300, 304, 305, 307, 322, 324, 341, 380, 411, 474, 480, 483, 484, 514, 531
Измит, 55, 153, 164, 419
Измитский залив, 131
Измитский п-ов, 130
Изник, 11
Израиль, 298, 349, 360, 361, 379, 541, 542
Икониум, 7
Имброс, о-в, 444
Имеретия, 30, 403
Имралы, о-в, 526
- Ингури, река, 47
Ингушетия, 118, 502, 548
Инджирлик, 331, 347
Индия, 26, 70, 101, 102, 107, 134, 179, 202, 402, 503
Индонезия, 298, 513
Инеболу, 162
Ирак, 106, 123, 190, 191, 225, 227, 239, 297, 347, 349, 350, 356, 375, 439, 446, 450, 460, 488
Иракский Курдистан, 86
Иран, 7, 12, 14, 20, 22, 99, 101, 123, 188, 189, 223, 225, 227, 233, 239, 251, 294, 323, 347, 350, 361, 375, 402, 450, 548
Иркутск, 547
Искендерун, 114, 233, 332, 415, 507
Испания, 153, 233, 332, 415, 507
Италия, 65, 68, 82, 91, 104, 148, 153, 155, 186, 193, 194, 209–211, 216, 225, 230, 233, 236, 239, 240, 242, 294, 332, 240, 379, 398, 428, 460, 467, 473, 490, 497, 504, 506, 507, 514, 518, 532
Итум Кале, 136, 253
Ичкерия, 385
Йемен, 450
- Кабарда, 13
Каваклыдере, 468
Кавказ, 12, 14, 18–20, 25, 26, 28, 29, 32–34, 36, 41, 43–47, 49, 66, 68, 69, 88, 99, 101, 103, 105, 110, 111, 115–117, 120, 122, 133–137, 142, 218–220, 239, 240, 245, 247, 251–253, 352, 383, 384, 391, 395, 406, 407, 423, 448, 452, 453, 461, 462, 464–466, 501, 502, 516–518, 541, 548
Северный Кавказ, 5, 12, 14, 20,

- 30, 108–111, 115–117, 122, 135–137, 142, 219, 250–253, 356, 379, 384, 386, 389, 406, 448, 449, 452, 456, 461–464, 502, 511, 547
- Южный Кавказ, 102, 109
- Кавказский хребет, 117, 251, 252, 456
- Кагитхане, 55
- Кагул, река, 18
- Казанское княжество, 11, 13
- Казань, 13, 354, 432–434
- Казахстан, 352, 354, 356, 539
- Каир, 88, 263, 432
- Кайиш Курт, гора, 463
- Кайсери, 201, 211, 213, 249, 260, 299, 457, 499
- Камчатка, 407
- Камыш, 47
- Канада, 513, 535
- Карабах, 220, 502
- Карабюк, 234, 358
- Караджадаг (окрестн. Анкары), 7
- Карачаево-Черкессия, 355, 386
- Карачай, 462, 502
- Карс, 28, 32, 33, 47, 67–69, 102, 109, 133, 142, 189, 252, 260, 355, 450, 452
- Карлсхорст, 269
- Карсская область, 450
- Карфаген, 449
- Касаба, 94
- Каспийское море, 13, 26, 109, 245, 453, 464
- Кастамону, 162, 260
- Катар, 347
- Кашгар, 20
- Кёльн, 325, 364, 536, 542, 543
- Керченский пролив, 115
- Керчь, 18, 47, 400
- Киев, 213, 333, 396, 397
- Кизил-Бурун, 117
- Кизляр, 14, 26, 252
- Киликия, 114, 126, 143, 446, 450, 459, 506, 514
- Кипр, 42, 69, 75, 299, 317, 325, 326, 331, 348, 524, 528, 532
- Киргизия, 352, 540
- Киренаика, 82, 460
- Киркук, 190, 438, 488
- Кировабад, 251
- Китай, 20, 88, 241, 356, 375, 513
- Кобленц, 55
- Коканд, 20
- Кола, 407
- Конийский (Румский) султанат, 7, 541
- Константинополь, 7, 9–11, 29, 32, 35, 70, 104, 105, 121, 393, 394, 397–399, 444, 451, 452, 456, 458, 464
- Конья, 7, 91, 94, 114, 299, 305, 322, 393, 459
- Корея, 297, 523
- Косово, 357, 385
- Котур, 102
- Красноводск, 453, 456
- Крит, 70, 75, 410, 418, 471
- Крым, 11–14, 16, 18, 20, 26, 27, 43, 44, 47, 48, 115, 133, 245, 247, 248, 356, 406, 433, 434, 473, 538
- Крымское ханство, 10, 18
- Куба, 333, 334, 532
- Кубань, 18, 20, 33, 109, 449
- Кувейт, 247
- Кула, 484
- Куллар, 462
- Кура, 44, 220
- Курдистан, 12, 168, 176, 351, 360, 446
- Кутаиси, 454
- Кут-эль Амар, 106
- Кюрюк-Даре, 46
- Кютахья, 91, 143, 147, 307, 459, 469

- Ларга, 18
Латвия, 510
Левант, 229, 398, 513
Леваши, 462
Лейпциг, 398
Ленинакан (Гюмрю), 141
Ленинград, 213, 242, 261, 496
Ливан, 106, 228, 446, 541
Ливерпуль, 437
Ливия, 82, 347, 349, 428, 460, 542
Литва, 10
Лозанна, 82, 150, 153, 155, 160, 166, 187, 189, 190–193, 216, 224, 225, 472, 481, 489
Лондон, 24, 37, 42, 46, 55, 64, 68, 69, 83, 106, 121, 141, 202, 212, 418, 437, 439, 453, 456, 466, 509, 511, 524, 548
Лоо, река, 455
Люксембург, 391, 535
Мавераннахр, 432
Македония, 54, 69, 70, 78, 79, 82, 111, 418, 423, 429
Макрикёй (Бакыркёй), 419
Малазгирт см Манцикерт, 6, 8, 102
Малайя, 513
Малатья, 260, 460
Мальта, 89, 127, 234, 242, 434, 471, 480
Мальтеп, 370
Манисса, 120, 474, 484
Манчестер, 436
Марага, 462
Мараш, 131, 299, 459, 460
Мардин, 94, 446
Марица, р., 84, 190
Мармара, 406
Марна, 107, 535
Марокко, 460
Марсель, 436, 437, 439
Марухский перевал, 517
Мекка, 101, 132, 369, 497, 529
Менемен, 120, 169, 170, 220, 283
Мергевевер, 446
Мерзифон, 259
Мерсин, 73, 94, 114, 131, 205, 483, 484
Месопотамия, 25, 95, 103, 106, 107, 111, 190, 425, 438, 439
Мидия, 444
Мингрелия, 403
Молдавия (Молдова), 10, 18, 29
Молдавское княжество, 32, 408
Монастырь (Манастыр), 79
Монте-Белло, 521
Монтрё, 225, 233, 234, 243, 244, 265, 267, 271, 276, 277, 281, 387, 504, 505, 513, 514
Монтро, 535
Морея, 16, 32, 396
Москва, 10, 11, 13–15, 110, 130, 138–144, 209, 210, 212, 213, 215, 237, 238, 242, 243, 245, 271, 280, 281, 298, 333, 335, 354, 357, 381–383, 385, 386, 399, 461, 463, 465, 467, 473, 478, 496–498, 504, 507, 511, 512, 515, 538
Мосул, 114, 129, 153, 154, 187, 190, 191, 438, 439, 446, 459, 488
Мраморное море, 5, 67, 98, 105, 148, 154, 215, 309, 443, 444
Муданья, 94, 148
Мудрос, 112
Муни, 462
Муш, 445, 446, 460
Мюнхен, 236, 356, 364, 511
Мюнхенгретц, 35
Набережные Челны, 547
Наваринская бухта, 32

- Нагасаки, 521
 Назилли, 120, 202, 211, 213, 499
 Нальчик, 242
 Нахичевань, 139, 220, 251, 539
 Николаев, 246
 Нион, 507
 Нови Сад, 430
 Новороссийск, 114, 142, 387, 547
 Новороссия, 26
 Норвегия, 153, 511, 535
 Нормандия, 265
 Нурс, дер., 503
 Нусайбин, 94
 Нью-Йорк, 212, 214, 365
 Нюрнберг, 365

 ОАЭ, 347
 Одесса, 99, 188, 213, 246, 407, 417, 487
 Османие, 131
 Османский бейлик, 7, 8
 Османская империя, 9–13, 15–20, 23, 24, 26, 28, 29, 31–38, 42, 43, 48–50, 53, 54, 58–64, 66, 69, 70, 74, 78, 61, 92, 84–89, 91, 92, 96, 97, 100, 106, 107, 109–111, 116, 131, 161, 190, 196, 357, 389, 394, 396–399, 402, 405–407, 411, 416, 418–426, 428–430, 434, 436, 438, 439, 441, 442, 444, 471, 501, 547
 Охридское озеро, 67

 Пакистан, 536
 Палама, 462
 Палестина, 43, 106, 107, 111, 356, 460
 Палу, 355
 Париж, 24, 37, 46, 48, 55, 77, 78, 111, 131, 187, 220, 229, 278, 301, 432, 437, 439, 491, 505, 509, 536

 Пелопоннес, 20, 32
 Пера (р-н в Стамбуле), 56, 418
 Персия, 14, 26, 29, 46, 117, 403, 442
 Петербург, 42, 355, 397, 399, 436
 Петровск (Махачкала), 110, 117, 453
 Плевна, 66
 Поволжье, 12, 14, 433
 Позанты, 131
 Полатлы, 145, 146, 469
 Польша, 10, 16, 188, 220, 238, 240, 263, 396, 399, 442, 449, 510
 Португалия, 153
 Потти, 28, 29, 32, 33, 44
 Потсдам, 270, 274
 Причерноморье, 25, 27, 64, 71, 109
 Пруссия, 25, 30, 41, 47, 398, 400
 Прут, р., 16, 32, 66
 Пулур, дер., 260

 Регган, 521
 Редут-Кале, 29
 Ресна, 78
 Ретонд, 450
 Решт, 102
 Рим, 193, 237, 394
 Российская империя, 13, 20, 26, 34, 59, 67, 101, 107, 140, 403, 443, 444, 447, 450
 Российская Федерация, 352, 354, 365, 389, 539
 Россия, 12–21, 25–37, 40–49, 62, 64–71, 87, 91, 92, 94, 97–106, 108, 109, 115–118, 121, 123, 133, 134, 136, 138, 140, 142, 143, 145, 196, 202, 210, 225, 226, 233, 248, 250, 251, 266, 267, 320, 354, 357, 362, 375–387, 389, 396, 397, 400–403, 406, 409, 410, 417, 418, 424,

- 425, 432, 436, 439, 442–444, 446–449, 451, 453, 460, 463, 467, 472, 473, 497–499, 504, 505, 509–511, 525, 630, 533, 538, 540, 541, 546, 547
- РСФСР, 140, 142, 153, 242, 468
- Румелия (Европейская Турция), 75, 130, 356, 430, 431
- Румский султанат, 7
- Румыния, 64, 66, 68, 69, 75, 97, 153, 227, 230, 236, 238, 246, 272, 429, 451, 510, 519, 520, 538
- Рушук, 28
- Рымник, 400
- Сава, река, 16
- Саганлугский хребет, 68
- Сакарья, река, 143, 145, 146, 245, 444, 467, 469, 498
- Салоники, 77, 78, 80, 82, 299, 425, 426, 430, 431, 434, 524, 525
- Самарра, 94
- Самсун, 114, 120, 122, 189, 205, 460
- Сан-Франциско, 267, 268, 520
- Санкт-Петербург, 17, 355, 382
- Сан-Стефано, 67
- Сараево, 416, 441
- Сардиния, 47
- Сарпы, 354
- Сарыкамыш, 102, 133, 140
- Сасун, 71
- Саудовская Аравия, 347, 349, 361, 382, 536, 542, 548
- Священная Римская империя, 10
- Севастополь, 47, 100, 133, 231, 417, 473, 507
- Северная Добруджа, 46
- Северная Осетия, 382
- Севр, 131, 154
- Сёгют, 7
- Сейдишехир, 335, 337
- Сербия, 10, 27–29, 31, 33, 36, 48, 59, 63–65, 68, 75, 82, 97, 408, 429
- Сибирь, 547
- Сивас, 123, 353, 438, 440
- Сиврихисар, 146
- Силистрия, 32, 46
- Синай, 99, 103
- Синоп, 7, 45, 298, 446
- Сирия, 71, 78, 103, 106, 107, 111, 113, 190, 223, 228, 229, 239, 277, 356, 375, 391, 411, 445, 446, 450, 460, 506, 513
- Скопле, 430
- Словакия, 236, 479
- Советская Россия, 107–109, 113, 124, 130, 133, 134, 138, 139, 142, 143, 187, 208, 209, 216, 236, 461, 465–467, 504
- Советский Союз, 208, 209, 214, 220, 225, 236, 238, 240–243, 247, 249, 250, 253, 262, 264, 270, 271, 274–277, 279, 280, 297, 298, 317, 329, 330, 333, 334, 336, 337, 350, 519, 521
- Согуджак, 19
- Сорт, 446
- София, 11, 66, 67, 84, 429, 430
- Сочи, 121, 357, 455
- Сочинский округ, 121, 455
- Средиземное море, 32, 36, 82, 114, 225, 230, 238, 242, 387, 401, 410, 418, 443, 504, 505, 507
- Средний Восток, 26, 69, 188, 190, 327, 330, 347, 349, 385, 529
- СССР, 168, 188, 195, 208–215, 219, 220, 225, 226, 235–243, 245, 247–254, 262, 264, 265, 269, 270, 272–277, 280, 281,

- 288, 297, 298, 319, 333–337, 347, 350–356, 376, 379, 383, 387, 389, 468, 487, 489, 492, 495, 498–502, 504, 505, 507, 510, 512, 513, 516–520, 533, 540
- Ставрополь, 109, 386, 547
- Ставропольская область, 386, 449
- Сталинград, 245, 257
- Стамбул, 5, 11, 17, 21, 24, 25, 27, 36, 40, 51, 54–57, 61, 62, 65–67, 69, 71, 75, 78–83, 87, 88, 91, 93, 94, 99, 100, 102, 103, 106, 109, 110, 113–116, 120–122, 125 131, 133–135, 144, 146, 148–155, 160, 161, 164, 175, 178, 179, 181, 182, 186, 190, 191, 195, 199, 205, 212, 213, 222, 225, 231, 234, 249, 258, 266, 277, 282, 289, 298–300, 303, 304, 306, 308, 309, 320, 322, 324, 330, 335, 339, 353, 367, 375–377, 380, 382, 393, 394, 398–400, 402, 406, 407, 417, 418, 423, 427, 428, 432–435, 437–441, 444, 445, 448, 449, 454, 457, 458, 461, 462, 470–474, 476, 479, 480, 483, 484, 489, 495–497, 500, 503, 507 509, 515, 516, 521, 522, 525, 531, 537, 542
- Судан, 460
- Судетская область, 236
- Судеты, 237
- Суджук, 12
- Сулеймание, 353, 438
- Сунтери, 462, 463
- Сухуми, 12, 29, 47, 335
- Сухумский округ, 455
- Суэц, 101
- США, 27, 92, 96, 114, 119, 124, 133, 153, 154, 189, 190, 192, 193, 209, 213, 242, 261, 263–265, 268, 270–274, 276–279, 285, 294, 295, 297, 298, 300, 301, 314, 317, 319, 330, 331, 333, 347, 348, 351, 360, 362, 369, 370, 386, 404, 438–440, 444, 449, 457, 459, 472, 490, 507, 512–514, 521, 522, 524, 527, 529, 532, 533, 535, 539, 541, 548
- Таганрог, 16, 397, 400
- Таджикистан, 352, 354, 478
- Тамань, 13
- Тарсус, 73, 131, 181, 484
- Тасос, о-в, 326
- Татарстан, 354, 382, 386, 532
- Тбилиси, 251, 354
- Тебриз, 102
- Тегеран, 102, 188, 227, 264
- Тель-Авив, 360
- Темерниковский порт, 398
- Темрюк, 12, 13
- Тенгиз, 547
- Тенедос, 444
- Терек, 14, 109, 252, 449
- Терки, 14, 395
- Тигр, река, 446
- Тифлис, 46, 108, 116, 117, 135, 136, 140, 406, 447, 452, 456, 462, 502
- Тифлисская губерния, 450
- Тобрук, 429
- Токат, вилайет, 303
- Трабзон (Трапезунд), 71, 134, 136, 145, 189, 234, 298, 336, 357, 411, 445, 463, 467, 546
- Трапезунд, 12, 105, 452, 460, 466
- Трансильвания, 46, 396
- Трансиордания, 446
- Триполи, 426, 432

- Триполитания, 82, 356, 428, 460
Троянский перевал, 66
Туапсе, 117, 142
Тува, 355, 386, 538
Тунис, 75, 356, 460
Тургутлу, 120
Турецкая Армения, 106
Турецкая республика северного Кипра, 348
Турецкий Курдистан, 351
Туркестан, 14, 21, 87, 89, 247, 477, 539
Туркменистан, 20, 352, 356, 539
Узбекистан, 352, 354, 356, 540
Украина, 14, 143, 242, 396, 399, 517, 538
Украинская ССР, 153
Ункяр Искелеси, 35
Урал, 251
Урмия, оз., 105
Урфа, 114, 131, 446, 459
Ускюп, 11, 431
Ушак, 132, 303, 483, 484
Уши (под Лозанной), 82, 192
Феодосия, 100
Филиппины, 513
Филиппополь (г. Пловдив), 67
Финляндия, 236, 239, 407, 510
Флория, 508
Фокшаны, 400
Фракия, 82, 92, 99, 126, 131, 144, 148, 152, 190, 217, 429, 444, 470, 500
Франкфурт, 365, 535
Франция, 16, 17, 24, 25, 27, 28, 30–32, 34, 35, 39, 41–49, 55, 65, 68, 71, 83, 92, 95, 97, 104, 106, 119, 143, 147, 148, 153, 155, 189, 190, 192, 196, 209, 228–230, 235–241, 243, 264, 271, 272, 277, 294, 318, 340, 365, 379, 397, 399–402, 409, 418, 421, 431, 432, 442–446, 449–451, 459, 472, 474, 483, 490, 500, 506, 507, 510–512, 515, 521, 522
ФРГ, 301, 348, 363
Хавза, 122, 406
Хаджыбекташи, 457, 458
Хаймана, 146
Хайфа, 446
Хакассия, 355, 386, 538
Хакьяри, 106, 446
Харпут, 440
Харьков, 333
Хатай (Александретта), 190, 228, 229, 506
Хива, 20
Хиджаз, 106, 450, 460
Хиросима, 521
Хорасан, 458
Хунзак, 462
Царицын, 115, 451
Центральное Анатолийское нагорье, 131
Цинандали, 406
Чаган, 478
Чанаккале, 304
Чанкая, квартал в Анкаре, 146, 232, 248, 305, 306, 468, 478, 507, 508
Чаталджа, 83, 161
Чекмедже, 55
Черкасск, 17, 398, 399
Черкессия, 18, 19, 33, 406
Черногория, 59, 63, 65, 67, 68, 82
Чёрное море, 15–17, 26, 30–35, 45–48, 55, 64, 67, 99, 105, 106, 109, 114, 133, 154, 225–227, 244, 264, 267, 271, 276, 298, 333, 337, 379, 380, 399,

- 406, 408, 409, 418, 439, 472, 488, 504, 505, 513, 517, 519, 533
- Черноморские проливы, Проливы, 5–7, 18, 27, 34, 41, 47, 70, 188, 225–227, 234, 238, 240, 243, 245, 265, 267, 269–271, 273–277, 280, 281, 387–389, 399, 400, 409, 410, 443, 450, 470, 472, 504, 505, 514
- Черноморско-Кубанское побережье, 143
- Чесменская бухта, 18
- Чехия, 236, 379
- Чехословакия, 220, 236, 294, 506
- Чеченистан, 135, 357, 406, 463, 541
- Чечня, 67, 118, 135, 357, 383, 385, 386, 452, 464, 465, 502, 536, 540, 536, 540, 548
- Чигирин, 396
- Чифтелер, дер., 260
- Чувашия, 355, 386, 538, 547
- Шатах, 102
- Шатой, 253
- Швейцария, 161, 365, 535
- Швеция, 153, 400, 488, 535
- Шейново, 66, 67
- Шипка, 66, 67
- Шипкинский перевал, 66
- Штуттгарт, 364
- Шумер, 217
- Шумла, 32
- Шура Тимурхан (Буйнакск), 462
- Эгейский р-н, 94, 119, 182, 289, 304
- Эгейское море, 18, 67, 82–84, 99, 244, 326, 348, 460, 519
- Эдирне, 11, 32, 33, 83, 84, 131, 170, 175
- Эдремит, 459
- Элязыг, 460
- Энзели, 453
- Энос, 444
- Эргани, 438
- Эрзерум, Эрзурум, 7, 33, 47, 69, 71, 105, 106, 120, 123, 124, 139, 189, 249, 260, 446, 453, 457, 460, 461, 541
- Эрзинджан, 105, 460
- Эриань, 28, 44
- Эскишехир, 143, 146, 153, 260, 305, 307, 459, 469
- Эстония, 510
- Этимесут, 372
- Эфиопия, 230
- Югославия, 153, 175, 188, 227, 248, 473, 520
- Южная Болгария (Восточная Румелия), 68
- Южная Добруджа, 429
- Южная Осетия, 120
- Южные Споряды см. Додеканес
- Юмурталык, 438
- Якутия, 355, 386, 538
- Ялта, 268
- Япония, 153, 242, 268, 294, 431, 513, 520
- Ярымджа, 372
- Яссы, 32
- Яссыада, о-в, 300, 309

SUMMARY

In the monography is submitted the brief history of origin and development of the Turkish State to the beginning of XX century, and then are described the basic stages of development of Turkey in XX century from Young Turks movement – before coming to power of the government of a “moderate” islam in 2002.

Estimating development of Turkey in XX century, we are convinced on the whole: after disorder of the Ottoman empire which has lost the main reference point of the development – infinite conquests – the ruling elite of Turkey has found in itself forces to establish on new bases the statehood and independence. Thus osmanian eclectic europeanization of XIX-th century was replaced by republican modernization, and the new ideology based on principles of secularism and nationalism has replaced former with her rests of Gazavat, Osmanism and a Sheriyat.

Proclaimed by Mustafa Kemal Ataturk and his adherents great historical task – modernization of all sides of life of the Turkish society, generated by pulses of catching up development, is realized less than for one century. Especially the first, really revolutionary and most difficult steps in this direction have provided creation of bases of the secular state, the national industry and as a whole of national economy. This time was filled not only successes in secularisation, but also the failures caused, in our opinion, by extreme measures of nationalism, passing in panturkizm.

In present monograph the author aspired to estimate the basic stages of an all-around development of the republican Turkish state, first of all his actions in spheres both internal and foreign policy. At an estimation of foreign aspects whenever possible the due attention was given Turkey's relations with the USSR, and after his disintegration – with the Russian Federation. A core of these relations were and there is not so much economy, how many a politics and ideology. Besides such old vital for Russia of a theme of Straits the author aspired to draw attention of the readers to other problem, especially important in 90th years – Turkey and Northern Caucasus, Turkey and the Russian turkis, Turkey and the Russian moslems.

In an economic history of republic the most important on a sight of the author stages were what reformed a national economy for creation of extreme conditions of catching up development. Etatism reforms of 30th years have allowed the state to create the first large industrial enterprises. T. Ozal's reforms of 80th years, already in a channel of present catching up development of the country, have undermined still recently vital and, it seemed already firm bases of the state domination in economy, have opened it to all world. The privatization spent nowadays liquidated already much state monopolies in industry, an infrastructure and credit-bank sphere, promoted the further successes of private business in internal both foreign trade and construction. At the same time the private initiative yet did not become replacement of the state in the heavy industry, an social infrastructure, the defensive industry, development of technology.

To the beginning XXI century, Turkey has turned to one of the largest regional industrial-agrarian powers of Eurasia managed at the same time to increase the population with 14 up to 70 million of the person, and her GDP per capita last years changes around of 3 thousand dollars. Turkey all carries out a role of the economic, trading and transport bridge between Europe and Asia more successfully. Turkey for a long time applies for the post in EU and an obstacle to this are lacks not so much in modernization of economy, how many in democratization of attitudes between the state and a society.

The structure of the monograph is displayed in the following chapters. Introduction. I. XIX century – time of Ottoman europeization II. The beginning of XX century – the end of Empire. III. A difficult way to Republic. IV. Formation of Kemalizm regime V. Kemalizm authority and its reforms. VI. Turkey and Second World War. VII. “Cold War” began. VIII. 60–70 years – the Country between military regimes. IX. T. Ozal's «White Revolution» and the end of Cold War. The conclusion.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ВРЕМЯ ОСМАНСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ	23
Первые шаги на пути европеизации	23
Восточный вопрос	25
Первый танзимат	36
Внешние условия танзимата	40
Второй танзимат	48
Итоги османской реформации и Восточный вопрос к началу XX века	62
ГЛАВА II. НАЧАЛО XX ВЕКА – КОНЕЦ ИМПЕРИИ, СМЕНА ИДЕОЛОГИИ	76
Абдулгамид II и младотурки	76
Формирование младотурецкой идеологии	85
Экономика в начале века	90
Турция в Первой мировой войне	97
ГЛАВА III. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РЕСПУБЛИКЕ	113
Последние дни империи	113
Начало сопротивления оккупантам – начало кемализма	119
Анкара – главный штаб новой власти	132
Победа завоёвана	144
ГЛАВА IV. СТАНОВЛЕНИЕ КЕМАЛИСТСКОГО РЕЖИМА	157
Светское государство, светская власть	157
Тюркизм – государственная идеология	169
Первые меры по поддержке частного сектора	178
Турция и внешний мир после Лозанны	187
ГЛАВА V. КЕМАЛИСТСКАЯ ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ	198
Мировой экономический кризис и Турция	198
Сотрудничество Турции с СССР	208
Национализм и авторитарная власть	215
Вопросы внешней политики	224
Турция без Ататюрка	230
ГЛАВА VI. ТУРЦИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	235
Внешняя политика нового руководства страны	235

Турция и Великая Отечественная война СССР с фашистской Германией	241
Национализм и мировая война.....	254
Завершающий этап мировой войны	260
ГЛАВА VII. «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» НАЧАЛАСЬ.....	270
Поиск модели сотрудничества с западным миром	270
Послевоенная внутренняя политика. Переход к многопартийности	281
Демократическая партия у власти	288
Финал власти ДП – военный переворот 1960 г.....	302
ГЛАВА VIII. СТРАНА МЕЖДУ ВОЕННЫМИ РЕЖИМАМИ – 1960–1970-е годы	308
Последствия военного переворота 1960 г.....	308
Правительственные коалиции и политическая борьба	318
Радикализация политической жизни.....	324
Турция готова развивать отношения с СССР.....	333
ГЛАВА IX. «БЕЛАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ОЗАЛА. ТУРЦИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА.....	338
От этатизма к рынку. Реформы Тургутта Озала.....	338
Турция и завершение холодной войны	350
Исламизм и светская власть.....	359
Основные проблемы внутренней и внешней политики страны к началу XXI века	366
Турция – экономический партнёр и политический соперник России в Евразии.....	376
Проблемы политического и идеологического соперничества двух стран	383
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
Источники и примечания.....	391
Историческая хронология	549
Краткая библиография.....	566
Указатель имён собственных	579
Указатель географических названий.....	591
Summary	603

Научное и учебное издание

Киреев Николай Григорьевич
История Турции – XX век

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской Академии Наук

Редактор *Г.В. Миронова*
Оригинал-макет, компьютерная верстка
Г.В. Галкина, А.А. Миронов
Корректор *Л.В. Хохлова*
Эмблема серии - *А.Е. Жуков*

Сдано в набор 15.09.06. Подписано к печати 15.12.06.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 38. Уч.-изд. л. 38. Тираж 1000 экз. Зак. № 1062.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю.В. Чудодеев*

ООО Издательство «Крафт+»
129343, Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел.: 186-93-78, 363-68-73, 518-97-98
E-mail: kraft@podlipki.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

альбомы, иллюстрированные издания,

словари, энциклопедии,

учебно-познавательную литературу,

прозу и поэзию

издательств:

Республика, Аграф, Вече, ИТРК,

Тропа троянова, Голос, Русская правда,

Радуга и многих других

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14, «Кraft+»

тел. 186-93-78, 363-68-73

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru,

www.podlipki.ru/~kraft